

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск 18

НЕ ЧИСЛОМ, А УМЕНЬЕМ!

*Военная система
А.В. Суворова*

МОСКВА

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РУССКИЙ ПУТЬ

2001

Введение

Жизнь тех прославим полезну,
Кто суть отчизны щитом.

Г.Р. Державин

В военной истории России нет личности более яркой, чем Александр Васильевич Суворов (13/24 ноября 1730 — 6/18 мая 1800). Поражают уже его официальные титулы: Суворов — Рымникский, князь Итальянский, граф Российской и Римской империй, генералиссимус российских сухопутных и морских сил, генерал-фельдмаршал австрийских и сардинских войск, Сардинского королевства гранд и принц королевской крови. Он был кавалером орденов: российских — св. Апостола Андрея Первозванного, св. Георгия трех степеней, св. Владимира I степени, св. Александра Невского, св. Анны I степени, св. Иоанна Иерусалимского большого креста; австрийского — Марии Терезии I класса; прусских — Черного орла, Красного орла и «За военные заслуги»; сардинских — св. Анунциаты и св. Маврикия и Лазаря; Королевства обеих Сицилий — св. Януария; баварских — св. Губерта и Золотого льва; французских — Кармельской Богородицы и св. Лазаря; польских — Белого орла и св. Станислава. Он имел множество других знаков отличия и почетных наград.

Должное талантам и подвигам этого простого «полевого генерала», как любил называть себя Суворов, еще при его жизни отдавали Екатерина II, Г. Потемкин, П. Румянцев. В 1799 году австрийский император доверил в борьбе с французами командование своими войсками в Италии (для спасения Европы) именно Суворову. В Англии того времени в честь подвигов полководца после исполнения песни «Правь Британия», ставшей впоследствии национальным гимном, самим королем не раз провозглашался тост «За здоровье фельдмаршала Суворова». «Служить в армии бессмертного Суворова» желал сардинский король. Нельсон восхищенно писал Суворову: «Я знаю, что мои заслуги не могут равняться Вашим... Мы непременно друг другу родня».

За подвиги в Итальянском и Швейцарском походах и Павел I не мог не пожаловать Суворову достоинство князя Российской империи, присвоить ему звание генералиссимуса. В рескрипте по этому случаю отмечалось: «Побеждая всюду и во всю жизнь нашу врагов Отечества, недоставало Вам одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но Вы и над нею

одержали ныне верх... Награждая Вас по мере признательности Моей и ставя на высший степень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков». Не менее впечатляют оценки выдающихся ученых, писателей, поэтов: «Величайший из соотечественников наших Воин-Любомудр», «Меч России», «Российской Армии Победоносец», «Пушкин военной культуры», «Перун небесный», «Богатырь духа», «Генерал генералов», «Солдат-полководец», «Первый полководец России и всей Европы».

Богатейшие свойства души, вера в Бога, деятельная любовь к Отечеству (и человечеству), глубокое знание и успешное применение истинных правил военного искусства (чрезвычайно полезных и спасительных для России), самоотверженная преданность военному делу, усердная, ревностная и неутомимая служба позволяют рассматривать Суворова как идеальный тип русского военного человека, символ побед и непобедимости. Отдав свою жизнь благу и славе Отечества, трудам на военном поприще, он полноправно завещал: «Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим; до издыхания быть верным Государю и Отечеству; убежать роскоши, праздности, и искать славы через истину и добродетель, которые суть моим символом...»

«Молись Богу! От него победа. Бог нас водит, Он нам генерал»... «В мире готовься к войне, а в войне — к миру»... «Победа — враг войны»... «Ничего, кроме наступательного»... «Воюют не числом, а умением»... «Глазомер, быстрота и натиск»... «Быстрота и внезапность заменяют число. Натиски и удары решают битву»... «Не меньше оружия поражать противника человеколюбием»... «Субординация, обучение, дисциплина, порядок воинский, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!»... Эти и другие бессмертные положения суворовской «Науки побеждать» не раз находили подтверждение в многочисленных войнах, которые вынуждена была вести Россия.

За прошедшие столетия имя Суворова стало символом непобедимости Российской армии. Из суворовской школы вышли М. Кутузов, П. Багратион, М. Милорадович, А. Ермолов, М. Скобелев, И. Гурко и другие генералы-герои войн XIX века. В ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 годов эту же школу успешно «окончили» десятки советских военачальников, награжденных орденами Суворова, и прежде всего Г. Жуков — выдающийся полководец эпохи массовых армий и мировых войн XX века.

К сожалению, не только победами отмечен исторический путь России. Именно неудачи и военные поражения XIX и XX веков заставляют с большей предметностью обратить внимание на суворовскую военную школу, ее духовно-нравственные ос-

нования и боевые принципы. Приверженность им провозглашалась всегда, но часто слова не подкреплялись делами.

Сегодня вооруженная борьба в основном имеет лик «мятежевойны» (локальных конфликтов). Несмотря на тотальную автоматизацию оружия и вооружений, применение в них электронных технологий, победа по-прежнему чаще добывается в ходе реального боевого соприкосновения, в «кровавых» боях. Как и во времена Суворова, она зависит от решительности, неутомимости, подготовленности и результативности действий войск. Бесценный опыт и поучения великого полководца, умудренного опытом подобных кампаний, не могут не быть востребованными. Ведь в недавних действиях Российской армии против бандитов и террористов на Северном Кавказе успех приходил тогда, когда проявлялись суворовские боевые традиции, применялась бессмертная «Наука побеждать».

Россия в своем военном развитии должна идти «суворовским путем», то есть согласно принципов, заповедей, правил, на века завещанных непревзойденным полководцем. Забвение норм его победительного национального военного искусства, более чем столетние подражательные «нерусские преобразования» военной системы (со времен Павла I), покорная привычка к затяжным оборонительным войнам, к стратегии «измора» (якобы единственно доступным для нас), не раз оборачивались для Отечества морями неоправданной крови, военными поражениями, государственными катастрофами, крушением духа армии и народа.

В армии необходим культ Суворова! Но не памятники и портреты, не альбомы и юбилеи суть его содержание. С училищной скамьи постоянное, вдумчивое и глубокое изучение наследия русского военного гения, постижение и применение на практике положений его бессмертного учения, следование во всем армейском укладе, в учебных буднях и боевых делах суворовскому духу — вот истинный смысл этого почитания. Без этого невозможно обеспечить безопасность Отечества.

Сегодня, когда наши Вооруженные Силы значительно сокращаются, а задачи государственной обороны усложняются, заветы Петра Великого и Суворова: «Более разум и искусство побеждают, нежели множество», «Не числом, а умением», — становятся особенно актуальными. В условиях современной военной реформы, призванной преодолеть системный кризис военной организации России, вновь требуется пример Суворова. Автор более 60 блистательных побед имел все основания сказать: «Я — лучше прусского покойного великого короля. Я, милостию Божию, батальи не проигрывал». Кому же, как не Суворову

ву «диктовать правила военного искусства»! Пора, наконец, созидать русскую военную доктрину по первоисточнику, а не идти к ней через военные системы Наполеона и Мольтке (родственные по духу, но бледные копии суворовской «Науки побеждать») и изучение Клаузевица.

Офицеры — защитники Отечества по долгу и чести — обязаны усвоить не только практическое искусство побеждать. По завету Суворова им следует постоянно заниматься и «наукой из чтений». Они должны «изоощрять свой взгляд военный», изучать военную историю, дела и мысли великих полководцев, знать мировую и особенно русскую военную классику, самообразовываться, ибо войны сегодня все более ведутся не столько силой, сколько разумом и искусством. Без напряженной умственной работы не было и не будет настоящего офицера. Невежеству, «немогузнайству», которые всегда высмеивал великий Суворов, в Российской армии места быть не должно.

Наступает время системных преобразований, и требуются соответствующие герои, способные дать обществу ориентиры верного развития, вдохновить его на практические дела. Образ Суворова-Победоносца — посланца великой нации XVIII века — с его уникальной военной системой, приверженностью к «отечественности» и моральным ценностям, к работе на благо России, преданного военному делу идеально подходит к данной ситуации.

Уже при жизни Александра Васильевича Суворова самые проницательные современники смогли узреть в его делах и мыслях «Науку побеждать» — на многие века вперед. Впоследствии лучшие военные умы России указали на суворовское наследие как на первоисточник русской национальной военной доктрины. Творчество Суворова по праву считается наиболее ярким и глубоким выражением самобытной силы русского военного искусства.

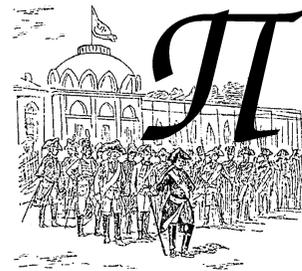
Оригинальные материалы, публикуемые в данном выпуске, предоставляют возможность по достоинству оценить жизненность военной системы Суворова, ее основополагающее значение для развития Вооруженных Сил Российской Федерации, образования и воспитания военных кадров.

Составители

ИСКУССТВО УСПЕШНО ВОЕВАТЬ

А.В. Суворов
ПОЛКОВОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ*

Лонеже праздность корень всему злу, особливо военному человеку, напротив того, постоянное трудолюбие ведет каждого к знанию его должности в ее совершенстве, ничто же так не приводит в исправность солдата, как его искусство в экзерциции, в чем ему для побеждения неприятеля необходимая нужда. Для того надлежит ему оной обучену быть в тонкость, и вначале господам обер-офицерам должно оную весьма знать и уметь показать, дабы, убегая праздности, подчиненных своих в надлежащее время и часы, чтобы ее не забывали, в ней свидетельствовать и без изнурения подробно обучать могли, так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило.

* * *

Чтобы оные [рекруты из новоопределенных] имели на себе смелый и военный вид. Головы вниз не опускали, стояли станом прямо и всегда грудь вон, брюхо в себя, колени вытягивали и носки розно, а каблуки сомкнуты в прямоугольник держали, глядели бодро и осанисто, говорили со всякою особою и с вышним и нижним начальником смело, и когда он о чем спросит, чтобы громко отзывался, прямо голову держал, глядел в глаза, станом не шевелился, ногами не переступал, коленей не сгибал, и отучать весьма от подлого виду и речей крестьянских, и тако обучать, как стоять во фронте.

* Отдельные положения.

* * *

Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано свято. Того ради никакой подчиненный пред своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оный опорочивать после в каком бы месте то ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять. Иное есть представление, которое всюду в пристойное время, какого бы чину кто ни был, пред своим начальником к лучшему и кратко чинить похвально, однако и то чинить с великим рассмотрением, дабы не имело виду какого непослушания. От послушания родится попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский распорядок.

Ротной командир, яко глава роты, за всякое в ней неустройство, самовольство и ослабление ответствен за полковому командиру один.

Без его дозволения, кроме узаконенного, никто в роте ничего не предпринимает.

К своим подчиненным имеет истинную любовь, печется об их успокоении и удовольствии, содержит их в строгом воинском послушании и научает их во всем, что до их должности принадлежащем.

Знает имянно всех в своей роте нижних чинов, дабы о каждом пред своим командиром ответствовать мог и, будучи сведущ о способностях каждого, исправнейшего от других отличает. Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко-то: склонен к пьянству или иному злему обращению, неприличному честному солдату, то старается оного увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние.

* * *

Учрежденные при полку молитвы суть: 1) «Господи Иисусе Христе Боже Спаситель мой», 2) «Символ веры», «Верую во единого Бога», 3) «Отче наш», 4) «Богородице Дево, радуйся». Оные всем нижним чинам твердо знать и ежедневно поутру и ввечеру по оным Господу Богу молиться, читая их каждый вслух и наизусть.

В лагере, також и в квартирах, где случится, ротному командиру в артелях наблюдать добрый порядок и крайне надзирать, чтоб рядовым в провианте, когда по неумеренному или порочному употреблению оного не случилось недостатка, хлеба го-

раздо бы выпекали, сколько им их содержание дозволит, всякий день ели теплое варение; ежели что в медном котле варено, то варить столько, чтоб на один завтрак стать могло, дабы не отмеденело, а на ужин варить свежее, а когда выедят, того ж часу котел чисто песком вычистить; каша бы доварена и не сыра была; сие весьма служит для соблюдения здоровья. Староста артельный должен быть честной и благочестивой человек, довольно признанной таким от ротного командира и от всей артели содержан быть в почтении.

Нижним чинам вино и прочее пить не запрещается, однако не на кабаке, где выключая, что ссоры и драки бывают, и военный человек случается во оные быть примешан; по крайней мере через сообщение тамо с подлыми людьми он подлым поступкам, речам и ухватке навыкнуть может и потеряет его от них отменность. Чего ради, вшедши в кабак и купя пива или вина, идти немедленно из него вон и выпить оное с артелью или одному в лагере ж или в квартире, однако и таким образом входить в кабак с дозволения своего начальника, а на кабаке пьют профосы.

* * *

Старшему сержанту быть о правлении роты весьма знающу, в поступках благонравну, в исправлении своей должности, повелений полковых и его ротного командира неутомленну и от оного содержану быть в отличности против прочих нижних начальников. <...>

Вообще за всеми в роте нижними чинами наблюдает в целом соблюдении и чищении всех их вещей, самих себя в приборе и чистом убранстве, в знании незабвенном всех частей экзерциции, в содержании себя в бодрости, смелости, неленостной службе и непорочных поступках. Дает им самим собою пример и за оплошное в том смотрение за рядовыми взыскивает на капралах.

Приказы, наряды и прочие исполнения по получении их весьма поспешно чинит и исправляет.

* * *

Правление капральства уподобляется правлению роты, так как сие последнее правление — полковому. Через сие очевидно капралу, какому достойному человеку и сколько ему в знании военного дела искусну, в поступках же его во образец своим подчиненным благочестиву, трезву, постоянну, честолюбиву, порядочну, трудолюбиву и хозяйственну быть надлежит. Посему можно ли в сие звание определять людей по прихотям и не имеющих сих дарований, а дабы те достойные люди по их

охоте к повелению для незабвения состояния его всегда им довольствовались, то по произведении кого из них в унтер-офицерской чин не отнимать у него капральства, но оставить при нем командиром, или по изволению ротного командира поручить ему в команду оное капральство. <...>

В лагере, когда капрал от старшего сержанта получит свое капральство рекрут и поместит в которую он прикажет артель, то определяет к каждому в учителя одного старого рядового, который с ним для экзерцирования ходит к старшему сержанту, а по отпущении его ученика от экзерциции приказывает ему, надзирая по случаю, сам его обучить одно за другим показывать и затверживать в следующем: 1) развертыванию и чищению ружья, чтоб от ствола, замка, штыка и оправы был блеск, чернить ложку, винты и шурупы отвертывать, завертывать и смазывать, ввертывать добрый кремень, как привязывать ремень и вообще как разобрать и опять собрать ружье; 2) рассказывать ему, в чем чистота состоит, и обучать, как обуваться, одеваться, подвязывать крепко галстук, как содержать в бережении и чистить, и починивать кафтан, камзол и штаны, плащ как складывать, свертывать, связывать и как приноравливать к нему ремни, как связывать, чистить и выправлять шляпу, нашивать на нее обшивку и накладывать бант, а гранодеру как чистить и выправлять колпак, как чистить, смазывать и починивать обувь; 3) содержать в бережении амуницию, и как чистить пуговицы, эфес с крючком и наконечником у тесака, на шапке гранодеру герб и медные обручи, герб на суме, пряжки: галстушную, портупейную, раструбные, гранодеру фитильную трубку, чтоб от всей меди был блеск, натирать воском и лощить зубком крышку на суме и чистить тесачной клинок; 4) как мыть, чистить, белить и натирать зубком лоск у перевязи портупей и плащных ремней, как оные и пристяжные ремешки на суме и большом плащевом ремне пришивать, застегивать и надевать, и как застегивать и содержать кафтанный погон; 5) как волосы чесать, завивать в бумажки, делать букли, тонко напрыскивать водою и пудриться, завивать косы, лентошную и волосяную тройную, и зашпиливать бант; 6) чтоб чисто умели мыть рубашку, манишки, штибель-манжеты, обшивку на красном галстуке, шляпную обшивку и бант, содержать кисточки в исправности; 7) обучать учрежденным при полку молитвам, и на первый случай «Отче наш» и «Богородице Дево, радуйся». При этом в сем обучении говорить с рекрутом громко и смело, тоже и самому ему тихо говорить не позволять и поступать с ним весьма ласково и неторопливо.

* * *

Как поступать обер-офицеру, сержанту, капралу и ефрейтору, начальствующему при отлучной от полку и роте команде?

Имея полковое учреждение при себе в принадлежащем до военного послушания и распорядка, убранства и чистоты, с своими подчиненными поступает порядочно, строго непременно и без упущения. На меди и железе блеск, на ремнях и сумной крышке лоск, мундирные вещи вычищены и вычищены, обувь вычищена и вычищена, и смазана, шурупы у ружья с бережением от ржавы смазаны, шляпа не помята, белье белое и чистое, в деревне и за городом в тройной волосяной косе, по три исправных бумажки на висках, в праздник напудрены, в лентошной косе с бантом и красном галстуке, в знатном городе, когда сойти с квартиры, всегда в лентошной косе, бело напудрен, погон на кафтане, шляпа и кафтан выправлены, шляпа без обшивки и кистей, с белым чистым бантом, и всегда порядочно прибран, обут и одет.

В походе чрез столичной или иной знатной город весьма в приборе и чистоте против 1-го пункта сего отделения, и по всем улицам в рядах и шеренгах; сам команду ведет, офицер может ехать верхом, токмо не в коляске, и с лошади сойти, когда знатный военный начальник навстречу попадет.

В походе и по прибытии в повеленное место подчиненных своих ни в какую слабость по их должности, в порочные поступки и невоздержания впасть не допускает и жалоб опасается, в обиды не дает с благорассудностью; и крайне печется, чтоб им ни в чем не было недостатка. По состоянию его отлучки имеет команде о жалованьи и провианте аттестаты от полку.

Команду свою, как бы мала и[ли] велика ни была, собирает поблизости своей квартиры поутру два раза в неделю и по числу ее делает оной свидетельство против 12-го пункта 2 главы. Первой раз в среду — первое краткое свидетельство поодиночке, с прибавлением гусяного шагу. Другой раз — в субботу. Первое свидетельство сполна; обучает команду против сокращенного строевого устава примерною пальбою на месте, отступною и наступною, построению и движению колонн; разгибанию из них фронта с пальбой и батальным огнем, на походе порядком и в дождливую погоду и морозы обучает шагом, хождению, строению колонн и фронтов в епанчах и в морозы в рукавицах, а приемам всегда без рукавиц в избе и крытом строении; свидетельствует в учрежденных при полку молитвах и тем окончит полное экзерцирование. Потом читает: 1-е,

одну главу из полкового учреждения, от 4 главы 3 часть; 2-е, из описания полкового строю одну из трех глав: части I главу 8-ю, части II главу 13-ю, части III главу 7-ю; 3-е, список ротным вышним и нижним начальникам; буде для опубликования по указам и ордерам, и у кого есть военных артикулов одну или две главы; коли в среду или субботу случится большой праздник, то день назад, коли сряду два праздника, то два дня назад. Когда самому в те дни к порученному делу необходимо куда от команды отлучиться следует, приказывает то же исполнять старшему по себе. Ежели команде нечего делать, то во избежание праздности, как крайнего зла, может по своему изволению краткое свидетельство сделать в неделю два раза, чрез день, два дни сряду; 4-е, отдых и полное экзерцирование всегда в конце недели один раз, прочие хотя часто, однако на другую неделю без зачету; на экзерцирование — везде в бумажках.

В воскресенье и большие праздничные дни отводит команду в церковь к обедне и приводит обратно в полном церковном параде против 15 пункта 2 главы. Також когда похочет и ко всеобщей. В Великой пост всякий из команды говеет неделю.

С квартиры отлучиться без спросу не дозволять. Отпуск чинить не по одиночке, [а] по два или три вместе, один из них за ефрейтера, осмотря хорошо ли прибраны, как где надлежит.

По прибытии от экзерцирования, буде никуда не послан и не отпущен, всякой волен раздеться, как кто хочет.

Мимо лагеря, генералитетского или иного какого знатного офицера двора и караула, всегда маршировать и идти порядочно в рядах и шеренгах: в походе ли то или по прибытии в назначенное команде место.

Исправность, бодрость, смелость и поворотливость всем за всеми при всяких случаях наблюдать и с подлыми людьми в сообщении не входить.

* * *

Посему все члены части и корпус ротный, будучи во всегдашнем упражнении экзерциции, праздность и леность навсегда убежать привыкнут. Суетно бы то было, ежели ротному командиру роту свою только к лагерю на экзерцирование готовить, но чрез сие не токмо готова всякой час на смотр, кто бы ни спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякий при всяком случае будет бодр, смел, мужествен и на себя надежен.

Наконец, всякий служащий в полку в военном чине рассудить может: только благоустроенное согласие всех частей полка содержит его твердость непоколебиму, и неослабное наблюдение нужных военных правил, яко душа оное матерое тело

просвещает. В противном же случае каждый ясно может понять, что малейшее от них отпадение и в сохранении их незаботливость приключает забвение и учиняет в должности несведующим, оттого в исправлении оный робким и от подчиненных внутренно, кроме как по принуждению, о должности непочтенным. Так, хотя некоторые части в сию распутность впадут, но оттого во всех частях последует расстройство, твердость полку разрушится и будет оный как грубое тело без души, отчего в службе при таком полку в военном звании толь почтенном можно ли вкушать истинную сладость. Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство. Чего ради не должно ли пеших единожды в нем искусное знание не токмо содержать в незабвенной памяти, но к тому ежедневными опытами нечто присовокуплять?*

* Полное оглавление «Полкового учреждения»: **Глава I. О караулах.** 1. О построении караулов на месте; 2. Как быть караулам в маршировании; 3. О смене караулов; 4. Как поступать старшему на карауле. **Глава II. О экзерцировании.** Первые девять пунктов для рекрута; 10-й пункт для снятия шляпы; 11-й касается до прибывших из отлучки; 12-й о свидетельстве в экзерциции; 13-й и 14-й до того ж принадлежат и 10-й и 11-й; 15-й о церковном параде. **Глава III. О убранстве и чистоте.** 1. Как по сему поступать; 2. Что к сему потребно, и в конце что из мундира когда носить. **Глава IV. О воинском послушании, распорядке и должностях.** 1. О должности ротного командира; 2. О прочих в роте субалтерн-офицерах; 3. О должности старшего сержанта; 4. О должности младшего сержанта; 5. О должности капрала и командиров в капральствах; 6. О правящем должности каптенармусе; 7. О подпрапорщике; 8. О правящем должность фурыере; 9. Как поступать старшему в отсутственной команде. **Глава V. О лагере.** 1. О утренней заре; 2. Что после пробудки исполнять; 3. О сборе; 4. О должности дежурного при ротах субалтерн-офицера; 5. О должности полкового дежурного; 6. О выводе рот для полкового или ротного ученья; 7. О приказе и пароле, и что исполнять, когда кто из генералитета в лагерь придет; 8. О вечерней заре; 9. О рунде и дозоре. **Глава VI. О непеременимых квартирах.** 1. Что в них вообще наблюдать должно; 2. О караулах; 3. О экзерцировании частей, капральств и роты.

ВАХТ-ПАРАД

Ученье разводное или перед разводом

От одного главное влияние на обучение.

1. *Исправься! Бей сбор! Ученье будет!** Приемы и повороты по команде, по флигельману, по барабану.

2. *Пальба будет! Заряжай ружье!* Плутонгами, полудивизионами, дивизионами. При зарядании приклада на землю отнюдь не ставить. Отскакивает шомпол? Пуля не крепко прибита.

Наблюдать косою ряд; приклад крепко упереть в сгиб правого плеча; ствол бросать на левую ладонь; пуля бьет в полчеловека.

Примерно можно и с порохом.

Ружья чистить между часов.

Выстрелять между одного и двух патронов.

3. *Наступными плутонгами начинай!* Отбою нет; сигнал барабана поход, выстреля от одного до двух патронов.

4. *Атакуй первую неприятельскую линию! В штыки! Ура!* Разводные командиры: *коли, коли!* Рядовые: *ура!* Громогласно. Краткий отбой.

Неприятельская кавалерия скачет на выручку к своей пехоте. *Атакуй!* Здесь держать штык в брюхо человеку (случится что попадет штык в морду, в шею, особливо в грудь лошади). Краткий отбой.

Атакуй вторую неприятельскую линию или резервы неприятельские, *атакуй!* Отбой; сим кончится.

5. Третья — сквозная атака. Линия равняется вмиг. *Вперед!* Не смеет никто пятиться ни четверти шага назад.

6. *Ступай! Повзводно, полудивизионами или дивизионами!* На походе плутонги вздваиваются в полудивизионы или

сии ломают на плутонги. Солдатский шаг аршин; в захождении полтора шага. Начинает барабан, бьет свои три колена; его сменяет музыка, играет полный поход паки барабан; и так сменяются между собою. Бить и играть скорее: от того скорее шаг. Интервалы или промежутки между взводов весьма соблюдать, дабы, пришед на прежнее место, при команде *стой* все взводы вдруг стояли и заходили в линию.

7. *Вторая (или первая) половина линии по рядам налево (или направо); ступай на атаку!* У сей барабан — фельдмарш. Заходить против части, на месте стоящей, из картечна выстрела вон. *Ступай!* Поход в барабаны. На 80 саженьях от противничья фронта бежит вперед от 10 до 15 шагов через картечную черту полевой большой артиллерии; на 60 саженьях тож, через картечную черту полковой артиллерии, и на 60 шагах верной черты пуль.

Ступай, ступай! В штыки! Ура! — Противная линия встречает пальбою на сей последней дистанции, а на 30 шагах ударит сама в штыки. С обеих сторон сквозная атака!

8. Ровно сему другая линия: *атака!*

9. Обе части делают колонны, по числу людей в разводе в одну или две колонны.

Атака будет колоннами! Ступай! Барабан бьет поход (марш), на 60 шагах одни от других. *Ступай! Ступай! Атакуй в штыки! Ура!* Мушкет в правой руке наперевес; колонны между собою насквозь быстро примерно колют.

10. *Колонны, строй каре! Стрелки стреляй в ранжире! Плутонгами зачинай!* Здесь кареи на месте. Стрелки бьют наездников и набегающих неприятелей, а особливо чиновников; плутонги палят в их толпы. Пальба должна быть кратка; ибо тут дело больше картечь. Потом бросаются колоть. *Ступай! Ступай! Атакуй! В штыки! Ура!* Что воображается сквозною карейною атакою. *Стрелки вперед! Докалывай! Достреливай! Бери в полон! На оставших басурман между кареев!* Барабан краткий сбор. *Стрелки в свои места! Кареи, строй колонны!* Исполнение тож, как выше о колоннах.

11. *Колонны, строй кареи! Кареи марш! Ступай! Ступай! Атакуй! В штыки! Ура!* Здесь без пальбы, атака прежняя.

Кареи, строй линейный фронт! А заходящей части, по рассмотрению, вместо линии в колонну, или по четыре. Команда оной: *по рядам* или *по четыре* направо или налево! *Ступай на прежнее место! Строй фронт!* Барабан — фельдмарш.

Примечание. Сии основательные маневры, марши и эволюции равны в батальонных, полковых и корпусных экзерцициях.

* Здесь и далее курсивом отмечены командные и ключевые слова. — Сост.

12. Начальник может требовать *батального огня*? — Исправный приклад правит пальбою. Здесь она расстраивается по неминуемой торопливости; но во взводной пальбе оный виден. Одиначка пальбы в баталии выйдет сама собою: для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтоб его убить.

13. *Залп*? В разводе, коли с пальбою, для очищения ружей. В ином строю, только для исправности приклада; против неприятеля не годится! Оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают.

14. *Наступных плутонов*? Оные только для движения, но против неприятеля сия ломаная линия не годится, ибо он ее, особливо кавалерию, и малою, изрубить может.

15. *Отступных плутонов*? Лучше об оных и не помышлять: влияние их солдату весьма опасно, а потому и ни о каких *ретирадах* в пехоте и кавалерии не мыслить!..

СЛОВЕСНОЕ ПОУЧЕНИЕ СОЛДАТАМ О ЗНАНИИ, ДЛЯ НИХ НЕОБХОДИМОМ

После сего разводного учения, когда оное будет учинено, по приходе развода в главную квартиру, куда оный приходит до рассвета, а на рассвете выходит уже на площадь, штаб-офицер того полку, чей развод, командует: *под курок* и начинается в присутствии всего генералитета, штаб- и обер-офицеров говорить к солдатам их наречием наизусть следующее.

Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты! Солдат стоит стрелкой! Четвертого вижу, пятого не вижу.

Военный шаг аршин, в захождении полтора аршина. Береги интервалы! Солдат во фронте на шагу строится по локтю; шеренга от шеренги три шага, в марше два; барабаны не мешай!

Береги пулю на три дня, а иногда и на целую кампанию, когда негде взять. Стреляй редко, да метко; штыком коли крепко; пуля обмишулится, а штык не обмишулится; пуля — дура, а штык молодец! Коли один раз! Бросай басурмана со штыка! — мертв на штыке, царапает саблею шею.

Сабля на шею! Отскокни шаг, ударь опять! Коли другого, коли третьего! Богатырь заколет полдюжины, а я видал и больше. Береги пулю в дуле; трое наскочат — первого заколи, второго застрели, третьему штыком карачун!

В атаке не задерживай! Для пальбы стреляй сильно в мишень! На человека пуль двадцать купи свинцу, из экономии немного стоит. Мы стреляем целью! У нас пропадает тридцатая пуля, а в полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда?

Фитиль на картечь! Бросься на картечь — летит сверх головы! Пушки твои, люди твои! Вали на месте! Гони, коли! Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать! Они такие же люди.

Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший Дом! Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

Обывателя не обижай! Он нас поит и кормит. Солдат — не разбойник. Святая добычь! Возьми лагерь! — все ваше. Возьми крепость! — все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах. Без приказа отнюдь не ходи на добычь!

В баталии полевой три атаки: в крыло, которое слабее; крепкое крыло закрыто лесом: это не мудрено! Солдат пробежится и болотом. Тяжело через реку, без мосту не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь. Атака *в середину* не выгодна, разве конница хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака *в тыл* очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело.

Баталия в поле: линиею против регулярных, кареями против басурман, колонн нет. А может случится и против турков, что пятисотному карею надлежит будет прорвать 5-ти и 7-ми тысячную толпу с помощью фланговых кареев. На тот случай бросится он в колонну; но в том до сего нужды не бывало. Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки; они воюют на немцев и иных колоннами! Если бы нам случилось против них, то надобно нам их бить колоннами ж!

Баталия на окопы — на основании полевой! Ров не глубокий, вал не высок! Бросься — в ров, скачи через вал, ударь в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни, отрезывать! Тут подручнее коннице. В Праге (предместье Варшавы. — *Сост.*) отрезала пехота, да тут были тройные и большие окопы и целая крепость, для того атаквали колоннами.

Штурм. Ломи через засеки, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги! Прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы! Стрелки, очищай колонны, стреляй по головам! Колонны, лети через стены на вал, скальвай! На валу вытягивай линию! Караул к пороховым погребам, отворяй ворота коннице! Неприятель бежит в город, его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо: недосуг за этим ходить! Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах! Конница, руби! В дома не ходи, бей на площадях; штурмуй, где неприятель засел! Занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикеты к воротам, погребам, магазейнам! Неприятель сдался — пощада! Стена занята — на добычь!

ТРИ ВОИНСКИЕ ИСКУССТВА

Первое — *глазомер*: как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить. Второе — *быстрота*!

Поход: полевой артиллерии от полу- до версты впереди, чтобы спускам и подъемам не мешала. Колонна сближится, — она опять выиграет свое место. Под гору сошед, на равнине — на рысях. Марш по рядам или по четыре для тесной дороги или улицы, для узкого мосту, для водяных или болотных мест по тропинкам; и только когда атаковать неприятеля, взводами, чтоб хвост сократить.

Не останавливайся, гуляй, играй, пой песни. Бей барабан, музыка греми! Десяток отломал — первый взвод, снимай ветры, ложись! За ним второй взвод. И так взвод за взводом; первые задних не жди! Линия в колонне на марше растянется: коли по четыре, то в полтора, а по рядам — вдвое. Стояла на шагу — идет на двух; стояла на одной версте — растянется на две; стояла на двух — растянется на четыре! То досталось бы первым взводам ждать последних полчаса по-пустому.

На первом десятке отдыху час. Первый взвод вспрыгнул, надел ветры, бежит вперед десять, пятнадцать шагов; а на марше, прошед узкое место на гору, или под гору — от пятнадцати до пятидесяти шагов. И так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдыхали.

Второй десяток — отбой! Отдыху — час и больше. Коли третий переход мал, то оба пополам, и тут отдых три четверти часа, или полчаса, или и четверть часа, чтоб ребятам поспеть скорее к кашам! Это — для пехоты!

Конница своим походом вперед! С коней долой! Отдыхает мало и свыше десятка, чтоб дать коням в лагере выстояться! Кашеварные повозки вперед и с палаточными ящиками! Братцы пришли, к каше поспели! Артельный староста: к кашам! На завтраке отдых четыре часа. То ж самое к ночлегу отдых шесть часов и до осьми, какова дорога. А сближаясь к неприятелю, котлы с припасами сноровлены к палаточным ящикам, дрова запасены на оных.

По сей быстроте и люди не устали. Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалика, то в двух и трехстах, и больше: вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй с чем Бог послал! Конница начинай! Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай! Ура! Чудеса творят Братцы!

Третье — *натиск*. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет. В пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да

русского штыка не знает! Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем! Недосуг вытягивать линии — подвиг из закрытого, из тесного места. Коли, пехота, — в штыки! Конница тут и есть. Ущелья на версту нет, картечи через голову — пушки твои! Обыкновенно конница врубается прежде, пехота за ней бежит — только везде строй! Конница должна действовать всюду, как пехота, исключая зыби; там кони на подводах! Казаки везде пролезут. В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займется, пехота не отстает. В двух шеренгах сила, в трех — полторы силы: передняя рвет, вторая валит, третья довершает.

Бойся богадельни! Немецкие лекарства издалика, тухлые, всплошь бессильны и вредны. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки, муравушки. Солдат дорог! Береги здоровье! Чисти желудок, коли засорился. Голод — лучшее лекарство! Кто не бережет людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору — палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок, есть хочется — на закате солнышка немного пустой кашки с хлебом, а крепкому желудку — буквица в теплой воде или корень коневого щавеля. Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского: «В горячке ничего не ешь, хоть до двенадцати дней, а пей солдатский квас: то и лекарство! А в лихорадке не пей, не ешь: штраф! — за что себя не берег!»

Богадельни: первый день мягкая постель, второй день французская похлебка, третий день ее, братец, домовище к себе и тащит! Один умирает, десятеро товарищей хлебают его смертный дух. В лагере больные, слабые, хворые в шалашах, не в деревнях: воздух чище. Хоть без лазарету и без больных вовсе быть нельзя: тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть — купить сверх того и на прочие выгоды без прихотей.

Все это не важно: мы умеем себя беречь! Где умирает от ста один человек, а у нас и от пятисот в месяц меньше умрет. Здоровому — питье, еда; больному же — воздух, питье, еда. Богатыри! Неприятель от вас дрожит! Да есть неприятель больше и богадельни: проклятая немогузнайка! Намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливая, бестолковка. Хличка, чтоб бестолково и выговаривать: край прикак, а фок, вайрках, рок, ад и проч., и проч. Стыдно сказать! От немогузнайки много, много беды!!

Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал!

За немогузнайку офицеру — арест. А штаб-офицеру от старшего штаб-офицера — арест квартирный.

Ученье — свет, а неученье — тьма! Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохой владеть — хлеб не родится! За ученого трех неученых дают. Нам мало трех: давай нам шесть, давай нам десять на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем! Последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто; он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли! Вот, братцы, воинское обучение! Господа Офицеры, какой восторг!

Примечание. По окончании сего разговора Фельдмаршал сам командует: к паролю! С обеих крыл, часовые, вперед! Ступай! На караул!

По отдаче Генералитету или иным пароля, лозунга и сигнала следует похвала или в чем хула вахт-параду. Потом громкогласно:

Субординация (Послушание), Экзерциция (Обучение), Дисциплина (Ордер воинский), Чистота, Здоровье, Опрятность, Бодрость, Смелость, Храбрость, Победа! Слава, слава, слава!*

* «Вахт-парад», «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», «Три воинские искусства» традиционно определяются как «Наука побеждать» А.В. Суворова — основы военного искусства, тактические принципы, правила обучения и службы войск, максимально приближенные к боевым условиям. Само название — «Наука побеждать» — принадлежит отставному майору М.И. Антоновскому, которому удалось в 1806 году (после поражения при Аустерлице — прямого следствия забвения суворовского учения) напечатать ключевые приказы и инструкции, а также шесть писем Суворова под общим названием «Наука побеждать. Творение препрославившегося в свете всегдашними победами генералиссимуса российских армий, князя Итальяского, графа Суворова-Рымникского с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства». — *Сост.*

А.В. Суворов

НАСТАВЛЕНИЯ, ПРИКАЗЫ, ИНСТРУКЦИИ, РАПОРТЫ, ПИСЬМА

Приказ командирам отрядов о принятии мер предосторожности 7 февраля 1770 г.

Господам деташементным командирам, как и прочим господам офицерам, быть в партиях и на их постах в надлежащей воинской осторожности, ибо по должности моей я, как за храбрые совокупленные воинским искусством дела похвалить и вышнему генералитету рекомендовать не премину, так и за неосторожность, от коих бывает неудачливой конец, впредь взывать буду, но не закрывать ниже за них ответственность.

Господин генерал-поручик фон Веймарн мне прописывает, чтоб малых партиев не посылать, о чем и я напоминаю.

Приказ на все посты о причинах поражения С. Веденяпина и о мерах предосторожности 15 июня 1770 г.

1. Господин капитан Голешев с малою, но храброю его командою, особливо Воронежских драгун, побил возмутителей несказанно себя сильнее. С другой стороны, поручик Веденяпин с большою командою, по его безумию, оплошности и неосторожности, от тех же самых разбит. Господином Каром с малыми партиями далее не ходить от посту суточного марша, разве самой безопасности, то есть и не свыше двух суток, но и само по себе не иначе, как о крайней безопасности отправляют, да могут под жестоким ответом. 2. Оным партиям в летнее время особливо миновать местечки, а останавливаться для отдохновения в иных открывающихся деревнях, но в великой воинской осторожности и в лесах по-партизанскому. 3. Сделавши удар, на том месте ни минуты не останавливаться, а идти на свой пост назад и лучше другой дорогой. 4. Иметь наиточнейшее разведывание,

нежели паче чаяния услышано будет, что противная партия сильнее поведенного, пройти просто назад, а на пост наипоспешнейше дать знать. 5. И то служит примечанию, что когда казаки чрез какое селение едут, то отпускать надлежит пики и сверх того, каковым образом на них двое едут не весьма скоро вперед, обыкновенною улицею насквозь селение и на выезде занимают форпост, чтоб не было мятежникам вестовщиков, коих ловят. 6. Веденяпин с драгунами, вышедши расстроения на опушку, опешил; но глупее еще, что отстреливаться начал скорострельно, особливо из своей пушки, место того, что доселе во всех detachmentных командах моей бригады едино только атаковали на палашах и штыках. Кроме что стреляют егеря и сею формою обороны, которою одно звание уже доказывает слабость, следственно, и наводит робость, допустил себя окружить, но на храброй прорыв с жестоким нападением не пошел. Чего ради, как от меня приказано, на которых постах гранодер нет, то иметь в мушкетерских карпоральствах в каждом за гранодер от 4 до 6 и при них — по ефрейтору, кои только рвут на штыках, опуся ружье, отнюдь без повеления не стреляют, ибо единыжды завсегда вообразить себе должно, что больше потребно времени зарядить, нежели выстрелить, но стрелять есть егерское дело два — два, просто же мушкетеры, почти как гранодеры, только что более служат всего резервом. Возможно ли считаться нашему войску с такими летучими людьми как татары, кои никогда места не держат, в погоне же всякому, кому случиться достреливать может, но и тут напрасно весьма пули не терять, лучше и тут холодное ружье, а кавалерии надлежит только смело врубаться не испорченным фронтом. Кроме фланкировкой могут стрелять из пистолет, но целно, токмо не шармуцировать, как и казакам, ибо мятежники сами до того охотники, а у драгун, что за конных егерей два — два стреляют из карабин и того ради оные имеют на крюку; казаки же лучшие люди для погони, разве оторвать какой-нибудь лоскуток, но для добычей с коней никому не слезать под шпицрутенным наказанием, как и пехоте отнюдь не останавливаться. 7. Предписываю не пополнять, понеже то служит и до больших партиев.

**Приказ о запрещении остановки войск
на панских дворах**
15 июня 1770 г.

Будучи в партиях, паче на шляхетских дворах не останавливаться, от того происходит партизанам наивеличайший вред, ниже о себе надлежит знать давать, паче о своей силе, но по обстоя-

тельствам. Оную слухом и видом и уменьшить, но разведывать, правда, можно, однако обыкновенно и без панских дворов обойтись можно, но разве только мимоездом, особливо на реченных панских дворах ни до какого лихоимства не касаться, ибо сие запрещено воинскими артикулами. Вообще от шляхтичей, так и от прочих, никаких приманок не принимать и зато в благосклонности, ни в самом слове и бунтовщикам похлебства не чинить, под взысканием на господах постовых командирах. Сие строгое напоминовение чиня, рекомендую трудолюбие, неутомленность и покорность всюду, ибо и Веденяпин не от чего иного сокрушение претерпел, как от его роскошных нравов.

**Приказ на все посты
с запрещением обижать местное население**
24 июня 1770 г.

Доходят до меня жалобы, что казаки новоприбывшие чинят обывателям обиды и грабежи, и для чего сим строго запрещается, чтоб отнюдь никто обывателям обид не чинил, что им на всех постах постовым командирам подтвердить. Ежели впредь услышаны будут какие жалобы, то винные жестоко будут штрафованы шпицрутеном. А будучи в сражении, с лошадей для грабежа отнюдь не слезать.

**Приказ об обучении солдат
и о тактике действий против конфедератов**
Июнь 1770 г.

Господам штаб-офицерам, комендантам на постах и прочим офицерам в праздное время обучать на постах их команды и detachmentы в тонкость, сколько основанием разных эскерципов, столько паче большим конным и пехотным и несколько линией и частей маневрам, эволюции и атакам с жестоким и поспешным нападением, толкуя и приучая к ним по различию их состоящим. В различии положения мест равных, низких и высоких, перерезанных, лесистых, болотных доходит до истинного преимущества как в силе удара холодным оружием коннице и пехоте, особо и совокупно, так и по положениям мест каждого звания реченного войска, полагая за единственное правило, что хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев при внушениях и затверждениях каждому должности его.

Сии обучении производят паче по военному обращению здешних мятежей, в ком по многократным опытам явно есть, что возмутители, кроме стычек и шармицелей, в чем они довольно сами искусно не выдерживают, чего ради по их легким разбегам и пушечная стрельба мало действия имеет, тем меньше ружейная, кои только от егерей, действующих самими цело, производима быть может. Мало до того из мушкетера дойти может, но лучше и тем бы, как и гранодерам, елико возможно и постижно ломать возмутителей штыками; кавалерии же стрельбы вовсе не годится, а несравненно лучше палаши и копье, разве паче чаяния случилось бы достреливать в погоне, но и при сем лучше холодное оружие, ибо иным нечаянно можно расстреляться и для нового заряжения таковым по себе время кратко и драгоценно, чего ради пехоту, хотя скорому заряданию весьма приучать, тако ж и поспешнее плутоножной пальбе, но весьма оной в памяти затверживать, что сие чинится для одной проворности исправного прикладу. Но в деле, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить, в лучших стрелять, что называется в утку, и пули напрасно не терять, паче егерям, коим должность только в том и состоит. Что же говорится по неискусству подлого и большею частью робкого духа, пуля виноватого найдет, то сие могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарскому сражались куча против кучи и задние не имели места целить, дулы вверх пускали беглой огонь. Рассудить можно, что какой неприятель бы то ни был, усмотри хотя самый по виду жесткий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется — из робкого становится смелым и в мгновении ока в опасность ввергает. Пушки же в деле действуют сами по себе, и хотя артиллеристов скорому заряданию и пальбе примером весьма приучать, но паче того знанию батарейного места, которое состоит в привычном сведении равнины, разве мало полевового возвышения, расстояние натверживать в память артиллеристам непрестанно, чтоб в истинном действии стреляли редко, но весьма цельно, знали бы качество их орудий и заряду напрасно не стреляли. Знаемому по роду сражений с возмутителями, пушечная пальба долго продолжаться не может, ибо когда они с самого начала вдруг сим ударом сломлены бывают, то хотя пехота в погоню по обстоятельствам следовать должна, но по их скорому бегству остается тогда почти только их докончать одной кавалерии, следственно, артиллерия остается назади при пехоте или резерве. Когда же возмутители сами артиллерию имеют, то главнокомандующим в атаках надлежит

пехотою или кавалериею оную от них немедленно отнять и избавиться от ее вреда, отчего, как доказано при всех случаях, она в робость впадает и предается несказанному бегству. Их пехота когда бывает и малолюдна и ничего не стоит, кавалерия, какая бы то ни была, ее должна изрубить или пригнать полною в резерв. Что называется их драгуны или карабинеры, то только по платью и вооружению, в прочем один сброд, ибо сбродных ими и королевских драгун уже у них почти нет, как радзивицких и иных, подобных кавалерии нашей. Их надлежит немедленно фронтом ломать и сильно рубить, а казакам, ежели случится, то с тылу и крыльев их колоть или разбирать в полон и отдавать в резерв. Затвердить нашей кавалерии весьма, что гусары их еще слабее иных, ибо сброд их еще своеволит и пьянее прочих, мало что есть у них и венгров, только в них дезертиров австрийских почти нет и принимать не смеют, а отчасти то беглые венгерские крестьяне, кои знакомо, что к одежде гусарской привыкли, ибо и крестьянская их таковая ж. Что же собственно и до венгерского народа, то разве по наружности, впрочем чрезвычайно оный никогда еще не прославлялся; в товариществе их есть наездники, как и в гусарах, как что называется охотниками, но им отнюдь в шармицирование с мятежниками не вступать и как людей, так и время напрасно не терять, но делать скорый и сильный удар, то тех наездников могут стрелять егери, и без того они всегда жертвой палаши и пик бывают.

Письмо ротмистру И. Вагнеру об обучении войск

25 февраля 1771 г.

Сколько мне то удивительно, что Ваше благородие, будучи пред сим только в обстоятельствах, так и в сете бунтовников, но и мною самим просвещенным, зная что и обе святотатственные партии Меончинского и Пулавского едва свыше 1500 людей имеют, могли толиким числом одного Рачевского, а я думаю остатка от картежников [то есть] трасенберцев, подарить. Не хвалю я г. Козлянинова, что он смолоду уже раздувать мятежников начинает. Господин Фок еще Рубешовец, следственно он генеральные, как и в околичностях Пулав, обстоятельства пока худо разумеет. Мою канцелярию в Люблине велел я ведать г. Васильеву, оттуда о сведениях основательные документы, а паче сколько без меня забыто, требовать извольте. «Сикурс» есть слово ненадежной слабости, а «резерв» — склонности к мужественному нападению; «опасность» есть слово робкое и никогда, как и «сикурс», слово чужестранное, да на рус-

ском языке сверстание неких здешних злоумышленных бунтовников, никогда не употребляемое и от меня заказанное, а на то служит «осторожность». А кто в воинском искусстве мудр, то над сим «предосторожность», а не торопливость, свыше же резерва называется «усилие», то есть что и без сего начальник, войско по его размеру искусства и храбрости сильным быть себя почитает. Сикурс, опасность и прочие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть, чтоб ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим для подлой обороны, которая по конце худая ли, добрая, рассказчиками тако же храброй называется. Иное есть дело отбивать и по Дитмарнову, Панкратьеву, и они шутили! Лучше вам было околодок ваш, рассеивая сколько можно вдаль, ободрить победами раховских и крашниковских происшествиев, поражений в корчмах и сараях Саву казака и прогнанием от Панкратьева грабителя бесчестного Пулавского, даже до его святотатственного места, где истинное на него наказание от Матери Божией последовать может, нежели замучить моих карабинер, готовящихся на иные важнейшие предприятия. Как не стыдно и на некоторое мое отсутствие голову потерять! Неужли-то вы начинаете пить кофей и играть в тавлей. Китаев окончит дело с пленными до Бялы, прикажите весьма очуждившуюся Пулавскую пехоту экзерцировать на ноге моего известного Суздальского учреждения; драгун же паче эволюциям и маневрам, пехотою по кавалерийскому, да и на конях; тож не забывайте и ваших кирасир. Черторицам в Пулаве не верьте, горсть бунтовников ажно их забирает в Межерице, однако же, как посему бунтовников подлыми не почитайте, но никакого злодея уничтожать не должно, а оружие низложивши, оказывать всякое благоволение. Мужайте и успокойтесь.

**Рапорт И.И. Веймарну
о лишении конфедератов источников их доходов
22 июня 1771 г.**

С Величковского поста господин премьер-майор Ушаков от 20-го июня меня рапортует, что того 20-го числа, пополуночи в 3-м часу, возмутители, которых видно было до 300 человек конных и 100 пехотных егерей с двумя пушками, при которых были командиры: полковник Руммер и консилиар — возмутительский регент над солью Думбровской, покусились было сделать нападение. Однако оные в местечко допущены не были, а рассеялись около местечка эскадронами по горам, с которыми находящиеся при нем казаки делали частую перестрелку и не

менее трех часов, о чем, будучи в марше, капитан Киселев из деревни Станюнтук услышал частую перепалку со всею командою и с соляным обозом поспешал к Величкам. Однако уже возмутители может, узнав о приближающейся нашей более конницы, марш свой взяли к Тыңцу, за которыми преследовали состоящие при нем на посту казаки с подкреплением пехоты Суздальскою шестою ротою при поручике Кудеаеве, которой их прогнал более полумили.

Дабы отнять у возмутителей в Бохне приваду на соль, забрана она, всех до тысячи трехсот бочек, и перевезена в Величку и из оной — в Краков, уже до пятисот бочек, и запрещено оную в Бохне заготовлять, как и бочки; в Величке же работают, и також в Краков уже оттуда отправлено близ семисот бочек. По недостатку соляного грабежа все здешние возмутители не получали жалованья более месяца и терпят великую нужду, кроме обыкновенной субсистенции.

Я подлинно известие имею, что возмутители занятием Велички и отнятием у них Бохны с истинно отчаяния хотят все товары и вины, кои в Краков из Венгрии и Австрийской Шлезии отправляются на тракте, так долго задерживать, пока множество сей город заплатит двадцать тысяч червонных контрибуции чистыми деньгами. Однако краковские купцы, усердствуя чужих благ, тех товаров из-за границы вывозить не хотят, о чем писать буду в австрийскую камеру.

Я же, закрывая Краков, Величку и Бохню, и ежели помышляя о поражении мятежников, для лучшей субсистенции перешел в Станентки и в Неполонец, что на Висле, от Кракова в трех милях, ибо чем возмутительское число здесь больше, тем больше они будут чувствовать голод и жажду, которым они страдают по неполучению понедельно жалованья более месяца и весьма ропщут. Правда, время бы было их и фортечки сжать, однако сие гораздо лучше, ибо коли они здесь грабежных соляных денег не имеют, то не имеют денег во всей Польше и гиберными поголовными себя содержать не могут. А как его Сиятельству графу Браницкому непременно в здешние стороны прибыть надлежит, то с возмутителями здесь короткая разделка быть может. Но представить Вашему Высокопревосходительству за весьма нужное сим нахожу, чтобы замышленные общему благу ложными их пенями в том нималых препятствиев не чинили. В противных же таких случаях я по рангу моему впредь как Вашему Высокопревосходительству, так и высочайшего нашего двора полномочному и чрезвычайному в Польше послу Его Высокопревосходительству действительному тайному советнику и разных орденов кавалеру господину фон Салдерну изъясниться должен.

**Рапорт И.И. Веймарну
с соображениями о ведении борьбы с конфедератами
24 июня 1771 г.**

Буде же изволите приказать, чтоб до прибытия графа Браницкого в здешнюю сторону, где совершенно ему нужнее, нежели гоняться за Зарембою (чего я паче всего боялся, а особливо как он теперь задумает истреблять рассеянных великопольских маршалков, то подлинно будет гидра Лернейская) и чем далее сюда не будет, тем скорее у возмутителей будет не токмо прежнее, но и горше. То до прибытия его говорю я, не прикажете ли майору Рылееву занять Бохню, то есть из сущих здешней моей команды пехотными ротами: одною гранодерскою, одною мушкатерскою, к ним придать две пушки обыкновенных из Кракова, или одну, один эскадрон карабинер, а другой поставить в Величке к двум сущим тамо пехотным ротам, с двумя пушками и пятидесятью казаками и пятьдесят донских, или что затем всех на все остальных, что было в команде господина полковника Древица казаков. Майор Рылеев будет иметь довольно силы соблюсти Величку и Бохню, но еще и для Кракова хорош, однако с тем, чтоб уже никому его оттуда не выводить.

Я же бы с оставшею командою, одною ротою гранодер, егерями, пушками полковника Штакельберга, одним эскадроном карабинер и оставшими казаками, что собрал с Люблинской стороны, отправился к нему, ибо докладываю, что особливо когда все полки и войски не в состоянии будут, или лучше сказать не успеют воспрепятствовать возмутительским прорывам чрез Люблинскую сторону в Литву и Волынь, а мы будем только гоняться и истреблять, то сия Люблинская сторона, даже почти и Замостье, истинной обороны не имеют, а сих войск с прибавкою с постов и доброю головою довольно будет, чтоб бунтовников сбрасывать назад в их бикоки, но притом людям и коням будет легко.

О чем твердо доношу во уважение части последних моих к службе здесь долгов.

И буде майор Рылеев в Величке и Бохне останется непоколебимым, то к зиме отвечаю за всех возмутителей и уже тогда их можно истреблять небольшими detachmentами, но и частными командами и с постов. Токмо гордые оных, равняющиеся с нами, командиры не гнали бы под штрафом невероятия.

Заремба отводил меня отсюда, только Зарембе обманывать меня поздно, я то сказывал. Что делать, когда не слушают, лишь только стыд. Но не те суть тому причины, кои с первого виду нам воображаются, но иные, отпадающие от великодушия, все, конечно, о которых подлинно сказать стыдно.

Правда, будут возмутители шармицировать на Бохню, Величку, Краков, что в том нужды, пугаться не надобно, ничего не сделают. А, например, в Величке я приказал готового провианта всегда иметь на месяц и на полмесяца вперед готовить; между тем соль готовить, ежели, когда перевозить нельзя, пусть лежит сохранно до иного времени в жупах. Где гарнизоны? В жупах около Бохненской, можно вырыть ровик, а в Величке — один из первых замков. Глупы бунтовники, что вязались за Тинчик, Ланскорончик, тут-то им множество, гнездо и король! То-то есть корыстолюбие. Величские обыватели откупались, однако чуть они не заняли.

Первое искусство военачальника есть в том, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию. Нет соляных денег, из чего возмутители будут вербовать чужестранных? И гултьев нечем будет кормить; прибавлять французов? Но и генеральности в Венгрии нечего будет есть. Как бы начальники наших прочих и иных войск в операциях невежественны ни были.

Будучи в Люблине, как бы слаб я здоровьем ни был, не оставляю в необходимых случаях телом и духом вспомоществовать по ревностному моему долгу к службе до отъезду моего к главной армии, которой нижайше прошу Вашего Высочайшего превосходительства не откладывать, довольно претерпел! Смордовался, а для могущих быть взысканиев, подозрениев и ответствиев остаюсь непорочен.

Оставить Величку? И Бохню... Возмутителям по всей Польше надобно на жалованье в месяц немного больше пятнадцати тысяч червонцев, а теперь меньше: с одной Велички собрали они от нового году меньше, нежели в четыре месяца (кроме покраденных), больше шестидесяти тысяч червонцев; Бохня же против Велички — пятая часть; поголовных и гибберных во всех открытых им местах, они ста тысяч червонцев не нагрябят; ежели бы шляхтичи и вовсе не мешали, откуда на Диван и христианнейший кабинет? Откуда же им ружейные и амуничные вещи. Ненадобно ли им сокровище короля французского? А и ведомо, Его Величество уделит и сам нечто и из своей казны в пользу опровергаемой его с Портою коммерции, ежели увидит, что возмутители что-нибудь уже значат и он напрасно не расточит, но когда они неважны, то умножение для них убытков будет тщетно. Когда бунтовники бывали поскуднее, дороже, то есть вдвое с них в Венгрии обирали; когда деньгами развелись, то отпускали дешевле, как то чинят купцы в больших городах, где царствует изобилие!

**Из диспозиции для ночного нападения
на Туртукай в ночь с 9 на 10 мая
Май 1773 г.**

1. Атака будет ночью с храбростью и фуриею российских солдат. В расстройки, против правого неприятельского положения, где у них первый незнатный лагерь, потом, пробиваясь до пашинских палат, где у них лагерь поменьше, а наконец, и версты 3 оттуда далее до их лагеря побольше. Батарея их при первом за рытвиною, при пашинских палатах и уповательно, что та батарея посильней, непременно надлежит ее сорвать, следуя до третьего их лагеря.

2. Благопоспешнее ударить горою один каре выше, другой в полгоры, резерв по обычаю. Стрелки на 2 половины каждая на 2 отделения. Первая с правого карея, другая с левого карея, с правого в полгоры, вперед и берегом; с левого, сбоку и спереди, стрелки алармируют и тревожат. Карей обходят рытвину или проходят чрез нее, где способно.

3. Переправляющаяся конница примыкает к резерву, казаки тоже и могут выезжать на тревоженье и шармицированье или примыкают к ближнему карею.

4. Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою как и оба кареи.

5. Турецкие суда отрезывает и отбирает ближний каре или, буде ближе, то резерв и тотчас их спустить в устье Аргиса, против Кашперова.

6. Пушки турецкие отводятся в резерв, чтоб кареи в их быстроте ими задержаны не были. А тяжелые и неходкие остаются до времени, особливо ежели можно, срываются в воду. Заряды при пушках отвозятся також в резерв. Порох при пашинской квартире, ежели можно, отвозится к нашим судам и переправляется на сю сторону. Буде не можно, то срывается в воду, дабы после от него не было вреда.

7. Как скоро г. майор Кашперов услышит первый выстрел, то переправляет пеших казаков на остров при команде и тревожит весьма поспешно, и отводит.

8. Ежели г. полковник князь Мещерский за благо усмотрит переправить пеших карабинер на ту сторону для действия к Туртукаю, передаются на его волю. А когда турки между тем учинят на судах паче чаяния какую вылазку на сию сторону, то их рубить, колоть и отрезывать.

Сия есть генеральная диспозиция атаки. Прибавить к тому, что турецкие обыкновенные набеги отбивать по обыкновенному наступательно.

А подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости господ командующих.

1. Возвращение по сю сторону быть надлежит по окончании действия и разбития турок во всех местах.

2. Турецкую отбитую артиллерию сколько возможно стащить на суда, и к тому времени можно подвесьть наш паром, что у Кашперова будет в устье Аргиса. Впрочем топить.

3. Прежде переправляется конница, карабинеры и казаки, а пехота стоит на выгодном месте для прогона турецких набегов.

4. Между тем Туртукай весь сжечь и разрушить палаты так, чтобы более тут неприятелю пристанища не было.

5. Весьма щадить жен, детей и обывателей, хотя бы то и турки были, но не вооруженные. Мечети и духовной их чин для взаимного поощрения наших святых храмов.

Потом переправляется и пехота, и да поможет Бог!

**Приказ в резервный корпус,
выступивший из Польши, о расположении лагерем
и обучении солдат
1774 г.**

1.

1. По прибытии к Дунаю против устья Яломицы полкам расположиться лагерем довольно обширным, здоровым и способным. Конным стать особо в способном им месте, наблюдая в точности «Обряд» Его Сиятельства главнокомандующего.

2. Полковым лекарям и подлекарям наблюдать прежде здоровье над здоровыми, то есть качество воды и пищи, трезвость и непожирание сырых овощей; достаточное, но необременное отдохновение, к чему служит, чтоб в жаркое время голова всегда была накрыта, и как кто из солдатства спит в палатке, чтоб она была накрыта плащом. Должны оные ежедневно доносить о том ясно, с их примечаниями, господам полковым командирам, на которых одних наблюдение сего взыщется, ниже на ротном командире. Из сих полковых лекарей быть одному за штаб-лекаря, которому ежедневно о том командующего корпусом рапортовать с подробными объяснениями, а в какой его отлучке — старшего в лагере; також господам дежурным штаб-офицерам сего весьма надзирать.

Потом строго наблюдать рачительное пользование больным.

3. Корпусному гевальдигеру наблюдать строго чистоту внутри и около лагеря, под взысканием от корпусного командира на господах полковых командирах.

Об эскерцировании

Сколько то должно, столько для непадения войска в обленение, производить частые воинские обучения, сущие ныне во употреблении против варваров.

1. Господам полковым командирам в каждом полку весьма затвердить, с собственным каждому толкованием, фронтовые маневры, завороты, наступательные движения, фланговые обращения фронтов — тихие, потом поспешные и весьма поспешные в пехоте, потом обучать сему и с стрельбою, которая не должна исправляться множеством патронов, но цельным прикладом и скорым зарядом, чему последнему надлежит, паче трудолюбиво, примером, обучать одиночкою в ротных карпоральствах, с надзиранием над ротными командирами полковых штаб-офицеров, с похвалою от полкового командира отличного ротного командира, ибо в своей прилежности он один за полк отвечает. В коннице же доступить до быстрого карьера с сильными замахами, не разорванной линией, нимало, с преодолением препятств в кругостях, скате, жидкости и всякой неровности местоположения и, например, прорыва в движении коней: сквозь рощу со рвами, обозы и строения.

На сие трудолюбивой полковой командир, знающий при присяжном попечении о службе верный размер, времени долго не потратит, а окончит верною пальбою в мишени: пехота по обычаю, конница на конях.

2. Пехотные господа полковые командиры, приступя к формированию колонн плутоножных и полудивизионных, обучат колонны твердым и весьма поспешным движениям, маршам и обращениям во все стороны, иногда со отстрелкой наезжающих или набегающих варваров, наступательно, с воображением и с истолкованием одоления препятств многообразного различия местоположений, достигая вообразительно, каким образом наилучше перелезть быстро неприятельской ретраншамент и иное укрепление; под его картечною пальбою: головою ли колонны, с поспешною надвижкою хвоста и с поспешным, но не смутным, построением фронта уже в неприятельском ретраншаменте, или, ежели повелено будет, надвинувши близ ретраншаментного рва, прежде сей линейной фронт, под неприятельскою пальбою построить и оным быстро ретраншамент перелезть, воображая себе потом ту же цель конца, по построении в неприятельском ретраншаменте фронта, что долее чинить должно без всякой застенчивости, но с вольным присутствием духа. Например, был бы во лбу другой ретраншамент: атаковать и перелететь оный с такою же поспешностию, растверживая, ежели солдат которого

плутонга или полудивизиона отсыплется на пробег, офицер оно-го, от ближнего штаб-офицера будет тотчас арестован. Все сии атаки чинить с резервами, а резервы — целые роты; сии резервы и место занимают, и ходят сами атаковать вправо ли или влево. В таковых ретраншаентах бывают ворота; ежели оные между тем не одержаны, то назначенному в колонне отделению, перелезши ретраншамент, тотчас их атаковать и занять, дабы, как мост опущен будет, немедленно конница в ретраншамент для рубки неприятеля и дальней сего погони вошла.

Хотя бы и странно казалось, однако не худо пехотного солдата приучать несколько к ношению фашии для наполнения неприятельского рва или лестницы, для приставления к стене и влезания на оную. Попечительный господин полковой командир к оному легко приучить может, отделяя на то отчисленных работных и поделавши сих несколько в натуре, — показывать действия на практике офицерам и рядовым, и посему великая расторопность потребна. Також около какого города по завладении ретраншаментом часто случается, что, не ходя тотчас в дальнейшую атаку, должно пехоте за ретраншаментом врыться; нет такого полку, в котором бы знающего сему не было; господину полковому командиру того на сие в подобном случае не употреблять; для сего предварительно раздаваемы бывают лопатки и сие обучение примерно показывать можно.

Как конница колонною не атакует, то сей пункт служит оной только для примечания, дабы ее действия всегда с пехотными согласны были; конная ж колонна — только в марше.

В поле варвары побеждаются: страшными им пехотными кареями, исходящими из него картечами и мелкою пальбою; случается, правда, что они на штык набегают и оным поражаются, прорвавшись в него внутренним его резервом, которому должно быть всегда целыми ротами. Весьма беречься, чтоб когда кареи для сей причины не расстрелялись, как бы много патронов ни имели, а для того иметь лучше в каждом мушкатерском карпоральстве по шести выборных стрелков, каждому в своем ранжирном месте, и те должны стрелять на наездников: тако плутонги; разве в варварскую густую кучу, — стрелять неповинны и огонь свой для сего полезнейшего [т.е. для стрельбы по густой куче] соблюсти могут.

Каре действуют наступательно, как бы трудно местоположение ни было, хотя бы был почти и самый ретраншамент; а оборонительно, по нетвердости и неприсутствию духа начальствующего; разве где сам в ретраншаменте или отряжен будет для одержания какого места, не сходя потом с оно-го до

времени или по данной диспозиции, которому тако повелено будет; понеже начальник карея, вступя с неприятелем в дело, соблюдая главные правила и цель данной диспозиции в переменных, но для единых победы обстоятельствах, должен только быть вспомогаем своею твердостью, храбростью и расторопностью, то уже далее о повелении командующего корпусом докладываться должен и своим пронизательным оком благоумудро всюду учреждает и способляет.

Тако господам пехотным полковым командирам к сим кареям весьма полку приучать ко строению их: одно из линейного фронта, то есть с места, другое в движении из колонны, на расторопно должно быть сие построение и форсирование; потом снова оно во фронт или колонну. В каре передние шеренги никогда не на коленях. Солдат марширует вольным шагом сам о себе, движение каре суть всему его стеканию; передний фас — тот по обычаю, где ударят.

Поход по воображениям. Карей окружится варварскою конницею. Идти ему без остановки, гордым шагом до определенного места, отстреливать оную, как сказано в сем пункте, невзирая ни на какую трудность местоположения предлогу; о слове подкрепления тут нет, ибо сию уже победу смотрел корпусной командир. Окружится каре пехотой. Тож блистательно, — тут действие картеч, ворвавшихся паче чаяния внутрь, — переколет карейный резерв — и вкупе с пехотною конницею. И тут самое то же; а токмо карею, ежели наступление его не само ближнее, надлежит на походе выигрывать возвышения, но не излишние. И хотя бы сей варварской набег случился нечаянно, на лощине или скате, не представлять себе в том безопасностей: регулярством с присутствием духа имеет поверхность над сим бунтством нерегулярным.

Обыкновенно, в стоящих важности с варварами происшествиях, побеждаемы они бывают пехотою; не меньше того конница в пользе победы ей спомоществовать должна; сия польза в храброй погоне и паче, что всеконечно истребить холодным ружьем всю неприятельскую пехоту. Конный, слезающий с коня для ограбления убитого, подвергается опасности быть застрелен от своего офицера — столь сие важно, а офицер, сие не препятствующий в его взводе, тотчас должен быть арестован от ближнего штаб-офицера. А что конница имела ее собственные подкрепления, паче когда передовые эскадроны в рубке и поколонии по времени необходимости расстроиться могли, то конных полков господам полковым командирам обучать оные быстроте, карьеру с замахами, невзирая ни на какие трудности

местоположения, не только в одну линию, но и в две и в две с резервом; задним линиям, когда передняя поедет тише или остановится, — проскакивать сквозь интервалы, а передней отнюдь не проезжать назад, ибо нет ретирады.

Сие самое чинить разнообразно, заезжая линиями вправо и влево, отделяя среди карьера один, два эскадрона для рубки в которую сторону; аппель для построения играть впереди или боку, а отнюдь не в стене.

Фланговыми от эскадронов конница шармицировать приучаться может, только не свыше, с каждого крыла, как одного, в двух или трех рядов, а отнюдь не целыми или полужэскадронами, ибо тут тратятся лучшие люди и сие есть казачье дело и то не часто и не безнадежны.

Пока неприятельская пехота не вовсе истреблена будет, не должна есть конница гнаться за его конницею, но сие исправлять должны казаки, а об арнаутах здесь не упоминается.

После сего первого экзерцирования, на котором також трудолюбивой полковой командир излишнего времени не потратит, приступить к корпусным движениям и действиям на том же основании.

Первее особо пехота колоннами и кареями, конница особо: потом, второе, — целым корпусом.

Ордера баталии

Каждый пехотной полк в колонне с большими между ими интервалами для нападения на крепостной ретраншамент; полевая артиллерия с крыл средней колонны; впрочем, полевая артиллерия должна себе избирать полезнейшее место и закрытие, потребное от роты, за баталион. В голове колонн — рабочие, в хвосте — резервы каждой, между ими — стрелки; довольно тех, что по шести человек; нерегулярно при них с батальона по офицеру и по два унтер-офицера; рабочие имеют с собою ж все лопатки, а топоры четвертую долю по числу людей; рабочих четвертая часть, в резервах четвертая часть, в корпусе колонны две части или по восьмой части в рабочих резервах. Пушки полковые с крыл колонны стреляют на поверхность в людей и внутрь ретраншамента. Эскадроны въезжают в ретраншамент по одержании ворот или остаются в поле под закрытием, как будет повелено.

Кавалерия во второй линии на разные ж свои линии [в] отдаленности от выстрелов артиллерии неприятельской готова к полевому сражению с неприятелем, и ежели бы подлинно какое покушение в поле от варваров предусматриваемо быть могло, то придать ей один егерский или оба, или и гранодерский

батальон; егерские ж батальоны в сем ордере с крыл реченных колонн, а между каждого и колонны — довольны интервалы; токмо должны действовать в атаке по расторопности их командиров.

2.

Для нападения на неприятельской полевой ретраншамент:

1. Работных и резервов вышереченных нет, разве особливо будет повелено.

Когда ж пехотной полк формирует свои каре, с резервами внутри оных, в одной линии с большими интервалами, для проездов кавалерии, егерские батальоны с крыл линии при интервалах; полевая артиллерия разделяется по всем кареям; кавалерия во второй линии и резервы.

Казаки и арнауты в третьей линии. И так действовать.

2. С отменой, что средний каре впереди, то есть в авангарде; при нем: егерские батальоны, большая половина казаков, треть арнаут или, по усмотрению, и гранодерский батальон. Гранодерский батальон атакует впереди, за ним перелезет ретраншамент мушкатерский каре, егерские батальоны то ж чинят с их крылов, легкая конница отделяет себя в стороны и готова на погоню. Другие два карея близко авангарда и оный требуют один или оба. Прочая конница, против прежде сказанного, во второй линии.

Ежели варвары учинят вылазку из их ретраншамента, то бить их и поражать по-полевому.

На сей ордер в авангард определяются: господин полковник Штакельберг и при прочем полк, а командир над двумя кареями господин бригадир Заборовской; повелевает и над конницей только для ее быстроты в поражении и погоне, оставляя ей полную волю. Его превосходительство господин генерал-майор Потемкин будет при авангарде или в кордебаталии по усмотрению.

3. С тою переменою, что при авангарде легкой конницы не будет.

4. Чрезвычайно, чтоб случилось предопасности быть при нападении между двух огней и она бы прежде предусмотрена и опровержена быть могла, тогда авангардной пехоте всей, или части, быть и сражаться постоянно и мужественно в арьберггарде, пока неприятельской ретраншамент одержан будет. Сие иногда для разделения неприятельских сил по хитрости воинской и с нашей стороны допущено быть может.

3.

Полевое сражение сим только различается, что пехоте не перелезает ретраншамент, а ордера баталии все те же, с тем примечанием, когда буде варвары имеют больше пехоты, то ор-

дер с пехотным авангардом лучше, ибо двойное поражение последовать может; она не оставит, чтоб обыкновенного ее набега на авангард не учинить, и уже, обессиля, может тронуться, и корпуса баталии, или корпус баталии, сам на нее наступит, то по разбитии ее в вящей робости сущей легче не будет, в погоне коннице рубить и колоть.

4.

На полевом сражении, когда варвары не весьма сильны и много пехоты, или вовсе оной не имеют, по довольном сближении и допущении, чтоб сами приближались линии конниц, могут сами собою оную поражать, начиная от казаков и арнаут; но тут без нужды гусарам и пикинерам, чтоб напрасно коней не утратить, не выезжать, а оставаться при пехоте, а егда поразительнейший от конницы удар поистреблен, то хотя она и вся поскачется в полном карьере, имея казаков и арнаут перед собою, или ежели еще поважнее, то и сами линиями и эскадронами вперед, токмо и тогда оставлять при пехоте по одному эскадрону, треть арнаутов и до пятидесяти казаков.

Пехота между тем в ее ордере марширует на подкрепление до повеления или остановится, ежели только то одна несомненная погоня, или отправит на подкрепление авангард до недаленого места; два карея корпуса баталии, сомкнувшись, сочиняют натурально долгий каре и с шестишереножною колонною в середине. Когда бы сие по местоположению иному обстоятельству заблагодотребно рассудилось, то только и перемены, что за авангардом будет в ордере один долгий каре, внутри которого шестишереножная колонна. Перемен таковых множество обрести можно, чего ради здесь не описываются, понеже основание всем есть одинаковое.

**Приказ войскам Кубанского корпуса
об улучшении материально-бытового
и санитарного состояния войск, об их боевой подготовке
и способах действий в бою**

16 мая 1778 г.

1.

В принадлежащем до дежурств исполнять на основании пунктов главы осьмой прибавления к строевому уставу.

2.

Полковым, батальонным и их команд лекарям и подлекарям иметь ежевременное попечение о соблюдении паче здоровья здоровых всегдашними обзорами в касающемся до них содер-

жания каждого вообще, до их пищи и питья. Последнему принадлежит, где не лучшая вода, таковая отварная и отстоянная, а слабым сухарная или с уксусом; к пище ж выпеченной хлеб, исправные сухари, теплое варево и крепко полуженные котлы.

Застоянную олуделую пищу отнюдь не употреблять, но надлежаще варить, а по употреблении вымывать и вытирать котлы сухо. Обuvi и мундирам быть не весьма тесным, дабы и в обуви постилка употребляться могла.

Наблюдать весьма чистоту в белье, неленостным вымыванием оногo. Строго остерегаться вредного изнурения, но тем паче к трудолюбию приучать, убегая крайне праздностей, в противном случае господин лекарь или подлекарь представляет тотчас господину эскадронному или ротному командиру. В случае неудовлетворения от сего, доносит о том полковому, батальонному или того отделения начальнику; далее ж относится уведомлением о том, хотя письменно, господину командующему тою частью, а потом и тою ж бригадою. В крайности ж имеет право о сем не порядке немедленно сообщать старшему при корпусе господину лекарю для донесения корпусному генералу, но таковые приключения никогда не ожидаемы.

Случайно больных и слабых в лазаретах при войсках строгим наблюдением обыкновенных порядков в лечении и содержании неутомленно приводить в прежнее состояние их здоровья. В каком и малом случае в предвидимом умножении оных, господин бригадный командир имеет долг, при самоличном в том месте обозрении, исследовавши причину зла, неослабно взыскать на начальнике, ибо иначе ответствен он одною своею особою начальнику корпуса.

Довольно надзиратели в лазаретах при слабых и больных должны быть люди честные, попечительные, трудолюбивые и бескорыстные, и лекарем, или подлекарем, таковой усмотренной переменяется с доклада ближнего начальника на месте.

Ротным фельдшерам быть в их должностях исправнейшим и строго ко оным от лекарей и подлекарей приобученным. Благоустройство исправных артелей в карпоральствах под разумными и попечительными артельными старостами наистрожайше соблюдать с примечательным в том надсмотрением высших начальников над нижними, как то следует, до взыскания от корпусного командира.

3.

Военное обучение должно служить упражнением вышним начальникам над их нижними. Надлежит сие правило строго наблюдать исправлением не достигшего тонкости оногo холод-

ным духом. Производить его во всякое способное время, по силе описания воинского строя 1763 года. Кавалеристов начинать экзерцировать конному пехотою, в заезжании, в сдваивании, формировании на маршах, потом и на конях большой атаке в полной карьер, на саблях с прочими для движений маневрами, а драгун над тем твердо и пехотному обучать.

Нужно наблюдение в эскадронах интервалов для врубki сквозь оные второй кавалерийской линии, а между тем первая при сильном опровержении противника вмиг строится по апелю. Казаков обучать сильному употреблению дротика по донскому его размеру в атаке, сшибке и погоне; пехоту — разным маршам, быстрым движениям разностройно, обращениям вперед и эволюциям, употреблению штыка и ружья скорому заряджению, жестокой атаке, а особливо полковым и батальонным кареями. Густейшие кареи в движениях тяжки; кареям размер крестных огней твердо соблюдать с присутствием духа, разной пальбе, не забывая весьма и приемов больших. Маневрам и эволюциям твердо обучать целыми частями войск по способностям. Во всякое время корпусной командир имеет право без возвещения в экзерцировании всюду посещать; по примерной пальбе разбивать доски пулями в мишенные меты по порядку, а по степенному в сих недостатку стрелять в земляной вал. Господа начальники, по хозяйству их, употребят на то излишний свинец, положенный с порохом, и прежде сроков доставлять себе могут, паче ротные стрелки в сем цельном огненном бою надлежат быть обучены наитвердо; нужен тут приклад взором по стволу, комель крепко в сгиб плеча. Мишенной стрельбе обучать: вначале одиночкою, шестаками, в шеренге, карпоральною ротною шеренгою, рядами, карпоральствами, ротами, батальонами. Конных посему для твердости в управлении лошадей и искусства редкого шармицирования, одиночкою в полном карьере.

4.

В каждом пехотном карпоральстве ротных четыре стрелка; сии бьют в их ранжирах, но могут и быть отряжены по рассмотрению военачальников. Сколько ж сие служит для соблюдения огня, известно тонкой практике военной. Вернейшее застреливание противных, а особливо старших и наездников, сии имеют волю стрелять, когда хотят, без приказа. Таковых стрелков имеют конные в карпоральствах шесть и для различия они, конные егери, и формируются в легкий эскадрон, по рассмотрению начальника; прочие рубят вперед. Отличность от драгун есть сих, что те должны по обстоятельствам быть на

основании пехотных. Впрочем, спешенный драгун в отверстом поле есть оборонительная жертва... начальника. Бьют они все противящегося вперед, быстро, по благоразумному его [начальника] предусмотрению.

Сии стрелки для отличности имеют за шляпами и киверами зелень, а в недостатке оной — солому или сено всегда.

Казаки — таковых в десятке два, это маяки; неприлично казаку стрелять, он бьет пикою, особливо в крестец.

5.

Отряженным в укреплениях пехотным рядовым иметь патронов сто, то не для частой стрельбы, ибо для того назначены стрелки, но для выдержания каких осадностей. Сие в свое время, но нечаянностью никакой военачальник, даже до карпорала, по преподанном каждому от вышнего его правилам, не должен быть удивлен. Сильные укрепления выдержат долговременную осаду, но как бы то быть может, всюду резервы в первых сутках или днях, бьют они противных в тыл; те, между двух огней стесненные, бегут стремглав, и конница их дорубает и колет живо; то на Дунае. С пленными поступать человеколюбиво, стыдиться варварства.

В укреплениях артиллерия бьет картечами, оные, по дирекции начальника ее, на месте.

6.

Полевым укреплениям иметь отверстую дирекцию на окружности по приличеству местоположения оных; рвам быть в ширину и глубину в один с половиною сажень, а по изволению инженера с начальником на месте, и превосходнее, поелику то грунт земли дозволит. Толстому валу — с обыкновенным банкетом, амбраурами, турами с песком или землею, тесно с промежутками для ружейной стрельбы, мешки тож; ворота укреплены траверсами, рогатками заграждены, рвы перед ними прорыты, на них подъемный или подвижный мост, внутри их перпендикулярный палисад, поелику дозволит материалы; перед ними шаг — три ряда волчьих ям, в глубину и в ширину диаметром один с половиною аршин; между ими пядень, в середине каждой острый небольшой кол, выходящий из земли поларшина. По слабости ж грунта, или каменистой жесткости оного, легкие рогатки в один и два ряда, на эспланаде перед рвом и валом, как и между ими от одной до одной с половиною сажени. За эспланадом в поле может быть другой ров, менее важное первого. По достатку лесу может быть эспланада с рогатками между рва и волчьих ям. Волчьи ямы прорыты в обреш и чрез них — сдвижной мост. Вместо рогаток употребля-

ются: герзы, опрокинутые деревья, краткие или длинные, с остро отрубленными сучьями; а терновник потому ненадежен, что по засохлости от жаров может быть зажжен.

Сверх того, поланки, в воле каждого коменданта, суть: рвы с малым валом для помещения обозов и скарба, подобны легким турецким ретраншаентам. При обыкновенном российском мужестве мудрый комендант низвергнет важностью его укрепления, противные предприятия регулярнейших войск, коль паче варварские рассевные набеги; погоня не нужна, не похвальна, как и вылазки, разве резервами, но и то для церемониала.

7.

Коммуникационные зажигательные маяки, в рассмотрении господ бригадных командиров и частных, особливо на обозных постах. По бережностям лучше их не иметь, нежели ими войски беспокоить. Было бы то вовсе оплошность, впредь по данным правилам подчиненным начальникам, частного командира, и неприлежность в соблюдении предвидений начальствующего бригадою.

8.

Но от обзорных постов и казачьих пикетов со связными караулами хотя нечаянности нет, дается знать чрез смычки их кордонов от места до места, наипоспешнейше в приключениях беспокойственных, во всякое время о случающемся приближении противных в три стороны к начальникам; частному, бригадному и корпусному, три раза. Чего ради на важнопримечательных постах иметь казаков по десяти.

1. Примерно извещать: противные в коликом числе, куда их обращение, тверды или робки.

2. Что за ними примерно следует и какое в том их есть намерение, как и прилепление к какому фельдшанцу.

9.

Казакам непременно быть навсегда дротиком вооруженным, яко наисильнейшим их оружием для поражения всякого противника, но и во всех случаях огнестрельное его ружье есть только для сигнала. Донским господам полковникам, их особами помещаться и быть помещенным там, где более в начальнике названного войска нужда, как и их старшинам, по распределению оных, коль паче на часах. Обыкновенно среди его передовых страж, а не всегда там, где временная застава кажется сильнее быть, но не постоянно, ибо обстоятельства счисление людей переменяют в беспокойствиях сих. Заставам состоять больше в западнях. Страшнее противнику вылазка тогда для его побоища и схватки, паче кажущееся вяще численным ее

умножением для притяжения противника, ежели он, паче чаяния, тогда множественен, на крепости и резервы постовым казакам заманивать его в полном шармицеле сколько можно длиннее, забавляя его тут иногда и стрельбою, как и дротичным наездом с криком, однако безопасно, а когда он будет гораздо по времени к укреплениям напертый, или разными войсками на месте сломлен, то уже тогда поражать его сильно пикою в крестец и живьем хватать.

10.

Корпусному командиру и между собою господам бригадным и прочим начальникам при сообщении известий, осведомлений описывать в них возможное предвидение и по последствиям настоящего в будущем приличную прозрачность для военными, с политическими краткими рассуждениями для предпобедения оных, как способнейшим к тому местным пребыванием, нежели тем, кому сообщает по обстоянию, иначе от того рождаются замешательства лишними предосторожностями, а и беспокойствию, иногда напрасные, подвижением, хотя и немногим войскам. Лучше для того объяснять всякое известие, воображение его назнача справедливым, сумнительным или ложным, невзирая на то, что дальнейшим проницанием кажущееся ложным превратится в истинное, а и справедливое — в ложное или сумнительное. Чего ради каждому, всего лучше начальствующему, преподавать свои мысли с рассуждениями смело, означая по случаю примерное число противников и их вооружений. Получающий их берет с того свои исправные меры.

В политических делах секретная при корпусе экспедиция имеет ее обыкновенное течение.

11.

По беспокойным обстоятельствам в движениях на месте бдит четвертая часть войска; в сумнительных обстоятельствах — половина; в сумнительнейших отдыхает только четвертая доля по очереди. Как бы малолюднен отряд когда ни был, но всегда в нем двум начальникам, старшему и младшему, быть надлежит.

12.

Порядки сражений в благоучреждении военачальников. Против регулярных войск — линейные, как в прошлой прусской войне, против иррегулярных, как в прошлой турецкой. Густые кареи были обременительны, гибче всех — полковой карей, но и батальонные способные; они для крестных огней бьют противника во все стороны насквозь, вперед мужественно, жестоко и быстро; непомещенная тяжелая артиллерия идет своею дорогою батарейно с ее закрытием; конница рубит и

колет разбитых и рассеянных в тыл или для лучшего поражения стесняет на кареи. Внедрившиеся в устье их скальваются тамо резервами, но и обыкновенно — из восьмой, шестой, а иногда четвертой доли, по обстоятельствам. Кареям между собой интервалы для крестных огней наивозможнейше соблюдать, но соблюдают их огонь, как артиллерийский, так мушкетный. На мушкет сто патронов; по мушкетному [огню] большая должность есть ротных стрелков. Пехотные огни открывают победу, штык скальвает буйно пролезших в кареи, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают. Кареи в непрестанном движении, доколе конница противных на бегу из виду их прогонит; но и тогда высший [начальник] по случаю уделяет карейной пехоте нечто вперед, резервами для конницы.

Обозы остаются под укреплениями вагенбургом при надлежащих закрытиях; легкие, по удобности, отправляются в сторону или назад напротив само-легко-вооруженных противных, иногда идут они просто среди карейных линий, их закрытия тех отстреливают.

Ордер сражений: батальон его кареем в первой линии, два батальона их кареями во второй; или також два батальона в первой, один батальон как резерв во второй; или два карея в первой, два во второй; или с прибавлением за второю линиею резервных кареев, один против двух; или сии резервные кареи в середине обеих линий по-шахматному. Где гранодерские батальоны, место их кареев на крыльях ордера или в середине, по усмотрению. Карей батальонный ли, или полковой, а не выше. Такие около Дуная в прошлой войне многолюдных стамбульцев жестоко били. Ни лес, ни вода, ни горы, ни буераки — стремление их когда удерживать могли?

Эскадронных, доколе в действие не вступят, обыкновенно внутри карейных линий, не закрывая отнюдь их интервалов для крестных огней; казаки тож их частями в рассевку.

Походный порядок против порядка боевого, дабы тотчас на походе драться, и ежели противники близки, то и кареями; впрочем, повзводно и по рядам с соблюдением интервалов. Обыкновенно кавалерия — внутри линий, пехота ж в голове и хвосте, казаки по их частям, пушки и легкие обозы сколько возможно с крыл, но взводы и ряды пехоты могли бы тотчас загнуться в кареи. Авангарду и арьергарду нет, а токмо нечто обзорных подъездных казаков с головы и хвоста; быть твердо надежду, впредь уведомляя их о противниках возможно точно по знанию, ибо обыкновенно, сближаясь к ним поспешными маршами, разъездами или чем иным еще предопаснейшим, то чинить для предприятия колебленно, поздно и предосудительно.

Сей ордер марша в близости варваров, но и в прочем с авангардом и арьергардом.

Бить стремительно вперед, маршируя без ночлегов. Ночное поражение противников доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства. Плодовитостью реляциев можно упражняться после.

Для сорвания варварских окопов сам собою сгущается карей; по их овладении разгибается легко с огнем на походе вперед. Шестишереножные колонны, формированные направо ряды вздой, в середину сомкнись, или просто взводы намыкай в колонну; хотя б она тогда была и гуще, по-прежнему строй фронт. Сия шестишереножная колонна, ежели одарена твердостью и мужеством, паче начальствующие ее частями, кругом фронт, опусти штык по-офицерскому, — непроницаема никакою кавалериею. Нет лошади, чтобы два раза три шеренги, в середине спина с спиной, прорвать могла еще при непрестанной притом стрельбе от стрелков, более в лошадиную грудь. Но вредны ей картечи в размер. Колонна та гибче всех построений, быстра в ее движении, ежели без остановки, то все пробивает. Пушек не ожидает никогда, их дирекция по другим местам.

В стояниях и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте. Домов, заборов и огородов отнюдь не ломать; везде есть разноименные дрова. Где случается фуражировать, чинить то при войсках, правилом, с крайним порядком. Есть ли тут благоразумие, где лишать себя самого впредь текущих последствий, довольной субсистенции и кровли? Наблюдать то и в неприязнейшей земле. <...> Не меньше оружия поражать противника человеколюбием.

Порядок камнаментов против боевого ж порядка. Но буде варвары в отдалении, то взирать и на выгоды войск, яко-то: кавалерии становиться больше в лощинах, на луговых местах. Вообще войскам тогда занимать обширнее место. Впрочем, всегда фланги расположения лагерного укреплять пехотою для закрытия кавалерии, но как в быстрых движениях, походы денно и ночью, и отдыхи по часам, то сим в излишественном утруждении войск от множайших предосторожностей свободиться возможно.

Известные качества начальствующего украшаются его благовременною диспозициею, преподанием нужных, кратких и ясных правил войску, на толикое пространство времени, поелику он до рубежа своего предвидения различных обстоятельств перемен достигнуть возможет ежевременно. Доколе сию важнейшую свою должность не совершит, спокойствия ему нет. А потом благонадежен он на войско, так как оное благонадежно на него. Уже тогда нимаю нечаянностью не может он быть обременен.

Инструкция гарнизону Кинбурна для боя на случай нападения турок 12 октября 1787 г.

1. Артиллеристам быть приученным к скорострельной пальбе, но в действии сие только служит для проворного заряжания; на неприятеля пальбу производить весьма целно, реже и не понапрасну, дабы зарядов всегда много оставалось; отнюдь не расстреляться и не привести себя в опасность. Всякому вышнему и нижнему начальнику иметь всегда при себе описание размера выстрелов разного рода орудиев и, не достигши до того размера, никогда не начинать.

Пехотное построение — движимый редут, т.е. кареями, линиею очень редко; глубокие колонны только для деплояда. Карей бьет неприятеля прежде из пушек; с ним сближая, начинают стрелки в капральствах, токмо по размеру пули по команде, которою взводные командиры громко подтверждают; стреляют фасы токмо в точной размер пули. Офицерам обучать прилежно солдат скорострельной пальбе; т.е. называемому батальному огню, и нужно то для скорого заряжания, но в действии он самим опасен больше неприятеля: множество пуль пропадает напрасно, и неприятель, получая мало ран, меньше от того пугается, нежели ободряется, чего ради пехоте стрелять реже, но весьма целно, каждому своего противника, невзирая, что когда они толпою. Хотя на сражение я определил 100 патронов каждому солдату, однако кто из них много расстреляет, тот достоин будет шпицрутенного наказания; но весьма больше вина, кто стреляет сзади вверх, и того взводному командиру тотчас заметить. Постыдно нам, что варвары стреляют целно и пуль своих напрасно не тратят. Анреп расстрелялся, погиб с батальоном против кого ж? Против расстроенных варваров! При всяком случае наимвреднее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают. Кавалерийское оружие — сабля. Стрелевые лошади во всякое время приучены б были к неприятельскому огню, к блеску оружия его и крику. При твердом и быстром карьере каждый кавалерист особо должен уметь сильно рубить.

2. Крепость, редуты по лиману и ретраншамент должны быть содержаны зимою в добром состоянии; малые починки в них тотчас исправлять, наносимый к ним снег ежевременно очищать, чего ради на всякое укрепление, полигон, внутренность и наружность содержать шанцовый инструмент. Землянки были бы здоровые. У кого в полку или роте будет больше прочих

больных, тот подвергнется штрафу. Рекрут особливо блюсти, исподволь их к службе приучать и сих молодых солдат, взирая на каждого особо, с старыми не равнять, доколе окрепятся.

В укреплениях предпочитать спокойство иному. Неприятельские набеги отвращать; они бывших запорожцов имеют конных около полтысячи. Ежели те или иные покусятся на лиманский берег или инде, форпостным казакам давать известие о примерном числе, и не глухими словами «много», «мало», но сколько можно точнее. Казакам их заманить больше внутрь и ударить, бить и брать в ясыри. Ежели могло бы быть покушение от них на какое укрепление, то одно напоминовение под строжайшим наказанием, чтоб нимало в нем не расстреляться. Пехоте из ближайших укреплений и казакам бить варваров жестоко в тыл, доколе так сокрушатся, как 1 октября. Из Херсона резервы далеки. Кинбурнская коса очищается рикошетными выстрелами, впрочем бдение начальника — лучшее спокойствие подчиненных. Прозорливость одного побеждает нечаянности. Субординация, или послушание — мать дисциплины, или военному искусству. Собственностью своею во всякое время жертвовать — правилом высочайшей службы. О надлежащем нижний представляет вышнему с должною благоприсойностью, особа на особу и не в собрании каком, иначе было бы то буйство, как и излишние рассуждения, подобные школьному юношеству, которыми не доказывается способность, но замыкается в одних мужественных действиях.

Казакам противную сторону зимою можно алармировать и схватывать языки, токмо понапрасну отнюдь не тревожить и не ввергать себя ни в малейшую вредность. Лед по берегам ежевременно полынить и не давать замерзать, оставляя в некоторых местах вороты под пушками.

**Письмо Н.А. Чиркову
о способах борьбы против турок
26 мая 1788 г.**

От г. Фишера придет к Вам гранодер с ножом и помощью для закидывания ножа за плечо к удобности в походе и атаке пальбою, что прошу Вас наискорее исправить. На сухом пути против басурман потребно непрерывное движение! Оборонительного нет, коль паче отступательного. Пулю беречь (хоть у меня здесь 100 патронов, но на 3 дни бою); исправный приклад в грудь, брюхо, всегда застрелит своего человека. Отнюдь не

расстреляться и позорно погибнуть на месте, как Анреп. Фланкерного разбегу не надобно, у меня здесь по 4 стрелка в карпоруальстве для их рассеенных. Пугательная пальба противника паче ободряет; крику нет, команд не слышать; но команды взводных начальников весьма громогласны; прибавьте команды: режь, коли, руби. Присланный от г. Фишера расскажет Вам иные разные примечания.

От храброго российского гранодера не только сии неверные варвары, но и никакое войско в свете устоять не может. Господь Бог Вам в помощь!

**Диспозиция к сражению при Рымнике
11 сентября 1789 г.**

Начинать малым лагерем, потом на большой. Ежели между тем большой будет ближе, то оним.

Сейчас выступить, мой корпус отдохнул, за Рымну.

По местоположению я беру правое крыло. Идти левою дорогой. Правую — непрерывные патрули. От вагенбурга занимать ими неверных при Тырго-Кукули до самой их атаки, как бы темна ночь ни была.

Марш за Рымну колоннами. Обоих союзных войск вся кавалерия впереди. Казаки и арнауты, гусары и карабинеры до переднего берега Рымны.

Ниже на том берегу строить положенный ордер баталии. Перемена его та, что мой корпус на правом крыле по местоположению.

Колонн выходит две; кавалерия — в голове пехоты, то есть обеих колонн.

Мне надлежит иметь столько же гусар и левенер, на место левенер столько же гусар.

На походе, встретясь с басурманами, их бить!

Построясь орденом баталии, вмиг перешед Рымну, идти храбро, атаковать при Тырго-Кукули или всех встречающихся варваров лагеря.

Один за другим до конца... Боже пособи!

Прежние сигналы: «Иосиф», «Екатерина».

Поспешность, терпение, строй, храбрость, сильная дальняя погоня.

За каждым артиллерийским ящиком иметь всегда по фашины, всюду заготовлять. Вагенбург в полном порядке, с приличным прикрытием, при Фокшанах.

Понтоны на Рымну и Бузео.

**Рапорт Г.А. Потемкину
о взятии крепости Измаил
с подробным изложением хода штурма
21 декабря 1790 г.**

Предварительно донес я Вашей Светлости, что крепость Измаильская, храбростью порученного мне войска, взята! Приступ был мужествен, неприятель многочислен, крепость к обороне способна, отпор был сильный, и отчаянная оборона обратилась на гибель и совершенное сокрушение неприятеля.

Здесь подношу Вашей Светлости о всех обстоятельствах сей знаменитой победы донесение, взяв с самого вступления начальства моего над войсками, от Вашей Светлости мне порученными.

В первый день сего месяца прибыл я к Измаилу и нашел войска, трем частным начальникам вверенные и в прежних местах, остров Четал заняты, батареи противу города в готовом состоянии и флотилию в близком от крепости расположении. Пребывание мое было на правом крыле начальства господина генерал-поручика и кавалера Потемкина.

Наутро приезду моего начаты были приуготовления к построению батарей на обеих крылах войск, на берегу Дуная; фашин потребное число делали, лестницы частью привезены из Галаца, частью на месте дополнены, и работа сия окончена 5-го числа.

В тот день войска расположены вокруг города лагерем, 6-го числа прибыл полк гранодерский Фанагорийский, сто пятьдесят мушкатер Апшеронского полку, несколько донских казаков и арнаутов.

Время благоприятствовало нашим приуготовлениям, погода была ясная и теплая.

До начатия действ нужно было отправить письмо Вашей Светлости к сераскеру измаильскому и требовать от него сдачи.

7-го числа оное отправлено с офицером и двумя трубачами и высланными из крепости чиновниками принято вежливо. В тот же день наряд был к сооружению на обоих крылах по две батареи на десять орудий каждую. С правой стороны во сто шестидесяти сажнях, с левой в двухстах, и первые две построены под пушечными выстрелами; все оные были деланы в присутствии господ генерал-поручиков и кавалеров Потемкина и Самойлова.

8-го числа навечер поручен от сераскера ответ, заключающий единое упрямство и гордость неприятеля, полагавшего твердую надежду на силы свои.

9-го числа утром отправлен был [офицер] на письмо сераскера словесно объявить, что пощады им не будет, и того ж утра созваны были господа генералитет на военный совет. Когда предложено было им намерение и обстоятельства и требовал от каждого из них мнения, все единогласно, видя невозможности по позднему годовому времени продолжать осаду и почитая постыдным победоносному ее императорского величества оружию отойти от крепости, положили быть приступу. День ко оному назначен, диспозиция была от меня дана, шесть колонн определены были с сухого пути и три колонны — с резервом со стороны Дуная для высадки.

Правое крыло в трех колоннах поручено господину генерал-поручику и кавалеру Потемкину, в первой из них под начальством генерал-майора и кавалера Львова были назначены: первой батальон Белорусского егерского корпуса, два батальона Фанагорийского гранодерского полку, а вместо стрелков — сто пятьдесят мушкатер полку Апшеронского в команде полковника князя Лобанова-Ростовского, остальные два батальона Фанагорийского полку назначены были в резерв сей колонне. Вторая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Лассия составлять должна из трех первых батальонов Екатеринославского егерского корпуса, имел с собою сто двадцать восемь стрелков, а 4-й батальон оного и 4-й батальон Белорусского егерского корпуса в резерв сей колонне. Третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба составлялась из трех батальонов Лифляндского егерского корпуса со ста двадцатью восемью стрелками впереди и в резерв оной пехотный Троицкий полк.

Конные полки правого крыла: Северский карабинерный, Воронежский гусарский и полк донских казаков подполковника Сычова должны были прикрывать колонны.

Левое крыло поручено было господину генерал-поручику и кавалеру Самойлову. Три колонны оное составлять положено было, и именно четвертая колонна под командою бригадира и кавалера Орлова из тысячи пятисот донских казаков и пятисот донских же казаков в ее резерв. Пятая колонна под командою бригадира и кавалера Платова составлялась из пяти тысяч казаков, а для резерву обеих сих колонн назначен Полоцкий пехотный полк. Начальство же обеих сих колонн — генерал-майору и кавалеру графу Безбородке. Шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова составлялась из трех батальонов со ста двадцатью стрелками Бугского егерского корпуса и в резерв тысяча казаков и два батальона Херсонского гранодерского полку.

На флотилии для десанта умножены были войски в начальство генерал-майора и кавалера де Рибаса и за день до приступа отправлены были с правого крыла второй и третий батальоны Белорусского егерского корпуса, а с левого крыла два батальона Херсонского полку. С сим отделением составляло число регулярного войска на флотилии одиннадцать батальонов, опричь черноморских казачьих войск, и расположены были в три колонны: первая под начальством генерал-майора Арсеньева составлялась из приморского Николаевского гранодерского полку, одного батальона егерского Лифляндского корпуса и две тысячи черноморских казаков, в авангард оной полковник и кавалер Головатый с четырьмястами казаков; вторая колонна под командою бригадира и кавалера Чепеги составлялась из Алексопольского пехотного полку, Днепровского приморского двести человек и тысяча казаков; третья колонна под командою гвардии господина секунд-майора и кавалера Моркова из восьмисот человек Днепровских приморских гранодер, одного батальона Бугского и двух батальонов Белорусского егерских корпусов и тысяча казаков.

По сему предположению сделанная диспозиция отдана была частным и колоножным начальникам и объявлена всем чинам и благовременно, как фашины, так и лестницы по колоннам розданы.

10-го числа по восхождении солнца с флотилии, с острова и с четырех батарей, на обоих крылах в берегу Дуная устроенных, открылась по крепости канонада и продолжалась непрерывно до самых пор, как войски на приступ приiali путь свой. В тот день из крепости сначала ответствовано пушечною пальбою живо, но к полудни пальба умаялась, а к ночи вовсе пресеклась и чрез всю ночь было молчание и токмо слышан был глухой шум, изъявляющий внутреннюю заботу и осторожность.

С 10-го на 11-е число в три часа пополудни все войски выступили устроенными колоннами к назначенным им пунктам, а флотилия по Дунаю плыла к назначенным местам. А в пять часов с половиною все колонны как с сухого пути, так и водою двинулись на приступ.

Небо облечено было облаками, и расстланный туман скрывал от неприятеля начальное наше движение. Но вдруг с приближением первой и второй колонн неприятель открыл пушечную картечами пальбу, и ружейный огонь вокруг всего вала загорелся. Жесткий сей отпор, по присутствию господина генерал-поручика и кавалера Потемкина, стремление наших войск не удержал, и мгновенно вторая колонна приближалась ко рву,

спустилась в оный. Генерал-майор и кавалер Лассий, поруча секунд-майору Неклюдову отражать стрелками неприятеля, дал повеление лейб-гвардии Измайловского полку прапорщику князю Гагарину приставить лестницы, по которым быстро взошли на вал, опрокинули неприятеля и бастионом овладели. Твердость и мужество генерал-майора Лассия животворили храбрость первых на бастион вскочивших воинов. Секунд-майор Неклюдов, быв впереди с стрелками, поражая неприятеля, храбро из первых взошел на вал, тяжело ранен, а лейб-гвардии прапорщик с первыми вскочил на бастион, куда вся колонна прибыв, простирала поражение в левую сторону по валу и рассеявшихся от первого импету егерей собрал и с ними храбро атаковал, стремящиеся кучи отразил и присоединился к колонне. В ту ж самую минуту первая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Львова приближалась ко рву и палисаду, преграждающему путь от каменной казематной батареи к Дунаю, и, усмотря, что сильное только стремление может отринуть защищавшего то место неприятеля, приказал бросить фашины и, стремясь, кинулся и первый перескочил палисад. Таковой пример ободрил подчиненных и смешал неприятеля; перешед палисад, усмотрел толпу, готовящуюся атаковать его на саблях, предупредил, ударив в них штыками. Апшеронского полку стрелки и Фанагорийского гранодерского полку передовые, как львы, дрались и, поразив первую стремительность неприятеля, обходили каменную казематную батарею под картечами неприятеля. До трехсот человек, в сей батарее засевшие, бросили гранаты, но храбрость войск наших нимало не поколебали. Колонна, обойдя оную батарею и оставя ее позади, поражала всюду встречавшегося неприятеля, овладела первыми батареями и стремительно шла к Броским воротам. Тут, посреди успехов, получил он [Львов] раны, а с ним купно ранен полковник князь Лобанов-Ростовский и поручил команду над колонною полковнику и кавалеру Золотухину.

С левого же крыла под присутствием господина генерал-поручика и кавалера Самойлова шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова, единовременно с первою и второю колонною преодолел весь жестокий огонь картечных и ружейных выстрелов, дошла до рва, где бригадир Рибопьер положил живот свой; скоро спустясь в ров, взошла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом. Достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим был примером подчиненным и сражался с неприятелем, но множество оног о-

тановило на первый миг распространение по валу, и для сего призвал он Херсонский полк, в резерве бывший, оставя двести человек при пушках на контрэскарпе. С прибытием резерва неприятель не токмо отражен, но и знатною частью побит. Твердая в той стране нога поставлена, и войски простирали победу по куртине к другим бастионам.

Все сии три колонны, исполня мужественно, храбро и с удивительною быстротою по данной диспозиции первое стремление, положили основание победы.

Флотилия в то же время, приближась к крепости, прикрывала трех колонн десант и хотя за туманною погодою большие суда мешались, но предусмотрением начальствующего генерал-майора и кавалера де Рибаса замедление то исправлено тем, что снято с оных войско на легкие суда. Присутствие начальствующего возбуждало храбрость подчиненных, и, несмотря на упорное и невероятное от неприятеля защищение, войски оказали удивительную храбрость и усердие, и, по засвидетельствованию частного начальника, в минуту выступили на берег.

В сие время третья колонна под начальством генерал-майора и кавалера Мекноба, встреченная картечными выстрелами и ружейным огнем, поощряема будучи мужеством своего начальника, спустилась в ров, где глубина оного оказалась более других мест и высота — на бастион выше других, так что лестницы, в полшести сажени бывшие, принуждены были ставить одна на другую под жестоким от неприятеля огнем и, несмотря на все толь сильные препоны и урон своих, сия колонна взшла на вал, отразила неприятеля, твердо оборонявшегося, овладела тем главным бастионом и, продолжая жестокий бой, взяла резерв и, опрокинув неприятеля, пошла по куртине. Как генерал-майор и кавалер Мекноб получил тяжкую рану в ногу и принужден был отдать команду полковнику Хвостову, в сие время получа рапорты, что все батальонные командиры Лифляндского егерского корпуса ранены, отправлен был подполковник Воронежского гусарского полку Фриз оными командовать.

Четвертая и пятая колонны под начальством генерал-майора и кавалера графа Безбородки, оказавшего опыты мужества и храбрости, служившие много примером его подчиненным в затруднениях случившихся, первая из сих двух колонн под командою бригадира и кавалера Орлова, под жарким от неприятеля огнем, достигла до рва, приставила лестницы, и часть оной взшла на вал, овладела бастионом. Тут неприятель с правой стороны от Бендерских ворот, сделав вылазку, спустился в ров и вдоль по оному пустясь, хотел разрезать оную; сие стрем-

ление вылазки остановило наших, но мужеством начальника и ему помощных чиновников, неустрашимостью подполковника и кавалера Грекова, премьер-майора Ивана Иловайского и храбростью казаков, вылазка отражена; неприятель, составлявший оную, часть погиб, а остальные прогнаты в крепость, и колонна, взшед вся на вал, от завлажденного бастиона далее простирала свои успехи. Пятая колонна под командою бригадира и кавалера Платова (при коей сам генерал-майор и кавалер граф Безбородко находился) встречена была, как и прочие, сильным огнем и, будучи между двух с боков перекрестных выстрелов, при всей трудности, в порядке дошла до рва и хотя оный нашла с водою, но, не остановясь нимало, перешла и храбростию начальников влезла на предстоящий вал, овладела на куртине пушками, где присутствовавший при ней генерал-майор и имевший над сею колонною команду граф Безбородко ранен в руку тяжело и по изнеможению отдал команду бригадиру и кавалеру Платову, мужеством и подвигами которого распространила поверхность оружия и овладела справа бастионом, а влево, прогнав неприятеля, не имевшего способу ко спасению, поражала повсюду оного храбро и мужественно и способствовала колонне генерал-майора Арсеньева.

Между тем, когда первые две колонны были в полном и жестоком бою, господин генерал-поручик и кавалер Потемкин привел в крепость гранодерские Фанагорийские батальоны и два батальона егерей, подкрепил и ободрил войско наше, которое, в сильном сражении будучи, начинало утомляться и подкрепленное войско простерло далее свои успехи. В сие время, по дошедшему сведению о встретившихся четвертой колонне затруднениях, отряжены были по моему приказанию от реченного генерала-поручика Потемкина полк Воронежский гусарский, за третью колонною в резерве бывший, два эскадрона Северского карабинерного полку и казачий полк подполковника Сычова; с левого же крыла от генерала-поручика и кавалера Самойлова конные его резервы. Колонны с Дуная вскоре к берегу при начатии дела пристали и с невероятною расторопностью и храбростью высадку, несмотря на жестокий огонь от неприятеля, сделали. Первая из них, под начальством генерала-майора Арсеньева, на двадцати судах приплывшая к назначенному ей предмету, мгновенно высажась, разделена была на четыре части; одна и затруднительнейшая, в команде Ее Императорского Величества флигель-адъютанта Зубова, отряжена атаковать кавальер. Храбрый полковник, невзирая на безмерную крутизну оного, жарчайший огонь неприятеля и его упорство, мужественно ата-

ковал и, дав пример твердости другим, влез на вал, опрокинул неприятеля на штыках и овладел кавальером. Вторая часть оной, под командою подполковника Скарабели, приняв по берегу, овладела укреплениями и батареями. Третьи, под командою полковника Митусова, принадлежащими ему в предмете укреплениями овладели. Четвертая, под командою полковника графа де Маса, высадысь к предлежащему в его предмете берегу, тотчас атаковала батарею, которая афилировала по берегу всю часть сию нашего войска, и мужественно овладев оною, [де Мас] построил войски на берегу и ударил в неприятеля на штыках.

Полковник и кавалер Головатый, с своей стороны, с беспредельною храбростию, трудами и неусыпностию, не только войскам пример подавая, но и лично действуя, высадив на берег, вступил с неприятелем в бой и поражал оного.

Вторая из сих колонна под командою бригадира и кавалера Ченеги заняла предстоящий ей на берегу предмет.

Третья колонна, в команде лейб-гвардии господина секунд-майора и кавалера Моркова, проходя мимо каменной казематной батареи, под жестоким огнем картечными выстрелами мгновенно на берег вышла; в сем случае начальник сей колонны изъявил новые опыты мужества, искусства и храбрости, примером его подчиненным служившие. Вышедшие войски быстро батареи и укрепления атаковали, опрокинули неприятеля и овладели оными; подполковник приморского Днепровского гранодерского полку Емануил де Рибас весьма отличился.

День бледно освещал уже предметы, все колонны наши, преодолев и неприятельский огонь, и все трудности, были уже внутри крепости, но отверженный неприятель от крепостного вала упорно и твердо защищался. Каждой шаг надлежало приобрести новым поражением; многие тысячи неприятеля пало от победоносного нашего оружия, а гибель его как будто возрождавала в нем новые силы, но сильная отчаянность его укрепляла.

Таковой жесткий бой продолжался 11 часов пред полуднем. Господин генерал-поручик и кавалер Потемкин к новому подкреплению войск отправил сто восемьдесят пеших казаков открыть Бросские ворота и послал в оные три эскадрона Северского карабинерного полку в команде полковника и кавалера графа Меллина, а в Хотинские ворота, кои были отворены полковником Золотухиным, введены остальные сто тридцать гранодер с тремя полевой артиллерии орудиями, под руководством премьер-майора Островского, которого храбрости и расторопности отдаю справедливость; в то ж время в Бендерские ворота введены три эскадрона Воронежского гусарского полку

и два эскадрона карабинер Северского полку. Сии последние, спешась и отобрав ружья и патронницы от убитых, вступили тотчас в сражение.

Жестокий бой, продолжавшийся внутри крепости, чрез шесть часов с половиною с помощью Божиею наконец решился в новую России славу. Мужество начальников, ревность и расторопность штаб- и обер-офицеров и беспримерная храбрость солдат одержали над многочисленным неприятелем, отчаянно защищавшимся, совершенную поверхность, и в час пополудни победа украсила оружие наше новыми лаврами.

Оставались еще в трех местах засевшие неприятели к единому своему спасению в одной мечети, в двух каменных ханах и в казематной каменной батарее, все они прислали к господину генерал-поручику и кавалеру Потемкину своих чиновников при наших офицерах просить пощады. Первые из сих приведенны подполковником Тихоном Денисовым и дежур-майором премьер-майором Чехненковым, а те, кои засели в двух ханах, взяты военнопленными генерал-майором и кавалером де Рибасом; число оных было более четырех тысяч равно, им же взяты и в казематной батарее, бывшие с мухафиз трехбунчужным пашою, двести пятьдесят человек.

Таким образом, совершена победа. Крепость Измаильская, столь укрепленная, сколь обширная и которая казалась неприятелю непобедимою, взята страшным для него оружием российских штыков; упорство неприятеля, полагавшего надменно надежду свою на число войск, низринута, хотя число войска, получающего таин, полагалось сорок две тысячи, но, по точному исчислению, полагать должно тридцать пять тысяч. Число убитого неприятеля до двадцати шести тысяч; начальствовавший Измаилом сераскир Айдос Мехмет трехбунчужный паша, засевший с толпою более тысячи человек в каменном строении и не хотя сдаться, был атакован Фанагорийскими гранодерами в команде полковника Золотухина, и как он, так и все бывшие с ним побиты и переколоты; в числе убитых четырех паши двухбунчужные, и именно: Магмут-паша, Каликс-Адалы-паша, Мехмет-паша и Лавтула-паша, который был начальником в Килии; шесть татарских султанов: Каплан-Гирей, Казы-Гирей, Селим-Гирей, Батырь-Гирей, Ахмет-Гирей и Мехмет-Гирей; в плен взяты: мухафиз измаильский Мехмет трехбунчужный паша, султан татарский Мехсют-Гирей, многие чиновники, в числе коих сераскирский сын и более девяти тысяч; из числа сего на завтра до двух тысяч от ран померло, более тысячи обнаженных роздано на пропитание и остальные отправлены в Бендеры для представления Вашей Светлости.

В крепости Измаильской найдено двести сорок пять пушек, в числе коих девять мортир, да на берегу двадцать, всего двести шестьдесят пять; большой пороховой погреб и разные снаряды. В трофеи взято триста сорок пять знамен, кроме тех, кои в сражении изорваны, бунчуков семь и санжаков два, лансонов восемь; добычу войски получили весьма знатную в разных вещах и прочем, и потерю оных для неприятеля почесть можно более миллиона. Сверх сего взято христиан четыре тысячи двести восемьдесят пять и армян тысячу четыреста, жидов сто тридцать пять, которые паки в город введены в их жилище до повеления Вашей Светлости. <...>

**Приказ по Финляндскому корпусу
о мерах по сохранению здоровья солдат
1792 г.**

Как фортов Ликолло и Утти начальники без моего ведома безобразно отсылали в Фридрихсгамский госпиталь нижних чинов, небрежливо приводя оных в слабость, убегая должности своей несоблюдением их здоровья, или отчаянно в малочисленности больных, поправлении оногo, то 1-е, как артиллерийских, так работных команд офицерам и прочим отнюдь того чинить не дерзать, ибо чрез один неближний перевоз такой слабый приходит в горшее состояние; 2-е, давать слабым льготу и пользование в одной из казарм или поблизости в крестьянской избе; 3-е, при соблюдении крайней чистоты из средств, ныне часто упоминаемых, большого нигде быть не может, кроме редкой чрезвычайности по какому-либо случаю. Почему за нерадение в точном блюденнии солдатского здоровья начальник строго наказан будет. Старший офицер в том временно над прочими начальник, каждую почту в дивизионное дежурство присылает цыдулы о здоровье солдат и о благопоспешном розыскании с нерадивых при них обер- и унтер-офицеров.

Правила

1. Разуваться, раздеваться.
2. Одежду, обувь просушивать; оные довольно были б просторны и вычинены.
3. Потному не садиться за кашу; особливо не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть.
4. Отдыхать на сухом месте.
5. Рубах и портяного довольно.
6. Во всем крайняя чистота.

7. Кто не поспел за кашу, тому хлеб.
8. Как скоро варево поспело, ту же минуту в пищу; ленивого гнать.
9. Ленивого лежачку — палкой, особливо его урядника.
10. Слабого лежачку — хлыстом.
11. На лихорадку, понос и горячку — голод, на цингу — табак. Кто чистит желудок рвотным, слабительным, проносным, тому день — голод.
12. Солдатское слабительное — ремень и корень коньего щавеля то же.
13. Непрестанное движение на досуге, марш, скорый заряд, повороты, атака.
14. Кто не блюдет своего здоровья, тому — палки, морским — линеек, с начальников строже.
15. На голову от росы — колпак, на холодную ночь — плащ.
16. Для чистоты ж — баня, купанье, умыванье, ногти стричь, волосы чесать.
17. Крайняя чистота ружья, мундира, муниции; стрелять в мишень.
18. Для здоровья основательные наблюдения три: питье, пища, воздух.
19. Предосторожности по климату: капуста, хрен, табак, летние травы; ягоды же в свое время, спелые, в умеренности, кому здоровы.
20. Медицинские чины, от высшего до нижнего, имеют право каждый мне доносить на небрежущих солдатское здоровье разного звания начальников, кои его наставлениям послушны не будут, и в таком случае тот за нерадение подвергнется моему розысканию.

**Мнение о плане оборонительных
и наступательных действий
в Финляндии в случае войны со Швецией
1792 г.**

Вашего Императорского Величества по силе высочайших повелений имею я отправиться к надлежащему месту. Вашему Императорскому Величеству планы новых крепостей, в Финляндии конченных и предопределенных, всеподданнейше поднесены чрез генерал-майора Турчанинова, у которого для работ вторых подробная смета времени и людей ради совершения их будущего года к 15-му числу августа. При Нейшлоте ж, по тесноте места, к октябрю, и в море одной Роченсальмской башни

Славы своды 1794-го. Отпуски на строения денег и следуемые в прием производились чрез реченного генерал-майора.

Вашему Императорскому Величеству к освященнейшим стопам всеподданнейше повергаю замечания к оборонительной и наступательной войне в Финляндии, так и о числе потребных на оные войск.

Незнатные набеги презирать; ежели вредны земле, на то репрессалии. Самим таковых иррупциев не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить, и делать большой удар. Малая война обоюдно равна и не полезна, изнуряет войско. Заставы в проходах не трогать, ибо сбитые будут назад. При обыкновенных своих легких разъездах схвачивание противных форпостов не столько полезно для известиев, как приятели в чужой земле деньгами, и генерал должен предвидеть будущее по течению обстоятельств. Атака винтер-квартир неприятельских, если потребна, то они всюду открыты или с чела, или с тылу; наши все за крепостями. Внедрился бы где неприятель в нашу землю, это ложный стыд: он отдаляет свою субсистенцию и сам пришел к побиению соединением на него корпусов. Сим быть всегда нераздробленным, как здесь в обыкновенных партизанах нужды нет.

Таков есть пункт Сердобольский! Иммальский отряд наступающих отрезывает или бьет в спину, или топит в Ладоге. Сам низмен, окружен острыми горами, не заштитен, под протекцию Шлюссельбурга озером в полном отвесе.

Страна за Олонцем была в благоразумной обороне, то основание и впрядь. Туда неприятельной набег чрез мшистую Лапландию без хлеба, или чрез Тюрию, фланкируя Рускияла (где разве разорит завод, а камней не унесет) и Сердоболь; его бьет Иммальский отряд.

Нейшлот окружен не замерзаемым волнующимся глубоким озером; плоты с лестницами к его высоким стенам беспечно пристать не могут; сии никаких выстрелов не боятся и от бомбардирования люди в казематах с двухгодовым провиантом, как водяным каналом за горизонтальною нижнею обороною; во все то время добрый комендант не требует сикурса. Для поднятия ж осады, операция от Керны на Кристину и С.-Михель, бить Саволакский корпус с осаждателями, коли не уйдут, или прямо на сию крепость чрез настоящие каналы со способом Саймской флотилии, которой для действий центральная позиция под новым каналом Кукоссары. Отважатся противники идти между Нейшлота и Кексгольма на Вокшу — быстрая сия река весьма обороняема при С.-Андре и иных местах весь-

ма малыми батареями — и Вильманstrandский корпус, один или с соединением, их бьет. Вильманstrand горным будущим укреплением безопасен.

Давидов депотный пост в случае потребности, как и Вильманstrand, — центральной пункт операций, но особливо предмет на офенсивную, как только одну, за Кюмень; тогда пограничные крепости, — ныне в полном оборонительном состоянии, — плацдармы!

Кюмень-город прилежит Роченсальму; сия гавань ничем не командуема и едва победима, берет в тыл купно с Ревелем противные флоты, коих десант, никогда не знатный, всюду бьют и топят сухопутные войски.

Наступательная война! Потребно для нее прибавить против оборонительной временно: пехоты к 28 батальонам 3 или 4 полка; к 6 эскадронам драгун и гусар до 10, или всего 15 эскадронов; казаков теж 4 полка. 1-е. Операция на Свеаборг (оставя Швартгольм в покое) флотами и десантом, купно с сухопутными войсками на Гельсингфорс. 2-е. Сухопутная операция прямо на Тавастгуст к Абову; примечать влеве и с тылу Гельсингфорс особым отрядом. 3-е. Общая [операция] сухопутных войск с морским вооружением, которое с ним соединится под Абовом, обходя Свеаборг, или запереть оттуда выход в море частью судов. К сему обсервационной корпус! Внутри границ, из общего числа войск 3 или 4 полка; от 3 до 5 эскадронов, казачий полк; позиция его при Саватайполе и внимание на Саволак, с содействием против Саймской флотилии. Легкие его отряды: правый для закрытия Вокши, Иммалы, левый при Утти, поелику неприятель может умножать его силы в Саволакской области для диверсиев и тем его главные войски ослабевать, толико подкреплять сей корпус.

**Приказ о подготовке в полках
ротных фельдшеров и их помощников
и о мерах сохранения здоровья солдат
31 октября 1793 г.**

Для сущей пользы всех военнотружущих нужно необходимо, чтобы не одни только полковые и батальонные лекари и под ними подлекари отправляли всю врачебную должность, ибо часто бывают роты и эскадроны за 50 и более верст от лазарета на зимних квартирах; лекаря и подлекаря ниже в 24 часа доставить не можно, а нужна скорая и весьма легкая помощь. Но оной доставить некому по незнанию и ненаучению ротных (как в

других европейских государствах) фельдшеров, которые самонужнейшие правила врачевства должны знать, то для сего и нужно:

1. Выбрать по одному из роты во образе ротных фельдшеров и к ним же по одному молодому солдату, или средних лет: проворных, умных, твердых, трудо- и человеколюбивых, понятных, из таких, сколько можно, кои прежде в их селениях некоторое исполнение в том имели, то есть до определения их в службу. Всего же нужнее им показывать врачебные, многократно дознанные в пользовании больных растения, медицинским полковым чином, которые также обязаны самонужнейшим правилам хирургическим прилежно их обучать, и сих учеников полковой или батальонный командир содержит особо и отлично от других, и которые выходят в роты или эскадроны в $\frac{1}{3}$ — $\frac{2}{3}$ года или в целый год, а чем ранее, тем лучше. Один будет фельдшер, лучший успех оказавший, а другой, менее его, — помощник ему.

2. Полковые и батальонные медицинские чины обязаны и обучать показанием и истолковыванием всех лекарств, очищающих желудок и кишки чрез рвотное и слабительное, изъясняя и силу, и количество в приеме по возрасту, темпераменту, привычке, времени года и степеням болезней.

Исправлением и очищением крови, сколько возможно, растениями, а наипаче еще такими, которые удобно можно набрать в России, не касаясь минеральных лекарств и иностранных.

3. На все наружные болезни, как-то: раны разные и цинготные, ушибы, возжения, нарывы, антонов огонь, скулы, — употреблением спиртов, бальзамов, мазей, присыпок, приварок, пластырей и трений.

Они должны уметь разнообразно кровь бросать, а наипаче из рук и ног, также и брить, но дело сие других под ними цирюльников. Полковые и батальонные медицинские чины имверяют в ротах все лекарства, нужные по их званию для случая необходимо скорого вспоможения больному, також и другие простые, наипаче из растения, лекарственные вещи.

Здоровье

Драгоценность блюдания оного в естественных правилах. Питье — квас, для него двойная посуда, чтоб не было молодого и перекислого; коли ж вода, то здоровая или нечто приправленная. Еда: котлы вылуженные, припасы здоровые, хлеб выпеченный, пища доваренная, не переваренная, не отстоенная, не подогретая, горячая; и для того, кто к каше не поспел, лишен ее на тот раз. Воздух: в теплое время отдыхать под тенью, без обленения; ночью в палатках укрываться, в холодную ж ночь отнюдь бы в них сквоз-

ной ветер не был. Через ротных фельдшеров довольный запас в артелях ботанических средств. Сие подробнее и для лазаретов описано в примечаниях искусного штаб-лекаря Белопольского.

Работы

От инженеров уроки умеренные, утренний и вечерний; оба вместе соединять — каждому запретить. Наступление и исход, жара атмосферы описаны в приложенной таблице помесечно; наистрожайше воспрещается во время и малейшего жара отнюдь никого ни в какую работу не употреблять под неупустительным взысканием, разве когда случится прохладной день; а для успеху, коли необходимо, лучше начинать работу прежде рассвета и вечерний урок кончить хотя к ночи. Но не мешает прибавить хотя и нечто ночи, особливо светлой, токмо то уже в большой нужде. Как скоро работа окончена, то на завтрак и ужин тотчас к горячим кашам, как то и после развода. Лагерных мест иметь до трех в близости и понеделно их перемещать, содержать чистоту внутри и около их.

Впрочем, нижним чином соблюдать крайнюю чистоту и опрятность в чистом белье, платье и обуви; мыть лицо, руки и рот, ходить в баню и особливо купаться.

Письмо П.Н. Скрипицыну с изложением качеств, необходимых военному человеку Октябрь – ноябрь 1793 г.

Посылаю тебе копию с наставления, писанного к одному из моих друзей, кой родился в прошлую кампанию среди знаменитых побед, одержанных его отцом, и при крещении моим именем был наречен.

Герой, о котором я говорю, весьма смел без запальчивости; быстр без опрометчивости; деятелен без суетности; подчиняется без низости; начальствует без фанфаронства; побеждает без гордыни; ласков без коварства; тверд без упрямства; скромнен без притворства; основателен без педантства; приятен без легкомыслия; единомравен без примесей; расторопен без лукавства; проныцателен без пронырства; искренен без панибратства; приветлив без околичностей; услужлив без корыстолюбия; решителен, убегает неизвестности. Основательное рассуждение предпочитает он остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщенья, низлагает своих недругов великодушием и владычеству над друзьями своею верностью. Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание — закон его; он живет, как

велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей. Исполненный чистосердечия, гнушается он ложью; прямой душою, рушит замыслы двуличных; знает он только с добрыми людьми; честь и честность составляют его особенные качества; он любезен командиру своему и всему войску, все ему преданы и исполнены к нему доверенности. В день сражения или похода размеряет он все подлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно промыслу Вышнего. Он никогда не отдает себя на волю случая, но, напротив, покоряет себе все обстоятельства по причине прозорливости своей; он во всякий миг неутомим.

Диспозиция к штурму Праги

[23 октября] 1794 г.

Его Сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал:

1. Взять штурмом пражский ретраншамент. И для того:
2. На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники со своими начальниками станут впереди команды; с ними — рабочий укрепленим, фашинник для закидки рва и лестницы, чтоб лезть из рва чрез вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге колонны. У рабочих — ружья чрез плечо на погонном ремне. С нами егеря, белорусцы и лифляндцы; оне у них направо.
3. Когда пойдём, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять.
4. Подошед к укреплению, кинуться вперед быстро, по приказу кричать «Ура».
5. Подошли ко рву, ни секунды не медля, бросай в него фашинник, опускайся в него и ставь к валу лестницы; охотники, стреляй врага по головам. Шибко, скоро, пара за парой лезь! Коротка лестница? Штык в вал, лезь по нем, другой, третий. Товарищ товарища обороняй! Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля — и мгновенно стройся за валом.
6. Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! Держаться своих в средину; от начальников не отставать! Везде фронт.
7. В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать.
8. Кого из нас убьют — Царство Небесное, живым — Слава! Слава! Слава!

Записка об отношении к новым порядкам и о твердом решении уйти из армии 12 января 1797 г.

Милосердие покрывает старость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство.

Я строг в удержании здоровья [солдат], истинного искусства благонравия; милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством.

Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в войсках.

Хотя бы я остался при всех моих прежних преимуществах, но «опыт воинского искусства», недовольствие солдат и чиновников... Не русские преобразования... Васильчиков, Татищев, Митусов — гонят меня немедленно в Кобрин, где на сей год буду ждать лучшего. Потом или продолжу там, или вовсе оставлю, как долг велит естественного Божьего закона. Ныне чуть что от князя Алексея, оставляя до того у себя все по-прежнему, перееду тотчас в деревню, а оттуда по полной резолюции — мгновенно в Кобрин.

Заметки, продиктованные генерал-майору И.И. Прево де Люмиану с оценкой международной военно-политической обстановки и стратегическим планом войны против Франции

5 сентября 1798 г.

Австрийцы должны держаться, не опасаясь за Рагузу, ниже за Триест, хоть бы даже угрожала им война тридцатилетняя. Обстоятельства меняются, как и их оружие, чего не могу я сказать про себя, привержен будучи к холодному оружию.

Англичане на суше слабы, хотя берега свои защищать умеют. Но какой перевес на море! Во Франции высаживаться им не надобно; колонии же пусть занимают по-прежнему. Они слишком распыляют свои силы на Канале и на Средиземном море, действуя оборонительно, между тем как силы их обязывают к наступательной тактике. Тут ошибка Нельсона: слишком много пунктов охраняет. Надобно быть настойчивее.

Саксония должна оставаться нейтральной, чего нельзя сказать про Баварию и прочих принцев империи, вплоть до Ганновера.

Турки, даже лишившись Греции, тем более не преминут начать войну, пленившись мечтами о Крыме и прочем, что и обещано, меж тем в дальнейшем земли сии получают свободу.

Россия встретится с некоторыми затруднениями со стороны Персии, но это пустяки. Постараются поднять против нее Кабарду, также черкесов.

Против Швеции потребно ей 24 000 штыков, с резервами и подвижных. На море она не в пример сильнее, сокрушит шведский флот, а излишки судов передаст англичанам.

Дания более выиграет, схватившись со шведами, чем ежели на риск пойдет в другом месте. Ежели не станет помогать англичанам, так пускай хранит нейтралитет, оно всего лучше.

Пруссии и кабинету ее на руку Австрию ослабить, а русскую гидру сразить. Король будет с французами. Обе державы на него легко нападут с 60 000 человек каждая, ежели не будет он на их стороне или нейтральным.

Со времени последней войны у турок не хватает людей, разве что Франция поддержит; Россия победит их с 60 000 да 30 000 резерва. У флота ее стоянка Севастополь.

Австрийцы и русские будут действовать противу Франции со 100 000 человек каждая, взявши за правило.

1. Только наступление.
2. Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие.
3. Не рассуждать — хороший глазомер.
4. Полная власть командующему.
5. Атаковать и бить противника в поле.
6. Не терять времени в осадах, за исключением разве что Майнца, сборного пункта. Иногда действовать обсервационным корпусом, блокадой, а всего лучше брать крепости штурмом, силой. Так имеешь меньше потерь.

7. Никогда не распылять силы для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошел, тем лучше: он приближается для того, чтобы быть битым.

8. Итак, нужен один обсервационный корпус на Страсбург, да еще подвижной корпус на Люксембург. Его острие продвигать с непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта, не останавливаясь в Ланду, разве что оставить там кой-кого для наблюдения, чтобы иметь свободным тыл, но не для отступления, о чем и думать не следует, а для обозов. Никогда не перегружать себя бесплодными маневрами, контр-маршами или так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков.

9. Италия, Нидерланды легко последуют за Парижем. Король Сардинский скажет свое слово. В Италии немало осталось горячих голов, а прочие — за благо общественное.

Неаполитанский король воспрянет, англичане очистят Средиземное море, никаких отсрочек, ложной предосторожности и

зависти — кабинету и министерству показать голову Медузы. Народятся еще Евгений и Мальборо вослед Суворову и Кобургу.

Инструкция о способах действия в бою, продиктованная Шателеру 3 апреля 1799 г.

Надо атаковать!! Холодное оружие — штыки, сабли! Смять и забирать, не теряя мгновения, побеждать все, даже невообразимые препятствия, гнаться по пятам, истреблять до последнего человека. Казаки ловят бегущих и весь их багаж; без отдыха вперед, пользоваться победой! Пастуший час! Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных, восстановить *ordre de bataille* дело Шателера. Поменьше перемен.

Употребить немного времени на обучение действию холодным оружием. Генералу Шателеру постараться послезавтра, а может и в тот же день, показать результаты Суворову отдельно, по частям, как армия расположена, не расстраивая этим порядка наступательного марша. Атака должна начинаться за час до рассвета, время укажет Шателер... Монтекули говорит, что атаковал за 1—1½ часа до рассвета.

И прекрасно, это еще удобнее для марша, для исполнения естественных потребностей, даже успеют сварить суп. Забавлять и веселить солдата всячески. Никаких сигналов, ни труб, ни барабанов. Говорить вполголоса! Не надо патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам для Шателера, не отставать друг от друга. Артиллерия свободна, офицеры ее вне команды, стреляют, куда хотят, ибо при ударе в штыки большинство артиллерии остается назад.

Меры! Шателер при армии; в понедельник, а может частью и послезавтра выдать жалованье, упражняться холодным оружием. Да будет проклято педанство, прочь мелочность и копание.

К этому времени придут почти все казаки и около 4-х батальонов стрелков и гренадер; к вечеру вторника — еще два, в среду еще два гренадер с Розенбергом, а в четверг к вечеру — все остальные русские войска.

Меры! Шателер определит день боя, остальное сказано выше; если бы даже русские и не пришли, все же лучше атаковать и застать врасплох; атакуя, внушаешь страх. Двигаться на неприятеля многими колоннами, рядами; приближаясь к нему (если он уже предуведомлен), смыкать ряды или идти взводами, смотря по ширине дороги, за 1,1½—2 итальянские мили.

Колонны к атаке стремительно атакуют штыками вместе с кавалерией, если нужно, неприятельские аванпосты; головы не ожидают развертывания вправо или влево в линии или средние колонны; кавалерия нужна, чтоб рубить и гнать аванпосты и овладеть артиллерией; количество кавалерии укажет Шателер, затем она, не увлекаясь далее, возвращается через интервалы на свое место: уже неприятель близок, линия формируется в мгновение ока, без педантизма, скорым шагом; если разорвана — не беда, стрелков не надо, вперед скорым шагом!

В каждом взводе свои 4 стрелка, они вольны стрелять, когда хотят, даже выбегать вперед, если то позволено; они не помешают фронту атаки, а службу сослужат лучше фрейшюццов. Или можно иметь стрелков, отделенных сбоку колонн или линии, могут потом собраться назад, хотя это и редко может случиться.

Линия идет вперед стремительно, скоро закроет адский огонь своей артиллерии. Шателер устроит столько линий, сколько надо по местности, обыкновенно считать 1000 онов (франц. аршин) на 2 линии с резервом. Это ничто в сравнении с тем, что было еще в 7-летнюю войну между 2-й линией и 1-й.

Батальоны охватывают; ...потерпят от огня, ...далее только штыки... Что не сломила первая линия, закончит 2-я, тут уже и резерв неприятельской 2-й линии делу не поможет.

Вот это стремительная атака! Шателеру поменьше линий, дабы охватить неприятеля; самое лучшее — одна хорошая линия с ее небольшими резервами, не более, впрочем, $\frac{1}{8}$ части армии.

Дивизионы имеют приданные им взводы в 6-рядных колоннах, т.е. двойных, а вместо 2-й линии сильный резерв, примерно в $\frac{1}{2}$ численности 2-й линии.

Дивизионы прекрасны. Бог им поможет!

Обоз! Русские имеют повозки с запасами на $\frac{1}{2}$ месяца — это прекрасно при быстрых маршах, на случай нехватки добавляют до месяца обывательскими повозками — прекрасный пример для союзников — об остальном позаботились, на каждую роту по одной повозке, другая для офицеров, майору — две, начальнику — три, это все же не вагенбург. При быстром движении вперед обоз остается назад с достаточным прикрытием, стоящим менее, чем большие авангарды или методический арьергард.

Даже если обоз и позади, то котлы всегда близко; вблизи неприятеля привесить их к патронным ящикам или к палаткам; у русских теперь на то вьючные лошади.

Главное было разбить неприятеля наголову на Олио. Тогда бы и Пескиеру взяли. Вдруг слухи, что неприятель перешел Олио. Бежать за ним — значит отдаляться от наших целей, не взятой еще Пескиеры и Мантуи.

Наставление войскам союзной армии о характере и способах действий против французов 1799 г.

1. Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых; а сотня пуль летит на воздух. Казаки должны всегда держаться за кавалерией: их быстрота довершает победу... и как только неприятель сбит, то ни один человек не спасен.

2. Быстрота и натиск — душа настоящей войны. Бегущего неприятеля истребляет одно преследование. Победителю приятно великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает пардон. Смерть или плен — все одно.

3. Пища поддерживает силы человека. В случаях особенных надобно довольствоваться малым. Кавалерия сама снабжает себя фуражом.

Наставление австрийской армии о ежедневных упражнениях в действии холодным оружием и двусторонних атаках 1799 г.

Когда неприятель бежит, то его провожают ружейным огнем. Он не стреляет, не прикладывается, не заряжает. Много неудобств спастись бегством.

Когда же за ним штыки, то он еще стреляет; а потому не останавливаться, а ускорять его бегство штыками.

День готовится к маневрам. С утра упражняться штыками и саблями. По временам производить натиск пехоте против пехоты, кавалерии против кавалерии, кавалерии против пехоты, пехоте против кавалерии, поодиночке, повзводно, ротами, эскадронами, батальонами, полками, как признается удобнее. Особенно же следует беречь лошадей; человек лучше отдыхает.

Замечания о доведении плана действий до каждого начальника и рядового солдата 1799 г.

План операционный: в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени. В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов; будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое.

Недовольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайšie места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторого рода понятие о горах.

Заметки
о необходимости проявления самостоятельности
подчиненными генералами
и о представлении ими точных донесений
15 мая 1799 г.

Гримельсберг, где это находится, я не знаю. О нем мне ничего не докладывали, никаких документальных данных.

Это какая-то двусмысленность. Нужно точно рассказать, а так — это просто неряшливость, разгильдяйство!

Гадик или Бельгард от нас далеко, следовательно, вне возможности получить даже шаткие указания.

Общий приказ они должны иметь, но ни в какие подробные указания я не могу входить, так как пока дойдут до них мои указания, обстановка может не раз измениться.

Эти господа генералы и сами на месте должны лучше знать, что делать; гораздо лучше, чем если им давать указания на расстоянии.

Генерал-квартирмейстер должен мне по карте уточнить все позиции и сказать, какие войска туда должны прибыть.

Как только Бельгард прибывает туда, то Гадик передаст ему командование и также подчинится ему, как Лаудон и Нобили, т.е. корпус будет такой же численности, каким он был прежде, притом по возможности он будет состоять из тех же войск.

Гренадеров следует оставить здесь.

Во-вторых, все, что мне докладывают по бумагам, словесно, до того как бывает принято решение, все должно быть названо точно, без какой-либо возможности толковать двояко; ничего

не умалчивать, ни частично, ни полностью; с картой в руке, на ней все точно указывать и надлежащим образом описывать.

В-третьих, в отношении Айроло поступить так, как Бельгард сочтет это нужным.

Сен-Готард впереди, следовательно, не требуется никаких изменений, если не считать небольшое подкрепление. Но и это только по усмотрению генерала Меласа. По-видимому, Бельгарду придется занять свое прежнее, знакомое ему положение.

Из предписания г. Бельгарду
об ускорении движения войск к Акви и Александрии
20 мая 1799 г.

<...> Деятельность есть важнейшее из всех достоинств воинских. Многолюдный поход ваш через Альпы и скорое прибытие в Италию удостоверяют меня, что вы достоинство сие имеете в высшей степени. В настоящее время я намереваюсь отрезать неприятеля, отступающего к Генуе, и разбить его наголову. Из донесения, полученного от генерала Вукасовича, видно, что французы отступают; из прилагаемых же диспозиций для генерала Фрелиха и Вукасовича, а также для находящихся перед Тортоною и Александриею генералов Секендорфа, Алькаини и российского императорского генерал-лейтенанта Швейковского, вы усмотрите мои распоряжения. Вы сами удостоверитесь, как необходимо, чтобы войска, состоящие под начальством вашим, следовали поспешнее через Милан, Павию, Медано-Корти, Вогеру, Тортону в Акви. Долгом высочайшей службы и славою императорского оружия убеждаю вас ускорить этот поход. Чтобы подкреплять войска, можете вы безденежно брать у обывателей вино и мясо. Идти им тем же порядком, какой у меня давно уже заведен; а именно: кашевары с мясом и котлами во вьюках выступают в 12 часов ночи вперед на две мили (у меня весь суточный переход от четырех до пяти миль). Кашевары располагаются и варят. Войска поднимаются в 3 часа ночи; идут мило; отдыхают один час; потом опять одну милю и приходят к своим котлам; кушанье готово — вино там! Ни одного усталого! Поев, отдыхают до 4 часов пополудни; потом опять поднимаются и идут одну милю; с час отдыхают; идут опять одну милю, так что в 9 часов вечера приходят в лагерь; все вьючные лошади с палатками были уже отправлены наперед в полдень; палатки поставлены; солдат подоспел и ложится отдыхать до 3 часов следующего утра; а там — снова поход.

Так как присутствие опытного и деятельного полководца стоит более целой армии, то прошу Ваше Сиятельство с частию генерал-квартирмейстерского шатаба своего и с любезным братом вашим маркизом Бельгардом приехать по почте чрез Милан в Тортону к Александрии и Акви, чтобы в минуты, столь важные, управлять тамошними операциями.

Находящиеся при Парме генералы Отто и Морцин подчиняются Вашему Сиятельству; равномерно и генералу Клену предписывается также содействовать вашим операциям, хотя и командует он авангардом генерал-фельдмаршала барона Края против Болоньи.

Спешите, Ваше Сиятельство! Деньги дороги; жизнь человеческая еще дороже; а время дороже всего.

**Наставление для боя,
данное соединенным войскам
2 июня 1799 г.**

1. Неприятеля поражать холодным оружием, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается. Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланги ворваться.

2. В атаке не задерживать. Когда неприятель сколон, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему время ни сбираться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтоб неприятель сдавался, о чем и русские войски извещать. Ничего не щадить, не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночно до тех пор, пока истреблен не будет.

3. Котлы и прочие легкие обозы, чтоб были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, по разбитии же его, чтоб можно было каши варить, а впрочем победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водою. Кавалерия должна о фураже сама пещись.

**Указания казачьим войскам
о правилах ведения боя с французами
[6 июня] 1799 г.**

1. Взять армию в полон.

Влиять твердо в армию, что их 21 тысяча, из коих только 7000 французов, прочие всякой сброд реквизиционернов.

2. Казаки колоть будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут пардон или бить шамад. Казакам самим в атаке кричать бalezарм, пардон, жете ле зарм и, сим пользуясь, кавалерия жестоко рубит и на батарее быстро пускаться, что особливо внушить.

3. Казакам, коим удобно, испортить на реке Таро мост и тем зачать отчаяние. С пленными быть милосердну, при ударах делать большой крик, крепко бить в барабан, музыке играть, где случится, но особливо в погони, когда кавалерия будет колоть и рубить, чтобы слышно было своим.

Их генералов, особливо казаки и прочие, примечают по кучкам, около их кричат пардон, а ежели не сдаются, убивать.

**Правила ведения военных действий в горах
9 сентября 1799 г.**

По большей части дороги по горам столь узки, что едва и порожняя лошадь по оным оборотиться может, тем менее отягощенные вьюками мулы, от чего в марше произойти может великое затруднение; и для того колонны таким образом устроить должно, чтобы движениям оных ничто не могло препятствовать.

Хотя при голове колонны и нужно иметь несколько казаков, дабы помощью оных о положении мест, удобных проходах и даже о неприятельских движениях заблаговременно известиться можно, равно и патрулями их обеспечивать себя по боковым дорогам, но в горах, по вышеизъясненным затруднениям, оные пользы сей приносить не могут; и для того офицер, ведущий колонну, по собственному ли своему о местоположении знанию или по сведениям, от достоверных проводников полученным прежде вступления в затруднительную дорогу, командующего головою колонны генерала или штаб-офицера уведомить должен.

Тогда вся кавалерия остается назади, а несколько вооруженных пионеров под прикрытием пехоты открывают путь для авангарда. Орудия с их принадлежностями не должны быть ни при голове, ни назади колонны: ибо, будучи впереди, они мешать могут маршу, назади же — в случае востребования оных, не скоро пройти им удобно, а как все меры употребить должно к нанесению вреда неприятелю, то и стараться все то, что в оном препятствовать только может, отвратить. <...>

Поелику один только казацкий полк при войсках следует, то и дается на каждую дивизию из одного по 50 человек, а остальные триста человек остаются в резерве.

Каждая дивизия составляет особливую колонну. Если же они все по одной дороге следовать будут, то из сих четырех колонн составится одна колонна.

Каждая дивизионная колонна формируется следующим образом. При голове колонны, ежели местоположение позволит, для авангарду: 25 казаков, 20 пионер, 1 батальон пехоты егерей или гренадер, 1 пушка с снарядами, 3 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 батальона, 1 пушка, 2 пушки запасные.

За сим 10 мулов с ружейными патронами. И сим порядком все дивизии следуют, а в заключение всего мулы и казакские лошади с провиантом, потом партикулярные вьюки, кои прикрываются одним батальоном пехоты и 100 казаками, распределенными впереди, середине и сзади.

Когда проводник объявит, что войски должны вступить в тесную дорогу, то находящиеся казаки в голове колонны замыкают оную.

Дивизионным колоннам сколько возможно быть сомкнутым и избегать растяжения. Между колоннами же надлежит иметь двести шагов расстояния.

Для овладения горою, неприятелем занимаемую, должно соразмерно ширине оной, взводом ли, ротою или и более рассыпясь, лезть на вершину; прочие же батальоны во сте шагах следуют; а в кривизнах гор, где неприятельские выстрелы не вредны, можно отдохнуть и потом снова идти вперед.

Единою только твердою и непоколебимою подпорою колонны можно придать мужества и храбрости порознь рассеянным стрелкам, которые ежели бы по сильному неприятельскому отпору и не в состоянии были далее идти, то должна колонна, не сделав ни одного выстрела, с великим стремлением достигнуть вершины горы и штыками на неприятеля ударить. Сей, приведенный в робость, не в состоянии будет выдержать столь мужественного наступления и, конечно, весьма слабую учинит оборону.

Одною стрельбою никак вызвышением овладеть не можно, ибо стоящий на оном неприятель весьма мало вредим. Выстрелы большею частию на вышину или не доходят, или перелетают через; напротив же того, с вышины в низ стрельба гораздо цельнее, и для того стараться как наискорее достигнуть вершины, дабы не находиться долго под выстрелами и тем бы менее быть вредиму.

Само по себе разумеется, что не нужно на гору фронтом всходить, когда боковыми сторонами оную обойти можно.

Если неприятель умедлит овладеть возвышениями гор, то должно на оные поспешно влезать и на неприятеля сверху штыками и выстрелами действовать.

Предписание
А.М. Римскому-Корсакову и Ф. Готце
о дальнейших действиях в Швейцарии
согласно данной диспозиции
12 сентября 1799 г.

Из приложенных при сем диспозиции и плана вы усмотрите, каким образом я с своей стороны намерен перейти Сен-Готард и вступить в долину Руссы. Кроме того, вы ознакомьтесь с тем, когда и как вы должны содействовать освобождению Малых кантонов и закреплению достигнутых ранее успехов.

Само собой разумеется, что вам предоставляется полная самостоятельность в подготовке всех мероприятий по преодолению надлежащим образом трудностей данной местности и в подавлении неприятеля.

В зависимости от обстоятельств на вас возлагается также составление на месте собственных частных диспозиций, сообщаясь с целесообразностью в достижении поставленной цели.

Я обязан только напомнить вам, что ни одно препятствие не следует считать слишком большим, никакое сопротивление — слишком значительным; нужно неуклонно идти к цели, стремясь с величайшим самопожертвованием к достижению поставленной перед нами задачи, ради которой мы объединились.

Ничто не должно устрашать нас, и мы должны быть убеждены в том, что только решительность и стремительный натиск решают дело.

То и другое здесь тем более необходимо, что малейшее промедление дает противнику средства оказать сопротивление, а нам создает новые препятствия, которые будут ежечасно увеличиваться в связи с трудностями доставки провианта в этой стране без дорог.

Из реляции Павлу I о походе в Швейцарию
3 октября 1799 г.

Победоносное войско Вашего Императорского Величества, прославившееся храбростию и мужеством на суше и на морях, ознаменовывает теперь беспримерную неутомимость и неустрашимость и на новой войне, на громадах неприступных гор. Выступив из пределов Италии, к общему сожалению всех тамошних жителей, где сие воинство оставило по себе славу избавителей, преходило оно чрез цепи страшных гор. На каждом шаге в сем царстве ужаса зияющие пропасти представляли

отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучие мрачные ночи, непрерывно ударяющие громы, льющиеся дожди и густой туман облаков при шумных водопадах, с камнями с вершин низвергавшихся, увеличивали сей трепет. Там является зрению нашему гора Сен-Готард, сей величайший колосс гор, ниже хребтов которого громоносные тучи и облака плавают, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсберг. Все опасности, все трудности преодолеваются и при таковой борьбе со всеми стихиями, неприятель, гнездившийся в ущелинах и неприступных выгоднейших местоположениях, не может противустоять храбрости войска, являющегося неожиданно на сем новом театре: он всюду прогнан. Войски Вашего Императорского Величества проходят чрез темную горную пещеру Урзерн-Лох, занимают мост, удивительною игрою природы из двух гор сооруженный и проименованный Тейфельсбрюке. Оный разрушен неприятелем, но сие не останавливает победителей; доски связываются шарфами офицеров, по сим доскам бегут они, спускаются с вершин в бездны и, достигая врага, поражают его всюду. Напоследок надлежало восходить на снежную гору Бинтнерберг, скалистою крутизною все прочие превышающую. Утопая в скользкой грязи, должно было подыматься против и посреди водопада, низвергавшегося с ревом и низрывавшего с ярости страшные камни и снежные и земляные глыбы, на которых много людей с лошадьми с величайшим стремлением летели в преисподние пучины, где многие убивались, а многие спасались. Всякое изображение недостаточно к изображению сей картины природы во всем ее ужасе. Единое воспоминание преисполняет душу трепетом и теплым благодарственным молением ко Всевышнему, Его же невидимая всемогущая десница, видимо, охраняла воинство Вашего Императорского Величества, подвижное святою его верою. Подробности всех сих происшествий имею счастье представить здесь всеподданнейше.

Войски Вашего Императорского Величества маршировали 11-го сентября из Белинцоны чрез селения Осонно до Джиорнико, а оттуда на другой день до Байоны. Неприятель, занимавший гору, называемую Сен-Готард, и ее окрестности, был 13-го числа атакован таким образом, что от Биотты войски наши разделены были на три колонны: 1-я, или правая, была из дивизии генерал-лейтенанта Повало-Швейковского; авангард князя Багратиона состоял из полков егерских его имени и Миллера; батальонов: Ломоносова, Дендригина, Санаева и Калемина, за коим следовали полки: гранодерской Розенберга, мушкетерские: Швейковского и Каменского, составлявшие помянутую колонну. Тогда она проходила по главной дороге до Вальди Ведро, которая, прошедши

реку Тессину, должна была держаться до половины горы вправо из Мадрано, Вилла и далее к Болко, где неприятель имел свою позицию с 600 человек; тут фланг его был. 2-я, или левая, колонна состояла из двух батальонов австрийских войск: полковника Штрауха и одного батальона полку Велецкого, которая и выступила вместе с правою. Сия колонна маршировала влево от селения Биотты, а правая — к Айроло, где стояли неприятельские посты. 3-я, или средняя, колонна сформировалась из полку генерал-лейтенанта Ферстера, 1-го батальона полка Велецкого, полков: Тыртова, Фертча, двух батальонов полковника Штрауха и следовала по дороге между обеими фланговыми колоннами.

13-го числа генерал-майор князь Багратион с его авангардом пополудни в два часа достиг неприятеля при местечке Айроло и, обзрев его позицию, ударил быстро в правой его фланг гораздо сильнее; тогда укрепленный неприятель, видя его стремление, тотчас обратился в бегство, начав ретироваться по большой дороге Сен-Готардской. В сие время князь Багратион откомандировал немедленно вслед за ним довольно число передовых стрелков, егерей полка его имени, при поручике Лутовинове, дабы неприятель не сделал нападения на левый фланг до прибытия первой дивизии, а сам между тем с своим полком и гранодерскими батальонами, приняв вправо, пошел чрез каменистые горы, дабы по переходе оных отрезать левый неприятельский фланг; полк же егерский Миллера 3-го откомандировал еще правее в часть генерал-майора Барановского. Неприятель, ретируясь и усмотря его предприятие, переменил тотчас свою позицию, остановясь на большой дороге у горы Сен-Готарда; он укрепил свой левый фланг и, засевши за камнями и в ущельях, производил сильный ружейный огонь. Но поручик Лутовинов, с передовыми стрелками его преследуя, несмотря на его сильное сопротивление, ударил на него штыками, при коем сражении тяжело ранен в ногу пулею навывлет, но притом многое число французов положил на месте. Тогда, дабы помянутые стрелки не оставались без начальника, принял тотчас командование случившийся тут полковник граф Шувалов и искусным распоряжением и храбростию побуждал егерей к поражению неприятеля, причем и сам получил тяжелую рану также в ногу пулею навывлет. Напоследок принял команду над помянутыми стрелками бывший при сем самом случае подполковник граф Цукато, который, следуя примеру первых, поражажал жестоко французов. В то время подоспела и первая дивизия под командою генерал-лейтенанта Швейковского, и генерал-майор князь Горчаков вступил тут в дело с неприятелем, занимавшим почти неприступную позицию. Начали передо-

вые войски всех трех колонн производить свои действия; он жестоко противился; колонны наши повели также атаку и, поелику требовала того позиция неприятельская, то разделились они на половине горы и учинили на неприятеля такое нападение, которое принудило его ретироваться. От Вазена был послан генерал-майор Велецкий с полком его имени для наблюдения рассеянного и бегущего неприятеля, к Вализерланду ретировавшегося, даже до селения Госпиталь, куда гнал его весь корпус. Ночью неприятель покушался атаковать полк Ферстера, но был им прогнан, потеряв 7 человек убитыми и одну пушку. От сего места полк Тыртова отправлен был для наблюдения неприятеля к Реальпу.

14-го войски наши выступили чрез Вазен, Урзерн и мост так называемый Тейфельсбрюке, на реке Русс, и прогнали неприятеля до Амштега, но как мост был им испорчен, то, пока успели починить его, принуждены были войски на несколько часов остановиться, в которое время частные отряды и форпосты неприятельские имели случай спастись, отступя частью к Вализерланду, частью по большой дороге чрез Амштег, Альтдорф к Луцерскому озеру.

15-го от Амштега преследуем был неприятель також чрез горы, атакуем будучи правою и левою колоннами, где равномерно и средняя упорно действовала. Неприятель имел свою позицию в ущельях и за огромными камнями, но помощью себя атаки, произведенной с крайним мужеством и таким же порядком, что все оные колонны разделились по мере его распространения, принужден был ретироваться к Амштегской долине, где вся его сила расположена была лагерем. Известясь о приступе наших войск чрез передовые свои посты, он отступил в полночь до Эрстфельда и, став в боевой порядок, устремлял все свое старание, чтобы удержать мост на реке, текущей в долине Шахен-Таль. На рассвете был командирован авангард под командою генерал-майора Милорадовича, дабы атаковать его тремя колоннами, который, принудя неприятеля отступить, гнал его к Луцернскому озеру. В пути своем неприятель по возможности разбираал все мосты; он был в числе 8000 человек с 10 орудиями под предводительством дивизионного генерала Лекурба.

16-го генерал-майор князь Багратион преследовал неприятеля и, узнав, что впереди, в селении Мутентале, находился французский пикет, тотчас отрядил войска Донского полковника Сычева с казаками, приказав ему послать несколько оных в правую сторону пеших, а в левую — конных; сам же между тем с частью егерей полка имени его спустился с горы прямо в средину и, приближаясь к неприятелю так, что он за лесами и скала-

ми того не мог заметить, приказал стремительно со всех сторон на него ударить, приведя тем неприятеля в замешательство, который бросился было бежать, но, не обретая нигде спасения, принужден был отдаться в руки победителям со всем своим оружием. При оном им взято в плен 87 человек с офицером, поколото до 50 и ранено 7 человек.

17-го, после таковых побед, для снабжения войск Вашего Императорского Величества съестными припасами остановились в Мутентале, и 19-го генерал-майор князь Багратион выступил из Мутенталя с его авангардом пополудни в 7 часов чрез горы к местечку Гларису. Дойдя до деревни Кленталь, нашел он там сражающегося с французами императоро-королевской службы генерал-майора Ауфенберга. Князь Багратион тотчас послал полк егерской Миллера 3-го и 100 пеших казаков влево по дороге, дабы взять у неприятеля тыл, поручив оных в команду случившемуся тут подполковнику графу Цукато; два же батальона грандерских, Ломоносова и Калемина, отрядил также влево от горы, а остальные два батальона Дендригина и Санаева построил прямо по дороге; сам же он с полком егерских имени его пошел вправо. Неприятель, имевший тогда превосходнейшее число войск, распределился на четыре колонны, произведя наступательной ружейной огонь. Он тогда выслал передовых стрелков егерей и приказал начать перестрелку; сам, подаваясь вперед, взял гораздо у неприятеля правый его фланг, потом, нимало не мешкая, закричал *ура*, ударил штыками и в ту же минуту опрокинул первые его две колонны; побил и поколот на месте более 70 человек, в плен взял полкового командира, 3-х офицеров и 162 человека рядовых, прочих обратил в бегство и гнал до самого озера, Сейруте называемого, где по причине узкого пути многие бросились в воду, так что потонуло более 200 французов. Невзирая на приближение ночи, преследовал он остальных, поражая беспрестанно по дороге штыками, и гнал до тех пор, пока не прибыл генерал-майор князь Горчаков с частью войск, им командуемых; потом принял он влево к горе, держась небольшого возвышения, где в рассуждении ночи расположился лагерем вблизи от неприятеля.

20-го, поутру рано, неприятель, как был встревожен ружейными выстрелами посланных патрулей, то в ту же минуту отвечивал сильным ружейным же залпом. Тогда авангард, соединясь с первою дивизиею генерал-лейтенанта Швейковского, вступил паки в дело. Неприятель, сколько ни противился, пользуясь неприступным местоположением и присовокупленными к оному укреплениями, был опрокинут. При сем сражении командовавший батальоном полку имени князя Багратиона май-

ор Браурт убит. Сражение сие продолжалось до 10 часов пополудни, и во время ночи генерал-майор князь Багратион занял передовые пикеты и расположился лагерем.

21-го авангард и дивизия Швейковского расположились лагерем при Нефеле в Нейтале, где простояли 22-е и 23-е число до прибытия дивизии Розенберга и Ферстера.

24-го весь корпус выступил из Нейтала чрез Гларис к Бинтнербергу. Князь Багратион с частью войск, им командуемых, составлял арьергард, которого оставшийся назад неприятель вознамерился преследовать. Не доходя местечка Швандена, он извещается о таком его замысле чрез полковника Сычева и посылает немедленно один батальон егерей полка его имени чрез реку влево занять возвышение, а егерской полк Миллера 3-го под командою подполковника графа Цукато и другой батальон его полку оставил пред местечком Шванденом, выстроив в линию 4 батальона гранодерских. Пройдя помянутое местечко, вскоре потом неприятель был встречен. В 7 часов утра началось сражение и продолжалось до 8-го часа вечера. Неприятель имел тогда более 5000 и сражался весьма упорно, но быстрым отражением был опрокинут и прогнан до самого местечка Гларис, поражаемый жестко штыками; его побито более 150, в плен взято 3 офицера и 35 рядовых. Напоследок князь Багратион взял путь к назначенному лагерному месту, куда неприятель преследовать его более уже не осмелился. И так во все сие время неприятельской урон простирается убитыми 510 человек, ранеными и здоровыми в плен взято 367 человек.

Во время сих действий войск Вашего Императорского Величества генерал от инфантерии Розенберг 10-го поутру выступил с корпусом, ему вверенным, из Белинсона и, следуя чрез возвышенные горы на Донгио и Сент-Мария при проливном во весь марш дожде, прибыл в Тавечь 12-го ночью. Там узнал он, что неприятель находится за два часа марша, почему и сделал нужные к открытию его распоряжения; поутру же 13-го двинулся к местечку Урзерну. Не доходя лежащего пред ним озера мили две, между двух возвышенных гор к западу открыт был передовыми казачьими войсками неприятель, имевший свои пикеты впереди за милю, за коими держался во множестве землянок и шалашей. Когда сбиты были казаками передовые их пикеты и когда учинена ими была атака рассыпная, то генерал Розенберг отрядил генерал-майора Милорадовича с авангардом вперед между гор с тем, чтобы он сколь возможно поспешнее старался занять возвышения оных с левой нашей стороны. Казакам, открывшим неприятеля, велел придерживаться направо, батальону егерей Кашкина и полку Ребиндера идти против

центра неприятельской позиции, а генерал-майору [Мансурову], с его полком, заранее посланному чрез возвышение гор вправо, ежели возможно, зайти неприятелю в тыл. Когда лишь только двинулся генерал-майор Милорадович вперед, то вдруг неприятель сделал сильную перестрелку, однако ж без всякого успеха. Егери батальона Сабанеева, в авангарде находящиеся, и мушкетеры Милорадовича поспешно взошли на гору и сбили неприятеля вниз к озеру, который, проходя его, ударился на наш правый фланг, но батальоном егерей Кашкина и подоспевшим с гор полком Мансурова был сбит оттуда вниз к правому берегу озера Урзерн. Положение места сего болотистое, а потому и кавалерии пробраться на него было не можно, и покуда полк Ребиндера по сим болотам противу его проходил, он успел выстроить две колонны за возвышенною громадою камней; но полку Ребиндера охотники с обеих сторон егерские батальоны и мушкетерские полки, да троекратные три пушечные выстрелы, совсем оные смешали, и они показали тыл. Полк Ребиндера бросился вслед за ними, поража их выстрелами и штыками до самой горы пред местечком Урзерн. Генерал-майор Харламов был в сие время впереди, оказал свою храбрость двукратным падением в штыки и получил тяжелую рану в плечо. Разбитый неприятель на поспешном его бегу чрез шесть верст потерял убитыми на месте более ста человек, да столько же успел стащить вниз раненых. Когда лишь заняли наши возвышение гор пред местечком Урзерном и начали устраиваться в порядок атаки, то стоящий особливо внизу неприятель и присовокупившийся к нему разбитый, разделился на шесть колонн и устроил две противу левого флангу, две противу правого к Тейфельсбрюку и начал устремлять на нас гранатные выстрелы, которые за возвышением гор никакого успеха не имели в устроении порядка к атаке, в ожидании прибытия от стороны С[ент]-Гот-Гортеберга корпуса генерала Дерфельдена и с обеих сторон гор наших полков людей, прошло более часа, и наступил вечер. Тогда Розенберг с войсками спустился под выстрелами с превысокой горы на стоящего внизу неприятеля в следующем порядке: генерал-майор Милорадович с авангардом с левой стороны, генерал-майор Кашкин с батальоном егерей и генерал-лейтенант Ребиндер с своим полком в середине; батальон полку Мансурова возле него, а с другим батальоном полковник Трубников справа от Тейфельсбрюка против Вейскирхена; из первого две роты в команде майора князя Мещеркого 1-го примыкали к батальону Трубникова. Скорость, с каковою войска с горы на неприятеля спустились, была невероятно поспешна и никак неприятелем не ожидаема, а залп, по нем произведенный, и удары штыками совсем смешали все его

колонны, и он, оставя нам местечко Урзерн, обратился в бег к Тейфельсбрюку по вышинам гор. Густой туман, покрывавший долину, и наступившая темнота ночи пресекали сражение, и мы остались после трудов в поле пользоваться добычами: оные состояли из хлеба на день для целого корпуса, двух пушек и одного единорога с снарядами, да из 370 тысяч патронов.

Неприятельская при сем случае потеря простирается в убитых на месте за 180 человек, в погоню ж за ним и тут в плен взято: майор 1 и 40 нижних чинов.

На рассвете 14-го числа генерал-майор Мансуров с его и с занимавшим деревню Вейскирхен его полка батальоном отряжен был на мост Тейфельсбрюк. От батальона егерей Кашкина до 200 охотников с майором Тревогиным посланы были чрез реку Русс на превысокую гору с левой стороны против Тейфельсбрюка. Первый с правой стороны Русса, приближаясь к утесу горы по ведущей чрез знатный каменный пролом, называемой Урзерн-Лох, дороге, занимает оный, прогоняет из него и с самого мосту неприятеля. Егери Кашкина и полковник Свищов с батальоном с высоты гор ему способствуют. Старавшийся совсем испортить мост неприятель не допускается, на том месте поражается, падает в Русс, срывает остающиеся с лафета пушки и бросает в воду. Майор князь Мещерской первый переходит на ту сторону чрез испорченный мост, переводит туда генерала и офицера с помощью шарфа, нижние чины за ними следуют по оставшемуся бревну, бегут за неприятелем, гонят и теснят везде по пути его. Свищов и Тревогин также по горам спускаются и его поражают. Генерал-майор граф Каменский с левой стороны гор поспекает на его поражение и продолжает гнать за местечко Вазен. На высотах и по дороге теряет неприятель более 280 человек. За Вазеном в некотором расстоянии неприятель портит мост, и потому 14-го числа, покуда не поправили оный, преследовать его далее было не можно.

15-го на рассвете, по изготовлении переправы, Милорадович с авангардом выступает вперед, гонит неприятеля и находит другой мост в Амштеге сожженным. Сие ни его, ни целый корпус не удерживает, все идут по тлеющим бревнам к Альтдорфу, принимают из французского магазейна несколько мешков муки и выгоняют из лагерей неприятеля. При сближении к Альтдорфу удерживается он на горах между стенами и на мосту пред оным; он защищает сии места пушкою, но, не будучи в состоянии противиться наступившим на него, оставляет мост и убитых на сем месте до 80 человек, бежит чрез местечко Альтдорф и оставляет нам оное. В продолжение сражения

в сии три дни неприятель потерял убитыми за 640 человек, да вдвое противу того ранеными, которых он на веревках утаскивал с собою. В плен взято: 1 майор и 40 нижних чинов.

16-го генерал Розенберг, оставя из своего корпуса в городе Альтдорфе мушкетерский полк Фертча и 100 казаков в команде войскового старшины Курнакова 1-го для прикрытия вычужных обозов, выступил к Мутенталю вслед за корпусом генерала Дерфельдена. В сие время державшийся за Альтдорфом при озере в окопах неприятель произвел на Фертча жестокую атаку в намерении овладеть городом и отрезать наши обозы. Генерал-майор Фертч не токмо до того не допустил его, но даже принудил отступить в прежнюю позицию с потерей убитыми до 60, да ранеными еще более, кои унес с собою. Здесь для большего обеспечения прибыл откомандированный с полком своим Мансуров, и на другой день, когда пошли за корпусами обозы, неприятель предпринимал и на оные покушения, но, будучи им встречен храбро, оставил нам в плен одного офицера, возвратился назад и дал свободный путь как ему, так и обозу.

17-го прибыл в Мутенталь генерал Розенберг с его корпусом и по выступлении оттолк корпус генерала Дерфельдена оставлен был там и с ним дивизия еще генерал-лейтенанта Ферстера, и казачьи полки Денисова и Курнакова на случай неприятельского нападения.

19-го поутру передовые с обеих сторон пикеты имели перестрелку. Пополудни в два часа неприятель, рассеяв своих тиральеров впереди, сделал атаку начально на пикеты, потом на стоявшую впереди роту егерей и далее на расположенные за монастырем наши войски. Маневры передовых войск, как-то: казаков и егерей, — заманили его и довели до последних; тут встречен был он егерским полком Кашкина, мушкетерским Ребиндера и казачьими полками. Два часа продолжался жестокой огонь, и неприятель был сбит назад, но, получив подкрепление, наступил на нас паки с жестокостию по косогорам с обеих флангов, почему и отряжены были от него на подкрепление прежних полки мушкетерские: Ферстера, Милорадовича и Веллецкого, кои вместе и ударили на неприятеля выстрелами и штыками, испровергли его замыслы и прогнали верст за шесть от Мутенталю по дороге к Швицу. Казаки Денисова и Курнакова много тут споспешествовали; последний из них, поразив и пленив неприятеля на левом фланге, бросился чрез реку Мутен вброд и вплавь, опрокинул по горам и в лесу неприятеля, нашел на засевшего в каменьях, вытеснил его из-за оных спешенными казаками, действовал, где удобно, и конными. Первый

же, Денисов, пробрался с левого флангу через лес и горы, гнал неприятеля, пока позволяло место. Генерал-лейтенант Ребиндер и генерал-майор Кашкин с своими полками, поражая неприятеля выстрелами и штыками, пленив довольно, отбили осьми-фунтовую пушку, которая по заклепанию зарыта в землю, поелику тяжесть ее везти не позволяла. Генерал-лейтенант Ферстер, генерал-майоры Милорадович и Велецкой, заняв нужные позиции, сразили неприятеля, гнездившегося в лесу и над рекою; гнали его чрез шесть верст к Швицу, действуя выстрелами и штыками. Сего дня было там в деле противу нас 8000 под командою генерала Мортье, число, нас гораздо превосходнейшее; из оного убито до 500, загнанных в реку потонуло более 100, взято в плен 70 да ранено за тысячу человек, из коих некоторые остались пленными, прочие же были уведены неприятелем. Ночь пресекла сие сражение, и войски были поставлены в прежнюю позицию. Велецкому с батальоном полку его, впереди расположенному, приказано было в случае неприятельского покушения иметь перестрелку и примыкать с пикетами к левому флангу.

20-го в 11-м часу утра неприятель, собравшись в числе за 10 000 и быв устроен своим главнокомандующим в Швейцарии генералом Массеной, в присутствии его произвел на нас атаку с большою стремительностию. Велецкий, выполняя в точности ему приказанное, с передовыми пикетами и его батальоном, отстреливаясь, отступает к левому флангу и заманивает неприятеля за собою в ровную долину к устроенным там в боевом порядке нашим силам, коими целою линиею поражен был штыками так, что, потеряв множество убитыми и смертельно ранеными, показал нам свой тыл. Полки Ферстера, Велецкого, Мансурова и егерский Кашкина на бегу не переставали поражать его, а батальон Фертча, усмотря оное, також бросился вслед и продолжал делать то же.

Казачьи полки Денисова и Курнакова открывали рассеянно неприятеля в выгодных его местах, мнящего на некоторое время удержаться, купно с пехотными били и брали в полон.

Неприятель потерял на месте жестокого сражения и в погоне, чрез 12 верст до Швица, убитыми: 1-го генерала Ла-Гурье и до 3000 разных чинов; в реке потонуло более 300, побилось с крутизны гор до 200; в плен взято: генерал Лекурб, 1 бригадный и 1 батальонный командиры, 13 офицеров и 1200 рядовых. Сверх того до 400 оставлено раненых в лесу, коих приказано собрать жителям в Мутентале. Отбито 5 пушек, из коих одна 12-фунтовая, стоявшая на мосту, обращена была на поражение бегущего неприятеля к Швицу. Генерал Массена и с ним некоторая часть войск

спаслись бегством. Итак, потеря неприятельская при Альтдорфе и в два дни при Мутентале простирается убитыми: 1 генерал да разных чинов свыше 4000; пленено: генерал-майор Лекурб, полковников — 3, штаб- и обер-офицеров — 37, нижних чинов — 2778; пушек отбито — 10, один единорог и знамя. Наш урон простирается убитыми нижеписанных полков полковники: Ребиндера — Свищов, Барановского — фон Тиллер, Мансурова — Трубников; Его Императорского Высочества адъютант Ланг, подполковник Поздеев 4-й, егерского князя Багратиона — майор Браурт, Ребиндера — артиллерийский поручик Баннер; егерского Багратиона капитаны: Суворов, Рубакин и подпоручик Барбер; поручики: Мансурова — Суходольской, Фертча — Шишкевич, егерского Миллера 3-го — Шультман и сводного гранодерского Калемина батальона — Ган; капитаны: Мансурова — Рушкин и егерского Кашкина — Штенгер; подпоручики: Швейковского — Воронец 1-й, Барановского — Мальшев, гранодерского Дендригина батальона — Брашеван; полка Ферстера — адъютант Терновской; Мансурова — прапорщик Радышевский; Фертча — лекарь — 1, нижних чинов — 639; ранено, генерал-майоры: князь Горчаков пулею в голову, князь Багратион контузией от картечи, Курнаков в обе руки пулями, Харламов в плечо навывлет пулею и Мансуров в обе ноги контузиями; полковники: граф Шувалов пулей и Хитров контузией; подполковники: граф Цукато, Паскаль, Стоянов, Штрик и Поздеев 6-ой; майоры: Сабанеев, Катков, Филисов, Епифанов и Каниской; обер-офицеров — 35, нижних чинов — 1317.

Все сии победы пребудут новыми вечными памятниками неутомимой храбрости российского войска в изгнании неприятеля из самых неприступнейших, природою укрепленных местоположений и уподоблялись действительным штурмам, каких больше упорнейших и кровавых было три при восхождении на С.-Готард. <...>

**Письмо подполковнику Г. Клинтону
о планах дальнейших операций в Швейцарии
Октябрь 1799 г.**

Эрцгерцог Карл, когда он не при дворе, а на походе, такой же генерал, как и Суворов, с тою разницею, что сей последний старше его своею практикою и опроверг теорию нынешнего века, особливо в недавнее время победами в Польше и в Италии; посему ему и диктовать правила военного искусства. Всякие переговоры при свиданиях, где обыкновенно примешиваются личные интересы, были бы обременительны. Вкратце вся тайна состоит в следующем:

1. Вновь разместить свою армию по удобным квартирам.
 2. Быть там поскорее. Дабы скорее разместиться и приготовиться к предстоящим действиям.
 3. Сии последние должны начаться зимою, как только дороги станут проходимыми.
 4. У эрцгерцога армия много сильнее; он должен действовать всеми силами, выключая несколько отрядов.
 5. Русские и проч. присоединятся к нему.
 6. Двигаться по прямой, а не параллельно.
 7. Да не будет зависти, отступлений, отвлекающих атак, что все принадлежит к детским играм.
 8. С высоты расположения атаковать неприятеля по центру, искусно гнать его, не давая времени опомниться, раздавить его, а после выгнать остатки из всей Швейцарии и окончательно освободить ее — сие уже труды невеликие.
- Разбитые части легко могут быть уничтожены после в короткое время.
9. На все сие потребен месяц. Нужно только беречься адских козней, разных теорий.

**Из записки
о плане новой кампании против Франции
Ноябрь 1799 г.**

Мой учитель Юлий Цезарь говорит, что тот не сделал ничего, кто не закончил дело полностью.

Италия — это прелюдия. Идти до геркулесовых столбов, подобно англичанам, только что покончившим с Типу-Саибом. Вечность принадлежит только Господу Богу.

По желанию нужно дать проект; проект требует плана. Уже из Турина я намеревался идти через Гренобль в Лион, а оттуда — до Парижа, но прежде только покончив с Италией.

Мне же в разгар моих военных операций мешает педантизм Вены, которая по своему невежеству видела одну только Мантую, являющуюся для меня ничтожным объектом вместе с обманчивой Полезиной, занималась проволочками, чтобы довести дело до нового позорного Кампо-Формио, и совершенно ослабила мою армию.

Таковы планы кабинетов. Разумно, что они знают, например, министры Великобритании, какие из завоеванных островов должны ей принадлежать, но искусство завоевания других принадлежит лишь генералу повыше квартирмейстера, который выше любого писака.

Не всегда можно найти Питтов, Кауницев, Паниных, но ме-

нее редки Тугуты, которые жертвуют наследственными владениями для незаконных вторжений в чужие страны под предлогом окружения — метеоры, которые не могут долго существовать, как несправедливость.

Таков был последний план совиного гнезда, который увял, не успевши расцвести. Произошла потеря могущественного союзника и почти разгром генерала в разгаре его порыва, лишь бы не обратиться к его совету...

Во французском королевстве мы сильны для двух операций:
1) Восстановив базу в Турине, идем через Дофине, Лион и т.д., воссоздав пьемонтскую армию, возвращаем короля в Турин (не говорим ничего об Александрии, Валенце, Казале, Тортоне, о бывшем Миланском государстве). Сохраняйте там замки...

2) Через Франш-Конте...

Не надо методизма, посредничества, демонстраций, соперничества: все это лишь детские забавы. Не надо десантов, если только не в прославленной Вандее, когда та или иная армия на пути к Парижу.

Вот единственный план генерала, в общих чертах; подробности зависят от обстоятельств, хозяином которых должен быть он. Примерные планы кабинетов существуют лишь для проформы, поскольку они никогда не были выполнены, как, например, последняя кампания должна была закончиться на Адде, а окончилась в Милане.

Итак, Марс, руководимый своим рассудком, а не кабинетом, погруженным в свое невежество, ответит за генерала, которому провидение поможет в его устремлении совершить [essov] все и даже в одну-единственную кампанию.

На полях сделана следующая приписка: Начать со Швейцарии по первому же снегу, чтобы приготовиться к весне начать главную операцию... Но надо, чтобы во главе соединенных армий находился лишь один главнокомандующий, на случай, если он не пойдет к Висле.

**Подробности плана кампании, составленного
к предстоящему походу против Франции
20 ноября 1799 г.**

Кони должно быть взято возможно скорее через Ниццу, Генуя занята. Фрейлих покончит с Анконой, присоединится к Клейнау и пойдет далее. Генуя не потребует многого. Остается очистить западную Ривьеру. После последних побед Меласа неприятель не может иметь там более 15 000 солдат, остальные — крестьяне, но он их [войска] будет иметь к весне.

Оттуда операция через Дофине. Надо учредить нашу базу в Турине; много огнестрельного оружия для контрреволюции, некогда простые колья были достаточны против копий.

Франш-Конте. Надо начать с освобождения Швейцарии по первым же проходимым зимним дорогам.

Там достаточно эрцгерцога Карла и швейцарцев, даже если противник усилится, ввиду того, что за последнее время в Цюрихе и других местах неприятель потерял в три-четыре раза более, чем австрийцы.

Но, если там будет назначен генерал, он будет действовать совместно, как главнокомандующий...

Швейцария вооружится для собственной обороны и для создания своей милиции, из которой будет взято сколько можно для содействия главной операции, которая начнется весной после отдыха войск на зимних квартирах.

Было бы хорошо начать через Майнц, как надежный пункт для базы. Впрочем, здесь будет оставлен наблюдательный корпус в соответствии с численностью гарнизона, чтобы по меньшей мере отрезать подвоз продовольствия, иначе его там было бы в избытке.

В направлении Келя будет действовать летучий корпус [корволант]. Вооруженные жители Гризонов, Тироля и, я сказал бы, даже Милана, как и повстанцы, будут поддержаны еще несколькими отрядами, стараясь не ослабить армию, а также Романья, Тоскана и т.д. против неприятельских десантов. Им, десантам, помимо всего прочего, будет оказано противодействие со стороны нашего флота. Пьемонт будет достаточно защищен собственной милицией, и коалиционная армия короля сможет объединиться и двинуться во Францию.

Если генерал будет назначен главнокомандующим для действий в этом направлении, необходимо, чтобы он повернул сюда со своей армией вовремя, поэтому ему не для чего терять время на Швейцарию, откуда он сможет выбраться только путем большого обхода.

Записка

с общими замечаниями о кампании 1799 года

7 марта 1800 г.

Я шаг за шагом возвращаюсь с другого света, куда меня утянула неумолимая фликтена с большими мучениями.

Вот моя тактика: отвага, мужество, пронзительность, предусмотрительность, порядок, умеренность, правило, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение.

Все кампании различны между собой. Польша требовала массы, в Италии надо было, чтобы повсюду гремел гром. Численность войск должна постоянно проверяться. В Вероне я немедленно заставил свои войска принять мои правила в действие во время кампании. Я преуспел свыше ожидания и не ошибся в их важности. Моей целью было разбить неприятеля в сражении, отрезать его от крепости и лишить их [крепости] помощи.

Я отделил от моих войск достаточное число для занятия пунктов и оставил себе для поражения неприятеля меньше сил, чем у него. Так, под Ваприо, когда крылья армии были заняты переходом через Адду, правее Кассано, 8000 австрийцев разбили от 16 до 18 тысяч неприятелей; один миг, и мы в Милане.

Не останавливаясь там, я нацелился на крупный туринский магазин. Завладев Туринном и Тортоной, мы разбили неприятеля у Маренго, который, считая себя в опасности под Александрией, отступил в горы. Как хозяева положения — мы в Турине, где тотчас потребовали добрую часть запасов из этого крупного магазина, который нас обеспечил до конца кампании и освободил от расходов. Тотчас же началась осада замка городскими пушками. Лумелла была в наших руках, за исключением заблокированных цитаделей Александрии и Тортоны. Подошел Макдональд с превосходящими силами (и оттого-то автор «Precis de Hambourg», не понимая полета Марса, запутался в обычных военных правилах и назвал принципы Великого — ошибками), был разбит 21 000 человек в три дня на Тидоне и Треббии, а на четвертый теряет свой аррьергард на Нуре и спасается с остатками едва в 8000 человек из 30-тысячной армии, которая у него была. Тоскана, а потом Романья — наши, Генуя, ободренная нашим добрым отношением к пьемонтцам, в начале кампании склонялась [к нам], но после случившейся перемены боялась мстительного деспотизма. Все было готово для изгнания неприятеля и с Запада, как главный корпус моей армии был вынужден идти к Мантуе, которую я принудил к сдаче. Тем не менее мы продвигались вперед, когда лучшие силы корпуса были повергнуты в Тоскану под предлогом защиты страны, где уже не было неприятеля.

Вернувшись в Александрию, я узнал, что кабинет хочет, чтобы я оставил Турин, но замок был уже наш; так же, как и прежде, он настаивал, чтобы я не переходил реку По, когда я уже перешел. Под Александрией мне было сказано, чтобы и не помышлял ни о Франции, ни о Савойе. Пока мне чинили препятствия, миланский замок сдался, и нам оставалось только взять Тортоно.

Кабинет мне предписал не делать более никаких завоеваний.

Тортон дала нам возможность выиграть кровопролитное сражение при Нови, где 38 000 наших разбили 43 000 человек неприятеля.

Разгромленный неприятель не имел других пополнений, кроме новобранцев. Вскоре Тортон пала.

Нам требовалось 15 дней, чтобы очистить Италию, но меня прогнали в Швейцарию, чтобы там уничтожить. Эрцгерцог при приближении нового русского корпуса хотя и располагал армией, на одну треть сильнее русской, все же предоставил ей удерживать все занятые пункты и хладнокровно ушел, не помышляя о возвращении.

Тогда неприятель, благодаря перевесу в силах, добился блестящих успехов. Я был отрезан и окружен; день и ночь мы били врага и в хвост и в гриву, брали у него пушки, которые бросали в пропасти за неимением транспортов. Враг потерял в 4 раза больше нас. Мы везде проходили с победой и соединились в Куре. Оттуда выступили через Брегенц и Линдау к Констанцскому озеру.

Не ожидая от эрцгерцога ничего, кроме демонстраций и зависти, я вызвал к себе цюрихские русские войска из Шафгаузена и направился на отдых в Швабию, в Аугсбург.

Итак, гора родила мышь. Наш мудрый первоначальный образ действий в Пьемонте сильно повлиял [на жителей] вплоть до Лиона и даже на Париж, за который я отвечал бы в день Богоявления. Не владея искусством ни ведения войны, ни установления мира, кабинет, погрязший в лукавстве и коварстве, вместо Франции заставил нас все бросить и отправиться по домам.

Его последним коварным поступком в Праге была попытка меня вернуть и заставить войти во Франконию, но на тех же основаниях, что и в Швейцарии. Я заявил, что выполню это только при условии, если ясно увижу под моими знаменами 100 000 человек. Правда, никто не выиграет больше, чем Англия, от продолжения войны. После потери Нидерландов, ваше превосходительство, извольте учесть, что были возвращены обратно Милан, Тоскана и Венеция, завоеваны Романья и, главное, Пьемонт. Вы убедитесь, что Австрия стала в три раза сильнее, чем была прежде, чтобы продолжать войну совместно с Англией.

Суворов А.В. Документы / Под общей редакцией генерал-майора В.Д. Стырова и генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина (Главное архивное управление МВД СССР. Центр. Гос. военно-исторический архив. Институт истории Академии Наук СССР. Материалы по истории русской армии. Русские полководцы). Т. I–IV. Сост. Э.М. Новикова. Под ред. полк. Г.П. Мещерякова. — М.: Воениздат, 1949–1953. Суворов А.В. Письма. — Издание подготовил В.С. Лопатин. — М.: Наука, 1986.

СУВОРОВ И ЕГО «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

Д. Давыдов
СУВОРОВ

Семилетнего возраста моего я жил под солдатскою палаткою, при отце моем, командовавшем тогда Полтавским легкоконным полком, — об этом где-то было уже сказано. Забавы детства моего состояли в метании ружьем и в маршировке, а верх блаженства — в езде на казачьей лошади с покойным Филиппом Михайловичем Ежовым, сотником Донского войска.

Как резвому ребенку не полюбить всего военного при всечасном зрелище солдат и лагеря? А тип всего военного, русского, родного военного, не был ли тогда Суворов? Не Суворовым ли занимались и лагерные сборища, и гражданские общества того времени? Не он ли был предметом восхищений и благословений, заочно и лично, всех и каждого? Его таинственность в постоянно употребляемых им странностях наперекор условным странностям света; его предприятия, казавшиеся исполняемыми как будто очертя голову; его молниелетные переходы, его громовые победы на неожиданных ни нами, ни неприятелем точках театра военных действий — вся эта поэзия событий, подвигов, побед, славы, продолжавшихся несколько десятков лет сряду, все отзывалось в свежей, в молодой России полной поэзией, как все, что свежо и молодо.

Он был сыном генерал-аншефа, человека весьма умного и образованного в свое время; оценив просвещение, он неослабно наблюдал за воспитанием сына и дочери (княгини Горчаковой). Александр Васильевич изучил основательно языки: французский, немецкий, турецкий и отчасти италийский; до поступле-

ния своего на службу он не обнаруживал никаких странностей. Совершив славные партизанские подвиги во время Семилетней войны, он узнал, что такое люди; убедившись в невозможности достигнуть высших степеней наперекор могущественным завистникам, он стал отличаться причудами и странностями. Завистники его, видя эти странности и не подозревая истинной причины его успехов, вполне оцененных великой Екатериной, относили все его победы лишь слепому счастью.

Суворов вполне олицетворил собою героя трагедии Шекспира, поражающего в одно время комическим буфонством и смелыми порывами гения. Гордый от природы, он постоянно боролся с волею всемогущих вельмож времен Екатерины. Он в глаза насмехался над могущественным Потемкиным, хотя часто писал ему весьма почтительные письма, и ссорился с всемогущим австрийским министром бароном Тугутом. Он называл часто Потемкина и графа Разумовского своими благодетелями; отправляясь в Италию, Суворов пал к ногам Павла¹. Было ли это следствием расчета, к которому он прибегал для того, чтобы вводить в заблуждение наблюдателей, которых он любил ставить в недоумение, или, действуя на массы своими странностями, преступавшими за черту обыкновения, он хотел приковать к себе всеобщее внимание?

Если вся жизнь этого изумительного человека, одаренного нежным сердцем², возвышенным умом и высокою душой, была лишь театральным представлением и все его поступки заблаговременно обдуманы, весьма любопытно знать: когда он был в естественном положении? Балагурия и напускная на себя разного рода причуды, он в то же время отдавал приказания армиям, обнаруживавшие могучий гений. Беседуя с глазу на глаз с Екатериной о высших военных и политических предметах, он удивлял эту необычайную женщину своим оригинальным, превосходным умом и обширными разносторонними сведе-

¹ Известно, что он упал к ногам Павла, говоря: «Боже, спаси царей!» «Вам, — сказал император, — предстоит спасать их». Видя, что Суворов с трудом подымается, государь сказал своим придворным: «Помогите встать графу». При этих словах Суворов сам быстро встал, воскликнул: «О, помилуй Бог, Суворов сам подымается, никто в том ему не помогает».

² Суворов просился однажды в Москву в отпуск с Моздокской линии, устроение которой ему было поручено. Так как императрица не изъявила своего согласия на продолжительный отпуск, он получил лишь пятнадцатидневный. Прибыв в Москву ночью, он благословил спящих детей и тотчас предпринял возвратный путь на линию.

ниями¹; поражая вельмож своими высокими подвигами, он язвил их насмешками, достойными Аристофана и Пирона. Во время боя, следя внимательно за всеми обстоятельствами, он вполне обнимал и проникал их своим орлиным взглядом. В минуты, где беседа его с государственными людьми становилась наиболее любопытною, когда он со свойственной ему ясностью и красноречием излагал ход дел, он внезапно вскакивал на стул и пел петухом, либо казался усыпленным вследствие подобного разговора; таким образом поступил он с графом Разумовским и эрцгерцогом Карлом. Лишь только они начинали говорить о военных действиях, Суворов, по-видимому, засыпал, что вынуждало их изменять разговор, или, увлекая их своим красноречием, он внезапно прерывал свой рассказ криками петуха. Эрцгерцог, оскорбившись этим, сказал ему: «Вы, вероятно, граф, не почитаете меня достаточно умным и образованным, чтобы слушать ваши поучительные и красноречивые речи?» На это Суворов возразил ему: «Проживете с моих лет и испытаете то, что я испытал, и вы тогда запоете не петухом, а курицей». Набожный до суеверия, он своими причудами в храмах вызывал улыбку самих священнослужителей.

Многие указывают на Суворова, как на человека сумасбродного, невежду, злодея, не уступавшего в жестокости Аттиле и Тамерлану, и отказывают ему даже в военном гении. Хотя я вполне сознаю свое бессилие и неспособность, чтобы вполне опровергнуть все возводимые на этого великого человека клеветы, но я дерзаю, хотя слабо, возражать порицателям его.

Предводительствуя российскими армиями пятьдесят пять лет сряду, он не сделал несчастным ни одного чиновника и рядового; он, не ударив ни разу солдата, карал виновных лишь насмешками, прозвищами в народном духе, которые врезывались в них, как клейма. Он иногда приказывал людей, не заслуживших его расположения, выкуривать жаровнями. Кровавое пролитие при взятии Измаила и Праги было лишь прямым последствием всякого штурма после продолжительной и упорной обороны. Во всех войнах в Азии, где каждый житель есть вместе

¹ Однажды Военная коллегия жаловалась императрице на Суворова, в полках которого было слишком много музыкантов, что вынуждало его уменьшать число фронтовых солдат. Собран был военный совет, на котором присутствовал и Суворов, который, выслушав все мнения, сказал: «Хороший и полный хор музыкантов возвышает дух солдат, расширяет шаг; это ведет к победе — а победа к славе». Императрица вполне предоставила это дело на его благоусмотрение. (Многие сведения о великом Суворове были мне сообщены князем Андреем Ивановичем Горчаковым.)

с тем воин, и в Европе во время народной войны, когда гарнизоны, вспомоществуемые жителями, отражают неприятеля, всякий приступ неминуемо сопровождается кровопролитием. Вспомним кровопролитные штурмы Сарагосы и Тарангоны; последнему овладел человеколюбивый и благородный Сюшет. Вспомним, наконец, варварские поступки англичан в Индии; эти народы, кичащиеся своим просвещением, упоминая о кровопролитии при взятии Измаила и Праги, умалчивают о совершенных ими злодеяниях, не оправдываемых даже обстоятельствами. Нет сомнения, что, если б французы овладели приступом городами Сен-Жан-д'Акр и Смоленском, они поступили бы таким же образом, потому что ожесточение осаждающих возрастает по мере сопротивления гарнизона. Штурмующие, воровавшись в улицы и дома, еще обороняемые защитниками, приходят в остервенение; начальники не в состоянии обуздать порыв войск до полного низложения гарнизона.

Таким образом были взяты Измаил и Прага. Легко осуждать это в кабинете, вне круга ожесточенного боя, но христианская вера, совесть и человеколюбивый голос начальников не в состоянии остановить ожесточенных и упоенных победою солдат. Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших мстью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстромом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить свое мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова¹.

В это время здравствовал еще знаменитый Румянцев, некогда начальник Суворова, и некоторые другие вожди, украшавшие век чудес — век Екатерины; но блеск имен их тонул уже в ослепительных лучах этого самобытного, не разгадываемого метеора, увлекавшего за собою весь мир чувств, умов, вниманий и доверенности своих соотечичей, и увлекавшего тем, что в нем не было ни малейшего противозвучия общей гармонии мыслей, поверий, предрассудков, страстей, исключительно им принадлежащих. Сверх того, когда и по сию пору войско наше многими

¹ Взятие Варшавы в 1831 году без грабежа нисколько не опровергает всего мною сказанного, ибо гарнизон города имел свободный выход, которым и воспользовался. Если б гарнизон нашел вынужденным сражаться на улицах, в домах и костелах, город подвергся бы страшным бедствиям.

еще почитается сборищем истуканов и кукол, двигающихся по средству одной пружины, называемой страхом начальства, — он более полувека тому назад положил руку на сердце русского солдата и изучил его биение. Он уверился, вопреки мнению и того, и нашего времени мнимых наблюдателей, что русский солдат, если не более, то, конечно, не менее всякого иностранного солдата, причастен воспламенению и познанию своего достоинства, и на этой уверенности основал образ своих с ним сношений. Найдя повинование начальству — сей необходимый, сей единственный склей всей армии — доведенным в нашей армии до совершенства, но посредством коего полководец может достигнуть до некоторых только известных пределов, он тем не довольствовался. Он удесятерил пользу, присимую повинованием, сочетав его в душе нашего солдата с чувством воинской гордости и уверенности в превосходстве его над всеми солдатами в мире — чувством, которого следствию нет пределов.

Прежние полководцы, вступая в командование войсками, обращались к войскам с пышными, непонятными для них речами. Суворов предпочел жить среди войска и вполне его изучил; его добродушие, доходившее до простодушия, его причуды в народном духе привлекали к нему сердца солдат. Он говорил с ними в походах и в лагере их наречием. Вместо огромных штабов он окружал себя людьми простыми, так, например, Тищенкою, Ставраковым.

Но к чему послужило бы, я скажу более, долго ли продолжалось бы на своей высоте это подъятие духа в войсках, вверенных его начальству, если б воинские его дарования — я не говорю уже о неколебимой стойкости его характера и неограниченной его предприимчивости, — если б воинские его дарования хотя немного уступали неустранимости и самоотвержению, которые он посеял в воинах, исполнявших его предначертания? Если б, подобно всем полководцам своего времени, он продолжал идти тесною стезею искусства, продолженною посредственностью, и не шагнул исполински и махом на пространство широкое, разгульное, им одним угаданное, и которое до сей поры никто не посещал после него, кроме Наполеона? <...>

Суворов застал военное искусство основанным на самых жалких началах. Наступательное действие состояло в движении войск, растянутых и рассеянных по чрезмерному пространству, чтобы, как говорили тогда, *охватить оба крыла противника и поставить его между двух огней*. Оборонительное действие не уступало в нелепости наступательному. Вместо

того, чтобы, пользуясь сим рассеянием войск противника, ударить совокупно на средину, разреженную и слабую от чрезмерного протяжения линии, и, разорвав ее на две части, поражать каждую порознь, — полководцы, действовавшие оборонительно, растягивали силы свои наравне с наступательной армией, занимая и защищая каждый путь, каждую тропинку, каждое отверстие, которым она могла к нам приблизиться. Некоторые — и те почитались уже превосходнейшими вождями, — некоторые решались изменять оборонительное действие в наступательное, растягивая силы свои еще более растянутых сил неприятельской армии, чтобы со своей стороны *охватить оба ее крыла* и поставить ее *между двух огней* обоих крыл своих. К этому надобно прибавить так называемые демонстрации отряженными для сего частями армии на далекое расстояние, отчего только уменьшалась числительная сила главной массы, определенной для боя. К демонстрациям можно присоединить фальшивые атаки, которые никого не обманывают; размеренные переходы войск, которые только способствовали неприятелю рассчитывать время их прибытия к мете, им назначенной, следовательно, и предупредить намерения их начальника; и, наконец, большую заботливость о механическом устройстве подвозов с пищею в определенные сроки, чем о предметах, касающихся собственно до битв, и тем самым полное подданство военных соображений и действия соображению и действию чиновников, управляющих способами пропитания армии. Такова была стратегия того времени! Тактика представляла не менее нелепостей: когда дело доходило до сражения, важнейшие условия для принятия битвы состояли в избрании местоположения более или менее возвышенного, в примкнутии обоих крыл армии к искусственным или природным препятствиям и в отражении оттуда неприятельских усилий, *не двигаясь с места*. При нападении на неприятеля — употребление фальшивых атак, которые никого не обманывали, и действие более огнем, чем холодным оружием; нигде решительности, везде ошупь и колебание воли.

Можно представить себе, как поступил с таковыми преградами гений беспокойный, своенравный, независимый.

Еще полковником Астраханского гренадерского полка, на маневрах у Красного Села, где одна сторона предводительствуема была графом Паниным, а другая самой Екатериною, Суворов, который давно уже негодовал на методические движения, в то время почитаемые во всей Европе совершенством военного искусства, и на долговременную стрельбу во время боя, по мнению его ничего не решавшую, осмелился показать Великой монархине и своим начальникам образ действия, приличней-

ший для духа русского солдата, и испортил маневр порывом своевольным и неожиданным. Среди одного из самых педантических движений, сопряженного с залпами *плутонгами* и *полуплутонгами*, он вдруг прекратил стрельбу своего полка, двинулся с ним вон из линии, ворвался в средину противной стороны, замешал часть ее и все предначертания и распоряжения обоих начальников перепутал и обратил все в хаос. Спустя несколько месяцев, когда ему предписано было идти с полком из Петербурга в Ригу, он не пропустил и этого случая, чтобы не открыть глаз и не обратить внимания на пользу, какую могут принести переходы войск, выступающие из расчета, укоренившегося навыком и употребляемого тогда всеми без исключения. Посадив один взвод на поводы и взяв с ним полную казну и знамя, он прибыл в восемь дней в Ригу и оттуда донес нарочным о дне прибытия полка на определенное ему место рапортом в Военную коллегию, изумленную таковой поспешностью. Вскоре прибыла и остальная часть полка, но не в тридцать суток, как предписано было по маршруту, а не более как в четырнадцать суток. Одна Екатерина во всей России поняла и молодого полковника, и оба данные им наставления, и тогда же она сказала о нем: «Это мой собственный будущий генерал!»

После такого слова легко было и не Суворову идти к цели свободно и без опасения препятствий; что же должен был сделать Суворов со своею предприимчивостью, со своею железною волею? И как он этим воспользовался!

Он предал анафеме всякое *оборонительное*, еще более *отступательное* действие в российской армии и сорок лет сряду, то есть от первого боевого выстрела до последнего дня своей службы, действовал не иначе, как *наступательно*.

Он совокуплял все силы и всегда воевал одною массою¹, что давало ему решительное превосходство над рассеянным того времени образом действий, принятым во всей Европе, — образ действия и поныне употребляемый посредственностью, следовательно, неослабно и беспрепятственно, ибо везде дорывается она до власти преимущественно пред дарованием, по существу своему гордо-скромным.

¹ Рассеяние части армии на осады некоторых крепостей в Италии принадлежит единственно венскому военному совету. Суворов неоднократно восставал на такой распорядок и два раза просил себе отъезда из армии. Не вмешивайся этот совет в его распоряжения, нет сомнения, что по превосходству числительной силы Суворова над силою французской армии и гения его над дарованиями Моро, союзные войска еще в июне месяце были бы на границах Франции; Макдональд, занимавший Неаполь, увидел бы себя без сообщения с Франциею, и Массена принужден был бы оставить Швейцарию.

Что касается до чистого боевого действия, Суворов или стоял на месте, вникая в движения противника, или, проникнув их, стремглав бросался на него усиленными переходами, которые донныне именуются *суворовскими*, и падал как снег на голову.

Следствием таких летучих переходов, предпринимаемых единственно для изумления неприятеля внезапным для него нападением во время его расплоха и неготовности к бою, было предпочтение Суворовым холодного оружия огнестрельному. И нельзя быть иначе: не вытягивать же линии и не завязывать дело канонадою и застрельщиками, чтобы, встревожив противника нечаянным появлением, дать ему время прийти в себя, оглядеться, устроиться и привести положение атакованного в равновесие с положением атакующего! И весь этот образ действия, им созданный, приспособлялся к местностям и обстоятельствам его чудесным, неизъяснимым даром мгновенной сметливости при избрании выгоднейшего стратегического пути между путями, пересекающими область, по которой надлежало ему двигаться, и тактической точки поля сражения, на коем надлежало ему сражаться. По этому пути и на эту точку устремлял он все свои силы, не развлекая их никакими посторонними происшествиями, случаями и предметами, как не отвлекал он до конца жизни мыслей и чувств своих от единственной господствовавшей над ним страсти, страсти к битвам и славе военной.

Из кратких выписок его приказов или так называемых заметок мы видим лишь похвалы штыку и презрение к ружейной пальбе; это значило, что надо было, избегая грома, часто маловредящего и отсрочивающего развязку битв, сближаться с неприятелем грудь с грудью в рукопашной схватке. Везде видна решительность и быстрота, а не действие ощупью. Он любил решительность в действиях и лаконизм в речах; длинные донесения и рассказы приводили его в негодование. Он требовал «да» или «нет», или лаконическую фразу, выражающую мысль двумя-тремя словами. Он был непримиримым врагом немогузнаек, о которых говорил: «От проклятых немогузнаек много беды». Однажды Суворов спросил гренадера: «Далеко ли отсюда до дальнейшей звезды?» — «Три суворовских перехода», — отвечал гренадер. Презирая действия, носящие отпечаток робости, вялости, излишней расчетливости и предусмотрительности, он старался возбудить в войсках решительность и смелость, которые соответствовали бы его залетным движениям.

Суворов в конце своего знаменитого поприща предводи-

тельствовав австрийцами против французов¹; он покорил Италию, в которой много буйных голов обнаруживали явную непокорность законным властям. Пусть австрийцы, французы, итальянцы скажут: где и в каком случае Суворов обнаружил жестокость и бесчеловечие? К концу кампании половина армии Моро с генералами Груши, Периньоном, Виктором, Гарданом и другими была взята в плен. Обращение Суворова с пленными и вышеупомянутыми лицами могло ли сравниться с поведением австрийцев и англичан, которые томили своих пленных в смрадных, сырых казематах крепостей и понтонах? <...>

Но всего более не нравился многим следующий маневр: Суворов разумел войско оружием, а не игрушкой, и потому требовал, чтобы каждый род войска подчинял все второстепенно касающееся до боевого дела, как, например, свою красоту и стройность, той цели, для которой он создан. Существенная обязанность конницы состоит в том, чтобы *врезываться* в неприятельские войска, какого бы они рода ни были; следственно, действие ее не ограничивается одной быстротою скака и равенством линий во время скака. Ей должно сверх того вторгаться в средину неприятельской колонны или фронта и рубить в них все, что ни попадется под руку, а не, проскакав некоторое расстояние, быстро и стройно обращаться вспять под предлогом испуга лошадей от выстрелов, не коснувшись ни лезвия, ни копытом до стреляющих. Для прекращения подобной отговорки Суворов приучал лошадей им командуемой конницы к скаку во всю прыть, вместе с тем приучал и к прониканию в средину стреляющего фронта, на который производится нападение. Но, чтобы вернее достигнуть этой цели, он не прежде приступал к последнему маневру, как при окончании смотра или ученья, уверенный в памяти лошадей о том построении и даже о том командном слове, которым прекращается зависимость их от седоков.

Для этого он спешивал половинное число конных войск и становил их с ружьями, заряженными холостыми патронами, так, чтобы каждый стрелок находился от другого в таком расстоянии, сколько нужно одной лошади для проскока между ними; другую же половину оставлял он на конях и, расставя каждого всадника против промежутка, назначенного предварительно для

¹ Маршал Макдональд сказал однажды в Париже нашему послу графу П.А.Толстому: «Хотя император Наполеон не позволяет себе порицать кампанию Суворова в Италии, но он не любит говорить о ней. Я был очень молод во время сражения при Треббии; эта неудача могла бы иметь пагубное влияние на мою карьеру; меня спасало лишь то, что победителем моим был Суворов».

проскока в пехотном фронте, приказывал идти в атаку. Пешие стреляли в самое то время, как всадники проскакивали во всю прыть сквозь стреляющий фронт; проскочив, они тотчас слезали с лошадей, и этим заключался каждый смотр, маневр или ученье. Посредством выбора времени для такого маневра лошади так приучились к выстрелам, пускаемым, можно сказать, в их морду, что вместо страха они, при одном взгляде на построение против них спешивающихся всадников с ружьями, предчувствуя конец трудам своим, начинали ржать и рваться вперед, чтобы, проскакав сквозь выстрелы, возвратиться на покой в свои коновязи или конюшни. Но эти проскоки всадников сквозь ряды спешившихся солдат часто дорого стоили последним. Случалось, что от дыма ружейных выстрелов, от излишней торопливости всадников или заноса некоторых своеравными лошадьми не по одному, а по несколько вдруг, они попадали в промежуток, назначенный для одного: это причиняло увечье и даже смертоубийство в пехотном фронте. Вот отчего маневр был так неприятен тем, кому выпадал жребий играть роль пехоты. Но эти несчастные случаи не сильны были отвратить Суворова от средства, признанного им за лучшее для приучения конницы к поражению пехоты: когда доносили ему о числе жертв, затоптанных первою, он обыкновенно отвечал: «Бог с ними! Четыре, пять, десять человек убью; четыре, пять, десять тысяч выучу», — и тем оканчивались все попытки доносящих, чтобы отвлечь его от этого единственного способа довести конницу до предмета, для которого она создана. <...>

Все нисколько не изумлялись постоянству, с которым Суворов с юных лет стремился к достижению однажды избранной им цели, и выказанной им твердости душевной, необходимой для всякого гения, сколько бы он ни был глубок и обширен. Я полагаю, что еще в юности Суворов, взвесив свои физические и душевные силы, сказал себе: «Я избираю военное поприще и укажу русским войскам путь к победам; я приучу их к перенесению лишений всякого рода и научу их совершать усиленные и быстрые переходы». С этой целью он укрепил свое слабое тело упражнениями разного рода, так что, достигнув семидесятилетнего возраста, он ежедневно ходил по десяти верст; употребляя пищу простую и умеренную, он один раз в сутки спал на свежем сене и каждое утро обливался несколькими ушатами воды со льдом.

Избрав военное поприще, он неминуемо должен был встретить на нем много препятствий со стороны многочисленных завистников и вынести немало оскорблений. Первым он про-

тивопоставил Диогеновскую бочку, и пока они занимались осуждением его причуд и странностей, он ускользал от их гонения; пренебрегая вторыми, он терпеливо следовал по единожды избранному пути. Он стремился к одной главной цели: достижению высшего звания, для употребления с пользой необычайных дарований своих, которые он сознавал в себе. Он мечтал лишь о славе, но о славе чистой и возвышенной; эта страсть поглотила все прочие, так что в эпоху возмужалости, когда природа влечет нас более к существенному, нежели к идеальному, Суворов казался воинственным схимником. Избегая общества женщин, развлечений, свойственных его летам, он был нечувствителен ко всему тому, что обольщает сердце. Ненавистники России и, к сожалению, некоторые русские не признают в нем военного гения; пятидесятилетнее служение его не было ознаменовано ни одной неудачей; им были одержаны блестящие победы над знаменитейшими полководцами его времени, и имя его до сих пор неразлучно в понятиях каждого русского с высшею степенью военного искусства; все это говорит красноречивее всякого панегирика. <...>

Таким образом, укрепив свое тело физическими упражнениями, введя в заблуждение зависть своими причудами, терпеливо перенося разного рода оскорбления, наблюдая постоянно за собою и, наконец, предавшись душою лишь страсти к славе, Суворов, с полной уверенностью в силе своего гения, ринулся в военное поприще. Он достиг генерал-майорского чина лишь на сорок первом году жизни, то есть в такие лета, когда ныне многие, удостоившись получить это звание, спешат уже оставить службу. Кто из нас не видал тридцатилетних генерал-майоров, ропщущих на судьбу, препятствующую им достигнуть следующего чина чрез несколько месяцев? Суворов при производстве своем в генерал-майоры был почти вовсе неизвестен, но зато какой быстрый и изумительный переход от этой малой известности к великой и неоспоримой славе! Генерал Фуа сказал о Наполеоне: «Подобно богам Гомера, он, сделав три шага, был уже на краю света». Слова этого известного генерала могут быть вполне применены к нашему великому и незабвенному Суворову.

И этого-то человека судьба позволила мне видеть и, что еще для меня лестнее, разменяться с ним несколькими словами в один из счастливейших дней моей жизни!

М. Драгомиров

ВЕЛИКАЯ НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

Объяснение к Суворовской «Науке побеждать»

Наука, или уметь побеждать не была издана при жизни ее великого автора; не вызвала также комментариев со стороны тех, которые обучали или обучались ей под наблюдением самого Суворова. Поэтому в настоящее время она почти была бы непонятна, если бы благодаря Итальянской кампании 1799 года Суворов не считал за необходимое преподавать ее и

австрийцам. В приказах, обыкновенно весьма коротеньких, он сообщил основные положения своей «Науки»; и эти-то приказы служат к ней превосходным комментарием. Но и в них, верный своей системе, Суворов говорит, что нужно делать, весьма редко вдаваясь в объяснения того, почему нужно, представляя самому делу оправдать разумность требований. Решаюсь приложить посильное объяснение этого «почему». Не претендую не только на непогрешимость, но даже на удовлетворительность этих объяснений. Взвзвись за них, я руководился не столько самонадеянной претензией объяснить безошибочно «Науку побеждать», сколько желанием притянуть внимание читающих и пишущих военных к этому, на первый взгляд странному, произведению нашего великого военного педагога. Именно благодаря этой странности «Наука» глубоко западала в душу простого человека, так что некоторые афоризмы ее обратились в военные поговорки не только у нас, но даже у других, несмотря на то, что «Наука», непонятая, была доныне забыта и заброшена.

Что же было причиною того, что она была забыта и заброшена? Невольно задаешь себе этот вопрос, мало-мальски вчи-

тавшись в странное произведение гениального старика, все созданное на глубоком понимании нравственной стороны человека и тех изменений, которые в ней происходят под влиянием опасности. Это великое достоинство было первой причиною того, что «Наука» не была понята. Не раз было уже замечено противоречие мирной и военной логики; замечено было также и то, что в мирное время первая, будучи более осязаемая, влечет к себе больше и заставляет забывать положение человека в бою, а следовательно, и боевые требования. Ясно, что всякое сочинение, имеющее в виду исключительно последние, поэтому уже рискует остаться надолго непонятым, а следовательно, и заброшенным.

«Наука побеждать» состоит вся из отрывочных фраз; это, по моему мнению, было также причиною, почему она пришлась так по сердцу солдатам и не возбудила никакого интереса в современных Суворову образованных или имевших на то претензии военных людях.

Известно, что современники считали Суворова гораздо больше счастливым чудачком, нежели человеком, действительно имевшим божественную искру военного гения. С этой точки они смотрели и на его науку, и на его победы. Последние так резко вырывались из современной рутины, основаны были на таком простом начале, что тогдашним ученым, искавшим во всем хитростей, не могли показаться ничем иным, кроме счастливых случайностей.

В чем заключалось это простое начало? Заключалось оно в том, что, если в армии *нравственная упругость* не только не подорвана, а, напротив, по возможности развита, можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу; можно решаться даже и не при возможно лучшем плане исполнения. То же начало составляет основание и «Науки». Суворов превосходно понимал ту простую вещь, что на быструю решимость может быть способен почти всякий человек (за исключением людей с исключительно теоретическим складом ума); на решимость же лучшую в данных обстоятельствах и в то же время быструю может быть способен только обладающий от природы военными дарованиями. Поэтому он и стремился прежде всего к развитию способности решаться быстро, т.е. того, что может быть выработано в самых обыкновенных натурах. Гениальные военные люди рождаются веками, а войны случаются чуть не каждое десятилетие; Суворов воспитывал армию так, чтобы она достигала цели даже и в не совсем ловких, лишь бы только решительных руках.

К высказанным причинам, не особенно способствовавшим тому, чтобы заставить образованную часть екатерининского военного общества внимательнее отнестись к «Науке», присоединилась вскоре и другая — увлечение внешними приемами фридриховского воспитания армии, мертвящее влияние которых известно всякому.

Система Фридриха явилась вполне законченною; явилась на западе Европы, а это одно и по настоящее еще время зачастую составляет у нас неоспоримый аргумент пользы и разумности; она была узка и поэтому осязательнее логична, доступнее для понимания большинства; с нею не могла бороться система другая, охватывавшая равно и нравственную, и физическую природу солдата, но в которой было мало определенности, в которой по новизне личный произвол даже не довольно резко отделялся от личной инициативы (которая есть тоже произвол, но только устремленный на пользу дела и службы). Екатерининское воспитание армии, чуждое всякой регламентации, представляло начальнику, более или менее с авторитетом, вести дело по своему усмотрению. Это было и хорошо, и дурно: хорошо — потому что развязывало руки таким людям, как Суворов; дурно — потому что, развязывая руки на хорошее, такой порядок вещей развязывал их и на дурное. При подобном положении никакой законченной системы возникнуть не могло; лучшие вдохновения гения являлись не более как личным капризом и тем менее представляли задатков на долговечность, чем глубже нужно было вдуматься, чтобы их понять. В это-то время широкого, полного, но беспорядочного развития приходит из-за моря система, в которой все размерено на вершки и дюймы, от подъема носка и до длины косы; которая не только не требует от военного человека нравственной самостоятельности, а, напротив, считает ее вещь совершенно излишнею, если не вредною, в его ремесле; система, которая освящена блестящими победами полководца действительно великого, — она должна была победить.

Что приемы Суворова были верны, доказала армия, воспитанная им: для нее неожиданностей не существовало, она не могла быть застигнута врасплох, она, наконец, отличалась духом такого высокого упорства, что в самых отчаянных положениях не только не падала духом, но не допускала даже мысли, что может не победить врага. Замечательно, что, несмотря на очевидно великую способность Суворова воспитывать армию для боя, несмотря на всеобщую известность его «Науки побеждать», никому в голову не пришло потребовать от Суворова изложе-

ния его системы в виде, более доступном для понимания большинства, — так мало было к нему доверия, да и понимания его тоже. И только теперь, через 70 с лишком лет (1875 г.) начинают немного понимать, до какой степени много в его манере воспитания глубоко верного в военном отношении, глубоко отвечающего инстинктам масс.

«Наука побеждать» принадлежит к числу тех произведений, в которых может стареть форма, но дух остается вечно юным и неизменным, как неизменна нравственная природа человека. Может меняться оружие, а вместе с ним и формы действий; но руки, которые действуют оружием, но сердце, которое приводит эти руки в движение, вечно останутся одни и те же.

Общее пояснение к «Вахт-параду»

Отдел, озаглавленный вахт-парадом, есть собственно приказ насчет того, как должно производить ученье перед разводом по караулам. В этом приказе многое, конечно, устарело по форме, ибо теперь и оружие не то, и прибавился рассыпной строй, который Суворов предчувствовал, но принять не решался; но мысли, скрывающиеся за этой устарелой формой, останутся вечно истинными. Эти мысли суть: 1) Исполняйте уставные эволюции не для того только, чтобы их исполнять, но дляказания офицерам и солдатам их назначения, их применения на деле. 2) В достижении последней цели не надейтесь ни на одну теорию, ни на одну практику: они должны идти рука об руку; практикою у Суворова было ученье, в котором, как видели, боевая обстановка восстановлена возможно полным для мирного времени образом; теориею — словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом. Поучение это составляло неизменный конец всякого ученья и, как увидим ниже, не могло не врезаться в памяти каждого солдата. 3) Не рассчитывайте на воображение в исполнении чего бы то ни было, т.е. не делайте ничего примерно, а старайтесь устроить упражнение так, чтобы солдату все было видно и воображать приходилось бы возможно меньше. 4) Солдат должен быть готов на все и во всяком строе, покажите ему поэтому атаку конницы и пехоты в развернутом строе и в колонне, и в каре, как на заднюю, так и на переднюю шеренгу, чтобы он не привыкал считать, будто известные положения непременно требуют и известного постоянного строя. При этом условии для него не будет неожиданностей. 5) Избегайте, как величайшей опасности, всех тех упражнений, которые отвечают инстинкту самосохранения и, следовательно,

могут дать ему пищу; и наоборот, давайте возможно большее развитие упражнениям, воспитывающим человека в упорстве, бесстрашии, решимости, находчивости, готовности на все неожиданности; солдат подобного закала будет хорошо отступать, ибо для этого важно знать не механическое движение отступления, но именно быть упорным, бесстрашным, предприимчивым. 6) Не рассчитывайте на одно только слово, если хотите научить чему-нибудь человека: с примера он легче и прочнее усваивает, нежели из рассказа. Затем, когда он узнает дело, слово необходимо, чтобы утвердить человека в деле, сообщить более широкий взгляд на него. 7) Не хлопчите об одном только поддержании механического порядка, но хлопчите еще более о том, чтобы часть расстроенная — что в бою неминуемо — умела быстро восстанавливать порядок. Эту, так сказать, реальность и осязательность обучения Суворов доводит до того, что даже самое приучение к восстановлению порядка у него делалось не из искусственного или приказного беспорядка, а из естественно возникающего при столкновении. Следовательно, солдат не только приучался быстро восстанавливать порядок, но и узнавал, когда это в особенности важно и когда беспорядок составляет неизбежное явление. Одним словом, еще раз: ничто для суворовского солдата в бою не являлось неожиданностью, мирное обучение не готовило ему со вступлением в дело никакой нравственной засады или западни. <...>

Не муштра, а воспитание

Обращаюсь к нашей муштре. Она у нас была, и была подлинная, своя, а не заимствованная, — то была муштра Румянцева и, в особенности, Суворова, но была она с самого начала не муштрой, а воспитанием, строго соображенным с нашим национальным характером. Нужно сказать, что флегматичному немцу может быть и полезно излишество педантизма, чтобы его, так сказать, расшевелить и разбудить, но при характере живом и мягком, как наш, переусердствовать в сторону педантизма опасно. Суворов, как великий психолог и знаток русского характера, заставлял работать усиленно, требовал однообразия, как никто, но в сем последнем до педантических мелочей никогда не доходил и нарочитым изобретением таковых не услаждался. Одним словом, он задался задачей, как *новобранца специализировать в солдата, не ломая в нем человека и не обращая в автомат?* И эту задачу он разрешил блистательно, не только потому, что не требовал от солдата пустячков, но еще и по манере обращения с ним: всякому сколько-нибудь знакомому с

его системой известно, насколько он был прост в обиходе с солдатом и насколько любил огорошивать его неожиданными вопросами, требуя непременно на них совершенно определенных и отнюдь не уклончивых ответов. Пресловутое «не могу знать», получившее потом такое обширное распространение, выводило его из себя. Скажу прямо, он был с солдатом запанибрата. Конечно, не всякий это себе может позволить, «могий вместити, да вместит»; но всякий должен у нас знать, что уничижительный тон, слова и даже взгляды совершенно противны русскому характеру, что, однако, не исключает ругани, если в ней не отсутствует оттенок добродушия. И это было так даже во времена крепостной оргии, это так прекрасно подмечено другим великим знатоком русского сердца, гр. Л.Н. Толстым. Достаточно вспомнить из «Войны и мира» старосту Дрона, Каратаева и крепостного доезжачего, который своему барину, старику Ростову, отпустил известный комплимент.

К несчастью, нашей муштре не суждено было укрепиться и стать долговечной; в ней было слишком мало показного и слишком много идейного; сначала Император Петр III, а по смерти Екатерины Павел I скоро положили ей конец, заменив ее прусской муштрой. Что там был вербованный сброд, а у нас национальная армия, что характеры немецкого и русского человека были разные, до этого дела никому не было, и вот пошли в ход косы, букли, пудра, учебные шаги, ружейные приемы и, конечно, палки; правда, палки были и прежде, да только применение их было другое; Суворов в своей науке побеждать сулит их только один раз за то, если солдат себя не бережет. При новых порядках ее начали применять даже и без мысли о сбережении солдата. Суворов приходил от этого в отчаяние, указывал на то, что прусского короля били, а его не били, и почтенному автору разбираемой статьи, может быть, не мешало бы вспомнить это отношение великого старика к прусской муштре. Ведь он показал, что умел и учить русского человека, и побеждать с ним; следовательно, понимал, как его надо вести; мы же умиляемся перед иностранными приемами, а своих знать не хотим. <...>

Теория невозможного

Из сказанного о свойствах человека видно, что возможность или невозможность достижения боевой цели *вперед* определена никогда и никем быть не может, а нужно решиться ее достигнуть, не закрывая глаз на то, что последствием этой решимости не всегда бывает удача, а иногда и гибель.

Никто не может поручиться перед сражением за исход его.

Предприятие, в котором $2/3$ шансов за вас и $1/3$ против вас, должно считать превосходно соображенным, т.е. представляющим наибольшие вероятия на успех. Это сказал человек, который имел достаточную практику в уразумении характера военных предприятий, именно Наполеон. И если он треть враждебных случайностей считает как идеальный их *minimum*, при котором успех весьма вероятен, то само собою понятно, что могут быть и такие положения, когда и при девяноста, например, враждебных случайностях против десяти приходится отваживаться на предприятие, почерпая силу в решимости или добиться своего, или погибнуть; а при такой решимости, как уже сказано, редко не берут. Даже и при одной вероятности против девяноста девяти можно взять; здравая теория и этому не противоречит. Следовательно, те, которые строят мираж невозможности атаки позиции с фронта, могли бы с равным основанием сказать, что при теперешнем огнестрельном оружии не осталось ни одного шанса в пользу атакующего с фронта.

«Нас удерживает какое-нибудь жалкое соображение или привычка слишком вдумываться в предмет; мысль в которой, если разложить ее, окажется на одну четверть ума — три части трусости. Подумав хорошенько, человек убедился бы, что иногда, оставаясь в бездействии, он берет на себя бесконечно большую ответственность, чем при самом необдуманном поступке:

Нас иногда спасает безрассудство,
А план обдуманный не удастся.

«Гамлет»

Истинно велик тот, кто не поднимается без серьезной цели, но, раз решившись, отбрасывает всякую мысль о последствиях и идет смело навстречу *бездвестному* будущему».

Может быть, подумают, что это сказал человек, закаленный в бою и до такой степени приученный опытом высоко ставить беззаветную и быструю решимость, что совершенно утратил способность считаться с препятствиями? Нет, это сказал человек мирной, но серьезной науки, не допускающей подчинения первичным впечатлениям, физиолог Маудсли.

Верность высказанных положений находит подтверждение в фактах общеизвестных, но обыкновенно проходимых молчанием теми исследователями, которые бессознательно подчиняются нерасположению ума исследовать проявления воли. Швейцарский поход Суворова — одно из величайших волевых проявлений, какие только представляет военная история: какой теоретик, обсуждая мысль этого похода до его совершения, не признал бы ее безумною?

Кто в прошлую кампанию не отчаивался в том, что Шипку можно отстоять? Кто не считал зимний поход за Балканы немислимым? А между тем и Шипку отстояли, и за Балканы перешли, и даже до Константинополя докатились все тою же зимою.

На этих и им подобных явлениях и зиждется великая «теория невозможного»¹, которая всегда была и всегда останется противною людям золотой середины, не идущим далее полумер и настолько угнетаемым собственным воображением, что им кажутся реальными только подсказываемые этим воображением страхи.

Чем же объясняется в приведенных фактах успех? Как и всякое действительное явление, а не мираж, он может быть объяснен только тем, что в наличности оказалось более реальных сил, действующих в направлении успеха, нежели в противоположном: направление равнодействующей в неорганическом ли мире, в органическом ли — все равно, никогда и ничем иным обусловлено быть не может. Только силы в пользу той или другой, по-видимому, безумной, в сущности великой, решимости никогда в момент ее принятия не бывают так ясны, как те, которые отвращают от нее. В том и заключается трагизм положения деятеля, что вперед сказать никогда нельзя: удастся ли ему известное предприятие или нет, а всегда приходится идти навстречу «бездвестному будущему». При большем совершенстве человека он в состоянии был бы, вероятно, определять эти тайные силы так же, как теперь определяет те, которые подталкивают большинство людей во всяком деле останавливаться на полудороге.

Есть охотники объяснять успех в примерах, подобных приведенным, одним счастьем. Мы не отрицаем и этой данной, только не считаем ее ни такой случайной, ни такой бессмысленной, как это некоторым кажется: достойно замечания, что в большинстве случаев счастье бывает на стороне отчаянных и быстро проводимых в исполнение решимостей; следовательно, в натуре этой не подчинимой исследованию силы открывается много сродств с такими решимостями и много антипатии к обратному поведению. Притом же «сегодня счастье, завтра счастье, нужно же когда-нибудь и уменье», а это последнее не исключает ведь понимания и того, на долю какого поведения чаще выпадает счастье.

¹ Для тех, которые не читали «Замечаний о французской армии», скажем, что «теория невозможного» заключается в следующем: «Делать всегда противное тому, что делалось прежде, выбирать всегда исполнение самое трудное, предпочитать всегда предприятия, которые робкая тактика противника отвергала или считала невозможным». Наш Суворов был одним из величайших представителей этой «теории».

Готовность к самопожертвованию

<...> Все эти охваты хороши при превосходстве в силах, как средство воспользоваться этим последним, т.е. дело опять не в охвате, а именно в превосходстве сил. Г. Шерф заканчивает свое рассуждение единственно верным суворовским заключением: «Итак, никакие увертки, никакие извороты и софизмы не в силах поколебать окончательного слова, завершающего *каждую* борьбу сил на войне: *вперед прямо перед собой*». Иного заключения от человека, глубоко вдумавшегося в дело человеческой борьбы, и ожидать было нельзя.

Это положение может померкнуть в сознаниях под влиянием инстинкта самосохранения, поднимающего свой голос особенно сильно при каждом усовершенствовании метательного поражения, но поколебать его нельзя. Оно было и останется неизменно истинным до тех пор, пока люди будут воевать. А это будет всегда, ибо всегда будут цели, которых иным путем достигнуть нельзя. Увертки же и софизмы, за видимым стремлением искуснее достигнуть цели, маскируют наивное вождение, нельзя ли достигнуть ее, по возможности менее подвергая опасности драгоценные дни свои: нет, нельзя... Никакое искусство не устраняет в последней инстанции необходимости и готовности жертвовать собою; только когда эта готовность есть, искусство значит, и очень много; без нее же оно ничего не значит. Суворов был тем и велик, что эту последнюю инстанцию он даже и в мирное время держал как путеводный светоч в войсках, попадавших в сферу его влияния; он ясно видел и другим не давал забывать, что именно *это* дает победу, и *ничто иное дать ее не может*. <...>

Знания и уменье

Войска нужно учить в той последовательности, в какой изучается всякое практическое дело в жизни, а не в школе: сначала присматриваются, как нужно делать, затем и сами пробуют свои силы на деле, и только потом являются теоретизаторы дела, необходимые для вящего закрепления его в сознании и для расширения кругозора (ибо нельзя всегда проделать то, что можно описать). У Суворова, ставившего до такой степени высоко значение теории военного искусства, что в его войсках она была обязательна даже для нижних чинов, все же *учение предшествовало поучению*, а не наоборот. В школе, правда, начинают с теории, по невозможности начинать с дела, но и там это даром не обходится, ибо притупляет способность применения до такой степени, что иногда нет возможности вывести ученика из сферы

общих положений в область применения их к какому-либо частному случаю. Подобная складка в высшей степени нежелательна и даже опасна в военной специальности, требующей от человека, прежде всего, уметь делать дело, а не говорить лишь о нем. Автору и самому небезызвестно, что в жизни *уменье* стоит выше *знания*: иной знает меньше, да умеет пользоваться своим знанием, и потому оказывается полезнее *знающего* больше, но неумеющего применить к делу свое знание. <...>

В № 176 «Русского Инвалида» г. Строевой опять затрагивает тему в высшей степени серьезную — необходимость ознакомления разных родов оружия со взаимными их свойствами и обязанностями. У Суворова существовал и этот отдел не только образования, но и воспитания, так как цель ему была поставлена следующая: чтобы пехота не боялась конницы и артиллерии, а конница — пехоты и артиллерии, а артиллерия — пехоты и конницы. Эту цель поставил в таких, или почти в таких выражениях в одном случае сам незабвенный покойник. В пользу «краткой программы тех сведений, которые должны быть практически известны всем строевым офицерам», мы сомневаемся. Кажется, пока извериться в бумагу; ведь все эти сведения есть и в курсах тактики, и в справочных тактиках, наконец, отчасти даже в календаре г. Добржинского, и особенно они никого делу не научили; а необходимы соответственные практические занятия. Если их будут применять настойчиво и постоянно, то кое-кто, пожалуй, заглянет и в книжку, а без этого какой же интерес в нее заглядывать? У Суворова эти приемы были в виде его великих сквозных атак, и до чего они психически необходимы доказывает следующий отрицательный пример: в шестидесятых годах прошлого столетия на одном маневре один пехотный полк при неожиданном появлении конницы побежал; если бы он был выдержан на сквозных атаках, этого бы, конечно, никогда не случилось бы. Прошу верить, что это факт подлинный, а не выдуманный; мог бы сказать, с кем и где это случилось, не говорю этого потому, что виноват не полк, а те, которые его делу не учили. <...>

Несколько слов по поводу еще одного упражнения, о котором говорит г. Строевой в своей следующей статье, и при нынешнем оружии особенно важном — разумею *ночные операции*. Были ли они у Суворова? Представьте, были, и, очевидно, как занятие обычное, что видно из его писем и донесений¹.

¹ Из письма к Хвостову от 14 июля 1796 г.: «Войска до сего очень хороши, я к ним прибавил ночную баталию». Из донесения Екатерине 12 августа 1796 г.: «Вашего Императорского Величества победительные войска искусством, прилежностью и трудолюбием генералов весьма исправны к денным, как и ночным баталиям и штурмам и готовы к увенчанию себя новыми лаврами».

Но уже при Екатерине II, к огорчению великого старика, начинает проскальзывать зловерное влияние муштры¹, благодаря коей вскоре на всей суворовской системе обучения был поставлен основательный крест. И только после крымского нравоучения понемногу возвращаемся к этой системе, но далеко еще к ней не вернулись вполне. <...>

Консервативная система

Чем дальше живу, тем больше убеждаюсь в том, как велик был Суворов: обучение преимущественно волевое, т.е. основанное на том, чтобы приучать солдата к неожиданностям и давать ему практику в борьбе с инстинктом самосохранения, ставя его в опасные положения, конечно, допустимые в мирное время; обучение только наступлению, но не иначе как против видимой цели; постоянное стремление к тому, чтобы последний солдат знал цель операции, т.е. куда и зачем он идет; атака не иначе как насквозь, без остановок, на сто шагов от неприятеля, что как бы в насмешку над великой тенью так недавно практиковалось да, не знаю, наверно, может, в некоторых местах практикуется и до сих пор. Счета неприятеля никогда и ни под каким предлогом, т.е. опять великое психологическое прозрение: кто привык считать неприятеля, особенно в мирное время, тот в военное всегда его насчитает больше, чем есть. <...>

Раз создав свою великую систему воспитания и образования, он никогда и ничего иначе не делал, как *по-вчерашнему*.

Да оно и понятно, так как Суворов основал свою систему на вековых волевых и умовых свойствах человеческой природы, а не на каких-либо преходящих усовершенствованиях огнестрельного оружия, на которых, забывая человека, так любит плясать всякая современная мирно-военная мразь.

По-вчерашнему озадачивал он неожиданными вопросами, *по-вчерашнему* учил сквозным атакам, *по-вчерашнему* учил не иначе, как против видимой цели, и притом только наступлению и никогда отступлению; *по-вчерашнему* учил не одним денным, а и ночным батальям, *по-вчерашнему* учил штыковым ударам и целевой стрельбе, которой тогда никто не учил; *по-вчерашнему*, наконец, требовал, чтобы всякий воин понимал свой маневр.

Ко всему этому в наше время приходится прибавить только ученье с боевыми патронами и несколько распространить *курс стрельбы*.

¹ Из письма к Хвостову 16 апреля и 4 июня 1796 г., Тульчин: «Кн. Ал. Ал. Прозоровский — развод две шеренги, без штыков, шаг тише: мы не смеем, нас учил Суворов». <...>

Для всякого, способного принять в соображение совокупность всей системы, такая прибавка не покажется слишком значительной.

Из сказанного читатель может убедиться, насколько остроумна претензия А.Н.Р. притянуть к своим измышлениям авторитет Суворова, который ничего не делал иначе, как *по-вчерашнему*. <...>

Претенциозное и самоуверенное недомыслие суть, конечно, дары Божии, но злоупотреблять ими не годится.

Штыковой дух

«Пуля дура — штык молодец!»

(Открытое письмо г. М. Драгомирову.)

Так ли это, Михаил Иванович, и не впадете ли вы в однобокую аргументацию, защищая во что бы то ни стало знаменитый суворовский афоризм в статье вашей, помещенной в № 721 «Разведчика» за этот год? Между тем несостоятельность защищаемого вами афоризма сказала в текущую войну особо ярко. В настоящую войну атаки нападающего неоднократно отражались только огнем обороняющего, бывали и случаи очищения позиций под огнем наступающего.

За японцами и за нашими солдатами вы сами признавали высокие боевые качества; так почему же нелепость признавать возможность опрокинуть огнем, и только одним огнем, стойкого противника? Вышеприведенные примеры, наоборот, должны были бы привести вас к заключению, что суворовская заповедь, будучи уместной и правильной в то время, когда стреляли на 300 шагов с вероятностью попасть лишь в трехэтажный дом, в настоящее время отжила свой век и должна быть перефразирована хоть так: «Штык молодец, да и пуля не дура!» В такой редакции этот афоризм, не колебля высокого нравственного значения штыка, отвел бы подобающее в понятии солдата место и пуле, т.е. вообще «огню». <...>

А вот японцы не побоялись перейти в огнепоклонники и тем не менее сумели так воспитать войска, что для встречи контратаки выработали особый прием, требующий нравственного напряжения: при сближении с контратакующим на 150—200 шагов они поворачивают, отбегают назад шагов на 200, вновь поворачиваются и встречают противника огнем. Что это не «на вербе груши», а действительно существующий прием, отрицать нельзя, слишком уж много на этот счет имеется свидетельских показаний, между тем прием этот требует несравненно большего нравственного напряжения, чем ожидание атаки противника лицом к нему: бегущему всегда кажется, что враг

слишком близок и что надо еще немножко убежать. Но японцы сумели победить в своих войсках это чувство, сумели, несмотря на отсутствие, по-видимому, у них дисциплины огня.

Неужели все это не убеждает вас в том, что всякому овощу свое время и что встань ныне из гроба Суворов, он никогда не повторил бы своего афоризма.

Перестаньте же проповедовать отжившее, отведите стрельбе подобающее ей место и не бойтесь такой равноправностью уронить достоинство штыка, право же, и пуля, и штык молодцы.

О том же, чтобы ружье не обращалось в палку за отсутствием патронов, пусть заботится служба тыла, которой тоже есть чему поучиться у японцев» (В. Хабалов). <...>

Пуля дура — штык молодец. Штыком один человек может заколоть двух или трех, а сотня пуль летит на воздух. (Открытое письмо г. В. Хабалову.)

Именно так, г. В. Хабалов, и в однобокую аргументацию я не впадал. Я мог бы и не отвечать на ваше открытое письмо, так как Ляоян и Мукден ответили вам за меня достаточно ясно; но есть в вашем письме некоторые пункты, заслуживающие разъяснения, хотя вы мне делаете впечатление человека, ищущего не правды, а оправдания ваших фантазий. На эту мысль меня наводит то, что вы заметили даже «на вербе груши» в моей статье, а того, что человек может заколоть штыком двух или трех, а сотни пуль летят на воздух, не заметили; ведь это так же верно теперь, как было верно и во времена Суворова! Правда, оно показывает несостоятельность не афоризма Суворова, а вашего письма... Вот вам мои разъяснения.

1. Однобокая аргументация будет тогда, когда человек в сложном деле видит только одну сторону, а другую не может или не хочет видеть; пример: когда человек говорит, что огнем можно отбить всякую атаку, он дает однобокое рассуждение и тем совершает нелепость, ибо это противоречит фактам. Такой же образчик однобокой аргументации даете вы, когда под Ляояном видите одну дивизию и не видите, что делалось в стольких корпусах. Прошу вас ответить: нашли ли вы подобную аргументацию у меня и где именно? Я ведь всегда говорил, что пуля и штык не исключают, а дополняют друг друга.

2. Вы все обижаетесь, что пулю Суворов обозвал душой, не замечая того, что он сказал это для русских солдат, да еще и того, что это не относится ни к пуле, ни к ружью, а к рукам и глазам человека, которые не в состоянии стрелять так, как ружье дает возможность. И ружье, и пуля страшно умны сами

по себе, ибо всегда попадали, если были нацелены как следует. Но беда в том, что руки — не лафет, и потому дуры; и глаз — не дальномер, и потому дурак. Вот где дурист, а не в пуле. Чужому солдату он это и разъяснил, а своему сказал так, чтобы было короче и нагляднее, так как не все ли равно, в руках ли дурист или в пуле, когда результат один? Рассуждая об оружии, нужно всегда различать две стороны, которых ни в каком случае смешивать нельзя. Первая сторона теоретическая, то есть исследование свойств оружия, вторая — употребление оружия в бою.

В теории я, не обинуясь, скажу, что пуля дура, дабы предостеречь солдата от бессмысленной трескотни; а на практике буду пользоваться огнем до сближения с противником на то расстояние, с которого нужно идти в штыки. Точно так же, утверждая в теории, что штык молодец, я и не подумаю идти на штурм раньше, чем подойду к противнику, все время обстреливая его, шагов на 200. Я всегда стоял и буду стоять за штыковое воспитание не потому, что я ставлю огонь низко, а потому, что морально штыковая работа есть дело неизмеримо более трудное, нежели стрельба.

3. Вас, очевидно, увлекает сноровка японцев, встретив атаку огнем, отбегать и потом останавливаться для новой стрельбы; неужели вы не понимаете, что это фокус, фортель, если хотите стратегема, но никак не образ действий, который можно бы было возводить в правило? Ведь вы должны же понять, что отбегать бесконечно нельзя, что такой прием слишком сложен и что при малейшей случайности иная часть, даже не из жидких, может отбежать так, что ее и не остановишь. Впрочем, что мне вам разъяснять, когда дела под Артуром, Ляояном и Мукденом дали самые убедительные разъяснения: во всех этих местах что-то не было слышно об отбеганиях. Вообще на войне все сложное неуместно и опасно.

4. Вы спрашиваете: «Так почему же нелепость признавать возможность опрокинуть огнем, и только одним огнем, стойкого противника?» А потому, что если его можно опрокинуть одним огнем, то он не стойкий противник. У вас странные понятия о стойкости.

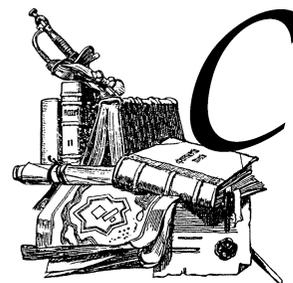
Изо всего сказанного можете убедиться, что овощу, именуемому штыком, время не прошло, да и не пройдет до тех пор, пока человек не одряблеет до степени римлянина эпохи падения, и что Суворов не изменил бы ни йоты в сказанном сто с лишком лет тому назад, так как основывал свои положения на вековечных свойствах человеческой природы, а не на каких-либо преходящих явлениях. <...>

Ни Суворов, ни по его стопам я никогда огня не отрицали, а только ставили на должное место в противность мнению шкуролюбив, мечтающих, будто бы огнем можно отбить всякую атаку. Последняя кампания могла бы вам, кажется, показать, что это вздор. Во-вторых, ловкачи выезжают только на хвостах живых людей, на хвостах покойников далеко не уедете, если ничего своего нет. Своего, правда, у меня очень мало, но оно есть и заключается в том, что я у большинства людей вычитываю то, чего другие вычитать не умеют, ибо по невниманию ли, или по чему-либо другому не в состоянии таких мест замечать. В особенности это и сказалось на Суворове; его великая «Наука побеждать» оставалась непонятою и непонятною целых 60 лет и была, что греха таить, просто забыта. Я ее разъяснил, да еще, благодаря Суворову, открыл то, что и до сих пор остается, к несчастью, непостижимым для большинства военных. Именно то, что воспитание и образование войск должно быть в несравненно большей степени волевое, нежели умовое; что им нужно напоминать гораздо настойчивее о самоотвержении, нежели о самосохранении. Затем должен сказать, что я не ограничился одним Суворовым, а вычитал кое-что и у Цезаря, и у маршала Саксонского, и у ваших Фридриха Великого и Клаузевица, у Наполеона, само собой разумеется, и, наконец, у Бюжо; и вычитав все такое, я старался пустить в ход, то, чего другие не замечали. Это дало мне авторитет, до погони за коим я никогда не унижался.

Учебник тактики. Составил М.И. Драгомиров. — СПб., 1879. — С. 427—420; Четырнадцать лет. 1881—1894. Сборник оригинальных и переводных статей М. Драгомирова. — СПб., 1895. — С. 24—25, 139—140; Одинадцать лет. 1895—1905 гг. Сборник оригинальных и переводных статей М.И. Драгомирова. Кн. II. — СПб., 1909. — С. 275—281, 330—338, 402, 526—528.

А. Петрушевский ГЕНЕРАЛИССИМУС КНЯЗЬ СУВОРОВ

Самообразование

Суворов был самоучка, стало быть, ход его образования не отличался ни строгою системою, ни методом. С самых нежных лет увлеченный примерами военных знаменитостей, он ими только и жил, ими только и дышал; никем не направляемый, он не мог добровольно делить свое время между занятиями военными и невоенными и последним уделял свой труд лишь в раз-
мере крайней необходимости. Только утолив в известной степени жажду, мог он перейти к занятиям общеобразовательным, и совершилось это тогда, когда стал он человеком зрелым, хотя по летам и еще очень молодым. Может быть, благодаря этому обстоятельству выросла в нем и окрепла в самую впечатлительную пору жизни ненасытимая страсть военного славолюбия, которая прошла через все его существование и сделалась самым большим горем и самою большою утешою его жизни. Во всяком случае, тот факт, что общее образование Суворова выросло на специально-военной основе, должен быть принят во внимание при его характеристике. <...>

Великим полководцем нельзя сделаться с помощью науки; они рождаются, а не делаются. Тем более должно ценить тех из военных людей, которые, чувствуя свою природную мощь, не отвергают, однако, науки, а прилежно изучают ее указания. Это и есть прямое свидетельство глубины и обширности их ума. Таким умом обладал и Суворов. Он понимал, что изучение облегчает и сокращает уроки опыта; что опыт, не создавая военных способностей, развертывает их; что теория, построенная

на вековых опытах, гораздо полнее, чем выводы личного наблюдения. Не стал бы он тратить время на самообразование, если бы не сознавал твердо, что без науки самому храброму офицеру трудно сделаться искусным офицером; что природный дар, без образования, если и может быть уподоблен благородному металлу, то разве неочищенному и необделанному. И хотя офицер и военачальник — две степени, отвечающие различным условиям, но Суворов, задавшись конечною целью, не думал обходить ближайšie, разумея, что хорошему офицеру легче добиться до высшего начальствования, чем плохому, и что добрые качества храброго, но вместе с тем искусного офицера растут под пулями и ядрами, а посредственность разоблачается.

Следует, однако, заметить, что, занимаясь теорией военного дела многие годы, он относился к изучаемым предметам не рабски, а самостоятельно и свободно. Он вполне усвоил мысль, что, изучая великих мужей, нельзя ограничиться прямым у них заимствованием, а тем менее впасть в ошибку подражания. Почти все, добытое путем науки, в Суворове перерабатывалось совершенно и принимало свое собственное обличье, которое иногда как будто отрицало самый образец. Суворова не затыкало, не засасывало с головой, что бывает с учеными теоретиками, не обладающими сильным умом. Он не искал в науке и прямой утилитарности, как расположены делать узкие практики-специалисты. Суворов знал, что теория подготавливает и развивает ум в известном направлении, но в деле приложения несостоятельна, ибо это задача уже самого человека. Он смотрел на приобретаемые знания как на склад всевозможных пособий для военной деятельности, но не рассчитывал требовать от изучаемой теории указаний, в каком случае какое пособие следует употребить. Он искал не столько частного, сколько общего. Основные начала военных операций неизменны во все времена и независимы от условий оружия и места; только приложение их к делу изменяется. В древнее и в новое время победы выигрывались благодаря одним и тем же первоначальным причинам, оттого изучение великих военных мастеров классической древности столько же полезно, сколько и позднейшего времени. Суворов не только их не обошел, но к ним пристрастился и считал их своими учителями. Позже, в переписке и беседе, он часто вспоминал высокочтимые им имена Александра, Цезаря, Аннибала и любил на них ссылаться. Очень верно замечает один из лучших писателей о Суворове, что военный его гений, несмотря на всю оригинальность свою, вырабатался под влиянием классических впечатлений.

Чтобы довести до степени законченности предпринятое самообразование, Суворову нужно было иметь большую силу воли, а чтобы сладить с внутренним смыслом задачи, требовался обширный ум. Признавать за ним первую и отказывать ему во втором — значит обрекать себя на неверную постановку вопроса и стало быть на неправильные выводы, что и замечается у большей части иностранных писателей о Суворове. Если бы они удостоили его обстоятельным изучением, то не приняли бы оригинальность его ума и всей природы за недостаток умственного развития, а его способы применения научного образования к делу — за невежество. Суворов часто громил впоследствии сарказмами «бедных академиков», но подводил под это название не людей науки вообще, а бездарных теоретиков, не понимающих различия между наукой и ее приложением, ибо, по его мнению, в приложении-то к делу и должна выражаться сила науки. В то же время, будучи исключительно практиком, он не давал спуска и практикам-невеждам, говоря про них, что они, может быть, и знают военное дело, да оно их не знает. Для того чтобы не оспаривать у Суворова сильного ума и обширной эрудиции, достаточно, не следуя за ним в его жизни, познакомиться лишь с его вступлением в жизнь. Поэтому обвинения его в невежестве и умственной слабости представляются не только неверными, но даже и не совсем понятными. <...>

Несомненно то, что в эту пору своей жизни и службы Суворов продолжал ревностно заниматься своим умственным образованием, которое приняло теперь более общее развитие. Он не хотел быть только ремесленником военного дела и именно потому, что ставил его выше всякого другого. <...>

Первообраз Суворовской системы

Грандиозная Семилетняя война поразила умы современников. Силы воевавших были слишком неравны, боевые качества прусской армии преобладали над союзническими, несомненно; военные таланты Фридриха ярко блестели во тьме общей, почти сплошной бездарности союзного предводительства. Началось повсеместное обожание, почти боготворение. Как в мифах языческих религий основной идеал, будучи изображен во внешних формах, исчезает из сознания верующих масс и остается одна форма в виде идола, так с окончанием Семилетней войны дух фридриховой военной системы, не ясно и до того сознаваемый, совершенно заслоняется удобопонятными для всякого формами, и им воздается поклонение. На потсдамских полях производится священнодействие, и иностранные жрецы с уни-

лением взирают на 3—4-верстную линию прусских батальонов, автоматически подвигающихся вперед с правильностью натянутой струны. Производится изучение прусских уставов до тонкости, исследуются до мелочей правила построения, маршировки, ружейной экзерциции; копируется обмундирование и снаряжение. Все, даже случайное и для самих пруссаков не имеющее цены, обращает на себя внимание и подвергается изучению. Вот что сделалось задачей европейского воинского искусства на долгие годы; за то и упало оно так быстро и так низко, что только военные громы французской революции заставили всех очнуться и произвели новый переворот. Но и этот переворот в большей части Европы состоял из компромиссов между французскою новизною и прусскою стариною, и многочисленные мелочи, чисто внешние и механические, упорно сохранились чуть не целое столетие.

Какое же впечатление эта война произвела на Суворова? Он был не больше, как штаб-офицер; боевая служба его происходила в тесном кругу; под напором личных впечатлений и под влиянием подавляющего авторитета короля-полководца он, казалось, должен бы был вступить в ряды самых горячих его последователей и подражателей не только в главном, но и в мелочах, ибо мелочи и приходились по плечу простому полковому командиру. Случилось, однако, совсем не то, потому что этот полковой командир обладал огромными дарованиями, научной подготовкой и самостоятельным взглядом на дело.

Образ действий союзных начальствующих лиц имел для Суворова значение отрицательное, т.е. это было для него школой навыворот, наставлением, как не следует поступать ни в каком случае. Медленность, нерешительность, страх перед противником, отсутствие единой живой мысли — все это, конечно, послужило ему живым уроком, который ничего нового ему не открыл, но подтвердил верность его собственных взглядов. Образ действий Фридриха в сильнейшей степени содействовал усвоению Суворовым того же вывода; глубокая верность основных принципов фридриховского военного искусства должна была выяснить ему все то, что в этом отношении оставалось в его уме в виде гипотез и не получило еще определительных очертаний. Таким образом, и Фридрих, и союзники с редким единством содействовали Суворову в выработке взглядов и качеств, которые с того времени являются как бы характеристикою его имени.

Прусские и союзные войска тоже были для Суворова богатым источником наблюдения и выводов. Больше всего должен

был его поразить контраст между теми и другими в поворотливости и подвижности и указать на недостаток русских войск в этом отношении, как на капитальнейшую болезнь, требующую исцеления. Формам строя и уставным правилам он не придавал большого значения, лишь бы они не становились в противоречие с жизненным началом, которому должны служить. Наперекор всей Европе, ударившейся в слепую подражательность, Суворов не увлекся внешними особенностями прусской военной системы, перед идеальною стройностью не благоговел, математическую точность маневрирования прусских войск и сложность маневренных задач считал для русской армии ненужными. Сознывая недостатки нашей армии относительно сущности дисциплины, он, однако, не преклонился перед прусскою, допуская ей уместность в фридриховой армии, но не в русской. Обучение русских войск он забраковал и по смыслу, и по способам; но чуть ли не в той же мере признал негодным для пересадки на русскую почву и знаменитый прусский образец. Ничтожность огня русской пехоты он оценил вполне, отдал преимущество этой отрасли военного образования в прусской армии, но моделью ее не принял и ружейному огню в тактике пехоты первостепенного значения не придавал.

Все подобные выводы, отрицательные и положительные, сделанные из опыта Семилетней войны, Суворов свел в своеобразную, собственно ему принадлежащую систему обучения войск; философский взгляд на военное дело и глубокое понимание национальных особенностей русского солдата проходят в ней рука об руку.

Никакая живая система не является сразу вполне сформированной в голове и законченным образом выраженной в слове. Суворовская система не могла иметь в самом начале той целостности и отчеканенной формы, которыми она отличалась 30 лет спустя. Поэтому было бы приемом неверным — взять из позднейшей, хорошо известной системы главные данные, перенести их в ранний период и таким образом изложить первые шаги Суворова на военно-педагогическом поприще. Относительно основных начал это будет справедливо; относительно частных — может быть справедливо случайно, но исторически все-таки неверно. Должен быть изложен первообраз, хотя бы неполный, но действительно существовавший.

Прямых данных для такого пути нет; никаких документов 60-х годов прошлого столетия, касающихся служебной деятельности Суворова, не существует или не отыскано. Но материал этот имеется за годы, непосредственно следовавшие за мирною

его деятельностью в Ладого. Тогда Суворов действовал под живым воспоминанием своего командования полком; он, так сказать, репетировал свои ладожские уроки, указывал на способности приложения их к делу, комментировал их, ссылаясь на недавнее прошлое. Тогда он только что вышел из полковых командиров, сфера его начальствования расширилась незначительно, и служебные занятия последних лет сохраняли еще для него весь свой интерес. Данные, заключающиеся в документах 1770—1772 годов, поэтому восполняют в некоторой степени пробел 60-х годов. Они отрывочны, бедны и не дают возможности изобразить стройное целое, но позволяют воспроизвести некоторые части и, связав их общею идеею, чрез них проходящею, получить понятие о первообразе суворовской военной теории в главных ее очертаниях. Последующее расширение военной деятельности Суворова пополнит в свое время пробелы и документально подтвердит или опровергнет верность первоначально сделанных выводов.

Предполагаемое на войне невозможным по теории, на практике оказывается сплошь и рядом исполнимым, и именно от того, что считается за невозможное. Для этого надобно вселить в неприятеля веру в нашу непобедимость, а свои собственные войска воспитать так, чтобы их ничто не могло на войне озадачить, чтобы они имели твердую уверенность в своей силе и не допускали мысли, что могут быть побиты. В этом убеждении заключается действительная сила, боязливое отношение к неприятелю составляет действительную слабость. Эти общие истины были по преимуществу суворовскими истинами. А ргіогі они принимаются почти всеми, но едва ли кто в такой степени как Суворов усвоил их всем своим существом и вводил в практику дела. Они были краеугольным камнем его боевой теории. Из всех его приказаний и наставлений подведомственным ему войскам в 1770—1772 годах, во время польской конфедератской войны, видно, что основным условием военного успеха он считал *смелость*. Он предписывает отрядам смелость во всяком случае; если нельзя дело сделать, то хоть доказать неприятелю несомненную, осязательную готовность к энергическому действию; убедить его в своей смелости. После одного незначительного, но стоившего потерь дела, он дает объяснение своему начальнику, генерал-поручику Веймарну, в январе 1770 года: «Они рекогносцировали, а что так дерзновенны, я один тому виной; как в Ладого, так и под Смоленском, зимою и летом, я их приучал к смелой наступательной тактике». В приказе одному из полков, отданном в январе 1771 года,

Суворов пишет: «Непохвальным нахожу, что на бунтовщиков (как на официальном языке назывались у нас тогда конфедераты) по близости тотчас не ударено; хотя бы таковой поиск был иногда и пустой, но служит всегда для страха». Развитие в подчиненных нравственной силы он обставляет всеми способами и ревниво оберегает их от прикосновения понятий противоположного характера, запрещая даже употребление на официальном языке некоторых слов. В этом отношении любопытен его приказ одному из отрядных начальников, ротмистру Вагнеру, 25 февраля 1771 года: «*Сикурс* есть слово ненадежной слабости, а *резерв* — склонности к мужественному нападению; *опасность* есть слово робкое и никогда, как и *сикурс*, не употребляемое и от меня заказанное. А на то служит *осторожность*, а кто в воинском искусстве тверд, то *предосторожность*, но не торопливость... Свыше же резерва называется усилие, т.е. что и без него (резерва) начальник войска по его размеру искусства и храбрости сильным быть себя почитает».

Действуя на нравственные силы своих подчиненных разными воспитательными приемами, Суворов не только не пренебрегает их строевым обучением, или, по тогдашнему выражению, «экзерцицией», но придает ему особенную важность. Начальнику своему, Веймарну, он пишет в 1771 году: «Каролинцы (войска Карла XII), их победами надменные, надеясь на себя излишне, отдыхают в Дрездене по-капуанскому (как Аннибал в Капуе) и, перебежши земли несчетные, падают при Полтаве перед Петром Великим, который между тем экзерцирует свое войско». В другом письме к Веймарну Суворов говорит про необходимость скорейшего подавления конфедерации: «Примите мое представление за благо, что чрез продолжение сих мятежей, они (конфедераты), где ни есть мешкая в углах, более времени имеют выэкзерцироваться, нежели мы». В третьем рапорте от того же времени он объясняет своему начальнику необходимость обучения войск примером Юлия Цезаря, который «в Африке со сборным слоновым войском не дрался с Юбою и со Сципионом вправду, давая им еще волю бродить, доколе он основательно не выэкзерцировал свое войско». В приказе по войскам 25 июня 1771 года Суворов, подтверждая начальникам «обучать в праздное время на постах их команды в тонкость» и давая разные по этому предмету указания, в заключение говорит: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, только тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаний, при внушениях и затверждениях каждому должности его».

Эти два основных правила — воспитание нравственной природы человека в смысле наибольшего развития военных боевых качеств и тщательное обучение его механизму военного дела — сливались у Суворова в одно, и второе вполне служило первому. У него механическая часть обучения велась исключительно по указаниям боевого нравственного элемента. Бюжо, один из лучших французских маршалов, сказал, что между войсками, обладающими высоким нравственным чувством, храбрыми и проникнутыми правильными понятиями о бое, и войсками, устроенными и обученными так, как большая часть войск европейских, существует такая же разница, как между взрослыми и детьми. Суворов приготавливал в Ладогe взрослых.

Самый короткий и верный путь к приучению человека смело смотреть в глаза опасности состоит в том, чтобы не выжидать ее, а идти ей навстречу. Этому принципа Суворов и держался, проводя его с помощью исключительно наступательных экзерциций и давая атаке холодным оружием преобладающее значение над прочими частями строевого устава. Атака в штыки есть действие, требующее большого напряжения воли. Трудность штыковых атак привела к попытке дать огнестрельному оружию значение оружия решительного, заменив огнем удар. Попытка не удалась; войны в XVI столетии длились десятки лет, решительных сражений почти не было. Стали назначать для рукопашного боя отборные войска; если большие части войск пускались в атаку и доводили ее до конца, то подвиг их приводился в пример другим. Из западноевропейских армий французская была наиболее способна к атакам холодным оружием; немцы обращали больше внимания на огонь, стараясь сделать его правильным и частым. Одним из главных военных принципов Фридриха Великого было усовершенствование огня. Успехи Фридриха вселили во всех дух подражания, в том числе и во французов; штыком стали пренебрегать. Но общий поток не унес с собою безвестного полкового командира русской армии; вопреки всей Европе, он придал штыку первостепенное значение и сделал его главным военно-воспитательным средством. Он добился своего, ибо в приказе его 25 мая 1770 года читаем: «Доселе во всех командах моей бригады атаковали только на палашах и штыках, кроме что стреляют егеря». Впоследствии он продолжал настаивать на верности своего взгляда и не ошибся. Его боевая карьера еще не успела дойти до своего апогея, как разразилась войны французской революции; французы опять перешли к боевым привычкам, сродным их национальному характеру, достигли успехов уди-

вительных и произвели в европейской тактике такую же перемену, какая незадолго перед тем была сделана у них самих примером Фридриха.

Поступая таким образом, Суворов разрабатывал благодатную почву и прибегал к приему, сродному русской национальности. При недостаточности обучения вообще и при слабости огнестрельного действия в особенности русская армия всегда чувствовала склонность к штыку; но эта склонность оставалась инстинктивной и не развитой. Суворов взялся за дело рукою мастера. Драгоценная особенность русской армии, замеченная им в Семилетнюю войну — *стойкость* — была элементом, обещавшим Суворову богатую жатву. Предстояло дорогой, но сырой материал — *пассивную стойкость* — обработать, усовершенствовать и развить до степени *активной настойчивости и упорства*, так как оба эти свойства, и пассивное, и активное, однородны и составляют только две разные ступени одной и той же лестницы. Воспитание и обучение Суздальского полка и поведены были Суворовым именно в этом направлении: почти вся учебная программа прямо или косвенно сводилась к наступлению и удару.

Прежде всего Суворов обратил внимание на религиозную сторону и на нравственное чувство солдата. В 1771 году писал он Веймарну: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы; у русского едва знает ли то его деревенский поп; то сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности». Как будто в подтверждение этого приема, он пишет тому же Веймарну, но совсем по другому поводу: «Надлежит начинать солидным, а кончать блистательным». Действуя на религиозное сознание своих людей, Суворов считал необходимым внушать им и благородные побуждения, преимущественно честолюбие. Веймарну он говорит: «Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата». В другом письме к нему, того же 1771 года, Суворов, вспоминая свое командование полком, выражается так: «Капрал был почтен в корпоральстве, как капитан — в роте; имел своего ефрейтора и экзерцирмейстера; предводим был с возможным наблюдением старшинства по достоинству, без рекомендации. Сержанты ведали капральства, но не для хозяйства. Всякий имел честолюбие».

Два приведенные обстоятельства составляют, каждое порознь, целую программу действий; программы эти Суворов и разрабатывал. К сожалению, подробности остаются неизвестными.

Воспитывая и обучая свой полк в смысле наибольшего развития в нем смелости и отваги, Суворов, конечно, должен был выбросить из военно-учебной программы все, что принадлежит обороне и отступлению. Как в нравственном, так и в материальном смысле хорошая оборона должна быть наступательной, следовательно, специальных приемов обучения не требует. Отступает хорошо тот, кто отступает с наибольшим упорством; упорством же отличается не тот, кто обучен отступательным движениям в мирное время, а кто привык смотреть на бегство, как на позор. Эти-то взгляды на отступление и оборону Суворов и внушал своему полку. В приказе ротмистру Вагнеру, в 1771 году, он говорит: «Сикурс, опасность и прочие вообразительные в мнениях слова служат бабам, кои бояться с печи слезть, чтобы ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим — для подлой обороны, которая по конце — худая ли, добрая ли — рассказчиками також храброю называется». В другом приказе на все посты своего района, в мае того же года, он внушает, что «одно звание обороны уже доказывает слабость, следственно и наводит робость». В одном только документе попадаетея как будто компромисс суворовского направления с противоположным, но и тут Суворов прибегает к забавному софизму, с помощью которого старается как бы выгородить свой принцип в глазах других. Именно, в приказе 5 октября 1771 года на все посты он, рекомендуя для обучения войска наступные плутоongi, прибавляет: «Притом хотя и отступные, только с толкованием, что то не для отступления, но только для приучения ног к исправным движениям». Дабы убедить в том, что Суворов отрицал оборону только в смысле воспитательного приема, а на самом деле умел ценить даже хорошее отступление, — стоит только прочесть его похвалу польским конфедератам за дело под дер. Наводицей. В апреле 1770 года он доносит Веймарну, что поляков «на месте положено сот до трех или больше, число же всех их было поменьше 1000, только все хорошие люди, ибо когда они на площади, в лесу, место и батарею потеряли, и наша кавалерия их беспрестанно в тыл била, то они, ретируясь через два буерака и потом один болотный ручей, те три раза снова делали фронт довольно порядочно и ожидали атаку».

Напирая на обучение наступательным действиям и атаке холодным оружием, Суворов, однако, не пренебрегал прочими отделами военного обучения и никогда не противопоставлял одни из них другим. Это значило бы впасть в односторонность, а у Суворова было так много боевого такта, что он не

мог допустить такой грубой ошибки. Его позднейшие военные афоризмы давали повод к подобным толкованиям, но эти толкования свидетельствуют только, что комментаторы трактуют о предмете, с которым знакомы слишком поверхностно. Тогдашнему ничтожному ружейному огню он не давал большого значения, но отводил ему должное место в общей системе военного образования и требовал самого тщательного обучения солдат стрельбе. По его энергическому выражению, гренадеры и мушкетеры «рвут на штыках», а стреляют егеря; но отсюда не вытекало заключение, что первым не нужна цельная стрельба, а последним — штыки. Он ненавидел народившуюся издавна поговорку «Пуля виноватого найдет» и преследовал это фальшивое понятие немилосердно. В приказе на все посты 25 июня 1770 года он объясняет происхождение ненавистной ему поговорки так: «Что же говорится по неискusstву подлого и большею частью робкого духа — пуля виноватого найдет, — то сие могло быть в нашем прежнем нерегулярстве, когда мы по-татарскому сражались, куча против кучи, и задние не имели места целить дулы, вверх пускали беглый огонь. Рассудить можно, что какой неприятель бы то ни был, усмотря, хотя самый по виду жестокий, но мало действительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется и из робкого становится смелым». Последнее рассуждение вполне объясняет взгляд Суворова на стрельбу и до такой степени просто и логично, что ныне обратилось почти в общее место. Поэтому на обучение стрельбе Суворов обращал очень большое внимание и возмущался, если она была плоха. В одном из донесений Веймарну он говорит с горечью: «Ныне настали малеванные мужики в солдатском платье, да, по несчастью, для роста еще фланговыми; сии мужики на кулачный бой — пуля виноватого найдет: такой недостаток исправного выэкзерцирования!» Дисциплинирование огня было постоянной заботой Суворова; ради этой цели, а также в видах воспитания солдата на атаке холодным оружием, он не допускает у гренадер и мушкетер стрельбу без дозволения, «ибо единожды навсегда вообразить себе должно, что больше потребно времени зарядить, нежели выстрелить... В погоне же всякий, кому случится, достреливать может, но и тут напрасно весьма пули не терять». В июне 1770 года он предписывает на все посты: «Пехоту хотя скорому зарядению приучать, також и поспешнее плутоножной пальбе, но весьма оной в памяти затверживать, что сие чинится для одной проворности исправного приклада. В деле, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма

скоро заряжать, но скоро стрелять отнюдь не надлежит, а верно целить; в лучших стрелять что называется в утку и пули напрасно не терять». В суворовской программе «скорый заряд и исправный приклад» занимают одно из первых мест, а стрельба в мишень была даже предметом исключительного внимания. Иногда она производилась по окончании всего ученья, даже после атаки в штыки. <...>

Первым качеством солдата должна быть храбрость; как развить ее в мирное время? Суворов держался такого пути: добивайся, чтобы солдат был уверен в самом себе, тогда он будет храбр. С этою целью он старался влить в солдатское сознание немного и дать солдату внешнее военное образование несложное, но чтобы то и другое было усвоено солдатом в совершенстве и привилось к нему органически. В упомянутом выше письме к Веймарну он пишет: «Каждый шел через мои руки, и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыл. Так был он на себя и надежен, — основание храбрости». Дальше в том же письме говорится: «Четвертого гренадерского полка люди бодры, мужественны, да не храбры; что тому причина? Они на себя не надежны».

Дисциплина в русской армии была внешняя и поддерживалась лишь страхом наказания; наказания были суровые, и назначение их, до высокого размера, предоставлялось власти ближайших начальников в виде дисциплинарных взысканий. Полковник имел право без суда, по собственной оценке вины, прогнать солдата сквозь строй до трех раз. Правда, закон ставил рекрута под особое покровительство и предоставлял начальнику взыскивать на солдате, приставленном к рекруту; сам же рекрут «не должен быть не только бит, но ниже страшен». Но это была сделка законодателей с совестью; такой уступке противоречило все: и общее направление законодательства, и традиции, и воззрения общества, и предоставление начальнику широкого усмотрения. Да и как было не бить рекрута, когда та же инструкция предписывала «быть не лениву, смелу, проворну, поворотливу; чтобы крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесание при разговоре — совсем были из него истреблены». Всякий торопился из рекрута сделать солдата по указанному образцу, чтобы самому не быть в ответе, а прямым путем к тому путь заключался в батожье, в шпицрутенах, к которым издавна все привыкли, ничего ненормального в них не видели и ответственности за них не подвергались, если не заходили чересчур далеко.

Суворов был военный человек до мозга костей и потому поддерживал у себя в полку строгую дисциплину. Век был суровый, нравы только что начинали смягчаться; состав армии из крепостных, да притом худших по выбору, и ее некоторая нравственная распущенность, выражавшаяся в склонности к грабёжам, требовали ежовых рукавиц. Суворов не был поклонником палки, но в военной службе считал строгость необходимой и баловство вредным в высшей степени. В приказе 28 февраля 1772 года он говорит: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда. Почему командующему за прегрешения неослабно наказывать, ибо когда послабит, то тем временем в непослушание придут и в своем звании оплошнее учинятся». За какие проступки какую меру взыскания он определял — ниоткуда не видно, но к шпицрутенам прибегал не зауряд. Строгость была велика потому, что и требования были велики. Укажем на один пример из конфедератской войны: Суворов требовал абсолютной тишины в строю и не допускал возможности чего-нибудь похожего на разговор. Это не было фронтовым увлечением, желанием добиться эффекта тишины; таких вкусов у Суворова не замечается. Вернее всего, что его требование вытекало из соображений высшего свойства: солдат во фронте, как на священнодействии; он слышит команду, знает, что ему делать и должен исполнять. Перед ним совершается кровавая жертва любви к отечеству; он сам для нее предназначен и должен весь принадлежать своему долгу; нет ни недоразумений, ни колебаний, ни сомнений; нет и мысли, которою бы можно было поделиться с товарищем; мысль у всех одна — победить или умереть. Конечно, фронт на учебном поле и фронт под пулями и ядрами — не одно и то же; но у Суворова мирное упражнение было, насколько то возможно, близкой копией боевого дела. Если он требовал полного безмолвия фронта в военное время, то требовал и в мирное. А в военное он этого требовал и в действии, и в движении, «когда палаш не в ножнах и ружье не по ремню». Приказом 1771 года он предписывал наблюдать, чтобы «никто из нижних чинов не дерзал что среди действий, хотя и тихим голосом сказать»; таких приказывает арестовать или заметить «для получения ему за то достойного; если капрал или ефрейтор не исполнят, то им то же самое, а офицеру арест». Но зато для устранения поводов к нарушению безмолвия фронта, т.е. недоразумений и колебаний, он приказывает высшим и низшим начальникам произносить командные слова «весьма громко».

Мы уже видели, что для развития в нижних чинах нравственного чувства Суворов учил их молитвам. Он сам говорил в письме к Веймарну, что это делалось, дабы «они познавали грехи и наказание, коим 99 против сотого правятся ныне, что тяжело и излишнее». Излагая таким образом свой нравственный метод для уменьшения проступков и следующих за ними взысканий и называя обязанность наказывать тяжелою и излишнею, когда проступки могут быть устраняемы иначе, Суворов прибавляет, что солдат он много и не наказывал. Это заявление имеет большую цену особенно рядом с другим, сделанным им несколько позже в Турции, в 1773 году, его начальнику Салтыкову: «Ладно, что копорская рекрутская команда будет в полку; только бы ее поберегли там от палок и чудес». Из приведенных немногих данных можно, кажется, заключить, что Суворов, не задумываясь, подвергает солдат взысканиям не только за важные проступки, но и за «прегрешения», как он сам выражается, все-таки не был жесток, не любил наказаний и осуждал палочную щедрость. <...>

Тогда все смотрели на добычу как на совершенно справедливое вознаграждение войска за одержанный им успех и как на естественное последствие победы; такой взгляд никем не оспаривался и был узаконен. Подобным же образом смотрел на добычу и Суворов, но сознавал, что путь этот скользок и, не будучи регулирован, ведет к грабежу, насилиям и полной разнузданности. Поэтому Суворов постоянно напрягал усилия к удержанию понятия о добыче в законных пределах и переступивших этот предел наказывал со строгостью. Он беспрестанно подтверждает о невзимании никаких незаконных поборов; с негодованием укоряет постовых и отрядных командиров в том, что они от добровольно явившихся, отставших от конфедерации людей отбирают лошадей и их собственное платье; напоминает распоряжения высшего начальства и постановления военной коллегии о том, какая именно добыча, доставшаяся после боя, принадлежит казне, какая — войску. Он обвиняет казаков в том, что когда легкораненый конфедерат валится с лошади и притворяется убитым, то казак обдирает его и оставляет на месте, а не берет в полон, ибо должен был бы представить неободранного, чрез что конфедерат «становится горшим возмутителем». Или же, спихнув конфедерата пикой с лошади, казак не обращает на него никакого внимания, а бросается за его конем, тогда как добытый конь должен принадлежать казне. Больше всего грозит Суворов за то, когда «при пленении кого лучше, другие задние, наехавши, стараются его себе от-

бить, за каковую шалость без изъятия немедленный шпицрутен». Для добычи предписывается пехоте на ходу не останавливаться, кавалеристам с коней не слезать и проч. Вообще из распоряжений Суворова видно, что он говорит не с чужого голоса, что они составляют результат его собственных наблюдений, что он все знает собственным опытом, все видел своими глазами. И, однако же, несмотря на бдительность Суворова, все-таки происходили такие случаи, как под Сталовичами, с булавою Огинского.

Суворов приказывает содержать пленных ласково и человеколюбиво; кормить их хорошо, «хотя бы то было и сверх надлежащей порции»; поступать так же и с неприятельскими дезертирами. Он предписывает постовым командирам чаще напоминать подчиненным, чтобы они хорошо обращались с отступающими от конфедерации, «ибо благоприятие раскаявшихся возмутителей пользует более нашим интересам, нежели разлитие их крови». Да и нераскаявшихся он защищает от всяких жестокостей: «Как бунтовщиков подлыми не почитайте, но никакого злодея уничтожать не должно, а оружие низложивши, оказывать всякое благоволение». Он часто рекомендует поддерживать добрые отношения между войсками и жителями и не забывать, что русские войска находятся в Польше только для успокоения земли: «Мир на Израиля». Даже с неприятельскими шпионами Суворов, вопреки военным обычаям, мягок и приказывает то же самое своим подчиненным. <...>

Каковы бы, впрочем, ни были польские войска, они во всяком случае много уступали войскам русским, которые или уже были раньше *суворовскими*, или успели ими сделаться во время похода. Особенности суворовского военного дарования накладывали на них и печать особенную. Со свойствами этого дарования мы уже знакомы по прежним его войнам, но в войну 1794 года они приобретают как будто еще больше выпуклости. Из числа его боевых принципов обращает на себя внимание, во-первых, *быстрота*. Он заполняет ею недостаток численной силы и предотвращает сосредоточение неприятельских масс. Прибегая к внезапному нападению, он только возвышает выгоды быстрого походного движения и вселяет в неприятеля преувеличенное понятие о числительной силе его противника. И Суворов достигает цели. Он является перед лицом неприятеля тогда, когда тот считает его за десятки верст; он бьет его потому, что тот, собираясь отступить, не торопится и остается на месте лишних 2—3 часа; он бьет его и потому еще, что идущий к нему на помощь (под Брестом) генерал Княжевич не торо-

пится с движением и весть о совершенном разбитии Сераковского застаёт его, Княжевича, на походе. До чего быстрота Суворова и внезапность появления должны были сильно действовать на людей впечатлительных, видно, между прочим, из того, что находившийся при Сераковском комиссар народной рады бежал, едва заметив издали наступавшие русские войска.

Затем — *глазомер*. Требуется большая военная сметка, чтобы ознакомиться с местностью и с расположением неприятеля, притом так, чтобы по видимому пространству вывести заключение об остальном, невидимом, и еще при условии не возбуждать внимания противника до атаки, сохраняя неожиданность удара. В этом отношении взгляд Суворова был изумительный и доходил до проницательности маловероятной; Суворов иногда знал местность, занятую неприятелем, лучше, чем сам неприятель. Такой глазомер был его природным даром, развившимся от практики и опыта. Суворов пополнял его расспросами пленных и местных жителей, мастерски выведывая у них все, что нужно; прибегать же зауряд к посредству разъездов и патрулей не любил.

Третье основное его правило — *натиск*. Мало поразить противника, надо заронить в него зерно сознания непобедимости того, с кем он имеет дело, или, что то же, сомнение в своих собственных победных качествах. Для этого, явившись пред ним быстро и накрыв его внезапно, надо тотчас же нанести ему жестокий удар. В описанных делах с поляками и нельзя было поступать иначе. Продолжительная канонада, методическое развертывание сил и сложное маневрирование обнаружили бы численную слабость Суворова. Вследствие этой слабости он не мог давать в своих действиях предпочтения охватам и обходам, как оружию в настоящем случае обоюдоострому; тем паче, что поляки были сами достаточно сильны в маневрировании. Не имели же их предводители того, что составляло главную силу Суворова, — умения владеть волею войск как своею собственною. Это нравственное влияние Суворова на подчиненные ему войска, пробывшие в его школе, было поистине громадно. Возможно ли и расчетливо ли было ему отказать от главного своего преимущества и стать в уровень с противником из-за одного принципа, который вовсе не имел первостепенного значения в его живом военном искусстве?

По этой и по другим равносильным причинам близорукие ценители Суворова отзываются о его военных делах вообще, а в Польше особенно, как о незнании или отрицании всяких так-

тических правил, т.е. как о невежестве. Не вдаваясь в свои суждения в глубь дела, они руководятся одною внешнею его стороною, да и то неправильно. По слабой численности своего корпуса и по необходимости дорожить каждою минутою времени, чтобы не упустить неприятеля, Суворов, например, прибегал к фронтальным атакам, но он все-таки заставил своего противника в двух первых делах спешно переменить позицию, отказавшись от прежней, выгоднейшей. Кроме того, он прибегал к охвату флангов, к угрожению тылу, к отрезанию пути отступления. Потом — атака неприятельского корпуса одною кавалерией. Что другое мог сделать Суворов, не рискуя упустить противника? Артиллерия его уступала польской или числом, или калибром, или тем и другим; пехота не могла поспеть; оставалось атаковать конницей. В Турции он поступал иначе. Не особенно опасаясь ни пехоты, ни артиллерии, он должен был беречься только лихой турецкой кавалерии и потому атаковал обыкновенно пехотой, в колоннах или кареях, со стрелками впереди или по флангам. В Польше ему более всего был опасен огонь артиллерии; кавалерия же, а тем паче пехота, опасений не внушали, так как его собственная конница была не ниже, а пехота, несомненно, выше польской. Кавалерийская атака оказывалась, таким образом, наиболее соответственной и по быстроте, и по своему почти рассыпному строю, особенно у конницы Суворова.

Кавалерийские атаки под Брестом и под Кобылкой напоминают, хотя и в разной степени, такую же атаку Суворова под Ланцкороной, 22 года назад кончившуюся поражением Дюмуре. Это показывает, что в тактических правилах Суворова была устойчивость и что он поступал так не по минутному порыву. В этих приемах, называемых антитактическими, действовала не опрометчивость, а необходимое военное качество, смелость и с нею трезвая осмотрительность. Пуская кавалерию в атаку, Суворов непосредственно за тем двигает пехотные части на ее поддержку. Не так поступают люди, увлекаемые фантазией и кидающиеся на неприятеля очертя голову; не так действовали неразумные подражатели Суворова в Польскую войну 1792 года и потому платились дорого. Наконец, для правильного освещения действий Суворова укажем еще на его непрерывные, злые атаки и на настойчивое (под Брестом) преследование. Такой способ действий ошеломлял неприятеля, не давал ему прийти в себя и успокоиться, пока окончательно не подрывал его духа и физических сил, после чего следовали плен или смерть. Это ли не тактика?

Дело при Кобылке, представляя собою, подобно предшествовавшему, наглядные особенности суворовской военной теории, имеет еще одну характерную частность: атаку спешенной кавалерии на пехоту с ударом в сабли. Атака эта была вызвана, как мы видели, необходимостью, местностью и отсутствием пехоты; Суворов не задумался прибегнуть в крайности к такому необычному средству, и оно увенчалось полным успехом. Практикуя часто на полях сражений приемы, которые нельзя найти в учебниках, он уже привык к ним и приучил свои войска, но настоящий случай даже и ему казался заслуживающим особенного внимания. «Если бы ты был при Кобылке, — говорил он потом одному французскому эмигранту, вступившему в русскую военную службу, — ты бы увидел то, чего и я никогда не видал». Но спешивая эскадроны легкой и тяжелой кавалерии и пуская их на пехоту, Суворов постарался, однако же, обеспечить успех атаки вспомогательными способами, какие имел в своем распоряжении: он пустил в атаку с этими эскадронами единственный пехотный батальон, которым мог распорядиться. И что же? Такое живое его отношение к военному делу осталось или незамеченным, или приравнено к способу действий первобытных, полудиких воителей. У одного из новейших военных писателей сказано, что под Кобылкой «Суворов сделал самое жалкое употребление из своей конницы, ввалив одну часть ее в болото, а другую — заставив спешиться и атаковать с одними саблями пехоту, находившуюся в лесной засаде». Как различно можно осветить один и тот же факт, и до какой степени может доходить путаница понятий!

Вообще странным путем иногда складываются репутации и долго держатся по одной инерции, вопреки простому здравому смыслу. Так создалась и живет в Западной Европе репутация Суворова, как ни нелепо объяснять непрерывную цепь тождественных явлений случаем или, что то же, счастьем. Ценители и судьи проглядели в Суворове самую важную его особенность — неограниченное нравственное владычество над своими войсками. Не заметили они и другой его черты — знания своего противника со всех сторон и построенного на этом знании умения пользоваться его слабостями и недостатками по указанию сложившихся обстоятельств. Оттого он и мог делать многое такое, на что не осмеливался никто другой, а если бы и осмелился, то жестоко поплатился бы за свою дерзость. Откиньте эти суворовские особенности и подведите его действия под один формальный тактический шаблон — выйдет счастье; возьмите в расчет не одни внешние данные, а также животворящий их

дух — выйдет гений. Невольно припоминаются здесь слова Суворова, сказанные им 10 лет перед тем в письме к Потемкину: «Я был счастлив, потому что повелевал счастьем». <...>

Обучение войск

Не только в мирное, но и в военное время, когда имелась малейшая возможность, Суворов занимался обучением войск. В мирное время он отдавался этому делу преимущественно перед всем другим, и пребывание его в Тульчине, т.е. в южнорусском районе, отличается особым развитием этой деятельности. Он так любил учебные занятия с войсками, что, очевидно, исполнял не одну только обязанность, отдаваясь этому делу, а следовал своему призванию. Припомним, что будучи еще солдатом, он добивался обучать других и был в полном удовольствии, когда ему это удавалось. С годами его призвание выражалось все яснее, когда же он сделался фельдмаршалом и ожидал войны с Францией, то предался своим любимым занятиям так усердно и широко, что они, наконец, были замечены и одним из летописцев записаны с достаточною обстоятельностью для назидания потомства.

Приехав в Тульчин в начале весны, Суворов имел так много разнообразных занятий, что не мог посвятить себя сразу обучению войск. Нет, однако, сомнения, что с самого его назначения в Тульчин до прибытия к месту войска уже начали заниматься по суворовской программе и в суворовском смысле, ибо в том районе уже было немало старых его знакомых и сослуживцев, а потом и с ним прибыло несколько генералов, усвоивших его систему военного образования. С выходом войск в лагерь Суворов сам принял участие в этом деле, по крайней мере, в ближайшей местности, под Тульчином. Состоявший при нем голландец Фалькони пишет Хвостову: «Наш почтенный старик здоров; он очень доволен своим образом жизни; вы знаете, что наступил сезон его любимых удовольствий: поля, учения, лагеря, беспрестанное движение; ему ничего больше не нужно, чтобы быть счастливым». И действительно, учебные занятия заслоняли от его внимания все прочее и заставляли его хоть временно быть довольным настоящим положением, в особенности, когда, разобравшись в настоятельных делах и получив досуг, он не ограничился уже учениями и маневрами в окрестностях Тульчина, а отправлялся в объезд по всему своему району.

С дороги он пишет разным лицам, что все у него обучаются и многие без поправки; что войска очень хороши, не обучены

только ночным сражениям, но это теперь пополняется. Вернувшись в Тульчин, он сообщает князю Зубову, что «возвратился от осмотра войск здоров и доволен», а Екатерине доносит такими словами: «Вашего Императорского Величества победительные войска искусством, прилежанием и трудолюбием генерал-аншефов Каховского и князя Волконского, генерал-поручиков Розенберга, Любовицкого и Шевича, генерал-майоров Берхмана, Арсеньева и Текутьева весьма исправны к дневным, как ночным баталиям и штурмам, и готовы к увенчанию себя новыми лаврами».

Итак, суворовское обучение войск имело своим предметом точным образом определенную цель — *бой в дневное и ночное время*, в разных его видах. Каким же путем шел Суворов к этой цели и какие приемы он употреблял при исполнении своей программы? Ответ на эти вопросы дает дошедший до нас документ, военный катехизис Суворова, называемый обыкновенно «Наукой побеждать».

Составление «Науки побеждать» или, по крайней мере, объявление ее по войскам в виде обязательного руководства относятся обыкновенно к 1796 году, а некоторые даже к концу года, по кончине Екатерины. Последние основываются, вероятно, на том, что в этом произведении Суворова упоминается имя Императора Павла, — доказательство слабое, потому что замена одного имени другим — дело весьма легкое. В действительности руководство дано войскам гораздо раньше, а записано историографами Суворова лишь в 1796 году. Из предшествовавших глав мы видели, что по «Науке побеждать» войска под началом Суворова обучались не только в Польскую кампанию, но и до нее, когда Суворов находился в Херсоне. Из некоторых мест «Науки» усматривается, что она объявлена по войскам после второй Турецкой войны и что затем прибавлено в нее после Польской. Не может быть никакого сомнения, что она существовала раньше, но только в несколько ином виде; нынешняя же окончательная редакция ей придана в первой половине 1796 года. <...>

«Наука побеждать» состоит из двух частей: «вахт-парада» и «словесного поучения». «Вахт-парадом» Суворов назвал приказ или наставление, как производить учение перед разводом. Наставление это назначалось преимущественно для начальников, но было очень хорошо известно и солдатам. Начинаясь словами, что учение перед разводом имеет влияние на обучение, «вахт-парад» указывает на весь ход учения с начала до конца, поясняет разные частности и дает наставление на мно-

гое, что признается более важным. «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом» говорилось после развода, громогласно, наизусть, перед фронтом командиром или другим штаб-офицером. «Почтение» это состоит из небольшого числа уставных правил того времени и, главною долею, собственно суворовских наставлений и афоризмов, не только боевых, но касающихся и разных сторон внутреннего быта войск.

«Наука побеждать», если смотреть на нее с формальной, уставной стороны, представляется приложимой к делу только в ту эпоху, когда была составлена, или, вернее сказать, пока оружие и формы строя той эпохи не изменились. В этом отношении она имеет в наше время только исторический интерес. Но этою стороною далеко не исчерпывается смысл суворовского наставления; напротив, она имеет в нем сравнительно неважное значение. На войне нравственная сила в несколько крат важнее материальной; слабый телом, неумелый, но крепкий духом, сделает гораздо больше, чем обученный, но малодушный силач. Оттого в приготовлении человека к военному делу преимущественное внимание должно быть обращено на соответственное развитие его духовной стороны, и только под влиянием и по указаниям этого нравственного воспитания должна складываться система физического образования, говоря вернее — обучения.

Для успеха на войне прежде всего нужно, чтобы человек как можно меньше боялся смерти; как можно меньше потому, что совершенно искоренить в человеке чувство самосохранения невозможно, причем принимается в расчет, конечно, масса, а не исключительные, единичные натуры. Первым шагом к нему будет — приучить человека, ввиду предстоящей опасности, не ожидать ее, а идти ей навстречу; не отражать удары, а наносить их, в том соображении, что если не наносить, то без отражения дело никак не обойдется, стало быть, опасности все равно не минуешь; если же обойдется, то может представиться нечто худшее — опасность без возможности ее отражения. Идти же навстречу опасности — значит действовать наступательно, атаковать, что и составляет основной принцип «Науки побеждать». Давая, таким образом, безусловное предпочтение активному началу перед пассивным, атаке перед обороною, и сводя, так сказать, клином всю свою систему к атаке, Суворов, разумеется, не мог допустить в свою программу учение о действии диаметрально противоположном, потому что учить ретираде — значило бы знакомить войска с понятиями и побуждениями, искоренение которых было основной задачей Суворова. Он не

видел в такой кажущейся неполноте учебной программы вредной односторонности или пробела. По его убеждению, в отступательных движениях и действиях обучать нечему; тут больше всего требуется упорство, т.е. развитие нравственной силы, а не совершенство механических манипуляций; ретирада же будет тем упорнее, чем менее она признается в принципах и чем в войсках строже на нее взгляд.

Развитие в войсках упорства, настойчивости проводится в «Науке побеждать» от первой до последней строки с замечательной последовательностью и вниманием. Следуя своей руководящей мысли, Суворов и в этих качествах старается развить активное начало, так как пассивным упорством русский солдат и без того отличался искони. В связи с таким требованием излагаются приемы и наставления, имеющие целью между прочим воспитать и укрепить в духовной натуре людей, особенно начальников, решимость, которая прямо содействует активной деятельности и порождает инициативу. Быть решительным вовремя и впору, без колебаний и потери времени очень трудно, а принимать быстро решение, соответствующее данному случаю — и того труднее, для многих же и вовсе недоступно по свойствам природы. Между тем решаться скоро, хотя бы выбирая и не лучшее из средств, — есть дело совершенной необходимости в военном искусстве вообще, а при суворовском взгляде на это искусство — в особенности. Суворов зато не распространяется в аргументации по этому предмету, а напирает везде на быстроте действий, следовательно, и решений, как на истине безусловно верной. Изведав долгим опытом, в какой сильной степени решительный образ действий электризует и подымает дух в собственных войсках, а на противника наводит опасение, вселяя в него излишнюю осторожность и робкую осмотрительность, Суворов дает в этом смысле и краткие советы вроде «атакуй, с чем Бог послал».

Но чтобы решительность в выборе мер и затем в самом действии как можно более соответствовала обстоятельствам, требуется подкрепить ее находчивостью, сообразительностью, короче говоря — сметкой. Обладая сам необыкновенной военной сметкой, т.е. глазомером, и сознавая, что в своем поприще он много был обязан именно этому качеству, Суворов ставит его чрезвычайно высоко в ряду других, необходимых для военного человека. Он внушает своим подчиненным, что хотя военное искусство состоит в умении одолевать неприятеля, но что есть много врагов, в ряду которых неприятель занимает далеко не первое место; что страшнее неприятеля — «богадельня»

(госпиталь), а опаснее богадельни — «проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, краткомолвка, двуличка, вежливка». Вся эта вереница слов изображает цепь понятий, отрицающих точность, определительность, положительное знание и обозначающих уклончивость, неподвижность ума, леность мысли, страх ответственности и т.п. Самым опасным из этих «врагов» Суворов считал «немогузнайство», питая к нему ненависть искреннюю и глубокую. Преследуя горячо этот недостаток, как обозначающий отсутствие находчивости и сметливости, а потому чрезвычайно вредный для каждого, Суворов так увлекался своею ненавистью и нетерпеливым характером, что впадал в крайность противоположную, задавая неожиданные вопросы о количестве рыбы в реке, грибов в лесу и т.п. Однако следует заметить, что ответы скорые, но глупые или пошлые, хотя и зажимали ему рот, но нисколько не удовлетворяли и не служили в пользу обнаруживавшего находчивость подобного свойства. Тем не менее «немогузнайство» постоянно претило Суворову, и что дальше, то больше, так что под конец жизни он под этим словом уже разумел чуть ли не все человеческие недостатки и прибегал к разным забавным приемам для уменьшения их прилипчивости, вроде открывания окон, несмотря на сильный мороз, окуривания ладаном и т.п.

Основав свою военно-педагогическую теорию на элементе нравственном, т.е. на закалке человеческой души и на развитии в духовной натуре человека активных боевых качеств, Суворов параллельно с этим вырабатывал и внешнюю сторону дела. Важность «экзерциции» он оценивал, можно сказать, больше, чем кто-либо другой, и именно потому, что имел свою собственную, строго осмысленную систему военного воспитания, которой у других не было. О необходимости хорошей подготовки войск на учебном поле он заявляет в своей «Науке», внушая подчиненным, что «ученье — свет, а неученье — тьма», дает наставления о соблюдении интервалов, о сохранении везде строя и т.п. Но он не усложняет уставную оболочку дела, а упрощает; не предлагает ничего нового в механизме обучения, а указывает только на его *направление* и на способы *приложения*. Он требует не слепого, а осмысленного исполнения устава, т.е. спрашивает то же самое, чему учил Петр Великий, грозивший жестокими наказаниями тем, кто будет держаться устава, «яко слепой — стены».

Настаивая на целесообразности приложения уставных правил к делу обучения, Суворов этим самым настаивал и на простоте обучения, потому что и то, и другое сводится к испол-

нению лишь требуемого боевой практикой, боевая же практика очень несложна. «Солдаты учение любят, — пишет он Турчанинову, — лишь бы кратко и с толком». Краткость и простота обучения не служат, однако, у Суворова синонимом «легкости», потому что, по его выражению, «легко в учении — тяжело в походе, тяжело в учении — легко в походе». В «Науке побеждать» поэтому нисколько не избегаются «трудности»; зато в ней нет ничего, не вызываемого боевой надобностью, а есть все, что не нюхавший порохового дыма новобранец может встретить в военном походе и на боевом поле. По этой «Науке» солдат усваивает смысл уставных правил не абстрактный, а прикладной; во время учения он находится постоянно в обстановке настольно близкой к боевой, насколько то возможно при мирных упражнениях; курс его сжат, но весьма полон, потому что знакомит с разновидностями и даже со случайностями боя воочию. Солдату не нужно слово, которого он без приложения к делу или не понимает, или не усваивает, а потому Суворов дает ему в руки прямое дело, в виде примеров на все случаи. Солдат знакомится с атаками разных родов войск; он не только их видит и понимает, но и ощущает, потому что испытывает известную долю сопряженных с ними впечатлений. И цель всякого действия, и средства к ее достижению усваиваются им легко вследствие наглядности способов ознакомления; если же, как при односторонней атаке, он не видит цели, то, по крайней мере, знает ее: ему немного остается предполагать или воображать. От него не спрашивалось ничего лишнего против практических требований военного времени, даже мирной регулярности и стройности эволюций, и особенно атак. Не прибегая к способам искусственным, которые не научают тому, для ознакомления с чем назначены, Суворов естественным путем осваивал свои войска с «боевым беспорядком».

Таким образом, между механическими приемами обучения и нравственными требованиями, действующими воспитательно на духовную натуру человека, «Наука побеждать» проводила всюду единство и непрерывающуюся связь. Выучивая это наставление и вместе с тем действуя в полном с ним согласии на учебном поле, войска знакомились одновременно и с теорией, и с практикой военного дела, без сомнений или недоумений в уме, без колебаний в воле. Отличительным свойством всей системы были именно внутренняя стройность и осмысленность, и если многие не усматривают тут ничего, кроме грубой силы, отрицающей искусство, то причиной тому или предвзятость мысли, или легковесность критики. Укажем для примера на

одну частности. Из трех направлений атаки — в лоб, во фланг и в тыл — «Наука побеждать» отдает предпочтение двум последним; если же Суворов учит не бояться первой и употребляет ее чаще, чем другие, то это потому, что в бою она труднее, а войска должны быть приучены именно к средствам трудным, требующим большой моральной силы. И действительно, в «Науке» все направлено в эту сторону; даже способ изложения — «лети, рви, ломи, скачи» — дает наставлению характер стремительности, бурной мощи, а именование тяжелой солдатской ноши, ранцев, «ветрами» показывает, что материальные препятствия не принимаются в счет при нравственном возбуждении. Слог «Науки побеждать» краткий, прерывистый, понятный для нас лишь после многократного чтения, но он был вполне вразумителен для суворовских войск, привыкших к оригинальной диалектике своего предводителя. «Наука» не читалась, а произносилась устно; приложите к суворовскому слогу должную интонацию, и смысл каждой фразы делается ясен.

На учениях и маневрах Суворов производил марши, контрмарши, обходные движения, развертывал фронт, свертывал колонны, выстраивал каре и т.д., т.е. исполнял эволюции, требуемые уставом, — значит делал то же самое, что делалось в других частях русской армии и во всех иностранных. Но все это у него имело смысл предварительных фазисов обучения, ведущих к одной конечной цели — атаке, до которой он и доходил сколько возможно скорее и прямее. А так как быстрота движений и действий считалась у него одним из главнейших условий всякого хорошо подготовленного войска, то вообще его учебные упражнения, а тем паче предварительные, не могли быть продолжительными вследствие усталости людей. Требовалось приберечь их силы к концу учения, ибо при атаках развивалась двойная быстрота и энергия. Атаки, как и вообще маневры, бывали иногда односторонние, но с обозначением какими-нибудь признаками противника, большей же частью двусторонние. В последнем случае обе стороны, которым досталось быть противниками, строились развернутым фронтом или в каре, или в колонны разной глубины. Колонн к атаке не было, употреблялись колонны походные, длина фронта которых изменялась по обстоятельствам, да и глубина тоже; хвост колонны служил голове резервом. Нормальным строем был развернутый. Суворов не последовал за французами того времени, не принял колонну исключительным строем для атаки, вероятно, потому, что форма строя для атаки в штыки не имеет

большого значения для войск, получивших хорошую боевую подготовку и отличающихся крепостью духа, а суворовские войска именно этими качествами и обладали. Построившись как приказано, обе стороны одновременно начинали движение вперед и, сблизившись на сотню шагов, бросались в атаку по команде начальников, пехота — бегом, кавалерия — галопом. Пехота держала ружья на руку и только в момент встречи с противником поднимала штыки, что было строго приказано, так как иначе многочисленные несчастья были неизбежны.

Непременным условием сквозной атаки было ускоренное, безостановочное движение до самой встречи и дальше. Остановка перед встречей значила бы, что войска замялись перед ударом, т.е. именно то, против чего и было направлено обучение; то же самое обозначало бы и замедление движения. Кроме того, чтобы подобная фронтальная атака служила точным подобием настоящей, люди атакующих войск должны были в момент встречи идти прямо друг на друга, не принимая в сторону. Не дозволялось также вздваивание частей и рядов для образования интервалов к свободному прохождению атакующих сторон насквозь, как это было принято европейскими воинскими уставами, при смене боевых линий под неприятельским огнем. Такая уступка вовсе не соответствовала задаче Суворова, который и самой смены боевых линий не допускал, как противоречащей его боевым принципам. Только перед самой встречей каждый пехотинец делал вроде полуоборота направо, что вместе с неизбежным, при быстром движении, некоторым размыканием рядов давало людям обеих атакующих сторон возможность *протиснуться* и пройти насквозь.

Сквозные атаки были небезопасны, если атакующие стороны состояли одна из пехоты, а другая из конницы, или обе из конницы. При действии пехоты против пехоты и движение было менее стремительно, и образование промежутков между рядами легче. Когда же конница неслась на пехоту, а пехота бежала ей навстречу с опущенными штыками, очень трудно было соблюсти всю иллюзию атаки, т.е. не допускать не только остановки, но и колебания перед самым ударом. С этой целью для образования интервалов фланговые люди кавалерии принимали на скаку вправо и влево, что дозволяло и середине разомкнуть несколько ряды, до момента встречи с пехотой. Еще труднее становился маневр, когда обе атакующие стороны состояли из конницы, потому что быстрое их движение, при маломальски недостаточных интервалах, грозило неловким и оп-

лошным ездокам большой опасностью. Нередко происходила настоящая свалка, с выбитыми из седла людьми, с помятыми ногами и особенно с поврежденными коленями; иной из пораженных не в состоянии был ходить несколько дней, случалось, что и несколько недель.

Трудноисполнимость сквозных атак увеличивалась еще тем, что они происходили при ружейном и артиллерийском огне. Облака порохового дыма иногда так густо обволакивали атакующих, что сообразиться с интервалами было совсем нельзя, и тогда число несчастных случаев возрастало. При встречной атаке кавалерии и пехоты опасности подвергалась, конечно, больше пехота, а потому пехотинцы, вопреки положительному приказанию, местами прибегали к вздваиванию рядов в надежде, что в дыму и пыли это не будет замечено, в чем часто и не обманывались. Буква суворовского приказа, таким образом, не исполнялась, но дух его солдаты все-таки усваивали, потому что делали описанные отступления тайком, сознавая их незаконность. Случалось также, что фронт атакующей кавалерии слишком растягивался, так что местами разрывался; заметив это, ближайшие люди пехоты толпой устремлялись в образовавшиеся промежутки. Во всяком случае, строгого порядка и педантичной регулярности во всех этих движениях не могло быть, да они и не требовались, потому что Суворов добивался не мирной чистоты маневра, а сходства его с боем. Но вместе с тем он настаивал, чтобы беспорядок прекращался как можно скорее и чтобы батальоны или эскадроны были немедленно после атаки готовы к новому удару. Благодаря качествам обучения это достигалось вполне. Со стороны на некотором расстоянии было заметно лишь волнообразное движение линий при встрече и свалке, и затем, при дальнейшем движении все приходило в прежний порядок в самом скором времени. Зритель не мог себе ясно представить, каким образом эти массы людей и лошадей могли пронестись одна через другую без больших бед. И действительно, подобный способ обучения войск не мог обойтись без несчастных случаев, но они бывали не так часто, как следовало бы ожидать, судя по наружным признакам. Суворов понимал, что миновать их невозможно; тем не менее, когда кто-нибудь падал во время атаки с коня, в нем, Суворове, замечали невольное движение беспокорства; но все-таки он не изменял своего метода, ибо был до такой степени убежден в его целесообразности, что скрепя сердце приносил мелкие жертвы крупной пользе. <...>

Кроме двусторонних маневров с обоими наступающими

противниками Суворов воспроизводил на своих учениях и другие виды боя. Пассивная оборона была не в его духе, ибо решающийся ограничиться обороной как бы признает превосходство противника и обнаруживает сомнение в своих собственных силах; но при неизбежности частных оборонительных действий даже в наступательном бою никак нельзя отрицать подобных случаев и не давать о них понятие при обучении. Поэтому у Суворова пехота часто выжидала атакующую конницу, стоя на месте, причем главный прием обучения состоял в открытии огня на самом близком расстоянии от налетавшего противника. В программу его «Науки побеждать» входили также штурмование и оборона укреплений. Для этого возводились земляные окопы по всем правилам, с глубокими рвами, усиленные разными вспомогательными преградами в виде палисадов, рогаток, засек, нескольких рядов волчьих ям и т.п. Укрепление вооружалось артиллерией и оборонялось пехотой. Атаки укрепленных мест открытою силой есть вообще дело трудное и кровопролитное, к которому прибегают редко; но трудность чего-либо была для Суворова лишней причиной для включения в программу мирного обучения войск. Учить тому, что считается исключением из правила и на что отваживаются в редких случаях, — значило приобретать то, чего противники не имеют. Но строго логичный в своей военно-воспитательной системе, которая допускала оборонительный способ действий лишь условно, Суворов поставил правилом, чтобы защитники штурмуемого укрепления непременно переходили затем к активной роли, т.е. делались атакующими, а прежде атаковавшие обращались в обороняющихся.

Если Суворов не мог выкинуть из программы обучения войск штурмов, то тем более должны были входить в нее всякого рода упражнения ночью. Ночной бой имеет ту особенность, что в нем не видно, кто из противников сильнее, да и огнестрельное действие, производимое наудачу, значит очень мало: отвага и смелость одни поддерживают победу. Это как раз подходило к взглядам Суворова, и еще с самого начала своей боевой карьеры он не пренебрегал ночными военными действиями как оружием, в обращении с которым другие не искусны. В ночном бою бывает столько случайностей, неожиданностей и даже так возможны катастрофы, что требуются от войск особенные выдержанность и самообладание, — опять-таки лишней резон для Суворова сделать его предметом обучения. Поэтому он опять повторял свои дневные упражнения в самые темные ночи, не исключая и штурмов, так как и дей-

ствительные штурмы производил по ночам, перед рассветом. Ночные маневры у него всегда оканчивались, подобно дневным, атакою холодным оружием; к сожалению, неизвестно, какие приемы употреблялись для сходства учебной атаки с боевой, так как сквозные атаки едва ли были исполнимы в ночную темноту, без каких-нибудь перемен в вышеобъясненном способе их производства. <...>

Полного и систематического курса суворовского обучения войск, от первого шага до последнего, представить по неимению данных нет возможности, но и из сказанного на предшествовавших страницах можно вывести заключение, что школа Суворова была школой не только самообладания, энергии и упорства, но и живого прикладного знания каждым своего дела. Знали немного, как раз сколько было нужно на войне, но знали в совершенстве. Бой не представлялся для суворовских войск новостью; военные качества, приобретаемые войсками после долгих кампаний, выражаемые термином *обстрелянные войска*, были суворовским солдатам присущи до открытия военных действий в такой степени, что разность между ними и *обстрелянными войсками* низводилась до минимума. Хорошо выученные рекруты стоили старых, бывалых солдат. Суворовские воспитанники атаквали с несокрушимой энергией, встречали атаки спокойно и твердо. Неожиданностей для них не существовало, ибо все было предусмотрено в мирном обучении; строй не имел слабых частей, потому что в людей, из которых строй составляется, было вкоренено понятие, что фронт там, откуда появился неприятель. Общностью и всеми частностями обучения влило в офицеров и солдат сознание, что одним огнем не добьешься победы и что в этом убеждении заключается их превосходство над всяким неприятелем; отрицанием самой мысли о возможности отступления, ретирада сделана временным фазисом боя, ей придано лучшее ее качество — упорство, а вместе с тем обеспечен переход в наступление при первой возможности. Все обучение было до последней степени просто; оно требовало, при понимании основной мысли, много внимания, но мало времени. Дурная его сторона заключалась в возможности несчастных случаев с людьми, особенно с новичками; но несчастные случаи не были часты, и неизбежность их объяснялась не суетными требованиями эффекта от мирного зрелища, как это бывало и бывает у других, а действительно достигаемыми боевыми целями. Не одни люди, но и лошади получали в суворовской школе боевую выдержку. Приучившись проноситься при ружейном и артиллерийском огне че-

рез пехотные ряды, они не заминались, не артачились и перед неприятельским фронтом, встречавшим кавалерию огнем с близкого расстояния. Все эти результаты были бы недостижимы, если бы в основной мысли и приемах обучения лежало неверное, сочиненное начало или если бы вся учебная система сводилась к формам одной механической дрессировки. Надо сознаться также и в том, что они, результаты, не были бы так полны и в том случае, если бы все дело исходило не от такого непререкаемого, авторитетного лица, как всегда победоносный Суворов.

Вера солдат в Суворова не знала пределов; выросла она, главным образом, на победах его долгого поприща, но содействовали тому и другие характерные особенности его личности. Он был настолько же генералом, насколько и солдатом; не впадая в аффектацию, можно сказать, что наиболее соответствующее ему звание или название было бы *солдат-фельдмаршал*. В сочетании этих двух понятий и заключается тайна его изумительного господства над войсками и полное себе подчинение коллективной воли множества людей. Частности его жизни, некоторые обычаи и привычки, разные причудливые выходки и неразборчивые дурачества могли не нравиться кому угодно, но только не солдатам. Умный Суворов очень хорошо это понимал и в этом направлении не стеснялся. На разводах, учениях, маневрах, когда его побуждала необходимость, он исполнял естественные надобности, не заботясь о присутствии публики и как бы указывая солдатам, что и они, выполняя требования природы, не делают ничего худого. Только будучи чистоплотен до брезгливости, он споласкивал после того руки и вытирал их полотенцем. Точно так же, находясь перед солдатами в фельдмаршальском мундире, вышитом золотом по всем швам, обвешанный орденами и усыпанный бриллиантами на сотни тысяч рублей, он не стеснялся сморкаться по-солдатски, двумя пальцами. Даже в обиходе военной службы он напоминал во многом солдата; принимая представляющихся или рапорты, или выслушивая какое-нибудь служебное объяснение, он стоял «стрелкой», с плотно сжатыми каблуками, раздвинутыми носками и с приложенной по уставу правой рукой к козырьку гренадерской каски.

Он приходился солдатам по сердцу между прочим и потому, что не вмешивался в разные мелочи ни на учебном поле, ни на квартирах и не любил, чтобы и другие придирались к солдатам и офицерам из-за пустяков, на что обыкновенно бывает много охотников. В этом отношении он имел много общего с Потем-

киным; но Потемкин баловал солдат, попуская им многое важное, Суворов же отличался большой строгостью во взысканиях, за проступки против существенных требований военной службы. Это не наносило ущерба его популярности в среде войск, скорее напротив. Вообще он был более требователен к высшим, чем к низшим, так как от первых исходит на последних и добро, и зло. Старшим офицерам и генералам было трудно служить с Суворовым, не навлекая на себя по временам его неудовольствия как по его требовательности, так и по свойству самих требований, в которых было много необычного, лично Суворову принадлежащего. К их числу принадлежала необходимость быстрых, точных и толковых ответов на делаемые Суворовым вопросы и скорая сообразительность при получении от него приказаний; последнее было иногда очень трудно, особенно для новичков, потому что язык Суворова отличался прихотливой конструкцией, сжатостью и лаконизмом. <...>

Нельзя не упомянуть в заключение еще об одном средстве, которое Суворов употреблял и для наставления своих войск, и для укрепления в них своей популярности. После каждого развода, учения или смотра он держал перед войсками речь, иногда короткую, но иногда и длинную, с час и больше. Темой для речи служило прежде всего только что оконченное ученье; Суворов делал замечания, указывал на ошибки и, переходя от частных к общему, в подробности излагал отличительные свойства хорошего служивого, как офицера, так и солдата, и условия, которым тот и другой должны удовлетворять. Затем он обращался к давно прошедшему, припоминал и указывал ошибки, сделанные тем или другим полком в том или другом деле, под его, Суворова, начальством; выставлял также подвиги или примеры поучительные, достойные подражания, и хвалил тех, кто оказал такое отличие. После всего он сводил речь на военное искусство вообще и излагал существенные его основания, указывая и на некоторые частности. Затем войска распускались по домам.

Голос Суворова не отличался силой, ни речь — плавностью; говорил он кратко, отрывисто, как бы отдельными сентенциями или поговорками, совершенно так, как написана его «Наука побеждать». Оттого его не могли слышать и понимать на большом расстоянии, но когда один из иностранцев высказал сожаление, что такими наставлениями могут воспользоваться лишь немногие, то Суворов разубедил его. «Довольно и того, что передние офицеры меня услышат и поймут, — сказал он, — вечером они передадут смысл моих слов товарищам, а завтра будет

их знать вся армия». Лицо, записавшее это объяснение, прибавляет, что Суворов сказал истинную правду и что речи его служили между солдатами предметом разговоров, сильно их интересуя. И действительно, солдаты, с чувством гордости и удовольствия видевшие, что фельдмаршал обращается прямо к ним и удостаивает их частыми и долгими поучениями, не могли пропустить мимо ушей его наставлений, тем паче, что на каждом шагу убеждались в их справедливости и верности.

Нельзя в заключение не заметить, что в могущественное значение и силу своего военно-педагогического метода Суворов верил вполне и совершенно, почти столько же, как и свое личное военное дарование. Он признавал возможным, что его войска будут и без него, с другим начальником, победоносны, если хорошо им, Суворовым, обучены. Косвенных доказательств такого убеждения можно бы привести много, но довольно будет указать на одно прямое. Он пишет Хвостову: «Я экзерцирую, *сим неприятеля бью*; я выэкзерцирую войска, их могут от меня отбирать, и ими они будут бить; для того мне не надлежит экзерцировать. Коли ж вдруг мне самому надлежать будет драться, не поспею выэкзерцировать, будет беда, как под Кинбурном. Постигая верно, что я буду действовать без препон, остался бы я при моей экзерциции. Сомнительно, — не хочу я на иных работать и моим хребтом их прославлять». Положим, все эти сомнения и колебания нельзя принимать за чистую монету, потому что Суворовым руководили неудовольствие и подозрительность, но в основании все-таки остается глубокое убеждение в непогрешимой верности принятого им метода. <...>

При своих основных взглядах на военное дело и при громадном опыте Суворов лучше всякого другого понимал, что прекрасно составленные планы кампаний могут оказаться исполненными только частью, а иногда и совершенно измениться, потому что им будет противодействовать неприятель, которого силы и способы с верностью определить нельзя и который имеет свои собственные намерения и цели. Суворов всегда принимал к соображению случай на войне, а потому отвергал всякие законченные планы действий, где все предусматривается и предрешается. Он признавал практически возможными только самые общие предначертания, предоставляя все остальное указанию обстоятельств, и в этом смысле постоянно говорил и писал, ссылаясь на Юлия Цезаря. Он имел сильное нерасположение к планам писанным, тщательно разработанным, да еще коллегиальным образом; и действительно, такие планы,

составляя секрет многих, редко остаются в тайне и попадают обыкновенно в руки неприятеля. Будучи знатоком истории, особенно военной, и изучив в совершенстве войны XVIII столетия, Суворов не мог не видеть, что несчастная мания все предвидеть, все комбинировать на бумаге и направлять каждый шаг главнокомандующего из кабинета дорого обходилась Австрии уже несколько десятков лет, и только одна эта держава по непонятной слепоте не замечала фальши в своей системе. «В кабинете врут, а в поле бьют», — постоянно говаривал Суворов при подобной тенденции. <...>

Из слов Суворова, записанных в Кончанском Прево-де-Люмианом, мы познакомились с планом действий против Франции, который Суворов считал соответствующим обстоятельствам. Разве что-нибудь подобное могло удовлетворить Венский кабинет? Конечно, нет. Всякий план Суворова показался бы ему, во-первых, слишком смелым и рискованным. Затем, при том анализе, которым только и существовал гофкригсрат и который приложим лишь к обстоятельно выработанным проектам военных операций, планы общие представлялись неуловимыми для взвешивания, измерения и прикидывания к масштабу; они непременно требовали разработки, ибо тогда только подходили под уровень критики. Окажи Суворов уступчивость, сделай первый шаг, — от него потребовали бы и второго, и третьего, а при некотором диалектическом искусстве подобное требование явилось бы вполне естественным и логичным. Между тем второго и третьего шагов Суворов сам не знал, отлагая их до знакомства с делом на месте. Ему пришлось бы или погрузиться в бесплодные измышления, противоречившие характеру его военного дарования, или пуститься в препирательство и споры и на этого рода арене понести несомненное поражение, в чем он сознавался еще под Фокшанами. А конечным результатом было бы составление гофкригсратом собственного законченного, округленного проекта, к чему попытка уже и была сделана относительно начала кампании до Адды. <...>

Французская и суворовская военные системы

Слишком большие перемены произошли в его судьбе за последние два месяца; очень велик был почет, оказанный ему в чужих землях. Эти восторженные встречи и приемы не могли ведь быть выражением благодарности за прошлое, как в России; они обозначали твердую надежду на будущее, выражали уверенность, что победная судьба русского полководца не

изменит ему и впереди. Имела ли эта уверенность твердое под собою основание, и не была ли она самообольщением? Ведь говорили же скептики, что французы — не турки и не поляки и что достаточное для одоления последних окажется бессильным против первых. Не одна зависть или зложелание диктовали такие слова; сомнение вытекало и из событий последних лет. Несмотря на анархию внутри, на разложение правительственных и общественных элементов, на дезорганизацию армии, на оскудение источников материального благосостояния, Франция не только выстаивала против соединенной Европы, но еще грозила ей и все свои частные военные неудачи приводила в результате к положительному успеху. Много лет подряд коалиция напрягала свои усилия, армии ее вырастали одна за другой как из земли, истощенная казна наполнялась снова, а победная звезда Франции не только не меркла, но и блестела все ярче. Не были ли правы скептики, сомнительно качавшие головой, когда против такого неодолимого врага прибегали, в виде последнего средства, к вызову на театр войны чудака-генерала, имевшего досель дело только с беспорядочными толпами выродившихся оттоманов и с бандами разъединенных политическим разномыслием поляков?

Они не были правы. Выставляя различие между французами, с одной стороны, и поляками и турками — с другой, да и то далеко не верно, они принимали в соображение одну действующую силу, забывая о другой. А между тем в этой другой силе, то есть в Суворове, и заключалась главная данная для наиболее верного решения вопроса, насколько может подлежать решению в настоящем вопросе о будущем.

Французская военная система, благодаря которой Франция с успехом противостояла Европе такое долгое время, родилась из обстоятельств и сложилась под их влиянием. В начале революции анархия, охватившая всю Францию, разрушила в войсках дисциплину; армия в настоящем смысле перестала существовать, и открывшаяся война доказала это воочию. Стали приискивать средства и нашли указание на полях сражений. Следовало избегать правильного боя и заменять крупные столкновения рядом мелких стычек; задирая неприятеля, тревожа его беспорядочным огнем, учащать усилия и в массах людей находить для этого способы. При революционном возбуждении, а особенно при терроре, дело не могло стать за людьми, и они поступали под знамена в большом числе. Правда, не было ни средств, ни времени для обмундирования, снаряжения, обучения людей, и против неприятеля приходилось высылать не сол-

дат, а свежих рекрут, но это оказывалось достаточным ввиду новопринятого образа действий. Даже не изменили устав в смысле его упрощения, рассуждая правильно, что сущность дела не в нем, а в применении уставных правил к практике. Обучение по необходимости стало самым поверхностным и отнюдь не обращалось в цель, как в других европейских армиях; смысл его заключался в усвоении людьми общего условного языка, без чего не будет взаимного понимания. Далее этого не шли, и это удовлетворяло. Был введен рассыпной строй и колонны, требующие меньшей дрессировки людей, в стрелки рассыпались целые полки, колонны походили на кучи; действовали налетами, занимали неприятеля малой войной.

Первые военные успехи придали смелости революционному правительству; политика и война сделались наступательными. Попытка выработать соответствующий обстоятельствам способ военных действий преобразилась в систему, по духу родную дочь революции. Ополчения росли; неподготовленные люди прибывали во множестве, но уже находили в своих полках боевую, опытную школу. Французские колонны, не теряя времени на маневрирование и стрельбу, в которых были слабы, смело бросались в штыки и прорывали тонкий строй неприятеля, который привык видеть в штыке средство не заурядное, а последнее. Кроме многочисленности и готовности сойтись на штыке, французские войска успели приобрести над противником и другие преимущества. Они были, во-первых, легки, не имели обоза, палаток, даже за частую одежды, обуви, продовольствия, ибо на снабжение всем этим не хватало ни времени, ни средств; все надлежало добыть самим впереди, в неприятельской стране, а до тех пор терпеть и изворачиваться. Во-вторых, будучи всегда налегке, они отличались от неприятеля быстротой походных движений, чему помогали поневоле усвоенные выносливость, привычка к лишениям, умение довольствоваться малым и надежда найти впереди большее. В-третьих, что самое главное, французская армия отличалась энергией в ведении военных операций. Кроме возбудительных свойств революционного увлечения, энергия снисходила на армию от генералов-высочек. Не нужны были для занятия высокого военного поста ни рождение, ни образование, ни долгая служба или старшинство; адвокаты, ремесленники, отставные сержанты беспрестанно появлялись на верхних ступенях военной иерархии. Они, правда, беспрерывно сменялись новыми и исчезали бесследно сотнями, но те десятки, которые оставались и продолжали идти вперед, были люди с характером, с дарованием, смелые, отваж-

ные. Всем обязанные революции, они сознательно принимали и ревностно проводили ее военную систему. Случай на войне играл в их образе действий выдающуюся роль; рисковали они очень многим, не отступая перед опасением большой потери, так как тут же, рядом, видели возможность еще большего выигрыша. Они всегда употребляли средства, отвечающие цели; преследовали эту цель с настойчивостью изумительною; считали, что ничего не сделано, пока остается хоть что-нибудь сделать; каждому усилию давали такое напряжение, как будто это усилие было последним.

Таким образом, французские войска, наэлектризованные первыми успехами, воспитались на последующих. Вместе с тактикой, которой учила война, выросла своеобразная дисциплина, отвечающая духу нации. Оставаясь вдалеке от недостижимых требований рафинированной школы в виде стройности и чистоты приемов и эволюций, неподвижности и безмолвности строя, геометрической правильности построений и т.п., французские войска, однако, перестали уже быть прежними бесформенными кучами и приобрели навык к гармоническому совокупному действию трех родов оружия. Они продолжали пользоваться перевесом числа, ибо за некоторыми изъятиями были многочисленнее неприятеля, или же получали над ним численный перевес искусством тактических и стратегических движений. Избегая по-прежнему правильных сражений и стараясь действовать рядом мелких стычек, они, в случае неизбежности генерального боя, прибегали к обходу, охвату и прорыву. Французская военная система изменила не только вид сражений, но и стратегических действий на театре войны: неподвижность была побеждена движением, армии взяли верх над крепостями, марши вытеснили осады. Старая тактика — осмотрительная, выжидающая, с робко рассчитанными шагами, — не могла устоять. Корифеи ее теряли голову, отыскивая причины своих поражений, но долго ничего не находили, так как в глубь дела не вникали, да и то, что видели глазами, уразуметь правильно не могли. Им поневоле приходилось удовлетворяться довольно бессмысленным утешением, что французы побеждали *не по правилам*.

Тактики-рутинеры скорее поняли бы весь секрет, если бы в приговоре своем были смелее и логичнее; они нашли бы тогда, что французы вели войну не то, что *не по правилам*, а *вопреки правил*. И действительно, французы действовали прямо наперекор непреложным и безусловным военным принципам времени. Вступив в сражение, они мало заботились о прикрытии

флангов, о надежном обеспечении сообщений, о сбережении людей, а атаковали смело, беззаветно и пристрастие к штыку простерли даже до крайности, за что и заплатились впоследствии, как, например, в Испании. Склонность атаковать во что бы то ни стало обнаруживала во французах не только большой перевес над противником в духовной силе, но и искусство, так как атака имеет громадные преимущества перед выжидательной обороной, сбивая с толку нерешительного противника, который предполагает в атакующем какие-нибудь особенные соображения. Когда нельзя было обойти, охватить неприятеля, ударить ему во фланг или в тыл, французы не колебались идти на прорыв, бить в лоб, несмотря ни на какие потери. Они переправлялись через реки днем, в виду неприятеля, нередко вплавь, или наводили мосты прямо под его огнем; горы переходили с конницей и артиллерией; переносили на руках орудия, возили их людьми вместо лошадей, взбирались на кручи и спускались в пропасти, увязая по плечи в снегу. Зимние кампании вошли в правило; палаток не было; бивуакировали без одежды, полунагие; форсированные марши производили без обуви; ходили в атаку впроголодь. Правда, то же самое можно встретить не у одних французов, но и у всех других, в разные времена; только все это имеет значение исключения, вносимого в летопись подвига. Во французских же войсках в эпоху революционных войн исключение сделалось правилом; что было редким, стало обычным; что считалось маловероятным, повторялось каждый день. Солдат считал себя обязанным делать все, что от него требует война, и был убежден в своей годности на все; он усвоил себе привычку — не иметь ни к чему привычки. Вся французская военная доктрина сложилась на выполнении того, что для дюжинного благоразумия считалось невозможным.

Не будет большой натяжки, если эту доктрину назовем для краткости *теорией невозможного*. Делать противное тому, что делалось прежде и делается другими теперь; выбирать исполнение самое трудное; предпочитать предприятия, которые робкая школа неприятеля отвергала, ибо довольствовалась полумерами, — вот сущность французской теории. Нерешительности, робости, quasi-математическому расчету французы противопоставили диаметрально противоположное: смелость и даже дерзость. Они обязаны теории невозможного наибольшими успехами, их противники наибольшими поражениями, Европа — наиболее изумительными военными событиями. Теория эта породила в армиях коалиции удручающее убеждение, будто они имели против себя неодолимое превосходство в средствах и источ-

никах; она вселила в них если не веру в непобедимость французов, то сомнение в собственных силах. Одолеть французов могли только новые люди, имевшие другие средства, обладавшие военными принципами, однородными с французскими; против теории невозможного требовалась тоже теория невозможного. Ее принес с собой Суворов.

Суворовская военная система не порождена обстоятельствами, а родилась из особенностей его военного дарования. Главная ее основа — человек и духовная его сила; главные атрибуты — энергия, смелость, быстрота, простота. Система эта родилась у Суворова в своей основе совсем готовая, лет за 30 до революционных войн; она ясно выразилась в его командовании полком и получила приложение к делу в первую же войну. Основным условием своей теории Суворов ставил боевое воспитание и обучение войск; устава он не изменял, ибо не мог и не считал нужным; все внимание обратил на применение уставных правил к практике; на внешних требованиях не останавливался; обучение за цель не принимал. Он напирал на развитие в людях отваги и упорства, на воспитании солдатского сердца в самоотвержении, в закалке его до притупления инстинкта самосохранения, до парализования впечатлительности ко всякого рода неожиданностям. «Испуган — наполовину побежден», — гласил суворовский принцип. Воспитывая в этом смысле войска, Суворов приучил их не бояться за свои фланги и тыл; он влил в них убеждение, что самое верное, прямое и даже наименее опасное средство одерживать победу заключается в том, чтобы искать ее в середине неприятельских батальонов. «Смерть бежит от сабли и штыка храброго, — говорил он, — счастье венчает смелость и отвагу». В наставлении молодым офицерам, изданном во Франции в 1802 году, сказано: «Кто выжидает нападения, тот уже почти побежден». Это существеннейшее правило французской теории невозможного было таким же и в суворовской теории; все сводилось к наступлению и атаке; решителем судьбы боя признавался штык; отступательные движения исключались из обучения; намек на ретираду считался растлевающим.

Суворовская система, благодаря его методу обучения и воспитания войск, была цельнее и совершеннее французской со стороны военно-педагогической. Французские солдаты приходили на войну рекрутами, суворовские рекруты являлись в бой солдатами. В некоторых других отношениях французская система была законченнее. Формы суворовского строя менее отличались характеру тактических требований и хотя видоизменя-

лись по указанию обстоятельств, но не складывались окончательно в смысле нормальных. Выросший на линейной тактике, Суворов не мог от нее отрешиться; употреблял стрелков, но не переходил к рассыпному строю; употреблял для атаки колонны, но также и развернутый строй. Он не был безусловно не прав. Для быстрой исполнительности, сплоченности и единодушия в действии сомкнутый строй предпочтительнее рассыпного; что касается до колонны, то хотя она более чем тонкая линия пригодна для сильного удара в штыки, но это различие почти исчезает при высоком градусе нравственной силы войск и известного характере их воспитания и обучения. А суворовские войска именно этим условиям и удовлетворяли.

Одно из существенных различий между системами Французской и суворовской заключалось в том, что первая сложилась и развивалась под влиянием перевеса численности; Суворов же действовал почти постоянно меньшим числом против большего. В немногих лишь делах силы неприятельские не превосходили его собственных, а еще реже численный перевес бывал на стороне русских. Этим, между прочим, и обуславливалась, по его взглядам, необходимость наступления и атаки, и атака практиковалась чаще в виде прорыва, т.е. фронтально. Обход и обхват употреблялись реже, так как при малой численности атакующих представлялись опасными или не хватало на них времени. Не пренебрегая ударами во фланг и тыл, Суворов, однако, по сказанным причинам, не придавал им чрезмерного значения, так же как и непремennomу обеспечению собственных флангов и тыла. Заботясь о том и о другом в каждой своей диспозиции, он не вязал себя этими условиями и постоянно издевался над тактиками-рутинерами, говоря, что они непременно примкнут фланги к чему-нибудь, хоть к навозной куче и луже, не справившись, достаточно ли в луже воды для плавания лягушек.

Характеристика остальных сторон суворовской системы еще более делает ее однородною с французскою. Простота его соображений была замечательная, и ей соответствовала простота исполнения. Быстрота его доходила до маловероятного развития, и он буквально побеждал неподвижность движением. Это было нелегко; русская армия отличалась тяжеловесностью вследствие значительного количества обозов и большой ноши пехотинца; но Суворов обходил то, что не в силах был изменить: он оставлял обозы позади, облегчал движение солдата попутными местными средствами; наконец, просто шел вперед, не обращая внимание на число отсталых и утешая себя сообра-

жением, что остающихся в строю храбрых и энергичных людей будет достаточно для одоления неприятеля. Это было не увлечением, а логикой; время стоило гораздо дороже; «одна минута решает исход баталии, один час — успех кампании, один день — судьбы империи», — говорит он, прибавляя: «Я действую не часами, а минутами». Подобно французам Суворов считал главным элементом войны армию, не любил осад, не связывал себя магазинами или депо и считал скорость движений важнее достоинств позиций. Энергия Суворова высказывалась не в одной быстроте движений, а решительно во всем, особенно в бою. Он обладал такой нравственной упругостью, что препятствия не уменьшали, а увеличивали его настойчивость, перед которою наконец гнулась или ломалась воля противника. Эта характерная черта была едва ли не самой выдающейся особенностью его личности. «Знаешь ли, почему якобинцы взяли верх и властвуют теперь во Франции, — говорил он французскому эмигранту, своему подчиненному, — потому, что у них твердая, глубокая воля, а вы, ваша братия, не умеете хотеть». Оттого полководец Суворов не знал; перед трудностями в своих расчетах не останавливался; случаю давал широкое место в своих успехах, ибо умел им пользоваться моментально. «У фортуны длинные волосы на лбу, а затылок голый, — говаривал он, — пролетела — не поймашь». Его отвагу и смелость можно было бы назвать дерзостью, если бы они не коренились в глубокой уверенности Суворова в себе; эта-то уверенность, выросшая на испытанной верности усвоенных принципов, и делала его всегдашним победителем.

По военачальнику были и войска. Обладая богатыми природными качествами, русский солдат в школе Суворова еще вырастал и складывался в героя. «Где проходит олень, там пройдет и солдат», — сказал Суворов в 1793 году, т.е. когда его взгляды и афоризмы нельзя уже было заподозрить в абстрактности, и в пояснение еще прибавил: «Не надо допускать ущерба делу». И точно: суворовские солдаты не ходили, а летали, несмотря ни на какие препятствия, вроде ли болотистых дорог или пустого желудка. В бою суворовская школа отражалась на войсках еще полнее. Зимний штурм крепости, где заседала целая армия, оказался возможным для корпуса, сравнительно слабого, почти с половиною спешенных казаков, изнуренного и обескураженного недавней блокадой. Здесь же, под Измаилом, во время штурма, колонна обогнула каменную батарею и шла вперед, не обращая внимания на то, что в тыл ей производился жестокий огонь. Под Прагой штурмующей колонне внезапно

стала грозить с фланга конница, часть колонны выстроила фронт налево и бросилась в штыки, а другая часть продолжала штурмовать, как ни в чем не бывало: кавалерия исчезла. Под Кобылкой физическая невозможность задержала пехоту позади; несколько эскадронов легкой и тяжелой кавалерии спешились и ударили на пехотную часть в сабли — успех получился полный. На Рымнике, где происходил бой против четверо сильнейшего неприятеля и успех доставался тяжело, признано нужным подействовать на турок и ударом, и неожиданным впечатлением: на неоконченный ретраншемент, защищавший позицию, пущена в атаку конница; турки были разбиты. Суворовские войска действовали со смелостью беззаветной; дрались «как отчаянные», по собственному выражению Суворова, который к этому прибавлял: «А ничего нет страшнее отчаянных». Их настойчивость и упорство, казалось, не знали иного предела, кроме победы; по выражению одного иностранца, русские батальоны «обладали твердостью и устойчивостью бастионов».

Из сказанного видно, что у Суворова все необычное и редкое стало повседневным, чудесное низведено к обычному, по рутинной оценке неисполнимое сделалось возможным. Из его великой души, без внешних влияний и напора обстоятельств выросла система действий, построенная на *теории невозможного*. Так же точно, только еще сильнее французов, Суворов успел вселить в неприятеля, турок и поляков, страх к его имени. Также не понимали его системы и говорили, что он действует не по правилам, что ему везет в счастье. Непонимание или нежелание понять его военную теорию привело к тому, что сомневались в будущем его успехе против французов, тогда как одна суворовская теория для войны с французами в то время и годилась. Да и потом, после войны, раздалась в пользу Суворова лишь немногие слабые голоса. Так, неизвестный автор замечательной брошюры, по которой преимущественно изложена выше французская система войны, обмолвился, что «австрийцы как будто стали понимать эту систему, но им недоставало смелости в исполнении и решимости прибегнуть к крупным средствам; Суворов же соединил то и другое, и французы были побеждены». Да еще престарелый прусский фельдмаршал Меллендорф объяснял одному из русских государственных людей, что «только завистью, невежеством или глупостью можно объяснить мнение, будто Суворову везло одно счастье; он был первым и единственным полководцем, который понял дух и свойства современной французской армии и сразу нашел верный способ для успешного против нее действия». Не пускаясь в

поиски за другими однородными суждениями, заметим, что и два приведенные не отличаются особенною верностью. Вступая в войну с французами, Суворов не прибегал ни к каким новым средствам, а приложил к делу лишь свой обычный способ действий. Он отправлялся против французов со своей старой, давно сложившейся теорией и нес с собою уверенность в победе; уверенность эта, поддержанная 30-летним опытом, не изменила ему и при новых обстоятельствах. <...>

Тайна постоянных побед

Предприятие Суворова в Швейцарии было бедственно, и план его совершенно не удался, но самый размер бедствия и полнота неудачи способны возбудить только гордость, утвердить сознание совершенного подвига и вполне удовлетворить чувству военной чести, самому требовательному и щекотливому. Неудачная Швейцарская кампания до того внушительна и грандиозна, что поражает воображение. В Швейцарии до последнего времени не совсем еще вымерли предания о Суворове, а многие суеверные граубинденцы смешивали горного духа Рюцебаля с Суворовым. Еще недавно жила там легенда, а может быть, еще и теперь живет между склонными ко всему чудесному горцами, будто много лет после смерти Суворова не раз видели его на высях Сен-Готарда верхом на серой лошади; что в горных теснинах и ущельях верхней Рейсы неоднократно появлялась тень седого старика и огненными глазами осматривала места, обгаренные русскою кровью. Но мало того, что Швейцарская кампания Суворова есть богатый материал для легенды, она и по военно-историческому смыслу своему выходит из ряда смелых военных предприятий. Эта 17-дневная эпопея не могла быть задумана или предначертана заранее; она сложилась в силу обстоятельств, под направлением суворовского дарования. Она есть венец военного творчества Суворова, крайнее выражение его военной теории; он тут сделал все, на что только способна человеческая воля. Если весь ход и особенно результат этого феноменального предприятия может привести к вопросу или замечанию критики, то никак не в том смысле, что Суворову не удалось одолеть Массену и выгнать французов из Швейцарии. Вопрос складывается совсем иначе, именно — каким образом сам Суворов выбрался с театра войны, пожертвовав меньше, чем третью долей своей армии, тогда как вся она, вместе со своим предводителем, должна была остаться в руках французов, на что твердо надеялся и Массена. <...>

Октября 19 Суворов выступил из Линдау, на другой день прибыл в Лейтkirх, а 26 числа в Аугсбург. Русская армия заняла все пространство между Иллером и Лехом, главная квартира перенесена в Аугсбург. Союзные войска расстались, чтобы уже больше не свидеться; последняя суворовская кампания и все его боевое поприще были кончены.

Поприще это было славное, блестящее и поучительное. Во всех войнах за последние 30 лет, где Суворов принимал участие, он резко выделялся из ряда; второстепенная и третьестепенная роли, ему выпадавшие, ограниченная сфера действий, конкуренция военных талантов Екатерининской эпохи, несправедливости высших начальников — ничто не в состоянии было затереть Суворова. Все степени он взял с боя; всем был обязан своему личному достоинству.

Прежде всего и больше всего Суворов был чрезвычайно цельным типом *военного человека вообще*, или, в обширном смысле, *солдата*. Мало сказать, что военное дело и конечное его выражение, война, были его страстью, они были его жизнью. С детских лет Суворова военное призвание сделалось преобладающим элементом его существования, который над всеми прочими господствовал и ими управлял. Вне военной профессии для него не было деятельности, которая могла бы его сколько-нибудь удовлетворить; когда в 1798 году ему показалось, что военное поприще его кончилось бесповоротно, он пожелал идти в монастырь, т.е. отрешиться от мира и посвятить себя Богу. Строго логично было это решение. Личные качества Суворова, свойства, понятия, привычки, потребности — все это выработывалось, формировалось и направлялось к одной конечной цели. Он был военным до последних мелочей будничного житья, но понимая военное призвание и служение широко, он, наперекор понятиям времени, употребил всю силу характера, чтобы образовывать свой ум и обогатить его познаниями, притом отнюдь не одними специальными. Мало было в ту эпоху таких образованных и так хорошо подготовленных к своему поприщу генералов, как Суворов, и не только в России, но и во всей Европе. Поэтому очень странно читать в иностранной литературе стереотипные фразы о невежестве Суворова, о его незнакомстве с теорией военного дела и т.п., или же о неумении приложить свои знания к практике. Последнее еще имеет кое-какой внешний смысл, так как суворовское военное искусство выработалось иначе, чем у других, хотя образцы для изучения были для всех одни и те же, и произошло это исключительно по его индивидуальности и непосредственности. Но первое обвине-

ние не основано ровно ни на чем; оно есть недоразумение или непонимание предмета, который трактуется. Суворов в продолжение всей своей жизни любил умственные занятия, относился всегда сознательно и критически к современным военным событиям, определял их истинный смысл примерами из военной истории. Не ограничиваясь собою, он старался привить то же самое и к другим; мы видели у него подобие военных советов в мирное время и попытку завести научные беседы; знаем также, что его требования доходили в известной степени до низших ступеней военного сословия, ибо он настаивал, дабы каждый солдат «понимал свой маневр». Что касается до личной любознательности Суворова, то она была вполне живая; отпуская знакомого офицера за границу, в отпуск или для служебной надобности, он требовал от такого лица отчета в виденном и замеченном, читал отчет с интересом и по нему выводил о писавшем заключение.

Физическая природа Суворова также была вполне приспособлена к военному поприщу, и начал он себя соответственным образом воспитывать с самых молодых лет, благодаря чему и дожил до 70-ти, несмотря на слабую свою комплекцию. Он был чрезвычайно умерен в своих потребностях, без всякого над собою насилия, и ненавидел роскошь, придавая ей растлевающее влияние. Не знал он даже комфорта, смешивая его с роскошью, и удобства жизни понимал в самых неприхотливых формах: не то чтобы он мог довольствоваться малым в случае надобности, но просто не видел потребности обставлять свою жизнь лучше лагерного образца. Это весьма существенная его особенность; военные люди такого склада являются чрезвычайно редко, и между генералами XVIII века Суворов красуется в этом отношении в виде самородка. Он вел жизнь солдатскую не из-за какой-нибудь задней мысли, не вследствие какого-нибудь расчета, а только потому, что считал ее для военного человека единственно подходящею; на этом же основании не знал он шлафроков, перчаток, шуб и проч. По его мнению, военный человек обязан быть по своим физическим качествам всегда молод, а потому должен смотреть на старость как на болезнь, которой можно избежать предупредительным средством, суровою, строгою жизнью. Собственно поэтому он не любил в старости зеркал, как назойливых докладчиков о большом числе прожитых лет; по тому же самому он не ходил, а бегал, не ездил, а скакал, не обходил стоящий на пути стул, а перепрыгивал через него, как бы удостоверять себя и других, что обладает легкостью и прыткостью молодого человека. Такой

склад мирной жизни Суворова делал его человеком, для которого труды, лишения и всякие неудобства военного времени не представляли ничего неожиданного, нового и непривычного. Он попадал тут в знакомую среду, в свою нормальную атмосферу и, какой бы высокий пост в армии не занимал, сразу делался в ней первым солдатом по своим военным качествам, становился органической частью коллективного целого, называемого армией. Чужого, пришлого, заимствованного в нем не было ничего; знакомиться с войсками или знакомить их с собою не представлялось никакой надобности, и это не потому, что ему предшествовала слава: он был таким и в то время, когда вовсе еще не пользовался известностью.

Будучи преисполнен страха Божия, Суворов отличался горячим благочестием и строгим соблюдением всех уставов церкви. Вместе с тем он, при всей независимости своего характера, был преданнейшим и вернейшим подданным. В нем неизменно пребывал животворящий элемент — патриотизм; он горячо любил свое отечество, гордился именем русского и, напоминая часто солдатам, что они русские люди, делал это для поддержания в них нравственной силы и чувства национального достоинства. Солдата он любил и сердцем, и головой; во взысканиях с провинившихся был строг, но в оценке вины отличался снисходительностью; не доводил понятия о дисциплине до трепета подчиненных перед начальником; был отъявленным врагом педантизма и мелочной требовательности. Образчиком его взгляда на этот предмет может служить приказ, отданный по войскам в Италии, где он просит офицеров не снимать шляп при его появлении, а взамен того побольше заботиться о порядке в войсках.

Все эти военные достоинства Суворова дополнялись огромной массой качеств чисто боевых. Начиная с никогда не ослабевавшей энергии и ничем не парализуемой инициативы, переходя к упорству и настойчивости и кончая мужеством и личною храбростью, Суворов сосредотачивал в себе все, что формирует военного человека. По справедливому замечанию одного иностранного писателя, трудно указать на такое военное качество, которого бы в нем не было, и мало кто может быть в этом отношении приравнен к Суворову. Имея перед собою историю всей его жизни, скажем больше. Не только из крупных военных деятелей вообще, но даже из величайших полководцев всех веков и народов едва ли найдется кто-либо, который бы представлял собою такой цельный и полный тип военного человека, как Суворов.

Засим он заслуживает особенного внимания как *тактик* на поле сражения и как *военный наставник и учитель*. Воспитывая и обучая войска исключительно для войны, Суворов проводит эту задачу со строгою последовательностью. Он не поддается никаким военно-мирным искушениям, а если делает уступки, то поневоле, в силу действующей извне необходимости, сводя их по возможности к минимуму; когда же принужден поступаться сущностью, то устраняется от дела и сходит с поприща, которому посвятил всю жизнь. В силу такого метода, войска Суворова являются на поле сражения не только с чисто боевыми воспитанием и обучением, какие только удободостижимы в мирное время, но представляют собой действующую силу, гармонически отвечающую личным боевым качествам предводителя, следствием чего является победа.

Тактика Суворова простая, живая и подвижная; она не скована почти никакими формами; все для других безусловное обращается у него в условное; многое важное для доктринеров и схоластиков нисходит у него до степени пустяков, достойных насмешки. Это потому, что признаваемое другими за невозможное или по меньшей мере за исключительное Суворов принимает за возможное и исполняет зауряд. Главными правилами боя у Суворова — глазомер, быстрота и натиск; нормальным действием — наступление; преобладающе действующею силою — закаленная человеческая душа. Все это, приведенное во взаимную связь, составляло полную систему, складывалось в цельную военную теорию. В этой теории холодное оружие получало преобладающее значение, но штык был не столько действующим, сколько принципом боевого действия; требовался не собственно штыковой бой, а бесхитростная, беззаветная готовность сойтись на штык, т.е. нравственная сила. Та же самая сила выражалась и в отрицании пристрастия к обходам, фланговым атакам, к опасениям за свой тыл и т.п. Мы видим в каждом сражении Суворова и фланговые атаки, и ружейную оборону, и оберегание своего тыла; он никогда не считал все это ненужным, но только не придавал ничему подобному особенной важности и при этом зорко оберегал свои войска от усвоения таких растлевающих понятий. На практике выходило часто иначе, т.е. иногда употреблялась штыковая атака без существенной необходимости, пренебрегалось обходное движение, когда оно было полезно и возможно, и проч. Но надо различать принцип от действия и помнить, что при приложении принципов к делу они никогда не сохраняются в безусловной

неприкосновенности. Суворов был очень горяч и нетерпелив, а потому запальчив, и под влиянием своего темперамента заходил часто дальше, чем сам хотел. Кроме того, всякий предпочитает употреблять те способы, которыми лучше владеет, хотя бы они в данную минуту и не представлялись предпочтительными. Суворов владел солдатскими душами безгранично, и потому, любя кратчайшие пути к успеху, требовал зачастую от войск такого высокого проявления духовной силы, к которому другие прибегают лишь изредка, как к крайней мере, или не прибегают никогда.

Что Суворов пользовался необыкновенным влиянием на войска, — в этом согласны все, и поклонники его, и порицатели. Причина такого духовного владычества Суворова над войсками заключается в указанной выше его особенности, замечательной полноте его военного типа, необычайном богатстве его военной натуры. Если не всякий из его подчиненных понимал это, то всякий чувствовал. Победный ток (да позволено будет так выразиться) передавался от предводителя десятками путей; на кого не действовал один из них, действовал другой. Глазомер, приводящий в изумление своею верностью; инициатива, никогда и ничем не парализуемая; быстрота решения и энергическое исполнение, несмотря ни на какие препятствия; понятная всякому простота действий; полное пренебрежение численным перевесом неприятеля, так как «бьют умением, а не числом»; в заключение, как венец всего, неослабляемая никакими сомнениями вера в самого себя и в свои войска, т.е. безусловное убеждение в успехе, — вот что передавалось от Суворова войскам и делало их послушным победным орудием в его руках. Прибавим ко всему этому патриотизм, благочестие, любовь к солдату, близкое знакомство со всеми мелочами его быта, со складом его понятий, с процессом образования его идей, умение с солдатом говорить и обращаться и проч., и проч., и тогда увидим, какая масса могучих нравственных нитей связывала последнего солдата суворовской армии с вождем. Следствием были постоянные победы, и эти неизменные победные свойства Суворова сделались в свою очередь причиной, что солдат стал его считать каким-то высшим существом. Говорили, что знал он человеческую душу насквозь; не мог на него прямо смотреть тот, у кого нечиста совесть; видел труса по лицу, ставил его вперед, и делался трус храбрецом. Бог дал ему змеиную мудрость, велел он «Божью планиду», умел разрушать и волшебство, и

козни дьявола именем Божиим, крестом да молитвой. Знал он все на свете, проникнул замыслы врагов, чуял в безводных местах ключи; не начинал сражения прежде, чем отойдет обедня, что служат на небе ангелы Господу; Божий посланец оберегал его в бою. И смело шли за вещим Суворовым войска, слепо доверяясь своему вождю.

Личное присутствие Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее действие. В Италии, в каком-то сражении, при одной частной неудаче, рота или какая-то небольшая часть, услышав сзади крик «Суворов здесь», рванулась вперед и легла чуть не поголовно под губительным огнем неприятеля. На Треббии Фукс был зрителем упорного боя, наблюдая его с небольшого возвышения вместе с Дерфельденом; он заметил, что как только появится Суворов в своей белой рубашке там, где войска приходили от неудачи в расстройство, порядок восстанавливался тотчас же. Дерфельден объяснил Фуку, что насмотрелся на подобные явления в продолжение 35 лет, как знает Суворова; что этот непонятный чудака есть какой-то талисман, который довольно развозить по войскам и показывать, чтобы победа была обеспечена.

Это обаяние громадным образом увеличивало против других ресурсы Суворова на поле сражения; оно преимущественно и делало его непохожим ни на кого, дозволяя не придавать большой цены многим тактическим правилам и формам, отступать от них безбоязненно и вообще прибегать к средствам необычным. Такой способ действий озадачивал и противников Суворова на поле сражения, и поверхностных критиков в кабинете; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убеждались непрерывною цепью фактов. Доктрина, рутинность, схоластика, предание, форма были слишком сильны, и Суворов оказался невеждою в военном деле, не знакомым с основными истинами тактики, варваром, одаренным инстинктом войны. Критики не заметили, что до этого «инстинкта» надо не спуститься, а подняться, и что такую военную теорию, как суворовская, может создать и усвоить не всякий желающий, а только избранная, в высокой степени даровитая военная натура. Весьма метко выразился один англичанин того времени, лорд Клинтон, сказав, что Суворов в тактике есть то же самое, что Рембрандт в живописи.

Отличительные качества Суворова-тактика остаются присущими и Суворову-стратегу; но в искусстве стратегических соображений, в умении двигать большие армии, распределять

свои силы наиболее выгодно по театру войны и вообще в механизме военных действий Суворов имеет несколько слабых сторон, которыми и уступает полководцам первой величины. Наполеон сказал, что Суворов обладал душой великого полководца, но не имел его головы; в этих словах большая доля правды. По словам того же Наполеона, в полководце должно быть равновесие ума и воли, а так как подобная гармония встречается в жизни весьма редко и перевес одного из этих элементов над другим неизбежен, то внутреннему достоинству военачальника меньше вредит преобладание воли над умом, чем наоборот. Этот перевес был характерною чертою Суворова, который имел ум обширный и просвещенный, но в то же время отличался таким запасом воли, что верх последней над первым был очень ощутителен. Стратегические принципы его были верны, но при практическом применении во многом нарушались. Например, он всегда ратовал против раздробления сил и стоял за сосредоточенность их, за нанесение главного удара массою; предписания из Вены об осаде и блокаде многих крепостей и об исполнении иных второстепенных целей одновременно несколькими отрядами приводили его в негодование; а между тем он сам погрешал в том же смысле. Одна из причин такой невыдержанности заключалась в слишком большой его чуткости к молве, а следовательно, и к распускаемым неприятелем слухам, также к его демонстрациям; это заставляло Суворова слишком часто менять свои планы, производить лишние передвижения войск, изменять маршруты и проч. Это замечается не только в Итальянскую кампанию, но отчасти и в последнюю Польскую войну. Может, в силу сознания такого в себе недостатка Суворов не любил составлять стратегические планы иначе как в самых общих чертах, без всяких даже крупных подробностей и в свое оправдание ссылался на Юлия Цезаря, которого вообще ставил на первое место в ряду величайших полководцев. Будучи во всех военных операциях, крупных и мелких, безусловным поклонником простоты и врагом всякой сложности и хитросплетений, Суворов и в этом отношении не всегда оставался верным самому себе. Таким образом он принял для Швейцарской кампании план сложный, где, кроме того, вовсе не были взяты в расчет деятельность, искусство и энергия противника, неоднократно им заявленные.

При подобных недостатках Суворов обладал, однако, большими достоинствами, общими замечательным полководцам. У него был расчет, предусмотрительность, осторожность; он не ограни-

чивался отвагой, решимостью и настойчивостью; не ломил напрямик, не глядя по сторонам, как утверждают его хулители; не жертвовал массами людей, когда этого можно было избежать. Употреблял он и демонстрации, и рекогносцировки, и обходные движения; издевался же над ними для того, чтобы отнять от вспомогательных средств придаваемое им первостепенное значение. При этом клеймилась не наука, а схоластика, не искусство, а рутинность; но так как насмешки произносились безусловно, безоговорочно, то и пошли за невежество. К невежеству присоединилась жестокость, к жестокости — кровопийство; за характеристику пошел памфлет или и просто брань. Говорили и писали, что на границах Франции появился варвар с лицом обезьяны и с душой кровожадного пса; что этот скиф идет с железом в одной руке, с огнем в другой и топчет окровавленными лошадиными ногами жатву бедного рабочего народа. Пугали детей переименованным именем этого варвара — Souwaгоо, вместо soup гагоо; посылали к нему по почте пасквили, где его просто ругали, называли вандалом, одетым в окровавленную лавинную кожу и т.п. А между тем Суворов не изобретал таких терминов, как «пушечное мясо», не вешал на завоеванной Варшаве людей, как Нельсон в Неаполе, не грабил, как Массена, и если некоторые из его побед были кровопролитны, зато и решительны, ограничиваясь одним ударом там, где другому понадобилось бы два или три. <...>

В Суворове, конечно, не было и тени помешательства, а было безграничное чудачество, удивлявшее всех своими размерами, а иностранцев, кроме того, и характером. Один из самых авторитетных военных писателей прямо говорит, что странности Суворова «понижали его военную славу в глазах иностранцев». Оно и понятно, если нечто подобное происходило и в России. Екатерина II и говорила, и поступками своими доказывала, что странностями своими Суворов прямо себе вредит, а Павел I просто их не терпел и с трудом выносил. Чудачества победоносного полководца бросали сомнение на прочность его победной основы, тем более, что она как будто вторглась в военную область, ибо Суворов побеждал не так, как другие, подготавливая войска к победе иначе, чем все. Его военному дарованию доверяли как-то опасливо, остерегаясь или «своенравия», или «увлечения воображением», и все это благодаря тому, что он был чудак. Обыкновенно ищут в человеке, чтобы он был не только годен на дело, но и удобен для употребления в дело, сплошь да рядом отказываясь от удовлетворяющего первому условию, если

он кажется не имеющим второго. Исключения очень редки; исключением служит, например, Петр Великий, у которого ни один годный не был неудобным. Суворов был неудобен вследствие резкой своей оригинальности, и если он все-таки совершил свое славное поприще, то единственно потому, что обладал слишком крупным военным дарованием, которое, несмотря на все сомнения, все больше и больше бросалось в глаза. А что Суворов-чудак тормозил карьеру Суворову-полководцу и повредил его военной славе, это понятно не только теперь, но видно было и тогда. У государственных людей того времени такое мнение сделалось общим местом в их суждениях о Суворове. Невозможно предположить, чтобы Суворов один оставался слепым; убеждающие факты были слишком многочисленны. Если же он не сдерживался, то значит не мог сдерживаться: натура брала свое.

Полагают, что эксцентричность Суворова была одной из главнейших причин его популярности между солдатами и нравственного ими обладания. Выходки Суворова, несомненно, нравились солдату, потешали его и служили источником веселых разговоров в лагере и на квартире; но давать им значения могучей нравственной силы невозможно. Властелином солдатских душ делала Суворова не причуда, а его победные свойства, цельность его военного типа. Отнимите от Суворова дарование и оставьте его при одних странностях, — результат, конечно, был бы другой, и солдат увидел бы в своем вожде только шута. Странности Суворова имели лишь аксессуарное значение при главной его силе, которую составляли, кроме военного дарования, благочестие, патриотизм, духовное родство с солдатом и любовь к нему, простота жизни и т.п. Юродству нет места между такими крупными данными. Не соглашаться с этим — значит иметь о русском солдате слишком низкое понятие, которое неверно уже по одному тому, что в победном поприще Суворова простой солдат занимает одну из первенствующих ролей. <...>

Под приписываемым Суворову фанатизмом, вероятно, подразумевалась или религиозная нетерпимость, или национальная исключительность, или то и другое вместе. Мнение это во всяком случае ошибочно. Как человек верующий и в вере своей убежденный, он с ужасом отворачивался от атеизма, немногим лучше считал бесформенный деизм и признавал заблуждениями всякие верования нехристианские. Далее этого он не шел. Из всех войн, в которых он участвовал, только одну последнюю

ставил он в связь с религией, потому что в революционной Франции атеизм имел государственное значение. Турок он называл «нехристями, басурманами, варварами», но войне с ними не придавал смысла религиозного, а войне с поляками тем менее. Известно, что высшее напряжение нравственной силы войск было одним из главных его путей к победе, которая тем скорее и вернее давалась в руки, чем «отчаяннее» дрались войска. Самый легкий к тому способ, который и до Суворова и после него употреблялся без особенной разборчивости, заключался в связывании войны с религиозным элементом; но он к этому средству не прибегал. «Слава, слава, слава» — вот чем завершалось его знаменитое поучение войскам и чем он возбуждал их воинский дух. Затем, будучи строгим исполнителем церковных уставов и держась неотступно церковного обряда, он, однако, не олицетворял в них смысла религии и дух ее понимал широко. Понимание это обозначалось словом «христианство». Он не был причастен старому русскому воззрению на иноверцев, как на «поганных недоверков»; прося благословения у католических прелатов и священников, прикладываясь к подаваемому ими кресту, служа на С.-Готарде молебен в католической церкви, он делал это не для виду только, а по благочестию. Для вида, для внушения публике назначались приемы, которых он не употреблял и в России по отношению к православному духовенству, вроде коленопреклонений на улице. На русских раскольников он смотрел как на неразумных и непослушных детей, что представляется совершенно понятным при тогдашней разработке вопроса о расколе. Наконец, не мешает припомнить, как дорога была Суворову его единственная дочь и до какой степени он ее любил, а между тем жених, которого он считал для нее самым лучшим, был протестант. Для православной родни это обстоятельство казалось большим препятствием к браку, и Суворову понадобилось давать своим советникам уроки терпимости, внушая племяннице: «Груша, не дури: он христианин». Таким образом, можно, кажется, без большого риска прийти к выводу, что приписываемый Суворову религиозный фанатизм в действительности не существовал.

В такой же мере несостоятельно мнение о его национальной исключительности. Патриотизм его был горячий, живой, но вместе и сознательный. Любя Россию, русский народ, русскую жизнь с их национальными особенностями, он, однако, понимал, что национальные физиогномии не могут быть одинаковы. Несмотря на саркастическое свойство своего ума, он не издевался

над чем бы то ни было только ради того, что оно не русское; не считал все свое хорошим, все чужое дурным. При самом тщательном изучении Суворова нельзя найти основы для иного на него взгляда, для приписывания ему чего-нибудь похожего на веру в исключительное призвание России и т.п. Да и был он не мыслитель, а практический деятель. Он гордился именем русского не потому, чтобы признавал немца или француза низшими людьми, не удостоенными избрания, идущими по особой стезе, а потому, что был родным сыном России, сердце его билось русскою кровью и в полном соответствии с сердцем действовал разум. Он видел, что Европа ушла дальше России и особенно прельщался картиной современной Англии, но не сделавшись от этого англоманом, он в ту же силу не был и французофобом, и патриотизм не побуждал его «травить» немца или поляка. Перейдя от общего к частностям, увидим то же самое. Изучив в молодости несколько языков и продолжая изучать другие почти до своей кончины, он довольно часто и употреблял их, устно и письменно, не считая это грехом антипатриотическим. Ту же мерку прилагал он и к другим, не терпя в них только слепой подражательности иноземному и обезьянства. Говоря про одного русского сановника, который не умел по-русски писать, Суворов заметил, что это стыдно, но простить все-таки можно, лишь бы он думал по-русски.

Суворов, между прочим, потому еще не может быть причастен узкой quasi патриотической исключительности или фанатизму, что был представителем на старой, а новой России, вступившей при Петре I на путь общехристианской, европейской цивилизации. За идеалами он не обращался в московский государственный период; наружные признаки, вроде многих его странностей, внешнего благочестия, склада жизни, не имеют значения, опровергающего это утверждение. Во внешнем благочестии Суворова не было вовсе той мертвой обрядности, которую мы видим в допетровском периоде; не отступая от формы, Суворов, однако, не отождествлял эту форму с сущностью, не принимал ее за цель, не дорожил бородой больше, чем головой. А благочестие вообще, вера в догматы православия и исполнение церковных уставов — все это не есть принадлежность одного старого времени. Точно так же нельзя приурочить Суворова к старому времени из-за его странностей; они были продуктом его натуры, проявлялись весьма различно, и если имели некоторый оттенок юродства, то это только обнаруживает в Суворове русского человека. Наконец, и склад его жизни не исхо-

дил из дореформенного периода, потому что если не был похож на обычный, современный, то не больше имел общего и с прежним, который по характеру своему был монастырский, суворовский же — военный. Этот специальный оттенок, придававший жизни Суворова простоту и немногосложность, был, как уже объяснено, его особенностью, которая имела еще и другую сторону: Суворов, как бы пренебрегавший материальными благами цивилизации, принадлежал ей зато в интеллектуальном отношении.

Лучшим доказательством, что он был человеком настоящего (петровского), а не прошедшего периода русской истории, служит его взгляд на Петра Великого. Он благоговейно читал его память, называл Прометеем, творцом и благодетелем своего народа, государем, вмещающим в себе многих наилучших государей; говорил, что один Петр «обладал тайной выбора людей»; удивлялся его гению «и на ладожском канале, и на полтавском поле»; советовал иностранцам «учиться по-русски для того, чтобы познакомиться с этим великим человеком». Вдобавок к такому взгляду Суворова на преобразователя, а следовательно, и на преобразование, надлежит еще иметь в виду, что Суворов, преданный военному призванию всецело и безраздельно, не мог быть приверженцем дореформенного периода уже из-за одного жалкого состояния в ту эпоху русской военной силы и военного искусства. <...>

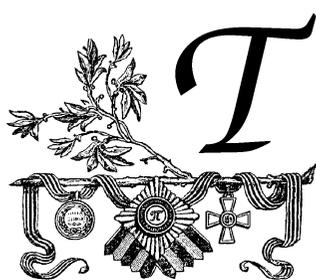
По временам, когда болезнь ослабевала и являлась некоторая надежда на выздоровление, Суворов возвращался к своим любимым мечтам о кампании будущего года, о средствах к успокоению Европы, говорил и диктовал заметки о последней кампании. Но больше всего он посвящал свое время и свои последние силы Богу, так как был Великий пост, который он привык проводить со всею строгостью, предписываемую церковными уставами. Вейкарту это очень не нравилось, особенно употребление пациентом постной пищи; но протестовал он без всякого успеха. Суворов ревностно посещал божественную службу, пел на клиросе, читал Апостол, бил бесчисленные земные поклоны и самого Вейкарта заставлял бывать на молитве. Возможность скорой смерти усиливала обычное благочестие Суворова, и он не только во время богослужения, но и в остальные часы обращался к Богу, размышляя о предметах религиозных. Одним из образчиков такого настроения может служить его записка с толкованием заповедей. «Первая и вторая заповеди — почтение Бога, Богоматери и святых;

оно состоит в избегании от греха; источник его — ложь; сей товарищи — лесть, обман. 3) Изрекать имя Божие со страхом. 4) Молитва. 5) Почтение вышних. 6) Убийство не одним телом, но словом, мыслью и злонамерением. 7) Кража не из одного кармана, но особливо в картах, шашках и обменах. 8) Разуметь в чистоте жизни, юношам отнюдь и звания не выговаривать, не только что спрашивать... коль паче греческих грехов, упоминаемых в молитвах к причащению, отнюдь не касаться, как у нас их нет и что только служит к беззаконному направлению. 9) Идет к первой и второй, хотя значит только к свидетельству. 10) Кто знатнее — идет к интригам, а вообще... не желать и не искать ничего. Будь христианин; Бог сам даст и знает что когда дать». <...>

Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. В 3-х томах. — СПб., 1884. — Т. I. — С. 10–14; 50–70; 122–123. — Т. II. — С. 94–98; 268–293. — Т. III. С. 19–36; 100–101; 184–186; 284–285; 295–304; 331–332; 335–338; 349–350; 373.

СУВОРОВ И ЕГО «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

Житие Суворова

Тринадцатого ноября (по ст. ст.) 1730 года у одного из обер-офицеров лейб-гвардии Семеновского полка родился сын. Ребенок был мал, тощ, хил, дурно сложен, некрасив. Отец считал, что его сыну военная дорога закрыта, и хотел готовить его к службе гражданской, быть может, дипломатической. Но призвание ребенка было совсем другое. Любознательный и обладавший

необычайными способностями мальчик со страстью предавался чтению военных книг. Он проявлял в своем стремлении такую настойчивость, что отец сдал и, когда мальчику исполнилось 12 лет, записал его в лейб-гвардии Семеновский полк.

С еще большим рвением стал мальчик работать над своим военным самообразованием. Отец помогал ему, преподавая артиллерию и фортификацию, с которыми был знаком более, чем с другими науками. Когда ему исполнилось 15 лет, он вступил на действительную службу.

Относительно «солдатской» службы молодого Суворова содалась легенда о суровой солдатской школе, будто бы им пройденной. После книги А. Геруа «Суворов-солдат», составленной на основании документов архива лейб-гвардии Семеновского полка, с этой красивой легендой приходится расстаться. Дворяне-солдаты настоящей солдатской службы не несли. Они жили на частных квартирах, имели своих крепостных слуг, богатые выезды. Службу несли с большими послаблениями. С производством в унтер-офицеры они по роду поручений приравнивались к офицерам.

Но для юноши, о котором мы говорим, при его страстном желании сделаться истинно военным человеком, пребывание в лейб-гвардии Семеновском полку все-таки дало много. Он мог приглядеться к солдатской массе и научиться понимать самые затаенные побуждения русского простолюдина. Находясь на действительной службе в лейб-гвардии Семеновском полку, интересующий нас юноша продолжал упорно работать над своим образованием. Он посещает лекции в Кадетском корпусе и много учится самостоятельно дома. Вместе с этим он упорно и систематически работает над закалкой своей воли и своего здоровья.

Наконец, 15 апреля 1754 года он был произведен в офицеры в Ингерманландский пехотный полк. Поздно дослужился он до офицерского чина. Ему было 24 года. В этом возрасте многие в то время бывали полковниками и генералами. Зато объем его знаний был огромный. Он прочитал Плутарха, Корнелия Непота; он изучил жизнь Александра, Цезаря, Аннибала; он познакомился с походами Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгения, маршала Саксонского и других. Историю и географию он прошел по Гюбнеру и Роллену, а начала философии — по Вольфу и Лейбницу. Он знал несколько иностранных языков.

Для военной карьеры по тому времени это было так много, что для обывателя это должно было казаться каким-то чудачеством. Этим чудачком, сильно запоздавшим в своей военной карьере, и был Александр Васильевич Суворов.

Участие Суворова в Семилетнюю войну на должностях Генерального штаба — «дивизионного», а затем «генерального» дежурного при генерале графе Ферморе, чрезвычайно расширило военный кругозор Суворова. На его глазах двигались главные рычаги войны, при этом войны, вехенной на противной стороне гениальным прусским королем Фридрихом II. Эта прикладная наука облегчалась Суворову тем доверием, которым он пользовался у графа Фермора. Почти 30 лет спустя в одном из своих писем к князю Потемкину Суворов пишет: «У меня было два отца — Суворов и Фермор».

В самом конце войны Суворов временно командует Тверским драгунским полком. По окончании же войны назначается командиром Астраханского пехотного полка и вскоре затем (6 апреля 1763 года) — командиром Суздальского пехотного полка, стоявшего сначала в Петербурге, а затем в Новой Ладого.

Суворов командует суздальцами семь лет. За это время о Суворове сохранились очень скудные сведения; главное из них

заключается в его письме от 27 января 1764 года к знакомой даме. Из этого письма видно, что Суворов не отличался тогда хорошим здоровьем, был очень худ и, по его словам, уподоблялся «настоящему скелету», «лишенному стойла ослу», «бродячей воздушной тени».

Командуя Суздальским полком, Суворов использует боевую школу Семилетней войны и вырабатывает своеобразную систему воспитания и обучения войск, в которой философский взгляд на военное дело проходит рука об руку с глубоким пониманием военной психологии и с замечательным знанием реальности боя.

Творческая работа Суворова в области военного воспитания войск продолжается всю его жизнь. Она непрерывна, так же как непрерывна и его работа над самим собой. В конечном виде суворовская система воспитания и обучения войск выливается в ставшую знаменитой «Науку побеждать».

Но впервые эта система оформляется во время его командования Суздальским пехотным полком. Этот первый абрис нашел свое письменное отражение в произведении, названном им «Суздальским учреждением». При свойственной нам не любви к долгой, систематической работе и стремлении сделать все сразу, «надрывом», на эту замечательную суворовскую работу не было сразу же обращено должного внимания.

Только в 1771 году, т.е. когда ему было 41 год, начинается боевая карьера Суворова на самостоятельных командных должностях. Поздновато по условиям того времени. Но долгая, упорная подготовительная работа, проделанная Суворовым, сказалась. Его звезда горит все ярче и ярче. В войнах с турками, поляками он идет от одной победы к другой.

Во время борьбы с польскими конфедератами, командуя войсками Люблинского участка (1771–1772 гг.), Суворов сразу же проявляет замечательный стратегический и тактический глазомер; не менее замечательны быстрота и энергия, с которыми он переливает принятое им решение в жизнь. Он бьет наголову под Ландскроной Дюмурье. («Это произошло от хитрых маневров французскою запутанностью, которою мы пользовались», — пишет Суворов.) У Столовичей бьет Огинского. («Я имел храбрых офицеров, привыкших часто сражаться вблизи», — объясняет в своей автобиографии Суворов.) В этих двух боях были уничтожены два главных очага конфедерации.

В 1773 году он назначен в армию Румянцева, действующую против турок. Здесь он с боем переправляется через Дунай у Туртукая. «Слава Богу, слава Вам, Туртукай взят, и я там», —

донес Суворов Румянцеву о результате труднейшей операции, представляющей собою образец наступательной переправы через большую реку. В следующем году у Гирсова и Козлуджи он наносит туркам решительные поражения, которые, главным образом, и приводят к Кучук-Кайнарджийскому миру. Сам Румянцев так оценивал действия Суворова у Гирсова: «За победу, в которой признаю искусство и храбрость предводителя и мужественный подъем вверенных Вам полков, воздайте благодарение именем моим всем чинам, трудившимся в сем деле».

В Русско-Австро-Турецкую войну 1787–1790 гг. Суворов сначала (1787) командует Кинбурнским корпусом. Про его успех здесь Императрица Екатерина пишет: «Победа совершенная, но жаль, что старика ранили». В 1789 году, начальствуя дивизией в Молдавской армии Репнина, он совместно с принцем Кобургским бьет турок под Фокшанами. «Речка Путна от дождей широка, — пишет в своем первом донесении Суворов, — турок 5–6 тысяч спорили, мы ее перешли, при Фокшанах разбили неприятеля; на возвратном пути в монастыре засели 50 турок с байрактором; я ими учтивствовал принцу Кобургскому, который послал команду с пушками, и они сдались».

Через полтора месяца после Фокшан Суворов громит турок под Рымником. «По жестоком сражении, — доносит он, — чрез целый день, союзными войсками побит визирь; 5000 на месте, несколько сот пленных, взят обоз, множество военной амуниции, счетных 48 пушек и мортир; наш урон мал, варвары были четверо сильнее».

Потемкин, бывший главнокомандующим, донося Императрице Екатерине об этой новой победе Суворова, пишет: «Ей, Матушка, он заслуживает Вашу милость, и дело важное: я думаю, что бы ему, но не придумаяю. Петр Великий графами за ничто жаловал; как бы его да с придатком Рымникский». В другом письме он советует Государыне наградить победителя еще Георгием I класса. Екатерина пожаловала Суворова графом с прозванием Рымникского, назначила ему орден Георгия I степени, брильянтовый эполет и шпагу, пояснив в письме Потемкину: «Хотя целая телега с брильянтами уже наложена, однако кавалерию Егорья большого креста посылаю по твоей просьбе, он того достоин... Осыпав его алмазами, думаю, что казистее будет».

Наконец, в 1790 году Суворов берет штурмом крепость Измаил. Овладение открытой силой этой первоклассной турецкой крепостью поразило всех современников. «Нет крепче крепости, отчаяннее обороны, как Измаил, падший перед Высо-

чайшим тронем Ея Императорского Величества кровопролитным штурмом», — доносил Суворов.

Овладение Измаилом представляло собой высокий образец военного искусства. Смелость решения Суворова сочетается с необычайной продуманностью подготовки; проявленная же войсками доблесть сделала невозможное возможным. Высоко оценивала эту победу и сама Екатерина II. В рескрипте к Потемкину от 3 января 1791 года она пишет, еще не зная подробностей: «Измаильская эскалада города и крепости с корпусом, вполнину противу турецкого гарнизона, в оном находящемся, почитается за дело, едва ли где в истории находящееся и честь приносит неустрашимоу Российскому воинству...» В письме же своим от 6 февраля 1791 года к одному из своих дипломатических представителей Циммерману Екатерина II выражается так: «Г-н Циммерман. Я вижу из Вашего письма от 28 января, что взятие Измаила произвело на вас такое же впечатление, как и на всех остальных... В военной истории до сих пор не было примера, чтобы восемнадцать тысяч человек без открытой траншеи или бреши взяли бы приступом крепость, которую энергично защищало в продолжение четырнадцати часов тридцатитысячное войско, засевшее в ней. Я от души желаю вместе с Вами, чтобы это достопамятное событие содействовало заключению мира, и, без сомнения, оно само по себе могло бы повлиять в этом смысле на турок, которым мир со дня на день делается все более и более необходимым».

В 1794 году Суворов был призван для действий против поляков, восставших под начальством Костюшки. Сделав замечательный по быстроте марш-маневр, Суворов бьет поляков под Кобринным, Крупчицами и Брестом, и у Кобылки. О победе под Крупчицами и Брестом главнокомандующий Румянцев выразился, что она «столь важна по существу, столь редка в своем роде, и подтверждает истину, что большое искусство, горячая ревность предводителя и подражания достойный пример в подчиненных — преодолевают все в воображении возможные труды и упорности». Про бой же у Кобылки сам Суворов говорил впоследствии одному французскому эмигранту (Дюбокажу): «Если бы ты был при Кобылке, ты увидел бы, чего я сам никогда не видал».

Двинувшись после этих побед к Варшаве, Суворов берет затем штурмом Прагу, укрепленное предместье Варшавы на восточном берегу р. Вислы. Этот штурм представляет собою высокий образец военного искусства. Сам Суворов указывает, что «дело сие подобно Измаильскому».

Вскоре после взятия Праги русские войска заняли Варшаву. Фельдмаршальский жезл был наградой доблестному вождю. «Вы знаете, — писала ему Екатерина II, — что я без очереди не произвожу в чины. Не могу обидеть старшего, но Вы сами произвели себя в фельдмаршалы...»

Вот те ступени, по которым восходит к своей славе Суворов граф Рымникский. Его имя становится в первом ряду среди орлов победоносной Екатерининской армии.

Великая Императрица собирается выступить в рядах коалиции против французской революции. Для сего «составляется армия для отправки за границу под начальством Суворова численностью в 51 000 человек...» Суворов по осмотре этих войск в заключении своего доклада пишет: «Карманьольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг на Вислу. Всемиловнейшая Государыня, я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить».

В ноябре 1796 года Екатерина Великая скончалась, и вступивший на престол Император Павел отменил отправку войск за границу. Вскоре вслед за тем Суворов оказался в опале. На разводе 6 февраля 1797 года был отдан Высочайший Приказ: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь Его Императорскому Величеству, что, так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы». В отставку Суворов был уволен «без мундира» и сослан в свое имение Кончанское (Боровического уезда, Новгородской губернии) под присмотр полиции, причем ему даже не позволялось ездить к соседям и принимать кого-либо у себя.

И вот в этих морально исключительно тяжелых условиях величие духа Суворова выявляется чрезвычайно ярко. Казалось бы, что этому попавшему в немилость, запертому в лесной глуши 67-летнему старику нечего больше ждать. Над всей его прежней деятельностью ставился крест. И все-таки его могучий дух не сдается.

Суворов продолжает работать над своим самообразованием. Он видит то, чего не видит большинство его соратников, — он видит новую эру в военном искусстве. Он изучает Итальянскую кампанию восходящего светила этой новой эры молодого генерала Бонапарта. Он пользуется для этого изучения своим знанием языков¹ и читает с десятков журналов, выписываемых им. В саду Кончанского он строит светелку, где сидит над картами и учится...

¹ Суворов знал следующие языки: латинский, французский, немецкий, итальянский, польский, финский, турецкий.

Конечно, и у Великого Суворова были минуты отчаяния. В одну из тяжелых минут, в декабре 1798 года, он послал Императору Павлу прошение о разрешении ему уйти в монастырь и постричься в монахи. «Ваше Императорское Величество, — пишет Суворов в своем прошении, — всеподданнейше прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Неумышленности мои прости, милосердный Государь». Под прошением была подпись «Всеподданнейший богомолец, божий раб Александр». Ответа не последовало.

Судьба готовила Суворову иной конец жизни. 6 февраля 1799 года в село Кончанское прискакал из Санкт-Петербурга флигель-адъютант Толбухин. Он вручил Суворову собственное письмо Императора Павла: «Граф Александр Васильевич. Теперь нам не время рассчитывать. Виноватого Бог простит. Римский Император требует Вас в начальники своей армии и вручает Вам судьбу Австрии и Италии. Мое дело на сие согласиться, а Ваше спасти их. Поспешайте приездом сюда и не отнимайте у славы Вашей времени, а у меня удовольствия Вас видеть. Пребываю Вам благожелательным. Павел». Суворов оказался готовым к этой трудной задаче. До сих пор Суворов как полководец воевал только с малокультурными турками или с плохо организованными поляками. В Италии же, в 1799 году, он выходит на арену Европейской войны и борется с французской армией, шедшей от одной победы к другой, производя полный переворот в прежних методах ведения войны. Во главе этой армии стояли лучшие французские генералы: Моро, Макдональд, Жубер. Сам Суворов один раз высказал: «Моро понимает меня, старика, и я радуюсь, что имею дело с умным полководцем». Кампания 1799 года выдвигает Суворова из сонма русских полководцев в число мировых светил.

На р. Адда он наносит французам первое поражение. Известие об этой победе вызвало восторг в Петербурге и в Вене. «Дай Бог Вам здоровья, — пишет Суворову Император Павел, — о многолетии Вашем опять вчера молились в церкви, причем были и все иностранные министры. Сына Вашего взял я к себе в генерал-адъютанты со старшинством и с оставлением при Вас; мне показалось, что сыну Вашему и ученику неприлично быть в придворной службе...» На р. Треббия Суворов разбивает наголову Макдональда, будущего маршала Наполеона. Взрыв энтузиазма в Петербурге и Вене еще больший. «Поздравляю Вас Вашими же словами, — пишет Император Павел. — Слава Богу, слава Вам... Портрет мой на груди Вашей да изъявит всем

и каждому признательность Государя к великим делам своего подданного — им же прославляется Царствование Наше...»

Ближайшим следствием победы Суворова на Треббии явилась сдача крепости Мантуи, считавшейся в понятиях того времени ключом к обладанию Ломбардией. Император Павел ознаменовал это возведением Суворова в княжеское достоинство с титулом Итальянского. «Примите воздаяние за славные подвига Ваши», — говорится в Высочайшем рескрипте от 6 августа 1799 года, — да пребудет память их в потомках Ваших к чести и славе России».

У Нови Суворов наносит новое решительное поражение французам. Во главе разгромленной армии находится один из самых талантливых революционных генералов Жубер, на которого парижское правительство возлагало все надежды на выправление катастрофического положения, создавшегося для французов на итальянском фронте. В отношении руководства боевыми действиями войск сражение у Нови замечательно тем, что Суворов построил его на применении тех новых тактических идей, которые родились в эпоху революционных войн. Эти идеи были настолько еще непонятны для армий старой эпохи, что сам Суворов написал про Нови: «Ох, и будут ругать меня тактики». Император прислал Суворову рескрипт, в котором говорилось, что он не знает, чем наградить Главнокомандующего, который «поставил себя выше награждений». Однако Император Павел придумал награду: последовал приказ, чтобы гвардия и все войска даже в присутствии Государя отдавали Суворову воинские почести, следующие по уставу только особе Императора. «Достойному достойное», — заключил Павел свой рескрипт.

Но победоносное завершение Итальянской кампании 1799 года, приведшее к изгнанию французов из Ломбардии, возбудило страх австрийского правительства перед тем, что русские будут мешать возвращению их прежней политики угнетения итальянского народа. Надо сказать, что и сам Суворов не щадил самолюбия австрийцев и говорил им такие слова, которые не могли не заставить австрийцев желать распротиться с прямым и резким Главнокомандующим. Так, однажды после обеда, очевидно, рассерженный австрийской политикой в освобожденной им Северной Италии, он простился с гостями следующими словами:

«Господа, будьте уверены, что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия и тактика австрийцев, ни Суворов не восстановят порядка и не одержат таких побед, которые бы привели к желаемому результату. Этого в состоянии достигнуть лишь политика справедливая, бескорыстная, прямодушная и честная. Только таким путем можно всего добиться... Прощайте, господа».

Желание австрийского двора убрать во что бы то ни стало русских из Италии приводит к Швейцарскому походу. Суворов должен перевалить через Альпы на соединение с войсками Римского-Корсакова у Цюриха. Но пока «чудный» старик ведет своих «чудо-богатырей» через Сен-Готард и Чертов мост, побеждая не только неприятеля, но и саму природу, Римский-Корсаков, атакованный Массеной у Цюриха, отступил, оставив армию Суворова в одиночестве, запертой в горах. Поражение это произошло потому, что австрийцы под начальством эрцгерцога Карла оставили русских до прибытия Суворова. «Корсаков ушел, — говорит Суворов, — хотя ни он мне, ни я ему не сказали ни слова. Он более несчастлив, чем виновен; 50 000 австрийцев шагу не сделали, чтобы его поддержать. Они хотели его погубить, они думали погубить и меня... Скажите эрцгерцогу, что он ответит перед Богом за кровь, пролитую под Цюрихом».

Когда в Петербурге были получены известия о поражении Римского-Корсакова под Цюрихом, все русское общество взволновалось за судьбу суворовской армии. «Дела в Швейцарии худы, — читаем мы в одном из писем Ростопчина. — ...Мы в мучительной тревоге, от Суворова никаких вестей». Сам Император Павел пишет Суворову: «Вы должны были спасти царей, теперь спасите русских воинов и честь Вашего Государя. Главное — возвращение в Россию», — говорится в другом рескрипте.

Гениальный Суворов остается *непобедимым*. Потребовав новые чудеса от своих «чудо-богатырей» в Мутентале, Клентале, на Рингенкопфе, он *победоносно* выводит свою армию из катастрофического положения. Швейцарский поход Суворова представляет собой непревзойденный во всей мировой военной истории пример того, из какого совершенно безнадежного стратегического положения может выйти доблестная армия, предводимая полководцем с непоколебимым духом.

Сам Массена, неудачно пытавшийся запереть Суворова в той горной ловушке, в которую он и попал, говорил впоследствии, будучи одним из лучших маршалов Наполеона, что он отдал бы все свои походы за один суворовский Швейцарский...

Впрочем, это не помешало составителям наиболее распространенного французского энциклопедического словаря «Larousse» повторить в издании 1923 года¹ следующую смехотворную био-

¹ Larousse Universel (nouveau dictionnaire encyclopedique). Изд. 1923 г. Т. II, стр. 982.

графию Суворова. Вот ее точный перевод: «Суваров или Суворов (Александр) русский генерал, род. в Москве, ум. в Петербурге (1729—1800 гг.). Подавил польское восстание 1794 г., боролся против революционных армий в Италии и был разбит Массеной у Цюриха. Генерал искусный, но бесчеловечный и недобросовестный. Он известен своим афоризмом “Пуля сумасшедшая, а штык знает, что делает”».

В 20 числах октября 1799 года в Петербурге были, наконец, получены известия о Швейцарской кампании и об ее исходе. «Да спасет Вас Господь Бог за спасение славы Государя и Русского войска, — писал Ростопчин Суворову, — до единого все награждены, унтер-офицеры все произведены в офицеры...» Император Павел писал: «Побеждая всюду и во всю жизнь Вашу врагов отечества, недоставало Вам одного рода славы — преодолеть и самую природу; но Вы и над нею одержали ныне верх...» 28 октября Государь пожаловал Суворову звание Генералиссимуса, сказав при этом Ростопчину, что другому этой награды было бы много, а Суворову мало. Он повелел Военной коллегии вести с ним переписку не указами, а сообщениями. Спустя несколько дней приказано было проектировать статую Генералиссимуса; когда проект был представлен, то Павел I утвердил его и повелел приступить к работам¹.

6 мая 1800 года Суворов скончался. Его последние слова были: «Долго я гонялся за славой. Все суета. Покой души у престола Всевышнего». Незадолго до своей смерти он сказал художнику Миллеру, присланному курфюрстом Саксонским для написания портрета Генералиссимуса для Дрезденской галереи:

«Ваша кисть изобразит черты лица моего: они видимы, но внутренний человек во мне скрыт. Я должен сказать Вам, что я лил кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближнего, в жизнь мою никого не сделал я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моей рукой ни одного насекомого — бывал мал, бывал велик».

Еще более полную характеристику самому себе дал Суворов в письме своем, написанном из Варшавы (28 декабря 1794 года) и посланном подполковнику графу Фабрициану, выразившему намерение описать жизнь великого полководца и обратившемуся к Суворову за материалами для своего труда:

¹ Памятник этот был открыт Императором Александром I в мае 1801 года. Первоначально он был поставлен на Марсовом поле, потом он был перенесен ближе к Неве.

«Материалы, касающиеся истории моей военной деятельности, так тесно связаны с историей моей жизни вообще, что оригинальный человек и оригинальный воин не могут быть отделены друг от друга, если образ того или другого должен сохранить свой действительный отпечаток».

«Почитая и любя Бога искренне и нелицемерно, и в Нем моих братьев-людей, не поддаваясь никогда обольстительному пению сирен невоздержной и праздной жизни, я всегда был бережлив и трудолюбив с драгоценнейшим на земле сокровищем, с временем, как на обширном поле деятельности, так и в жизни уединения, которым везде умел пользоваться. Преднамерения, обдуманые с большим напряжением и исполненные еще с большей энергией, нередко с упорством и отчасти с крайним и неотлагательным пользованием непостоянным временем, — все это, облеченное в свойственную мне форму, часто доставляло мне победу над изменчивою богиней счастья». <...>

Суворов был погребен в Петербурге в Благовещенской церкви Александро-Невской Лавры. На могильной плите, согласно его желанию, начертано только три слова: «Здесь лежит Суворов».

Незадолго до своей смерти Суворов опять оказался в немилости у Императора Павла. Последний отказал в присвоении Суворову титула «Светлость», приказав объявить 22 ноября 1799 года всем присутственным местам, чтобы Генералиссимусу князю Суворову «не утвержденного указом титула «Светлости» не давать».

Титул «Светлость» был восстановлен для потомства Суворова полстолетия спустя. При этом Император Николай I положил следующую резолюцию: «Само собой разумеется, в России пока был еще один Суворов, и тому, которому в церкви на молебствии за победы велено было провозглашать *Российской Армии Победоносцу*, иного титула и быть не могло».

Император Павел I приказал совершить погребение Суворова не по званию Генералиссимуса, а по чину фельдмаршала. Военно-чиновный мир Петербурга не знал поэтому, как отредактировать приказ об исключении умершего Суворова из списков Русской армии. Такой приказ и не был отдан, а затем об этом забывали.

Неотдача приказа об исключении Суворова из списков Русской армии была обнаружена профессором и начальником нашей Военной академии генералом Сухотиным как раз ко дню столетия со дня смерти Суворова. После этого Суворов был уже сознательно оставлен числящимся в списках Русской армии.

«Каждый воин должен понимать свой маневр»

По мере того, как росла военная слава Суворова, всеобщую известность получала его эксцентричность; и часто молва об его «чудачествах» опережала даже его боевую славу. Таково свойство обывательского мнения; массовый человек не любит тех, кто возвышается над средним уровнем и охотно воспринимает то, что может принизить выдающегося человека. «Чудачество» Суворова было столь велико и настолько не вязалось с представлением «Великого полководца», что вводило в заблуждение даже гениальных людей. Так, Наполеон сказал, что Суворов обладал душой великого полководца, но не имел его головы. Так думал Наполеон, а сторонний обыватель решил проще: Суворов был просто счастлив. Когда до Суворова доходило это мнение, он сердился и называл его рассуждением «ослиной» головы. «Счастье, счастье... — вырвался у него раз ответ, — помилуй Бог, нужно когда-нибудь и уменье». В своем же письме к Потемкину он пишет: «Я был счастлив, потому что повелевал счастьем».

Но чтобы повелевать счастьем, надо чего-то достигнуть. Суворов сумел достигнуть двух наиболее трудных, но и наиболее могущественных целей: он умел повелевать собой и людьми. Личное присутствие Суворова, даже одно его имя, производило на войска чарующее действие. В Италии в одном из сражений при частной неудаче в одной из наших частей послышались крики: «Суворов здесь...» Эта часть рванулась вперед и легла чуть не поголовно под губительным огнем неприятеля. Имеется интересное свидетельство одного постороннего к армии лица о магическом действии Суворова на войска. Состоявший в штабе Суворова в Италии гражданский чиновник Фукс наблюдал за ходом сражения на Треббии, находясь на небольшой возвышенности вместе с одним из суворовских генералов Дерфельденом. Фукс был поражен тем, что как только появлялся Суворов в своей белой рубашке там, где войска приходили от неудачи в расстройство, порядок тотчас же восстанавливался. Дерфельден объяснил Фуку, что насмотрелся на подобные явления в продолжение 35 лет, как знает Суворова; что этот непонятный чудак есть какой-то талисман, который довольно развозить по войскам и показывать, чтобы победа была обеспечена.

Обаяние Суворова, вера в него увеличивали духовные силы войск на поле сражения. Это позволяло ему доводить моральное напряжение своих войск до такой высокой степени, которая на обыкновенный масштаб должна была почитаться недо-

стижимой. В свою очередь, это позволяло Суворову доходить в своих действиях до такой степени дерзания, размеры которой не учитывались военной наукой того времени. Такой способ действий озадачивал и противников Суворова на поле сражения, и поверхностных критиков в кабинете; но хотя первые были постоянно биты, вторые не убеждались даже самыми фактами. Для того чтобы понять это, нужно отдать себе отчет в том тупике, в который зашла военная наука в конце фридрихского периода военного искусства. Ключ победы видели в одном только маневрировании войск; в зависимости от того, под каким углом подводились войсковые колонны к полю сражения, исход последнего считали предрежденным. Сам вдохновитель этой эпохи Фридрих II, идеи которого изживались, писал: «Бой есть средство скудоумных генералов». Толстой в «Войне и мире», в фигурах Мака и Вейротера, а также в тех разочарованиях, которые переживает князь Андрей Болконский, дал замечательную картину провала этих идей.

«Жалкие академики», — вот как именует эту школу Суворов. В свою очередь, в мнении этих рутинеров, схоластиков, приверженцев одной только «тактической механики» и «стратегической геометрии» Суворов оказывался невеждой в военном деле и варваром, одаренным лишь инстинктом войны. Им и в голову не приходило, что на истинном научном пути стоял как раз «варвар» Суворов, а не они.

Основой суворовского учения, или как он назвал его собственным ему метким словом — «Науки побеждать», является *признание господства духа над материей*. Поэтому и ключ к победе Суворов усматривает прежде всего в правильном воспитании и обучении войск. Что это так, свидетельствует он сам, признавая возможным, что его войска будут и без него, с другими начальниками, победоносны, если они хорошо им, Суворовым, обучены. В одном из своих писем он прямо говорит, что бил неприятеля благодаря своему способу обучения войск. Когда он приезжает в Италию, он прежде всего переобучает по-своему австрийские войска и эти войска, сплошь до сих пор битые французами, сразу же, совместно с суворовскими чудо-богатырями, делают победоносными.

Исходя из признания главенства духа в явлениях войны, Суворов и принимает прежде всего меры к моральному поднятию духа своих войск. «Солдату надлежит быть, — говорит Суворов, — храбру, твердо, решиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу, от Него победа. Чудо-богатыри, Бог нас водит, Он наш генерал...»

Требую в другом месте своей «Науки побеждать» неударяемого натиска в атаке, Суворов кончает свое поучение так: «Остальным давай пощаду. Грех напрасно убивать. Они такие же люди. Умирай за дом Богородицы, за Матушку, за Пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто жив — тому честь и слава». В указаниях о квартировании войск Суворов пишет: «...обывателя не обижай. Он нас поит и кормит. Солдат — не разбойник».

Наконец, очень часто Суворов кончает свои поучения словами: «Помилуй Бог, мы — Русские», стремясь затронуть национальное чувство своих воинов.

Может показаться, что приведенные выдержки из «Науки побеждать» не представляют собой ничего особенного. При современных взглядах на войну они являются совершенно нормальными. Но нужно учесть ту эпоху, в которую жил Суворов. Это было время вербованных армий, построенных на фридриховских требованиях, чтобы солдат боялся палки капрала более, нежели пули неприятеля. Это была эпоха солдата-автомата, из души которого вытраивалось все человеческое, причем главным воспитательным средством являлись шпицрутены. Потребовались французская революция и победы Наполеона, дабы повернуть европейские государства на путь национальных армий и сознательного бойца. Суворов же твердо стал на этот путь раньше. Он стремился создать из своей армии не механически сплоченный аппарат из автоматов, а *организм, в котором воля и сознание составляющих единиц оставались способными активно стремиться к победе*.

Может ли быть теперь сомнение в том, что армия, построенная на суворовских началах, должна была оказаться сильнее армий, состоящих из автоматов прусского образца.

Забота Суворова о сознательном и активном участии в боевых действиях каждого из воинов прямо удивительна. Даже для современной эпохи требования в этом отношении Суворова высокопоучительны.

Во время борьбы с польскими конфедератами он приказывает: «Спрашиваться старших накрепко запрещено; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому скорый и крепкий удар под взысканием за малую деятельность». Во время Итальянской кампании он доводит свои требования к начальникам отдельных отрядов, выделенных им для охраны армейской операции, до высшей степени. «Местный, — пишет он одному, слишком буквально придерживающемуся данного ему оперативного приказа, — в его близости

по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный, он проникает в ежечасные перемены, их течения и направляет свои поступки по правилам воинским. Я — вправо, должно влево — меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед».

Это и в настоящее время является высшей степенью сознательного исполнения подчиненными идей своего начальника. Без «субординации», которую, как мы увидим дальше, Суворов ставит первым из своих «правил воинских», ведущих к победе, и без высокой военно-научной подготовки командного состава вышеприведенное требование легко может привести к анархии в боевых действиях.

Вот почему Суворов и в мирное, и в военное время непрерывно «учит». Нужно всегда помнить, что Суворов прежде всего *гениальный учитель*, причем самым замечательным его свойством в этом отношении является *конкретность и определенность его поучений*. Заметив, например, тенденцию нашего командного состава к лобовым ударам, как к тактической форме, требующей наименьшей мыслительной работы начальника, он не стесняется в своей «Науке побеждать» совершенно определенно высказывать свое предпочтение к фланговой атаке:

«В баталии полевой три атаки. В крыло, которое слабее. Крепкое крыло закрыто лесом. Это немудрено. Солдат пробежится и болотом. Тяжело через реку, без мосту не перебежишь. Шанцы всякие перескочишь. Атаку в середину не выгодно, разве конница хорошо рубить будет, а иначе сами сожмут. Атака в тыл очень хороша; только для небольшого корпуса, а армии заходить тяжело».

Подобные определенные указания противниками всякой доктрины еще перед войной 1914–1917 гг. приравнивались к трафарету.

Между тем Суворов менее, чем кто-либо из других полководцев, может быть обвинен в любви к трафарету. Как далеки от такой определенности туманные тактические указания наших бывших уставов и инструкций, в которых под предлогом того, что на войне «обстановка повелевает», писались одни общие места!

Суворов требует сознательного участия в боевых действиях не только от начальников, но и от солдат. Вот что он пишет в одном из своих приказов по обучению австрийских армий в 1799 году:

«Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действий. Необходимо и младшим начальникам

постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причине — даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог больше вредный, нежели полезный. Болтун и без того будет наказан».

Следует отметить, что вышеприведенные слова Суворова долго понимались нами как сообщение задач, возложенных на высшие войсковые соединения и во все младшие инстанции. Это вело к механическому переписыванию высших приказов. Не было обращено внимания на то, что Суворов говорит о «плане действий», т. е. об избранных методах действия. Наличие «плана действий» он требует даже для самых мелких боевых ячеек, и чтобы в установлении этого «плана действий» высшее начальство принимало самое деятельное и активное участие.

Говоря другими словами, Суворов требует, чтобы начальники все время на войне, так же как и в мирное время, *учили* войска, обращаясь к разуму солдата. Поэтому основным требованием Суворова при обучении войск являлось то, чтобы после каждого учения солдату говорилось поучение.

Вот что по этому поводу говорит Дюбокаж¹: «...фельдмаршал имел обычай говорить с войсками. Каждый свой смотр, парад, он заканчивал весьма длинной речью², в которой подробно разъяснял, что нужно для того, чтобы быть хорошим солдатом, хорошим офицером. Он указывал на ошибки, сделанные войсками в одном случае, хвалил за то, как они вели себя в другом. Наконец, он передавал им в своих речах общие основания военного искусства».

Вот это общее поучение и является второю частью так называемой «Науки побеждать»; оно в свою очередь называлось «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом»; оно являлось не чем иным, как кратким курсом тактики того времени, изложенным поразительным суворовским языком.

Непосредственно перед каждым сражением перед строем читается боевой приказ Суворова, объясняющий, что нужно было делать. При этом для «вразумительности» этот приказ читается трижды. Эти боевые суворовские приказы носят совершенно особенный характер; по нынешней терминологии это скорее инструкции, в которых Суворов доводит до сознания низших чинов свой «план действий».

¹ Дюбокаж, французский эмигрант, служивший при Суворове довольно продолжительное время; он написал «Précis historique sur le Maréchal Souvorow».

² Иногда в течение 2-х часов; примечание Дюбокажа.

Для примера приведем боевой приказ Суворова перед сражением на Треббии. Когда в войну 1799 года Суворов быстро повел часть своих войск навстречу двигавшемуся из Тосканы Макдональду, стратегическая обстановка складывалась так: соединение Макдональда с Моро угрожало низвести на нет уже достигнутые успехи и даже грозило неудачей всей кампании; выгоды центрального положения позволяли Суворову разбить обоих французских генералов порознь. Таким образом, предстояло быстро двинуться навстречу Макдональду и дать ему встречный бой. В свою очередь, Макдональд с целью не дать Суворову возможности использовать центрального положения, вел свою армию, крайне форсируя движение. Ясно, что предстоящее сражение должно было отразить в себе все особенности встречного боя в наиболее резких формах. В таком случае особенное значение получает энергия первого натиска встречающихся войск, так как во встречном бою «кто первый палку в руки взял, тот и капрал». Для достижения быстроты развития боя должна быть допущена децентрализация в ведении боя; особенное значение получают угрозы флангам; успех должен быть развит энергичнейшим преследованием.

Исходя из ожидаемых им условий боя, Суворов отдает еще за три дня до встречи следующий приказ по союзной армии:

«Неприятеля поражать холодным оружием, штыком, саблями и пиками¹. Артиллерия стреляет по своему рассмотрению, почему она по линии не расписывается². Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланг ворваться³.

В атаке не удерживать⁴.

Когда неприятель будет сколот, срублен, тотчас преследовать его и не давать ему времени ни собираться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтобы неприятель сдавался, о чем все войска известить. Невзирая на труды, преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблен не будет⁵.

Чтобы котлы и прочие легкие обозы были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, дабы по разбитии его можно было каши варить. А впрочем, победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водою.

«Кавалерия должна о фураже сама пешишь».

¹ Подчеркивается значение решительности атаки.

² Разрешается децентрализация огня для ускорения артиллерийского содействия.

³ Подчеркивается значение действий во фланг.

⁴ Быстрота развития наступления ставится впереди ударной цельности атаки.

⁵ Подчеркивается энергичное преследование.

Независимо от этого приказа отдавались диспозиции. В одной из них, от 1 июня, был точно указан тот боевой порядок, в который по правилам линейной тактики должны выстраиваться войска. Таким образом, приказ по армии от 3 июня не представлял собой того, что мы обыкновенно понимаем под словом «оперативный приказ». Это инструкция, как действовать в предстоящем бою. Полководец на основании ему одному известных данных брал на себя решение задачи выбора методов ведения боя и сообщал это решение до самых низов армии. Вот как в условиях своего времени, когда военно-научная подготовка командного состава стояла на невысокой ступени, осуществлял сам Суворов свое требование, «чтобы каждый воин понимал свой маневр».

Вот другой образец боевых инструкций, отдаваемых в армии Суворова для пояснения низшим чинам того, что от них требуется в предстоящем сражении. Это приказ по Азовскому мушкетерскому полку, отданный накануне штурма Праги:

«Его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал:

1. Взять штурмом Пражский ретраншамент. И для того:

2. На месте полк устроится в колонну поротно. Охотники¹ со своими начальниками станут впереди колонны, а с ними — рабочие. Они понесут плетни для закрытия волчьих ям перед пражеским укреплением, фашинник для закидки рва и лестницы, чтобы лезть из рва через вал. Людям с шанцевым инструментом быть под началом особого офицера и стать на правом фланге колонны. У рабочих ружья через плечо на погонном ремне.

С нами егеря, белорусы и лифляндцы; они у нас направо.

3. Когда пойдем, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять.

4. Подошел к укреплению, кинуться вперед быстро, по приказу кричать «ура».

5. Подошли ко рву, ни секунды не медля, бросай в него фашинник, спускайся в него, ставь к валу лестницы; охотники стреляй врага по головам — шибко, скоро, пара за парой лезь. Коротка лестница? Штык в вал — лезь по нем другой, третий. Товарищ товарища обороняй. Ставши на вал, опрокидывай штыком неприятеля и мгновенно стройся за валом.

6. Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить

¹ При каждом полку были сформированы команды охотников для боя «по-егерски», т.е. в рассыпном строю.

и гнать врага штыком; работать быстро, споро, храбро — по-русски. Держаться своих, в середину; от начальников не отставать. Везде фронт.

7. В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолеток не трогать.

8. Кого из нас убьют, — Царство Небесное; живым — Слава, слава, слава».

Требование даже от рядового солдата сознательного участия в боевых действиях выражается у Суворова в настойчивой борьбе с незнанием, или, как он называл это, с «немогузнайкой» и с порождениями невежества — стремлением уклониться от определенного ответа, пассивностью в действиях и обманом.

«Богатыри, — пишет Суворов в «Науке побеждать», — неприятель от вас дрожит. Да есть неприятеля больше... проклятая немогузнайка, намек, догадка, лживка, краткословка, двуличка, вежливая, бестолковка, клычка, что бестолково выговаривать... Стыдно сказать; от немогузнайства много, много беды...»

В другом месте «Науки побеждать», в тексте, написанном после 1790 года, говорится:

«...За немогузнайку офицеру арест, а штаб-офицеру от старшего штаб-офицера арест квартирный. Ученье свет — неученье тьма. Дело мастера боится, и крестьянин не умеет сохой владеть, хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех. Давай нам шесть. Давай десять на одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем. В последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто: а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение. Господа офицеры, какой восторг!»

Можно ли ярче сказать о значении воинского обучения? В будущей Российской армии следовало бы, чтобы в каждой казарме были бы на мраморных досках выгравированы только что приведенные слова Суворова, дабы они так же врезались в душу будущих офицеров и солдат, как они вросли в душу суворовских воинов.

Само собой разумеется, что суворовское обучение, обращаясь к разуму солдата, стояло совсем на ином пути, чем тот прусский путь, на который вгонял Павел Русскую армию на своих плац-парадах. Но гениальность Суворова как учителя заключалась не только в том, что он верно избрал новый путь, но и в том, как он шел по этому пути. Выше мы указывали, что особенностью суворовских поучений являлась их конкретность.

Эта же конкретность являлась следствием того, что он применял в своем обучении тот метод, который проводится в жизнь европейских армий только век спустя. Я говорю о так называемом «прикладном» методе обучения, применяя который фельдмаршал Мольтке создал Большой Германский Генеральный штаб, а плеяда французских генералов с маршалом Фошем во главе привела французскую армию к победе в Мировой войне... и против попытки проведения которого в нашей Военной академии с такой яростью восстала часть военных профессоров с ген. Сухомлиновым во главе.

Руководящей идеей этого метода является то, что для военного человека знание получает действительное значение только тогда, когда он умеет его применить. И вот суворовская «Наука побеждать» заключается не только в «Словесном поучении солдатам о знании, для них необходимом», но также в «Учении перед разводом (вахт-парад)» или, вернее, в подробной программе такого учения. При этом первую часть «Науки побеждать» является «Учение перед разводом», а «Словесное поучение» — лишь второй частью.

Таким образом, Суворов, хотя и обращался к разуму солдата, но на первом месте он ставил само «действие». Крайне характерен и язык, которым изложены эти части. Это не повествовательный тон, а ряд кратких, энергичных приказаний для действия. Встречающиеся в обеих частях повторения одних и тех же фраз указывают на неразъединимость знания и действия.

«Нужно ли после этого распространяться, — пишет Дюбокаж¹, — о причинах непобедимости войск Суворова? Последний солдат из попавших в сферу его влияния *узнавал и практически, и теоретически боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время, не исключая и самых образованных*². Сознав ясно, что для победы нужно укрепить солдата умственно, нравственно и физически, он и свою систему воспитания сообразил строго последовательно с этой целью, не делая никаких уступок. Развитие сметки и особенно упорства, характера, притупление инстинкта самосохранения, насколько это возможно в живом существе, укрепление ума последнего солдата положительным знанием военного дела — вот суворовская система во всем ее простом и осязательном величии. Для его солдата не было неожидан-

¹ «Précis historique sur le Maréchal Souvorow» (перевод взят из т. II «Военной Библиотеки», стр. 442).

² Курсив Дюбокажа.

ности в бою, ибо он испытал в мирное время самые тяжелые из боевых впечатлений¹, не могло быть ничего непонятного из того, что делалось в бою, ибо обо всем военном деле он имел основательное теоретическое представление. А если человек выдержан так, что его ничем удивить невозможно, если он при этом знает, что делает в своей скромной сфере, — он не может быть побежден, он не может не победить».

«Глазомер, быстрота и натиск»

Определяя, что такое воинское искусство, Суворов в своей «Науке побеждать» говорит:

«Два воинские искусства. Первое, глазомер, как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить. Второе, быстрота».

Таким образом, в суворовском понимании, «глазомер» — это умение поставить правильное решение в каждом отдельном случае.

Ставя на первое место «глазомер», а не «знание», Суворов исходит из той основной точки зрения, о которой мы говорили в конце прошлого очерка, а именно, что для военного человека знание имеет только тогда ценность, когда он умеет его применить на деле. С присущим ему свойством сразу же подходить к существу дела, Суворов требует результатов знания, а не только само знание. Это несколько не умаляет значения «знания», которое Суворов считает необходимой предпосылкой «глазомера»; об этом свидетельствует поучение, сказанное Суворовым по случаю возложения Георгия 3-й степени на одного из своих сотрудников, подполковника Куриса. Смысл этого поучения был таков: награда может быть слишком тяжела по своему значению, но это обязывает награждаемого заботиться о достоинствах генеральских: честности, заключающейся в держании своего слова, в прямоте и в отсутствии мстительности, в трудолюбии, бдении, постижении, мужестве и *выше всего* — *глазомере*. При этом указывалось, что генералу необходимо «непрерывное самообразование с помощью чтений».

В 1770 году Суворов писал: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и во всех случаях потребны, токмо тщетны они, если не будут истекать из искусства... Генералу необходимо непрерывное самообразование себя науками, нужна непрерывная наука из чтений, только непрерывное изощрение взгляда сделает великим полководцем...»

¹ Дюбокаж намекает здесь о суворовских «сквозных атаках», составлявших главную часть его «разводного учения».

Что понимал Суворов под такими «чтениями», он сам поясняет в одном из своих писем:

«Как военный человек, упражняйся ты с прилежанием в чтении Вобана, Кугорна, Кюраса, Гюбнера; будь знающ несколько в богословии, физике, нравственной философии; читай охотно Евгения, Тюренна, записки Юлия Цезаря, Фридриха II, Ролленову историю и Графа де Сакса».

Второй предпосылкой для правильного «глазомера» является умение *смотреть на дело в его целом*. Суворов и ставит это умение как одно из необходимых свойств полководца. «Непрестанное упражнение, как все обнять одним взглядом, делает тебя великим полководцем», — пишет он своему крестнику, сыну генерала Карачая.

Полвека спустя, величайший из теоретиков войны, являющийся родоначальником современной военной науки, Клаузевиц, развивает ту же суворовскую мысль. «Нет ничего важнее в жизни, — пишет он¹, — как правильно поставить отправную точку, с которой должны быть обнимаемы и обсуждаемы вещи (*auffassen und beurteilen*), затем строго держаться ее, потому что в одной точке мы можем обнять в их единстве всю массу явлений, и только единство точки зрения может избавить нас от противоречия».

Более же чем век спустя после Суворова, великий полководец XIX века фельдмаршал Мольтке указывает, что самое главное в деле руководства операцией — это сохранение единства точки зрения...

* * *

Выдвигая на первое место «глазомер», Суворов выдвигает значение «расчета», а не «риска». Не правда ли, странно это слышать из уст полководца, свойством которого, поражающим всех его современников, было «дерзание». Ведь именно на этом впечатлении базировалось мнение иностранцев о Суворове как о варваре, одаренном лишь военным инстинктом!

Нельзя отрицать необходимости для вождения войск способности дерзать. Чем войсковая часть меньше, тем больше «дерзания» требуется от ее начальника. Поэтому войска должны воспитываться в самом ярко выраженном наступательном духе. Они должны быть готовы атаковать врага, не считаясь с его силами. Суворов так и воспитывал свои войска. «А что дерзновенны, — пишет Суворов про свои войска, — я один тому виной, я их приучил к смелой наступательной тактике».

¹ Теория войны», перевод Войде. Том II, стр. 338.

Но по мере того как мы поднимаемся вверх по ступеням военной иерархии, расчет, т.е. «глазомер», все больше и больше оттесняет риск, т.е. «дерзание», на второй план. Старшие начальники должны водить войска в бой, а не на убой. Создатель российской регулярной армии Петр Великий проводил эту мысль, настаивая на «победах малою кровью». Такова же была точка зрения и Суворова. Напомним приведенные в предыдущем очерке слова его «Науки побеждать»: «В последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто, а мы и одной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение. Господа офицеры, какой восторг!»

При изучении боевых действий Суворова нужно различать его деятельность как начальника небольшого отряда и начальника дивизии от его деятельности в роли командующего армией или главнокомандующего. В его боевой карьере «дерзание» начальника небольшого войскового соединения тесно переплетается с «расчетом» в роли начальника высшего войскового соединения. А это при поверхностном изучении суворовских боевых действий приводит к тому, что может показаться, что Суворов сам себе противоречит, выдвигая первым принципом военного искусства «глазомер», а не дерзание.

На это противопоставление «дерзания» «расчету» нам следует обратить особое внимание. Очень часто в нашей военной литературе и в суждениях, слышанных автором в высших штабах во время великой войны, приходилось встречать поверхностное понимание «дерзания». Такое понимание служило для прикрытия действий на авось вследствие неумения произвести правильный расчет.

Между тем именно глубокое изучение Суворова — этого дерзновеннейшего полководца — заставляет прийти к заключению, что многое, приписываемое ему непонимающей посредственностью лишь как дерзание, на самом деле являлось его «глазомером», т.е. расчетом.

Для дальнейшего пояснения этой мысли приведем пример.

Во время оно вавилоняне пытались строить высокую башню, но, согласно Библии, это являлось такой дерзостью, которая была наказана смещением языков. Вернее думать, что башня просто обвалилась. В 1896 году Эйфель построил в Париже башню, которая, конечно, выше, чем проектированная Вавилонская башня. Она не обвалилась, и когда вы ходите на нее смотреть, то восхищаетесь, конечно, не дерзанием, а расчетом. Дерзание же тут есть только в том, что Эйфель решился осуществить свой проект.

То же самое можно сказать о Суворове, его дерзание заключалось в том, что, сделав армию способной к наибольшему моральному напряжению, он смел и задачи ставить такие, которые были по плечу только его армии. Отсюда мы видим, что под суворовским словом «глазомер» нужно также понимать умение ставить себе задачи в соответствии с имеющимися в нашем распоряжении средствами. В современную эпоху до чрезвычайности осложнившегося военного дела это соображение преследуемой задачи с имеющимися средствами имеет еще большее значение, чем в прежние времена. Вот почему указание «Науки побеждать», что первым «воинским искусством» является «глазомер», остается верным и ныне, особенно для тех высших начальников, которые не призваны проливать свою кровь, но на которых лежит тяжелый долг проливать кровь *подчиненных им войск*.

Итак, Суворов указывает, что первым проявлением «воинского искусства» является постановка правильного решения (глазомер). Но это только первая ступень к победе. Нужна еще *быстрота* выполнения принятого решения. «Фортуна, — пишет в одном из своих писем Суворов, — имеет голый затылок, а на лбу длинные висящие волосы. Лет ее молнии; не схвати ее за волосы, уже она не возвратится». Из этих слов явствует, что тот, кто умеет предвидеть события, имеет более шансов «схватить фортуна», но все-таки для того, чтобы схватить, нужно действовать быстро.

Дабы пояснить, почему «быстрота» действия имеет в военном искусстве особое значение, мы опять позволим себе сторонний пример. Двое дерутся на шпагах. Один из них правильно выбрал точку для удара своей шпаги — в сердце противника. Но он действует вяло, и его враг, столь же удачно выбравший точку своего нападения, предупредил его, и лезвие шпаги второго уже приближается к сердцу первого. Что делает первый? Почувствовав, что он опоздал, этот первый откажется от своего нападения и перейдет к отбитию удара более скорого врага. На войне так же, как и в поединке, борются две воли: к победе будет всегда ближе та из них, которая не только более разумна, но и более быстра.

В письме, написанном в поучение своему крестнику, Суворов отчетливо проводит эту мысль:

«Предупреждай случай своей скоростью... Повелевай счастьем: одна иногда минута венчает победу; покоряй ее себе скоростью Цезаря, который столь хорошо и в самый день умел неприятелей своих нечаянно уловлять, обращать и окружать их в тех местах, где он желал и в какое время».

В своей «Науке побеждать» Суворов и указывает, что вторым воинским искусством является быстрота. Объясняя в своей «Науке побеждать» необходимость быстроты маршей, Суворов говорит: «При сей быстроте и люди не устали, и неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст, а коли издалека, то в двух или трехстах и больше. Закружится у него голова; атакуй с чем Бог послал. Конница, начинай. Руби, коли, гони, отрезывай, не упускай. Ура. Чудеса творят братцы!»

В другом своем поучении Суворов ярко подчеркивает мысль о том, что «быстрота» приводит к «внезапности», последняя же имеет, согласно Суворову, *решающее моральное значение*. «...Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него как снег на голову; рази, тесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться — кто испуган, тот побежден наполовину; у страха глаза больше: один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную».

Минувшая большая война ярко показала, что забвение великого значения принципа внезапности со стороны наших союзников в кампании 1915–1917 гг. привело к бесплодному толканию в немецкие позиции, стоившему много лишней крови.

Требую «быстроты», Суворов умел, однако, как никто, беречь солдатские силы. В его «Науке побеждать» сейчас же за выказанным им указанием, что вторым воинским искусством является «быстрота», следует поучение, как нужно совершать марши с наименьшей усталостью для войск.

Но если Суворов проявляет в организации своих маршей самую внимательную бережливость солдатских сил, то вместе с этим он умел потребовать от своих войск такого высокого напряжения, которое не превзойдено в мировой военной истории. Однако он требовал такого напряжения только тогда, когда его гениальный «глазомер» подсказывал, что наступил решающий момент операции. Так, в начале июня 1799 года Суворов совершает свой поразительный по напряжению марш к реке Треббии. В предыдущем очерке мы уже указывали, как складывалась тогда стратегическая обстановка. Суворову нужно было во что бы то ни стало предупредить на Треббии Макдональда и разбить его. В двое с половиной суток Суворов проходит 100 верст, а в следующие полторы суток еще 80 верст:

«Войска Суворова не шли, а бежали. Июньское итальянское солнце стояло высоко; под палящим солнцем люди выбивались из сил, падали от изнеможения, и многие из упавших уже не вставали; страшный след обозначал движение армии, но жер-

твы были необходимы для выигрыша времени, которое было до крайности дорого... Суворов употребил все меры, чтобы поддерживать силы людей. Этот 70-летний старик появлялся то в хвосте, то в голове колонны, повторяя: «Вперед, вперед, голова хвоста не ждет». Иногда он подъезжал к какой-нибудь части, шутил с солдатами, забавлял их разными прибаутками. Появление его оживляло людей. Колонна подтягивалась. Для отвлечения внимания людей от усталости Суворов заставлял солдат учить 12 французских слов: балезарм, жетелезарм, пардон и т.п.»¹

Навстречу Суворову, также форсируя движение, шел Макдональд. Когда русский и французский авангарды встретились, начальник нашего авангарда князь Багратион подъехал к Суворову и вполголоса просил повременить с нападением, пока подтянется хотя бы часть отсталых, потому что в ротах не насчитывается и по 40 человек. Суворов отвечал ему на ухо: «А у Макдональда нет и по 20, атакуй с Богом! Ура!»

Быстрота маршей суворовских армий поражала всех его современников. Поражала она и его последователей. Но как первые, так и вторые, не отнеслись с должным вниманием к тому, что, во-первых, эта быстрота имела своей предпосылкой гениальный «глазомер» Суворова, т.е. требуемая им от войск форсировка всегда была стратегически уместной. С другой стороны, требуемая форсировка войск была уменьшаема Суворовым поразительной продуманностью самого порядка совершенных маршей, благодаря которой избегалась всякая «непроизводительная» трата солдатских сил. <...>

Увлекаясь примером Суворова, требовавшего крайнего напряжения своих войск, мы забывали, что Суворов по условиям ограниченности тех сил, которыми он командовал, совмещал в себе одновременно главнокомандующего, командира корпуса, а часто и начальника дивизии. В роли последнего он умел потребовать от войск невозможного и не считал врагов (например, его марш в Пражской операции до Бреста). Но в роли главнокомандующего его методы другие: здесь он считает врагов и свои стратегические задания не основывает на таком же напряжении, как в тактике. Полуторамесячная остановка у Бреста в той же Пражской операции является примером такой «расчетливости». В эпоху, предшествовавшую европейской войне, и во время ее наши высшие штабы свои стратегические расчеты почти всегда основывали на крайнем напряжении войск, не оставляя подчиненным инстанциям возможности потребовать

¹ «Рассказы старого воина», «Русская старина».

от войск добавочной энергии на преодоление непредвиденных случайностей. Операции срываются так же точно, как проливается чаша от последней переполнившей ее капли. Стратегия имеет своей задачей подвести свои войска к полю сражения, поставив их в наиболее выгодное положение; следовательно, стратегия должна подвести войска не измученными, а сохраняющими свой запас сил. Вот почему высшие стратегические расчеты при ведении современной большой войны должны основываться на нормальных переходах. Говоря более общими словами, стратегия современной большой войны требует от высших начальников «расчетливого» решения оперативных задач с тем, чтобы не растрчивать капитал энергии войск до сражения. Этот капитал сберегается, конечно, не для того, чтобы он лежал втуне. Он сберегается для того, чтобы средние и низшие начальники (начальники дивизий и их подчиненные) могли бы быть в нужную минуту расточительны, т.е. могли бы потребовать от войск крайнего напряжения.

Подтверждение только что изложенной мысли о необходимости для высших начальников «расчетливости» в их требованиях к своим войскам мы находим в тех словах, которыми Суворов заканчивает приведенное нами выше поучение о решающем значении внезапности боевых действий: «Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную».

«Будь прозорлив»... Вы видели пример такой прозорливости Суворова в его ответе Багратиону при завязке сражения на реке Треббии.

«Осторожен». Не есть ли это прямое предупреждение о том, чтобы высшие штабы не основывали свои расчеты на постоянной форсировке войск?

«Имей цель определенную». Ибо когда не знаешь, чего хочешь, или когда поставил себе неразумную задачу, форсировка войск пойдет только во вред.

Не погрешил ли главнокомандующий С.-З. фронтом генерал Жилинский против всех этих трех правил, требуя в начале кампании 1914 года от Самсоновской армии форсированных маршей?

Третьим воинским искусством, согласно суворовской «Науке побеждать», является «натиск»:

«Третье — натиск. Нога ногу подкрепляет; рука руку усиляет; в пальбе много людей гибнет. У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает. Вытяни линию — тотчас атакуй холодным оружием; недосуг вытягивать линию — подвиг из закрытого, из тесного места! Коли пехота — в штыки; конница тут

и есть: ущелья на версту нет. Картечь через голову, пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пехота за ней бежит; только везде строй. Конница должна действовать всюду, как пехота, исключая зыби; там кони на поводах. Казаки везде пролезут. В окончательной победе, конница, гони, руби. Конница займется, пехота не отстанет. В двух шеренгах — сила, в трех — полторы силы; передняя рвет, вторая валит, третья довершает».

Для того чтобы понять вышеприведенные требования Суворова, нужно вспомнить, что вследствие малой действительности огня в эпоху Суворова тактика носила ярко выраженный ударный характер. Дальность боя ружья достигла лишь 300 шагов, пушки при стрельбе ядрами — 750–1000 шагов, дистанции же действительного поражения были гораздо меньше. Сам Суворов в своих первых приказах, отданных для обучения австрийской армии в 1799 году, так определяет эту дальность: «Картечная черта тяжелой артиллерии 80 сажень (240 шагов), та же черта для полковых пушек — 60 сажень (180 шагов), верного ружейного выстрела — 60 шагов».

Отсюда мы видим, что, собственно говоря, атака начиналась всего с 240 шагов. Пройти это расстояние человек может шагом в две минуты, а бегом — в одну: вот в каких рамках времени протекал в суворовское время решающий акт всякого боя. К этому скоротечному акту Суворов и готовил свои войска. Способами подготовки должны были служить введенные им «сквозные атаки», которыми заканчивалось обязательно каждое учение. Для производства «суворовской» сквозной атаки обучающиеся войска разводились на две стороны на расстоянии, превышающие дальность картечного выстрела (80 сажень). После чего обе стороны по команде, шагом и бегом, шли навстречу друг другу. «Прохождение линий или колонн, — пишет Дюбокаж¹, — одной сквозь другую исполнялось не так, как это принято в других европейских армиях, т.е. в интервалы, образуемые вздвиганием частей, выстраиваемых вслед за тем, маневр обыкновенно употребляемый при смене линий, под огнем неприятеля, но вовсе не соответствующий суворовской атаке, о которой здесь речь.

Эта атака была *действительная атака*², какая происходила в настоящем деле. Она производилась обеими сторонами, атакующими друг друга с фронта, — все равно, стояли ли они в

¹ Французский эмигрант, служивший при Суворове довольно продолжительное время.

² Курсив в подлиннике.

развернутом строю или в колоннах — среди огня пехоты и артиллерии, при криках «ура», повторяемых всяким пехотинцем и кавалеристом. Офицеры кричали при этом: «Руби, в штыки!»

*Ни одна часть в момент свалки не смела ни принять в сторону, ни замедлить движение*¹. Пехота шла на пехоту бегом, ружье на руку, и только в момент встречи поднимали штыки. Вместе с тем каждый солдат, не останавливаясь, принимал слегка вправо, отчего происходили небольшие интервалы, в которые люди протискивались и одна сторона проходила насквозь другой. Впрочем, и от самого бега строй размыкался, что также несколько облегчало прохождение. <...>

Все эти движения не подчинялись никаким правилам и не отличались регулярностью; такой же характер придавал маневру сходство с боем еще более близкое. Нужно заметить, что исчезающий порядок так быстро был восстанавливаем, что издали зритель едва замечал легкое волнение линий во время свалки; ему даже трудно было представить себе, каким образом эти массы людей и лошадей могли пройти друг друга насквозь без столкновения; тем не менее несчастные случаи бывали редко.

Понятно, что для войск, выдержанных на суворовских маневрах, бой не представлял ничего нового. Действительно, кавалерия получала навык атаковать дерзко и неустрашимо, пехота — встречала атаку спокойно и хладнокровно. Подобные солдаты атаковали холодным оружием в деле, как на *маневрах*.

В первой части «Науки побеждать», а именно в «Учении перед разводом», сам Суворов дает следующие указания для производства сквозной атаки:

«...Барабан — фельдмарш. Заходить против части, на месте стоящей, из картечна выстрела вон. *Ступай!*² Поход во все барабаны. На 80 саженьях от противничья фронта бежать вперед от 10 до 15 шагов, через картечную черту полевой большой артиллерии; на 60 саженьях тоже через картечную черту полковой артиллерии и на 60 шагах верной черты пуль. *Ступай! Ступай! В штыки! Ура!*»

Таким образом, согласно Суворову, атака производится как безостановочное движение вперед, перебегая две зоны в 10–15 шагов в 80 саженьях и в 60 саженьях от неприятеля. Эти зоны покрывались картечью тяжелых и полковых пушек. Бросок через эти зоны приводил к результатам, которые Суворов так картинно обрисовывает в поучении солдатам:

¹ Курсив в подлиннике.

² Курсивом напечатаны команды.

«...Фитиль на картечь! Бросься на картечь, летит сверх головы! Пушки твои!..» В 60 шагах, то есть в черте верного ружейного огня, атакующие бросаются бегом вперед и проходят так до штыков.

«Атакуй первую неприятельскую линию. *В штыки! Ура!* Взводные командиры: *Коли! Коли!* Рядовые: «*Ура!*» Громогласно...» И, как результат: «...Люди твои! Вали на месте! Гони, коли!..»

Вдумавшись в только что приведенные указания Суворова, мы видим, что он создает в своей атаке «автоматизм». Противоречит ли это той сознательности бойца, на которой Суворов строит свою «Науку побеждать»? Нет.

Дело в том, что с 240 шагов атака должна была быть окончательно нацелена. Далее она должна была представлять собою как бы пулю, выпущенную из ружья. Для того же чтобы приобрести неустойчивость, она должна была приобрести стихийный характер. Последнее, в свою очередь, достигается тогда, когда масса людей превращается в то, что называется «психологической толпой». В «психологической толпе» силы индивидуума удесятерятся, и он легко становится героем. Но не нужно забывать, что он так же легко может стать и трусом, ибо «психологическая толпа» может быть только героичной или преступной. Среднего для нее нет. Она неустойчиво бежит вперед или так же неустойчиво бежит назад. Правда, Суворов выпускает свою «толпу» всего минуты за полторы до столкновения, и если противник движется вперед, то и того меньше. Промежуток времени минимальный. Для того чтобы обеспечить победу выпущенной им «стихии», Суворов работает над «подсознанием» своих солдат. Современная психология установила, что наша «подсознательная» жизнь имеет несравненно большее значение для наших поступков, нежели наше «сознание». В особенности тогда, когда сознание не затуманено. Последнее всегда имеет место в психологической толпе и при наличии опасности. И вот Суворов развивает в солдатах привычку, которая должна заменить им затуманенный в стихийной атаке рассудок. Эта привычка создавалась сквозными атаками, которые составляли неприменную часть каждого суворовского учения. Во время таких атак часть привыкала проходить шагом или бегом указанные ей дистанции и свыкалась с мыслью обязательной свалки с врагом.

«Везде фронт», несколько раз повторяет «Наука побеждать», т.е. не бойся вклиниться в строй врага.

«В атаке не задерживай», так как начавшаяся атака не может остановиться; и для того, чтобы у каждого солдата в этом

отношении не было никакого сомнения, Суворов требует исключения из воинского лексикона слова «ретирада». «Может начальник спросить отступных плутонгов? Лучше о них и не помышлять; влияние их солдату весьма опасно, ниже о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить».

При бессрочной службе получалась полная возможность привить эти привычки солдатам, а потому атака суворовских войск представляла собой действительно ничем не удерживаемую стихийную силу.

С целью укрепить в сознании и подсознании солдат твердую веру в победоносность такой атаки Суворов и написал в своей «Науке» ту фразу, которая впоследствии принесла нам много вреда. Мы говорим об его словах «пуля дура — штык молодец». Но, сказав эти слова, Суворов очень внимательно следил, чтобы пуля не поумнела.

Во время Итальянской кампании выяснилось, что огнестрельное оружие французской армии было улучшенное. Ружье поражало дальше, у пушек была чугунная, а не свинцовая картечь, что увеличивало не только дальность боя, но также увеличивало и глубину зоны поражения. Кроме того, французские войска стреляли скорее, нежели турецкие и польские. Вследствие этих двух причин неприятельское картечное поражение не образовывало собой только две резко очерченные зоны, шириной в 10–15 шагов в 80 и 60 саженьях от противника; но можно было ожидать картечного поражения на всем пространстве в 300 шагов (100 саженьей) впереди вражеского фронта. <...>

Как же поступил бы Суворов теперь, когда пуля из дуры сделалась очень умной? В самом деле, сравним дальности действительного огня во времена Суворова и в настоящую эпоху.

Дальность действительного огня пехотного: в эпоху Суворова — 100 шагов; в настоящее время — 3000 шагов.

Дальность действительного огня «артиллерийского»: в конце эпохи Суворова — 200–300 шагов; в настоящее время — 15 000 шагов. Решение Суворова преодолеть зону действительного огня одним броском, придав ему стихийный характер, является гениальным. Но в современных огневых условиях оно явилось бы абсурдным. Суворовское решение годится только для последней минуты атаки, требующей теперь многие и многие часы. В эти многие и многие часы бою предстоит вести решающий бой огнем, а для победы в этом бою боец должен верить в силу своего огнестрельного оружия, а не презирать его. Эта вера в силу своего огнестрельного оружия вовсе не должна умалять убеждение в безусловной необходимости для победы настойчивого продвижения вперед, дабы дойти до свал-

ки, только во время которой одержанная огневая победа может получить окончательное завершение (неприятель «взят в полон или сколон, или срублен»).

Косвенное подтверждение сказанного нами мы можем найти в «Науке побеждать». «Баталия в поле, — говорит Суворов, — линиею против регулярных, кареями против басурманов... Есть безбожные, ветреные, сумасбродные французишки, они воюют на немцев и иных колоннами; если бы нам случилось против них; то надобно их бить колоннами».

В этих словах Суворова мы находим совершенно определенное указание на «относительность» форм действия. Эти замечательные слова написаны Суворовым в эпоху, когда формы фридриховской тактики считались непреложными. Они замечательны еще тем, что указывают, что Суворов понимал и эволюцию военного искусства, мысль о которой военная наука начала усваивать лишь в конце XIX века и окончательно усвоила только после минувшей большой войны.

На основании этого мы и считаем себя вправе утверждать, что непризнание для современной эпохи формы суворовской тактики-натиска и его слов, что «пуля — дура», вовсе не противоречит существу учения Суворова.

Если форма суворовского «натиска» для наших времен устарела, то сама идея о том, что третьим воинским искусством является «натиск», осталась верной.

В самом деле, мало правильно поставить себе задачу (глазомер), недостаточно еще развить наибольшую быстроту в проведении этого решения в жизнь (быстрота), нужно еще проявить крайнее напряжение для того, чтобы добиться решения в нашу пользу. На теперешнем языке военной науки это принято называть принципом сосредоточения усилий в решающем месте, в решающее время.

Поэтому надпись, которую Суворов приказал выгравировать на сабле, подаренной им любимому генералу Милорадовичу, — «Глазомер, быстрота, натиск, победа» — остается по-прежнему самой точной и краткой формулировкой военного искусства.

Военное воспитание

Давно уже обращено внимание нашей военной науки на то, что Суворов был гениальным психологом. Большая заслуга в этом принадлежит генералу М.И. Драгомирову. В ряде своих работ он указал на приемы Суворова, посредством которых он воздействовал на психику солдата.

Вот объяснение одного из них, которое тем более интересно, что касается совершенно, казалось бы, ничтожного предмета.

Вопрос идет о солдатском ранце. Вес его был значительный, по самому умеренному определению он весил 20 фунтов. И вот Суворов этот ранец называет в своей «Науке побеждать», как мы видели в одном из прошлых очерков, словом «ветер».

«Не трудно понять, — пишет генерал М.И. Драгомиров, — чем лежит этот ветер на спине, протащившей его переход. Нужно, следовательно, расположить солдата не только не задумываться над этим и, напротив, шутить, бодриться, находить, что эта тяжесть ему нипочем, что она не тяжелее ветра. И когда Суворов находил, что этот ранец — ветер, протаскав его 7 лет, то как же мог не находить этого солдат, жадно прислушивавшийся ко всякой его остроте, заметке, веровавший в него, как в Бога? Всякому известно, что одна и та же тяжесть и лишение обременяют не одинаково: что это зависит от того настроения, с которым они принимаются. Стоит, например, уверить себя при небольшой беде, что это несчастье, из которого нет выхода, — и она действительно вырастет до таких размеров, и человек раскиснет, и у него отнимутся руки. Стоит, наоборот, принимать шутя действительно тяжелые положения, и они не задавят человека. Суворов остротами, вроде “ветра”, заставлял солдат шутя и весело смотреть на тяжелые стороны их службы, а кто шутит, кто весел, кто не злится, тот не падает духом».

Подобный прием Суворов употребляет часто. Многочисленные свидетельства этому можно найти в его поучениях и приказах. Напомним конец одного из его приказов, отданных им перед сражением на Треббии:

«...Чтобы котлы и прочие легкие обозы были не в дальнем расстоянии при сближении к неприятелю, дабы по разбитии его можно было каши варить. *А впрочем, победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водою...*»¹

Суворов предвидит, что вследствие той форсировки, с которой он ведет свои войска к сражению на Треббии, обозы запоздают. Указывая на необходимость уменьшения отяжки обозов от войск, он стремится сделать все, чтобы уменьшить это запоздание. Но вместе с тем он подбадривает свои войска и на тот случай, когда они останутся на хлебе и воде.

Шутки, с которыми Суворов постоянно обращался к солдатам, представляли собою не столько «чуждества», сколько один из любимых Суворовым способов влить веселие, а с ним и бодрость в рядового солдата.

¹ Курсив наш.

Какое громадное значение придавал Суворов «бодрости» видно из того, что, заканчивая свою «Науку побеждать» девятью заповедями (или, как он сам называл, «Правилами воинскими»), он седьмой из них ставит «бодрость»; «смелость» же и «храбрость» поставлены на восьмом и девятом месте, т.е. после «бодрости». Психологически это совершенно правильно, ибо бодрость есть длительное состояние, она есть та психическая основа, без которой смелость и храбрость могут проявляться лишь в виде быстротечных порывов.

В письме к своему крестнику Суворов пишет:

«Достоинства военные суть: храбрость для солдата, бодрость для офицера, мужество для генерала».

Бодрость для офицера... потому что офицер является ближайшим к солдату интеллигентным начальником; ему легче всего поддерживать бодрость духа среди солдатской массы, могущей прийти в уныние из-за недостаточного осознания необходимости требуемых от нее жертв. Придавая первостепенное значение сохранению бодрости духа в войсках, Суворов и требует от офицера, чтобы он сам прежде всего всегда сохранял в себе эту бодрость.

Несомненно, что бодрость духа, так же как смелость и храбрость, в большой мере зависят от уверенности в своих силах и в успехе. Привитием солдату уверенности в своих силах и должна была служить суворовская «Наука побеждать»... «И сказано ему было (солдату), — пишет в одном месте Суворов, — что более ему ничего знать не оставалось, только бы выученное не забыл. Так был он на себя и надежен — основание храбрости». Психологически интересно обратить внимание на самый слог суворовской «Науки побеждать». Все свои указания Суворов излагает тоном, не допускающим сомнений в победе.

Вместе с этим он постоянно повторяют и в «Науке побеждать», и в поучениях, и в приказах:

«Чудеса творят братцы»; «Богатыри, неприятель от вас дрожит»; «...Давай нам десять на одного. Всех побьем, повалим, в полон возьмем».

Чтобы понять всю силу внушения, которую получали эти слова по отношению к суворовскому воину, нужно прежде всего понять, какую магическую силу имел над душой своего офицера и солдата Суворов. Напомним здесь наблюдение, сделанное в сражении на р. Треббии г. Фуксом, и объяснение, данное соратником Суворова генералом Дерфельденом, что этот непонятный чудак есть какой-то талисман, который довольно разво-

зять по войскам и показывать, чтобы победа была обоснована. И вот, когда такой обожаемый войсками полководец, каждое слово которого читается, как Евангелие, и в неизменной победоносности которого нет сомнения, начинает свои приказы так, как начинался приведенный нами в одном из предыдущих очерков приказ по Азовскому мушкетерскому полку, отданный накануне штурма Праги: «Его сиятельство граф Александр Васильевич Суворов приказал: взять Пражский ретраншамент...», то можно себе представить, какую громадную моральную движущую силу получали эти слова... И войска брали крепости, и наголову разбивали врага в сражениях.

Этой почти неограниченной для него возможностью все-лять в свои войска уверенность в победе Суворов пользуется мастерски. В этом отношении изучение его боевых приказов представляет собой непочатую область для исследователя по коллективной психологии.

Вот один из образчиков. Это приказ, отданный им накануне сражения на Треббии, сражения, в котором, как известно, решительность в действиях получала исключительное значение:

«Неприятельскую армию взять в полон.

Влиять твердо в армию, что их 21 тысяча, из коих только 7 тыс. французов, а прочие всякий сброд реквизионеров.

Казачи колотить будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричат будут пардон или бить шамад.

Казачам самим в атаке кричать балезарм, пардон, жетелезарм и сим пользуясь, кавалерию жестоко рубить, а на батарее быстро пускаться, что особливо внушить.

Казачам, коим удобно испортить на р. Таро мост и тем зачать отчаяние; с пленными быть милосердну; при ударах делать большой крик и крепко бить в барабан; музыке играть, где случится, но особливо в погоне, когда кавалерия будет колотить и рубить, чтобы слышно было своим.

Их генералов, особливо казаки и прочие, примечают по кучкам около их; кричат пардон, а ежели не сдаются, убивать».

«Приучай себя к неутомимой бодрости», — поучает Суворов племянника в одном из своих писем. Но эта «неутомимость» зависит в значительной степени и от здоровья. Суворов всецело разделяет мысль, выраженную народною мудростью в пословице «Здоровая душа в здоровом теле». Что взгляд его таков, можно убедиться из того, что в своей краткой «Науке побеждать» он помещает ряд санитарных указаний. Характерно также и самое место в «Науке побеждать», где эти указания поставлены.

Они помещены сейчас же вслед за указаниями о «натиске». Здесь Суворов поступает совершенно аналогично с тем, как он это сделал по отношению к изложению своего второго «воинского искусства» — быстроты...

Указав об этой последней, он переходит к изложению правил совершения походных движений с соблюдением наибольшего сбережения солдатских сил. Говоря о третьем «воинском искусстве», о «натиске», т.е. минуте максимального проявления энергии в борьбе, он сейчас же переходит к изложению правил сбережения солдатского здоровья.

«Бойся богадельни, — говорится в «Науке побеждать», — немецкие лекарственницы издалека, тухлые, сплошь бессильные и вредные. Русский солдат к ним не привык. У вас есть в артелях корешки, травушки-муравушки. Солдат дорог. Береги здоровье. Желудок, коли засорился, голод — лучшее лекарство. Кто не бережет людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет. Жидок желудок, есть хочется? По закате солнышка немного пустой кашки с хлебом, а крепкому желудку буквица в теплой воде или корень коневого щавеля. Помните, господа, полевой лечебник штаб-лекаря Белопольского: в горячке не ешь хотя до двенадцати дней, а пей солдатский квас — то и лекарство. А в лихорадке не пей, не ешь, штраф — за что себя не берег».

«Богадельни первый день мягкая постель, второй — французская похлебка, третий день ее, братец, домовище¹ к себе и тащит. Один умирает, а десятеро хлебают его смертный дух. В лагерях — больные слабы; хворые — в шалашах, не в деревнях: воздух чище. Хоть без лазарету и вовсе без больных быть нельзя: тут не надобно жалеть денег на хорошие лекарства, коли есть где купить, и сверх своих и на прочие выгоды без прихотей. Да все это неважно; мы умеем себя беречь; где умирает от ста один человек, а у нас и от 500 в месяц меньше умрет. Здоровому — питье, воздух, еда; больному — воздух».

Отрицательное отношение Суворова к госпиталям имело большое основание. Напомним читателю картины военного госпиталя, нарисованные кистью графа Л. Толстого в «Войне и мире». Однако, мы думаем, что предостережение, делаемое Суворовым в «Словесном поучении солдатам», преследует более глубокую цель, нежели критику существовавшего порядка, изменить который зависело не от солдат. Цель была психологическая — предостеречь солдата от уклонения из строя под предлогом болезни.

¹ Т.е. гроб, могила.

При несовершенстве же медицины в эпоху Суворова бороться с этим злом было несравненно труднее, нежели теперь.

Но самое важное в медицинских указаниях Суворова не это. *Важна его основная мысль.* Она заключается в том, что Суворов считает, что сбережение здоровья должно основываться не столько на лечении (лекарствах), сколько на соблюдении правил гигиены и здорового режима. Чтобы убедиться в этом, нужно только заглянуть в приказы Суворова, отданные им во время службы его в Финляндии, где ему пришлось застать войска в катастрофическом санитарном состоянии.

При суровом климате Финляндии и обилии болот солдаты, уроченцы других мест России, хворали особенно много: зимой скорбутом, весной и осенью — лихорадками, летом поносами и горячками. Госпитали переполнялись, злокачественность их увеличилась и они сделались гнездами заразы. Суворов эвакуировал госпитали; людей, наиболее страдавших от болезней, велел уволить в отставку, а большинство больных передать в войсковые лазареты. В госпиталях у него остались только больные чахоткой, камнем, дурной болезнью, а также падучей.

Одновременно с этим он устраивал лазареты, околотки, слабосильные команды. Достойны внимания те подразделения больных, которые у него практиковались: больные, слабые, хворые, льготные (имеющие временную льготу от служебных обязанностей). Приказано было под угрозой строгого взыскания в дальние госпиталя «больных не посылать»: «дорогой они приходят в худшее состояние и вступают полумертвыми в смертоносный больничный воздух». Давать «слабым» льготу и помещать на пользование «в особой казарме или в крестьянских домах; соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, и прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, понос и горячку — голод, на цингу — табак. Кто чистит желудок рвотным, слабительным, проносным — тот день голод. Солдатское слабительное — ремень, корень коневого щавеля тоже. Непрестанное движение на воздухе. Предосторожности по климату — капуста, хрен, табак, летние травки. Минералы — ингредиенты (аптечные лекарства) не по солдатскому воспитанию, на то ботанические средства в артелях».

Приводящий эти «финляндские» приказы Суворова его биограф Петрушевский¹ заключает: «Из сказанного видно, что Суворов был, что называется, *гигиенист*²...»

¹ «Генералиссимус князь Суворов», том I, гл. XIII, стр. 417.

² Курсив Петрушевского.

Подтверждение этому заключению можно увидеть в том, что в числе 9-ти заповедей (воинских правил) суворовской «Науки побеждать» указаны «Чистота», «Здоровье», «Опрятность».

Это заключение, что Суворов в вопросах сохранения физического здоровья «гигиенист», очень важно для того, чтобы вообще правильно понять Суворова. При цельности всего мировоззрения Александра Васильевича эта точка зрения очень облегчает нам понимание его системы воспитания. *Суворов «гигиенист» и в вопросах духовного здравия войск.*

Если мы подойдем к пониманию Суворова с этой точки зрения, нам станет гораздо более понятным, почему Суворов наравне с чисто воинскими качествами требует от солдата быть: «справедливу, благочестиву, молись Богу, от Него победа...». Становится также понятным, отчего он постоянно повторяет, что «грех напрасно убивать», а также «помилуй Бог, мы — русские».

Вопрос идет не только о том, чтобы, если можно так выразиться, «морализовать» войну, подняв ее над уровнем простого убийства и разбоя. Вопрос идет о том, чтобы «морализовать» сами войска, делая из них воинов — рыцарей, защищающих правое дело. Истинная доблесть войск, согласно Суворову, может простекать только из чистого источника.

Исходя из этой точки зрения, Суворов и предъявляет необыкновенно высокие моральные требования для всякого военачальника. В этом легко убедиться, изучив его поучения. Вот две выдержки из таких поучений; они взяты: первая — из его письма к племяннику, вторая — из письма к крестнику.

В первом из писем Суворов указывает на тот моральный уровень, к которому должен стремиться каждый военачальник: «...Отважен, но без запальчивости... подчиненный без унижения, начальник без излишней на себя надежды, победитель без тщеславия, любочестив без надменности, благороден без гордости, во всем гибок без лукавства, тверд без упорства, скромнен без притворства, основателен без педантизма, приятен без легкомыслия, всегда одинаков и на все способен без ухищрения, пронизателен без пронырливости, откровенен без оплошности, услужлив без всяких для себя выгод; решителен, убегая известности; основательное рассуждение предпочитает он остроумию; враг зависти, ненависти и мщения; противников своих низлагает он своим снисхождением и владеет над друзьями по своей непоколебимой верности. Он утомляет тело свое, дабы укрепить его больше; стыдливость и целомудрие в нем царствуют; Христианский Закон служит ему нравоучением его; добродетели его суть добродетели Великих Мужей; исполнен

чистосердечия, гнушается он ложью, попирает он всякое лукавство; его обхождение и знакомство с людьми только добрыми; честь и честность его особенные качества».

Во втором письме Суворов дает следующие советы своему крестнику: «Будь чистосердечен с твоими друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своем поведении... Люби истинную славу: отличай любочестие от надменности и гордости. Учись заблаговременно прощать погрешности ближнему и никогда не прощать их самому себе. Упражняй тщательно своих подчиненных, и во всем собою подавай пример... Будь терпелив в военных трудах; в несчастье не унывай и не отчаивайся... Рассматривай и исчисляй со вниманием истинные, сомнительные и ложные предметы; остерегайся временной запальчивости»...

Вот как высоки те моральные требования, которые Суворов предъявлял к офицеру!

Высокий моральный уровень офицерского состава нужен Суворову как основное условие для создания «морально-гигиеничных» условий воспитания солдата в желательном для Суворова духе. При этом вопрос заключается не только в могущественном значении личного примера. Суворов смотрит шире. Офицер может и должен стремиться к усовершенствованию прежде всего путем самовоспитания. Вся жизнь самого Суворова должна была служить примером такой работы над самим собой. Но по отношению к солдату дело обстоит иначе. Насколько низок был их культурный уровень свидетельствует следующее письмо Суворова, написанное им в 1779 году Веймарну: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы; у русского едва ли знает то его деревенский поп; до сих пор мужиков в солдатских платьях учили у меня неким молитвам. Так догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними, и устремлялись к честности». При таком уровне, конечно, не могло быть и вопроса о каком-либо самовоспитании; солдата нужно было воспитывать, и непосредственным воспитателем его являлся офицер. А мог ли этот офицер быть хорошим воспитателем на тех началах, на которых возвращал «душу» своей армии Суворов, если он сам не достигал высокого морального уровня?

Воинское воспитание солдата, согласно верному определению генерала П. Ольховского, заключается в соответствующем режиме (внутренний порядок), внушении и обучении.

В основу своего воспитательного режима Суворов ставил дисциплину. Но суворовское понимание дисциплины существен-

но отличалось от такового же представления его современников. На этой почве Суворову пришлось претерпеть много неприятностей и упреков за то, что он распускает солдат. В каком-то собрании или, как говорит Суворов, «в компании», высокостоящие люди осмеивали и осуждали взгляд его на дисциплину и субординацию. Упомянув про это в одном из своих писем, Суворов едко замечает, что эти господа «понимают дисциплину в кичливости, а субординацию в трепете подчиненных».

Суворов не был поклонником палки, но в военной службе считал необходимой строгость и баловство — вредным в высшей степени. В приказе от 28 февраля 1772 года он говорит: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей к злу не приводит, как слабая команда. Почему командующему за прегрешения неослабно наказывать, ибо когда послабит, то тем временем в непослушании придут и в своем звании оплошнее учинятся».

Суворов любил солдат, пишет Петрушевский, «и сердцем, и головой; во взысканиях с провинившихся был строг, но в оценке вины отличался снисходительностью; был отъявленным врагом педантизма и мелочной требовательности и не любил, чтобы и другие придирались к солдатам и офицерам из-за пустяков, на что обыкновенно много охотников. Образчиком его взгляда на этот предмет может служить приказ, отданный по войскам в Италии, где он просит офицеров не снимать шляп при его появлении, а взамен того побольше заботиться о порядке в войсках».

Было бы ошибкой думать, что Суворов был противником того, что принято называть теперь словом «муштра».

«Суворов требовал абсолютной тишины в строю, — отмечает Петрушевский. — Это не было фронтовым увлечением, желанием добиться эффекта тишины: таких вкусов у Суворова не замечается. Вернее всего, что его требование вытекало из соображений высшего свойства: солдат во фронте, как на священнодействии: он слышит команду, знает, что ему делать, и должен исполнить. Перед ним совершается кровавая жертва любви к отчеству; он сам для него предназначен и должен весь принадлежать своему долгу; нет ни недоразумений, ни колебаний, ни сомнений; нет и мысли, которою бы можно было поделиться с товарищем; мысль у всех одна — победить или умереть. Конечно, фронт на учебном поле и фронт под пулями и ядрами — не одно и то же; но у Суворова мирное упражнение было насколько то возможно близкой копией данного дела.

Если он требовал полного безмолвия фронта в военное время, то требовал и в мирное. А в военное время он этого требовал и в действии, и в движении, “когда палаш не в ножнах и ружье не по ремню”. Приказом 1771 года он предписывает наблюдать, чтобы “никто из нижних чинов не дерзал что среди действий, хотя и тихим голосом сказать”; таких приказывает арестовывать или заметить “для получения ему за то достойного; если капрал или ефрейтор не исполняет, то им то же самое, а офицеру арест”.

Строгое требование Суворова тишины в строю имеет еще и другой великий смысл. Согласно Суворову, первым воинским правилом (заповедью) является *субординация* (послушание). А лучшим воспитательным приемом для приучения к *субординации* являлся во все времена сомкнутый строй. В нем солдат привыкает психически сливаться со своими соратниками в единый живой организм, всецело подчиняющийся единой воле командующего начальника. Посему и самые командные слова Суворов настойчиво приказывает произносить весьма громко».

Но само это «подчинение» солдат воле своего начальника не должно истекать из трепета перед начальником. Поэтому Суворов требует бодрый внешний вид солдата в строю, совершенно правильно учитывая, что привычка к молодцеватости в строю неминуемо вызывает и бодрое настроение, являющееся прямой противоположностью забитости.

«Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты! — солдат стоит стрелкой!»

Такими словами начинается «Словесное поучение солдатам о знании для них необходимом» в «Науке побеждать».

Сомкнутый строй — это есть выражение порядка вообще. В эпоху же Суворова, кроме того, сомкнутый строй являлся основой боевого порядка. Войсковая часть, брошенная в атаку, в силу самых психических условий этой последней минуты боя, превращается в «психологическую толпу» и, следовательно, расстраивается. В своей «Науке побеждать» и в своих боевых приказах Суворов постоянно напоминает войскам о необходимости сейчас же после натиска восстанавливать строй. В приведенной в предыдущем очерке инструкции, отданной для обучения австрийской армии в Италии, он говорит даже такую фразу: «Быстрота равнения есть душа армии»...

Вот почему суворовские требования к равнению, к соблюдению размеров шага, интервалов определены и строги. «Четвертого вижу, пятого не вижу, — говорится в начале «Науки побеждать», — военный шаг — аршин, в захождении — полтора

аршина. Береги интервалы. Солдат во фронте на шаг строится по локтю. Шеренга от шеренги — три шага; в марше — два; барабаны, не мешай!»

Если мы задумаемся во все вышеизложенное, то мы увидим, что требуемая Суворовым «муштра» была совсем другой, чем прусская муштра, поклонником которой был Павел I. Прусская муштра стремилась выбить из солдата всякую волю для того, чтобы обратить его в бездушную частицу общего механизма. Посему в обучении мирного времени она заходила далеко за пределы, требуемые боем, стремясь создавать чисто внешнее плацпарадное единообразие.

У Суворова, как мы видели, все истекает исключительно из требований, предъявляемых успешным ведением войны; и дальше этих требований он не идет, дабы не «сломать» индивидуальные воли своих подчиненных.

Велико различие и в основном методе суворовского воспитания солдата. Суворовская «Наука побеждать» всегда обращается к сознанию солдата и только через это сознание стремится впасть в его подсознание, для того чтобы в те минуты опасности, когда рассудок мутится, найти опору для желательных действий в рефлексе. В этом отношении суворовская система воспитания вполне отвечает современному пониманию военного воспитания, которое, по меткому определению ген. Бонналя, представляет собой «L'art de faire passer le conscient dans inconscient» («Искусство превращения сознания в подсознание»).

* * *

Являясь гениальным психологом, Суворов, учитывая великое значение «обрядов» для духовного мира русского простолюдина, создает своего рода ритуал, при посредстве которого внушаемые разуму солдата суворовские «воинские правила» прочно врастают в его подсознание. Наиболее характерным примером этого метода может служить следующее.

По окончании каждого развода, согласно «Науке побеждать», требовалось, чтобы старший начальник командовал:

«К паролю. С обоих крыл часовые вперед. Ступай. На караул.

По отдаче генералитету или иным пароля, лозунга и сигнала следует похвала или в чем хула разводу, потом громогласно:

«Субординация (послушание), экзерциция (обучение), дисциплина (ордер воинский), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа. Слава, слава, слава».

Это перечисление девяти воинских добродетелей, ведущих, согласно Суворову, к победе, должно было также читаться каждый день войскам, выстраивавшимся для вечерней молитвы.

«Темный коридор старой бревенчатой казармы. Поздний вечер. Барабан только что пробил вечернюю зарю. Масляные чадающие лампы едва разгоняют сумрак. В их свете тяжелыми и грубыми кажутся шеренги вытянувшихся на перекличку солдат. Тускло мерцают медные Екатерининские каски. Там наметится плечо кафтана, там — край тяжелого сапога. Люди устали за день экзерциций, муштровки и караула, люди промерзли на русском морозе. Веско, медленно и тяжело, точно удары молота по наковальне, бьют слова, упавая на душу, чеканящими ударами. Их вычитывает офицер по суворовскому наказу. Капрал держит ночник над листком с приказом...

— Субординация... экзерциция... дисциплина... Чистота... здоровье... опрятность... Бодрость... смелость... храбрость... Победа... Слава, слава, слава...»¹

Так вращались в солдатскую душу суворовские заповеди.

Как жаль, что этот замечательный по-своему обряд после смерти Суворова был забыт.

Правильно понять Суворова можно только при условии суворовского же правила «смотрения на дело в целом». Поэтому от суворовского учения нельзя отделить суворовское житие. А тогда на первое место ярко выдвинется вывод: победа основывается прежде всего на громадной, длительной работе над собой. «Наука побеждать» есть прежде всего наука победы над собой.

Головин Н.Н. Суворов и его «Наука побеждать». — Париж, 1931.

¹ Ген. Краснов. «Душа армии», стр. 114, 115.

А. Драгомиров

«НАУКА ПОБЕЖДАТЬ» СУВОРОВА*

Английский историк Карлейль, один из величайших исследователей бездонных глубин человеческого духа и его влияния на ход истории, в своем труде «Герои, культ героев и героическое в истории» говорит: «С какой бы стороны ни подходить к великим людям, общение с ними всегда приносит большую пользу. Даже поверхностно занимаясь ими, мы всегда что-нибудь от них заимствуем. Великий человек есть живой источник света, быть вблизи которого — особое наслаждение... Он естественное светило, получающее свой свет как дар свыше. Это широко разливающийся поток света, источник природной и оригинальной интуиции, мужества и героического благородства, в сиянии коих душа чувствует себя особенно хорошо».

Эти глубокие и прочувствованные строки невольно приходят на память, когда прикасаешься, хотя бы так поверхностно, как, к сожалению, приходится делать нам в эмиграции, к деяниям нашего великого национального героя, гениального чудака, генералиссимуса Суворова, к которому после долгого забвения мы вновь возвращаемся в связи с предстоящим чествованием 200-летия со дня его рождения 13 ноября 1730 года.

* Настоящий очерк является сокращенным более чем наполовину изложением шести докладов, прочитанных автором в Обществе Офицеров Генерального штаба в Белграде в течение декабря 1929 г., января и февраля 1930 г., в ознаменование наступающего 200-летия со дня рождения Суворова. — *Сост.*

Едва ли есть какая-либо отрасль деятельности в сфере подготовки войск к войне — их вождения в бою при самой разнообразной обстановке, решения многообразных и сложных вопросов политического, национального или религиозного характера в местностях, занятых по праву войны, наконец, вопросов хозяйственных и административных, — в которой не был бы проявлен гений Суворова и в которой он не дал бы нам образцы, не утратившие своего значения и поныне.

Многие из вопросов, имеющих отношение к деятельности Суворова, еще ожидают своего исследователя. Как в этом ни тяжело сознаваться, но мы, русские, настоящего культа Суворова и всего суворовского еще не переживали. Мы вообще не доросли еще до здорового культа всего национального, всего русского, лежащего в бездонных глубинах души русского народа.

Понадобилась страшная катастрофа — обращение родной нам «Святой Руси» в поле для атеистического и интернационального опыта, — чтобы в нас проснулась тоска по нашему чисто русскому, христианскому укладу и чтобы ярко стало перед нами как ближайшая и неотложнейшая задача извлечение из-под спуда тех коренных элементов, которые составляют историческую и традиционную основу русского народного духа и которые должны быть воскрешены и положены в основу будущего строительства возрожденной России, если мы желаем, чтобы будущая Россия была бы продолжательницей той исторической миссии, которую в течение тысячи лет исполняла прежняя Россия.

Вместе с возрождением настоящей, русской, России неминуемо должен расцвести полным цветом и культ Суворова, этого самого русского из всех русских государственных деятелей последних веков нашей истории.

Наш долг военных, всех рангов и состояний, положить начало этому культу и воскресить в памяти народной все изумительные подвиги этого богатыря духа, способствовавшего поднятию на небывалую высоту славы русского оружия и мирового престижа Российской Империи.

Моя задача — познакомить с теми взглядами, которые Суворов положил в основание своей системы подготовки войск к войне и с теми практическими приемами, при помощи которых он один умел создавать то могущественное орудие войны, каким была его не знавшая поражений армия «чудо-богатырей», изумлявшая своими подвигами весь свет.

Задача эта, в сущности, необъятна. Только изучение всех без исключения походов Суворова, происходивших в самой разнообразной обстановке, может дать полное представление о

суворовской школе. Здесь мы можем дать только извлечение из многообразной военной деятельности Суворова тех элементов, которые имели непосредственное отношение к его учебно-воспитательной деятельности. Даже и в таких тесных рамках мы найдем много материала для самых серьезных и поучительных размышлений, особенно полезных в наше время, когда мы, несомненно, переживаем эпоху упадка военного дела, из которого нет иного выхода, как вернуться к животворящему источнику — вековым идеалам, которыми руководились великие полководцы всех времен.

* * *

Во все времена стратегия и тактика опирались прежде всего на нравственные качества войск. В основе же нравственной упругости армии всегда лежали нравственные качества начальников всех рангов и нравственные качества солдат, составляющих войсковые части. Могущественная стратегия возможна только тогда, когда она опирается на могущественную тактику. Последняя же, прежде всего, зависит от нравственных качеств бойцов. На отчаянные и рискованные предприятия можно решаться только тогда, когда мы имеем в своих руках войска уверенные в себе, не боящиеся никаких неожиданностей, проникнутые убеждением, что для них нет противника, которого они не могли бы разбить, и нет такого тяжелого положения, из которого бы они не нашли достойного выхода; наконец, войска, в которых чувство чести развито до такой степени, что в ту минуту, когда для них иного выхода нет, они твердо проникнуты одним решением: погибнуть с честью.

Создать такую армию — дело нелегкое. Для этого, помимо обширных специальных знаний, нужен совершенно исключительный дар читать в душе каждого солдата как в раскрытой книге; умение глубоко проникать во все проявления души человеческой, находить им объяснения, уметь останавливать проявления, принижающие человеческую личность и ослабляющие силу духа, и, наоборот, вызывать на проявление величайшего самоотвержения, полного самозабвения, полной отдачи себя в руки вождя, которому вверена судьба военной операции. Для этого нужно родиться с задатками «чтеца в сердцах людей» и путем упорной работы над собою в течение всей жизни развить их до степени гениальности.

Эта трудная задача была разрешена Суворовым с такой полнотой, какой в нашей армии никто не достигал. Одна эта сторона его деятельности выдвигает его в ранг величайших военных вождей всех времен.

Попытаемся проследить, какими путями шел Суворов к решению своей задачи, которая всегда была самой трудной частью военного дела, а ныне стала еще труднее, чем когда-либо.

Перед нами, военными, ставится задача — в атмосфере мирной обстановки, с ее серенькими, как тина засасывающими буднями, с ее мелкими интересами, с неумеренными заботами о здоровье, покое, сытости, удовольствиях — воспитать воина, горящего священным огнем героизма, забывающего для славы, чести и упоения победой самого себя, своих близких, все что у него есть самого дорогого в жизни, и готового на перенесение самых тяжелых трудов, лишений, страданий и опасностей, сопровождающих каждый его шаг в боевой обстановке.

Здесь дело идет не о мелких исправлениях или улучшениях путем воспитания духовной природы мирного обывателя, но возникает необходимость вызвать целый духовный переворот; вызвать к жизни те героические элементы духа, которые имеются в душе каждого, самого мирного человека, даже самого убежденного апостола пацифизма, но которые за отсутствием должного упражнения почти атрофировались и спрятались где-то в таинственных глубинах подсознательного мира.

Такую задачу Суворов и поставил себе целью всей жизни и над нею трудился 60 лет, начав с детского возраста, не оставляя ее до гробовой доски, постоянно дополняя и совершенствуя, пока его учебно-воспитательная система не дошла до наивысшего своего выражения в бессмертном Швейцарском походе.

Подготовка вождя

При оценке нравственной мощи человека нет более верного мерил, как способность его поставить себе определенную, возвышенную цель жизни и, невзирая ни на какие препятствия, всю свою жизнь, изо дня в день, настойчиво идти к ее осуществлению.

Такую цель своей жизни Суворов поставил себе с весьма ранних лет. Сначала она ставится неясно и выражается в совершенно необычном, страстном интересе, который в нем, еще 7–8-летнем мальчике, вызывает все героическое. Он зачитывается деяниями героев древности, переходит на чтение походов Александра, Аннибала, Юлия Цезаря и к 11 годам поражает своими военными знаниями ген. Ганнибала. В его детской натуре происходит перелом. Веселый, общительный, живой мальчик начинает искать уединения, уходит целиком в свои книги, часами просиживает за ними, потом вдруг срывается с места, седлает коня и носится во всякую погоду без определенной цели, гонимый своими грезами, и усталый, насквозь продрогший, возвращается домой, чтобы опять сесть за книгу.

С очень ранних лет его пленяет образ Юлия Цезаря, в котором его детский инстинкт подсказывает ему необычайное сродство их душ. Позднее, в юные годы, он уже определено избирает его своим идеалом и ставит себе целью жизни догнать его, а если можно, то даже превзойти. Иначе говоря, он, неустановившийся еще юноша, уже чувствует в себе силы, чтобы поставить себе задачу, связанную с весьма большим честолюбием и славолубием, и задается целью воскресить деяния великого государственного деятеля и полководца древности в условиях жизни XVIII века, т.е. предпринять совершенно самостоятельную работу по перенесению идеалов Цезаря на современную ему русскую почву, столь непохожую на античную, римскую.

Столь высокая и труднодостижимая задача требовала от Суворова, прежде всего, громадной и настойчивой работы над самим собой, которая в суворовской педагогической системе является краеугольным камнем и которую мы назовем подготовкою вождя. В письме к австрийскому генералу Карачаю Суворов совершенно определенно выдвигает именно эту задачу: «Обучайте хорошо ваших солдат, но подавайте им в этом пример на самом себе... Только непрестанное изощрение глазомера сделает вас великим генералом... сохраняйте в памяти имена великих людей и следуйте им в движениях и действиях, но с благоразумием».

Суворов не случайно остановил свой взор на Цезаре. Если вы ознакомитесь с тою чрезвычайно высокою оценкою, которую дает ему Моммсен, непревзойденный знаток римской истории, то будете поражены необычайным сходством духовных проявлений у обоих великих людей, разделенных почти 1800-летним промежутком. Мы можем здесь привести лишь самый краткий перечень характерных черт Цезаря: необычайное богатство дарования; высокое напряжение духа и сердца и такая же бодрость физическая; высокий дар интуиции; реалист, положительного склада ума, чуждого утопий и фантазий; способность чрезвычайного сосредоточения энергии на потребностях настоящей минуты, отбрасывая все, что могло бы ее ослабить; необычайная всесторонность ума; никогда не изменяющая ясность мысли; самостоятельность, не допускавшая над собою ничьего господства; умение находить для каждой задачи наиболее соответствующий способ решения, активность всегда и во всем; невероятное упорство тогда, когда, казалось бы, все потеряно. Наконец, Моммсен особенно подчеркивает как качество, весьма редко встречаемое, что Цезарь избежал ошибки многих людей, одинаково с ним рожденных, — «переносить на политику военный, командный тон» — и обладал способностью «по характеру успеха определять его естественные границы».

Задавшись целью «поравняться», а то и «обогнать» Цезаря, Суворов взял на себя задачу чрезвычайно трудную и исполненную величия совершенно исключительного. И эту задачу он полностью осуществил, идя при этом своим собственным, чисто русским путем, им вполне самостоятельно пробитым... Великий, гениальный русский человек не мог быть ничем иным, как только русским, и притом русским своей эпохи... Это особенно ценила в нем простая народная масса.

Насколько глубоко понимал сам Суворов духовный облик своего учителя, лучше всего показывает та характеристика, которую он дал Цезарю в одной из бесед с офицерами:

«Герой, о котором я говорю, смел без запальчивости, деятелен без легкомыслия, покорен без унижения, начальник без высокомерия, любочестив без гордости, тверд без упрямства, осторожен без притворства, основателен без высокоумия, приятен без суетности, единоправен без примеси¹, расторопен без коварства, искренен без простосердечия, приветлив без околичностей, услужлив без корыстолюбия, решителен, убегая известности»².

Если серьезно продумать эту характеристику, сопоставив ее с характеристикой Моммсена, написанной на 100 лет позже во всеоружии новейших исследований по истории Рима, которые не могли быть известны Суворову, то невольно становишься в тупик перед ее поразительной психологической глубиной, точностью и исторической верностью. Такую характеристику мог дать только человек, философски и психологически серьезно образованный, обладающий помимо величайшего дара природной интуиции еще и способностью к весьма глубокому и тонкому анализу весьма сложных психологических явлений.

Затем в этой характеристике обращает на себя особое внимание то, что в ней Суворов перечислил только данные волевого характера и ничего не упомянул о качествах умовых, как бы отодвигая их на второй план. Однако такой вывод был бы ошибочен. Вся его личная жизнь свидетельствует, что и умственной подготовке Суворов придавал большое значение.

Поставив себе целью выработать из себя полководца, Суворов всю свою жизнь производил над собою работу, обнимавшую все стороны подготовки вождя к своему назначению: умовую, волевою и физическую, и всем им придавал весьма важное значение.

Эта упорная работа над самим собою заслуживает тем большего нашего внимания, что проделана она была Суворовым

¹ Т.е. единовластен, без посторонних влияний.

² Т.е. не напоказ, а для дела.

совершенно самостоятельно, наперекор всем отрицательным влияниям, которые он встретил в своей семье, в среде дворян-помещиков, к которым он принадлежал по своему рождению и общественным связям, в Семеновском полку, в котором он проходил свою службу солдатом, наконец, и в армии, с которой самым тесным образом была связана вся его служба.

Нигде он не встретил готовых положительных образцов, следуя которым он мог бы идти к своей заветной цели; зато на каждом шагу были у него отрицательные примеры, из которых он сумел силою своего ума извлечь положительные уроки, а силою своей воли претворить их в стройную систему, невзирая ни на какие препятствия, стоявшие на пути.

Семья ему дала весьма элементарное общее образование, не выходившее из пределов тех «указных наук», коим должны были обучаться дети дворян, записанные на службу в гвардейские полки и оставляемые до совершеннолетия на попечении родителей. Но зато дала ему порядочное знание языков: французского, немецкого и отчасти итальянского, которые дали возможность молодому Суворову расширить круг его чтения в области, составлявшей предмет его страстного увлечения. Позднее, по совету ген. Ганнибала, отец его перестал противиться его военным склонностям и стал лично преподавать своему сыну артиллерийское и инженерное дело, которые он знал лучше других наук. Наконец, несомненно, что начала его глубокой религиозности, которая играла в его жизни такую большую роль, он получил в своей семье.

Таким образом, с весьма ранних лет к весьма поверхностному общему образованию, не превышавшему наших программ 3—4 класса, и то с весьма серьезными пробелами (как, например, полное отсутствие алгебры, физики, химии, естественных наук, истории русской и всеобщей, истории литературы и др.), стали присоединяться уже и знания специально военные. Ненормальность эта усугублялась еще тем, что с 8-летнего возраста Суворов буквально пожирал классическую литературу, описывавшую жизнь его любимых героев и, в особенности, комментарии Цезаря к Галльской войне, и к 11 годам обладает уже такими знаниями в этой области, что приводит в изумление ген. Ганнибала. Благодаря этой, уже вполне самостоятельной работе, выходившей совершенно за пределы всех официальных программ того времени, образование молодого Суворова окрашивается классическим оттенком.

Дворянская среда того времени находилась в полном смысле слова на распутье. Старые, многими веками внедрявшиеся в жизнь идеалы, верования, обычаи и просто привычки крепко еще

сидели в глубинах подсознательного мира дворянского класса и с трудом уступали место «просвещению XVIII века». Само просвещение это, в основе своей сухое, рассудочное, малоприменимое к жизни, являлось в прямом смысле слова привезенным к нам из-за границы, в сыром, переработанном виде и было совершенно чуждо не только нашим исконным, народным идеалам, но и всему нашему национальному складу мышления, глубоко религиозному, мистическому. Все хорошее, положительное во вновь ввезенных к нам идеях требовало еще упорной работы нескольких поколений, чтобы приспособить его к нашему многовековому историческому укладу, чтобы переработать его на основе нашего русского склада мышления, чтобы дать ему акклиматизироваться на нашей необъятной территории, которая ни по своим географическим особенностям, ни по климату, ни по составу населения, ни по минувшей истории ничем не походила на тесные, ограниченные отрезки тех чужестранных земель, на которых эти идеи XVIII века выросли.

Но зато все дурное, все разрушительное находило себе весьма благодатную почву и приносило немедленно самые пагубные плоды, расшатывая и колебля старинный вековой уклад, не давая в то же время взамен никакого нового стойкого уклада. Работа разрушительная началась задолго до того, как в душе народной могли образоваться элементы, годные для создания прочного уклада новой жизни. Этот духовный разлад был тем опаснее и тем вреднее, что в эту именно эпоху Россия, больше чем когда-либо за всю свою прежнюю историю, начала входить равноправным и весьма могущественным членом в семью европейских государств, и перед нею стояли грандиозные задачи как международного характера, так и внутренние.

Таким образом, общественная среда, в которой началась деятельность Суворова представляла собою чрезвычайно сложное сплетение старых понятий с новыми и сама по себе не могла дать молодому, неустановившемуся характеру сколько-нибудь твердых указаний для предстоящего ему жизненного пути. Этот путь он должен был себе избрать сам, совершенно самостоятельно, руководствуясь своим идеалом.

Не лучшим было и то влияние, которое оказало на молодого Суворова его пребывание в течение шести с половиной лет на действительной службе в лейб-гвардии Семеновском полку на унтер-офицерских должностях. После обстоятельного исследования г. А. Геруа «Суворов-солдат», основанного на официальных документах, найденных в архиве этого полка, с красивой легендой о суровой солдатской школе, будто бы пройденной Суворовым, ныне надлежит расстаться.

Дворяне-солдаты никакой солдатской службы, в нашем понимании этого выражения, не несли. Они жили на частных квартирах, имели своих крепостных слуг, богатые выезды. Службу несли с большими послаблениями: от караулов и хозяйственных работ освобождались, походом с полком не ходили. С производством в первый унтер-офицерский чин они, по роду исполняемых поручений и по значению в обществе, и даже при дворе, приравнивались к офицерам. Строевую службу несли весьма редко; гораздо больше времени уходило на разные наряды, командировки вне полка, которые могли расширить вообще служебный кругозор, но чисто строевой практики не давали. Еще менее давали они практики в подготовке к войне, так как по роду службы четырех гвардейских полков того времени и по их влиянию на решение серьезнейших государственных вопросов они являлись не столько орудием войны, сколько весьма крупным фактором внутренней политики.

Не дал Семеновский полк Суворову и близкого знакомства с простым солдатом-недворянином, и еще меньше — возможности на своем личном опыте испытать тяготы солдатской службы того времени. Между солдатами-дворянами, число которых доходило до 50% состава полка, и солдатами из крестьян, поступавших по рекрутскому набору, не было ничего общего ни по роду службы, ни по отношению к ним начальства и общества, ни по применению к ним наказаний. Это были две совершенно обособленные среды, разделенные непроходимой пропастью вековых особенностей, созданных крепостным укладом между барин-помещиком, с одной стороны, и крепостным крестьянином или дворовым — с другой. В то время эту пропасть не могли перейти даже самые выдающиеся люди своей эпохи. Суворов по рождению своему был прежде всего человеком своего времени и в вопросах взаимоотношений между помещиком и крепостным придерживался господствующих взглядов его времени и принадлежал лишь к категории «лучших» помещиков, которые старались входить в нужды своих крепостных, облегчали их тяжелую долю, но ни в какой мере не пытались внести какие-либо радикальные новшества.

Проходя службу в полку, он мог приглядываться к солдатской массе, мог как гениальный психолог-провидец понимать все самые глубокие и затаенные побуждения души русского простолюдина, мог своим интуитивным чутьем угадывать, на какие пружины необходимо нажимать при воздействии на солдатские массы, чтобы получить должный эффект, но готовых для этого образцов он в службе Семеновского полка най-

ти не мог. И в этом отношении то, что он из полка вынес, было им не заимствовано, а в полной мере создано вполне самостоятельно, путем большой и оригинальной работы, так сказать, «от противного», путем извлечения положительных выводов из образцов вполне отрицательных.

Из полковой жизни он вынес отвращение к распушенности и небрежному несению службы, и сам становится образцовым служакою и сторонником сурового воспитания солдата. Из отрицательного во всех отношениях коллегального управления полком «полковыми штабами» он становится убежденным сторонником единовластия и «полной мощи полководцу», какой, однако, на его несчастье, он никогда за всю свою военную карьеру иметь не будет. Барство, изнеженность, роскошь окружающей его среды вызывают в нем стремление к спартанскому образу жизни, невзыскательности, неприхотливости, крайней простоте всей жизненной обстановки.

Наконец, что является особенно важным, если не главным фактором деятельности Суворова, о чем он часто упоминает в своих речах и письмах, он в отрицательных сторонах барства и белоручничества своих сослуживцев-дворян сумел найти побуждение к тому, чтобы поставить основным принципом обучения и воспитания войск свой знаменитый суворовский показ на себе лично, на своем примере, что должны уметь делать войска в бою.

Чтобы извлечь подобные поучения из службы гвардейского полка елизаветинских времен, необходима была совершенно недюжинная способность глубоко проникать в сущность наблюдаемых отрицательных явлений, уметь находить их перво-причину, устанавливать, и притом совершенно самостоятельно, способы устранения замеченных недочетов, уметь комбинировать эти способы в стройную, логически построенную практическую систему — словом, исполнить весьма большую работу и аналитическую, и синтетическую, которая по плечу только людям, отмеченным перстом Божиим.

Наконец, для этого необходима и громадная сила воли, прежде всего для работы над самим собою, а затем и для постоянной, повседневной борьбы со всеми окружающими, неспособными отрешиться от веками внедрявшихся привычек и являющимися злейшими врагами всего нового и оригинального.

Если гениальный человек извлекает поучения даже из самых отрицательных сторон жизни, то простые смертные, а в особенности народные массы, живут только положительными образцами... Вот почему так важно воспитывать молодое поколение не на примерах людской низости и людских недостатков —

на что всегда особенно были падки представители радикальных течений русской мысли, — а на том, что способно возвышать их душу, возбуждать в них гордость своим прошлым и вызывать их на страстное желание следовать примеру наших величайших вождей, как духовных, так и светских и военных.

Суворову этого положительного воспитания среда не дала, но зато она еще с ранних лет толкнула его на сопоставление грез его юношеских лет и стоявшего перед ним идеала античного мира с окружавшей его действительностью, и это сопоставление привело его к всесторонней и весьма глубокой критике всего современного ему уклада войсковой жизни, да, вероятно, и всего тогдашнего уклада социальной жизни вообще, но критике здоровой, если можно так выразиться, «критике творческой».

Начав эту критику с явлений окружавшего его мира, Суворов, как натура в высшей степени цельная, не мог не довершить воздвигаемого им здания и не перенести эту критику и на самого себя. Он не мог не дойти путем самоанализа до глубокого сознания, до какой степени он, достигший уже 24-летнего возраста, мало еще подготовлен, чтобы стать подобным своему герою древности, а тем более, чтобы его превзойти. И тогда началась та работа самообразования и самовоспитания, которая без перерыва продолжалась в течение всей жизни Суворова и закончилась только на смертном одре.

В течение всей жизни, пользуясь каждой свободной минутой, он стремится пополнить свое скудное общее образование и тратит свои последние гроши на покупку книг. Он усиленно изучает историю общую и русскую, географию, естественные науки, главным образом физику, затем увлекается богословием, психологией и переходит на изучение философии по Лейбницу и Вольфу. То, что он предпочел модным философам XVIII века старика Лейбница (1646—1716), лучше всего характеризует склад мышления самого Суворова. Лейбниц в философии является представителем необычайного богатства мыслей, затрагивающих все стороны духовной жизни человека, таких мыслей, к которым и поныне постоянно возвращается современная философия для обоснования своих положений; затем в отличие от сухого, узкого рационализма XVIII века, не признававшего других сторон духовной деятельности, кроме чистого разума, все разлагавшего, все обесценивавшего, вносившего всюду скептицизм, Лейбниц был величайшим оптимистом и во всем искал полной гармонии среди явлений мира, «этого лучшаго из всех возможных лучших миров»; можно еще напомнить слишком неумеренным пацифистам, что Лейбниц считал войну явлени-

ем законным и неизбежным, вытекающим из самой природы человека, и ему принадлежит известный афоризм: «Вечный мир возможен только на кладбище».

Не довольствуясь знанием французского, немецкого и итальянского языков, которые он изучал еще с детства, Суворов в течение своей жизни изучил еще языки польский, арабский, турецкий, татарский и финский, и на многочисленных театрах войны, на которых ему пришлось побывать, он мог объясняться с местными жителями на их родном языке. На турецком театре он изучал еще и Коран.

В деле воздействия на массы и приобретения симпатий, в особенности среди народов, силою оружия присоединенных к России, эта способность к иностранным языкам играла выдающуюся роль и много облегчала Суворову установление с ними сердечных, полных доверия отношений, как только заканчивалась борьба с оружием в руках.

Будучи офицером, Суворов много занимался и литературой; был знаком с литературными знаменитостями того времени; посещал их кружки; пытался даже выступать в печати со своими сочинениями, но в этой области он не пошел дальше подражания тогдашним литературным образцам. Пробовал даже писать стихи...

Во время своих досугов, особенно когда ему удавалось подолгу жить в своих поместьях, а также во время затишья в военных действиях, он особенно много читал и впоследствии держал при себе на жаловании чтеца, которого доводил до изнеможения своей неутолимой жаждой новых сведений. Разнообразие чтения было поразительное: не было области знания, которою бы Суворов не интересовался. Деревенские его библиотеки были полны книг по всем отраслям знания. Везде, где было возможно, он получал газеты и журналы со всех концов Европы на французском, немецком и польском языках, не говоря уже о своих, русских.

Не забывал он, конечно, и своего специально-военного дела, и здесь объему его знаний не было границ, но тем не менее он непрестанно их пополнял. В 1791–1792 годах, в Финляндии, где под его командой оказалась большая гребная флотилия в 125 вымпелов при 850 орудиях, он серьезно изучил мореходное дело, брал частные уроки по нему у специалистов, а затем прошел даже через специальное испытание лучшими моряками и с успехом его выдержал. Несколько позже он писал австрийскому генералу барону Карачаю, своему доблестному боевому сотруднику по Фокшанам и Рымнику: «Как военный хорошо изучайте Вобана, Кегор-

на, Гибнера, немного богословия, естественных наук (физику) и психологию. Хорошо перечитайте Евгения, Тюренна, комментарии Цезаря, Фридриха II, первые тома Роллена с продолжениями и герцога Саксонского... Только непрестанное изощрение глазомера сделает Вас великим генералом...» Под «глазомером» Суворов понимал то, что мы назвали бы теперь тактическим искусством: «как в лагере стать, как идти, где атаковать, гнать и бить» — так определяет глазомер «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», составляющее вторую часть суворовского военного катехизиса «Науки побеждать».

В одном из более ранних приказов, относящихся к первой польской войне 1770 года, Суворов писал: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и во всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать из искусства... Генералу необходимо непрерывное образование себя науками... Нужна непрестанная наука из чтений... Только непрерывное изощрение взгляда сделает великим полководцем».

А в своей автобиографии, написанной в 1786 году, упоминая о своих усиленных занятиях для пополнения своего самообразования, он писал: «Потомство мое прошу брать мой пример». К сожалению, потомство оказалось неблагодарным к памяти своего великого человека и основательно забыло его призыв.

О том же Суворов постоянно напоминал кавалерам высоких боевых орденов, в тех случаях, когда он лично возлагал на них орденские знаки. Эту церемонию, торжественно обставленную, он заканчивал поучением, в котором говорил, что награда может быть слишком тяжела по своему значению, но это-то и обязывает награждаемого заботиться о приобретении достоинств генеральских: честности, заключающейся в держании слова; прямоты, отсутствия мстительности, трудолюбия, бедности, постижения, мужества и выше всего глазомера. Поучение заканчивалось указанием на необходимость непрерывного самообразования с помощью чтения.

Эта настойчивая работа над самим собою не прошла даром.

Начав свою самостоятельную жизнь с весьма поверхностного и неполного общего образования, Суворов к концу своей жизни становится одним из самых образованных людей своего времени не только у нас, в России, но и во всей Европе, притом образованным чрезвычайно разносторонне. Образованность его во всех областях знания была не простым поглощением неисчислимых знаний, а глубокой и всегда оригинальной их переработкой. Когда Суворов вел с кем-нибудь наедине, вне постоянных взглядов, беседу по серьезному вопросу, то оставлял все

свои чудачества, становился увлекательно красноречив, обнаруживал невероятное богатство знаний и поражал оригинальностью и основательностью своих суждений.

В такой оценке Суворова сходятся многочисленные свидетельства иностранцев, имевших случай лично с ним беседовать. Князь Эстергази, посланный австрийским императором после Швейцарского похода для передачи Великому князю и Суворову ордена Марии Терезии и исполнения весьма важного дипломатического поручения, с трудом добился, чтобы Суворов принял его наедине и, хотя в своей миссии ничего не достиг, тем не менее «был обворожен его обширным и просвещенным умом, соответствующим его великому таланту».

Один из последних иностранцев, видевших Суворова, швед Армфельдт, свидетельствует, что в суждениях Суворова даже по обыденным вопросам открывались такие новые стороны разбираемого предмета, которых он, Армфельдт, никогда не забудет. «Суворов, — говорит он, — вообще очень странен и выражается странно, но взгляды его на военное дело обнаруживают в нем печать гения и глубокую опытность. И не только военное дело, но и другие самые разнородные предметы находят в нем ценителя тонкого и пронзительного, диалектика ловкого и интересного. А иногда он говорит такие вещи, которых нельзя было и ожидать. Так, однажды после продолжительного обеда, он простился со своими гостями такими словами: “Господа, будьте уверены, что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия, ни тактика австрийцев, ни Суворов не восстановят порядка и не одержат таких побед, которые привели бы к желаемому результату. Этого в состоянии достичь лишь политика справедливая, бескорыстная, прямодушная и честная. Только таким путем можно всего добиться... Прощайте, господа!”»

Таковы были результаты, достигнутые Суворовым в деле подготовки себя к исполнению полководческих обязанностей в умственном отношении.

* * *

Не меньше были и результаты физического самовоспитания, которое Суворов проделал также совершенно самостоятельно, без советников, без руководителей, не имея перед собою готовых положительных образцов, по системе ни в каких руководствах по гигиене не значащейся, по своей, суворовской, системе, в которой он сам был и учителем, и первым, если не единственным, учеником.

Будучи от природы крайне слабым, хилым ребенком, подверженным частым болезням, он ко времени своей первой бое-

вой службы в Семилетнюю войну, которая для него началась в 1759 году, т.е. когда ему было 29 лет, сумел путем своеобразной спартанской гигиены так закалить свое тело, что не только был в состоянии без каких-либо послаблений нести тяжелую походную и боевую службу, но становится даже образцом выносливости, неутомимости, самого крайнего напряжения энергии, которые скоро создадут ему — простому строевому штаб-офицеру — известность в армии.

По мере того как он продвигается вверх по служебной лестнице, он вопреки тому, что обычно происходит в этих случаях, продолжает держать себя на самой высокой степени закаленности и тренировки и, уже будучи старым человеком, поражает свою выносливостью.

В Швейцарском походе 1799 года, т.е. когда ему было уже 69 лет, он переваливает через С.-Готард в стужу и метель в легоньком плаще, верхом на простой казачьей лошади, а то и пешком по глубокому снегу.

За пять лет до того, во время третьей польской войны, Суворов выступил из Немирова (на юге нынешней Киевской губернии) со своим отрядом и форсированными маршами двинулся к Бресту; войска были в летних кителях. За быстрым развитием операции, в которой в 45 дней Суворовым были разгромлены отряды повстанцев и после жестокого штурма была взята Прага, обозы не могли поспеть за войсками и войска до последних чисел октября не получали зимнего обмундирования. Суворов продолжал мерзнуть в одном кителе, пока последний солдат его армии не облекся в мундир и шинель. Этот случай был записан солдатом, который в особую заслугу ставил Суворову то, что он ничего не позволял себе такого, что не было доступно его подчиненным.

В 1795 году, зимою, после смотра Варшавскому гарнизону на городской площади, он говорил перед войсками свое обычное поучение. Мороз был сильный. Все ежились, многие невольно обнаруживали признаки нетерпения. Заметив это, Суворов намеренно затянул речь и говорил почти два часа. Почти все, бывшие на смотре, вернулись домой с признаками простуды, но сам Суворов, хотя был одет в одну белую канифасовую куртку, чувствовал себя совершенно здоровым.

В другой раз, в ту же зиму, Суворову представлялось большое число вновь произведенных офицеров. Он их принял в роскошных покоях католического примаса. Несмотря на сильный мороз, все окна были настежь открыты, чтобы «выморозить из новичков немогузнайство»; в том же помещении, на том же морозе, офицерам был предложен обед, близкий к солдатскому.

Нельзя сказать, чтобы Суворов был на всю жизнь закален от болезней. Наоборот, болел он часто и подолгу. Во время командования полком в Петербурге он мучился желудком от невольской воды; в Крыму, в Турции страдал от жестоких лихорадок; многократно был ранен в боях или получал травматические повреждения от несчастных случаев, которые дали бы повод всякому другому уклониться от несения службы и, в особенности, избежать участия в бою. У Суворова происходило как раз обратное. Если он находился вдали от боевой обстановки, был занят глубоко мирным делом, то болезни эти давали себя чувствовать и вынуждали его брать продолжительные отпуска для серьезного лечения.

Но как только Суворов попадал в боевую обстановку, он силою кого-то сверхъестественного, сверхчеловеческого самовнушения не только заставлял себя забывать про болезнь, но иногда прямо переламывал естественный ход болезни и становился здоровым, наперекор всем медицинским наукам. Особенно характерным был следующий случай. В сентябре 1789 года, когда после фокшанского разгрома обнаружилось вторичное наступление турок, Суворов со своим отрядом стоял в Пуцени (на нижнем Серете) и здесь получил просьбу главнокомандующего австрийскими войсками принца Кобургского о помощи. У Суворова в это время был пароксизм жестокой лихорадки. Однако положение было слишком серьезным, медлить было нельзя. В полночь с 7 на 8 сентября он поднял свой отряд и повел его к Рымнику. Дорога была отвратительная, отряду приходилось непрестанно переправляться вброд через вздувшиеся реки; пошел проливной дождь, началась буря, понтонный мост сорвало, едва по нему успел пройти авангард; потребовались громадные усилия, чтобы восстановить мост и закончить переправу главных сил. Время между тем уходило. Обстановка была такова, что в случае опоздания наших войск принц Кобургский подвергся бы отдельному поражению и все, что дала фокшанская победа, сразу было бы утрачено. Записки от Кобурга с просьбой поспешить приходили одна за другой. Можно себе представить, что происходило в душе Суворова, понимавшего как никто важность выигрыша каждой минуты...

Спасли дело турки своей медлительностью.

Суворов преодолел все препятствия, и 10 сентября состоялось соединение союзников, а на следующий день, после весьма жестокого и упорного боя против вчетверо сильнейшего врага, турки были совершенно разгромлены при Рымнике.

От всех этих невероятных перипетий и душевных волнений... Суворов выздоровел!

Здесь мы имеем весьма яркий пример первенствующего значения силы духа при врачевании телесных недугов, которое на практике было известно людям с незапамятных времен, но до которого медицинская наука стала доходить лишь в последнее время. В приведенном случае этот дар природы был доведен Суворовым до наивысочайшего проявления и привел к полному выздоровлению. Но несравненно чаще ему приходилось усилием своей воли просто пересиливать себя.

Во время второго поиска к Туртукаю, в ночь с 16 на 17 июня 1773 года, Суворов был настолько истощен лихорадкой, что мог двигаться не иначе как с помощью двух человек, поддерживавших его под руки, и говорил так тихо, что при нем неотлучно должен был находиться офицер для повторения отдаваемых им приказаний. Это не помешало ему разбить турок и захватить два вражеских лагеря.

Во время жестокого рукопашного боя на Кинбурнской косе, 1 октября 1787 года, Суворов был сначала ранен картечной пулей в бок, а несколько позже был вторично ранен в левую руку и от потери крови едва держался на ногах и временами впадал в обморочное состояние. Тем не менее он ни на минуту не оставлял своего командования и закончил бой полным уничтожением турецкого десанта. Последствия этих ранений долго давали себя чувствовать, здоровье его поправлялось крайне медленно, и через четыре месяца бок у него болел настолько, что он не мог держать поводьев. Однако, когда дело того потребовало, он отмахал верхом за 6 дней 500 верст и был все время в отличнейшем расположении духа.

Понятно, почему Суворов так презирал слабохарактерных и любивших покой людей и не скупился на насмешки по их адресу. Своего преемника по командованию Суздальским полком, который в короткое время сумел испортить то, чего с таким трудом добивался Суворов, он аттестовал так: «Чего найти достойнее, правосуднее, умнее Штакельберга, только у него на морозе, на дожде, на ветре, на жаре болит грудь...»

Трудно сказать, когда именно началась спартанская закалка Суворовым самого себя. Долго державшееся предание, что ему ее дал Семеновский полк, ныне должно быть оставлено. Вернее предположить, что на этот путь он становится постепенно, начав систематическую тренировку в первые офицерские годы, о которых история не сохранила никаких документальных указаний. Верховую езду, как мы видели, он любил еще с детства и в ней находил выход тем бурным проявлениям своего духа, которые не давали ему покоя. В течение всей его долгой служ-

бы, бесконечных походов, иногда даже переездов с одного места службы на другое мы видим Суворова почти всегда верхом на простой казачьей лошади. Единственный раз в походе у него появился экипаж и то только в последнюю его кампанию 1799 года в Италии. Это была какая-то допотопная карета, которую в армии сразу же окрестили «ковчегом»; в нее изредка садился в поход 69-летний Суворов.

Есть указания на то, что он любил кататься на коньках с ледяных гор, когда ему было уже 50 лет, и с увлечением по нескольку часов подряд «прыгал в контрадансе». Вообще годов своих он не считал вполне согласно французской поговорке «On a l'âge qu'on porte» (каково поведение, таков и возраст).

Всю свою жизнь он держал себя в ежовых рукавицах. Встает с зарею, рано ложится спать. Закаливает свое тело обливанием холодной водой, даже на морозе, и ежедневной гимнастикой, впрочем, весьма своеобразной. Не признает никаких теплых вещей: ни перчаток, ни фуфаяк, ни теплых одеял, ни меховой одежды. Спит всегда на сене, даже когда ему отводятся роскошные покои во дворцах. Весь обиход до крайности прост. Во всем чрезвычайно воздержан. Умеет обходиться необычайно малым числом вещей: весь его полевой багаж, когда он прибыл под Измаил, умещался в маленьком узелке, который вез за ним казак. Простая казачья лошадь заменяла ему все средства передвижения. Временами образ его жизни напоминал монашеский, но отшельником он отнюдь не был. Был, наоборот, очень общителен, любил бывать в обществе других людей, очень бережно хранил бытовые заветы седой старины, торжественно праздновал большие праздники, принимал участие в народных увеселениях даже тогда, когда занимал высокие командные посты и слава о нем гремела на весь мир.

Как гениальный сердцевед и глубокий знаток народного духа он знал цену консервативного элемента в народных массах. Знал, что ничего не было легче, как начать колебать и разлагать этот консервативный уклад. Но знал также и то, что если только начать опрокидывать привычные устои народной жизни, то всегда можно видеть, где это опрокидывание начинается, но нет такого мудреца, который мог бы заранее предсказать, какими путями пойдет этот разрушительный процесс и когда и чем он закончится.

Потому-то он так ненавидел Ж.-Ж. Руссо, что даже имени его не позволял произносить в своем присутствии.

Настойчивая работа, проделанная Суворовым по самообразованию и по самотренировке физической, была одновременно

с тем и постоянной школой укрепления его воли. То, что Суворов осуществлял ежедневно в течение всей своей долгой жизни, было, в сущности говоря, непрерывным рядом небольших актов героизма в борьбе с самим с собою, со своей природой, с окружающими, которые, по мнению Гюстава Лебона, неизмеримо более трудны, чем случайные, спорадические проявления большого героизма.

В деле воздействия на массы эта сторона деятельности Суворова играла роль совершенно исключительную. В этой области Суворов не имеет себе равного во всей мировой истории.

Таким образом, первая и самая главная часть суворовской науки побеждать — подготовка самого вождя — была осуществлена Суворовым в степени совершенно исключительной, ни с кем и ни с чем не сравнимой. Она была доведена до таких высот военного искусства, которые талантливый противник Суворова в Итальянскую кампанию, генерал Моро, назвал «le sublime de l'art militaire» (т.е. все, что может быть самого возвышенного, самого величественного в военном искусстве). Другой, и тоже весьма талантливый противник в ту же кампанию, Макдональд, будучи уже маршалом Франции, сказал в 1807 году на балу в Тюльерийском дворце нашему посланнику, указывая на окружающих Наполеона лиц: «Не видать бы этой челяди Тюльерийского дворца, если бы у вас нашелся другой Суворов». Третий противник, ген. Массена, говорил, «что он отдал бы все свои походы за один Швейцарский поход Суворова».

О восторженных отзывах в лагере союзников не приходится уже и говорить: они выходят из пределов того, что мы, переживающие всю горечь унижения нашего Отечества и русского имени, можем себе вообразить. Кумир англичан и избалованный общим поклонением, лорд Нельсон в письме к Суворову пишет, «что хотя дела его, Нельсона, не могут сравниться с суворовскими, но он просит Суворова не лишать его дорогого ему имени любящего брата и искреннего друга...». Австрийцы с приездом Суворова в Италию сами себя не узнали. Одно его присутствие возбуждало и в войсках, и в населении, до самых высоких сфер включительно, радость, доверие, надежду. Все это оказывалось вперед, так сказать, «в кредит» еще до начала военных операций. Оно поднимало дух народных масс на высоту, дотоле совершенно неведомую, и докатывалось до противника в виде грозного предостережения о том, что его ожидает. В этом лежал залог победы, задолго до последовавших затем ударов, один оглушительнее другого. И все это проявилось по отношению к иностранному генералу, притом русскому, всем

складом его натуры не походившему ни на одного из вождей коалиции и, в сущности говоря, передовыми европейцами совершенно непонятому и неоцененному. В этом отношении инстинкт народных и солдатских масс, слепо за ним шедших и творивших под его начальством чудеса, оказался прозорливее, чем все умники вместе взятые.

Таково было магическое влияние самого Суворова на ход событий, далеко вышедшее за пределы нашего отечества и нашей армии.

Сам же Суворов, хотя и был о себе всегда высокого мнения, говорил, что своими победами он обязан своей системе обучения и воспитания войск. К ознакомлению с нею мы теперь и приступим.

Суворовская школа

Если верна старая римская формула, что лучше армия баранов, предводимая львом, чем армия львов, предводимая бараном, то несомненно и то, что на предприятия вроде штурма Измаила или Швейцарского похода можно решаться только тогда, когда львиными сердцами обладают и все подчиненные, до последнего рядового включительно.

В воспитании таких львиных сердец Суворов умел достигать результатов ни с чем не сравнимых, и потому его приемы обучения и воспитания войск и его способы воздействия на войсковые массы в бою представляют не только глубочайший исторический интерес, но сохраняют всю свою чрезвычайную важность и для воспитания нашей армии в настоящее время, так как, если материальная сторона боя благодаря новейшим техническим средствам изменилась до неузнаваемости, то духовная, самая главная сторона военного дела, осталась неизменною, ибо основана на неизменных законах духовной жизни человека. Может меняться оружие, а вместе с ним и формы действия, но руки, которые действуют оружием, и сердце, которое приводит эти руки в движение, вечно остаются одними и теми же.

Стоящая перед нами задача — дать сколько-нибудь систематическое изложение суворовской системы обучения и воспитания войск — чрезвычайно трудна. Нет ни одной стороны сложного воинского обихода, которая так или иначе не отражалась бы на подготовке армии к войне. Суворов был совершенно исключительной натурой по своей цельности. Военный до мозга костей, всегда живший только мыслями о войне, ежедневно, ежечасно только о ней думавший и к ней готовившийся, он эту свою страсть перенес на весь воинский обиход тех частей, коими он командовал.

Все в этом обиходе исходило из мысли о войне и ее высшего проявления — боя, и все к этой мысли постоянно возвращалось: она служила критерием для каждого поступка. Какой бы мы вопрос ни взяли — отношение к офицерам и солдатам, дисциплину, строевые упражнения войск, маневры, весь внутренний обиход жизни солдата, препровождение внеслужебного времени, хозяйственное благоустройство, санитарные мероприятия и т.п., — во всем и всюду неотвязчиво стоит эта все подавляющая, но и все освещающая мысль о войне, о бое, о победе.

Трудность изучения усугубляется еще тем, что хотя до нас и дошел катехизис его системы, так называемая «Наука побеждать», но она нам дает преимущественно ту конечную цель, которая должна быть достигнута воспитанием и обучением, но собственно не указывает тех приемов, при помощи которых эта цель может быть достигнута, или вернее, указывает их в степени недостаточной, чтобы по ним можно было бы составить себе ясное представление о суворовской школе. Приходится пополнять ее сведениями отрывочного характера, разбросанными в приказах, наставлениях, частной переписке, записках современников и т.д., и из всего этого разрозненного материала попытаться создать картину-мозаику, которая по цельности хоть сколько-нибудь приближалась к той цельности, которая была самой характерной чертой системы Суворова.

* * *

Русская армия эпохи Семилетней войны была далека от идеала. Через 25—30 лет после смерти Петра Великого ее боевая годность сильно понизилась. Пали верхи армии. Петровский принцип — выдвигать только за заслуги — сменился выдвиганием по придворным связям. Всеми операциями армии руководил за тысячу верст от театра военных действий наш российский гофкригсрат, так называемая «конференция», которая окончательно парализовала волю и без того слабых главнокомандующих.

Солдатская масса пополнялась рекрутами из худших и часто преступных элементов податного сословия, отрывавшихся от своих очагов почти на всю жизнь. Обращение с солдатами было самое жестокое, что приводило к частым побегам. Постоянное применение жестоких телесных наказаний перестало устрашать; дисциплина неудержимо падала. Линейная тактика того времени вся была основана на полном подавлении воли каждого солдата. Проявление частной инициативы не требовалось. Страх перед палкой своего капрала был единственным стимулом в бою. Ни чувству патриотизма, ни чувству чести и собственного достоинства здесь места не было.

После блестящих побед Фридриха II эта палочная идеология, как и вообще подражание всему прусскому, стали особенно распространяться во всех европейских армиях и не миновали и нашу, причем, как всегда в этих случаях бывает, начали с подражания только внешнему, упустив из виду всю внутреннюю сущность и духовную сторону фридриховской военной системы.

Но были в нашей армии и сильные стороны, которые составляли национальную особенность нашего солдата и держались в ней, невзирая на неправильное в основе своей воспитание армии; это ее легендарная стойкость, о которой впоследствии Наполеон скажет, что «русского солдата мало убить, его надо еще и повалить». Но стойкость эта была чисто пассивного характера и выражалась в нашей армии того времени в увлечении огнем и в забвении штыка. В этом направлении и был переработан в 1755 году старый Петровский устав.

Вот в этой обстановке Суворов и начал свою военно-педагогическую деятельность.

Под влиянием обширного и разнообразного чтения, в особенности деяний великих людей античного мира, у Суворова с молодых лет возникает идеал воина как носителя высшего государственного интереса, как исполнителя важнейших государственных задач, разрешаемых войною, как героя, олицетворяющего самые высокие душевные качества, наконец, как фактора, от духовной высоты которого в конечном итоге зависит не только судьба данной кампании, но иногда и самое существование государства. Как бы ни был мал по своему служебному положению тот или другой воин, он прежде всего является орудием государственной власти и все отношение к нему должно определяться из этого коренного основания.

Такое высокое понятие о войне, конечно, в корне расходилось со всею идеологию того времени. Разница была столь велика, что о согласовании этого взгляда с укоренившимися привычками в обучении и воспитании войск не могло быть и речи. Он противоречил всей тогдашней системе, в которой не только солдат, но и младший офицер воспитывался как слепой исполнитель приказа свыше, совершенно лишенный какой бы то ни было инициативы и действовавший, главным образом, из побуждений страха наказания за малейшую ошибку.

Для осуществления же суворовского идеала солдата необходимо было вызвать к жизни все самые высокие проявления духовной природы солдата и раскрепостить его душу от всего, что этим проявлениям мешало.

В необходимости и возможности такого раскрепощения души солдата Суворов должен был убедить его первый трехлетний боевой опыт в Семилетнюю войну с 1759 по 1761 годы.

Будучи подполковником Казанского полка, он почти все время командует партизанскими отрядами, производящими отдельно от армии поиски набегов, разведки, неожиданные нападения, т.е. такие операции, в которых линейная тактика, тактика больших масс того времени, не имела применения. Если в линейной тактике низшие исполнители становились в положение пешек, лишенных самостоятельной воли, то в действиях партизанской войны, неизбежно разбивающейся на работу мелких отрядов, партий, групп и даже одиночных людей, успех зависит в значительной мере от степени самостоятельности, находчивости, инициативы, хитрости, самоотверженности и целого ряда других качеств, которые будут проявлены группами или даже отдельными людьми, исполняющими особенно важные и опасные поручения. Всякая операция партизанской войны может быть успешной только тогда, когда начальник ее обладает способностью вызывать всех своих подчиненных на наивысшее проявление указанных качеств.

Если в линейной тактике можно было управлять армией, опираясь на страх жестокого наказания, держа людей под неослабным, непосредственным наблюдением, то в действиях партизанского характера нужны были стимулы иного рода, обращение к другим, высшим сторонам духовной природы человека.

В эту раннюю эпоху своей боевой службы Суворов уже показал себя вполне подготовленным к такому воздействию на своих подчиненных. В целом ряде набегов, нападений, разведок он служит примером решительности, самообладания, находчивости и храбрости. Слава о нем пошла по всей армии. За действия в летучем отряде графа Берга он получает оценку: «Себя перед прочим гораздо отличил... у всех командиров особливую приобрел любовь и похвалу».

Вскоре он, пехотный штаб-офицер, получает в командование на театре военных действий сначала Тверской драгунский полк, а потом и Архангелогородский драгунский и был представлен Румянцевым к отличию как кавалерийский штаб-офицер, который «быстр при рекогносцировке, отважен в бою и хладнокровен в опасности».

Эта школа партизанских и летучих отрядов и командование кавалерийскими частями, в которых меньше было мертвящего и убивающего душу формализма, чем в пехоте, несомненно, способ-

ствовала развитию и укреплению в Суворове тех основных взглядов, на которых покоится его система обучения и воспитания.

На первое место он выдвигает на высоту, до которой в нашей армии еще никто не выдвигал, духовную сторону человеческой природы. Суворов знал, какой страшный запас силы, моральной и физической, заключается в каждом человеке, но о котором он обычно даже и не подозревает. В обыденной жизни этой силе негде и не в чем проявиться, но ее можно видеть в целом ряде патологических проявлений, как, например, у душевнобольных или нервнорасстроенных, а также в крайних проявлениях религиозного фанатизма и во многих других случаях, когда бодрствующее сознание и условия окружающей жизненной обстановки не препятствуют проявлению этого потенциального запаса сил.

В число задач своего воспитания Суворов именно и ставит вызывать эту находящуюся под спудом сверхчеловеческую силу возможно чаще; путем постоянной практики — развить ее до наивысшего предела и достичь того, чтобы она сама проявлялась каждый раз, когда боевая обстановка того требует.

Он отлично понимал, что такая сила не может появиться там, где господствуют рабская покорность, а тем более рабское чувство страха. Не может она проявиться в полной мере и там, где личность совершенно придавлена до полной потери своей воли, или там, где она потеряла способность к проявлению самостоятельности и самостоятельности.

Отсюда у него на видном месте становится ярко выраженное, в особенности для его эпохи, стремление поднять всеми мерами чувство человеческого достоинства в каждом из его подчиненных и веры в свои силы.

Он знает, что ничто так не поднимает человека в его собственном мнении и ничто так не укрепляет его нравственной силы, как сознание себя необходимым участником большого общего дела, направленного к достижению великой цели. Позднее он найдет опору этому своему взгляду в торжественно возвешенных с высоты престола словах императрицы Екатерины II: «Крупные и решительные успехи достигаются только усилием всех».

Затем Суворов знает, что в душе каждого самого маленького, скромного, даже забитого жизненной нуждой человека всегда сверкает где-то в бездонной глубине души искорка героизма, страстного желания выйти из мрака своей беспросветной жизни на простор, где виден свет небесный, где можно забыть себя в героическом порыве и сложить свою голову за свою веру, за отчизну или за идею большого государственного значения.

Поэтому у Суворова с полной последовательностью всюду проводится взгляд о высоком назначении воина всех рангов. Солдат — «воин Христов» и должен во всем себя блюсти так, чтобы оправдать это высокое наименование. Солдат — частица, и частица необходимая в его армии «чудо-богатырей», в которой все, сверху донизу, творят общее государево дело и стоят на страже чести и достоинства России.

Армия, в понимании Суворова, — это священное воинское братство, тесно связанное круговой порукою, в котором все должны помогать друг другу, где нет места ни взаимному недоверию, ни недоброжелательству, ни тем более каким-либо интригам, унижающим воина. Вся его система обучения войск построена на этом братстве. Все роды войск всегда обучаются совместно, учась один на другом полному братскому взаимодействию. Суворов никогда не допускал между ними никакого антагонизма, но рядом с этим умел вызывать их на соревнование в возможно лучшем исполнении дела, но всегда с соблюдением полного благородства. Та же идея войскового братства проводилась Суворовым и по отношению к австрийским войскам, принимавшим участие в общих военных операциях (Фокшаны, Рымник, Итальянский поход). Он возбуждал их соревнование с нашими войсками, достиг того, что австрийцы изо всех сил тянулись, чтобы не отстать от наших, которые работали «как нельзя лучше», но делал это с изумительным тактом, не распаляя зависти и недоброжелательства. Он относился к чужим войскам и их начальникам так же как и к своим, постоянно вносил примиряющее начало во все случавшиеся недоразумения, мирил между собою и самых старших начальников. В особенности преследовал он всякое боевое местничество. Так, например, он писал в одной записке по поводу столкновения старших генералов, нашего — Розенберга и австрийского — Меласа, что здесь было: «ревнование зависти: я сделал, я сделал; я хорош, тот худ: я бил, не он; его били, я поправил: а все то в полной дружбе... Эти термины подлы... они — для эгоизма и для собственных мелких интересов или для ребячьего, или трактирного хвастовства».

Помимо громадного морального авторитета самого Суворова, такая миротворческая деятельность приносила свои плоды только потому, что в ней не было и тени личного эгоизма, а над всем стоял большой общий интерес, который должен быть одинаково дорог каждому члену единой, дружной войсковой семьи.

Только там, где общий интерес выдвинут на первое место, где мелкие личные самолюбия отходят на второй план, и возможны такие благородные поступки, как поступок Милорадовича, в бою

у Лекко подчинившегося младшему в чине князю Багратиону, чтобы дать ему закончить успешно начатый им бой, и заявившего, что здесь не место считаться старшинством. Суворов особенно оценил этот поступок, объявил о нем в приказе по армии и включил его во всеподданнейшее донесение Государю.

Но наивысшее выражение этого священного воинского братства мы видим в самом тяжелом испытании, которое выпало на долю нашей армии в Швейцарском походе, в дни 16, 17 и 18 сентября 1799 года. До сих пор еще нельзя читать без глубокого волнения всех подробностей этого похода и того братского взаимодействия, которое было проявлено в эти знаменательные дни всеми чинами суворовской армии сверху донизу. И когда мы имеем перед собою пример небольшой 20-тысячной армии, оторванной от своей родины на тысячи верст, окруженной со всех сторон врагами, предательски брошенной своими союзниками на произвол судьбы среди величественной, но весьма негостеприимной швейцарской природы, и в этой армии — сын Императора Всероссийского, прославленный на весь мир величайший русский полководец, самые блестящие генералы, скромные офицеры и последний из солдат одинаково делят все боевые невзгоды и все проникнуты только одним стремлением: спасти честь России, честь Государя, не посрамить Земли Русской, то мы имеем тот идеал священного воинского братства, выше которого здесь, на земле, и быть не может!

* * *

Для дальнейшего изучения суворовской системы обучения и воспитания войск нам по необходимости приходится прибегнуть к аналитическому методу и расчленить эту систему на составные ее части, для изучения каждой из них в отдельности. Здесь мы становимся отчасти на путь того педантизма, который был так глубоко ненавистен Суворову, в особенности после бесконечных его столкновений с венским гофкригсратом. «Да будет проклято педанство, прочь мелочность, копанье», — говорил он своему начальнику штаба Шателеру. Поэтому необходимым коррективом для нашего анализа и обязательным его завершением должно быть самое серьезное изучение всех многообразных походов Суворова и всей его мирной педагогической деятельности, которое одно может дать цельное представление о его школе.

Сам Суворов придавал громадное значение тому, чтобы у его подчиненных всегда перед глазами стояла не та или другая отрасль военного обучения в отдельности, а была представлена возможно полная картина всей воинской школы, насколько можно

охватить ее взглядом. Если вы просмотрите его «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», то наряду с указаниями, касающимися одиночной строевой подготовки рекрута вроде: «Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты, солдат стоит стрелкой! Четвертого вижу, пятого не вижу...», наряду с советами, как бить неприятеля штыком, как увертываться от турецкой сабли, как стрелять, как перебежать через полосу картечного огня, найдете также указания по ведению боя отрядами из трех родов войск в полевом бою, при атаке укрепленных позиций, при штурме крепости, затем подробные указания по производству походных движений, найдете меры военно-административного характера и специальные указания по гигиене и лечению болезней. Наряду со сведениями, не выходящими из круга ведения солдата и младшего офицера, помещены указания тактического и даже стратегического характера, которые должны служить руководством для старших начальников, как например: «Атака в тыл очень хороша, только для небольшого корпуса, а армиею заходить тяжело». Все это перемежается указаниями, за какие высокие идеалы должен умирать солдат; «грех напрасно убить» просящего пощады, не обижать обывателя и бесконечный ряд других указаний, давно уже обратившихся в ходячие поговорки, как например: «Пуля дура — штык молодец», «Ученье свет — неученье тьма», «За ученого трех неученых дают; нам мало трех, давай нам десять на одного! Всех побьем, повалим, в полон возьмем» и т.д.

И это поучение говорилось после каждого развода, наизусть, штаб-офицером того полка, от которого был развод, перед строем, в присутствии всего генералитета и всех штаб- и оберофицеров. Когда под команду Суворова становилась какая-либо новая часть, с его системой незнакомя, то ей посылались «Наука побеждать» и все солдаты должны были знать словесное поучение наизусть.

Вот эту цельность и разносторонность суворовской школы нам необходимо будет постоянно иметь в виду во время нашего дальнейшего исследования.

* * *

Поставив себе целью создать из своей армии непобедимое воинское братство, Суворов призывает своих подчиненных к служению лишь самым высоким идеалом: «Умирай за Дом Богородицы! За Матушку! За Пресветлейший Дом! Церковь Бога молит. Кто останется жив, тому честь и Слава», — так говорит словесное поучение. В Вероне на приветствие, сказанное местным архиепископом в присутствии высших австрийских сановников, Суворов отвечал, что прислан сюда выгнать французов,

защитить веру и троны, восстановить мир и тишину, просил у архиепископа молитв, а прочим рекомендовал верность своему императору и повиновение законам. В своей прокламации, изданной вслед за тем, он призывает итальянцев к оружию за Бога, за веру, за законные правительства, на защиту собственности всех без различия граждан, за порядок и спокойствие.

Нигде нет и намека на личные или классовые интересы. Всюду выдвигаются только самые высокие идеалы, касающиеся всего народа, всего государства, и в первую очередь — самые высокие идеалы, на которых покоится государственная жизнь: Вера, Престол и Закон.

В основе этого призыва у Суворова лежала глубокая религиозность.

Религиозность он воспринял в своей семье еще с малолетства, а к старости она усилилась и дошла даже до серьезного намерения его поступить в монастырь, когда ему казалось, что военная карьера окончена. Он любил чтение Библии, знал в совершенстве круг церковного служения, любил церковные песнопения. Твердо исполнял все церковные посты и не отступал от них даже во время серьезной болезни. Был весьма ревнив к своей вере и старался внушить такую же ревность в солдатах, для чего всюду, куда бы его ни забрасывала служба, строил церкви. В Суздальском полку сам учил солдат Закону Божьему и составил для них молитвенник и краткий катехизис. В 1771 году он писал Веймарну: «Немецкий, французский мужик знает церковь, знает веру, молитвы; у русского едва знает ли то его деревенский поп; то сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Тако догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности».

Чрезвычайно высоко ставя свою православную веру и постоянно работая над тем, чтобы поднять престиж духовенства среди своих крепостных крестьян, Суворов был чужд узкой нетерпимости к остальным инословным исповеданиям и относился с большим уважением к служителям протестантского и католического культов. Не было и в отношениях его к нашим раскольникам той остроты, которая тогда наблюдалась. Никогда не был он крайним фанатиком и даже в войнах с турками, которых он называл «нехристями, басурманами, варварами», он не пользовался религиозным фанатизмом как орудием для воодушевления своих войск в бою. Не придавал он значения религиозной войны и своим действиям против поляков, что, однако, не помешало последним поднять против Суворова самую бесовственную клеветническую кампанию по обвинению его в фанатической нетерпимости и бесчеловечной жестокости.

В нашей русской армии религиозность Суворова была фактом чрезвычайного значения. Помимо той громадной моральной поддержки, которую дает горячая вера в те минуты, когда человеческое предвидение не находит никакого исхода, помимо того невероятного «сверхчеловеческого» подъема духовной энергии, какой переживает глубоко верующий человек, когда он отрешается от своей личной воли, отдавая в руки Творца, во исполнение моления «Да будет воля Твоя», — эта сторона духовного облика Суворова особенно сближала с ним простые, безыскусственные солдатские сердца и делала его бесконечно дорогим и близким солдатской массе. Она разрушала ту стену взаимного непонимания и отчужденности, которая всегда стояла между баринoм-помещикoм, с одной стороны, и крепостным крестьянином — с другой.

Суворов всю свою жизнь прожил как истинный христианин и умер, как подобает христианину, исповедавшись, причастившись Св. Тайн и простившись со всеми. Последними сознательными словами его были: «Долго гонялся я за славой — все мечта: покой души — у Престола Всемогущего».

* * *

Какую роль в жизни Суворова играло честолюбие, мы уже знаем из первой части этого очерка. Под честолюбием Суворов понимал стремление к осуществлению весьма высоких идеалов, клонившихся к достижению большой государственной цели. Какой бы то ни было элемент мелкого личного интереса был из суворовского честолюбия совершенно исключен. Оно было у него в полной мере слито с интересами его Отечества, с интересами всего русского народа.

Суворов считал честолюбие чувством исключительного благородства и считал необходимым воспитывать в нем всех своих подчиненных. «Без честолюбия, послушания и благонравия — нет исправного солдата», — пишет он в одном письме. Вспоминая о своем командовании Суздальским полком, он говорил, что у него «всякий имел честолюбие». Его собственное честолюбие было могущественнейшим рычагом его невероятной жадности деятельности, его активности, постоянного стремления сделать все ему порученное возможно лучше, так, как этого еще никто не делал, наконец, постоянного самоусовершенствования.

В то время как многие честолюбцы ищут высоких должностей, чтобы почить на лаврах, зажить спокойной и привольной жизнью, Суворова гложет жажда деятельности именно тогда, когда он получает высокое, но спокойное, вдали от военных бурь назначение.

Сидя в 1791–1793 годах в Финляндии на постройке крепостей, он рвет и мечет по поводу слухов о возможности войны с Францией, в которой главнокомандующим экспедиционного корпуса будет не он, а Репнин. «Баталия мне лучше, — пишет он, — чем лопата извести и пирамида кирпича... Мне лучше 2000–3000 человек в поле, чем 20 000–30 000 в гарнизоне. Я не могу оставить 50-летнюю привычку к беспокойной жизни и моих солдатских приобретенных талантов... Я привык быть действующим непрестанно, тем и питается мой дух...»

Его томление бездействием дошло до крайнего предела, когда крепостное строительство в Финляндии сменилось таким же в Херсоне. «Я захребетный инженер и посему, как в горячке», — пишет он. «Уже третий день, как в Тучковых¹; малые мои таланты зарыты...» «Бога ради избавьте меня от крепостей; лучше бы я грамот не знал»; «известны мне многие придворные изгибы, коими ловят сома в вершу, но и там его благоденствием услаждают, а меня обратили в подрядчика...» «Напомните... что я не инженер, а полевой солдат, не Тучков, а знаю меня Суворовым и зовут Рымникским, а не Вобаном».

Вскоре мечты Суворова осуществились, и в 1794 году, с прибытием его с войсками юга России к Бресту, он сразу дал до того нерешительной и боязливо веденной кампании против поляков резкий поворот, в 45 дней подавил восстание, а затем рядом глубоко разумных и гуманных мер привел край к полному умиротворению.

В 1796 году, когда под впечатлением головокружительных успехов Бонапарта в Италии вновь возникли слухи о возможности войны с Францией, Суворов решил напомнить о себе и в заключение всеподданнейшего донесения о произведенном им смотре войск юга России он прибавил: «Карманьольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг на Вислу... Всемилостивейшая Государыня, я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их предварить».

Суворов сразу понял, какой новый и опасный враг появился в Европе и чего можно от него ожидать. Он внимательно изучал по карте ход военных действий во всех подробностях. Собирал иногда наличных генералов и обсуждал с ними интересные эпизоды войны и вероятные их последствия. Говорил и писал, что французское правительство не может существовать без войны и что столкновение Франции с Россией неизбежно; что французам придется действовать против России или в союзе с Турцией, или в союзе с Пруссией, а то и с обеими

¹ Тучков — главный начальник инженерной части.

вместе; что в Турцию они направят не более 50 000 чел., а через Пруссию могут прийти в Польшу сотни тысяч. Если не ожидать, пока французы придут к нам в гости, а искать встречи с ними в Германии, то армия понадобится небольшая, только приступить необходимо немедленно, ибо в будущем году потребуется войск вдвое больше, иначе «последняя лесть выйдет горше первой», — заканчивал Суворов свое замечательное и в полном смысле пророческое письмо.

Его честолюбие неудержимо влекло его померяться силами с восходящим светилом Бонапартом, цену которого он хорошо знал, и в своем известном ответе графу Ростопчину не задумался поставить его рядом с Цезарем и Аннибалом.

Он не мог не сознавать, что здесь будет борьба нешуточная; что могучему русскому колоссу и республиканской Франции жить мирно бок о бок совершенно немыслимо; что кто-нибудь из двух должен будет уступить; что борьба будет на жизнь или на смерть.

И тем не менее Суворов рвался на нее, как на праздник.

Его честолюбие здесь вырастает в героизм совершенно исключительный, поднимается на такие высоты, которых обыкновенные честолюбцы всячески избегают: их низменные карьерные соображения не выдерживают таких головокружительных высей, с которых возможны столь же головокружительные падения...

Как известно, начавшиеся приготовления к войне с Францией были приостановлены со смертью Императрицы Екатерины II (6.XI.1796 г.), и Суворову пришлось встретиться с французами лишь три года спустя в Италии и Швейцарии, где он нанес поражение трем самым талантливым генералам Директории: Моро, Макдональду и Массене, но с Бонапартом судьба его не свела.

Заветная мечта его честолюбия не осуществилась. Она не давала ему покоя даже на смертном одре. Порвав со всем земным, признав погоню за славой мечтой, он все еще бредил своими походами и часто упоминал Геную, которая, по его мысли, должна стать базой для похода на Париж...

Насколько Суворов был опасным соперником Бонапарту можно видеть из приведенных уже нами слов маршала Макдональда, на себе лично испытавшем тяжелую руку суворовского гения.

Для наших целей нам важнее установить, что честолюбие, возносящееся на такие высоты, становится величайшей воинской добродетелью и необходимым двигателем высокого самоотвержения. Без такого честолюбия, по мнению Клаузевица, не может быть великого полководца, а по мнению Суворова — не только полководца, но и поряточного генерала, офицера и даже солдата.

* * *

Следующими четырьмя элементами, лежавшими в основе суворовской системы и спаивавшими ее в одно целое, были: горячая любовь к своей родине, чувство долга, доведенное до высочайшей степени, чувство чести и национальная гордость. О них мы скажем кратко, так как из всего уже сказанного выше эти элементы достаточно освещены, чтобы сделать из них надлежащие выводы и оценить ту громадную роль, которую они играли в жизни и боевой службе Суворова.

По своему образованию и по своим передовым взглядам Суворов был человеком новой формации, после Петровского времени. Тем не менее он оставался во всех своих мыслях, верованиях, поступках глубоко русским человеком, соединявшим в себе и сильные, и слабые стороны души русского народа. Благодаря необычайной силе воли, он сумел отодвинуть слабые стороны на второй план, а на сильных сторонах показать всему миру, какие неисчерпаемые духовные силы таит в себе русский народ. Эта сторона его духовного облика, не менее чем его религиозность, сближала его с народными массами, делала его своим, родным, близким и во многом облегчала ему задачу воздействия на солдатские массы в трудные минуты боевой жизни. Его солдаты неудержимо тянулись к нему, жадно ловили каждое его слово, часами выслушивали его огненные поучения... Его боевой клич «Мы Русские — с нами Бог!» двигал их на чудеса.

В течение всей своей службы Суворов постоянно напоминает, иногда и выше его стоящим, о необходимости поддержания во всех государственных делах чести и достоинства России и русского народа. В 1794, когда Петербург медлил с полным проведением амнистии восставшим полякам и не исполнял обещания, данного Суворовым именем Императрицы, он не находил себе покоя: «...мой пароль... не содержан; в нем — забытие прежнего и они — вольны. Стыдно России их бояться, ниже остерегаться; Польша обезоружена, пора им домой, и не в коня корм».

Его письма к нашему послу в Вене, графу Разумовскому, подпавшему под влияние австрийского министра бар. Тугута, дышат негодованием за неумение отстаивать честь и достоинство России, и в конце концов Суворов настоял на его отозвании. Не менее решительно отстаивал он достоинство России и русской армии в сношениях с австрийскими верхами и вступил в чрезвычайно резкую переписку с эрцгерцогом Карлом, которого он считал главным виновником поражения корпуса

Римского-Корсакова под Цюрихом и того кризиса, через который пришлось и ему самому пройти в Швейцарии. Мы можем здесь привести лишь немногие характерные места из этой переписки. «Вам это говорит старый солдат, который почти 60 лет несет лямку, который водил к победам войска Иосифа и Франца, который утвердил в Галиции владычество знаменитого Дома Австрийского, который не любит болтовни Демосфеновой, ни академиков, только путающих здравый смысл, ни сената Аннибалова. Я не знаю зависти, демонстрации, контрмаршей; вместо этих ребячеств глазомер, быстрота, натиск — вот мои руководители». Когда эрцгерцог неосторожно назвал уход русской армии из Швейцарии «отступлением», Суворов с негодованием ему ответил, что он всю свою жизнь не знал ни отступления, ни обороны, а теперь ведет свои войска на отдых; при этом не утерпел, чтобы напоследок не уколоть эрцгерцога замечанием, что «оборонительное положение в Тироле стоило свыше 10 000 чел., т.е. вдвое больше, чем завоевание Италии».

На торжественном приеме 13 октября 1799 года в Линдау, в присутствии многочисленных сановников, русских и иностранных офицеров, Суворов обратился к австрийскому генералу со словами: «Вы мне привезли приказание эрцгерцога; в Вене — я у его ног, но здесь совсем другое, и я получаю приказания только от моего Государя». В конце того же приема он сказал по поводу Римского-Корсакова: «Он более несчастлив, чем виновен; 50 000 австрийцев шагу не сделали, чтобы его поддержать, — вот где виновные. Они хотели его погубить; они думали погубить и меня, но Суворов на них... Скажите эрцгерцогу, — прибавил он, обращаясь к австрийскому генералу, — что он ответит перед Богом за кровь, пролитую под Цюрихом».

Немногие русские люди имели право и умели говорить таким языком с влиятельными иностранцами...

Император Павел, ознакомившись с перепиской Суворова с эрцгерцогом Карлом, выразил своему генералиссимусу полное одобрение.

* * *

Вопрос о национальном достоинстве приобретает для нас ныне особенно важное значение после того небывалого унижения, которое переживает наше отечество из-за бессмысленной и преступной революции. Он требовал бы самостоятельного исследования, которого здесь мы, к сожалению, сделать не можем и вынуждены лишь ограничиться приведением некоторых положений, которые помогут нам оценить, насколько и в этом весьма важном вопросе Суворов опередил свой век.

Национальное чувство есть голос нашей природы, который говорит в нас тем громче, чем долговечнее была наша минувшая история и чем сильнее были те стихийные факторы, которые неудержимо толкали народ к объединению. Искусственно создать национальное чувство нельзя. Оно есть результат чрезвычайно сложного и упорного взаимодействия всех исторических факторов, в течение долгого времени неуклонно действовавших на душу народа и, в свою очередь, вызывавших народ на те или иные действия. Национальное чувство есть духовное наследие, которое оставлено нам миллионами миллионов наших предков, из которых каждый что-нибудь вносил своего в эту духовную сокровищницу. Только тот народ может устоять перед историческими бурями, у которого этот голос наших предков не заглушен; у которого вся его повседневная государственная, общественная, семейная и личная жизнь строится на этом незыблемом фундаменте, который дает смысл всему существующему и нравственную опору в минуты исторических катастроф. Национальное чувство является тем общим языком, который дает возможность народу найти единение в минуты общего развала, когда государственное его существование висит на волоске.

Понятно поэтому постоянное стремление Суворова всемерно поднять национальное чувство, развивая его до степени национальной гордости. При этом Суворов уже тогда понимал, что национальная гордость, национальное достоинство не могут существовать без чувства собственного достоинства каждого гражданина. Чувство личного достоинства — основной камень для постройки достоинства национального. Без чувства собственного достоинства и неразрывно с ним связанной духовной автономии не может быть и подвига, ни воинского, ни иного, в высоком значении этого слова...

Какими бы неоспоримыми и ясными ни казались нам эти положения, однако мы должны признать, что до самого последнего времени ни в нашем военном обиходе, ни в жизни общественной этот основной принцип далеко еще не вошел в нашу плоть и кровь. Много в минувшей нашей жизни более походило на отрицание этого принципа, чем на его утверждение.

Ну, а о нынешнем режиме советской России нечего и говорить. Это такое сплошное и преступное попрание выставленного нами принципа, такое торжество рабьей психологии, за которое нынешних владык России ожидает беспощадная расплата.

Во всяком случае, будущее воссоздание нашего государства возможно только с воскрешением национального чувства и с установлением культа личного достоинства как его основы.

В этом мы или вернемся к заветам Суворова, или навсегда распростимся с великодержавной Россией.

* * *

Уже из того, что было выше сказано о тех высоких идеалах, к которым Суворов призывал свои войска, видно отношение Суворова к Престолу и поддержанию престижа Царского Дома. Он был верноподданным в лучшем смысле этого слова, не за страх, а за совесть. Несмотря на весьма тяжелое испытание, которое переживало его чувство верноподданного, с одной стороны, и глубоко любящего свое отечество и гордого своим именем русского — с другой, когда Император Павел вступил на путь унижительного подражания прусским военным порядкам, он все же остался верноподданным до конца и в тяжелом Швейцарском походе спасение чести и достоинства Императорского Дома в лице сына Государя, поставил наравне со спасением чести России.

Девятью годами раньше он не постеснялся посадить на место зазнавшегося всесильного Потемкина, когда тот спросил, чем он может наградить его за взятие Измаила. «Ничем, князь, — отвечал Суворов, — я не купец и не торговаться сюда приехал; кроме Бога и Государыни никто меня наградить не может».

Он далеко не все одобрял, что исходило из Петербурга; глубоко возмущался некоторыми порядками и, не стесняясь, это высказывал и письменно, и на словах, но никогда не позволял себе колебать устоев престола. Зная цену консервативному элементу вообще, он и в престоле, и в династии видел основу всего здания многоплеменной Российской Империи и более чем кто-либо из его современников способствовал поднятию их мирового престижа на небывалую высоту.

* * *

Нам предстоит теперь шаг за шагом проследить, как на фоне рассмотренных общих принципов Суворов воспитывал свои войска; какие духовные качества он вырабатывал у своих подчиненных, чтобы создать непобедимых «чудо-богатырей»; через какие практические занятия он их проводил, чтобы в мирной обстановке дать своим солдатам школу, возможно ближе напоминающую настоящий бой.

По отзывам современников-иностранцев, школа эта была такова, что суворовского солдата можно было сразу отличить среди других уже по одному внешнему виду.

Прежде всего солдату внушалось бесстрашие. Для него не существовало опасности. Он в течение своей службы проводился через самые головоломные упражнения, связанные не-

редко с серьезными увечьями, и, в конце концов, убеждался, что «страшно глазам, рукам не страшно», как говорит пословица, или иначе — что страх создается воображением. Для создания бесстрашия нет иного способа, как постоянно пересиливать слишком громко говорящее чувство самосохранения. Нужно постоянно играть с опасностью. Так поступают профессионалы разных специальностей спорта, побивающие мировые рекорды, отважные исследователи областей, где еще не ступала человеческая нога, наконец, в погоне за куском хлеба, ремесленники некоторых специальностей, связанных с постоянной опасностью, цирковые артисты и т.п.

В силу постоянного, ежедневного упражнения, все они научились сдерживать свое воображение и не давать хода чувству самосохранения.

Того же достигал и Суворов, но уже не с единицами, а с массами. Его войсковые упражнения были таковы, что дали повод английскому поэту Байрону сказать, «что из них Суворов учил молодых солдат, как, подобно саламандрам, выходить целыми из огня и опасностей». Но рядом с этим шло и внушение иными путями. Суворов изгонял даже из разговорной речи все, что только говорило о страхе или опасности, и жестко высмеивал все, что хотя бы на них намекало: «Сикурс, опасность и прочие вообразительные во мнениях слова служат бабам, кои боятся с печи слезть, чтобы ноги не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрящим для подлой обороны, которая по конце, худая, добрая ли, рассказчиками также храброю называется».

Притупление воображения имело еще одно и весьма важное значение. Известно, какое значение придавали великие полководцы «битью на воображение». Военная история полна случаев, когда победа достигалась не реальной силою, а преувеличенной оценкой сил победителя, которую создавало расстроенное воображение противника. Отсюда и знаменитая формула Наполеона «воображение управляет миром». Понятно поэтому, каким неоценимым духовным фактором в бою была способность суворовского солдата сдерживать свое воображение и не поддаваться первому впечатлению. Он был свободен от того недостатка, каким, по мнению Наполеона, страдают большинство военных: «*se faire des tableaux*», т.е. создание воображением картин разных опасностей.

Это был в то же время и первый этап на пути создания солдата, не боящегося неожиданностей. Только такому солдату мог Суворов спокойно говорить: «Обошел неприятель — тем лучше — сам идет на поражение», или: «Можно атаковать силы в 5 раз большие, но с разумом, искусством и под ответом».

* * *

Чтобы кроме бесстрашия и спокойного отношения к неожиданностям выработать в солдате храбрость, Суворов считал необходимым воспитать в нем еще неограниченную веру в себя, твердую уверенность в том, что он все знает, все умеет, все сделает лучше, чем кто-либо другой. «Четвертого Гренадерского полка, — говорил как-то Суворов, — люди бодры, мужественны, да не храбры; что тому причина? Они на себя не надежны».

Чтобы достичь этой уверенности в себе, Суворов, прежде всего, упростил до последней степени все обучение, выбросил из него все второстепенное и, в особенности, все сложное, искусственное, неприменимое на войне. Но зато то немногое, что он оставил, повторялось бесконечное число раз и доводилось до совершенства. Ручательством совершенства служило то, что всегда, когда это было возможно, Суворов лично руководил обучением. «Каждый шел через мои руки, — писал он о своем командовании Суздальским полком, — и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыл. Так был он на себя и надежен — основание храбрости...»

Далее шло настойчивое, повседневное, ежечасное внушение солдату, что он непобедим. Во всей суворовской школе мы не найдем нигде ни одного слова, которое могло бы навести на мысль, что не всегда бывают победы, а что могут быть и неустойки... Не найдем ни одного упражнения в поле, которое могло бы навести на мысль, что противник оказался сильнее или искуснее. Всюду только атаки, нападения, штурмы, всегда оканчивающиеся победой. Всякое одностороннее учение заканчивается обязательно тем, что обучающиеся врываются на неприятельскую позицию и колют штыком расставленные чучела, одетые во вражескую форму. Двухсторонний маневр заканчивается сквозною атакою, при которой обе стороны оказываются победителями. Отступление и даже оборона совершенно исключены из обучения. Суворов отлично понимал, что та польза, которую такого рода занятия могли бы принести в смысле изучения технических приемов боя, не окупает того громадного морального вреда, который эти занятия причиняют, ибо в них всякий сколько-нибудь порядочный солдат не может не переживать острого чувства унижения побежденного (если это отступление) или стороны, заранее, еще до столкновения, признавшей себя слабейшей (если это оборона). Подобного чувства Суворов совершенно не допускал и весьма бережно следил за тем, чтобы оно не просочилось в сердце солдата даже

косвенным путем: «Одно звание обороны, — говорит он в одном приказе, — уже доказывает слабость, следовательно, наводит робость».

Вот почему и все арьергардные действия у Суворова всегда сводились к самым решительным атакам. Такой, например, атаккой арьергард Розенберга в Муттенской долине нанес поражение Массене.

Наряду с таким направлением учебных занятий шло постоянное словесное, так сказать, «натаскивание на победу». Вот, например, как «Поучение» говорит о штурме крепости: «Ломи через засек, бросай плетни через волчьи ямы, быстро беги; прыгай через палисады, бросай фашины, спускайся в ров, ставь лестницы, стрелки, очищай колонны¹, стреляй по головам; колонны, лети через стену на вал, скальвай, на валу вытягивай линию; караул, к пороховым погребам; отвори ворота коннице; неприятель бежит в город — его пушки обороти по нем. Стреляй сильно в улицы, бомбардируй живо: недосуг за этим ходить. Приказ: спускайся в город, режь неприятеля на улицах; конница, руби. В дома не ходи, а бей на площадях. Штурмуй, где неприятель засел; занимай площадь, ставь гауптвахт, расставляй вмиг пикет к воротам, погребам, магазинам. Неприятель сдался — пощада! Стена занята — на добычь».

Это огненное поучение насквозь пропитано глубочайшей уверенностью, что нет такой крепости, которую не взяли бы русские войска, раз они пошли на штурм. Безудержная воля и решимость выпирают изо всех щелей. И ничем иным, как самой полной победой, штурм так веденный и кончиться не может... Вот чувство, с каким суворовские солдаты должны были слушать это поучение. Оно усиливалось еще тем, что каждый солдат на практических занятиях многократно уже проделывал все указанные приемы и потому каждое слово этого поучения вызывало в нем совершенно определенное представление: как и что именно должно быть им исполнено. Он на опыте знал, что крепость будет взята. Нигде, ни в чем нет ни малейшего намека на возможность неудачи. То же самое вы найдете решительно во всех поучениях. Идет ли обучение стрельбе, солдату внушается, что «на каждом выстреле всяк своего противника должен целить, чтобы его убить». Идет обучение атаке: «Бросься на картечь — летит сверх головы. Пушки твои, люди твои, вали на месте, гони, коли!» Или: «Ров не глубок! Вал не высок! Бросься в ров, скачи через вал, удар в штыки, коли, гони, бери в полон! Помни — отрезывать! Тут

¹ Очищай место для прохода колонны.

сподручнее конница». Идет речь о форсированных маршах: «Неприятель нас не чаёт, считает на сто, а коли издадека, то на 2—3 стах и больше; вдруг мы на него как снег на голову. Закружится у него голова! Атакуй с чем Бог послал. Конница, начинай. Руби, коли, отрезывай, не отпускай! Ура! Чудеса творят братцы!» Или: «У неприятеля те же руки, да русского штыка не знает... Богатыри! Неприятель от вас дрожит!»... и т.д. на каждом шагу.

Это все взято из боевых поучений, но та же мысль сквозит всюду, о чем бы ни говорил, ни писал Суворов. Командируется, например, князь Багратион обучать австрийцев суворовским приемам боя; это облачается в такую форму: «Отправьтесь немедленно к Александрии, где вы таинство победения неприятеля холодным оружием Бельгардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите... а от ретирад отучите. Наблюдайте сие крепко и над российскими». Отдается приказ о походном движении: «Котлы и легкие прочие обозы, чтобы были не в далеком рассеянии при сближении к неприятелю; по разбитию же его, чтоб можно было каши варить; а впрочем победители должны быть довольны взятым в ранцах хлебом и в манерках водою»...

Всюду назойливо стоит только один лейтмотив: победа, победа и победа!

Понятно, до какой степени глубоко должна была проникать в плоть и кровь солдата вера, что русская армия не может не победить. Эта вера в силу частого повторения становилась его второю натурой. Если принять формулу Гюстава Лебона, что «цель воспитания — претворять сознательные проявления в бессознательные», то в суворовской системе мы найдем самое полное осуществление этого принципа. Вся его система именно и приводила к созданию прочных и устойчивых подсознательных рефлексов, которые в минуты душевных кризисов являются духовными факторами бесконечно более надежными, чем акты нашего сознания.

* * *

Выше нами был уже затронут вопрос о значении личного достоинства как основы достоинства национального. Суворовская военно-педагогическая система, проводившаяся в эпоху, когда понятие о личном достоинстве едва еще начинало пробивать себе путь среди самых передовых людей того времени, опередила свой век более чем на 100 лет.

В век чрезвычайно жестокого обращения с солдатом и крайне унижительного отношения к младшему офицеру Суворов еще с

первых лет своего командования Суздальским полком начинает вводить приемы бесконечно более человеколюбивые. Вместо устрашения наказанием он ставит на первом плане воспитание на религиозно-нравственном основании и стремится вызвать охоту к работе на почве благородного соревнования и развития честолюбивого стремления сделать свое дело возможно лучше. Он сам учил солдат молитвам, разъяснял им основы христианского учения и нравственности, «дабы они познавали грех и наказание, коим 99 против сотого правятся ныне, что тяжело и излишне», — писал он Веймарну. Никогда не скупился он на ласковое слово и одобрение, когда бывал доволен службой солдата, и лексикон его сердечных, ласковых слов был неисчерпаем. Но рядом с этим, он был чрезвычайно строг во всем, что относилось к службе и поддерживал в полку весьма строгую дисциплину.

Не отказывался он и от применения наказания шпицрутенами (прогоняние сквозь строй), но наказание это применял только при особенно серьезных случаях нарушения дисциплины, а главным образом за мародерство, по отношению к которому он был беспощаден, считая, что мародер перестал быть солдатом и обратился в разбойника, с которым стесняться нечего, ибо он позорит его чудо-богатырей, а в чужих краях — и русское имя.

Ко всему, что касалось достоинства русского имени, Суворов был чрезвычайно чувствителен и в случаях, когда кто-нибудь бросал своим поступком тень на это имя, пощады не давал. Заметив на походе от Адды к Милану несколько грабителей-солдат, он приказал их тут же на походе прогнать сквозь строй. Когда стали поступать другие жалобы на бесчинства солдат, он отдал приказ: «Суд короткий... Старший в полку или батальоне прикажет обиженному все сполна возратить, а ежели чего не достает, то заплатит обиженному на месте, из своего кармана; мародера — шпицрутенами по силе его преступления, тем больше, ежели обиженного налицо не будет».

Ген. Розенбергу по этому поводу Суворов писал:

«Андрей Григорьевич, Бога ради учредите лучший порядок; бесчеловечие и общий вред впредь падают на особу Вашего Высокопревосходительства».

Беспощадно наказывая солдат, позорящих доброе имя русского воина, Суворов не щадил и офицеров, если они попадались в мародерстве. Особенно прискорбный случай произошел после сражения на Треббии, в Пиаченце: несколько офицеров обобрали лежавшего в госпитале раненого французского генерала Сальма. Суворов разжаловал их в рядовые, а затем

приказал наказывать палками. Офицер-грабитель в глазах Суворова переставал быть офицером и становился на один уровень с разбойником...

При всей своей гуманности и доступности Суворов никогда перед солдатом не заискивал. Хвалил его и даже очень был щедр на похвалы, когда он того заслуживал, но и весьма был требователен при несении службы. Он очень любил, когда солдаты сбегались к нему со всех сторон, шутил с ними, расспрашивал об их боевых подвигах, очень многих знал в лицо и называл по имени и отчеству, но никогда не переставал быть для них начальником и каждое его слово, каждое приказание ловилось на лету и мгновенно приводилось в исполнение. Суворов терпеть не мог начальников старого закала, считавших ниже своего достоинства по сердцу поговорить с солдатами и смотревших на него как на низшую породу людей: «Эти господа, — пишет он в одном из писем, — понимают дисциплину в кичливости, а субординацию — в трепете подчиненных».

В отношении к генералам и офицерам Суворов держался той же системы, т.е. наряду с весьма большой служебной требовательностью он был очень доступен, охотно выслушивал их мнения и допускал даже «возражение низших высшему, но с тем, чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не в многолюдстве, иначе будет буйством...» При этом он добавлял: «Излишние рассуждения свойственны только школьникам и способностей вовсе не доказывают: способность видна лишь из действий».

Своих подчиненных Суворов ценил исключительно за их способности, всегда был очень щедр на награды всем, заслужившим их боевыми подвигами, не скупился на выражение им самой сердечной благодарности за их работу и глубоко, до слез, трогал их своим вниманием. При этом он был справедлив и не переносил на служебную почву личной неприязни.

Суворов никогда не старался выставлять себя на первое место, отбрасывая в тень своих подчиненных, как это нередко практикуется иными начальниками. Проводя всюду мысль, что большое дело может быть сделано только общими усилиями всех, направленными к одной цели, он всегда подчеркивал роль своих помощников в одержанной победе. Говоря, например, в своей автобиографии о борьбе с польскими конфедератами 1771—1772 гг., он объяснял свою решимость на далекий и рискованный набег к Сталовичам тем, что «имел храбрых офицеров, привыкших сражаться вблизи». После блестящего боя под Ландскроной, 10 мая 1771 года, в котором Суворов в 1/2 часа совершенно разгромил отряд конфедератов, поддержанных фран-

цузскими егерями под общим начальством французского генерала Дюмурье, он писал в донесении: «Полковник Древиц все дело сделал; он атаковал с искусством, мужеством и храбростью и весьма заслуживает императорской отличной милости и награждения». Эта оценка особенно ярко характеризует все благородство и высоту души Суворова, так как он терпеть не мог Древица и неоднократно перед тем писал Веймарну о дурной славе, которую тот себе заслужил грабежами для личного обогащения и невероятной жестокостью к побежденным полякам; указывал, что он иностранец, не привязанный к России, что его интерес в затягивании войны, а не в скорейшем ее окончании, что «употребляем он... в стыд наш... в стыд России, лишившейся давно таких варварских времен...» А когда Древиц молодецки провел дело, все это было забыто.

Суворов не любил старика Розенберга и не доверял его военным способностям; после печального эпизода у Басиньяно угрожал ему даже военным судом; но тем не менее всячески поддерживал его авторитет командира корпуса. И, как мы знаем, своим блестящим боем в Муттенской долине, в минуту чрезвычайно тяжелую, Розенберг в полной мере отблагодарил Суворова за рыцарское к нему отношение.

К проявлению трусости молодыми, необстрелянными офицерами Суворов был весьма снисходителен. Он знал, что владение собою сразу не дается...

Но вообще он был очень строг к провинившимся, несмотря на чин и должность. В приказах он постоянно требует, чтобы подчиненных всегда держали в руках: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей ко злу не приводит, как слабая команда. Почему за прегрешения неослабно наказывать».

Проводя как основание своей системы личное достоинство сверху донизу и сделав в этом направлении столько, сколько никто из современных ему военачальников не сделал, Суворов бывал вынужден иногда от этого принципа отступить, но делал это только тогда, когда этого требовали высшие интересы его отечества и честь и достоинство русского имени. В этих случаях личное достоинство приносилось в жертву достоинству национальному.

Жизнь слишком сложна и часто создает столкновения двух принципов. Хорошо разрешает такие неизбежные конфликты тот, кто дает перевес идеалу более общему, более высокому...

* * *

Изучая «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом», внимание невольно останавливается на том ме-

сте, где Суворов с обычной своею страстностью громит «немогузнайку». «Богатыри! Неприятель от вас дрожит; да есть неприятель больше богадельни!¹ Проклятая немогузнайка, намека, догадка, лживка, лукавка, краснословка, кличка, чтоб бестолково выговаривать: край прикак², а фок, вайрках³, рокад⁴ и прочее, стыдно сказать. От немогузнайки много, много беды!»

Что же такое эта «немогузнайка»?

«Проклятые немогузнайки опрокинули меня в ров и чуть было всех косточек моих не разбили...» — так объясняет Суворов в Итальянском походе Великому Князю, почему у него подбит глаз.

Едва он начал знакомиться с австрийскими войсками, как и в них он нашел того же кровного врага и сейчас же сочинил для него немецкое слово «нихтбештимтзагерство», что в буквальном переводе значит «не точное, нерешительное, не положительное говорение».

На практике Суворов придавал этому слову значение более широкое и относил к нему все случаи растерянности, нерешительности, бестолковщины, суеты, от каких бы причин они ни происходили, и даже случавшиеся в войсках паники. Приведенный выше случай с «проклятыми немогузнайками» и произошел во время паники.

С психологической точки зрения эта беспощадная борьба против немогузнайства представляет большой интерес, а в деле воспитания война имеет первостепенное значение. Это было ни что иное как постоянное, повседневное, настойчивое, как и все у Суворова, натаскивание на решительность, определенность, точность, ясность, отсутствие двусмысленностей или слов, затемняющих смысл, а в особенности, борьба против всякой лжи и неискренности.

Даже в кляузных гражданских делах Суворов требовал «дело... трактовать просто, ясно и тем вразумительнее, без украшений, не обременять слога элоквенцией и особливо без проклятого экивока, коим сжимается всякий переговоры, передается наугады и под харею лукавства закрыт вид глупого обмана». В своем армейском быту он тем менее переносил все, что только могло намекнуть на эти недостатки. Его воинское братство было построено на полной искренности, честности и ясности всех взаимоотношений, исключавших хотя бы малейшую фальшь.

¹ Военные госпитали, которые, в глазах Суворова, были ближайшей дорогой на тот свет.

² Искаженное «как прикажете»!

³ Смысл этих слов утрачен. Вероятно, тоже искаженные, ходячие формулы, при помощи которых уклонялись от определенного ответа на вопрос.

⁴ Рокада, рокировка — замена одних войск другими.

Но в борьбе с немогузнайством была и другая, чрезвычайно важная сторона, а именно — воспитание решимости.

Как боевой практик, Суворов знал и осуществлял на деле то положение, которое войдет в нашу науку под формой Клаузевица: «На войне большею частью дело заключается не в том, чтобы решаться на лучшее, а хоть на что-нибудь, лишь бы это что-нибудь было энергично приведено в исполнение».

Поэтому способность принимать решение и, не колеблясь, доводить его до конца была в суворовской «Науке» тем венцом, которым должно было завершаться воинское воспитание. Без решимости все остальные качества: бесстрашие, вера в себя, вера в свою непобедимость, чувство личного достоинства — являются духовными ценностями, в лучшем случае годными для мощного отпора противнику, но сами по себе они лишены активности. Война же и бой в суворовском понимании — это активность, доведенная до наивысшего предела. Противника Суворов не ждет к себе, а его ищет, чтобы разгромить и уничтожить. Сам идет в самое пекло, в самую гущу вражеского стана, чтобы там продиктовать свою волю. Вот что сквозит во всех операциях Суворова. Всюду решимость, решимость и решимость. Она дает жизнь и общую идею всем остальным сторонам духовного облика суворовского воина. Она сердце суворовской системы, дающее импульс всему организму.

Понятно, почему Суворов так горячо боролся за то, чтобы сердце было здорово и не подтачивалось никакою болезнью.

Воспитание решимости, как и все воспитание у Суворова, шло двумя путями: путем соответствующих строевых упражнений и путем словесного внушения для создания прочных подсознательных рефлексов.

В нашей военно-воспитательной школе мы вообще никогда не обращали внимания на систематическую выработку решимости суворовским путем, т.е. путем задавания неожиданных вопросов и требования на них немедленного находчивого ответа. Обычно неумение дать в подобном случае ответ происходит от двух причин: или от нерешительности, или от лени мысли. Оба эти недостатка в бою губительны и для дела, и для самого воина. К тому же где нерешителен отдельный воин, там не может быть решимости и в целой войсковой части.

В возрожденной Русской армии, в которой культ воли и решимости должен будет занять подобающее ему место, придется воскресить и суворовскую борьбу против «немогузнайки». Она на нашу беду оказалась слишком живучей...

Недавно мы с большим изумлением прочли в парижском «Temps» заявление одного из французских профессоров, что он

гораздо выше ценит у студента быстрый, хотя бы и не вполне верный ответ, чем ответ безукоризненно верный, но данный после долгих обдумываний и колебаний. Профессор мотивировал свое заявление тем, что современная молодежь страдает избытком рассудочности и недостатком решимости.

Вот где, совершенно неожиданно, через 130 лет после Суворова, выскочила снова борьба с немогузнайкой.

* * *

Родной сестрой решимости является способность проявлять инициативу и брать на себя ответственность за успех операции. И в этом отношении взгляды Суворова таковы, что и поныне могут служить нам уроком.

В первой польской войне он писал мелким отрядным начальникам: «Спрашиваться старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар под высканием за малую деятельность». В диспозиции для боя под Туртукаем (1773 г.) он говорил: «Сия есть генеральная диспозиция для атаки: прибавить к тому, что турецкие собственные набег отбивать по обыкновению наступательно, а подробности зависят от обстоятельств, разума, искусства, храбрости и твердости гг. командующих». В 1794 году, поручая ген. Ферзену настойчивым преследованием покончить с повстанцами, Суворов писал: «Рекомендую Вашему Превосходительству решительность. Вы — генерал. Я издали и вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было. Вы — локальный». В Итальянском походе та же мысль выражена еще ярче: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный: он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским. Я право, должно лево — меня не слушать. Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед».

Наконец, и сам Суворов всегда брал на себя инициативу в самых широких рамках. В 1794 году, прибыв в Брест, он в интересах общего дела отдал приказ не подчиненному ему г. Дерфельдену именем Императрицы идти к Праге и изменил по своему весь план кампании, обратив его из оборонительного в наступательный. А вся Итальянская кампания была ни чем иным как непрерывным нарушением всех планов гофкригсрата и инструкций императора Франца.

Как известно, ни Фридрих II, ни Наполеон не шли так далеко, как Суворов, в понимании значения частной инициативы. Второй даже поплатился за это крушением своей Империи... К суворовским же взглядам мы и ныне ничего нового прибавить не можем, и нам остается только настойчиво проводить их в жизнь.

* * *

Для завершения психологического исследования «Науки побеждать» необходимо хотя бы кратко остановиться на вопросе об отношении Суворова к побежденным и к населению тех местностей, в которых ему приходилось вести войну. Как мы уже видели, Моммсен считал особенно редким качеством Юлия Цезаря то, что он «не переносил на политику военный, командный тон». Приемы, которыми военачальник достигает целей в бою, чтобы заставить противника подчиниться его воле победителя, и приемы, которые должен применять тот же военачальник как только смолкает гром пушек, в интересах общего дела — возможно скорейшего окончания войны и скорейшего достижения целей, поставленных политикой, — совершенно различны. До такой степени различны, что, в сущности, требовали бы для их проведения в жизнь двух различных людей. С одной стороны, беспощадная решимость силою опрокинуть всякое сопротивление и уничтожить не покоряющихся, а с другой — милосердие, мягкость, внимание к нуждам, заботливость и попечение о тех, кто добровольно подчинился и по праву войны оказался в составе мирного населения, того обывателя, который, по суворовскому выражению, «нас поит и кормит».

Чтобы эти столь разнородные качества совместились в одном лице, нужна такая необъятная широта и всесторонность натуры, на которые природа чрезвычайно скупа и дарит ими человечество крайне редко.

Суворов и в этом отношении оказался ее избранником. Эта сторона его деятельности оказывала ему громадную помощь и при разрешении чисто военных задач. «Не менее оружия поражать противника человеколюбием», — говорил он и неоднократно проводил этот взгляд в жизнь в такой широкой, не знающей компромиссов степени, что и поныне мы находим в его поведении много поучительного.

Борьба его за покорение ногайцев была построена на постоянном применении, с одной стороны, самых оглушительных ударов против восставших, а с другой — немедленного забвения прошлого, заботливости, обеспечения мирного труда, полного уважения к бытовому укладу, широкого, сердечного гостеприимства всем вождям, признавшим власть русской Императрицы. Укоряя своего подчиненного Райзера за то, что он прибегал к военным мерам тогда, когда цель могла быть достигнута мирными средствами и ласковым обращением, он ему писал: «Благое великодушное иногда более полезно, нежели стремглавый меч».

Ту же политику он применял и по отношению к восставшим полякам и благодаря ей, после ошеломившего всех штурма Пра-

ги, он в самое короткое время привел край к полному успокоению. Во имя того же человеколюбия Суворов во время штурма Праги приказал разрушить мост через Вислу, соединявший Прагу с Варшавой, чтобы ожесточенные штурмом войска не проникли в Варшаву и не натворили там неисчислимых бед.

Хотя весьма распространенный энциклопедический словарь «Petit Larousse illustre» и по сей день называет Суворова генералом «sans humanité ni scrupules» («чуждым гуманности и угрызениям совести»), но его бывшие противники оказались более благородными и справедливыми и на поднесенной ему варшавским магистратом ценной табакерке поместили надпись: «Warszawa zbawcy swemu»...

* * *

Для полноты картины суворовской военно-педагогической системы нам необходимо ознакомиться теперь с военно-технической стороной подготовки войск к бою и войне, которая, как уже неоднократно указывалось, была насквозь пропитана теми духовными основами, которые нами рассмотрены выше. Она на деле прививала солдату те же качества, которые внушались ему и словами, и всем воинским обиходом. Все это замыкалось стройно, логично, последовательно в один общий круг.

К сожалению, в целом виде эта система до нас не дошла. Во время командования Суздальским полком все руководящие указания по обучению войск были изложены в особом наставлении, получившем наименование «Суздальское учреждение», которое, однако, до нас не дошло¹. Из многих отдельных указаний, разбросанных в приказах, письмах и дневниках современников, можно сделать вывод, что в основе этой военно-технической подготовки лежали следующие положения:

1. «Каждый воин должен понимать свой маневр», знать совершенно определенно, что именно от него требуется.
2. Наглядность всего обучения. «Показ» на примере учителя, что и как должно быть исполнено. «Нет приказа без показа».
3. Простота обучения, доведенная до последнего предела. Ничего хитроумного. Ничего искусственного.
4. Обучать только тому, что необходимо для боя и для похода.
5. Учить немногому, но весьма твердо, пока оно не достигнет совершенства.
6. Частое повторение одного и того же, но в разных комбинациях, до тех пор, пока оно не обратится в прочную привычку (создание подсознательных рефлексов).

¹ В 1938 г. наставление было обнаружено. — Сост.

7. Из обучения безусловно изгнано все, что хоть косвенно может намекнуть на пассивное выжидание противника. Всюду только самая решительная атака и как высшее выражение решимости — стремительная, неустойчивая атака в штыки.

8. Тщательное обучение стрельбе, дабы каждый стрелок непременно убил того, в кого он целит; стрельба «что называется — в утку», по выражению Суворова.

9. Вся обстановка обучения весьма близко напоминает действительный бой того времени. Не бояться несчастных случаев, увечий. Мирные походы — подобие военных. Маневры полны разнообразия и неожиданностей. Особое внимание — на разнообразии местностей. Никогда никаких шаблонов, ни «нормальных боевых порядков». Многообразие во всем. Большое приращение к ночным маршам и ночным штурмам.

10. Учение должно идти быстро, бодро. На походе — веселье, музыка, песни. Никогда ничего томительного, нудного.

11. Учения мирного времени связаны с большим напряжением сил и утомлением. Постоянно внушается: «Тяжело на учении — легко на походе».

12. Постоянное отвлечение мысли от своих тягот на мысль о тяжелом положении противника: «Неприятелю не легче, а может быть тяжелее твоего»... «У нас нет и 40 человек в ротах, — докладывает Багратион перед сражением на Треббии, — а у Макдональда нет и 20! Атакуй с Богом».

13. Начальник всюду и всегда впереди. Образец во всем.

14. Горячее, захватывающее, простонародное слово, вбивающее в душу основные духовные добродетели.

15. В конце учения и следовавшего за ним «поучения» всегда торжественно и громогласно говорилось: «Субординация (послушание), экзерциция, дисциплина (воинский порядок), чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа! Слава, Слава, Слава!»

Вот несколько примеров, как проводил Суворов перечисленные основы в жизнь.

В Ладого, где стоял Суздальский полк, кроме обычного строевого обучения по уставам того времени он учил своих солдат перепрыгивать через широкие рвы, обучал всех плаванию, нередко подводил полк к берегу Волхова, приказывал всем раздеться, сам раздевался и производил переправу вброд и вплавь. Постоянно делал маневры. Вызывал полк по тревоге во всякое время года, днем и ночью. Производил во всякое время форсированные марши; атаковал встречавшиеся по пути местные предметы и раз даже штурмовал монастырь, окруженный

высокими каменными стенами. В эту эпоху еще не было его «Науки побеждать» и тех ярких крылатых слов, которыми он впоследствии так прославился.

Во время путешествия Императрицы Екатерины II на юге России (1778 г.) в сопровождении огромной свиты иностранцев и русских Суворов представил в Кременчуге свою дивизию. Он показал не обычный парад, а боевую выучку дивизии. Иностранцы были просто ошеломлены тем, что им было показано, и один из них откровенно сознался, что на своем веку ничего подобного не видал.

Готовясь к штурму Измаила (1790 г.), Суворов приказал в тылу войск обложения построить небольшой участок крепости, во всем подобный измаильской, и на нем обучал сначала молодых солдат, незнакомых с его школой, как преодолевать препятствия и колоть штыком расставленные на валу чучела, а потом проводил через него все войска. При этом во всех подробностях, в строгой постепенности, с возможной быстротой и отчетливостью проделывались все фазисы штурма: где быть рабочим, где стрелкам, где резервам, как преодолевать препятствия, как заваливать ров фашинами, как связывать лестницы и по ним взбираться на вал, как распространяться по валу, как помогать друг другу, как прокладывать путь резервам, коннице и т.д. Это проделывалось и днем, и ночью.

Такую же подготовку проделал Суворов и в 1794 году перед штурмом Праги. Во время вынужденной, из-за неорганизованности снабжения, 3-недельной приостановки в наступательных действиях Суворов усиленно обучал свои войска полевым боям и штурму. Занятия велись по полкам и общие для всех родов войск. Суворов не пропускал ни одного учения. Обучение штурму шло двухсторонним порядком, причем роли постоянно менялись: сторона оборонявшая укрепление становилась наступающей и наоборот. Штурмы производились ночью под оглушительный грохот артиллерии обеих сторон. Роды войск обучались один на другом: пехота против кавалерии и артиллерии, кавалерия против пехоты и артиллерии. Пехота усиленно практиковалась в работе штыком, кавалерия — в рубке чучел и глины. После каждого учения Суворов производил разбор, указывал, как поступать впредь, говорил выдержки из своего «Поучения».

Сохранилось описание одного из смотров, проведенных Суворовым в 1795 году в Немирове на р. Буге и записанных его участником: «Здесь стояло лагерем два конных и один пехотный полк. Суворов явился сюда около полудня, когда люди пос-

ле обеда отдыхали. Он был верхом, в сопровождении трех лиц своего штаба и казака. Быстро подскакав к середине пехотного полка, он стал кликать знакомого ему барабанщика, старого седого солдата, отличившегося в эту войну: “Яков Васильевич... Кисляков!” Барабанщик выскочил. Суворов поздоровался с ним и велел бить тревогу. Привычные войска выстроились живо. Суворов тотчас свернул их в колонны и повел по направлению к Бугу. Тут пехота подвязала патронные сумы к шее и, подняв ружья над головами, направилась через реку вброд; конница тоже, причем кавалеристы помогали своими веревками-сеновязками малорослым из пехоты. Перейдя реку, войска шибким шагом пошли вперед. Верст пятнадцать выводил их Суворов, маневрируя и атакуя, потом свел в общее каре, держал речь, произносил выдержки из своего “Военного катехизиса”, благодарил за учение и сделал жестокий выговор командиру одного из кавалерийских полков за шалости солдат на квартирах. Потом, едучи по фронту, он здоровался и заговаривал со знакомыми солдатами, иногда обращался к целым ротам, когда-либо отличившимся, затем, попрощавшись со всеми, быстро ускакал».

«Наука побеждать»

Около этого времени начинает окончательно выкристаллизовываться и суворовская «Наука побеждать». Она состоит из двух частей: 1) «Вахт-парад» и 2) «Словесное поучение солдатам о знании, для них необходимом».

«Вахт-парад» предназначался для начальников и представляет собою перечень тех строевых упражнений, которые должны были производиться перед каждым разводом. Здесь мы видим сначала обучение элементарным основам сомкнутого строя, затем обучение приемам стрельбы из того же строя. Далее идут: а) обучение наступлению уступами, повзводно, со стрельбою; б) атака в штыки неприятельской линии; отражение атаки кавалерии; атаки второй линии противника и его резервов; в) сквозная атака, мгновенное восстановление порядка; никто не смеет пятиться ни четверти шага, общий порыв вперед; г) движение колоннами под барабаны и музыку; строгое соблюдение интервалов и дистанций, безукоризненно точное восстановление фронта, скорый шаг; д) атака линии на линию, показ как перебежать через полосу картечного огня, удар в штыки, сквозная атака; е) то же с переменю ролей; ж) атака колоннами, протискивание насквозь; з) встреча атаки турецкой конницы в каре; стрелки бьют по наездникам и на-

чальникам; взаимодействие в артиллерии; общий удар в штыки. Сквозная атака каре против каре. Преследование опрокинутого неприятеля; и) снова сквозная атака колоннами; к) повторная сквозная атака в каре; л) восстановление общего линейного порядка.

Этим заканчивалось учение, как мы видим, весьма разностороннее и требующее образцовой выучки каждой отдельной части всех родов войск. «Сии основательные¹ маневры, марши и эволюции равны в батальонных, полковых и корпусных эволюциях».

«Вахт-парад» заканчивается указаниями по стрельбе (вред батального огня, неприменимость в бою залпов, тщательное прицеливание) и разъяснением, что наступление уступами повзводно для боя не годится и делается только для практики в гибкости строя. Об «отступных плутонгах (взводах)... лучше не помышлять: влияние их солдату весьма опасно, ниже о каких ретиродах в пехоте и кавалерии не мыслить».

Все эти эволюции исполнялись как боевые приемы; всегда подчеркивалось, когда какую из них лучше всего применять в зависимости от боевой обстановки. Практика шла все время рука об руку с теорией. Требовалась чрезвычайная точность и отчетливость всех движений и перестроений. После каждой сквозной атаки, а их на каждом учении бывало 6–8, требовалось мгновенное восстановление порядка. Все, что только могло питать чувство самосохранения, совершенно было изгнано. Введены неожиданности и умение их парировать. Все сначала показано, а затем уже подтверждено словом.

* * *

Чтобы яснее представить себе, что представляли собою суворовские учения на деле, мы приводим ниже краткие выписки из труда французского эмигранта Дюбокажа, служившего под начальством Суворова, под заглавием: «*Précis historique sur le Maréchal Souwouow*». (Исторический очерк о маршале Суворове.)

«Военное искусство для одиночного солдата или офицера заключалось, по мнению Суворова, в быстроте исполнения и в неустрашимости, не останавливаемой никакими препятствиями: военные добродетели, которые должно венчать слепое повиновение.

Для достижения быстроты и неустрашимости нужно было, по его убеждению, освоить войска с явлениями войны посредством маневров... Суворов все маневры заканчивал свалкой. Части, какой бы они ни были силы, делились для этого на две стороны... Они строились развернутым строем или колоннами,

¹ Т.е. основные.

более или менее глубокими, затем одновременно начинали движение. По сближении шагов на сто каждый начальник командовал, что нужно для атаки, которую пехота исполняла бегом, а кавалерия — галопом. Иногда пехота атаковала кавалерию, держа ружья на руку, а последняя скакала ей навстречу...

Эта атака была действительной свалкой, какая происходит и в настоящем бою. Она производилась... среди огня пехоты и артиллерии, при криках “ура!”, повторяемых всяким пехотинцем и кавалеристом. Офицеры кричали при этом: “Руби! В штыки!”

Ни одна часть в момент свалки не смела ни принять в сторону, ни замедлить движение...

В тех случаях, когда обе стороны состояли из кавалерии, интервалы часто бывали недостаточны и тогда происходила настоящая свалка: коленям доставалось. Мне часто случалось видеть выбитых из седла и до того ушибленные колени, что люди не могли ходить по нескольку дней, а иногда и недель.

Все эти движения не подчинялись никаким правилам и не отличались регулярностью; такой их характер придавал маневру сходство с боем еще более близкое. Нужно заметить, что исчезавший порядок так быстро был восстанавливаем, что издали зритель едва замечал легкое волнение линий во время свалки; ему трудно было представить себе, каким образом эти массы людей и лошадей могли пройти насквозь... тем не менее несчастные случаи бывали редко...

...Для войск, выдержанных на суворовских маневрах, бой не представлял ничего нового... Кавалерия получала навык атаковать дерзко и неустрашимо, пехота — встречать атаку спокойно и хладнокровно... рекруты стоили старых, выдержанных солдат.

Этот способ... приучал и лошадей проходить через пехоту при ружейном и артиллерийском огне, и их не мог остановить стойкий неприятель, приберегающий огонь свой до последней минуты.

Суворов не забывал и эволюций, принятых в европейских армиях; но в развертываниях, маршах, контрмаршах и пр. он не видел другой цели, как довести дело до своей любимой атаки по возможности скорее и прямее».

* * *

О второй части «Науки побеждать», о «Поучении солдатам», неоднократно уже упоминалось в предыдущем изложении, и его характер ясен из тех многочисленных выписок из него, которые были нами приведены и разобраны. Это ни что иное как весьма обстоятельная теория военного дела, дополненная многочисленными указаниями нравственного порядка и даже указаниями по физической гигиене. Язык этого поучения яркий, образный, отры-

вистый, легко запоминаемый и сам собою обращающийся в поговорки, столь свойственные умственному складу простого русского человека. Понятно, насколько легче и прочнее поучение это усваивалось солдатом, чем все наши войсковые учебники, написанные скучным, казенным, книжным языком... Живое, бодрое, дышащее энергией военной дело требует и соответствующего языка.

* * *

Суворовская «Наука побеждать» пережила все политические катаклизмы, все многочисленные и сокрушительные войны XIX века, нашу Дальневосточную войну и, наконец, последнюю Мировую войну и ныне остается еще столь же свежей и жизненной, какой она вышла из рук своего творца. Более того, она никогда еще не была столь жизненно необходимой, как именно в наше время, когда чудовищное развитие техники все настойчивее и настойчивее стремится отеснить на второй план область духовного влияния и ценностям материальным придает большее значение, чем ценностям нравственного порядка. Это явление наблюдается во всех сферах жизни всего цивилизованного мира, является настолько всеобщим, настолько глубоко проникающим в широкие народные массы, что не может не наложить своего пагубного отпечатка и на современные нам вооруженные силы. На этой почве и происходит тот упадок военного искусства, о котором мы уже упоминали. В частности, происходящий на нашей Родине чудовищный по своей дикости и бессмысленности коммунистическо-интернациональный опыт есть не что иное, как доведенное до абсурда стремление построить государственную и общественную жизнь на отрицании того божественного неписаного закона, гласящегося в глубине души каждого человека, который важнее всяких писаных человеческих законов. Ни одной минуты сомнения не может быть в том, что божественный нравственный закон как властный голос самой природы рано или поздно возьмет верх над материалистическими соображениями и с этой минуты начнется возрождение нашего отечества и воскрешение Русской армии, былых суворовских «чудо-богатырей». Тогда, будем надеяться, и суворовская «Наука побеждать» войдет в нашу армию во всей ее полноте, в такой полноте, в какой после Суворова она еще никогда у нас принята не была. Но войдет не путем бессмысленного и слепого подражания отжившим формам XVIII века, а тем путем, какой нам завещал Суворов на своем личном примере, перенеся высокие идеалы своего великого учителя древности на современную ему русскую почву.

Исполнить такую же работу в условиях времени, ныне нами

переживаемого, — наш общий священный долг, в особенности, долг молодого, идущего нам на смену поколения, которому мы можем только посоветовать:

«Возьми себе за образец Суворова, поравняйся с ним, обгони его... Слава тебе!»

* * *

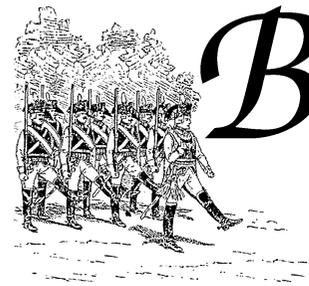
В Боровичском уезде Новгородской губернии, где в селе Кончанском проводил свои опальные годы Суворов, сохранилась такая легенда:

«В дремучем лесу, среди болот, лежит огромная каменная глыба, с пещерою внутри; вход в нее из-под болота. Дурная слава про это место: там блуждают синие огоньки, носятся бледные тени, слышатся тоскливые, жалобные стоны... Всегда здесь тихо и мертво; только ворон каркает над каменной глыбой, да вьется хищный орел, успокаивая клеточкой своим старца, почивающего неземным сном в пещере внутри камня. Через малое отверстие брезжит оттуда тусклый, слабый свет неугасимой лампы да доносится глухое замогильное поминовение князю рабу Божию Александру. В глубине скалы спит сам дедушка, склонив седую голову на уступ камня. Давно он спит и долго спать будет. Только тогда, когда покроется Русская Земля кровью боевому коню по щиколотку, проснется великий русский воин, выйдет из своей усыпальницы и избавит отечество от лютой невзгоды».

Не следует ли нам в том необычайном интересе, который в нас в настоящую минуту вызывает Суворов и все с его памятью связанное, видеть символическое указание на приближающееся исполнение заключительных слов этой легенды?..

Военный Сборник (Белград). — 1930. — Кн. XI.

А. Елчанинов СУВОРОВ ПОЛКОВОДЕЦ И ВОСПИТАТЕЛЬ

В истории военного искусства Суворов является полководцем своеобразным и занимает место довольно уединенное. Все великие полководцы были в то же время или неограниченными государями, как Александр Македонский, Густав-Адольф, Фридрих Великий, Петр Великий, Наполеон, — или пользовались в военном отношении полною властью.

Суворов никогда не пользовался самостоятельностью. До Итальянского похода он все время был подчиненным и самостоятельно исполнил только одно крупное поручение — взял Измаил. Остальные победы одержал он, или вырывая насильно себе самостоятельность действий, или пользуясь случаем, чтобы проявить ее (Фокшаны, Рымник, Прага). В Итальянскую войну он хотя и был главноначальником, но на деле был связан по рукам и ногам.

Кроме того, Суворов в своей личной жизни много раз был несчастлив. Вспомним хотя бы столкновение его с Потемкиным и немилости Государя. Даже после смерти Суворова изучение его было заброшено под ураганом появления на военном поприще Наполеона, а позднейшие исследования, сухие и с оглядкою на Запад, не дали нам всего полного образа нашего величайшего вождя.

И, однако, Суворов все же признан великим полководцем, за границу даже, быть может, более, нежели в России.

Дар его развертывался в самой разнообразной обстановке: на равнинах, в лесах и болотах, в степях, в горах, во всякое

время года, при всяких условиях. Он вел большую войну — сражения в открытом поле, взятия крепостей, переправы через реки, оборону морских берегов, — вел и войну малую. За свои 40 лет боевой жизни Суворов руководил 63 сражениями, где был всегда слабее противника (кроме Адды и Нови), и несмотря на то всегда наступал и не только не был никогда побежден, но, наоборот, все его победы были самые решительные.

Цель его действий была всегда важна. Не увлекаясь второстепенным и особенно мертвыми данными местности, он старался окончить войну поражением живой силы противника. Каждый замысел ведет он на уничтожение врага в поле и совершенно не придает значения сидению под крепостями, которые должны пасть сами собою с уничтожением живой силы врага. А если крепости и являлись предметом действий Суворова, то брались они им быстро, мощными ударами, без столь излюбленного инженерами всех стран и времен сидения под крепостными стенами.

«Брестский корпус сего числа кончен... Неприятельскую армию взять в полон», — вот замысел Суворова. Но если ему не удавалось «кончить» в бою, то шло неотвязное преследование. «Преследуй денно и ночью, доколе истреблен не будет: недорубленный лес опять вырастает», — урок Суворова и в стратегии, и в тактике...

Все предприятия Суворова вместе с тем были всегда строго соображены с общим положением дел на войне. «Смотри на дело в целом», — учил он, и при этом он никогда не решал задач за противника для обоснования своих действий, как это велят нам некоторые делать ныне, а наоборот, ставил сам врагу неразрешимые для него задачи, и всегда самого крупного значения.

«Не лучше ли одна кампания вместо десяти, — говорил он в 1799 г. — Или не лучше ли иметь цель направить путь на Париж, нежели остроумными степенями преграждать дорогу к своим вратам?» (т.е. к 4-угольнику крепостей: Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго).

Такой взгляд тем более замечателен, что даже один из лучших представителей тогдашнего военного дела, эрцгерцог Карл, держался «стратегии местности», прочие же прямо вязли в разного рода ложнометодических измышлениях.

Однако Суворов при этом сам далеко не пренебрегает местностью. В одном из главных своих заветов нам он указывает: «Умей пользоваться местностью», — и сам пользуется ею несравнимо, но лишь как пособником в достижении своей главной цели — уничтожения силы сопротивления врага ударом в наиболее больное его место.

Но для правильной постановки цели нужно знать общую обстановку. Суворов и достигал этого знания с помощью замечательного своего глазомера. Из сбивчивых, иногда противоречивых примет Суворов умел вычитывать истинное положение вещей, и тогда решение вопроса о цели являлось само собою. Это он называл «верный взгляд военный».

Не менее искусно выбирал Суворов и направление для достижения цели — операционную линию.

Выигрыш во времени, в связи с выбором кратчайшего операционного направления, он считает весьма важным.

Вот как он скорбит по случаю остановки под Брестом в 1794 г.:

«Время драгоценнее всего. Юлий Цезарь побеждал поспешностью. Я терплю до двух суток для провианта, запасаясь им знатно на всякий случай. Поспешать мне надлежит к стороне Бреста, ежели между тем мятежники не разбиты, но не для магазейн-вахтерства (как прежде кондукторство); есть младшие... или оставить все. Там мне прибавить войска, идти к Праге, где отрезать субсистенцию из Литвы к Варшаве».

«Тако, сиятельный граф, близ трех недель я недвижим, и можно здесь сказать, что Магербал Ганнибалу — ты умеешь побеждать, но не пользоваться победой. Канна и Брест подобие имеют; время упущено, приближаются винтер-квартиры».

Многие, не имея данных, говорили, что Суворов — «дикий самородок», склонный только к лобовым ударам. Между тем, он был в высшей степени гибок в своем творчестве и действовал всегда сообразно с обстановкой. Так, в 1794 г. при движении к Бресту Суворов выбирает кружной путь, в 1799 г. в походе в Швейцарию — кратчайший на С.-Готард. Наконец, в 1799 г. он двигается против Макдональда, хотя и более удаленного, чем Моро, но зато более опасного, — и по наиболее прямому пути.

Самое выполнение своих замыслов Суворов производит с необыкновенной быстротой и нечеловеческой силой воли. «На войне деньги дороги, жизнь человеческая еще дороже, а время — дороже всего», — учит он, и так действует всегда сам.

Никакие препятствия его остановить не могли, пока общая обстановка не менялась. «Имей цель определенную», — говорил он... Но, отличаясь невероятной решительностью, иногда дерзостью, Суворов был осторожен в лучшем значении слова. Он никогда не пускался в предприятие, не обеспечив его со всех сторон, и никогда не были они у него на весу. Для обеспечения операции он порою жертвовал даже самым драгоценным на войне — временем.

5 октября 1794 г. он доносит Румянцеву:

«К сожалению, вместо прямой дороги на Венгров, я должен взять кружный марш на Бельск, для боя с Мокрановским, чтоб не дать ему моего крыла, обеспечить Брест и очистить Литву».

Следовательно, он двинулся кружным путем для обеспечения своей операционной линии. Наоборот, перед походом в Швейцарию в 1799 г. он, стараясь внезапно разбить французов, выбирает кратчайшее операционное направление, о чем и пишет Готце, приглашенному к совместным действиям:

«Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника, с самой чувствительной для него стороны, а не сходиться, робко пробираясь окольными дорогами, через что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением». Короче, действия Суворова — это высшее соединение решительности и осторожности.

На пути к своим мощным замыслам Суворов преследовал едино- и полновластие как основу военных действий, высоко ценил значение вождя. «Присутствие опытного и дельного полководца стоит более целой армии» и «Полная мочь доверенному главнокомандующему», — говорил он, и ниже будет видно, как он это понимал. Но, переходя к самому венцу своих деяний, к их решению, Суворов признавал и военные советы. Однако, как и другие наши великие вожди, он не искал от подчиненных этого решения, а сам вливал в их души свою железную волю.

При всем изложенном Суворов ясно устанавливает разницу между замыслом войны, похода и действий, и никогда он не был во власти предвзятости. Так, предполагая в июле 1799 г. вторгнуться в Генуэзскую Ривьеру, чтобы покончить с Моро, причем главные силы полагалось двинуть через Тендский проход, он пишет:

«Многие обстоятельства еще могут измениться, так что теперь слишком было бы преждевременно начертать план для нападения через Тендский проход или сделать распределение войск...»

Следовательно, «план действий» будет составлен после, а замысел для похода готов. Вообще «будущие действия» Суворов определял вперед «на сутки или на двое», а что советуют передовые тактики теперь?..

Шателер говорил: «Обширные планы его п-ва г-на фельд-маршала, которые я, конечно, разделяю, он применяет сообразно обстановке и местности. Эти планы кажутся сумасшедшими и баснями тем ограниченными гениям, благодаря которым мы потеряли Савойю и Италию...»

Решительный, могучий, проникающий всегда духовным оком в обстановку и смелый, Суворов не мог не придавать значения разведке и производил ее всеми способами, но он был, конечно, враг злоупотребления «рекогносцировками» и «демонстрациями», — предпринимаемыми, как говорил Наполеон, «когда полководец ни на что не решается».

В 1799 г. на предложение Шателера произвести «рекогносцировку» Суворов с досадою отвечал: «Рекогносцировки не хочу; они годны только для трусов, чтобы предостеречь противника; а кто захочет, то и без них всегда отыщет неприятеля... Колонны, штывы, холодное оружие, атаки, удар... вот мои рекогносцировки». Т.е. моя усиленная разведка есть завязка боя — и ничто иное...

Уверенный в победе, Суворов, однако, всегда оглядывался назад и принимал меры на случай неудачи, и даже в случае нее положение его не могло быть тяжелым (Треббия).

Суворов всегда старался собрать возможно больше сил и держать их сосредоточенно.

Именно наиболее важную заслугою Суворова, выдвигающую его вне соперничества из ряда других полководцев, и следует признать установление им правильного соотношения между положительною деятельностью войск (борьбою с противником) и расходом их в тылу.

С необычайной его простотою — как всегда кратко и ясно — Суворов говорит: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Коли же быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом», — т.е. Суворов сосредоточивает войска для решительных действий, рискуя даже сообщениями...

«Победа все покрывает», — говорит он в другом месте...

Так — ни до него, ни после него — еще никто не смотрел на этот страшный вопрос. Сам Наполеон считает, что 2/3 сил на решающем участке — уже предприятие, превосходно соображенное.

Перед походом в Швейцарию, от 25 августа 1799 г., генералам Готце, Линкену и Римскому-Корсакову написано: «Для общего нападения считаю нужным напомнить о необходимой во всех случаях предосторожности держать по возможности все силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением не сделать самую атаку безуспешною. Затем должно разузнавать вернее стоящего пред собою неприятеля и настоящую силу его. Мы должны о первых своих шагах подробно изве-

щать друг друга через ежедневных курьеров». Как это все свежо, и в особенности конец, для действий в горах!.. «Сия сова не с ума ли сошла, или его никогда не имела», — пишет он про Тугута, решившего вывести австрийцев из Швейцарии вместо соединения с Суворовым...

Всякая разброска сил, особенно тогдашний излюбленный кордон, были особенно противны Суворову. «Дефенсив — офенсив... По первому славен Ласснев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле; в нем много хранительных пунктов; слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньше его силы, ударяя в один, препобеждает. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье и Альвинчи... Мне повороту нет, — или также погибнуть...» — говорил он в одном месте.

А в другом:

«Кордонная линия может быть опрокинута, неприятель по своему произволу устремляет силы на один пост, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными...»

Если же Суворов и приходил на поле сражения с силами меньшими, чем у противника, то это было помимо его воли. Однако и в этом случае он быстротой достигал внезапности перед противником и всегда его побеждал.

«Воюют не числом, а умением» и «Быстрота и внезапность заменяют число, натиски и удары решают битву», — учит он нас.

«Удивить — победить», — добавляет он в другом месте, — и «кто напуган, тот наполовину побит»... Наконец, «штыки, быстрота, внезапность... неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, — а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель не ждет, поет и веселится; а ты из-за гор высоких, из-за лесов дремучих, через топи и болота пади на него, как снег на голову. Ура, бей, коли, неприятель вполнину побежден, не дай ему опомниться. Гони, доканчивай, победа наша: у страха глаза велики».

Где найдем мы лучшее истолкование внезапности, этого лучшего же залога побед, обоснованного на скрытности (из-за гор, лесов, через топи, как снег на голову...) и быстроте (удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро...), как и во всех высочайших образцах военного искусства?!

Суворов никогда не уступал почина действий противнику и всегда господствовал над его волей. Все дела его ведены им как по нотам. Всегда и всюду он делал все, что хотел, а неприятель шел всегда по его воле... Даже в то роковое мгновение под Треббией, когда сами «чудо-богатыри» частью дрогнули и бежали, он сумел повернуть это в военную хитрость («замани-

вай»), и враг был разбит... Даже в Швейцарии из безвыходного, казалось бы, положения он вышел наступательными боями, обманув все расчеты врага, — а под Кинбурном прямо указал про турок: «Пускай все вылезает».

Необыкновенно твердый и настойчивый, он не признавал возможности отказаться от своего замысла. «Что вы скажете про человека, который уложит всех до последнего, ляжет сам, но не даст приказа отступить», — говорил Моро... Наоборот, чем больше росло трудностей, тем горячее было стремление их преодолеть у Суворова... И вот мы видим, как весь израненный, еле живой и, казалось бы, исчерпавший все силы войск, он под Кинбурном «в третий раз обновил сражение — победа совершенная». Где она, эта чудная сила воли, у нас теперь?

«Атакуй, с чем Бог послал», — видим другое его бессмертное деяние. Третье: «Жаль, что не все 100 тыс. здесь — было бы легче покончить с ними одним разом» и т.д. до бесконечности.

Если же противник хотел овладеть почином (Макдональд, Жубер), то Суворов предупреждал его и жестоко бил. Вся стратегия его была наступательная, и никогда он не вел войны оборонительной. Иногда в частных случаях ему приходилось обороняться (Кинбурн, Гирсово), но и тогда он переходил в наступление по строгому расчету...

«Оборонительная война нехороша», — говорил он князю Ауерсбергу, встретившись с ним на балу во дворце перед отъездом в Вену, — наступательная лучше. Французы на ногах, а вы на боку, они бьют, а вы заряжаете. Взводи курок, прикладывайся, а они ринфрески (по-итальянски прохладительное) — пропорция три против одного. Пойдите за мной, и я вам докажу».

Будучи сторонником смелости, решительных сражений, Суворов даже вышучивал все слова, отвечающие инстинкту самосохранения, как опасность, поддержка (по-тогдашнему «сикурс»), резерв и т.п.

«Сикурс, опасность и прочие вообразительные в мнениях слова служат бабам, которые боятся с печи слезть, чтобы ног не переломить, а ленивым, роскошным и тупозрячим для подлой обороны, которая по конце худая ли, добрая ли, рассказчицами также храброю называется».

Об отступлении Суворов слушать не хотел: слово «ретирада» произносил он нараспев, а о defencif он говорил, что на русском языке соответствующего слова нет.

Давая для обучения войска наступные плутонги, он прибавлял: «Хотя и отступные, только с толкованием, что то не для отступления, но только для приучения ног к исправным движениям».

В Италии он дает Багратиону поручение: «Вы таинство побии-

ения неприятеля холодным оружием Бельгардовым войскам откроете и их к сей победительной атаке прилежно направите, а от ретирад — отучите».

Но это вовсе не значит, чтобы Суворов отрицал совершенное отступление как прием действий на войне. Раз завязался бой, он не пропускал мысли о неудаче, — и, по его словам, «проигранное сражение — это такое, которое считают проигранным». Но, напр., перед Нови, под Александрией и т.д. он прямо указывает, отходя, выманивать врага, а Бельгарду, идя на Маكدональда для действий против Моро, дает указание: «Перед превосходными силами отступают». Наконец, Краю он пишет: «Нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю».

Понимая бой как конечное и грозное средство войны, он стремился всегда довести его до самого решительного исхода и победу старался закончить жестоким преследованием.

«Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения». «Преследуй денно и ночью, пока истреблен не будет», — вот наставления Суворова; ибо «недорубленный лес опять вырастает...»

Еще одно выражение: «Бегущего неприятеля истребляет одно преследование».

«Будучи победителем, мы остановились, засели в унтер-кунфт, в унбештимтгегагт. Вы должны были, разбив неприятеля, преследовать его; в подобном случае можно и с малым отрядом отрезать противника», — укоряет он Бельгарда...

А ведь тогда не придавали преследованию особого значения и предпочитали строить противнику т.н. «золотой мост», давая свободно уйти с поля сражения.

Для ночных действий, которые якобы «выдвинула впервые Русско-японская война», Суворов всей своей жизнью доказал, что «ночное поражение противников доказывает искусство вожда пользоваться победою не для блистания, но для постоянства. Плодовитостью реляций можно упражняться после».

Всегда уверенный в победе, Суворов, однако, учил смотреть на военное дело не как на шутку:

«Никогда не презирайте вашего неприятеля, каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать им и сражаться, его силы и слабости». И, наконец, венец всего: «В бою надо стремиться к единой главной точке и забывать о ретираде. Быстрота и внезапность заменяют число. Натиски и удары решают битву».

Много ли мы можем к этому прибавить, даже когда между нами и Суворовым целое столетие с войнами великого Наполеона!

Горячий поклонник разумной свободы действий, он мятется душой, когда Венский двор требует, чтобы Суворов ничего не предпринимал важного, не испросив предварительно разрешения из Вены. Вот как писал об этом Суворов гр. Разумовскому:

«Его Римское Императорское Величество желает, чтобы, если мне завтра баталию давать, я бы отнесся прежде в Вену. Военные обстоятельства мгновенно переменяются. По сему делу для них нет никакого верного плана. Я ниже мечтал быть на Тидоне и Треббии по следам Ганнибала, ниже в Турине, как один случай дал нам пользоваться тамошними сокровищами, ниже в самом Милане, куда нам Ваприо и Кассано ворота отворили. Фортуна имеет голый затылок, а на лбу длинные висающие власы. Лет ее молнии; не схвати за власы — уже она не возвратится».

В другом же письме, от 1 июля, он пишет:

«Я в Милане — получаю из Вены ответы о моем приезде в Верону; я только что в Турин перешел — пишут мне о Милане...» А дальше читаем у него:

«В Вене любят только посредственность; а талант не охотник до узды». «Из четырех углов за тысячу верст отнюдь в мои операции не входит».

Ясно, что Суворов при таком отношении к вопросу воли на войне самым решительным образом обосновал свои успехи на почине своих подчиненных.

«Способность видна лишь из действия», — говорил Суворов, и отсюда то огромное значение для нас его указаний по этому вопросу, который и теперь так туго еще прививается у нас. Так, в Польскую войну он требовал от подчиненных начальников, находящихся в отделе: «Спрашиваться старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар, под взысканием за малую деятельность».

Под Туртукаем дважды указывалось, что все должны действовать самостоятельно, и главное, прямо бросаться на врага. То же — под Измаилом.

Но лучше всего указывал он, как уже приводилось, Розенбергу в Италии:

«Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит; он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам».

«Я вправо, должно влево — меня не слушать».

«Я велел вперед, ты видишь — не иди вперед».

Но частный почин покоится на ясном сознании каждым своей цели. Только тогда каждый смело может идти вперед, не оглядываясь робко назад...

И вот эти основные взгляды Суворова:

«План операционный в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени. В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок без больших титулов; будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое. Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые.

Каждый воин должен понимать свой маневр. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан».

«Вместе с планом должен быть приложен небольшой чертеж, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайшие места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторого рода понятия о возвышениях горах (т.е. вопрос наблюдения)...» Пусть нам укажут что-нибудь лучше теперь.

Широкий ум Суворова охватывал, однако, не одну лишь войну как войну.

Политика у него, подобно Наполеону, Фридриху и др. полководцам, входит в его соображения как один из важных устоев военного успеха.

Умиротворение Польши после Праги в 1794 г., предположения о восстановлении Пьемонтской армии и Тосканских ополчений с целью освободить действующие силы от забот по обеспечению тыла в 1799 г. превосходно обрисовывают Суворова и с этой стороны, не говоря уже о Кубани и особенно Крыме, где все сделано им одним, о замысле идти на Париж в 1798–1799 гг. и пр.

Но при всей властной суровости своих действий Суворов не любил бесполового пролития крови.

«Мудрый Бельгард, — говорил он, — между прочим привык терять людей: в начале кампании он доставил неприятелю в Тироле через Лаудона с лишком 10 000 человек: ныне, в нужде моей, он с ранеными проиграл с лишком 2000 человек...» «Для короны — размен есть; для них — не их люди; чего же жалеет...» «Бештимтзагеры убавили у меня из-под ружья в три раза почти больше, нежели мне на трех баталиях стоили Тидона, Трещия и Нура».

Люди, не понимавшие Суворова, говорили, что ему только везло счастье.

«Один раз счастье, другой раз счастье, помилуй Бог, когда-нибудь да и уменье», — справедливо говорил Суворов.

Доходили до него слухи, что австрийцы иначе об его успехах и не думают. В одном из рескриптов к Суворову даже австрийский император выразил надежду, что при всегдашнем его счастье есть надежда скоро достигнуть желаемого.

Это наконец взбесило старого фельдмаршала, и он в письме к Разумовскому (от 25 июня) пишет:

«Счастье, говорил Римский Император... Ослиная в армии голова тоже говорила мне — слепое счастье...»

Да, скажем мы: «Он был счастлив, но потому, что повелевал счастьем...»

Мы видели, какой путь избрал Суворов для этого. Он был один из образованнейших людей своего века. Потемкин только тогда убедился в обширном и глубоком уме Суворова, когда однажды Императрица доставила ему возможность, спрятавшись, послушать разговор Суворова по важнейшим государственным вопросам. Правда, по внешности Суворов вышучивал современную ему науку, называл военных ученых его времени «бедными академиками». Но он был про них прав, а в то же время он придавал настоящей, живой военной науке, основанной на изучении деяний великих полководцев, огромное значение.

«Генералу необходимо, — говорил он, — непрерывное образование себя науками с помощью чтения. Ему нужно мужество, офицеру — храбрость, солдату — бодрость».

«Всякая война различна; здесь масса в одном месте, а там — гром. Бесперывное изучение взгляда сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу. Властвуй счастьем быстротою Цезаря, столь хорошо умевшего захватывать внезапно врагов, даже днем, обращать их, куда ему угодно, и побеждать, когда угодно. Приучайся к неутомимой деятельности. Будь терпелив в военных трудах и не унывай при неудаче. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную; умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местною горячностью».

«Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним в след, поровняйся, обгони — слава тебе. Я выбрал Кесаря. Альпийские горы за нами, Бог перед нами. Я с вами — ура. Орлы российские облетели орлов римских».

Однажды, желая знать мнение Суворова о лучших военных сочинениях и выдающихся полководцах, граф Ростопчин назвал нескольких. При каждом наименовании Суворов крестился, наконец сказал на ухо: «Юлий Цезарь, Ганнибал, Бонапарте, домашний лечебник, пригожая повариха». Здесь особенно поразительно то, что он поставил Бонапарте наряду с Ганнибалом и Юлием Цезарем после первого же похода 1796—1797 гг. Это показывает, насколько было велико чутье этого человека. А между тем Наполеон признавал в Суворове только душу великого полководца, но отрицал его ум...

И вот на этой-то почве непостижима порою для непосвященных глубина мышления Суворова. Между тем, у него все так просто и, уважая душою военную науку, он не вязнет в дебрях ее и 150 лет тому назад проповедует то, к чему мы подходим, да еще не вполне решительно, только теперь. У него нет особых стратегии и тактики. У него одна только великая, всеобъемлющая наука — «Наука побеждать»... И в самом деле, к чему же должны мы стремиться всегда и во всем, как не к победе над врагом. Но раз «правильно называть есть правильно понимать», — то кто же более Суворова достоин быть отцом и этой первой и важнейшей мысли о единстве военной науки на почве главенства победы, главенства боя над всем остальным на войне, — и кто когда-либо схватил лучше него природу и сущность войны, которая живет и дышит победой, самого Суворова именно никогда и не оставившей?! Недаром же он говорил: «Смотри на дело в целом...»

Но что же тогда лучше всего обеспечит нам всегда эту великую цель — успех во всем на войне. «Глазомер, быстрота, натиск», — вот, по мнению Суворова, три главнейшие основания победы. Т.е. надо уметь оценить обстановку (разведка), быстро принимать решение и, сблизясь с врагом (быстрота), увенчать наши действия решительностью, т.е. натиском, не ожидая удара со стороны противника.

А вот и другое разительное доказательство суворовского «взгляда на дело в целом».

Как долго считали мы, а инженеры упорствуют и до сих пор, что действия против крепостей — это особая «крепостная война», с ее «особыми принципами». «Баталия на окопы на основаниях полевой», — учит Суворов. Он даже не признает в обучении войск слова «крепость» как чего-то неодолимого, а мы считаем ныне, что немцы открыли нам эту истину, и не хотим знать своего...

Таков Суворов-стратег, Суворов-начертатель высшего отдела «Науки побеждать».

Что касается Суворова-тактика, т.е. его деятельности на поле сражения и на пути к нему, то в этом отношении он еще более непревосходим.

Да оно и понятно, раз дело это обосновано у него на глубоком уважении к военной истории. «Тактика без истории потемки», — говорил он.

В бою он всегда умел схватить истинную обстановку, быстро оценить положение противника и свое; искусно пользоваться он чужими ошибками, не давал врагу пользоваться его выгодами. Тактический глазомер Суворова никогда не давал отказа, и если обстановка не выяснялась до боя, то Суворов раскрывал ее самим боем (Нови).

Для удара он выбирал наиболее важную точку неприятельского расположения и тоже вовсе не вел здесь одних равномерных лобовых ударов. «В бою надо стремиться к единой главной точке и забывать о ретиреде», — учил он... «В баталии полевой три атаки: первая на крыло, которое послабее... в середину нехорошо, самого сожмут... Атака в тыл всеми силами хороша только для малого корпуса», — учит он. Что изменилось здесь? И знаменитые немецкие «окрыления» и «резинная лента при прорыве врага» — разве взяты не отсюда?

Но разнообразие приемов покоится прежде всего на понимании местности. Суворов и говорил: «Умей пользоваться местностью», — и пользовался ею сам неподражаемо, — вспомним его приемы везде, и особенно в Италии (Треббия) и Швейцарии (более всего — в последней). Недаром он говорил, что «где пройдет олень, там пройдет солдат, а где пройдет солдат, пройдет целое войско...»

Управление боем оставалось всегда в руках Суворова. Он был полным хозяином поля сражения и, в зависимости от обстановки, давал делу тот или другой оборот (Рымник, Козлуджа, Треббия, Муттен, Гларис).

Француз Дюбокаж говорил: «Когда он являлся перед противником, все уже им было предвидено заранее. Но если какой-нибудь случай или местные обстоятельства требовали перемены, он делал ее с такою быстротою, что никто не мог заметить, есть ли эта перемена самопроизвольное творчество данного мгновения или исполнение первоначального решения».

Ведение войск к победе у Суворова было просто. Письменные диспозиции отдавались им только тогда, когда обстановка не допускала сомнений в своей неизменности, т.е. только перед самым исполнением. Чаще распоряжения делались простыми записками за подписью или самого Суворова, или доверенного лица — путь, к которому мы теперь пришли, но тоже

от немцев. Чаще же всего Суворов отдавал, применяя тоже для нас ныне якобы немецкий способ «личного общения», распоряжения прямо на словах, собирая у себя подчиненных обыкновенно «к обеду», т.е. около 7 ч. у. Но это вовсе не исключало основных распоряжений на письме, и одно дополняло другое, как уже приведено выше про «план операционный».

Отличаясь всегда точностью и обстоятельностью в отдаваемых распоряжениях, Суворов и подчиненных учил тому же, как это тоже уже указывалось выше.

Но, осуждая излишнюю скрытность, Суворов вовсе не опровергал необходимости тайны. Наоборот, он высоко ее ценил, и все меры скрытности всегда были приняты, напр., в нужных случаях войска стояли укрыто, подход подкреплений скрывался, выступление с ночлега назначалось «по петуху», и петухом пел сам великий старец, хлопая попутно в ладоши, пел именно тогда, когда ему нужно было поднять к победе своих чудо-богатырей, не выдавая тайны своего выступления.

Как все великие вожди, Суворов дрался всегда всеми родами войск, которые действовали у него необычайно дружно и на началах взаимной выручки.

Каждый род войск при этом Суворов применял в зависимости от обстановки, а не от одних прописных истин об «основных свойствах». В Фокшанском и Рымникском сражениях у него конница идет брать окопы, в сражении у Кобылки она блистательно действует в пешем строю, на Треббии успех дают налеты казаков, а под Измаилом и в Альпах казаки дерутся пешие пиками. Наконец, во время войны с конфедератами Суворов сажает пехоту на повозки и двигается со скоростью 60 в. в сутки. Конная артиллерия у него «скачет как сама хочет», но пешая строго работает на свою пехоту, бок о бок с нею, и т.д. Далее, например, он глубоко чтит казаков как силу нашу самобытную и своеобразную и взял их в Италию по строгому своему расчету удивить врага, а значит, и победить этим средством...

Недостижимые образцы дал Суворов своими походными движениями. «Суворовские переходы» известны всему миру. Основывая свои успехи на неожиданности появления перед противником, он доводил быстроту передвижений до поразительных размеров и появлялся на поле сражения, как снег на голову.

Теперь принято считать, что можно делать по одной дороге корпусу в сутки 15, много 20 в. без особого утомления. Если движение производится долго, то в неделю даются войскам две дневки, и можно пройти 100–125 в. И вот, с нашей точки зрения, все «походные движения» Суворова являются «форсированными», ибо его обычный переход 28–30 в., а на Треббию он сделал

в 36 ч. 80 в. Но, несмотря на то, что суворовские войска ходили очень быстро, они, в общем, мало утомлялись и мало имели отсталых. Это достигалось искусным воздействием на войска.

В более широкие строи переходили только по сближении с врагом, походом шли по 4, пробегая головами теснины, чтобы не задерживать хвоста, — и вообще: «Голова хвоста не ждет, и солдат не обедает», а также: «Пища поддерживает силы человека. В случаях особенных надо довольствоваться малым». Дневной переход Суворов разделял как бы на несколько малых, отделяя их между собою часовым, а в середине движения 3–4-часовым отдыхом...

Из его «Науки побеждать» видно, что после первых 10 в. назначался привал в 1 ч., затем после вторых 10 в. — варка пищи и отдых 3–4 ч., затем остальная часть перехода — и ночлег. Таким образом, люди отдыхали часто и всегда были бодры. Конница шла «своим походом вперед, отдыхает мало и свыше десятка, чтобы дать коням в лагере выстояться», и «кавалерия сама снабжает фуражом», а полевая артиллерия «от 1/2 до 1 в. впереди, чтобы спускам и подъемам не мешала».

На походе Суворов требовал безусловного порядка. Отбившихся из строя, покидавших ряды под разными предлогами он жестоко наказывал и взыскивал за них с начальников. Офицеры всегда шли на своих местах к стороне противника. По выстрелам все они бросались вперед к следующему начальнику по степени его за приказаниями и разъяснением обстановки — тоже теперь «немецкий прием»... Во все времена передние взводы не ждали задних и, приходя к месту привала или ночлега, немедленно снимали снаряжение и располагались на отдых. Ночлеги были глубокие на походе, широкие перед боем...

При быстроте суворовских движений — большинство сражений выиграно именно благодаря неожиданности появления перед противником. Но одной быстроты подхода к противнику мало, надо уметь с похода вступить в бой: это и есть основа современного обучения германцев и японцев, тот встречный бой, т.е. бой одновременно с подходом к полю сражения и развертыванием сил, — самое понятие о коем не существует у нас ни в уставах, ни в учебниках, но который составлял долговековую нашу славу, особенно в руках Суворова, все лучшие бои которого именно и были встречные бои.

Вот здесь-то и получают всю свою силу вещие слова: «А у Макдональда нет и 20, атакуй, с чем Бог послал», — ибо первое дело во встречном бою именно и есть ударить на врага, ошеломить его; остальное — дело быстроты развертывания...

Все изложенные военные приемы Суворова вовсе не были обоснованы на том якобы презрении к огню, которое, совершенно не понимая истинного уклада суворовской мысли, так усердно прививали у нас в виде «тактики удара», извратившие Суворова его истолкователи второй половины XIX в. Суворов именно и постиг эту-то высшую тайну войны — правильное соотношение огня и удара... Его построения для боя — это верх уважения к огню. Его поучения в «Науке побеждать» — тоже. Весь уклад его обучения и воспитания войск — тем более. Суворов требовал на обучение стрельбе по 23 патрона в год на человека, когда их отпускалось от казны по 3. В бой он давал по 100 патронов на человека. Узаконив у нас рассыпной строй стрелков, он широко пользовался им, применяя особенно искусно тогда, когда нужно было поддерживать огнем особо трудную работу идущих на приступ или преодолевающих какие-либо препятствия войск. Здесь у него еще с Туртукая были выработаны приемы стрельбы пехоты через головы своих, впереди действующих частей, по выказывающемуся из-за валов и укрытий противнику.

Главной основой обучения стрельбе Суворов ставил огонь одиночный с совершеннейшим прицеливанием, стреляя редко, но метко, и непременно со «скорым» заряданием. «Залпа», по его мнению, только «в разводе, коли с пальбою, для очищения ружей». В ином строю только для исправности, а «против неприятеля не годится! Он может сколоть и порубить, пока опять заряжают». Наоборот, одиночная стрельба: «Исправный приклад правит пальбою. Здесь он расстраивается по неминуемой торопливости, но во взводной пальбе он виден. Одиночка пальбы на баталии выйдет сама собою... Для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий в своего противника должен целить, чтоб его убить...»

Пусть беспристрастный читатель скажет, на чем мы проигрвали главным образом последнюю войну, как не на неумении стрелять, — и особенно на истинном нашем несчастье, на слепом пристрастии к залпам, промежутками между которыми японцы пользовались, чтобы давать свои толчки вперед, особенно ночью, и при голосе команд или огне которых они бросались на землю, пропуская пули над собою почти без потерь для себя. Между тем против нас они вели огонь отдельный, и именно по-суворовски, имея «каждый своего определенного врага, чтоб его убить...» Далее у Суворова управление огнем во взводах. А как оно теперь, и давно ли так?!

Еще одно суворовское правило: разрешать даже без команды огонь в каждом капральстве «для вернейшего застреливания старших и наездников»...

Далее необычайное уважение Суворова к огню и понимание его свойств заставляло его всюду и везде применять «крестные огни», так что и свои знаменитые «подвижные кареи» он строил, не закрывая «крестных огней».

Мало того, даже при отражении противника встречным ударом в штыки пехота Суворова сначала выпускала в него с 60 шагов свою верную пулю — каждый человек, а затем с 30 шагов бросались в штыки, а в обучении он прививал: «Марширование, повороты всякого рода, скорый заряд и конец удар в штыки», т.е. без огня штыку он даже и не учил, как правило.

Наконец, указание Суворова: «Когда неприятель бежит, то его провожают ружейным огнем. Он не стреляет, не прикладывается, не заряжает. Много неудобств спасаться бегством». Есть ли где большее уважение именно к огню, отсутствие возможности коего и есть первейшее у Суворова неудобство отступлений... И снова дальше: «Когда за ним штыки, он еще реже стреляет; а потому не останавливаться, а ускорять бегство штыками», — снова огню весь почет и уважение...

Глубоко уважая также артиллерию, Суворов применял ее огонь по ее свойствам, особенно продольный, для чего она и маневрировала преимущественно в охвате противника, но во всяком случае ей определенно учил он наносить наибольший вред врагу, а свою пехоту Суворов обучал быстро и легко проходить наиболее опасные полосы обстрела неприятельской артиллерии и пехоты, давая для того сноровки, по духу пригодные и ныне. Огонь этот он делил на дальний огонь «большой полевой артиллерии», более близкий — артиллерии полковой и, наконец, на огонь ружейный. Наконец, конница тоже обучалась у Суворова пальбе, но лишь пешком, а конная артиллерия имела у него завидное право: «Конная артиллерия скачет, как сама хочет», — глубокое понимание того, что именно этот драгоценный род войск и должен пользоваться наибольшей свободой в бою для быстрого уравнивания огня, где нужно... Не с Суворова ли взято ныне немцами применение конных батарей как артиллерийской поддержки на полях сражений. Наконец, приказывалось в боях «быстро на батарее пускаться, что особливо внушить» — снова это далеко не презрение к огню...

Но, расценивая затем все относительные свойства разных видов огня, Суворов определенно высказывал особое уважение к огню пехотному. «Пехотные огни открывают победу», — говорил он, ставя тем самым пехоту как род войск на первое место. Что можем мы добавить к этим величайшей мудрости словам, когда война 1904–1905 гг. дала общие потери от пе-

хотного огня 85%, от артиллерийского и от штыка — остальное, и почти пополам. И так, где же этот Суворов-огненавистник, и какой злой поклеп, на горе нам, возведен был на него в этом отношении людьми, его не понявшими?!..

«Пуля дура — штык молодец», — говорил он и имел, конечно, свое основание в то время. Но да позволено будет убежденно спросить, во-первых, потерял ли штык свое значение и ныне, во-вторых, при всех прочих равных условиях не возьмет ли все же верх тот, у кого дух (решительность сойтись на штык) выше, а в-третьих, то, что Суворов не внушал ли своим людям презрение больше не к своей пуле, а к неприятельской, сокращая время нахождения под ней до последнего предела и разрешая вопрос ударом в штыки тогда, когда весь мир, кроме него, увлекаясь огнем, почти на нем одном строил все свои расчеты... Т.е. при общем тогда явном впадении в оборону, Суворов один в огне, в связи с его порывом на штык, видел средство чисто наступательное, и это значение огня применимо и ныне настолько, что только умение вести огонь с наступательной целью и может дать нам победу...

Но победа ведь одним лобовым ударом не получается — мы и видим у Суворова прежде всего маневр, подвижность, и он, в сущности, соединяет силы не перед сражением, а на поле сражения, даже на месте расположения врага, т.е. делает то, что Шлихтинг приписывает Мольтке как величайшую заслугу перед историей военного искусства, даже в ущерб всей славе Наполеона.

В итоге, суворовская пехота была уверена в себе, глубоко верила в свой штык, но и чтит огонь как средство расчистить дорогу этому штыку при всяких обстоятельствах, а средство сочетать их обычно видела в маневре, в подвижности, в изыскании дееспособности над врагом...

Конница Суворова не боялась никакого врага. Его артиллерия всюду шла с пехотой и конницей. В частности, наступательный порыв пехоте прививался настолько, что она шла сама вперед и на конницу. «Сквозные же атаки» при этом учили одновременно: пехоту, — сноровкам против конницы, конницу (коней) — бесстрашию против пехоты, всех их — против артиллерии.

Для достижения бешеной стремительности удара войска не смели останавливаться до его завершения прохождением насквозь, ибо «порыв не терпит перерыва». Совершенно наоборот, Суворов останавливал конницу, непременно лишь пройдя сквозь цель удара, но здесь приказывал спешиться и ласкать, и прикармливать лошадей. Ожидая себе и в бою того же облегчения, кони неслись, как бешеные, и в этом простом донельзя приеме — весь смысл знаменитых ударов суворовской конницы...

Вообще, избрав себе образцом римлян, а любимым героем Цезаря, Суворов совершенно постиг тайну «учить в мирное время только тому, что придется делать на войне». Вместе с тем, его обучение действительно давало понятие «каждым предшествующим шагом, к чему ведет последующий», а вся работа в поле, непременно на ряде местных предметов или двухсторонняя, завершала выучку войск соблюдением и третьего правила: «учить не рассказом, а показом».

Добавив сюда, что Суворов лично наблюдал за всеми видами обучения, что он во всем служил образцом своим подчиненным, легко понять, почему в его руках его войска были действительно «победительные войска, усердием и ревностью генералов весьма исправные в дневных, как ночных баталиях и штурмах и всегда готовые увенчать себя новыми лаврами»...

Как и у римлян, у Суворова «бои были кровавыми ученьями, а ученья — боями без пролития крови». Как и у римлян, у него было «тяжело на ученье — легко в походе», и необыкновенная выносливость «чудо-богатырей», всегда бывших «и в мирное время на войне», вошла в поговорку.

Сам Суворов определил свое обучение так: «Экзерцирование мое было не на караул и не на плечо, но прежде поворотливость, затем различное марширование, а потом уже приемы, скорый заряд и конец — удар в штыки».

Самая тщательная подготовка каждого боевого действия была отличительной чертой Суворова. От него взята, напр., иностранцами сноровка строить городки по образцу неприятельских укреплений и препятствий и на них учить войска преодолению этих укреплений и препятствий непосредственно перед приступом. Он первый дал распорядки, когда открывать ворота взятых с бою крепостей, как окарауливать погреба в них от взрыва и т.д.

Он же дал высшие образцы обмана врага ложными тревогами, изнурения его постоянной бдительностью. У него всегда кипела заготовка всякого рода средств, все он предвидел, во всяких условиях находился и ничего не упускал из виду, чтобы заранее сделать каждого чудо-богатыря «на себя надежным — основание храбрости». Он же первый снабдил каждую свою дивизию конницей, пионерами и вспомогательными войсками всякого рода, дав ей полную самостоятельность для ее действий.

Но всего важнее подойти к главному ключу суворовских побед, к его отношению к бою — человеку.

Хорошая стратегия покоится на хорошей тактике, а эта последняя требует прежде всего хороших солдат и начальников, таких, на которых можно возложить любую боевую задачу, ко-

торые не растеряются ни при какой неожиданности, везде найдутся, нигде не проявят «немогузнайства», не «сядут в унтеркунфт и в унбештимтгезагт», иначе говоря, солдат и начальников «чудо-богатырей», с высокими непоколебимыми душевными качествами...

Достижение этой задачи он основал на том простом начале, что если в войсках нравственная упругость не только не подорвана, а, наоборот, по возможности развита, то можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачи. В этом отношении он упредил Наполеона с его правилом: «На войне важнее не то, что делается, а то, как оно делается»...

Суворов и создал прежде всего великого русского чудо-богатыря, а во главе его поставил великого офицера и генерала. «Господа офицеры, какой восторг!» — заканчивал он свои поучения о приемах обучения, а про генералов говорил, что «Вашего Императорского Величества победительные войска усердием и ревностью своих генералов весьма исправны к дневным и ночным баталиям и штурмам и готовы увенчать себя новыми лаврами».

Всякого человека убеждал он прежде всего в его силах, и высшим пределом обоснования своих успехов он ставил требование, чтобы «каждый был на себя надежен — основание храбрости».

Но для этого надо было начертать путеводную звезду, надо было указать, что каждого ожидает... И вот Суворов все поглощает понятием «Победы» и «Славы» и венчает это великое здание горячим призывом к народной гордости: «Чудо-богатыри, мы русские, — приведа сейчас же на помощь нам и самого Бога. — С нами Бог!»

Воспитанные также в наибольшей преданности своей «Матушке Царице» и своему Государю, войска наши в руках Суворова были тем более драгоценным оружием, что они умели быть грозными в боях, но милостивыми с побежденными, и чистота духа, чистота взаимных отношений во всех отдельных случаях — была их отличительной чертой.

Итак, совершенное оружие в руках великого вождя, как нельзя более сроднившегося с этим оружием и видевшего от него полную взаимность, как от детей к отцу... Нечто грозное, величавое, возможное только у нас и составляющее нашу драгоценную особенность при умении.

Безраздельно влияя на душу своих подчиненных, Суворов берег эту душу от ненужных тревог и испытаний. Нравственную подготовку он вел на почве непобедимости русского чудо-богатыря, который ему за это и отвечал неизменно: «С тобой

все возьмем». До наивысшего же подъема духа доводил Суворов исполнителя лишь непосредственно перед самым действием, и войска вступали в бой без замедления, «дабы медлениями не умалить стремления к приобретению славы».

Уважение к чужой личности прививалось Суворовым и внутри самих войск, и по отношению к «обывателю».

Не менее оружия указывалось: «поражать противника человеколюбием», «обывателя» указывалось «не обижать». В веке бессловесного унижения низшего, Суворов допускал «возражения высшему, но с тем, чтобы оно делалось пристойно, наедине, а не в многолюдстве, иначе выйдет буйство; излишние расуждения свойственны только школьникам и способностей вовсе не доказывают — способность видна лишь из действия».

Во всем: и в бою, и в мирной деятельности, — у Суворова было «равнение по передним». Он выделял все идущее вперед, работающее, осуждал застой, карал отсталость.

«Шаг вперед, 2–3, 10 позволяю; 1 назад — смерть», — говорил он всегда, определяя этим попутно также размеры и смысл поступательного движения военного дела.

Сам он не застывал в одном мертвом шаблоне. При бесконечной гибкости приемов в отдельных боях мы видим у него видоизменения по обстановке данного времени. Указания совершенствуются, приемы крепнут и пополняются новыми... «Победивши, обновляй по обстоятельствам».

В одном лишь неизменен Суворов — в его требовании к солдату как к человеку. «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо решиму, справедливу, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри, Бог нас водит. Он нам генерал!.. Ученье свет, неученье тьма. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех, давай 6, давай нам 10 на одного — всех побьем, повалим, в полон возьмем»...

И чудо-богатырь был действительно учен. Но он был воспитан, он знал все, что было ему нужно, он везде находился, любил свое ружье — «жену», верил в него, верил в свой клинковый (а не граненый) штык, умел его вытаскивать из врага, не оставляя его на нем, с помощью встряхивания, как после укола (а ныне именно из-за трудности вынимать назад у нас и не принимается снова штык-кинжал), верил в другие роды войск, верил в то, что его ведут только к победам, а не к бедам, верил в Бога и величие русского народа и желал им и, конечно, себе в том числе «славы, славы, славы».

Необходимо еще оговорить, что Суворов знал почти всех своих сподвижников в лицо, что он свято чтит войсковые пре-

дания и славу, что никто бережнее его не относился к неприкосновенности и нерушимости на войне тактического устройства войск мирного времени, и что заботливость его о довольствии и здоровье войск была прямо трогательная, причем он сам жил с войсками одной жизнью.

Обаяние Суворова на войска было удивительное. «Довольно возить изображение этого странного чудака по войскам, чтобы они делали самые необыкновенные подвиги», — говорил Дерфельден Фуксу на поле сражения под Треббией.

Наряду со всем изложенным нельзя, конечно, обойти и чудачеств Суворова. Но ведь этот крупный самородок, эта «соль земли русской», этот человек, всякое слово которого и теперь живит и бодрит русскую душу, был все же человек, и у него могли быть свои недостатки, свои свойства, с ним родившиеся, с ним ушедшие в могилу. Но вместе с тем они необычайно сближали его с его людьми и делали «своим», «Божьим» человеком... Нельзя также обойти славолубия Суворова, его высокого о себе мнения, его явного сознания превосходства над другими... Но они имелись, эти качества, налицо, они основывались на действительных заслугах, а все, что было в них лишнего, если только и было, искуплено прощальными с миром словами: «Долго я гонялся за славой: все суета... Истинный покой у престола Всевышнего»...

Когда гробница Суворова приблизилась к воротам Александро-Невской Лавры, опасались, что она не пройдет...

«Везде проходил, и здесь пройдет», — раздался из толпы голос чудо-богатыря, боевого соратника почившего...

Действительно, Суворов «везде проходил», руководимый горячей верой в Бога, твердой преданностью Царю и Отечеству и взаимной любовью со своими «чудо-богатырями»...

«Славный подвигами на защиту Русской земли, великий учитель и воспитатель армии, генералиссимус князь Италийский, граф Суворов-Рымникский неизменно являл собою пример самоотверженного служения Престолу и Родине.

Грозный врагу, милостивый к побежденному, поборник правды, радетельный о младшем и преданный военной науке, он представляет высокий образец человека и воина, сильного верою в Бога, преданностью Царю и любовью к Родине», — так говорил Высочайший приказ 6 мая 1900 г., в столетие кончины великого Вождя.

Изучение Суворова убеждает каждого, что он имеет дело с великим полководцем. Разбитый им Моро ставит его несколько не ниже Наполеона и ценит его поход на Треббию как «верх

военного искусства...» Массена отдает все свои 48 походов за 17 дней Швейцарского похода Суворова... Сам Наполеон, не любивший соперников и не изучавший как следует Суворова, признает все же за ним «душу великого полководца...» Новейшие писатели на Западе, «не стесняясь», ставят Суворова в ряд величайших полководцев.

Современный немецкий писатель Гюнтер говорит, что военное искусство Суворова было той же тайной ведения войны, которая принадлежала Наполеону и которой немцы обязаны своими беспримерными успехами в 1870—1871 гг.

Другой наш современник, австрийский писатель Биндер Кригльштейн, в сочинении «Дух и материя на войне», описывая действия Суворова в войне 1799 г., восхищается как личностью нашего полководца, так и высокими качествами русского солдата. О Суворове он говорит:

«Мы вполне понимаем то фанатическое почитание, каким до сих пор пользуется память Суворова в рядах русской армии, и мы смело и с полным убеждением признаем в этом величественном отпрыске славянского племени величайшего полководца наряду с Фридрихом и Наполеоном».

Французы тоже сильно пошли теперь навстречу Суворову и оценке его как великого вождя, что особенно ценно, принимая во внимание неизбежное самолюбие.

В Мюнхене портрет Суворова висит среди великих полководцев на почетном месте.

И эта наша гордость — Суворов-полководец — строил величие своих деяний на наиболее святых для нас, чисто русских устоях с наибольшим пониманием нашей великой и чистой славянской души. Вот почему заветы Суворова никогда не умрут, вот почему они всегда сохранят свою свежесть, и вот почему в години тяжких испытаний и лихолетья, как ныне, нам для возврата нашей былой военной славы необходимо прежде всего вернуться по духу на путь великого легендарного старца, т.е. на путь его «Науки побеждать», на путь его выучки и воспитания в преданности своему долгу не менее великих и легендарных «суворовцев-чудо-богатырей», т.е. на путь того прилежания самого полководца, которое делает его лично на все его войска способными «в мирное время быть всегда, как на войне».

Но мы должны помнить и то, что Суворов не явился чем-то случайным. Он и его чудо-богатыри — прямые наследники по духу дружин Святослава, Ярослава и Александра Невского, ратей Дмитрия Донского и Иоанна Грозного, «регулярства» Петра, победителей Фридриха при Елизавете. Они же отцы героев

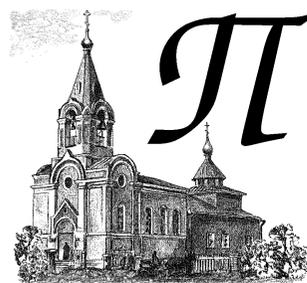
«священной памяти двенадцатого года», героев Забалканских наших походов, витязей покорения Кавказа и Средней Азии... По существу, проявлен наследственный суворовцам дух стойкости и в 1904—1905 гг., и войско русское, как источник для побед, осталось тем же. Но ключ к этому источнику, умение владеть им — утрачены, мы изменили лучшим славным заветам нашего прошлого, и в Суворове, в его «Науке побеждать», и лежит ближайшая к нам по времени опора для возвращения себе прежнего звания «победоносного», «победительного» воинства...

Много крови дали 1854—1855 гг. и Русско-японская война за забвение и ложное толкование Суворова... Нужно ли ее еще, и не пора ли, действительно, не ожидая новой крови «по щиколотку коня», вернуться на путь суворовской самостоятельности, его глубокого понимания и знания военного дела, его «усердия и ревности» в обучении войск так, чтобы они вновь, как при нем, «в мирное время были всегда, как на войне», и всегда же были снова «во всем на себя надежны — основные храбрости», опираясь на его бессмертный завет: «Воюют не числом, а умением!!!»

История русской армии и флота. Роскошно иллюстрированное издание. — Выпуск второй. — М.: «Образование», 1911. — С. 150—173.

С. Гершельман

НРАВСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В РУКАХ СУВОРОВА

одъем духа как каждой отдельной личности, так и целых частей войск возможен при существовании непоколебимой уверенности в своих силах и в надежде, что дело увенчается полным успехом, и мы видим, что большинство мер именно рассчитаны были на то, чтобы вселить в войска эту уверенность и надежду. В ряду подобных мер весьма рельефно выступает стремление Суворова укрепить в своих войсках религиозность и связать неразрывно все дело ведения войны с религиею.

Будучи сам человеком глубоко убежденным и религиозным, Суворов строго исполнял все церковные обряды и заставлял окружающих себя тоже их исполнять. Так, за столом у него перед приступом к трапезе всегда произносилась молитва; иногда он лично читал молитву перед войсками во время зори при расположении лагерем.

Суворов всегда присутствовал при всех церковных службах по возможности со своим штабом. При встрече с духовным лицом, где бы это ни было, при входе ли в завоеванный город или просто при приезде своем в какое-нибудь место или к армии, он прежде всего принимал благословение от духовного лица. <...>

В разговоре и речах своих ко всем, а в особенности к солдатам, он всегда поминал имя Божие, и неоспоримая и глубокая набожность его служит нам ручательством, что оно упоминалось не всуе. Этим, по-видимому, Суворов старался вкоренить во всех убеждение, что на войне без Господа Бога нельзя, так

сказать, и шаг ступить. И действительно, Суворов настолько старался укоренить связь между церковью и войском, что высказывал даже следующее: «Бог наш генерал, Он нас и водит!»

В том же духе действовали и младшие начальники; мы видели, как, готовя людей к предстоящему бою, они молились вместе с ними о ниспослании победы (Прага, Нови, Муттен). Благодаря всем этим мерам, связь между церковью и войсками была настолько сильна, что полковые священники иногда становились перед штурмующими колоннами и выводили их из критического положения (Измаил).

Такое укоренение набожности в войсках имеет огромное значение в смысле вселения в них уверенности в своих силах. Наш солдат, как всякий религиозный человек, всегда, не задумываясь, пойдет на всякое дело, если он уверен в помощи Божией и в том, что исполнив свой долг, он, в случае смерти, заслужит милосердие Всевышнего и будет Им принят в царство небесное.

В войнах же с турками религия играла ту особенную роль, что войны велись против неверных, всегда объявлявших священную войну с гяурами. Тут уже каждый ратник, исполнивший свой долг или павший на поле брани, исполнял службу не только перед царем и отечеством, но и прямо перед верою христианскою, к порабощению которой всегда стремился ислам.

Почти такое же значение можно было придать религии в войне против Французской республики, так как одним из принципов революционеров было отрицание ее. Потому-то мы и видели, что Суворов в своих речах всегда говорил: «Безбожные... французишки».

Затем большое внимание было обращено на восстановление в памяти людей прежних боевых подвигов частей. И Суворов, и по его примеру младшие начальники на походе почти перед каждым боем говорили с людьми о прежних боях. В то время это имело двойное значение. Во-первых, так как в войсках было много ветеранов, действительно бывших в этих прежних сражениях, то для них воспоминание о бывших подвигах, ими же совершенных, служило прямо вселением уверенности, что они и вновь совершат таковые же; во-вторых, и главным образом, это имеет большое значение для целой части, хотя бы и все ее наличные люди не участвовали ни в каком сражении. В военной семье выражение «Да наши предки Рим спасли!» не имеет уже смысла чванства. Всякая военная семья имеет свои традиции, и верное воспитание людей части состоит именно в том, чтобы они, любя свою часть, дорожили ее традициями. При

наличности такого воспитания достаточно напомнить любому полку, что хотя 100 лет тому назад их предки взяли Измаил, чтобы убедить всех людей его в том, что перед ними не устоит и в настоящем никакая неприятельская твердыня.

Следующею мерою явилось ревнивое сохранение Суворовым в своих руках инициативы действий и немедленный захват таковой в случае, если бы противник желал ее проявить. В этом отношении весьма резкими примерами являются... Столовичи, Брест, Фокшаны, Рымник, Прага и Треббия. Действительно, эта сторона дела имеет наиважнейшее значение именно в том смысле, что вселяет в свои войска полную уверенность в своем превосходстве и силе, так как начинающий, или инициатор, есть всегда наиболее сильный по уму, духу или физически.

Затем нельзя не обратить внимание на то, что все действия войск под команду Суворова отличались выходящей из ряда быстротой и энергией. Никогда мы не видели, чтобы войска его действовали вяло или ходили иначе, как, по нынешним понятиям, форсированно.

Кроме значения в других отношениях, о чем мы упомянем ниже, такая энергия невольно придавала много силы войскам. Кто не испытал на себе, что энергия в какой бы то ни было работе только бодрит дух и увеличивает силы, и, наоборот, вялые и сонливые действия утомляют весьма скоро.

Сюда же нужно отнести и то, что Суворов никогда не оставлял войска в бездеятельном покое, в те редкие случаи, когда ему приходилось долго стоять на месте. Мы видели, что всегда в этих случаях короткие, но энергичные ученья не допускали войск до вялости. Особенно выделяется в боевой деятельности Суворова та невероятная настойчивость в раз начатой атаке, которой он требовал от войск. Она особенно рельефно проявилась в боях при Треббии, Нови и С.-Готарде. Суворов совершенно не допускал возможности прекратить начатую атаку и считал возможным только два конца — победу и смерть.

В этом отношении весьма характерен анекдот, передаваемый Дюбокажем, который свидетельствует, что при Нови «центр русской армии после отбитой атаки был в полном беспорядке. Офицер скачет доложить об этом фельдмаршалу, но, забыв, что докладывает Суворову, он говорит: «Я прибыл доложить, что русские разбиты». «Русские разбиты, — повторил Суворов, — значит они все убиты?». «Конечно, нет», — ответил офицер. «Так значит же они не разбиты», — продолжал герой».

Немудрено после этого, что даже у противника о Суворове сложилось следующее мнение. Вот отзыв о нем генерала Моро:

«Что сказать о генерале, обладающем столь безнадежным упорством, что он скорее погибнет вместе с последним солдатом своей армии, чем отступит хоть на один шаг!»

Подобная настойчивость, проведенная через всю боевую деятельность, не могла, конечно, не вселить в войска полного доверия и прочного убеждения, что каждая предпринятая атака во всяком случае поведет к победе. И войска всегда шли в атаку с непоколебимой уверенностью в успехе.

Не можем не коснуться здесь, что именно это упорство в начатой атаке подвергается постоянно самой резкой критике военных писателей, разбирающих деятельность нашего славного фельдмаршала. Но они, как нам кажется, часто забывают, что не всегда обстоятельства боя позволяют начальнику настолько верно уяснить себе обстановку боя, как это может военный историк, имея перед собой открытые карты обоих противников. А следовательно, и великий полководец может иногда ошибиться в направлении и своевременности решительной атаки. Но из этого не следует еще, что можно советовать в подобных случаях бросать начатую атаку, не добившись ее конечной цели. Каковы будут войска, которые привыкли ходить в атаку не с тем, чтобы, во всяком случае, довести ее до конца и заставить противника уступить их желаниям?

Конечно, такого рода настойчивость ведет за собою весьма упорные и крайне кровопролитные бои, но и это имеет за собой немало выгоды, так как, говоря словами Суворова, «...одно кровопролитное сражение исключает многие другие, которые в сумме стоили бы больших потерь».

Но кроме вселения в людей уверенности в их силе, до степени недопущения возможности неудачи необходимо, чтобы и начальники их, да и сам главный начальник, дышали, так сказать, этою уверенностью. Сам Суворов наружно для своих подчиненных всегда дышал самую непоколебимую уверенность в успехе. В таком именно духе и тоне были редактированы все его разговоры с войсками и все его наставления и распоряжения. Почти каждое наставление для действий в предстоящем бою заканчивалось непременно указанием, что делать со сдающим неприятелем. Это, кроме преследования гуманных целей, поневоле приучало людей к тому, что за всякою их атакою должна следовать сдача и помилование побежденного противника. Тон же его распоряжений достаточно рельефно выказался в приказах и диспозициях перед боями на Треббии: все они были отданы как бы для преследования уже разбитого неприятеля, тогда как в то же время, как мы видели, Суворов принял целый ряд мер на случай неудачи этих боев.

Все перечисленные выше меры, конечно, служили и для вселения уверенности в начальниках, но мы видим, что в особенно критические периоды кампаний или перед предстоящим для войск весьма трудным подвигом Суворов пользовался для этой цели еще одним средством и добивался блестящих результатов. Мы говорим о военных советах, на которые он собирал иногда начальников частей.

Но эти советы были, конечно, не теми совещаниями слабых духом начальников со своими подчиненными, которые созываются иными для того, чтобы вывести себя из гнетущего состояния нерешительности или чтобы свалить с себя ответственность в принятом решении, прикрываясь общим голосом своих подчиненных. Напротив, Суворов, пользуясь силою своих убеждений и энергиею своего дара слова, вливал в душу начальников свою идею до того прочно, что они уходили от него в полном убеждении в успехе предпринимаемых действий. Весьма рельефным в этом отношении явился совет перед Измаилом, когда те же самые начальники, которые несколько дней перед тем решили необходимость покинуть попытки против крепости и отступить от нее, постановили у него на совете взять крепость не иначе как штурмом.

Еще поучительнее является совет в Муттене... Суворов ничего не скрыл от своих подчиненных. В самых мрачных красках описал он критическое положение армии и затем подробно изложил каверзы и интриги австрийцев, доведших армию до столь печального положения. Зная психическую природу человека, он, видимо, старался этим озлить своих подчиненных, понимая, что злоба прижатого к стене человека удесяттеряет его силы и энергию. После такой подготовки настроения начальников ему не трудно было, упомянув о славе русского воинства и преданности царю и отечеству, довести их до торжественной клятвы спасти честь русского оружия и живыми или мертвыми выбиться из западни, подготовленной вероломными союзниками.

Вот, по-видимому, все те меры, которыми пользовался наш народный герой для вселения в войска во время самых действий уверенности в своих силах и в том, что противник не может не уступить их желаниям и требованиям.

Но одной этой уверенности для всегдашнего успеха еще недостаточно; крайне необходимо еще создать для войск такую обстановку, чтобы в войсках всегда царствовали полное спокойствие и хладнокровие, так как только при этом возможно уберечь их от нервности. Только в этом случае возможно рассчитывать, что никакая неожиданность и случайность, которых та-

кая масса в боевой практике, не поселит в войсках пагубной суетливости и даст им возможность воспользоваться своею находчивостью для обращения всякой случайности в свою пользу.

Всякий человек может сохранить полное спокойствие и хладнокровие в работе лишь тогда, когда он будет знать, что ему надлежит делать. То же самое будет вполне применимо и к деятельности войск. Если войска будут знать, что им надлежит делать, если в их действиях и требованиях от них ничего не будет заключаться нового, им незнакомого; если, наконец, они встретятся с врагом, даже и незнакомым, но таким, каким они его себе представляли, то хладнокровным и спокойным начальникам не трудно будет сохранить таковые качества и в подчиненных им войсках.

И действительно, мы видели, что Суворов перед каждым серьезным делом, кроме подробной диспозиции, в которой указывался не только порядок движения войск, но иногда и строй, и весь порядок атаки с приложением чертежа, очень часто давал еще наставления в приказах по армии и почти всегда развивал их подробно в своих постоянных разговорах с людьми на походе. Никогда также не упускал он случая подготовить войска к предстоящим действиям и для этого не раз производил им ученья или маневры, показывая на них приемы штурма укреплений или просто атаки, в зависимости от того, к чему он готовил войска. Если же Суворову приходилось принимать под свою команду войска, с ним незнакомые, то он обыкновенно раздавал им свой «Военный катехизис» или издавал для них руководящие приказы и командировал для их обучения особо доверенных лиц с достаточным числом инструкторов. В этих случаях он никогда не стеснялся даже несколько задеть самолюбие войск, как это им было сделано с австрийскими войсками в Итальянскую кампанию.

К этому же разряду мер нужно отнести и инструкцию для действия в горах, изданную им перед Швейцарским походом.

Но если и все эти меры он считал недостаточными, то он обыкновенно ставил в голову колонн войска и начальников, наиболее ему знакомых и испытанных.

Все эти меры, как мы видим, имели целью подробно ознакомить войска и их начальников с требованиями фельдмаршала и сводились к тому, как говорил сам Суворов, «чтобы войска предводителя своего разумели...»

Таким образом, Суворов вступал в бой с противником во всеоружии, и войска его хорошо знали, что им предстоит делать, но если по условиям изменившихся во времени боя обстоятельств приходилось делать перемены, то он делал их так, что войска их даже и не замечали.

«Когда он появлялся перед противником, то все уже было им предвидено заранее. Но если какой-нибудь случай или местные обстоятельства требовали перемены, он делал ее с такою быстротою, что никто не мог заметить, есть ли эта перемена самопроизвольное творчество данного момента или исполнение первоначального решения» (Дюбокаж).

Основною мерою к тому, чтобы войска в военное время не встречали никакой новизны и действовали лишь в круге привычных приемов, служит обучение мирного времени... И в военное время не мешает иногда войскам напоминать предстоящий им способ действий, равно как и обучить их тому, что не поспели или чему не приходилось обучать в мирное время. Почти то же самое можно сказать и относительно необходимой находчивости для того, чтобы все встреченные на войне и в бою случайности успеть раньше противника обратить в свою пользу и тем сохранить тот порядок и хладнокровие в бою, которые столь необходимы. Приучение офицеров и вообще начальников к находчивости есть, конечно, работа мирного времени, на войне же явится в этом отношении большая практика. Суворов со своей стороны всегда старался расширить эту практику для начальников, предоставляя им самим решать в каждом данном случае по своему усмотрению, насколько не вмешиваясь в их распоряжения и избегая давать им до мелочей подробных инструкций. <...>

Весьма заботливо тоже относился Суворов к тому, чтобы войска имели правильное понятие о противнике, так чтобы встреча с энергичным, сильным или хорошо укрепленным противником не была бы для них неожиданностью и новостью. Для этого он всегда войскам говорил правду о противнике, а свои разговоры с людьми обыкновенно облекал в такую форму, что хотя противник и многочислен, и сильно укреплен, но вы такие «чудо-богатыри» и «русские», что, наверное, сломите его и победите. Насколько Суворов был к этому чуток, можно видеть из того, что когда появились на боевом поприще французские революционные войска, которые в силу своих особенностей ввели в употребление для атаки колонны, то и сейчас же советует и своим войскам, которые были собраны в Тульчине и мечтали еще только когда-нибудь сразиться с французами, привыкать к действию колонною, чтобы в этом способе действий они не видели ничего нового.

В деятельности нашего великого полководца мы очень мало можем найти указаний на меры, к которым он прибегал для восстановления поколебленного порядка в части во время боя. Происходит это, очевидно, потому, что войска его, благодаря его

воспитанию и обучению и вообще всем другим мерам, очень редко доходили до расстройств моральных сил. В тех же редких случаях, когда это могло иметь место, совершенно достоянным оказывалось личное появление фельдмаршала перед войсками. Вот почему мы и могли указать лишь на три случая. В первом из них ему удалось убедить войска, что вынужденное отступление не есть с их стороны неустойка, а есть плод преднамеренного маневра для «заманивания» наступающего противника с целью лучшего нанесения ему поражения. И он достиг своей цели очень скоро, повернув отбежавшие войска опять фронтом к противнику. Затем мы видели еще два случая, когда Суворов, предвидя полное истощение физических сил людей вследствие слишком форсированной работы, вызвал их обновление. Так, во время похода навстречу к Макдональду он приказал войскам заучивать 12 французских слов и тем отвлек просто внимание людей от их сверхъестественной усталости, что давало им возможность продолжать движение как бы по инерции. Способ этот имеет за собою громадный практический смысл. Каждому, мы думаем, приходилось испытать на себе в жизни, что сосредоточение внимания своего на величине и трудности производимой работы только уменьшает силы для ее продолжения и наоборот. Развлечение внимания и появление какого-нибудь постороннего интереса делает самый труд незаметным. К этому же разряду мер относится и тот эпизод, когда Суворов, видя сильное утомление людей, затянул на всю колонну песню и тем вывел людей из сосредоточенного внимания к трудности совершаемой ими работы.

Покончив с мерами, служащими для успокоения нервов части, перейдем теперь к мерам, служащим для возбуждения частей и могущих довести до высшего градуса боевой азарт в частях, столь необходимый во многих случаях в бою. Главною мерою в этом отношении у Суворова служило слово начальника. Редко это слово передавалось войскам в приказах, в большинстве случаев фельдмаршал лично говорил с войсками на походе или перед боем. Но, не ограничиваясь своими разговорами, Суворов нередко приказывал начальникам частей готовить своих людей к предстоящему делу (Измаил) и особенно заботился, чтобы достигнутое этими внушениями возбуждение людей не успело остыть до начала боя. Для этого он приказал (Измаил) не вводить людей в линию раньше как за 1/4 часа до начала дела, чтобы бесцельное ожидание боя не ослабило их возбуждения.

Обращаясь к вопросу, как должны быть составлены эти приказы и разговоры с людьми, т.е. по каким клавишам сердца нашего солдата нужно ударять, чтобы вызвать полную октаву

боевого азарта, мы видим из всех вышеприведенных слов, что Суворов особенно напирал на следующее: «Вы русские!» — всегда говорил фельдмаршал своим молодцам и тем постоянно возбуждал национальную гордость. Затем ни одной фразы не обходилось без ссылки на помощь Божию и на милость Всевышнего за честно исполненный долг службы. Затем шла преданность «Матушке Царице» и возбуждение честолюбия как личного, так и целых частей.

Следующею мерою для усиления боевого азарта служило оставление атаки войск в возможно торжественную обстановку, и для этого во время атаки всегда практиковался барабанный бой и музыка, а иногда мы видели, что русские войска шли в атаку с песнями. Эта последняя мера имеет огромное значение в особенности теперь, как мы постараемся выяснить ниже, когда, благодаря дроблению частей в боевом порядке, музыка не может служить для всех частей боевого порядка отдельной части. То же значение имеет и движение вместе с частью в атаку распущенных знамен, этой военной святыни, за спасение которой всякий добрый ратник всегда готов положить свою голову.

Затем нам остается сказать еще о последней мере — о примере начальника. Недаром можно сказать, что личность начальника есть последний резерв своей части. Мы знаем, на что может подвигнуть людей пример любимого начальника, становящегося во главе своей части в критические минуты боя. Мы видели, что появление Суворова в передовых рядах своих «чудо-богатырей» в одну минуту изменяло характер боя на данном месте и приводило неминуемо к победе над упорным сопротивлением врага.

Нам только остается оговориться, что это впечатление на людей примера начальника вполне будет зависеть от его личности и от той преданности и любви, которую он сумел вселить в своих подчиненных.

Вот и все меры, которые проявлял Суворов для поднятия нравственного духа своих войск.

Переходя теперь к мерам, служившим ему для подавления моральных сил противника, мы видим, прежде всего, что большинство мер, служивших для ободрения и поднятия духа в своих войсках, в то же время имели противоположное значение для противника. Действительно, один вид спокойно, бодро и с полною уверенностью идущих в атаку наших войск отзывался в желаемом смысле на нравственные силы противника, если же прибавить к этому музыку и песни, показывавшие, что для наших войск штыковой удар есть праздничное и желанное событие, то будет понятно, какое влияние все эти приемы должны были производить на противника.

Затем главным воздействием на противника являлась в руках Суворова постоянная инициатива в нападении. Чтобы понять все огромное значение этой меры, достаточно вникнуть в положение человека, наносящего удар, с другим бойцом, на долю которого остается лишь отпаривание грозящей опасности. Первый из них имеет возможность нанести удар чем хочет, куда хочет и когда хочет, а следовательно, может выбрать и способ, и средство, наиболее ему знакомое, и обставить применение их в наиболее для себя выгодные условия. Все это не может не вселить уверенность в успехе, что и даст ему много шансов для сохранения спокойствия и хладнокровия, исключающих нервность и отвечающих сильному поднятию духа. У обороняющегося же, наоборот, первую мысль невольно явится заключение о силе нападающего уже по одному тому факту, что тот отваживается на нападение. Затем с началом борьбы обороняющийся не будет выходить из-под гнета беспокоящей его мысли, как бы вовремя разгадать намерения противника и успеть отпаривать его удар. Времени же для соображения и выбора способа действий весьма мало, так как нужно все это исполнить уже в то время, когда удар противника занесен и грозит исполнением. Вот почему обороняющемуся гораздо труднее сохранить хладнокровие и не поддаться нервности, так сильно подавляющей моральные силы.

То же самое будет справедливо и по отношению к целым частям войск и к армиям. Потому-то инициатива в действиях и влияет столь пагубно на состояние духа противника. Глубоко понимая это, Суворов сам всегда пользовался в самом широком объеме этим средством и вселял таковые же понятия в своих подчиненных.

«Фельдмаршал Суворов в особенности отличался искусством взять инициативу в атаке, каково бы при этом ни было его положение, положение противника и численность последнего. “Не спрашивайте никогда, сколько их, но где они?” — говорит этот неустрашимый военный, выражаясь своим энергичным лаконизмом» (Дюбокаж).

Все остальные меры, служившие Суворову для понижения моральных сил у противника, вытекали из афоризма «Победить — значит удивить» и из выбора такого способа действий, который мог наиболее влиять на нервность врага. Удивлял врага Суворов неожиданностью появления перед ним и применением такого способа действий, которого противник никак не мог ожидать в данную минуту.

Быстрота, неутомимость и скрытность движения всегда помогали Суворову совершенно неожиданно появляться перед противником и заставить его врасплох. Поэтому-то он и говорит в

споре с принцем Кобургским перед Римником: «Численность противника!.. Их укрепленная позиция... Да поэтому-то и нужно немедленно их атаковать, чтобы захватить врасплох...»

Мы видели, с каким успехом было применено им это средство при всех действиях в Польше, под Фокшанами и Римником, на Трещини...

Главным средством для возбуждения нервности врага у Суворова были ночные нападения, во-первых, потому, что ночное нападение всегда является для противника неожиданным и, во-вторых, ночью очень трудно дать себе отчет о силах противника, а следовательно, и о размере грозящей опасности. Как не раз он сам высказывал, расчет ночных нападений основывался на следующем: всякий человек, предупрежденный о грозящей опасности и видящий ее приближение, будет иметь время для внутренней борьбы с инстинктом самосохранения; видя же размеры опасности, он даже убедит себя скорее в том, что таковая опасность для него не страшна и он имеет достаточно силы, чтобы с нею справиться. Совсем другое при неожиданном и ночном нападении. У подвергшегося нападению нет времени для борьбы с природным инстинктом и за невозможностью разглядеть и оценить силы нападающего врага нет оснований для убеждения себя в том, что он сильнее грозящего ему.

Кроме того, Суворов иногда сначала мало противодействовал наступлению противника, давая тем самым укорениться в его рядах убеждению, что успех будет легок, противник неопасен, не решается даже ему как следует противодействовать. Но как только противник достаточно увлечется видимым успехом своих действий, Суворов с близкого расстояния неожиданно поражал его силою и энергиею своих действий, обдавая увлеченного противника смертельным залпом и картечью, бросаясь на него в ожесточенную атаку штыком, и в большинстве случаев противник не выносил этого резкого перелома от предвкушения торжества победы над слабым противником к познанию и ощущению всей неожиданной силы его (Гирсово, Кинбурн, Муттен). То же самое было, если смотреть на дело более широко, и под Римником, где, вместо предположенного заковывания в цепи малочисленного отряда австрийцев, турки были сами неожиданно атакованы в своем громадном лагере.

Зная нравственную силу артиллерийского огня, Суворов никогда не пренебрегал им и давал своей артиллерии возможность выказать полную мочь в деле обстреливания противника, и даже в тех случаях, когда, вследствие сближения обеих сторон, артиллерия должна была прекращать свои действия, он

приказывал иногда ей продолжать стрелять сильными холостыми зарядами (Туртукай, Измаил). Эта-то нравственная сила артиллерии, как известно, ведет к тому, что потеря артиллерии производит сильное впечатление на войска, в особенности молодые. Потому-то мы видим, что в Польше Суворов сам старался и настоятельно советовал своим подчиненным прежде всего нападать на орудия противника.

Когда же Суворов встречался с таким противником, который отличался храбростью и внутренним устройством и не терялся от первого наносимого ему удара, то завязывалась борьба на продолжительное время, и фельдмаршал, зная крепость и выносливость характера войск, настойчиво и непоколебимо наносил противнику удар за ударом до тех пор, пока не добивался у неприятеля таковой нервности, что последний удар его приводил противника к панике (Нови).

В бою Суворов был неумолим к врагу с оружием в руках, раз добившись признаков расстройств в рядах противника, он не давал ему ни на минуту опомниться, быстро и настойчиво развивал в нем упадок духа и неотвязчивым преследованием, не щадя своих войск, доводил противника до полного и решительного расстройств моральных сил.

Но раз противник бросал оружие, Суворов из неумолимого бойца обращался в доблестного рыцаря. Особенным вниманием и ласками пользовались у него пленные офицеры и генералы. О всех вообще пленных он заботился и строго приказывал обходиться с ними и кормить их как следует. Раненых неприятельских он приказывал перевязывать и подавать им ту же помощь, что своим.

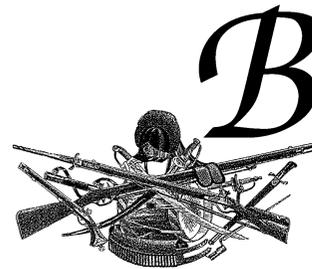
Всякую речь, приказ или диспозицию перед боем он заканчивал напоминанием и предписанием мер милосердия к побежденному и безоружному противнику.

Нетрудно было заметить, что тщательнее всего он выставлял эту разительную разницу между всесокрушающею и ничего не щадящею силою при сопротивлении и полным милосердием при покорности в польских войнах, так как по обстановке этих войн вселение в конфедератов и жителей симпатии к русским войскам уменьшало силы противника и облегчало ведение войны. То же самое мы видели в Италии, так как и там подобные меры, производя нравственное впечатление, уменьшали приверженцев революционного знамени, поднятого французами.

Нравственный элемент в руках Суворова. Генерального штаба полковника Сергея Гершельмана. Издание второе. — Гродна: Губернская типография, 1892. — С.82—97.

А. Верховский

ВЗГЛЯДЫ СУВОРОВА НА ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ АРМИИ

В ту пору, в эпоху Суворова, как вы помните, живыми идеями народных масс, вокруг которых группировалось общественное мнение широких слоев народа, были «вера, царь и отечество». И вот основная работа Суворова была направлена на распространение, популяризацию этих тогда понятных солдатской массе идей. Как далеко мы ни отошли от того времени, от мыслей и чувств, которые воодушевляли тогда войска, но мы все же можем судить о влиянии, которые они имели на массу. Человек, который шел на смерть, знал, что ему и после смерти «там» будет хорошо, так как он идет в бой за веру, за «дом Святой Богородицы». Суворов говорил: «Убьют, что на пенсию с полным пансионом, останешься живым, тому честь и слава!» Религиозный фанатизм часто бывал цементом, которым в истории человечества не раз талантливые вожди, как, например, араб Магомет или турок Солейман Великолепный, сплачивали свои армии; они давали солдату, шедшему на смерть, счастье и спокойствие перед лицом смерти.

Вспомните Крестовые походы, когда десятки тысяч людей шли через моря и пустыни из Западной Европы, из Франции, Италии, Испании и Англии освобождать Гроб Господен. Мы знаем, какие мощные экономические причины вызвали эти походы, но в то же время изучение показывает, что эти массы людей сплотились в армии в религиозной мечте и умирали счастливыми «за Гроб Господен», веруя, что перед ними открыты двери рая.

Вся система воспитания Суворова построена, как на базе, на развитии и углублении ясного основания, за что борется воин. Второе, что для нас чрезвычайно интересно, это стремление Суворова добиться, чтобы каждый человек, каждая часть верили в себя, в свои силы. Представьте себе двух человек, из которых один неуверен в себе, нерешителен; он слаб, так как не знает, справится ли он с опасностью, которая стоит перед ним. Человек даже с очень большим умом, способный к глубокому анализу всех трудностей, которые перед ним вырастают, слаб, если у него нет уверенности в своих силах, в себе, в способности преодолеть их. Возьмите другого человека, он может быть ограниченным и менее сильным, но если он верит в себя и готов на все, то из этих двух победит или, по крайней мере, имеет больше шансов на нее тот, кто верит в себя. Лозунг Суворова «На себя надежность — основание храбрости» есть также одна из основ суворовского воспитания.

Существует расчет, что для поражения одного человека на поле сражения надо выпустить столько пуль, чтобы вес их был равен весу человека. Из этого иногда делают вывод, что стало быть бесполезно учить стрелять: в бою от волнения все равно никто не целится и убивает лишь масса выпущенных пуль.

Если подойти без понимания человеческой психологии к этому вопросу, то, пожалуй, можно согласиться с таким взглядом. Но Суворов даже в то время учил стрелять в цель, и если вы подойдете к этому вопросу с точки зрения Суворова, то придете к совершенно иным выводам. Представьте себе двух стрелков: один знает, что при старании он на 400 шагов умеет попасть все пули в головную мишень; другой никогда не стрелял и не знает свойств своего ружья. Кто лучше устоит перед кавалерийской атакой противника? Нет сомнения, что тот, кто верит в себя, в свою винтовку. Волнуясь, он будет плохо целить, но все же останется стрелять, а свойства винтовки доделают остальное. Второй просто убежит и будет зарублен в спину. Вера в себя — один из мощных факторов силы, который Суворов старался воспитать в своих войсках.

Вы помните то пренебрежение, с которым Западная Европа относилась к России, с которым образованные классы относились к простому человеку, даже как мы сами смотрели на себя: «где уж нам, что уж». А за границей говорили «эти русские свиньи» и прочие «неприятные» слова. Суворов никогда не относился с презрением к своим подчиненным. Человек может ошибаться, может быть охвачен случайным малодушием, но основной его посылок было: «Мы русские и потому с нами

Бог». Лишь бы была вера в себя, а остальное приложится. Когда он приезжал в часть, роту, полк, если он замечал какие-нибудь недостатки, то вместо чтобы, как это делают обыкновенно суровые начальники, «пушить» и кричать, вселяя в часть мнение, что она плоха, Суворов, наоборот, делал вид, что он дремлет и в таком дремотном состоянии проезжал мимо провинившейся части, не делая выговора; потом, призвав командира, с глазу на глаз выговаривал ему все, что думал и требовал. Это показывает, как Суворов берег самолюбие части. Если же он находил состояние части удовлетворительным, то он говорил, уезжая: «Вся ваша рота, весь ваш полк — чудо-богатыри. Спасибо, утешили старика!» <...>

Чувство чести — это следующий фактор, на котором Суворов строил воспитание армии. Главное условие — это твердость духа в войсках, готовность погибнуть, но не бежать, не уронить своей чести. Если вы вспомните одиночного бойца, скажем, рыцарской поры, то увидите высокое воспитание чувства чести у рыцаря. Рыцарь, который побежал перед неприятелем, потерял свою честь, такому человеку нельзя было больше показаться перед лицом своих сограждан, он был посрамлен, он был осмеян, он умирал гражданской смертью.

Однажды мне пришлось слышать рассказ одной старой бабы Тульской губернии: «Вот мой сыночек умный, не глупый, сдался немцам, теперь жив будет и домой вернется». Вот разница двух психологий — рыцаря и тульской бабы: наличие и отсутствие понятия воинской чести. Если вы возьмете немецкого солдата 1-й мировой войны, то вы увидите, что немец не мог бежать с поля сражения, ибо это считалось бесчестным. Мать и жена выгоняли дезертира на улицу, ибо все общество, весь народ Германии не допускали мысли о возможности одному уклониться от долга крови в то время, когда умирали другие. Бежать с поля сражения, оставить свою часть — это значит поступить бесчестно. Мы, военные, ясно себе представляем, насколько воины с рыцарским понятием чести будут сильнее в бою, чем сыновья той тульской бабы, о которых я говорил. Эти понятия Суворов умел привить и командному составу, и солдатам. Они были живы не где-нибудь во французском или немецком рыцарстве, а в нашей армии, в нашем офицере и нашем солдате. Он также стремился развить в них чувство долга, составляющее одну из основ войска в тяжелых переживаниях похода и боя. Эти качества заложены в области духа, и только воспитываемая духом, можно армию сделать твердой.

Немаловажным фактором в деле воспитания войска Суво-

ров считал воздействие на честолюбие бойцов. Можно считать честолюбие одним из отрицательных свойств духа, но Суворов, развивая в войсках ясное сознание, за что они борются, веру в себя, чувство долга, чести, он сверх этого стремился воздействовать на командный состав, открывая достойнейшим быструю дорогу наверх, к влиянию и славе, увлекая в его ряды наиболее подготовленных и законченных людей из солдатской массы. Это умение опереться на естественное чувство самолюбия характерно не только для Суворова, но для всех великих полководцев, всех армий, перед которыми стояли большие задачи. «Каждый солдат в ранге своем носит фельдмаршальский жезл». Этот же принцип стремился выдвинуть и Суворов. В те времена можно было в 28—30 лет от роду сделаться генералом.

Наше тогдашнее войско характеризуется еще совершенно особенным отношением к солдату. Вспомните, что в ту эпоху в Западной Европе за малейший проступок солдата гнали сквозь строй, били шпицрутенами. И в нашей армии применялись суровые наказания, но только для дезертиров и для лиц, нарушавших основные требования дисциплины. То, что мне придется вам рассказать об эпохе Николая I, это несравнимо с тем, что было в войсках Суворова. Суворов учил своих офицеров, что нужно прежде всего воспитать уважение солдата к самому себе. В наставлениях того времени для ротных командиров говорится: «солдат есть звание почетное», рядовой солдат носил ту же форму, которую носил и фельдмаршал, и ему внушалась мысль, которою Суворов особенно дорожил, которую защищал затем Драгомиров, что солдат должен уважать самого себя. На солдата возлагается важная обязанность защищать государство, он жертвовал за Россию своей жизнью, тем заслуживал общее уважение. Часовой на посту был лицом неприкосновенным. Мало того, на грубое слово он мог ответить обидчику ударом штыка. Эти факты надо оценивать с точки зрения того времени: отношение к солдату тогда и теперь нельзя сравнивать. Ведь солдат был крепостной, а офицер — барин. Крепостной был вещь своего господина, которую он мог продать, купить, проиграть в карты и за малейшую провинность запороть насмерть.

Я хочу остановить ваше внимание еще на одном вопросе. Необходимость дисциплины тогда была совершенно очевидна, об этом долго говорить не приходилось. Воспитание дисциплины, созданное всем укладом русской жизни, начатое при Петре, продолжалось и при Суворове. Субординация и тогда была основой военного дела. Но что особенно характерно для Суворова —

это стремление развить самостоятельность. В Западной Европе о развитии самодеятельности стали говорить только с половины девятнадцатого века, у нас разговоры о ней возобновились только после Русско-японской войны. Но эта мысль была настолько очевидна Суворову, как и Петру, что все воспитание его армии было построено на развитии самодеятельности. Суворов прямо говорил: «Каждый воин должен понимать свой маневр, ближнему на месте виднее. Я говорю направо, он видит — налево — меня не слушать». 3 мая 1799 года он отдал приказ: «Местный в его близости по обстоятельствам лучше судит, нежели отдаленный, он проникает в ежечасные перемены их течения и направляет свои поступки по правилам воинским». В то время когда на Западе за малейшее отступление от приказа отдавали под суд и гнали сквозь строй, в это время фельдмаршал русской армии учил: «Если ближнему виднее, то меня не слушать, делать так, как обстановка на месте велит».

Вот основные задачи, которые Суворов ставил при воспитании войск. Теперь перейдем к вопросам обучения. В ту пору в Европе еще господствовал взгляд, что тот главнокомандующий может считаться мастером военного искусства, который одержал победу без единого сражения. Верхом искусства считалось занять такие укрепленные позиции в тылу противника, которые неприятель не мог бы взять и был бы вынужден к отступлению. Так должны были поступать генералы вербованной армии, у которых даже после удачных боев дезертировали тысячи солдат. Иначе стояло дело у нас, где имелась совершенно отличная от Европы политическая база для армии.

Суворов и его друзья в то время могли выдвинуть все великое значение наступательного боя. До нас сохранился завет Суворова: «ничего, кроме наступательного». В наши дни для нашей армии с ее особыми качествами этот завет Суворова особенно значителен. Ничего, кроме наступательного. Этому он учил, на этом строил воспитание, теперь посмотрите, как он построил всю систему обучения в наступательном духе.

Вы знаете, что человеку трудно сделать то, к чему он не привык, и, наоборот, то, с чем он освоился, это дается ему легко. Возьмите гимнастику. Предложите человеку, который никогда не проделывал упражнения на турнике, сделать «солнце»; вероятно, не один молодой, сильный человек почувствует себя сконфуженным, и ему это не удастся, если он будет делать «солнце» без подготовки, но поупражнявшись, он быстро завертится вокруг турника; и легко это делает. Совершенно то же и на поле сражения. То, что войска привыкли делать во время учения, то

они легко и свободно сделают на войне. Если не ошибаюсь, Мольте говорил, что войска проделывают на войне то, чему их обучали в мирное время, но только хуже. Поэтому Суворов все время приучал войска к таким маневрам, которые дали бы возможность изучить технику наступательного боя. Все это Суворов стремился достичь путем односторонних и двухсторонних маневров, доводимых до сквозной атаки. Сквозная атака имела задачей приучить войска к впечатлению надвигающегося на них врага. В отношении пехоты это, может быть, в наши дни редких боевых порядков не имеет такого значения. Но тогда пехота, производившая атаку сомкнутой стеной бойцов с опущенными штыками, наступала быстрым шагом, и это производило сильное впечатление, к которому надо было привыкнуть.

Наша пехота, после такого обучения наступавшая стремительно в атаку, производила такой эффект, что неприятель не выдерживал удара и бежал. Для этого Суворов постоянно практиковал маневр, чтобы войска шли друг на друга сквозной атакой, протискивались в ряды противника и выходили на другую сторону, быстро приводясь в порядок. Так он приучал войска к виду массы штыков, которые направлены прямо в грудь. Еще более серьезно стоял вопрос, когда нужно было приучить войска к конной атаке. Мы знаем, что это для стойкой пехоты не страшная вещь. Нет ничего страшнее твердого духом пехотинца, встречающего атаку огнем и даже штыком. Такой пехотинец сильнее льва и опаснее тигра. Как ни внушителен с виду всадник на горячем коне, несущийся в атаку, но он ничего не может сделать, если пехотинец встретит его грудью. Лошадь на штык не идет. Мы это хорошо знаем и знаем, что весь вопрос конной атаки — вопрос психологии, вопрос испуга. Конница рубит лишь в спину убегающего врага. Суворов это понимал и приучал своих людей к виду атаки, и люди начинали верить в себя и не боялись никакой конницы. Этот метод применим и к нашей армии, и в наше время. Если вы приучите войска к виду скачущей конницы и покажете, что выстрел успеет раньше сразить всадника, чем конница сможет доскакать, то такая пехота кавалерии никогда бояться не будет. Этот прием Суворов часто применял при обучении своих войск.

Чрезвычайно интересна самая система обучения Суворовым его войск. Почти 130 лет прошло с тех пор, как Суворова нет, но и сейчас, и в дореволюционной нашей армии можно было зачастую видеть, как дядька учил молодого солдата: поворот направо, поворот налево, учебный шаг, заученные ответы. Суворов категорически был против такой системы обучения. Он разделял

обучение на две части и обучал сначала одиночного бойца и затем целую часть; он считал, что только тогда можно сделать хорошую часть, когда боец действительно хорошо подготовлен, потому одиночное обучение, то, что называлось рекрутской школой, он строго отделял от обучения и сколачивания части.

И действительно, там, где у вас солдат хорошо знает все, что от него требуется, там он, будучи построен в ряды, все остальное постигнет в 2–3 дня, и в скором времени ваша часть будет вполне законченной боевой организацией.

Мне хочется еще остановиться на одном вопросе, который имел решающее значение. Вспомните, что это было время крепостного права, время его расцвета, что солдат был раб, крепостной, а офицер был дворянин и господин во всех отношениях. Но Суворов уже тогда понимал, что на походе и поле сражения перед смертью все равны, и барин-дворянин, и крепостной солдат; если начальник хочет, чтобы связь в бою между солдатом и офицером не разорвалась, то нужно закреплять ее в мирной обстановке. Эта великая мысль нашего полководца глубоко проникла в душу его армии.

Сам очень богатый помещик, Суворов одевался в скромный мундир, спал на соломе, ел солдатскую пищу, никакой роскоши себе не позволял. Если вы вспомните, как держало себя французское офицерство того времени, то увидите, что они ходили в поход с целым обозом, огромным количеством провизии, брали с собой все удобства и роскошь, включая женщин и попугаев.

И в эту пору фельдмаршал Суворов на скромной казацкой лошадке, в посконной рубахе появлялся перед войсками, беседовал с солдатами, ободрял офицеров. Все это указывает, как внимательно Суворов относился к солдату, как он знал его быт, настроение и мнение, как стремился сгладить разницу между начальником и подчиненным. Офицеры и солдаты его горячо любили и шли с ним, как говорится, в огонь и в воду.

Чтобы закончить очерк суворовской науки, необходимо еще одно замечание. Вы помните, что ружье в то время стреляло на 100 шагов со скоростью 1–2 выстрелов в минуту; попасть в цель было довольно трудно, и Суворов справедливо говорил: «Пуля дура — штык молодец, пуля может обмишуриться — штык никогда». И вот начальник, который знал, что «пуля дура — штык молодец», вводил систематическое обучение прицельной стрельбе и заставлял солдата выпускать не менее 30 пуль в год так, чтобы каждый солдат понимал, чего можно требовать от своего ружья. Он воспитывал войско в наступательном духе, учил

их атаке и в то же время обучал войско стрелять для того, чтобы даже несовершенную технику того времени можно было использовать полностью. Вот та система, при посредстве которой русские солдаты превратились действительно в «чудо-богатырей», не знавших поражения.

О Суворове сохранилась масса анекдотов. Это был большой чудак, который прекрасно понимал психологию масс. Он прекрасно знал, что масса легче усваивает то, что ударит ее по воображению. Часто он применял странные способы, чтобы внушить ту или другую мысль. Так, он желал привить войскам нелюбовь к отступлению и для этого прибегал к ряду воспитательных мер. Например, стоит часть, кто-нибудь случайно вылез вперед. Нужно выровнять строй. Обычно выравнивают, осаживая назад того, кто вылез вперед. Суворов никогда этого не делал и не позволял делать. Один человек выдвинулся вперед, по этому одному человеку выравнивалась вся часть, иногда целая дивизия. Ни один человек, ни целая дивизия не могли отступить, никогда, ни при каком случае. Не было никаких упражнений, никаких обучений на отступление. Все только для наступления, и этот лозунг проводился без конца, до самых мельчайших подробностей. Суворов страшно любил людей, которые умели быстро решаться и быстро действовать. Он говорил, что на поле сражения это необходимые люди, их он искал, эти качества требовал от всех; в этой области существует целый ряд анекдотов. Например, Суворов, проезжая мимо части, спрашивал солдата: «Сколько верст до Луны?» Если тот отвечал: «Не могу знать», — Суворов бывал недоволен. «Немогузнайка, ленивка, лукавка!» — были клички, которые он сейчас же давал.

А если он встречал офицера, который на вопрос: «Сколько звезд на небе?» — отвечал: «2 441 000». — «Как так?» «Извольте сами сосчитать, верно ли!» Суворов был рад; спрошенный быстро нашелся, быстро ответил. Суворов считал, что солдат, не робеющий перед фельдмаршалом, найдется и перед неприятелем.

Один-единственный раз «немогузнайка» доставил Суворову истинное наслаждение. Делая смотр одному кавалерийскому полку, он спросил одного молодого офицера:

— Что такое ретирада? (отступление)

— Не могу знать!

— Как не можешь знать? Немогузнайка!

— В нашем полку этого слова не знают.

— Хороший полк, очень хороший полк! — и Суворов довольный поехал дальше.

Вот в коротких словах та система воспитания, которая на базе, созданной народной психологией, на настроениях правящего класса и состоянии техники, организовала духовные силы нашей армии и создала ту страшную силу, про которую Наполеон, столкнувшийся с ней, воскликнул однажды в восхищении: «Русского солдата мало убить, надо прийти и повалить». Армия, опиравшаяся на силу исторической традиции, организованная тонким психологом, понимавшим как никто душу массы, оказалась той силой в Европе, которая одна только могла победить полки французской революции и которая долго еще, даже внутренне разлагаясь сама, была опорой всей европейской реакции.

Методы и приемы, которыми это было достигнуто, были, действительно, замечательны. Мы видим прежде всего дисциплину, опирающуюся на широкую базу сознания масс, не забывая необходимого момента насилия. Мы видим, как внимание массы фиксируется на лозунге, взятом из глубины народного верования, создавая каждому бойцу даже в момент величайшего напряжения, в смертной опасности, яркую точку, красивую веру, что смерть его нужна, что она не будет забыта, что даже после смерти его ждет блаженство.

Сила армии поднималась постоянным ростом веры в себя, веры в свою мощь, настойчивым обучением технике военного дела, втягиванием в трудности боевой жизни. Выдвигались и воспитывались свойства, повышавшие боеспособность войск: чувство чести в офицере, чувство долга во всех. Сила армии опиралась не только на покорную исполнительность масс, организуемых единой волей вождя, но на самодеятельность, на знание дела, на частный почин каждого.

Немаловажное отношение к психологии войск имеют отношение командира и массы, и тесная духовная связь между ними, переходящая в трудную минуту, перед лицом смерти, в боевое товарищество офицера и солдата, спланивает полки, давая командному составу силу и возможность действительно руководить боем, не теряя управления даже в самые трудные минуты.

Наконец, все, кто изучал военное дело, знают, какую психологическую силу имеет наступление; как вращение поддерживает волчок, стоящий на одной ножке, так наступательный порыв поддерживает дух войска в самые трудные минуты, когда душевное равновесие колеблется. Тот, кто хочет взять от своих войск максимум сил, должен приучить их к наступлению. Именно в этом и воспитывались наши войска. И армия народа, еще 100 лет тому назад пережившая позор Столбовского мира со шведами и взятия Смоленска поляками, обратилась в армию «чудо-богатырей», первую армию тогдашней Европы.

Таким образом, суть суворовского воспитания заключалась в том, что он стремился развить человека в человеке, готовность жертвовать собой во имя идеи. Он стремился опереться на активные стороны духа человека, разбудить его самостоятельность, веру в себя, честь и долг и направить их в нужном направлении. Идеализм, сознательность, активность были главные силы, действие которых он стремился вызвать.

В его обучении мы видим прежде всего глубокое уважение к наступательному образу действия — способу, к которому всегда прибегал сильный духом. Его уважение к наступлению выражалось в том, что он учил войско наступать, учил по приемам и отдельного человека, и целые дивизии, учил по приемам на плацу и в поле с тем, чтобы в самой технике наступательного боя не было ничего нового и войскам в бою оставалось лишь повторить то, что они хорошо разучивали в мирной обстановке.

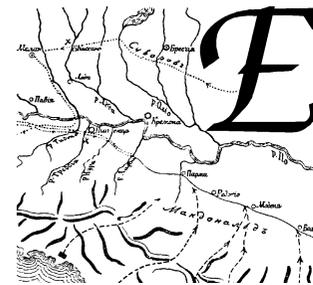
Отметим также, что, как ни слаба была техника современного оружия, Суворов глубоко понимал ее значение и стремился взять от нее все, что она могла дать. Глазомер, быстрота и натиск были его любимой формулой на каждом учении.

А. Верховский. Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв. — М., 1922. — С. 1—2—114.

Н. Орлов

СУВОРОВ-ПОЛКОВОДЕЦ Выводы из военных действий в Италии в 1799 году

Густав Адольф, Тюренн, Фридрих, как Александр, Аннибал и Цезарь, действовали по одним принципам: держали свои силы сосредоточенными, не были уязвимы ни в одной точке, устремлялись с быстротою к важнейшим пунктам — таковы принципы, обеспечивающие победу*.

Его талант был велик и до бесконечности разнообразен. Суворову приходилось действовать на весьма разнообразных театрах войны: на равнинах Пруссии и Италии, в лесах и болотах Польши и Литвы, в степях Молдавии и Валахии, Крыма, Новороссии, Северного Кавказа и оренбургских, в горах Швейцарии. Таким же разнообразием отличался противник и его предводители: немцы, поляки, турки, татары, французы; предводители их вообще были люди весьма храбрые и энергичные, среди них можно отметить нескольких признанных военных талантов: Дюмурье, Моро, Макдональд, Жубер, Массена, Гюден, Лекурб.

Суворов предпринимал всевозможные военные операции: полевые сражения, переправы через реки, осаду, оборону и штурм крепостей, оборону морских берегов, партизанскую войну.

От природы Суворов был одарен обширным умом, обнаруживавшимся во всяком его действии, в каждом мнении. Еще из родительского дома он вынес уважение к науке и жажду знания, а на службе чуть не до последнего дня жизни постоянно пополнял свое многостороннее образование. Просвещенный наукою ум и продолжительная военная практика выработали у Суворова замечательный военный глазомер, это внутреннее око, направляющее решение полководца, способность вычитать истину из массы сбивчивых и часто противоречивых признаков. Так, в 1770 г. во время первой польской войны, когда литовский

* Maximes de guerre de Napoleon. Paris, 1827, p. 45.

гетман Огинский, тщательно скрывая свои политические замыслы, собирал между тем армию для действий против русских, Суворов отлично разгадал его намерения, постиг в нем самого опасного врага и вопреки приказаниям своего начальника Веймарна двинулся к Столовичам и разбил Огинского. В июне 1799 г., когда можно было ожидать наступления французов с разных сторон, когда доходившие до Суворова вести были до крайней степени противоречивы и сбивчивы, он быстро определил главного врага, Макдональда, немедленно двинулся против него и разгромил в боях под Тидоной и Треббией.

Суворов имел характер решительный, обладал железной волей, доходил до крайней степени упорства, когда приходилось приводить в исполнение свои планы. Он не нуждался в советах, не требовал их и не принимал. Раз задумав что-нибудь, не колебался и немедленно стремился к достижению поставленной цели. Все данные им бои носят самый решительный характер (Фокшаны, Рымник, Измаил, Нови...). Моро выразился о нем так: «Что же можно сказать о генерале, который обладает стойкостью, выше человеческой, который погибнет сам и уложит свою армию до последнего солдата, прежде чем отступить на один шаг». <...>

Главные пружины, двигавшие Суворова на подвиги, — страсть к военному делу (и к войне, как конечному его проявлению), сильнейшее честолюбие и славолубие. Вне военной профессии для него не было деятельности, которая могла бы удовлетворять его. В 1793 г., когда для России наступил период мира, Суворова подмывает поступить волонтером в германские войска, воевавшие против французов; 7 июля он просит Государыню: «...повелеть меня, по здешней тишине, уволить волонтером к немецким и союзным войскам на всю кампанию». В 1798 г., когда он подвергся неожиданной опале и был сослан в свое имение Кончанское, ему показалось, что военное поприще кончилось для него бесповоротно, цель жизни исчезла; тогда он пожелал отдалиться от мира и поступить в монастырь, ибо ничем другим не мог бы удовлетвориться. Лишь только затем его призвали для командования в Италии, Суворов преобразился, уныния не осталось и следа; могучий дух настолько овладел всем его существом, что даже сделал незаметным влияние старости; слабое тело фельдмаршала прекрасно выдержало и летние жары в равнинах Ломбардии, и холода в снегах швейцарских гор. Лишь только война прекратилась, Суворов слабеет, заболевает и через полгода умирает.

Честолюбие было присуще Суворову, представлявшему цельный тип военного человека; но оно не доходило у него до степени болезненности, и для получения почетной награды или чина он не поступался своими правилами нравственности. Все отличия он получил за боевые заслуги («Завоевав Польшу, вы сами себя сделали фельдмаршалом», — писала Екатерина II). Точно так же он не давал боев и не пускался в предприятия, которые служили бы только для удовлетворения его честолюбия и не нужны были в общей экономии войны.

Военную славу Суворов считал выше всего, и свое поучение войскам оканчивал словами: «Слава, слава, слава». Он пользовался магическим влиянием на массы. Солдаты слепо верили в непобедимость своего генерала. Он постоянно вступал в общение с солдатом и владел красноречием особого рода — каждое его слово шло прямо к солдатскому сердцу.

Бескорыстие, щедрость, добродушие и простота в обращении привлекали к нему все сердца. Религия — могущественный рычаг на войне, и для русских солдат имеет особенно важное значение. Суворов был человеком в высшей степени религиозным, а потому ему легко было пользоваться «могущественным рычагом».

Мы перечислили многие качества Суворова как полководца, но, по справедливому замечанию одного иностранного писателя (Амбер), трудно даже указать на такое военное качество, которого бы в нем не было. <...>

Теоретические воззрения его о ведении войны, выраженные кратко, картинно и своеобразно, рассеяны в его приказах, наставлениях, письмах и заметках. Они затрагивают множество предметов, но над всеми мыслями мудрого полководца царит идея о необходимости «смотрения на дело в целом», что ведь и составляет сущность стратегии. Придавая большое значение нравственному элементу, Суворов везде ставит дух выше формы; свой дух вносил в тактику, и вследствие этого всякий тактический прием приобретал в его руках некоторую особенность, обличавшую мастера.

Тактический талант Суворова велик, самобытен и неподражаем, хотя, конечно, основан на общих принципах военного искусства.

Незабвенную память оставил по себе Суворов как великий военный педагог, идеи которого и поныне еще не применены во всей полноте. Здесь нельзя ограничиться одной подражательностью, надо проникнуться суворовской сущностью. Конечно, в

его время и другие военачальники прилагали здравые основания к воспитанию солдата, однако никто не поднялся до его результатов, зависевших от гениальности творца школы. Упрочение религиозности, чувства чести, долга, национальной гордости, преданности престолу — вот основы его воспитания («Мы русские, с нами Бог!»). Наглядность в обучении (сквозные атаки, эскалада нарочно построенных рва и вала...), простота, обучение только необходимому (отсутствие при этом «чудес», т.е. всего искусственного, неприменимого на войне) и при обстановке, возможно близкой к действительности, человеколюбиво-го обращения, без жестокости (телесные наказания редки), стремление, чтобы «каждый воин понимал свой маневр», правило: «тяжело в учении — легко в походе, легко в учении — тяжело в походе», обучение немногому, но твердо, — таковы основы его образования солдата. Вспоминая о командовании Суздальским пехотным полком, Суворов писал таким образом: «Каждый шел через мои руки, и сказано ему было, что более ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забыл». Результаты суворовского воспитания и образования сказались в ряде блестящих побед, какого не имеет никто из русских полководцев; в течение своей военной карьеры Суворов никогда не был побежден, а *постоянство* побед и военных успехов — свойство таланта. Современники Суворова приписывали его победы счастливым случайностям и не хотели признать в нем божественную искру военного гения. Но в свое время сам Суворов опроверг своих порицателей словами: «Сегодня счастье, завтра счастье. Помилуй Бог! Надобно же когда-нибудь и уменье». В другой раз он писал: «Я был счастлив, потому что повелевал счастьем».

Внимательное рассмотрение военных действий Суворова обнаруживает в нем военный гений, притом весьма характерный, имеющий национальный оттенок и дающий полное право поставить его имя вместе с именем Петра I в среду десятка великих полководцев Европы.

* * *

До 1799 г. продолжительная карьера Суворова проходила в войнах с поляками, турками и татарами.

Польские войска скорее походили на ополчения, чем на регулярные армии, а турки и татары представляли нестройные скопища. Правда, все эти противники отличались фанатической храбростью, не легко было с ними совладать; войны доставили Суворову практику, из которой он вынес обширный опыт; талант его постепенно развивался и крепнул в этой борьбе; пол-

ководец усваивал сущность, душу войны; но все-таки приходилось действовать в особой, не европейской обстановке, причем главную особенность составлял противник своеобразный, не похожий на европейские войска, поэтому и вся война принимала особенный колорит.

Почти всегда в этих войнах Суворов являлся в качестве исполнителя частных предприятий, а не самостоятельным главнокомандующим, ответственным распорядителем на всем театре военных действий.

В 1799 г. Суворов в первый раз делает кампанию в условиях войны европейской. Противниками оказываются войска регулярные, увенчанные славою побед над немецкими армиями (считавшими себя лучшими в Европе) и предводительствуемые одними из лучших генералов того времени (Моро, Макдональд, Жубер); театр войны не похож на те степи, болота и леса, среди которых доводилось нашему полководцу воевать до сих пор.

В войне против французов Суворов не только главнокомандующий, действующий самостоятельно на известном театре войны, но сверх того он начальствует союзной армией — случай еще более сложный для полководца.

Война 1799 г. приобретает особый интерес вследствие того, что она была последнею в жизни генералиссимуса, в ней он сказал свое последнее слово. <...>

Рассматривая действия Суворова с точки зрения стратегии, мы видим, что они ведены методически (в лучшем смысле этого слова), т.е. на основании глубокого уважения к основным принципам военного искусства.

Он всегда задавался важною целью. В ту эпоху, когда местному элементу придавали большое значение, Суворов главною целью своих действий всегда ставит не какие-либо пункты и линии, но армию неприятеля и источники средств для ведения им войны; против них он и направляет главный удар; пункты и линии приобретают у фельдмаршала важность не сами по себе, а только в зависимости от взаимного положения сторон. Он постоянно искал неприятельскую армию, притом важнейшую, опаснейшую, чтобы разбить ее там, где найдет.

В начале кампании он устремляется против Шерера и бьет его на Адде, на Треббии побеждает Макдональда и при Нови — Жубера; конечною, самою важною целью своих действий Суворов ставит вторжение во Францию как главный источник сил и средств врага, поразив который только и можно было радикально завершить войну. Иногда упрекают нашего полководца за движение от Тортоны к Турину в первой половине

мая; указывают, что в данном случае им руководило стремление овладеть соблазнительным пунктом (столицею), когда армия противника (Моро) еще не была уничтожена. Упрек не справедлив. Как раз в это время до главнокомандующего дошли слухи, подтвержденные даже уведомлением императора Франца, что Макдональд задержан в Южной Италии и даже будто ему приказано там остаться; следовательно, опасаться соединения его с Моро было невозможно. Напротив, известия утверждали, что к Моро направлены сильные подкрепления из Франции, из Савойи. Теперь понятно, что при движении от Тортоны на левый берег По и далее к Турину Суворов имел в виду занять внутреннее положение между Моро и шедшими к нему подкреплениями и не дать им соединиться. Заняв Турин, расширив таким образом свой базис и обеспечив свой тыл со стороны альпийских гор, фельдмаршал думал двинуться через Чеву к Финале в Ривьере и, отрезав Моро от Франции, поставить его в безвыходное положение. Ко всему этому присоединялось много других выгод, например, захват Турина лишал французов важного склада, источника средств для ведения войны.

Выбрав важную цель, фельдмаршал искусно выбирал и направление для движения своей армии (операционную линию). Такое искусство видно в выборе направления для первоначального марша от Минчио к Адде в первой половине апреля, но в особенности в действиях по внутренним операционным линиям против Макдональда и Моро в июне.

При этом Суворов всегда относится с уважением к принципу сосредоточения сил, хотя он подвергся наибольшему нареканиям критиков именно с этой стороны; но мы настаиваем, что стратегическое развертывание его армии в различные периоды кампании представляет замечательные образцы, в особенности для того времени, когда кордонная система была еще во всеобщем употреблении, а гениальные, но еще столь недавние уроки Бонапарта воспринимались немногими, между которыми находился Суворов, неоднократно заявлявший, что он следует примеру Бонапарта.

Если в расположении сил фельдмаршала и замечается разброска, то она не только от него не зависела, но являлась даже вопреки его желаниям, вследствие повелений императора Франца (гофкригсрата). В больших сражениях на Адде и при Нови союзники имеют превосходные силы, а в бою при Треббии, напротив, Макдональд имеет полуторное превосходство; это последнее обстоятельство объясняется тем, что Край, несмотря на приказание Суворова, не прислал к нему подкреплений, основыва-

ваясь на непосредственном повелении императора Франца не отделять никаких сил до сдачи Мантуи. Поздно узнал главнокомандующий о столь важном повелении!

Марш от Минчио к Адде производится в трех колоннах, сосредоточенными силами: главная масса идет на правом крыле, а небольшой, демонстративный отряд Гогенцоллерна отделен влево, к р. По, и попутно захватывает все оставляемое французами при отступлении: артиллерию, понтонный парк, продовольственные и боевые запасы и пр.

Находясь в выжидательном положении, Суворов не растягивает своих сил кордонами, но выдвигает на важные направления авангарды, а главные силы держит в центральной позиции, готовый каждую минуту сосредоточиться туда, куда потребуют обстоятельства. Так, в последних числах апреля были выдвинуты авангарды: Вукасовича (5 т.; кроме того, Вукасович мог притянуть большую часть корпуса Латермана, 4 т., осаждавшего Миланскую цитадель) по дороге к Турину, Отта (6 т., вместе с отрядом Морцина у Боббио) по дороге к Модену, а главные силы союзных войск (33 т.) располагались по обеим сторонам (а cheval) р. По, к востоку от позиции Моро Валенца-Александрия. При таком расположении фельдмаршал мог сосредоточить на той или другой стороне р. По 40 т. чел., т.е. половину сил, находившихся в его распоряжении.

1 августа, перед сражением при Нови, союзная армия располагалась впереди Тортоны следующим образом: 3 авангарда — Бельгард (6200) впереди Фресонары на дороге в Акви, Багратион (5700) впереди Нови на дороге в Гави, Розенберг (8200) у Вигицоло на дороге в С.-Себастиано, а в главных силах 39 300 (19 т. Края у Александрии и 20 т. Дерфельдена и Меласа у Ривальты), итого: 59400, а с корпусом Алькаини (5300) у Тортоны — 64 700, т.е. сосредоточено более половины всех сил (116 т.).

После сражения при Нови (4 августа), вынужденный к бездействию, Суворов стоит с главными силами (31 т.) при Асти, выдвинув авангарды: Края (10 т.) к Новаре против Массены в Швейцарии, Кайма (13 500) к Турину против Шампионэ в Савойе и Розенберга (12 600, вместе с осадным корпусом Алькаини) впереди Тортоны против Моро в Ривьере, т.е. фельдмаршал мог в любом направлении сосредоточить более 40 т. чел. <...>

Разброску и слабость сил своих он вознаграждал подвижностью, быстротой своих маршей, составлявших нечто неотъемлемое в природе Суворова. Вместе с быстротой являлась скрытность маршей, возникавшая совершенно естественно, сама со-

бою, потому что фельдмаршал не употреблял никаких особых приемов для того, чтобы скрыть свои движения, но быстрота была так велика, что никто не верил возможности появления Суворова там, откуда он еще недавно находился в весьма далеком расстоянии. Быстрота и скрытность маршей вели к внезапности появления — лучшему способу подготовки успеха. Блистательным примером служит операция против Макдональда.

Менее нежели в 2 1/2 суток (30 мая — 1 июня) Суворов проходит по грязи 90 верст от Турина к Александрии; в 36 часов (4—6 июня) по жаре и с переправой через Бормиду проходит 80 верст от Александрии к Тидоне, вместо отдыха вступает прямо в бой. Появление его на Тидоне должно было чрезвычайно изумить Макдональда. Суворов разбил его на Треббии. Подобная быстрота совершенно обманула Моро, который двигался от Генуи к Тортоне весьма осторожно и медленно с целью своими маневрами подольше задержать Суворова при Александрии и дать время Макдональду выйти в тыл союзникам. Но каково было удивление Моро, когда, спустившись с Апеннин, он узнал, что разыгрывал маневры только для самого себя, что он не обманул, а сам вдался в обман, и Суворов уже несколько дней назад ушел против Макдональда, и ожесточенный бой кипит на берегах Треббии.

Край, после падения Мантуи, быстро пришел к Тортоне на соединение с Суворовым, который дал ему 8 дней сроку; и действительно, Край с 23—30 июля прошел 175 верст. Жубер, наступая из Генуи к Тортоне и рассчитывая застигнуть союзную армию разбросанную, неожиданно встретил за Нови Суворова, сосредоточившего свои силы.

Несмотря на связывающее влияние гофкригсрата, Суворов всегда удерживал в своих руках почин (инициативу) в действиях относительно неприятеля. Если французы иногда пытались захватить его (напр., движение Моро и Макдональда для соединения у Тортоне, наступление Жубера в августе), то союзники сосредоточивались и наносили жестокие удары (Треббия, Нови).

Суворов не знал отступлений, он постоянно действовал наступательно¹ и, сообразно с обстановкой, искал боя, а не уклонялся от него; но он не злоупотреблял боем; бой всегда ока-

¹ «Ничего, кроме наступательного» — пункт 1-й «заметок», диктованных Прево. Конечно, это не следует понимать в узком смысле, т.е. что Суворов считал необходимым наступать всегда, во что бы то ни стало, даже наперекор обстановке. Это опровергается, напр., диспозицией на 2 августа 1799 г., в которой он прямо приказывает «перед превосходными силами отступить».

зывался уместным, необходимым в операции и притом решительным; если уж ему доставался случай сойтись с противником, то он пользовался им со всей энергией. В письме к гр. Разумовскому от 27 июня Суворов пишет о пользовании минутой: «Фортуна имеет голый затылок, а на лбу длинные висящие власы. Лёт ее молнии; не схвати за власы — уже она не возвратится»... Фельдмаршал был крайне недоволен боем у Маренго (5 мая), когда Моро, желая открыть себе прямой путь от Александрии через Боккетту в Ривьеру, выступил из своей крепкой позиции за рр. По и Танаро и был отброшен частью австрийских войск и Багратионом в отсутствие Суворова. «Упустили неприятеля», — говорил он с досадой.

Что касается эксплуатации победы, преследования на театре войны после успешного боя, то мы видим, что Суворов, этот горячий поклонник энергичного ведения операций, подвергается упрекам критики за то, что после победы не доводил преследования до конца, именно: после победы на р. Адде, Треббии и при Нови. Упреки имеют видимое основание, ибо после сражения на р. Адде Суворов занимает Милан и прекращает преследование; после Треббии энергично преследует Макдональда только до р. Адды, а затем возвращается к Александрии, посылая за французами только дивизию Отта, который скорее следит за неприятелем, чем преследует его, и позволяет остаткам Макдональда уйти за Апеннины; после блистательной победы при Нови, когда Моро думал только о бегстве за р. Вар к пределам Франции, фельдмаршал, к удивлению противника, внезапно останавливает преследование на гребне Апеннин.

В первом случае, из Милана Суворов поворачивает к р. По навстречу Макдональду и бросает разбитого и уже относительно безопасного Моро; во втором случае, после Треббии преследование останавливается, остатки Макдональда не добиваются, вследствие глубокого понимания Суворовым свойств внутренних операционных линий, не дающих времени для продолжительного преследования, — фельдмаршал должен был спешить возвращением к Александрии для нанесения удара другому противнику — Моро; в третьем случае, после Нови, Суворов остановился «по не зависящим» от него обстоятельствам: 1) австрийские чиновники объявили Суворову, что не заготовлено еще ни продовольствия, ни мулов для движения в горы, хотя все это приказано было заготовить более чем месяц назад; при войсках хлеба было на 2 дня, а Ривьера давно истощена войной; 2) Кленау, долженствовавший наступать в Ривьеру, к Генуе, с востока, отправлен, помимо Суворова, в Тоскану, куда двинуто

еще 9 тыс. Фрелиха, также помимо Суворова, которому Мелас сообщил о повелении Франца только для сведения, донося, что распоряжения уже сделаны; 3) получены известия об угрозах Массены из Швейцарии и Шампионэ из пьемонтских Альп.

Суворов был крайне огорчен невозможностью преследовать, ибо считал преследование необходимым актом, завершающим победу. «Недорубленный лес опять вырастает», — писал он Разумовскому 18 мая, а в наставлении, данном войскам перед сражением при Треббии, говорилось: «Ничего не щадить; не взирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночью до тех пор, пока истреблен не будет».

Будучи поклонником решительного образа действий, Суворов постоянно заботился относительно обеспечения своей операционной линии; зная характер фельдмаршала, скорее можно было бы ожидать от него увлечения в сторону решительности, нежели осторожности; однако в действительности, по причине давления из Вены, выходило скорее последнее. Мы видели, как добрая половина сил употреблялась на формирование авангардов, боковых отрядов, гарнизонов цитаделей и других пунктов; наконец, отряды, осаждавшие крепости и следовавшие к армии, тоже служили для обеспечения операционной линии. <...>

Планы фельдмаршала были всегда весьма просты, что и составляет их главное достоинство. Они, имея в виду конечную задачу (вторжение во Францию), обнимали постановку лишь ближайшей цели и общее направление к ней; все дальнейшее, все подробности, строго подчинялись наличной обстановке; слишком далекое предвидение различных обстановок, подверженных многим случайностям, «весь этот вихрь случаев», по выражению Суворова, он обходил. Вот почему, быть может, некоторые писатели и уверяют, будто Суворов действовал без всякого плана, без толку передвигал войска взад и вперед.

Планы, присылавшиеся в Вену, нельзя считать буквально суворовскими; там было много принадлежащего лично маркизу Шателеру; наконец, в них Суворов должен был невольно вдаваться в некоторую точность, дабы удовлетворить гофкригсрат. На самом деле, он даже, насколько можно понять из описаний его действий, не любил высказывать своих мыслей вполне (хотя, несомненно, всегда имел определенный план — этому свидетелем стройность его действий, везде виден расчет), почему и подвергался суждениям вкривь и вкось. <...>

В походных движениях наибольшее значение он придавал быстроте, которая родит внезапность — лучший способ подго-

товки атак, что превосходно выражено в следующих словах: «Штыки, быстрота, внезапность!.. Неприятель думает, что ты за сто, за двести верст, а ты, удвоив шаг богатырский, нагрянь быстро, внезапно. Неприятель поет, гуляет, ждет тебя с чистого поля, а ты из-за гор крутых, из-за лесов дремучих налети на него, как снег на голову; рази, стесни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться; кто испуган, тот побежден вполтину; у страха глаза больше; один за десятерых покажется. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную».

В сущности, все марши Суворова были форсированными с точки зрения обыденных понятий. Самый обыкновенный переход он считал в 4 мили (28 вер.), а если случалась необходимость в быстроте, то он доводил форсировку до крайнего напряжения, так что многие даже падали на пути от изнеможения; хотя отсталых он вообще не любил (если кто уставал, то товарищи помогали нести ему амуницию, ружье), но в особых случаях, когда важен был выигрыш времени, Суворов жертвовал второстепенным (числом людей, силою) в пользу главного (времени).

Самый поучительный пример форсированного суворовского марша — движение от Александрии к Тидоне, 80 верст по жаре в 36 часов.

Указать точно правила суворовских переходов невозможно, потому что они разнообразились в зависимости от обстановки. Час выступления постоянно изменялся; чаще выступали до рассвета, но иногда при жаре отдыхали целый день, а шли ночью в прохладное время, т.е. выступление происходило вечером; так было на переходе от Турина к Александрии, войска все 31 мая от 8 час. утра до 10 час. вечера отдыхали в Асти.

На походе Суворов требовал порядка, конечно, не педантического, и сам наблюдал за движением, переезжая от головы колонны к хвосту. По временам, обогнав войска, отъезжал он в сторону от дороги, ложился где-нибудь в кустах или за строениями и высматривал проходившую колонну. Потом мгновенно садился на коня и неожиданно показывался перед войсками. Появление его оживляло всю колонну, которая спешила подтянуться. Фельдмаршал ехал рядом с солдатами, шутил с ними, забавлял их разными прибаутками; но если замечал беспорядок, то прежде всего доставалось командиру полка.

Нормальная величина ночлега была 10—14 часов, но часто случалось и гораздо меньше (6 ч.); напр., марш от Александрии к Тидоне совершен вовсе без ночлегов, а только, так сказать, с

большими привалами: выступили 4 июня после 10 ч. вечера, утром 5-го отдыхали часа три в Кастельнова ди Скривия, к вечеру главные силы дошли до Кастеджио, авангарды до Страделлы; ночью же на 6-е, т.е. отдохнув лишь несколько часов, выступили вновь, и к 10 ч. утра 6 июня главные силы достигли Страделлы; но и здесь отдых был краток, ибо вследствие энергического наступления Макдональда нужно было спешить в бой на Тидоне.<...>

В бою Суворов почти всегда предпочитал штык пуле, атаку обороне, последнюю вел всегда активно.

Это совершенно понятно, потому что ружейный огонь того времени был вообще слаб и не меток (вот почему Суворов говорил: «Пуля дура — штык молодец»), а в штыковом бою русские, вследствие высоких своих нравственных качеств, имели огромные преимущества; тут видно естественное применение общего правила: «подставляй сильную сторону и уклоняй слабую».<...>

Фельдмаршал придерживался линейной тактики и употреблял преимущественно развернутый строй; колонны и стрелки на равнинах Италии употреблялись крайне редко¹; к развернутому строю союзные войска так привыкли, внутренняя спайка их была настолько сильна, что для нанесения хорошего удара в штыки, под начальством Суворова и его генералов, они могли менее нуждаться в глубоком построении и довольствоваться трехшереножным развернутым строем.

Суворов видел залог успеха не столько в форме построения, сколько в энергии атаки. От всех он требовал решительности и самостоятельного почина в действиях. Вот почему он и преследовал «немогузнайство» как признак нерешительности и отсутствия почина.

Из некоторых выражений Суворова можно вывести заключение, что он был противником рекогносцировок (замечание Шателеру: «Рекогносцировки... не хочу»... и т.д.) и демонстраций². На самом деле он ратует против злоупотребления ими (австрийцы обращали их в самостоятельные предприятия, что, конечно, бессмысленно; Клаузевиц называет рекогносцировки

¹ Преследуя французов в Апеннинские горы после сражения при Нови, корпус Розенберга (бывший Ребиндера) рассыпал в стрелковую цепь егерский полк и шел в колоннах.

² В приказе по соединенной армии от 3 мая, отданном после неудачи у Бассиньяна, говорится: «Демонстрации — игра юно-военных; обыкновенно они или пустые, утруждающие войска, или наносящие им вред».

австрийцев специальною их болезнью), а сам всегда к ним прибегают, когда нужно, только не всегда называет их этим словом¹.

Действуя с быстротою, Суворов знал цену времени и не упускал пользоваться благоприятной минутой для атаки. В бою при Тидоне 6 июня, после известного форсированного марша, Багратион, видя крайнее изнурение своих войск, просил Суворова немного повременить нападением, говоря, что в его отряде множество отсталых, так что в ротах нет и по 40 чел. Суворов, понимавший, что минута атаки неотложна, отвечал: «У Макдональда нет и по 20. Атакуй с Богом!»

Для главной атаки Суворов всегда выбирал важнейший пункт в неприятельском расположении. Так, в сражении под Треббией 7 и 8 июня у Макдональда левый фланг имеет важнейшее стратегическое значение; отсюда отходил его путь отступления в Тоскану, отсюда шел путь по долине Треббии в Ривьеру на соединение с Моро; наконец, при успешном ударе на левый фланг французов Суворов мог припереть их к р. По. И действительно, фельдмаршал задумывает повести главную атаку на левый фланг (стратегический ключ) неприятеля, что видно из чертежа предложенного им ковенного боевого порядка правым флангом вперед и сосредоточения на этом крыле большей массы и притом лучших войск, а именно: по плану Суворова на правом крыле у дд. Казалиджио и Граньяно, находящихся в расстоянии 3 верст одна от другой, должны были собраться дивизия Повало-Швейковского с авангардом Багратиона и дивизия Ферстера, за которою приказано следовать австрийской дивизии Фрелиха, всего 26 батальонов, 18 эскадронов и 3 казачьих полка, т.е. более 3/4 армии, и только дивизия Отта (6 2/3 батальона, 6 эскадронов и 1 казачий полк), или менее 1/4 части армии, послана на левом фланге, на д. С.-Николо в 5 верстах от д. Граньяно, с очевидною целью развлечения внимания неприятеля, т.е. для демонстрации против его правого фланга.

Мелас не мог уяснить себе все величие замысла полководца и по узким расчетам удержал дивизию Фрелиха, т.е. общий резерв, при себе у колонны Отта и вместо разгрома левого

¹ При движении к Адде фельдмаршал демонстрирует отрядом Гогенцоллерна; во время перехода через Адду — отрядом Секендорфа против Лоди и Гогенцоллерна против Пичигетоне; целый ряд демонстраций Карачая, Чубарова и Багратиона намечен распоряжениями на 5 мая; в третьем предположении для наступления в Ривьеру прямо говорится, «чтобы армия беспрестанными демонстрациями и рекогносцировками вводила неприятеля в заблуждение»; наконец, при Нови демонстрация производится сильным корпусом Края.

фланга противника, а затем и всей его армии, 7 июня вышло параллельное столкновение, от которого, очевидно, и нельзя было ожидать решительного результата.

8 июня повторилось то же самое. Если подвиги кавалерии князя Лихтенштейна и блестящи, то все-таки они произведены на левом крыле союзников, а не на правом, на котором должна была решиться судьба сражения и куда приказывал направиться фельдмаршал, а потому ценность их пропадает в общей экономике сражения; оно опять явилось параллельным столкновением вследствие упорства Меласа.

Замечательна в этом сражении мысль Суворова об употреблении дивизии Фрелиха как общего резерва. Правда, резерв этот, состоявший из 8 батальонов, т.е. 1/4, по нашим современным понятиям кажется несколько слаб, но подобное обстоятельство можно объяснить растянутостью позиции союзников на 8 верст, вызывавшейся желанием продемонстрировать дивизию Отта по направлению к Пьяченце; собственно же от всей численности правого крыла, за которым должен был следовать общий резерв, он составляет около трети. Но оставляя в стороне вопрос о величине резерва, важно отметить появляющуюся идею о нем, ибо характерная черта господствовавшей до того времени линейной тактики — обычное отсутствие (или почти отсутствие) общего резерва в боевом порядке. Противник Суворова Макдональд так и поступил — он растянул свои войска в длинную линию и дрался без общего резерва.

Искусным выбором пункта главной атаки отличается и сражение при Нови 4 августа. Сражение решено ударом на правый фланг (стратегический ключ) при помощи резерва (Мелас). Край вел демонстрацию, хотя это нигде не выражено в распоряжениях Суворова; напротив, он требовал в записке, посланной к австрийскому генералу, стремительности в действиях, возбуждал его мужество и в конце писал: «Совершенно полагаюсь на моего друга-героя». Сражение при Нови разыгрывается последовательно в подготовительный период, когда разъяснялась обстановка и притягивались резервы, и завершается одновременным ударом в период решительный.

Различные роды оружия не только действуют у Суворова превосходно сами по себе, но с полным самоотвержением поддерживают друг друга. Замечателен приказ фельдмаршала перед началом движения против Макдональда; вот его первый пункт: «Неприятеля поражать холодным ружьем, штыками, саблями и пиками. Артиллерия стреляет по неприятелю по своему рассмотрению, почему она и по линии не расписывается.

Кавалерии и казакам стараться неприятелю во фланг ворваться». Так исполнялось и в действительности. В сражении при Треббии пехота ударяла с фронта, а казаки и австрийские драгуны устремлялись на фланги. Никогда, говорят очевидцы, казаками не было произведено столь блестящей атаки на стройную пехоту, как в бою при Тидоне 6 июня. Замечательны действия конницы Лихтенштейна 8 июня, ударившей сначала в правый фланг дивизии Монришара, а потом, повернувшись, в левый фланг дивизии Оливье.

В каждом сражении Суворов не только воодушевляет войска, но и управляет ими, не выпускает их из рук; он предоставляет им свободу действий, но в указанном направлении. Знаменитое «заманивай» в сражении при Треббии показывает искусство Суворова овладевать войсками в самые критические минуты. Когда 8 июня часть дивизии Швейковского, имея против себя огромное превосходство сил неприятеля, дрогнула, Суворов, носясь среди солдат, громко кричал: «Заманивай!.. Шибче!.. Шибче заманивай!.. Бегом!..» Когда же он увидел, что обратил на себя внимание солдат, пересилил в них панику, то крикнул: «Стой!», — повернул войска для атаки и скомандовал: «Вперед! Ступай, ступай! В штыки! Ура!»

Хотя историки, описывая подвиги героев, часто придают исключительное значение их словам, одушевившим войска в критическую минуту, как будто бы успех только и зависел от этих слов, однако следует заметить, что обыкновенно при этом и материальные обстоятельства были в пользу героев. Так и в данном случае, Суворов остановил войска около скрытно расположенной батареи, которая «брызнула французам в лицо ядрами и картечью», да двинул из резерва казаков и гренадер.

Преследование после сражения ставилось Суворовым неизменным правилом. В приказах по австрийской армии он говорит: «Бегущего неприятеля истребляет одно преследование... казаков надобно ставить вслед за пехотою полками или сотнями, чтобы немедленно преследовать неприятеля, лишь только начнет отступать... Как только неприятельская линия сбита, казаки по своей быстроте отлично преследуют и, в особенности, забирают пленных... Когда неприятель бежит, то его провожают ружейным огнем. Он не стреляет, не прикладывается, не заряжает. Много неудобств спасаться бегством. Когда же за ним штыки, то он еще реже стреляет; а потому не останавливаться, а ускорять его бегство штыками». Из этого видно, что Суворов полагал нужным преследовать не только конницей, но и пехотой. Оригинально выражается фельдмаршал о

преследовании в приказе перед боем на Тидоне: «Казакам самим в атаке кричать: *балезарм, пардон, жетелезарм* и, сим пользуясь, жестоко рубить кавалерию, а на батарее быстро пускаться, что особливо внушить». Несмотря на столь глубокое убеждение в необходимости неотвязного преследования, Суворову в Италии не удавалось преследовать так, как бы он того желал. При Адде, Треббии, Нови он преследовал, захватывал много пленных, но все-таки это не было преследованием до последнего истощения сил, о котором, очевидно, помышлял полководец. На Треббии бой, в сущности, каждый день с наступлением вечера прерывался, как бы по взаимному соглашению противников, а потому, естественно, исключалось такое преследование, которое бывает после одержанной победы; после Адды и Нови помешало отчасти утомление войск, полсудок или более находившихся в бою. <...>

Тактика Суворова была весьма разнообразна. В Италии ему приходилось применять свой талант на равнинах и переправах через реки; но он не менее искусен был при действиях в горах и лесах, где также одержал громкие победы. Сам Суворов выразил свою тактику лаконично, но сильно, в надписи на перстне, подаренном Милорадовичу: «Глазомер, быстрота, натиск, победа». <...>

Свод суворовских правил и приемов для обучения в рукописях был распространен в войсках и с течением времени изменялся и дополнялся автором; последняя редакция относится ко времени командования Суворовым армией в Тульчине в половине 90-х годов прошлого столетия. Эта «Наука или умение побеждать» была бы нам почти непонятна, если бы в 1799 г. Суворов не счел за необходимое преподавать ее и австрийцам. В приказах, обыкновенно весьма коротеньких, он сообщил основные положения своей «Науки», и эти-то приказы служат к ней превосходным комментарием.

В своей «Науке побеждать» Суворов кратко излагает (не повествовательно, но отрывочными, картинными фразами, представляющими все как бы в действии) весь последовательный ход уставного ученья (стрельба, атака на конницу, атака колонной, в каре). Причем только намекает на значение того или другого из положений, а развивает их более обстоятельно в «словесном поучении солдатам о знании, для них необходимом»; здесь объясняются разные сноровки и правила боя, штурм укреплений, походные движения, расположения на квартирах, даже правила военной гигиены. Для образца приведем объяснение «натиска»: «Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет! — В пальбе много

людей гибнет! — У неприятеля те же руки! — Да русского штыка не знает! Вытяни линию, тотчас атакуй холодным ружьем! — Недосуг вытягивать линии! — Подвиг из закрытого, из тесного места. Коли пехота, в штыки, — конница тут и есть. Нет — картечь на голову! Пушки твои. — Обыкновенно конница врывается прежде, пехота за ней бежит, — только везде строй. Конница должна действовать всюду, как пехота; кони на поводах! Казаки везде пролезут. — В окончательной победе, конница, гони, руби! Конница займется, пехота не отстанет. — В двух шеренгах сила, в трех полторы силы; передняя рвет, вторая валит, третья довершает».

Произведение Суворова, странное по форме, но глубокое по содержанию, навсегда останется замечательным памятником этого великого военного педагога.

Приведем по этому поводу слова Драгомирова:

«Наука побеждать» принадлежит к числу тех произведений, в которых может стареть форма, но дух останется вечным и неизменным, как неизменна нравственная природа человека».

* * *

Вся деятельность Суворова, его кампании, его военно-педагогические приемы и взгляды, его суждения по различным военным вопросам, рассеянные в его приказах, заметках, корреспонденции (если бы они были собраны в одной книге, то составили бы целый кодекс военного искусства) — все это составляет неисчерпаемый родник, из которого каждый может почерпнуть весьма много, и все-таки при новом изучении будет нападать на новую идею; каждый из этого родника возьмет, сколько может. <...>

Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. — СПб., 1900. — С. XVIII—XXX; Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 году. Составил Ген.штаба полковник Н.А. Орлов. — СПб., 1892. — С. 330—361.

Н. Михневич

СУВОРОВ-СТРАТЕГ

Могущественная стратегия должна опираться на столь же могущественную тактику; тактика же зависит, прежде всего, от нравственных качеств солдата. Суворов и ставит первую свою задачу создать «чудо-богатыря», солдата с высокими моральными качествами. Достижение этой задачи он основывает на очень простом начале, что, если в армии нравственная упругость

не только не подорвана, а напротив, по возможности развита, можно решаться на самые отчаянные предприятия, не рискуя потерпеть неудачу; можно решаться даже и не при возможно лучшем плане действий.

Придавая такое громадное значение энергии и решимости на войне и сознавая, что на *быструю решимость может быть способен почти всякий человек*, Суворов и провел ее как в системе воспитания войск, так и в решении всех военных вопросов; *энергия и активность — отличительные черты его идей и действий*.

Поэтому-то все высказанные им мысли и в области стратегии служат постоянным выражением смелости и энергии и стремятся сочетать моральные и материальные элементы войны; во всякой его теоретической формуле выделяется прежде всего человек, а потом уже материальные данные.

«Глазомер, быстрота, натиск» — вот, по мнению Суворова, три главнейшие основания победы.

Следовательно, прежде всего надо оценить обстановку, потом быстро принять решение и закончить его решительными действиями, т.е. натиском, а не выжидая удара со стороны противника.

Принимая во внимание основные взгляды Суворова на военное дело, весьма естественно его отвращение к обороне, оборонительной войне.

Он не щадит сарказмов по адресу обороны.

«Оборонительная война не хороша, — говорил он князю Ауерсбергу, встретившись с ним на бале во дворце, перед отъездом в Вену, — наступательная лучше. Французы на ногах, а вы на боку, они бьют, а вы заряжаете. Взведи курок, приклады-вайся, а они *infreski* (по-итальянски прохладительное) — порция три против одного. Пойдите за мной, и я вам докажу».

Также противна была Суворову всеми еще тогда практиковавшаяся кордонная система¹.

Письмо к графу Разумовскому из Турина от 18 мая:

«Дефензив — офенсив... По первому славен Лассиев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле; в нем много хранительных пунктов; слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньше его силы, ударяя в один, препобеждают. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье... Мне повороту нет, — или также погибнуть...»

Он же пишет ген. Гаддику следующее:

«Кордонная линия всегда может быть опрокинута: неприятель по своему произволу устремляет силы на один пост, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными...»

В следующих кратких словах, продиктованных им во время заключения в селе Кончанском, Суворов выразил свой взгляд на образ ведения войны с французами:

- 1) Действовать не иначе как наступательно.
- 2) В походе — быстрота, в атаке — стремительность; холодное оружие.
- 3) Не нужно методизма², а верный взгляд военный.
- 4) Полная власть главнокомандующему.
- 5) Неприятеля атаковать и бить в поле.
- 6) В осадах времени не терять; разве какой-нибудь Майнц, как складочный пункт.

¹ Заметим, что даже генерал Бонапарт в начале своей знаменитой кампании 1796—1797 годов в Италии именно перед первым наступательным движением австрийцев на выручку осажденной им Мантуи также применил кордонную систему при обороне р. Минчио, но это было им сделано в первый и последний раз. Второй раз он подобной ошибки уже не повторил.

² Тут говорится о том условном, по существу, фальшивом методизме, которого придерживались европейские стратеги старой школы: медленные марши, злоупотребления маневрами, пристрастие к обороне, кордонной системе, бесконечным осадам и т.д.

Иногда наблюдательный корпус, блокада, а всего лучше открытый штурм. Тут меньше потери.

7) Никогда сил не раздроблять для занятия пунктов. Обошел неприятель — тем лучше: он сам идет на поражение...¹

«Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам... Да будет проклято педанство, прочь мелочность и копанье»².

«Никогда не презирайте вашего неприятеля, — говорил он, — каков бы он ни был, и хорошо узнавайте его оружие, образ действовать им и сражаться, свои силы и его слабости.

Должно стремиться к одной главной точке и забывать о ретираде. Быстрота и внезапность заменяют число. Натиск и удар решают битву и приступ предпочтительнее осады».

Сколько свежести в этих мыслях; много ли мы можем к этому прибавить, когда уже между нами и Суворовым целое столетие с войнами великого Наполеона? <...>

Ненавистники Суворова, не имея данных обвинять его в медленности действий, говорили, что он «дикий натуралист», преимущественно склонный к лобовым ударам. Надо, наконец, быть справедливым к великому стратегу.

Он, подобно Ганнибалу и Цезарю, был в высшей степени гибок в своем творчестве и действовал всегда сообразно обстановке. Так, в 1794 г. при движении к Бресту Суворов выбирает круглый путь, а в 1799 г. в походе в Швейцарию — кратчайший, на С.-Готард. То и другое решение было вполне рационально, и им самим объяснено следующими соображениями.

5 октября 1794 г. он доносит Румянцеву:

«К сожалению, вместо прямой дороги на Венгров я должен взять круглый марш на Бельск, для боя с Мокрановским, чтобы не дать ему моего крыла, обеспечить Брест и очистить Литву».

Следовательно, он двинулся круглым путем для обеспечения своей операционной линии.

Перед походом в Швейцарию в 1799 г. он старается внезапно атаковать французскую армию, выбирает кратчайшее операционное направление, о чем и пишет генералу Готце, приглашаемому к совместным действиям:

«Истинное правило военного искусства — прямо напасть на противника с самой чувствительной для него стороны, а не схо-

¹ Продиктована в сентябре 1798 года в селе Кончанском посланному Государю к Суворову генерал-майору Прево де Люмиану, который должен был узнать его мнение о тогдашних политических событиях в Европе.

² Венский архив. Из записной книжки ген. Шателера.

диться, робко пробираясь окольными дорогами, чрез что самая атака делается многосложною, тогда как дело может быть решено только прямым смелым наступлением». <...>

27 июня 1799 г. в письме к Разумовскому, по случаю предложения послать корпус Ребиндера в Неаполь, Суворов писал следующее:

«Не лучше ли одна кампания вместо десяти? Или не лучше ли иметь цель направить со временем путь на Париж, нежели остроумно преграждать дорогу к своим вратам...» (т.е. пассивная оборона своих границ, как и думали австрийцы, завоевав Италию).

При ведении операции Суворов рекомендовал не забывать основной принцип военного искусства — действовать совокупными силами, а также пользоваться растерянностью противника, производя на него внезапное нападение.

Про операционный план он говорит следующее:

«План операционный в главную армию, в корпус, в колонну. Ясное распределение полков. Везде расчет времени. В переписке между начальниками войск следует излагать настоящее дело ясно и кратко, в виде записок, без больших титулов: *будущие же предприятия определять вперед на сутки или на двое*. Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтобы вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его по той же причине, даже унтер-офицеры и рядовые. *Каждый воин должен понимать свой маневр*. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан.

Вместе с планом должен быть приложен *небольшой чертеж*, на котором нет нужды назначать множество деревушек, а только главные и ближайšie места, в той мере, сколько может быть нужно для простого воина; притом нужно дать некоторого рода понятие о возвышениях (горах)».

Наиболее важною заслугою Суворова в области стратегии, выдвигающею его из ряда других полководцев-стратегов, следует признать установление правильного соотношения между положительною деятельностью войск (борьбою с противником) и отрицательною их работою в тылу по обеспечению операций.

Этот страшный вопрос, пред которым оставались в недоумении многие сильные умы и даже Наполеон, высказывавший, что «le secret de la guerre est dans le secret des communications»

(«тайна войны в ее коммуникациях»), т.е., в сущности, указавший на эту тайну войны, но ничуть не решивший его. Это тот вопрос, который в настоящее время занимает многих исследователей в области стратегии, как Пьеррон, Кардинал ф. Виддерн и др., и все-таки ими не решенный, он был сформулирован Суворовым необыкновенно просто:

«Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорочивай посты, снимай коммуникации. Побивши неприятеля, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Коли же быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом».

Суворов рекомендует сосредоточивать войска в минуту решительных действий, рискуя даже сообщениями, и затем восстанавливать охрану их по обстоятельствам.

Так делал Суворов в 1794 г. перед движением от Бреста к Варшаве, перед штурмом Праги; так же он намеревался поступить в 1799 г. при вторжении во Францию, возложив охрану сообщений своей армии на пьемонтские, тосканские и романские войска.

Так действовал Густав-Адольф в 1632 г., сосредоточивая войска против Валленштейна к Нюрнбергу. Так же поступил Наполеон в трудный для него период войны 1809 г. перед сражением под Ваграмом.

Но это решение Наполеона было вынужденное, он ему не сочувствовал, считал слишком рискованным; вот почему в 1812 г. он не решился прибегнуть к подобному способу действий, оставил в тылу до 400 000 войск и привел к Бородину всего 130 000, чего было недостаточно для одержания решительной победы над русской армией и что было первой причиной его гибели.

Можно надеяться, что со временем стратеги будущего постараются воспроизвести так просто сформулированное Суворовым решение этого поистине страшного вопроса стратегии.

Мы постарались в беглом очерке обрисовать стратегию Суворова. Мы видим, что его мысль обнимала все вопросы войны и во всех своих решениях он остается свеж до сей минуты. А насколько он стоял выше своего века! Какую великую идею о связи положительной и отрицательной деятельности войск на войне он оставил в наследство будущим поколениям!

Люди, не понимавшие Суворова, говорили, что ему только везло счастье.

«Один раз счастье, другой раз счастье! Помилуй Бог! Когда-нибудь да и уменье!» — справедливо говорил Суворов.

Доходили до него слухи, что австрийцы иначе о его успехах и не думают. В одном из рескриптов к Суворову даже австрийский император выразил надежду, что при всегдашнем его счастье есть надежда скоро достигнуть желаемых результатов.

Это, наконец, взбесило старого фельдмаршала, и он в письме к Разумовскому (от 25 июня) пишет:

«Счастье! Говорит Римский Император... Ослиная в армии голова тоже говорила мне — слепое счастье!..»

Напомним в конце концов, что Суворов был одним из образованнейших людей своего века. Он вышучивал современную ему науку; называл военных ученых его времени «бедными академиками», и он был прав. Но в то же время он придавал настоящей-то, живой военной науке, основанной на серьезном изучении деяний великих полководцев, огромное значение.

Генералу необходимо, говорил Суворов, непрерывное образование себя науками с помощью чтения. Ему нужно мужество, офицеру — храбрость, солдату — бодрость.

«Всякая война различна; здесь масса в одном месте, а там — гром. Бесперывное изучение взгляда сделает тебя великим полководцем. Никакой баталии в кабинете выиграть не можно. Умей пользоваться местностью, управляй счастьем: мгновение дает победу. Властвуй счастьем быстротою Цезаря, столь хорошо умевшего захватывать внезапно врагов, даже днем, обращать их, куда ему угодно, и побеждать, когда угодно. Приучайся к неутомимой деятельности. Будь терпелив в военных трудах и не унывай при неудаче. Будь прозорлив, осторожен, имей цель определенную: умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местною горячностью».

«Возьми себе в образец героя древних времен, наблюдай его, иди за ним вслед, поравняйся, обгони — слава тебе. Я выбрал Кесаря. Альпийские горы за нами, Бог перед нами — ура! Орлы русские облетели орлов римских».

«Непрестанная наука из чтений: с начала регулярства — курс Марсов, а для единственных шести ордеров баталии — старинный Вигедий. По русской войне мало описания, в прежнюю и последнюю турецкие войны с великим затвержением эволюций, старинные же, какие случатся. Монтекукули очень древен и много отменен соображать с нынешними правилами турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрэн, маршал де Сакс, Виларс, какие есть переводы (читай). Старейшие же, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесарева и Квинтус-Курцус. Для возвышения духа старейший Роллен».

Однажды, желая знать мнение Суворова о лучших военных сочинениях и выдающихся полководцах, граф Ростопчин назвал нескольких. При каждом наименовании Суворов крестился, наконец сказал на ухо: «Юлий Кесарь, Ганнибал, Бонапарте, домашний лечебник и “Пригожая повариха”».

Смысл фразы: истинный способ научиться военному делу — это изучать деяния великих полководцев; что все теоретические трактаты о военном искусстве имеют такое же значение, как лечебники, т.е. если не угадаешь болезни, то он пользы не принесет; «Пригожая повариха» — это был известный в то время роман, которым все зачитывались; чтение современных ему теоретических трактатов о военном искусстве он считал одинаково полезным с чтением этого романа.

В вышеперечисленных словах Суворова поразительно то, что он поставил Бонапарте наряду с Ганнибалом и Юлием Цезарем, после первого его похода 1796–1797 годов. Это показывает, насколько велико было чутье этого человека, и как его недостаточно понимали современники.

Эпаминонд дает новые формы боя; проводит в жизнь принцип сосредоточения сил на поле сражения.

Александр Македонский — высочайший образец методической стратегии и идеи резерва на поле сражения.

Ганнибал — замечательные действия армии, имеющей базу при себе и необыкновенное разнообразие тактических образцов.

Юлий Цезарь — необыкновенное разнообразие стратегических комбинаций и идеи резервов в римских армиях.

Густав Адольф — методическая стратегия у новых народов и новые формы в области тактики.

Фридрих Великий — новый способ ведения боя при сковывающих условиях линейной тактики.

Петр Великий — грандиозная стратегия, употребление масс кавалерии на театре войны; поразительная по тому времени тактика; новые идеи в артиллерии и фортификации.

Наполеон — грандиозная стратегия; полное воскрешение идей классического мира в области тактики.

Что же дал нового Суворов? Он дал реальное выражение значения нравственного элемента на войне, он создал строго логичную систему воспитания войск с целью развить в них энергию и решимость до высочайшей степени, — выработал суворовских «чудо-богатырей».

Он был удивительный тактик, ясно формулировавший отношение огнестрельного и холодного оружия, сумевший при формах линейной тактики производить удары в духе глубокой

тактики (атака на Нови последовательно войсками: Багратиона, Милорадовича и Дерфельдена); он первый оценил значение новых форм французской тактики и гений Бонапарта. И, наконец, что следует поставить в высшую заслугу Суворова, он развязал гордиев узел стратегии, установив правильный взгляд на соотношение между положительной и отрицательной деятельностью войск на театре войны.

Перед этим вопросом становился в тупик даже такой гений, как Наполеон, и в течение всей своей громадной практики только один раз, в 1809 г. перед Ваграмским сражением, решивший вопрос так, как устанавливал Суворов в формуле:

«Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации...»

В своих кампаниях 1794 г. в Польше и в 1799 г. в Италии Суворов показал, как это можно сделать.

Суворов стоял головой выше своего века, так же как и другие военные гении, и испытал ту же судьбу — быть непонятым своими современниками.

Современники не поняли стремления Александра Македонского обновить греческую культуру притоком более глубоких этических идей востока; Карфаген не понял великой идеи борьбы с Римом и не поддержал своего полководца Ганнибала; друг Юлия Цезаря, Брут, первый занес на него руку, вооруженную кинжалом; Наполеона не поддержали в его борьбе с Англией: Франция потому, что его не понимала, а монархическая Европа потому, что считала его исчадием революции.

Так и Суворов не был понят современниками; по его же словам, его хвалили, любили, ему удивлялись, его бранили, над ним смеялись, но его *не понимали*.

В последние 30–40 лет основные мысли Суворова начинают получать широкое применение в русской армии, в особенности в вопросах воспитания и обучения войск; их начинает усваивать и Европа; даже европейские ученые отдали, наконец, Суворову должное — признали его гениальным, и мы с полным беспристрастием и убеждением заявляем, что великий русский фельдмаршал Александр Васильевич Суворов должен быть поставлен в число великих полководцев истории.

Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. Т. 1. С. 2–21, 47–49.

Б. Колубакин

СУВОРОВ ПОД ИЗМАИЛОМ

азначив Суворова, лучшего в своем распоряжении боевого генерала, назначив его в период прекрасных между ними отношений, объединив всю власть в руках Суворова, дав ему полную мочь, полную свободу действий и, наконец, не приехав лично, Потемкин сохранил Суворову всю необходимую для трудного дела нравственную энергию.

Конечно, Потемкин мог и сам приехать, и ему было бы больше и личных выгод, и славы донести Императрице о взятии крепости из-под самого Измаила. Потемкина можно упрекнуть разве только в том, что он не усилил Суворова войсками с Днестра, хотя бы кавалерию, так как у Суворова с приведенными из-под Галаца войсками едва набралось 30 000 человек.

Ознакомившись на месте с обстоятельствами и осмотрев Измаил, Суворов нашел предприятие более серьезным и трудным, чем полагал его в Галаце, не говоря уже о силе измаильских укреплений, глубине профили (высота эскалады от 4 до 9 саж.). Турецкий гарнизон, превышавший на 10 000 человек осадный корпус, имел 17 000 отборной турецкой пехоты янычар — против 14 000 пехоты Суворова и 8000 кавалерии против 2500 русской, причем остальные силы Суворова представляли войска милиционного характера (донские казаки без лошадей, арнауты).

Но все эти обстоятельства не остановили Суворова в твердом и бесповоротном решении взятия Измаила штурмом, и он только с удвоенной и беспримерной энергией принялся за исполнение возложенной на него задачи, донеся Потемкину «о сближении

войск на прежние места», о заготовлении осадных средств, «коих не было», и о «пылкой ревности к службе генералитета и войск».

Суворов лично прибыл 2-го, 5-го войска вернулись обратно, 6-го подошел отряд из Галаца, и, таким образом, войска имели на подготовку 6—7 суток и лично Суворов — 9.

Подготовка штурма обнимала вообще:

А) *Сосредоточение*, и в этом отношении Суворов исполнил все, что было ему в силах, заботливо притянув сюда возможные силы из-под Галаца.

Б) *Приближение войск к крепости*, что исполнено Суворовым на 2 версты ближе прежнего расположения, поставив войска полукружием.

В) *Показ штурма начальникам*, заключавший в себе ряд разведок-подступов к крепости в различных направлениях, исполненных Суворовым со всеми старшими и младшими колонными начальниками, штаб-офицерами и офицерами штаба, на расстоянии ружейного выстрела; на этих разведках всем частным начальникам указаны: *цель и направление* той или другой штурмовой колонны, *средства и способы достижения цели, связи и взаимной поддержки* и преодоления местных и других препятствий, короче, это и был полный показ штурма начальникам.

Г) *Показ штурма войскам* (следуя своему правилу — полного понимания маневра последним солдатом), простой, ясный, точный, всем понятный, наглядный показ штурма вала, подобного измаильскому, и на особо для того насыпанных валах точной измаильской профили, что заключало:

а) *показ молодым солдатам и не прошедшим его школы* — как *колоть*, наглядный, осязательный, конкретный, на соломенных чучелах, одетых в турецкие костюмы; показ и упражнение в одиночку и малыми колоннами;

б) *показ эскалады Измаильского вала во всей подробности, в соответствующей постепенности и в условиях сноровки и быстроты ее производства*; здесь детально показано, где в колоннах быть рабочим, где стрелкам, как им подходить к валу, как занимать, как забрасывать вал фашинами, как их класть, как переходить, как ставить и связывать лестницы, как взбираться по ним и по валу, пособлять друг другу, как ломать палисады и т.д.; здесь Суворов, говорит поэт Байрон, «учил молодых солдат, как, подобно саламандр, выходить целыми из огня и опасностей».

Д) *Отдача подробного «приказа-наставления» для штурма*, изложенного ясно, просто и, одновременно, замечательно обстоятельно, согласно которому войскам указано вести атаку со всех сторон, тремя главными отрядами или девятью колон-

нами, с разделением каждой колонны на две части, на передовую, или боевую, и резервную; в каждой колонне — место и порядок охотников, егерей, рабочих и штурмовых батальонов, снабжение войск средствами эскалады, где и как нести, точно переименованы эти средства для каждой колонны и т.п.

Там же указано время выступления из лагеря, время штурма, особо — порядок занятия вала и особо порядок атаки города, меры для предупреждения взрыва пороховых погребов.

Тем же «наставлением» Суворов весьма любопытно и характерно распорядился прикомандированными к осадному корпусу представителями нашей и иностранной знатной молодежи; все эти люди жаждали подвигов и славы, а многие — просто сильных ощущений, и вот Суворов, противно обычаю, не держал их при своих больших и малых штабах, а назначил их в войска, в боевую часть, и даже прямо — в первую голову, оставив их во главе охотничьих, и рабочих команд, и передовых батальонов, и, таким образом, и здесь Суворов, правильно определив их свойства (жажда подвигов, славы, отличий и сильных ощущений), использовал их вполне.

Не менее любопытен состав суворовского штаба в 40 человек, в числе коих 1 обер-офицер квартир. части, 5 штаб- и обер-офицеров, 3 ординарц-офицера, 6 конных унтер-офицеров, 1 войсковой старшина и 24 казака (расторопных) для посылок; в числе этих лиц не встречаем громких фамилий и титулов, это, очевидно, были простые люди, люди опыта, труда, на лучших лошадях, это была ординарческая команда, легкая, подвижная, летучая — вот средство для управления боем в руках Суворова. Здесь встречаем мы одно исключение, камергер граф Чернышев, но и это назначение Суворов как бы оговаривает в наставлении, прибавив: «по особливому искусству».

На невысоком, совершенно отдельном курганчике, расположенном посредине сухопутного наступления, назначает Суворов свое местопребывание, отвечавшее условиям центрального расположения, обозрения, ориентирования и управления.

К отделу подготовки отнесем также:

Е) *Постройку осадных* (с демонстративной целью) *батарей*, в 160—200 саж. от крепости.

Ж) *Подготовку осадных средств*, и в этом отношении замечательна предусмотрительность Суворова, изготовившего часть их в Галаце, приказав войскам осады под Измаилом, работая день и ночь, изготовить другую часть в количестве 40 лестниц и 2000 фашин.

З) *Подготовку продовольствия* — высылка маркитантов из Галаца.

И) *Подготовку и содействие де Рибасу в заготовке средств для осадных батарей на острове и для десантов.*

* * *

Схватив своим глазомером свойство крепости как предмета действия и свойство, природу явления штурма, Суворов, сообразно усмотренным им здесь двум предметам и двум явлениям, крепостному валу и азиатскому, со множеством каменных зданий, городу и различию их свойств, соответственно и организует нападение как бы в два приема: штурм вала особо и особо штурм города.

Штурм вала. Успех штурма вала Суворов строит на внезапности, т.е. на совокупности скрытности и быстроты; для скрытности Суворов назначает — ночь, быстроту — обеспечивает рядом распоряжений; для штурма вала не требуется много войск, успех ведь не в силе, а во внезапности, и вот для атаки вала Суворов назначает лишь половину всех штурмовых колонн, передовые (боевые) части колонн и только пехоту.

Но на случай (частный), когда бы понадобились резервы (вторая половина колонны), Суворов предусмотрительно оговаривает: «У колонного начальника воля не отнимается употреблять свой резерв по лестницам или в ворота, или отсылать в другие колонны».

Штурм города. Успех штурма города, обороняемого и войсками, и обречшего себя на гибель фанатическим населением, не может уже быть построен на внезапности, здесь нужны все силы, войска — в руках, управление ими, связь, взаимная поддержка, подготовка артиллерией и вообще содействие и артиллерии, и кавалерии, и, наконец, нужен — свет (для полного обозрения, ориентирования), т.е. необходимо вести атаку города днем. Суворов и ведет дело с расчетом, взяв вал ночью, с рассветом, имея все в боевой части, вести атаку города и указывает: «Всем войскам наистрожайше воспрещается, взошед на вал, никому отнюдь внутрь города не бросаться, но быть в порядке, стоя на крепости до поведения; резервы входят не прежде, как ворота будут открыты, и войдут в город, построясь фронтом к эспланаде, т.е. между валом и строениями, перед своей колонной».

Внезапность захвата вала, т.е. скрытность и быстрота достигались Суворовым:

Скрытность — демонстративной осадой (батареи и траншеи), выбором ночного времени, демонстрацией ракетами (ракеты для приучения басурман — пускать каждый день, в каждой колонне, перед рассветом) и сокрытием истинного значения ракет перед штурмом, бесшумным движением, подходом к пункту атаки и расположением перед ним («и лягут все колонны тихо»).

Быстрота (сокращением расстояний и показом): прямолинейным, прямо перед собою, движением колонн, заблаговременным приближением лагерей на 2 версты, подведением колонн по 2-й ракете на 300 шагов, движению бегом по 3-й ракете и, наконец, — быстрому исполнению самой эскалады, благодаря предварительной подготовке — показу и выучке.

Результат подготовки скрытности и быстроты — обеспечение получения необходимой и возможной в данных условиях внезапности.

Измаильская крепость представляла собою обширный, закрытый местный предмет, и успех атаки его требовал сильной, продолжительной огневой (в данном случае артиллерийской) подготовки атаки со всех сторон и одновременности атаки.

Суворов и прибегает столь же полно и всесторонне к подготовке атаки этого обширного местного предмета — к сильному, возможно действительно обстреливанию его огнем более 500 орудий (с острова и флотилии де Рибаса) целый день накануне, всю ночь, а к рассвету пустыми выстрелами, — к атаке его со всех сторон и к одновременности атаки, чем и достигает полного и равномерного рассосредоточения обороны на всем 6-верстном протяжении ограды крепости.

Одновременность удара достигается: движениями и действиями по трем ракетам, уравнением расположения всех колонн перед ударом в 300 шагах от вала, и, наконец, временем выверки часов, «учредя на то карманные часы равномерно, дабы единовременно напасть по данному сигналу, который последует в 5 часов».

Парирование случайностей прежде всего лежало вообще в суворовской воспитательной подготовке, в достижении в войсках находчивости и решительности; и в данном случае, в частности, Суворовым предусмотрено: выделением в каждой колонне своего резерва и расположением кавалерии четырьмя малыми (по 2 эск.) отрядами перед каждым из ворот на расстоянии картечного выстрела и большой группой (в 10 эск. и сотен) за серединой сухопутных колонн и, наконец, соответственной подготовкой при штабе отборной, летучей, ординарческой команды.

К этим средствам необходимо еще прибавить — отсутствие тайны, полное ориентирование начальников и войск, ясное представление ими предприятия.

Равномерность атаки по всему фронту была только кажущейся и существовала только для равномерно рассосредоточиваемого противника, по существу же Суворов сосредоточил превосходные силы в приречной части города, как по численности (9000 де Рибаса, колонны Львова, Ласси и даже, можно

признать, и колонну Кутузова), всего до 2/3 сил, так и по качеству (Фанагорийский полк любимца Суворова полковника Золотухина, апшеронские стрелки, значительное число регулярной вообще пехоты и лучшая в боевом отношении часть казаков, Черноморских), а потому в наиболее доступную часть крепости Суворов и наносил главный, решительный удар. Действия же остальной, менее численной части сил (малая часть регулярной пехоты, пешие казаки и арнауты), частей и меньшей боевой годности (в большинстве молодые безлошадные казаки и молдаванская милиция — арнауты) естественно сводились более к демонстрации, но глубоко скрытой в душе полководца, конечно, неуловимой для участников боя, да и ныне едва уловимой лишь после тщательного исследования.

Наконец полная, тщательная, высокозаботливая подготовка штурмовых средств для эскалады вала, всех необходимых инструментов, до топоров и ломов включительно, полное, сообразное цели снабжение ими колонн завершает эту всестороннюю, длинную серию видов материальной подготовки.

* * *

Одновременно и столь же всесторонне, и с тем же тщанием и систематичностью ведет Суворов и духовную подготовку чинов отряда, и пламенной речью к начальникам на военном совете, вдохновенным приказом и таковыми же беседами и обращениями к войскам Суворов придает и внушает им свою страшную, бесповоротную, восторженную решимость: «или победить, или умереть со славой».

В заботе о подъеме духа людей Суворов отдает приказание начальникам перед штурмом «всю ночь употребить на внушение мужества и твердых мер к успехам».

Забота о должной высоте духа доходит даже до бережливости экономного расхода порыва и «на сказанную линию не иначе приступить и тихо, как до определенного времени, примерно прежде 1/4 часа, соразмеря излишнее положение равномерно в расстоянии частей войск, и чтоб людей не удручать медленными к приобретению славы».

* * *

Результатом такой беспримерной по тщательности и систематичности подготовки штурма в области материи и духа, штурма, на который, по сознанию самого Суворова, можно решиться лишь раз в жизни, была полная, неслыханная победа, и натиск 30 000 русских войск в руках Суворова сломил здесь отчаянное упорство 40 000 гарнизона и обречшего себя на гибель фанатического населения грозного Измаила, «падающего перед Высочайшим троном Ее Императорского Величества».

Из всего гарнизона спасся лишь один турок, 26 000 — убитыми и остальные пленными, такова была участь обороняющихся.

Измаильский штурм представляет высоколюбопытный образец всесторонней, все исчерпавшей подготовки, искусного пользования всеми элементами войны и боя, человеком физическим и духовным, пешим, конным, спешенным казаком и моряком, оружием холодным и огнестрельным, местностью, временем и случайностями, короче, здесь видим полное приложение высокого военного искусства.

Итак, простота заключалась лишь в исполнении дела войсками, будучи обеспечена искусной подготовкой.

* * *

Военный гений Суворова, говоря языком теории, заключался в даре обнимать и схватывать сущность, свойства, природу элементов и явлений войны и боя и в умении пользоваться этими элементами соответственно их свойствам, причем главным орудием войны и боя Суворов ставил человека, а в человеке — его духовную сторону, волевою силу.

Суворовские части и войска его выучки отличались особым, исключительным внутренним устройством и представляли из себя не стройные только по внешности механизмы, а живые организмы, полные самодеятельности, внутреннего единства и нравственной самостоятельности, что было обусловлено:

1. *Нравственным, духовным тяготением массы к личности Суворова*, выражавшимся в безграничном доверии к его знаниям, уменью, искусству и счастью и в столь же безграничном обожании своего, родного, «солдата-генерала», простого, без всякой спеси, важности, надутости, начальника в высшей степени незлобивого, всегда ласкового, веселого, неподдельного искреннего и добродушного «шутника-балагура», одновременно заботливого, толкового учителя, а не мучителя, делившего с солдатами лишения, невзгоды, тягости без всякого усилия и брезгливости.

2. *Сознанием массой общности дела*, ибо слава, труды и опасности — все общее, «наше», «нам честь и слава», «мы товарищи», «неприятель от нас дрожит», «наша матушка», «мы порадовали», и, подымая массу сознанием общности дела, Суворов находил в ней сознававших свое значение и силу — истых сподвижников, сотрудииков.

3. *Ясным пониманием массой дела, предприятия маневра, из которых Суворов, во-первых, никогда не делал для нее тайны* («всякий воин должен понимать свой маневр»), во-вторых, излагал свои боевые требования и веления просто, ясно, точно и удобопонятно и, наконец, обращался к показу, показу зачастую личному.

Войска знали трудность, опасность, были готовы на все, ничто не могло быть неожиданным, почему устранялись и случайности. Суворов, конечно, понимал значение тайны, но, когда понимание маневра более чем тайна обеспечивало успех, он отдавал предпочтение первому, а «болтун без того будет наказан».

Всякого рода непонимание, незнание, сомнение — сковывает волю, и Суворов, сообщая массе ясное понимание дела, развязывал это главное орудие человека — волю.

4. *Сознанием превосходства*, веры в себя, «на себя надежностью — основание храбрости».

«А войска 4-й гренадерской дивизии, люди бодры, мужественны, да не храбры, они на себя не надежны».

Так высоко ставил и ценил Суворов уверенность в себе, сознание превосходства, но не самое превосходство.

Все эти проводники, в общем, преисполняли массу нравственной энергиею, а с нею являлись: особая решительность, упорство, смелость и способность находчивости во всех случайностях.

И вот такую, однородную по духу, преисполненную энергиею, самодеятельностью, импульсом и силой массу, массу готовую на великие предприятия, Суворов бросал не зря, не на авось, а, напротив, глубоко, тщательно и всесторонне готовя ей успех, обеспечивая ей простоту исполнения и взяв на себя сложную работу ума, расчет, самую технику, которая требует военного образования, теоретической подготовки. Суворов не был теоретиком в отрицательном, бранном значении слова, но он был военнообразован и подготовлен в теоретическом отношении и в голове у него была целая теория ведения войны и боя, и его теоретические положения и выводы по всем областям военного дела разбросаны в его обширной переписке, приказах, наставлениях и т.п., и уже одно «наставление» к Измаильскому штурму — целая теория действий против местных предметов, подобных Измаилу.

«Методика подо мной», «я выше правил», но методика, по выражению Суворова, — это непонимание свойств предметов и явлений, или узкое, формальное (по букве) их понимание и употребление элементов войны и боя, и Суворов ничем не расходится с истинной теорией военного дела, построенной на ясном, глубоком их понимании и соответственном употреблении.

Не завещал ли Суворов в своем широком, всестороннем образовании общения теории и практики, вреда уклонения в ту или другую сторону; уклонение в сторону теории даст людей бедных истинным познанием свойств и природы элементов, и явлений войны и боя, и уже, во всяком случае, лишенных умения их употребления, ибо и то, и другое дается тесным общени-

ем с этими элементами, т.е. жизнью, иначе практикой; уклонение в сторону практики даст нам генералов типа князя Багратиона и Милорадовича, прекрасных и бесценных боевых деятелей, но лишь тогда, когда им сказано простое для действия слово и когда им обеспечена простота исполнения, чего сами они создать не могут.

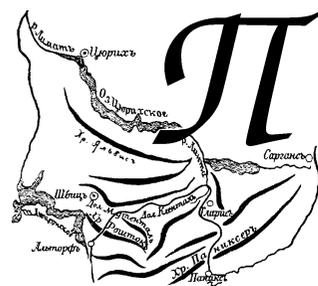
Как человек великой души и ума и как человек долга, в лучшем значении слова, Суворов искал успеха самого дела, а успех требует работы ума и воли, почему Суворов и обращался к возвышению духа своего подчиненного, вот почему нет у Суворова ни запугивания, ни застраивания, ни унижения, ни уничтожения подчиненного, и с самого дела им снят покров таинственности, неизвестности, неопределенности, устранено все то, что противно нравственной природе человека, при исполнении им дела, и для преследуемого Суворовым успеха самого дела развязана работа ума и воли главного орудия боя — человека.

Итак, по завещанию Суворова и по опыту одного Измаила, тайну побед надо искать в тесном, дружном общении и взаимодействии теории и практики, книги и поля, расчета ума и натиска духа и воли, причем, главным образом, тайну победы надо искать в душе подчиненного, в великой и скромной душе и в сердце этого поистине несравненного носителя долга, ревнителя о славе своего Государя и Отечества, русского офицера и солдата, этих чудо-богатырей по определению и завещанию этого первого в русской армии солдата по чувству долга и великого полководца по воинскому искусству — незабвенной памяти — Александра Васильевича Суворова.

Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. — Т. 1. — СПб., 1900. — С. 172–196.

Д. Милютин

СУВОРОВ В КАМПАНИИ 1799 ГОДА

После двух дней отдыха в Куре русские войска 30 числа двинулись к Майнфельду, а 1 октября прибыли в Фельдкирх, где и расположились лагерем у деревни Альтенштадт.

Таков был конец знаменитого Швейцарского похода. Из 20 тысяч русских войск, выступивших из Италии, чрез 16 дней дошло до Иланца менее 15 000, и те были в крайнем расстрой-

стве, без артиллерии и обоза. Более 1600 человек убиты, упали в пропасти, замерзли и пропали без вести; раненых было свыше 3500 человек. Потеря эта, конечно, была немаловажна; но если сообразить все, что вытерпели и преодолели русские войска в этот беспримерный поход, то можно даже подивиться тому, что они не понесли гораздо большей еще потери. Неприятель, по всем вероятностям, имел не меньший урон. Русские вывели с собою из Швейцарии до 1400 пленных французов, которых передали в Куре в руки австрийцев.

Хотя цель похода и не была достигнута, хотя союзники принуждены покинуть всю Швейцарию, однако же неудачная эта кампания принесла русскому войску более чести, чем самая блистательная победа. Несколько тысяч русских, заброшенных в самую недоступную часть Альп, в продолжение шестнадцати дней боролись непрерывно со всеми препятствиями суровой природы, переносили тяжкие лишения, голод, непогоду и, несмотря на изнурение, геройски дрались везде, где только встречались с неприятелем. Чрезвычайные затруднения, свойственные вообще горной стране, особенно в позднее время года, должны были

бы казаться неодолимыми для русского солдата, привыкшего к простору родимых равнин, к раздолью необозримых степей. Однако же грозные великаны Альп с своими снежными вершинами, с отвесными ребрами, с мрачными ущельями несколько не испугали наших войск. Смело проходили они с артиллерией и вьюками там, где ступали до них только привычные охотники. В одном месте на пути русской армии попала надпись на скале: «Здесь прошел пустынный»... Сколько раз случалось русским войскам взбираться на снеговые хребты! Сколько раз, дрожа от стужи, перебирались они вброд выше колен в воде, чрез быстрые горные потоки. Промоченные до костей страшным ливнем, они вдруг были застигаемы снегом, вьюгой, метелью; мокрая одежда покрывалась ледяною корой. С трудом добравшись наконец до вершины гор, солдаты ночевали на снегу или на голых скалах и не имели ни одного прута, чтобы отогреть окоченелые члены. По нескольку дней оставаясь без провианта, братски делились они между собою ничтожными крохами, которые находили в ранцах убитых французов, и даже приносили добродушно начальникам часть добычи своей. Офицеры и генералы сами были не в лучшем положении: лишившись своих вьюков, они не имели ни пищи, ни обуви, ни теплой одежды; солдаты кое-как на ночлегах чинили своим офицерам остатки сапог.

При самом бедственном положении русских войск никогда не слышалось ни ропота, ни жалоб, невесело было на душе; подчас ворчали солдаты на погоду, на горы, на голод; но унынья не знали; не заботились вовсе о том, что окружены неприятелем; не боялись несколько встречи с французами. Напротив того, русские только и желали скорее сразиться с противником, чтобы выйти наконец из тяжкого положения. В успехе боя никто не сомневался, несмотря на всю несоразмерность в силах, несмотря на все преимущества на стороне неприятеля. Французы имели в горной войне гораздо более навыка и сноровки, чем русские; умели искусно пользоваться местностью, стреляли метко, имели хорошую артиллерию. Зато русские брали отвагою и штыками; везде, где только могли, бросались прямо в рукопашную схватку, и на голодный желудок молодецки управлялись с противником.

Сам Суворов переносил с изумительною твердостью все труды физические и страдания нравственные. То под дождем проливным, то в метель и вьюгу семидесятилетний полководец ехал бодро на казачьей лошадке в обыкновенной своей легкой одежде. Можно представить себе, как должно было тревожить фельдмаршала опасное положение его армии. По свидетельству некоторых из приближенных его, были минуты, когда он даже

отчаивался спасти свое войско; однако ж и тут сохранял всю свою силу душевную и твердую решимость спасти, по крайней мере, честь русского оружия. «Не дам костей своих врагам, — говорил он, — умру здесь и пусть на могиле моей будет надпись: Суворов — жертва измены, но не трусости...» Перед войсками фельдмаршал старался неизменно сохранять наружность спокойную. В числе весьма известных анекдотов о Суворове рассказывают, будто бы в Муттенской долине, находясь совершенно в безвыходном положении, полководец наш, чтобы скрыть тревожное состояние души своей, велел подать шкатулку, в которой всегда возил он с собою все свои ордена и другие знаки Монарших милостей; медленно раскладывал пред собою все эти украшения, любовался ими и приговаривал: «Вот это за Очаков! Это за Прагу!» — и так далее.

Однажды на походе, когда колонна с необыкновенными трудами пробиралась по недоступным горам, солдаты в присутствии самого Суворова начали было ворчать: «Старик наш выжил из ума; Бог весть, куда завел нас!..» Слыша это собственными ушами, фельдмаршал обратился к своей свите и громко сказал: «Как они хвалят меня! Помилуй Бог; так точно они хвалили в Туречине и Польше».

В другой раз, также на походе, заметив, что солдаты выбились из сил и начинали унывать, Суворов во всю силу затянул песню: «Что девушке сделалось? Что красной случилось?»

Общий хохот раздался в колонне, и солдаты ободрились.

На ночлегах и привалах Суворов иногда подходил к солдатскому кружку, вмешивался в разговоры, по обыкновению шутил, смешил разными поговорками. Появление старого вождя еще имело дивное влияние на войско. Суворов умел оживить его в обстоятельствах самых безотрадных. Указывая впереди высокие горы или неприступную позицию неприятельскую, фельдмаршал только твердил о победе, о славе, о милости царской; по-прежнему называл солдат: «чудо-богатыри», «чада Павловы», и по-прежнему отвечали ему восторженные крики: «Рады стараться, отец наш! Веди, всюду пойдем за тобою!..»

Таков русский солдат: терпит безропотно труды, лишения, голод, непогоду; выбивается из последних сил; но лишь услышит одно ласковое слово начальника — мигом ободрится и готов на новые подвиги, на явную смерть!..

Швейцарский поход по справедливости считается венцом воинской славы Суворова, и, без сомнения, первые полководцы в свете могли бы гордиться подобным подвигом.

Граф Ростопчин в письме к Суворову выразил так свое мнение об этом походе:

«Ваше последнее чудесное дело удостаивают в Вене названием *“une belle retraite”* (красивый отход). Если б они (т.е. австрийцы) умели так ретироваться, то давно бы завоевали всю вселенную». Сам Император Павел в рескрипте от 29 октября писал фельдмаршалу:

«Побеждая повсюду и во всю жизнь вашу врагов Отечества, недоставало вам одного рода славы — преодолеть и самую природу. Но вы и над нею одержали ныне верх: поразив еще злодеев веры, попрали вместе с ними козни сообщников их, злобою и завистью против вас вооруженных».

Спасение Русского войска в горах швейцарских было величайшею заслугою во мнении Императора. Выслушав реляцию, Государь тут же пожаловал Суворову звание генералиссимуса и сказал при этом графу Ростопчину: «Это много для другого; а ему мало; ему быть ангелом». В рескрипте, которым объявлено Суворову новая милость царская, Государь писал:

«Награждая вас по мере признательности Моей и ставя на высшую степень, чести и геройству предоставленный, уверен, что возвожу на оный знаменитейшего полководца сего и других веков».

В то же время Государь повелел в честь Суворова воздвигнуть в Петербурге монумент¹. <...>

Во всем ходе войны 1799 года действия Суворова не только более льстят нашей народной гордости, но и действительно важнее и поучительнее всех других. Пока армия австрийская в Швейцарии и Германии остается целые месяцы в совершенном бездействии, довольствуясь одною обороною, русский полководец, едва прибыв в Италию, идет быстро вперед, разбивает неприятеля на Адде, в несколько дней очищает всю Ломбардию; вступает в столицу Пьемонта; потом, быстро обратившись назад, истребляет армию Макдональда на Треббии, постепенно овладевает всеми крепостями северной Италии, в том числе и пресловутою Мантуей, наносит решительное поражение неприятелю при Нови; затем с одним малочисленным русским отрядом смело проникает в глубину Альп; здесь, окруженный со всех сторон недоступною, суровою природою и превосходными силами противника, он одолевает все, что встречает на пути своем, и выходит из этого безнадежного положения с честью и торжеством. Все это Суворов совершил в

¹ Монумент открыт уже в царствование Императора Александра 5 мая 1801 г. Открытие происходило торжественно, в присутствии самого Государя, всей гвардии, при громах выстрелов и музыки. Памятник поставлен был первоначально на Царицыном лугу, а впоследствии перенесен к Троицкому мосту, где и теперь находится.

течение шести месяцев. Европа, привыкшая в то время к образу войны медленному, нерешительному, к кордонным линиям, к сильным позициям, к бесполезным осадам, изумилась быстроте и решительности действий русского полководца. В сравнение с ними можно было тогда поставить только блистательную кампанию Бонапарта в 1796 году.

Подвиги в Италии и Швейцарии довершили воинскую знаменитость русского полководца. Прежде того Суворов побеждал турок, кавказских горцев, польских конфедератов; победы эти, хотя и были одержаны с ничтожными отрядами над неприятелем, несравненно превосходным в силах, однако же казались легкими и приписывались не столько личному искусству полководца, сколько естественному перевесу европейской тактики над неустойчивым иррегулярными ратей или ополчений. Новый образ войны, созданный Суворовым и выражавшийся в трех любимых его словах: *глазомер, быстрота, натиск*, — возбуждал мало внимания в Европе и казался пригодным разве против турок и конфедератов. Только в 1799 году, на самом уже закате жизни, Суворову довелось наконец показать себя в войне европейской; и тут, начальствуя уже 100-тысячною союзной армиею, имея против себя лучшие войска того времени, русский полководец остался верным своим основным правилам войны: по-прежнему — глазомер, быстрота, натиск, по-прежнему — везде штык. Но сохраняя неизменно общий дух своей системы, Суворов применял его каждый раз особым образом, смотря по театру войны, по свойствам противника, по обстоятельствам. «Все войны не похожи одна на другую», — писал сам Суворов в Кобрине. «В Италии я имел целью разбивать неприятеля в больших сражениях и тем отрезывать его от крепостей, а крепостям отрезывать помощью»... К сожалению, обстоятельства не дозволили Суворову дать полное развитие своей системе: повеления из Вены останавливали его на каждом шагу; мелкие интриги главной квартиры держали его в непрерывном раздражении. В продолжение целой кампании полководец наш, полный силы, решимости, отважных замыслов, тщетно порывался к своей цели, как мощный орел, которому связали крылья.

Результаты кампании не соответствовали ни огромным средствам, употребленным союзниками, ни блестящим победам, одержанным над неприятелем. Более всех чувствовал то сам Суворов: мысль эта, как мы видели, доводила его до отчаяния и тревожила старика до самых последних минут его жизни. Однако же и то, что успел он совершить, уже достаточно, чтобы упрочить его славу и поставить Суворова в число полководцев первостепенных. Судьба не допустила его встретиться с

Бонапартом, и никто, конечно, не может угадать, что было бы с Европою, если б наш полководец оставался главнокомандующим в Италии в 1800 году. Однако же Суворов действовал против Моро, против Макдональда, против Лекурба, против Массены — лучших генералов того времени, хотя и далеко уступавших Бонапарту. Надобно с полным беспристрастием отдать справедливость искусству их действий: благоразумию и рассудительности, с которыми Моро умел беречь остатки армии Шерера; настойчивости и непоколебимости, с которыми Макдональд отстаивал три дня позицию на Треббии; энергии и смелости, которыми отличались образцовые действия Лекурба в горах швейцарских; распорядительности и верности расчета, с которыми Массена предупредил соединение Суворова с Корсаковым. Надобно также отдать справедливость и войскам французским: хотя они доведены были беспечною и бессилием Директории до самого бедственного положения, однако же сохраняли неизменно свое обычное одушевление, дрались везде с отчаянною храбростью и притом имели несомненный перевес в тактическом устройстве над союзными войсками. Французы, в особенности, лучше умели применяться к местности, пересеченной и гористой, лучше стреляли, имели артиллерию весьма удободвижимую... И несмотря на все это, союзные войска под предводительством Суворова постоянно и везде торжествовали над противником. <...>

Суворов вынужден был покинуть Италию, не довершив своих успехов. Раскрыв во всей очевидности политику Венского двора и влияние австрийского министра на ход военных действий, смеем думать, что теперь решено уже окончательно и несомненно, на кого должна пасть ответственность во всем, в чем упрекали так несправедливо Суворова. Повторяем, что никто не чувствовал сильнее, чем он сам, сколько терял своим вынужденным бездействием.

Но кроме политики Венского двора, как мы видели, военные действия были стесняемы и другими, не зависевшими от полководца обстоятельствами. Все распоряжения административные и снабжение армии продовольствием предоставлены были исключительно австрийским чиновникам, которые не отличались ни энергией, ни поспешностью, ни даже доброю волею. Среди обильной, роскошной страны армия союзная часто терпела недостаток в продовольствии; считалось невозможным держать в сборе в одном месте значительные силы. Суворов готовился шесть недель к наступлению в Ривьеру Генуэзскую и после победы, одержанной при Нови, не мог преследовать неприятеля

потому, что все еще не было собрано ни мулов, ни продовольствия. На пути в Швейцарию Суворов потерял десять дней в Таверне опять в ожидании обещанных австрийцами мулов с продовольствием, а через это весь план Швейцарского похода был расстроен. Наконец, надобно припомнить, что в течение всей кампании, несмотря на расположение народа в пользу союзников, в главной квартире союзной армии никогда не имели верных сведений о неприятеле. Если случались в планах Суворова колебания или взаимные изменения, то почти всегда они происходили именно от ложных слухов и неправильных известий.

Перейдем к другому обвинению. Суворов, говорят, разбрасывал свои силы: большая часть союзных войск была раздроблена на отдельные отряды. Так, в конце апреля, т.е. после занятия Милана, из числа 97 000 человек состояло в главной армии только 36 000; в конце мая, т.е. по занятии Турина и перед сражением на Треббии, из 114 000 человек было в главной армии при Турине менее 30 000; в конце июля, перед сражением при Нови, из 120 000 человек было в главной армии всего 26 000 и даже вместе с корпусами графа Бельгарда и Розенберга — не более 40 000.

Но читателям вполне известна причина, вынуждавшая Суворова раздроблять свои силы, вопреки собственной его воле: по настоянию Венского двора он должен был разом осаждать несколько крепостей и в ожидании сдачи их оставаться в оборонительном положении, прикрывая всю северную Италию с трех сторон, ибо неприятель постоянно угрожал с севера — из Швейцарии, с запада — из Пьемонтских Альп, с юга — из Ривьеры Генуэзской и средней Италии. Поэтому большая часть войск употреблена была в состав осадных корпусов или для прикрытия осад и в гарнизоны занятых уже крепостей. Невыгоды такого распределения видел ясно и сам Суворов, чему приведены были очевидные доказательства. Кроме разных намеков в его письмах к графу Ростопчину и к графу Разумовскому мы находим положительные указания невыгод и опасности кордонной системы¹. Мы даже видели, что в инструкциях своих австрийским генералам он сам убеждал их не занимать большого числа пунктов малыми отрядами для обороны, а только ограничиваться наблюдательными постами, держа большую

¹ Так, в письме к графу Разумовскому из Турина от 18 мая читаем следующие строки: «Дефенсив — офенсив... По первому славен Ласснев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле; в нем много хранительных пунктов; слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньше его силы, ударяя в один, преобладают. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье... Мне повороту нет, — или также погибнуть».

часть сил в совокупности для действий наступательных. Суворов постоянно доказывал и на словах, и на деле, что лучше всего, даже для обороны, идти самому навстречу противнику.

И действительно, Суворов, принужденный против собственной воли раздроблять свои силы на множество отдельных отрядов, не оставался, однако же, в положении исключительно оборонительном, а при каждом случае сам переходил в наступление. Надобно обратить внимание на то, что при распределении своих сил на театре войны Суворов имел постоянно тот же расчет, который замечаем в действиях Фридриха Великого. Известно, что король в продолжение почти всей Семилетней войны должен был действовать в одно время против нескольких врагов, угрожавших с разных сторон, и потому вынужден был охранять свои владения несколькими корпусами, из которых каждый отдельно был слабее неприятельских сил; но главная армия служила как бы общим резервом, с которым король сам бросался то в одну сторону, то в другую, на помощь своим отдельным корпусам и, сосредоточив вдруг на одном пункте большие силы, наносил попеременно поражение тому или другому из разделенных своих противников. Точно так же действовал и Суворов в Италии: силы его были всегда распределены таким образом, что каждый отдельный отряд мог своевременно получить помощь от других соседних отрядов или от главной армии. Лишь только неприятель предпринимал какое-либо покушение, немедленно же союзные силы стягивались к угрожаемому пункту; со всех сторон сосредоточивались туда войска; Суворов сам спешил навстречу противнику; необыкновенною быстротою марша и решительностью нападения — он наносил там удар, где противник наименее ожидал отпора. Движение навстречу Макдональду и победа на Треббии могут служить одним из блистательнейших примеров подобного рода действий.

Таково заключение наше о стратегических соображениях Суворова; остается рассмотреть, в какой мере справедливы упреки в отношении тактических его действий.

Суворов, говорят, во всех сражениях одолевал только фронтальным натиском, массою силы и упрямою настойчивостью. На Треббии он упорствовал три дня сряду в своих атаках и потерял до 4300 человек; при Нови целый день ломил сильную позицию неприятельскую, чтобы взять ее приступом, и потому потерял до 8000 человек; при атаке С.-Готарда упрямоство его стоило до 2000 человек.

Если б даже и было вполне справедливо, что Суворов исключительно вел атаки фронтальные, то и тогда можно бы оправдать его, зная, какое превосходство имели в то время французские войска над союзными в тактическом устройстве. Осо-

бенно же в австрийской армии тогда господствовала исключительно линейная тактика; даже на штыки союзные войска ходили развернутым строем, и только там, где местность вовсе не позволяла этого, по необходимости батальоны втягивались в теснины густыми колоннами. Такие войска, с неповоротливою артиллериею, с огромными обозами, конечно, не весьма способны были к маневрированию, особенно на местности пересеченной, ввиду противника смелого, предприимчивого, искусного в действии рассыпным строем. Следовательно, Суворов, зная стойкость и neodолжимую силу своих войск, имел основательную причину ожидать более успеха от фронтального натиска, нежели от каких-нибудь затейливых маневров.

Но при всем этом даже и несправедливо будто бы Суворов исключительно употреблял одни фронтальные атаки. Из описания всех сражений его видим совершенно противное: на Треббии союзной армии назначено было построиться в косвенный боевой порядок с тем, чтобы правым флангом теснить левый фланг противника. Суворов восстал всею силою на смешки и презрения против этого школьного педантизма; но сам умел превосходно употреблять и демонстрации, и обходы, и маневры как средства вспомогательные для облегчения успехов своего оружия. Он сам считал своими наставниками в военном деле Юлия Цезаря, Карла XII и Фридриха Великого.

Если сравнивать первостепенных полководцев разных времен, то должно беспристрастно сознаваться, что некоторые из них, быть может, стоят выше Суворова в искусстве стратегических соображений, в умении двигать большие армии и водить их в бою, одним словом в том, что составляет, так сказать, механизм военных действий. Но в отношении нравственной стороны военного дела можно смело сказать, что Суворов был одним из самых великих военачальников: едва ли кто другой превосходил его в железной силе воли, в непоколебимом мужестве и, в особенности, в том безграничном влиянии, которое имел он на войска. Солдаты и офицеры слепо веровали в его гений, приучились смотреть на него как на вождя непобедимого; при одном слове его, при одном взгляде готовы были бросаться в огонь и воду. Вот где заключается истинный ключ тех дивных подвигов, которые русские войска столько раз оказали под предводительством Суворова. <...>

История Войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Составлено по Высочайшему повелению Д. Милютиним, свиты Е.И.В. генерал-майором. Сочинение, удостоенное Императорскою академиею наук полной Демидовской премии. Издание второе. Том II. Части V, VI, VII и VIII. — С-Пб., 1857. — С. 306—310, 543—552.

В третьей операции Суворов также оставался в выжидании, пока французы дебушировали из гор на плоскость. Но как только обнаружилось колебание противника при дебушировании, Суворов немедленно сам атаковал наличного противника, приберегая задние эшелоны на случай появления новых войск неприятеля и для действия в иных направлениях. Захватив инициативу в атаке, Суворов задержал французов на позиции у Нови, а затем, ориентируясь, нанес им и решительное поражение, соединив достаточное число войск для победы.

Таким образом, во всех трех операциях Суворов захватывал почин в действиях или по самому положению дел, или вырывая в упорном бою эту инициативу у неприятеля.

В эту пору преимущества инициативы в действиях уже признавались по многим примерам из революционных войн, где республиканские войска захватывали почин в наступлении, а временное выжидание в видах перехода в решительное наступление для атаки или угрозы таковой могло руководствоваться высокими примерами Фридриха Великого из Семилетней войны. Эти примеры подтвердились на прикрытии Бонапартом осады Мантуи от многочисленных покушений австрийской армии, терпевшей тут постоянные неудачи в 1796–1797 гг.

Быстрота в исполнении операций Суворова была очень различна, начинаясь от 10 верст в сутки при операции к Адде и доходя до 80 верст в 36 часов в операции к Греббии, напоминая, с одной стороны, значит, операции, исполнявшиеся при пятитипереходной системе, а с другой стороны, являя образцы быстроты в исполнении операции, примерной во всей истории военного искусства.

При культе боя, какой возделывал Суворов во всю свою службу и во всю свою боевую деятельность, его операции, понятно, проникались самыми решительными намерениями, безусловно выступающими из эпохи.

Широта цели операции при наступлении к Адде ограничивалась тем, чтобы сбить французов с Адды, прорвав их растянутое расположение.

Моро так быстро убрал свои отряды с Адды, что только 3000 человек из дивизии Серюрье попали в плен к союзникам. Остальные части французской армии отступили широким фронтом и в расходящихся направлениях, затруднив, таким образом, преследование для союзников.

При наступлении против Макдональда широкая цель союзного главнокомандующего простиралась уже до уничтожения Макдональда, если бы он двинулся к Мантуе; а так как Макдо-

нальд не подставил своего тыла наступлением на Мантуе, а фронтом встретил на Греббии, то Суворов, при новых обстоятельствах, стремится разбить Макдональда в сражении и дальнейшим развитием победы в энергичном преследовании нанести противнику окончательное поражение, особенно при содействии Края. Этот, однако, не явился, и полное уничтожение Макдональда оказалось недостижимым. Наступление Моро отвлекло Суворова к Александрии и дало Макдональду свободу отойти за Апеннины.

В операции под Нови Суворов имел в виду также отрезать противника от базы и припереть к горам. Но пришлось добиваться победы фронтально, а позднее прибытие обходной колонны Меласа вызвало такое поспешное отступление французов, что и настигнуть их не было возможности.

Таким образом, Суворов в своих операциях и боях задавался широкими целями, стремясь к уничтожению противника, идя в этом отношении наравне с лучшими образцами военной истории и стоя в этом деле значительно выше своей эпохи. <...>

Мы видим, что и в практике так же, как и в учении, числу войск маститый Полководец придавал серьезное значение, но не считал это число решительным фактором для победы вопреки мнению, установившемуся в эту эпоху, а оставался, по видимому, верным прежнему учению, где превосходство в числе войск еще не указывалось как решающее обстоятельство, а выдвигались на видное место качества войск и искусное предводительство, т.е. в эту эпоху Суворов шире смотрел на обстоятельства, определившие победу.

Раз не обеспечивается превосходство в числе на поле сражения, то возрастает значение искусства ведения боя и, следовательно, ориентировки главнокомандующего в бою.

В боях на Адде Суворов, недостаточно ориентированный во время всей операции, быстро опознал, однако, прибыв на Адду и произведши разведки по широкому фронту при посредстве казаков, замечая, что между дивизиями Гренье и Серюрье был интервал, и определив, что пункт, удобный для переправы, представлялся у Трецо, Суворов внезапно для французов переправляется у Трецо.

Развивая наступление на западном берегу Адды своим правым крылом на левый фланг дивизии Гренье и на сообщения французов с Миланом, генералиссимус атаковал в лоб французские войска у Касано, сильно расположенные. Сочетанием атаки с левого фланга от Трецо и с фронта от Касано союзный главнокомандующий наносит решительное поражение войскам

Гренье у Касано и Ваприо и отбрасывает их к Милану и южнее последнего, расширив таким образом интервал между частями французских войск, которые подивизионно растянуты были для обороны Адды. <...>

Атаки Суворова иногда достигали широкого развития, как при Нови, где противник был сильно атакован на левом своем крыле с фронта, охвачен справа и обойден в тыл, да еще эшелон Розенберга более 8000 бойцов и Алькаини более 5000 бойцов, а всего более 13 500 человек готовы были развивать атаку далее, если бы противник не уступил. Тут против 17 000 французов сосредоточено было более 37 500 союзников, из коих более 24 000 введены были в дело.

Таким образом, русский Военачальник сосредоточивал превосходные силы к решительному пункту атаки, в чем стоит наравне с эпохой, когда начали приписывать превосходству в числе уже решающее значение для победы, усматривая в сосредоточении превосходных сил на решительном пункте секрет ведения войск.

В бою у Касано союзный главнокомандующий, атакуя своим правым крылом левый фланг французов, развивал эту атаку наперерез сообщениям французов с Миланом так, чтобы фронтальным наступлением атакующих войск отбросить обороняющихся французов от сообщений, подобно тому как и на Треббии 18–19 июня Суворов атаковал своим правым крылом левое крыло Макдональда, развивая эту атаку в таком направлении, чтобы, двигаясь фронтально, припереть французов к По, отбросив вместе с тем неаполитанскую армию от ее сообщений с Тосканой и прервать ее связи с армией Моро.

В обоих указанных случаях Суворов развитием простой фронтальной атаки вел свои войска в опаснейшем направлении для противника.

В сражении при Нови союзный главнокомандующий, используя охватывающее положение своих частей, какое занимали последние еще до боя, направил колонну Меласа в охват и обход, причем частям охватывающим и обходящим пришлось маневрировать с переменою фронта. Этот случай противопоставляется простым фронтальным направлениям для атаки у Касано и на Треббии. В этом же случае является сочетание фронтального направления для атаки с направлением во фланг и тыл обороняющихся по плану более сложному.

Суворов, рекомендуя охваты, обходы, нападения на противника из-за гор, из-за лесов, в Италии держал войска, назначенные для атаки, в совокупности и атаковал, обыкновенно, в кратчайшем

направлении, развивая, однако, фронтальные атаки так, чтобы опрокинуть крыло и отрезать сообщения обороняющегося. Но при подходящей обстановке, как при Нови, генералиссимус широко развил свою атаку по сложному плану с охватом и обходом, напоминая в этом отношении атаки из рассматриваемой же эпохи, когда идеи кордонной стратегии проникали и в тактику.

Организуя атаки, Суворов соединял для удара все три рода оружия, где артиллерия подготовляла атаку, пехота развивала таковую, а кавалерия содействовала лишь в перипетиях боя, не собираясь для нанесения обороняющемуся совокупных и неотразимых ударов в бою, подготовленных боем артиллерии и пехоты.

В таком случае почти вся тяжесть атаки лежала на пехоте, которая завязывала бой, подготовляла таковой при содействии артиллерии и решала атаку, тогда как на кавалерию могли рассчитывать, главным образом, в прикрытии отступления на случай неудачи и в отражении атаки кавалерии же противника.

В боях у Касано 27 апреля союзный главнокомандующий внезапно для обороняющихся переправил свои войска на западный берег Адды, неожиданною частною атакою захватил Треццо; постепенно развертываясь и маневрируя правым флангом вперед, вынудил угрозою левому флангу обороняющегося переменить фронт к северу; частными атаками пытался овладеть дд. Ваприо и Поццо и атаками казаков на правом крыле угрожал тылу противника у Инцаго; но обороняющийся упорно держался; Ваприо и Поццо овладеть не удалось; завязался бой ружейным огнем в то время, как Мелас, подготовив огнем 30 орудий атаку на предмостные укрепления, частной атакой овладел последними, частною же атакою завладел переправою у Касано через Адду, новою частною атакою овладел Касано. Эти частные атаки лишили обороняющегося опорных пунктов, истощили его силы, угрожали потерей путей отступления, и обороняющийся, не ожидая общей решительной атаки союзников, поспешно отступил, спасая свои войска от окончательного поражения по частям.

В этих боях, значит, Полководец подготовил решительную атаку внезапностью, рядом целесообразно намеченных частных атак, ружейным и артиллерийским огнем, маневрированием, охватом и обходом обоих флангов противника, угрозою в тыл ему. <...>

Таким образом, средства и способы для подготовки атаки у Суворова развивались значительно, широко и применялись с такой энергией и решительностью, что обороняющиеся даже иногда не ожидали общей атаки, истощив все силы и средства еще за время подготовки атаки.

Не видали мы в средствах и способах для подготовки атаки только демонстраций и дальних обходов, стратегических обходов, какие находили себе частое применение у австрийских тактиков. Этим суворовская тактика существенно отличается от представителей тактики в рассматриваемую эпоху и по энергии и решительности способов действия превосходит даже тактику войск Французской республики.

Конечно, в таких упорных боях, какими являлись бои Суворова с французскими войсками, можно говорить о форме атаки только условно. И в отношении формы атаки обращает внимание на себя косою боевой порядок с выдвиганием правого крыла, как в боях у Ваприо и Касано и как в сражении на Треббии, или с расположением уступами с правого фланга, как в сражении при Нови.

Мы в своих местах рассматривали уже боевые порядки, строи, построения, порядок наступления и способы действия при обороне, по родам оружия. Мы видели, что во всех этих отношениях тактика Суворова близка была в своих основаниях с основаниями глубокой тактики, опередив, значит, линейную тактику.

Здесь по исполнению атаки нам остается лишь указать на то, что минуту для решительной атаки фельдмаршал, обыкновенно, указывал сам, если атака происходила под его личным руководством, как при Касано и на Треббии, тогда как решительная атака при Нови на фронте последовала по распоряжениям фельдмаршала, но на левом фланге союзников в колонне Меласа атаки начинались по ближайшим указаниям и велись под руководством Меласа.

Атаки велись обыкновенно с энергией и с решительным ударом холодным оружием в сомкнутом строе пехоты при содействии кавалерии, содействовавшей атакой во фланг и тыл. За первой неудавшейся атакой следовали вторая и третья, настойчиво повторяя удары, с необыкновенным упорством, борясь до полного истощения сил.

Войска Суворова не хотели знать неудач и отступления. Неся даже несметные потери, они продолжали добиваться поставленной цели. Начальники, подчиненные генералиссимусу, употребляли все усилия к достижению поставленных им задач, и, приученные заботиться о солдате вне боя, они в бою не считали потерь, лишь бы раз поставленная цель была достигнута. В этом отношении сам Военачальник подавал высокие примеры упорства. Если войска, изнемогая от истощения сил, не могли подаваться вперед или пятились, то довольно было лич-

ного появления фельдмаршала: несколько ободряющих слов, умело брошенных, снова водворяли порядок и воодушевляли войска на новые подвиги. Лично предводимые Суворовым, эти войска не знали препятствий. С этой стороны русские войска, невзирая на все видимое различие, в особенности, походили на французские войска революции, в которых также развился дух считать все возможным и достижимым для революционных войск.

Исполненная атака развивалась преследованием на поле сражения, как мы видели по нашим примерам, теми же войсками, какие вели самую атаку, обыкновенным порядком в направлении своего наступления. И в этом отношении особенно поучительного не усматривается ничего, кроме самого факта преследования, понятие о необходимости которого на поле сражения, после атаки, утвердилось в понятиях военачальников этой эпохи.

Иначе обстоял вопрос с преследованием войск вне поля сражения.

Искусная организация преследования вне поля сражения противника до окончательного уничтожения его всегда составляла удел великих полководцев.

Суворов учил о преследовании днем и ночью, не давая отдыха неприятелю даже и тогда, когда он из отступления перешел уже в бегство. Действительно, при первых столкновениях с неприятелем у Палаццо фельдмаршал преследовал французов при посредстве казаков неотвязно за Бергамо и далее.

Преследование после Касано велось до Милана на расстоянии одного перехода; но это оказалось не главным направлением, какое избрал Моро для отступления, а потому это преследование не дало союзникам непосредственных результатов, и даже соприкосновение с противником было настолько утрачено, что союзники вовсе потеряли из виду, где остановился и сосредоточился Моро с армией.

После Треббии преследование было организовано превосходно, но атака Моро против Бельгарда под Александрией отвлекла Суворова в ту сторону, а преследование поручено было лишь отряду Отта в 7000 человек, который по слабой численности своей мог только следовать за Макдональдом, соприкосновение с которым было снова потеряно.

После Нови соприкосновение с разбитой армией Жубера опять было потеряно. Выдвинутый свежий корпус Розенберга, не бывший в бою 15 августа, действовал вяло.

Следовательно, все поражения, нанесенные французам в Италии, были решительны, приводили в окончательное расстрой-

ство противника, но ни одно из них не окончилось катастрофой для побежденных, главным образом, за отсутствием преследования вне поля сражения.

Впрочем, следует помнить, что в эту эпоху подобного преследования не предполагали. И в этом отношении Суворов, преподававший высокое учение о преследовании, сам не справлялся с задачей преследования.

Сводя все доложенное перед настоящим собранием о стратегической и тактической деятельности Суворова в кампанию 1799 года в Италии, скажем, что наш маститый Военачальник, памяти коего мы воздаем здесь славу и честь, в большинстве вопросов стратегии и тактики в самых важных, существенных, по крайней мере, вопросах стоял на уровне эпохи со всеми ее переходными чертами, но во многих отношениях Суворов стоял и выше той эпохи, давая образцы стратегического ведения войск и тактических действий, поучительные для всех времен.

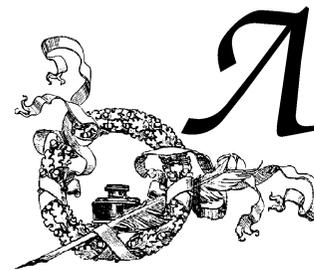
Впрочем, образ великого Полководца ярко выступает не только из своей эпохи, но и во все времена, за какие известны военные предания. Слабый телом и мощный духом, он развивал дух в своих подчиненных. Обаятельный начальник, он безгранично влиял на дух своих войск. Веря в дух своих воинов, он не считал силы врага, атакуя и поражая противника. Сам герой духом, он вдохновлял и своих соратников на богатырские подвиги. Его сподвижники считали все возможным для чудобогатырей, какими мнили себя воины Суворова...

Таково значение силы духа в военном деле. Будем же идти по стезе, ярко освещенной духом Суворова, на пользу дорогого Отечества и во славу Державного Вождя.

Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. Т. 2. — СПб., 1900. — С. 205–239.

А. Геруа

СУВОРОВ-МЫСЛИТЕЛЬ

Личность Суворова одна из замечательнейших в истории военного искусства как по оригинальности творчества, так и по глубине анализа. Известны попытки его западных ученых недругов сделать из него простого удачливого рубаку. Известно также и словечко Суворова по адресу этих его хулителей: «Удача, удача, нужно же и уменье». Едва ли Суворов хотел

этим отмежеваться от аттестации рубаки. В ней для настоящего солдата нет ничего позорного. А когда этот рубака человек высшей культуры, как и было в рассматриваемом случае, это свойство особенно ценно. Здесь кабинет не разрушил поля.

«Умение» Суворова становится тем более чудесным, чем мы пристальнее всмотримся в ту эпоху. Тогда войн было много, и они были столь же нудными, как и недавно минувшая. Одной Семилетней было достаточно, чтобы увериться в этом. Но военного исследования было слишком мало, и оно было невысокой квалификации. Появилось оно, как и всегда в подобных случаях, под влиянием красоты подвига военного гения Фридриха Великого. Один из его современников, притом хорошо обстрелянный, англичанин Ллойд, конечно, не без влияния полководчества и Мальборо, сделал первую попытку научно обосновать доктрину войны. Этот автор жил (1729–1783) как раз во времена бурной борьбы Англии и Франции за колониальную империю, борьбы, где война между Пруссией и Австрией, несмотря на свои огромные размеры, была только одним из эпизодов, одним из театров. Почему сюда затесалась и тогдашняя

Россия, один Аллах ведает: должно быть, из-за избытка живой силы, просившейся наружу, и из-за недостатка политического смысла, болезнь, как это показало наше Верховное командование Великой войны, не изжитая и по сей день. Тогда это было — раззудись плечо, размахнись рука. Ныне это уже нечто иное.

Как бы то ни было, в XVIII веке тут было боевое поле, породившее и нашего Суворова. В то время как ученый теоретик Ллойд, впрочем не чуждый огромного и разнообразного боевого опыта на службе английской, австрийской, прусской и русской, писал свои исследования, Суворов тоже закалялся на поле брани и делал свои выводы для будущего.

В прошлом, в свои молодые годы Суворов был уже человеком мысли. Начав свою службу в Л.-Гв. Семеновском полку, который, как и остальные три полка тогдашней гвардии, был нечто среднее между образцовым учебным и военно-учебным заведением для подготовки офицерства, юный Суворов, солдат 8-й роты (впоследствии носившей его имя), посещал вместе с остальными солдатами-дворянами того времени полковую школу, как раз находившуюся при его родной роте, одновременно слушать приватные лекции в недавно открытом Шляхетском (I кадетском корпусе), основанном в 1732 г. (и даже сам делал публичные доклады).

Это был мыслящий сначала солдат-дворянин, а затем капрал и сержант. В последнем звании, равнявшемся тогда офицерскому в армии, он неоднократно исполнял ответственные командировки, по-видимому, и за границей.

Когда Суворов в цвете лет, молодым штаб-офицером Казанского драгунского полка уже приобрел боевую известность лихого кавалерийского офицера Семилетней войны, его ученый современник Ллойд, тоже боевой офицер, меняя армии, накапливал и свой боевой опыт. Эта перемена армий является некоторым сходством с карьерами позднейших наполеоновских военных философов, Жомини и Клаузевица.

И Суворов, и Ллойд всасывали в себя боевые впечатления для того, чтобы прийти к каким-то основным выводам, которые могли бы послужить путеводною звездой для дальнейшего. Ясно, что эта работа была прямо пропорциональна дарованиям, в первом случае преимущественно полевым, во втором кабинетным. Судьбы этого углубления в военную мудрость были столь же различны, как и олицетворявшие их люди. Опыт зрелых лет Суворова стал его исключительно личным достоянием и именно потому, что он не нашел в рядах родной ему армии достаточно основательного и всестороннего изучения,

в особенности в ближайшую эпоху; литературное наследство Ллойда стало поприщем его многочисленных последователей. Бой произнес свой приговор над этими двумя попытками осмысленного изучения войны: Суворов неизменно бил учеников школы Ллойда.

Интересно проследить, в чем состояла доктрина последнего. Ллойд нравится А. Свечину, советскому военному писателю, именно из-за свойственного ему «материалистического подхода» к изучению войны. Термин «стратегия» тогда еще не был придуман и ждал для этого Бюлова. Всякий, кто знает Суворова, не может забыть, что его подход бывал всегда исключительно «духовный», психологический. Ллойд, теоретик «пятипереходной» системы, сковавшей армию пятью этапами марша по необходимости питаться из магазинов, естественно приводил к сокращению «движения», решительным поклонником которого под классическим в русской армии именем «быстроты» был всегда Суворов и его ученики. Ллойд, хотя и отдает себе ясный отчет в важности энергичных маршей, но не знает путей к ним, так как он стеснен организационной системой, построенной на продажном солдате-дезертире. Суворов находит решение вопроса быстроты в национальной русской армии, не знавшей никогда наемника, но наследовавшей петровского чисто русского солдата. «Вы русские», — непрестанно обращался наш полководец к своим чудо-богатырям. Такое обращение было заказано не только Фридриху Великому, нередко пополнявшему свои ряды пленными, но и Наполеону, вождю пресловутого вооруженного народа пестрого состава.

Так Суворов выносит, вопреки тогдашней теории Ллойда, первую истину своего знаменитого афоризма — «быстроту».

Можно сказать, что своими победами XVIII века русская армия обязана тому, что она никогда не знавала пятипереходной системы.

Ллойд подчеркивает решительное значение «глазомера» как способности точно и быстро оценить задачу во времени и в пространстве. Суворов не ограничивается только утверждением этого факта как одного из важнейших, но и на деле доводит его до высочайшей степени боевого совершенства: улавливания обстановки по едва доступным туманным данным, по полунамекам, и принятия сокрушающих решений на основании этих ненадежных на первый взгляд сведений. Редкостная решимость. Только степенью риска измеряется боевой талант.

Итак, второй член известной формулы Суворова «быстрота, глазомер и натиск» как бы обнаруживает некоторое сходство

между двумя мыслителями. Но есть в этой области огромная разница. Легче сделать верный теоретический вывод, чем провести его сквозь боевую бурю. У Ллойда этот вывод не проверен убедительным для всех образом, тогда как у Суворова эта убедительность несомненна.

Этим и ограничивается все сходство между крупнейшим теоретиком и одним из крупнейших практиков того времени. Очевидно, писания Ллойда были близко известны нашему великому полководцу. И быстрота, и глазомер входили в его катехизис. В то время как Ллойд, впервые установивший термин «операционная линия», считает последнюю, как прозаическую дорогу от базисного магазина к цели операции, и все искусство видит в маневренных кренделях для захвата этой чувствительной линии, определяющей все бытие вербованных армий, Суворов решение видит в бою, причем нередко обнаруживает некоторое пренебрежение к маневру-кренделю. Отсюда его прозвище «рубака». Во всяком случае завидный, единственный в своем роде «великий рубака», достигавший своих побед только путем заострения морали. В то время это была непривычная данная. Тогда всюду, кроме России, господствовали наемники без всякой морали. Они боялись палки своего капрала больше пули неприятеля.

Маршал Саксонский, которому невозможно отказать в крупнейшем военном даровании полководца, организатора и мыслителя, писал, что сражения, цель которых остается непонятной, излюбленный прием невежд. Конечно, это протест против пространной в то время ненаучности, но в то же время это и постановка боя в слишком подчиненное место. Такая проповедь была особенно опасна в царстве «кренделей». Суворов был чужд этого предрассудка, свойственного даже тогдашним орлам. Бой у него был все.

Известно, что Суворов платил презрением к отзывам своих «ученых» противников, именуя их не иначе как «переипатетиками», а их тактику царством «унтеркунфта». Пока они рассуждали и отдыхали, он их бил... не по правилам. Не в этом ли величайший из секретов военного искусства? Внезапность есть уже поражение. Поразил — значит победил.

Суворовское как бы пренебрежение к маневру объясняется его презрением к ненужным вензелям. В Италии и в Швейцарии, когда он имел дело с подвижной революционной французской армией, у него маневр находил широкое применение. Стоит только припомнить его Адду, когда он побил Моро при посредстве обхода, а также бесчисленные охваты в Альпах.

Но, раз противник не был достоин такой длительной работы, к чему тратить время? В таком случае знаменитый суворовский «натиск» — третий член его памятного изречения. Эта истина была совершенно неведома философу того времени, Ллойд.

Один из образованнейших людей просвещенного века, Суворов — не только образец великого вождя, но и глубокого мыслителя, сумевшего в кратких словах выразить синтез военного дела. Это доступно только очень светлым головам. Чем проще и отчетливее вывод, тем труднее его сделать. Нужен был Бонапарт, чтобы бой получил права гражданства на Западе. Только тогда раздалась и голоса Бюлова, Жомини и Клаузевица во имя прославления этого факта войны. Эта заря нового военного искусства была уже привычной для суворовской школы, в лице своего вождя имевшей в то время около полувека существования.

В чем суть военной победы, как не в превосходстве мысли вождя над идеями противника? Все великие полководцы вносили всегда в эту область ту или иную новинку. Но даже и невеликий генерал, оружие которого судьба благословила победою, должен в первую голову быть признателен осенившей его мысли.

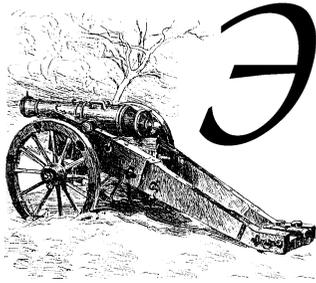
В только что минувшую войну два резких примера такой победы. Пограничное сражение было выиграно немцами, благодаря посмертному торжеству концепции фельдмаршала гр. Шлиффена. Марнское сражение было проиграно потому, что у Мольтке-младшего не оказалось никакой твердой идеи; обратно, она явилась у Жоффра. Вожди побеждают своею мыслью.

Вот почему урок Суворова ныне, как никогда, велик. Упрядив свое время на несколько десятков лет, предвосхитив секрет наполеоновских побед (бой), вознеся нравственный элемент на недосягаемую высоту, Суворов был неподражаемым автором побед. Его знаменитая система воспитания, так широко и талантливо популяризированная ген. М.И. Драгомировым, была только ступенью к венцу военного дела — победе, воспитанной и возвращенной острой и новаторской мыслью.

Вестник военных знаний. — 1930. — № 7. — С. 1–5.

Б. Штейфон

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА СУВОРОВА

Эпоха Императрицы Екатерины II создала блестящую плеяду военных деятелей. Однако как ни велики были в своих достижениях даже такие мощные таланты как Потемкин и Румянцев, все ж их творчество не достигало никогда таких высот, такого гениального понимания духовных сторон человека, какое выказал Суворов. Суворовым характеризуется военное искусство рассматриваемой эпохи, Суворовым были не только

явлены величайшие образцы военного творчества, но созданы русская военная школа и русская военная доктрина. И, конечно, не вина этого гения, что последующие поколения не только не пошли по указанным им путям, но часто забывали заветы этого самобытного, совершенно национального философа и непревзойденного мастера военного дела.

Все, что осмыслил Петр Великий в военном искусстве, воспринял и Суворов, развив уже до конца идеи Царя. Такая духовная преемственность объясняется, несомненно, тем, что оба эти военных гения в основу своего творчества клали глубочайшую веру в духовную мощь своего народа. Оба они умели слышать подлинный голос народной совести, оба они в богатстве русского сердца находили источник своих вдохновений.

Военное искусство эпохи Императрицы Екатерины создано, конечно, Суворовым; его гениальный дух заполняет царствование Великой Государыни, а потому понятно, что при разборе данной эпохи преимущественное внимание посвящается личности, делам и доктрине Суворова. Познать его как учителя,

воспитателя и полководца можно лишь в том случае, если познаем его как человека, ибо в истории мировых гениев мы встречаем мало примеров, когда их дела и учение так совершенно полно отражали их индивидуальность, как то наблюдаем у Суворова.

Биография великого русского полководца являет пример, когда истинное призвание владеет человеком от раннего детства и до конца жизни. В то же время личность Суворова показывает, какие великие идеалы намечают себе возвышенные натуры и какую поразительную, неустанную энергию проявляют такие натуры, чтобы выработать в себе те черты характера, какие могут им помочь достигнуть намеченных идеалов. С детских лет дисциплинируя волю, развивая настойчивость и закаляя слабое от рождения здоровье, Суворов на собственном опыте познал, как потенциально необъятны духовные и физические силы человека и до каких пределов они могут уширяться. Несомненно, что этот личный опыт дал ему представление о растяжимости моральных и телесных сил человека, чем в дальнейшем он так чудесно и пользовался, умея в потребных случаях брать от войск предельное напряжение.

Военно-воспитательная система Суворова, давшая столь удивительные по своим практическим последствиям результаты, прежде всего была осмыслена самовоспитанием творца этой системы. Основной чертой духовного облика Суворова была его вера в Бога. Простая, ясная вера, какой всегда был силен русский народ. Та вера, которая, не мудрствуя лукаво, создает в повседневной жизни крепкие моральные устои и действительно руководит человеческими поступками.

В поучениях, в обращениях, в письмах и в приказах Суворов постоянно вспоминает о Боге, к Его всемогуществу и защите тянется его сердце. И не во имя рассудочных соображений всегда напоминает он о Боге, не во имя понимания религии как мощного воспитательного фактора взывает он «умирай за Дом Богородицы», а в силу своей искренней веры. Свой день он начинал и заканчивал уединенной молитвой, а во все тяжелые моменты своей жизни его скорбящий дух неизменно взывал о помощи ко Всевышнему. И его последние слова: «Долго я гонялся за славой — все мечта. Покой души — у Престола Всевышнего», — так полно и умирительно вырисовывают христианский облик Суворова. Национализм, т.е. та русскость, которая давала Суворову столь глубоко чувствовать идею отечества и душу русского народа, несомненно, лишь способствовал одухотворению его религиозности.

Эти два фактора — вера и патриотизм, всегда сопутствующие друг другу, — и помогли Суворову сформировать высокий моральный облик солдата — «Воина Христова». В крупном и в мелочах, на войне и дома, на биваках с солдатами и в сношениях с монархами, всегда и везде в Суворове прежде всего проявляется христианин. Уже чувствуя приближение конца, он говорил: «Трепещу, но люблю ближнего, в жизнь мою никого не сделал я несчастным, не подписал ни одного смертного приговора, не раздавил моей рукой ни одного насекомого: бывал мал, бывал велик». Не словами, а поступками, делами всей своей жизни доказывал Суворов, какую абсолютную ценность представлял для него «человек». И это в ту эпоху, когда во всех европейских армиях царила палка, когда в прусских войсках короля-философа любой офицер, сержант или капрал мог забивать насмерть любого солдата...

Силою своей воли он развивал до крайних пределов веру в себя, веру в то, что он может все преодолеть. И подводя уже свои жизненные итоги, уже больным и старым человеком, он в Швейцарском походе показал, что умел преодолевать и силы природы. Постоянной, упорной, ежечасной практикой Суворов настолько развил свои волевые центры, что они являлись неискоряемым источником его волевой энергии. Эти центры уподоблялись каким-то мощным аккумуляторам, всегда готовым к безотказному действию и вырабатывающим волны исключительной силы. Такие силы, сконцентрированные в одном фокусе — в стремлении к победе, — передавались массам в такой степени, которой не знает мировая военная история.

Необходимо особенно подчеркнуть, что столь развитая воля Суворова не была свойством прирожденным, но явилась следствием постоянной самоработы, постоянных упражнений и, таким образом, была результатом воспитательного воздействия.

Суворов был одним из образованнейших людей своего времени, блестящим представителем екатерининской культуры. Если еще ребенком он читал о подвигах Александра Македонского, Ганнибала, Юлия Цезаря, увлекаясь тогда лишь внешней, героической стороной их деяний, то в сознательном возрасте он уже изучал эти подвиги, изучал вдумчиво, самостоятельно постигая тайну их побед и одновременно усваивая природу войны и боя. Военная история ближайшего к нему времени была им усвоена не менее старательно по сочинениям Тюренниа, Конде, Вобана, Евгения Савойского, Фридриха II и др. Наряду с Плутархом, Непотом, Титом Ливием, Полибием, комментариями Цезаря, Суворов знал хорошо идеи и современных ему энциклопедистов. Он

интересуется богословием, считая эту науку необходимой для военного (как это характеризует Суворова!), философией, психологией, естественными науками, историей, географией.

Повсюду в походах он выписывает европейские журналы и газеты. И это в XVIII столетии! Книжки выписывает со всех концов Европы. Читает их жадно. Знает языки: французский, немецкий, латинский, итальянский, польский, турецкий, финский. Его военные и общие познания огромны, ибо его пытливый ум интересуется решительно всем. Уже 70-летним стариком, больным, нравственно угнетенным постигшей опалой, он в своем Кончанском целыми днями просиживал над книгами. Когда к нему дошли вести об итальянских победах Бонапарта, он тщательно изучает действия французов и своей гениальной интуицией предсказывает Бонапарту славу Цезаря.

Как и Петр Великий, Суворов учился всю свою жизнь. Он знал, какое сложное явление война. К бою он приступал как к таинству, с высшим напряжением и просветлением всех своих духовных сил. Ибо бой действительно — таинство, направляющее жизнь и смерть...

Не меньшую волю, не меньшее напряжение, чем проявленные в деле накопления знаний, проявил Суворов и в вопросах закала своего тела, от рождения слабого и хилого. И в этом направлении он достиг изумительных результатов. К нему воистину применимы слова Тита Ливия, сказанные последним о Ганнибале: «Никакие труды не могли одолеть телесных сил его и твердости духа. Он одинаково переносил и холод, и зной. Необыкновенно умеренный и воздержанный в пище и питье, он ел и пил в такой лишь мере, которую требовала строгая необходимость. Он трудился и отдыхал и днем и ночью, без различия, посвящая сну только свободное от занятий время и не ища для сна ни тишины, ни спокойного ложа. Нередко войска видели его спавшим на голой земле, в плаще простого воина».

Таким образом, в Суворове-человеке мы видим величайший, титанический дух, заключенный в совершенно покорное ему, закаленное тело. Поэтому понятно, что, проверив и испытав на собственном опыте благотворное воздействие самовоспитания, Суворов в основу своего управления войсками положил свою легендарную воспитательную систему.

Задачи воспитания сводятся к тому, чтобы сознательные проявления обратить в привычную бессознательность, сохраняя в то же время и индивидуальность. Ныне это — общеизвестная истина. Однако в эпоху Суворова такая истина приводила к решительной переоценке ряда господствовавших тогда

идей. Эта переоценка коснулась и понятия «воин». Если до Суворова и в западноевропейской практике «человек» совершенно принижался «воином», то вся система суворовского воспитания стремилась к тому, чтобы «духовный человек формировал в себе «духовного воина».

Столь гармоничное сочетание человека и воина является величайшим достижением суворовского духа.

Познавая инстинктом и разумом, какими необъятными возможностями наделена природа русского человека, учитывая тот идеализм, какой вообще свойствен русской душе, Суворов стремился развить в своих подчиненных полезные черты их природы и заглушить все то, что принижает человека и воина. Понимая, как неохоч наш простолудин к пространным объяснениям и как его бойкий, сообразительный в практических вопросах ум утомляется длительными рассуждениями, Суворов выработал тот лаконизм речи, который позволял ему вкладывать глубокие отвлеченные понятия в формулы, понятные всякому. Бог, отечество, монархия являются основными тезисами, цель которых создать возвышенное мировоззрение человека для того, чтобы из такого человека создать затем уже благородного воина.

Вся воспитательная система Суворова пронизана заветами христианства, причем христианство принимается в его православном понятии. Воин-христианин — вот идеал Суворова.

«Молись Богу. Он твой генерал!.. Будь благочестив, справедлив!.. Обывателя не обижай, он нас поит и кормит... С бабами не воевать, малолеток не трогать!.. Неприятель сдался — пощада!..»

Понимая, сколь силен инстинкт самосохранения, понимая, что для истинного воина прежде всего необходимо победить в себе страх смерти, Суворов постоянно напоминал о смерти. И говорил об этой величайшей тайне с той простотой и покорностью, какие так свойственны русскому человеку: «Умрешь — церковь Бога молит!..»

Классическое образование, полученное Суворовым, несомненно, оказало серьезное воздействие на формирование его военного мировоззрения. Военное искусство древних веков выявляло во всей полноте преобладание духовного начала, значение личности полководца и индивидуальную ценность бойца. Изучение классических образцов, философский склад ума самого Суворова, в связи с его гениальной интуицией, предопределили основную сущность суворовской военной доктрины — главным орудием войны и боя является человек с его духовной природой.

В основу суждения о военном искусстве Суворова обычно кладется его «Наука побеждать» — символ военной веры гениального полководца. Это поучение, которое по глубине мысли и образности языка не имеет равного в мировой военной литературе. В этом поучении прежде всего привлекает заглавие «Наука побеждать». Удержание такого заглавия в редакции, составленной уже после 1790 года, т.е. когда Суворову было более 60 лет, когда он обладал огромным опытом многочисленных и разнообразных по характеру войн, когда по своему мировоззрению он был уже вполне зрелым, углубленным военным философом, — чрезвычайно знаменательно, ибо показывает, какую роль отводил Суворов знаниям среди остальных элементов военного искусства. Соединяя в одно целое два понятия — «наука» и «победа», — Суворов тем самым разъяснял внутренний процесс своего творчества.

Во второй половине XVIII века наука вообще, а военная в частности, отнюдь не являлась достоянием широких кругов, а само слово «наука» отнюдь не имело широкого распространения. Военными трактатами и классиков, и современников интересовались лишь наиболее пытливые умы. И в то время, когда в быту европейских армий довольствовались лишь механической муштрой и требовали от командного состава только сравнительно небольшого перечня шаблонных знаний, Суворов возглашает обязательность науки как одного из главных факторов победы.

Всю жизнь усердно, жадно учившийся, еще в 1770 году писавший, что «генералу необходимо непрерывное образование себя науками», Суворов столь же неутомимо учил и других. В период командования полком он всегда заканчивал каждое учение разбором. И тут лаконизм речи, с которым связано распространенное представление о Суворове, уступал место пространности изложения. Такая пространность вызывалась желанием не только «приказать» заучить те или иные правила, но и «доказать» их истинность.

Величайший психолог и тончайший художник войны, Суворов свою систему воспитания и обучения проводил не сверху вниз, когда на долю «низов» выпадает лишь обычно обязанность слепого исполнения, а наоборот — снизу. Он прежде всего учил солдат, притом не как «толпу», а как отдельных бойцов. Им он неустанно повторял: «И крестьянин не умеет сохой владеть, хлеб не родится. За ученого трех неученых дают. Нам мало трех. Давай нам шесть, давай десять!..» И дальше, в виде примера, пояснял: «Последнюю кампанию неприятель потерял

счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение!»

Великий сердцевед, Суворов понимал, что индивидуальное обучение солдат, т.е. «снизу», окажет добротворное воздействие и на командный состав, ибо чтобы научить подчиненного, начальник должен быть сам подготовленным. В результате у Суворова «господа офицеры, какой восторг!..» Величие суворовской доктрины определяется ее изумительной продуманностью, ее внутренней цельностью, так полно, так жизненно отражающей всю многогранность человеческого духа и согласованностью с природой войны.

Основные законы военного искусства неизменны. Однако их практическое применение разнообразно по вариациям и зависит как от характера исполнителей, так и от совокупности обстановки. Поэтому в суворовской доктрине из требования знаний логически вытекает требование инициативы — необходимости «решаться», т.е. при всяких условиях уметь применить всю силу полезных знаний.

Индивидуальные познания и индивидуальная воля проявят полностью свою благотворность, если отдельные усилия будут направлены к осуществлению общей цели. Поэтому в полном соответствии с природой человека и с природой войны, доктрина требует, чтобы «каждый воин понимал свой маневр».

Польская война 1770—1773 годов была той школой, которая окончательно установила военное мышление Суворова и выработала его гениальную формулу «глазомер, быстрота, натиск». Там, в Польше, все члены этой формулы были применены и проверены в большом масштабе. В дальнейшем формула эта, оставаясь неизменной, лишь эволюционирует в сторону своего большего духовного углубления.

Туртукай и Козлуджи в первую турецкую войну, а затем Кинбурн, Фокшаны, Рымник и, как высочайший взлет уже зрелого гения, Измаил — дают неизменное торжество вышеприведенной формулы. Изучая суворовские операции, начиная с действий в Польше и до Швейцарского похода включительно, нигде нельзя найти следов хотя бы и талантливой, оперативной импровизации. Все его действия поражают законченностью и удивительной осмысленностью творческих замыслов, а в каждой операции наглядно проявляются ее основные этапы: подготовка, выполнение и использование. Три кита военного искусства...

Практическое осуществление каждого периода основывается на проникновенном познании глубин человеческого духа, его возможных взлетов и возможных падений. Ибо какую бы

оперативную задачу ни решал Суворов, он неизменно помнил, что главным орудием войны и боя является «человек». Поэтому суворовская подготовка всегда сводилась к тому, чтобы исполнители заранее знали, каких усилий и каких сноровок потребует от них предстоящий бой. Штурму Измаила и Праги, предприятиям классическим по исполнению, предшествует детальная подготовка, сводившаяся к тому, чтобы все, что придется делать «завтра», было усвоено «сегодня». В результате подобной системы всякий, от главнокомандующего до рядового, «был надежен на себя».

Не менее подготовки поражает и суворовское умение использовать успех. В этой области полководец соперничал с выдающимся дипломатом и психологом, ибо преследование врага он ведет не только военными средствами, не только способами, понижающими психику побежденного, но и мерами возвышенного психологического воздействия. Преследует величием своего духа. Так, в первую польскую войну своему наиболее энергичному и способному противнику генералу Пулавскому он дарит табакерку в знак своего уважения его храбрости. В войну 1794 года, в той же Польше, нанося польским войскам жестокие удары, всячески щадит после боя их патриотические чувства.

После освобождения Северной Италии Суворов обратился к австрийцам со словами: «Господа, будьте уверены, что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия австрийцев, ни Суворов не восстановят порядка и не одержат тех побед, которые бы привели к желаемым результатам. Этого в состоянии лишь достичь политика справедливая, бескорыстная, прямодушная и честная. Только таким путем можно всего добиться...»

Великодушие к побежденному, то есть христианизация человеческих взаимоотношений как свойство характера Суворова, заслуживает повышенного внимания, ибо это свойство не является только личной добродетелью самого Суворова. Такая черта была характерной и для Петра Великого, как впоследствии и для Скобелева или Юденича. Несомненно, что столь совершенный национальный гений, как Суворов, гений, вместивший все лучшие качества русского характера, обладал этим свойством потому, что оно является чертой, присущей русскому военному искусству.

Суворовские тактика и стратегия воплощают высшее и мудрейшее понимание духовных сторон человека. В этом их сила и бессмертие. Поэтому глубина тактического гения Суворова беспредельна. Во второй половине XVIII века, когда западная военная мысль догматизировала форму, суворовская тактика с

чрезвычайной легкостью меняет свои формы в зависимости от обстановки, выражая тем стремление дать духу наиболее целесообразную оболочку для данной войны или даже для данного боя. Безнадёжно линейным построениям турок Суворов противопоставляет свой подвижной, расчлененный боевой порядок и блестящими маневрами бьет малоподвижного противника. В Польше, при партизанских у поляков действиях, русские войска широко пользуются рассыпным строем и огневой подготовкой. В Итальянском походе, имея дело с французскими войсками, уже усвоившими приемы новой (глубокой) тактики, Суворов требует от своих чудо-богатырей применения новых приемов.

История деятельности Суворова — это, по преимуществу, перечень блестящих тактических идей и фактов. Таким утверждением отнюдь не принижается его роль как стратега. В стратегии он так же велик, как и во всем. Но, конечно, не его вина, что в течение 50-летней службы ему большей частью приходилось бывать лишь исполнителем определенно поставленных задач. Только в Польше в 1794 году, в Итальянском и Швейцарском походах 1799 года Суворов получает самостоятельность и во всем величии проявляет свой стратегический гений.

В основу своей стратегической деятельности он кладет изучение обстановки, величайшую активность, смелый маневр и бой. Эти факторы — неизменные основы суворовской стратегии, а их неизменные последствия — победы.

Осторожности и нерешительности Репнина в Польше и гофкригсрата в Италии Суворов противопоставляет блестящие по замыслу и исполнению маневры и искание боя. Боем и только боем исправляет он часто безнадёжное стратегическое положение, доказывая тем, что лучшим обеспечением всякого плана является стремительный удар. В итоге, Прага—Варшава, Треббия, сказочный Швейцарский поход с его Сен-Готардом, Чертовым мостом, Альтдорфом, Муттенской долиной. В последующей русской военной истории среди всех русских полководцев только Юденич наиболее приблизился к Суворову и в деяниях Сарыкамыш и Эрзерума явил блеск суворовского гения.

И, конечно, не случайно Массена, один из лучших маршалов Наполеона, говорил, что всю славу своих побед он готов отдать за один Швейцарский поход Суворова...

Угадывая всю сложность русской души, замечая сочетание в ней порывов анархии и святости, видя способность воспринять бунт Пугачева и создать величественную легенду Швейцарского похода, Суворов постиг необходимость морального воспитания.

Приняв за основу своей военной доктрины не только «человека», но «русского человека», он уже одним этим фактом придал доктрине глубоко национальный характер.

В век муштры и крепкой веры в воздействие палки, когда во всех европейских армиях культивировалось только слепое исполнение, а западноармейским идеалом почитался бездушный массовый автоматизм, суворовская мысль об индивидуальном воспитании была решением столь необычным. Индивидуализм, проникнутый христианско-национальными чувствованиями, и создал непревзойденные образцы суворовского военного искусства. Те возвышенные «идеалы, какие использовал Суворов, — Бог, Отечество (монархия), человек — обуславливают немеркнущую жизненность его учения, ибо оно пронизано проникновенным пониманием природы русского человека, а следовательно, и русского боя».

Уже в 1762 году, на второй месяц по вступлении на престол Екатерины II, из участников Семилетней войны была создана комиссия под председательством фельдмаршала Салтыкова, имевшая назначением обсудить состояние армии во всех отношениях и наметить необходимые реформы. Давая руководящие данные для работ комиссии, Императрица вновь подчеркивает свое неперемное желание, чтобы будущие реформы согласовались с заветами Петра Великого и не колебали «старого основания». Комиссия Салтыкова с большой вдумчивостью отнеслась к своим обязанностям и свои практические заключения стремилась обосновать верными военными принципами. Особенно внимание заслуживает то основное положение, какое было принято как руководящее. Комиссия признала желательным иметь «малую армию, но исправную, чем многочисленную на бумаге, но которая многим недостаточна». Такое решение подтверждалось теми соображениями, что «сила войска состоит не во многом числе оно, но от содержания его в дисциплине, от хорошего научения и верности. Из рассмотрения деятельности Суворова ясно видно, что эти пожелания комиссии не только были восприняты екатерининской армией, но прочно вошли в ее жизнь и быт, сформировав тип «чудо-богатыря» Измаила, Праги, Чертова моста. Суворов не был одиноким в своих взглядах на моральные качества армии. Румянцев требовал от подчиненных начальников, чтобы они внушали солдатам «добропорядочную жизнь, вежливое обхождение и чистоту». А Потемкин возвещал, что «солдат есть название честное, коим и первые чины именуются».

«Полковничьи инструкции», изданные в 1764 и 1766 годах,

не менее категорически подчеркивают, что «солдат именем и чином от всех прежних его званий преимуществоует». И эти же инструкции требуют не только обучения «Воинскому артикулу, уставам и приказам», но и воспитания солдата, «изъясняя должность службы и требуемую от солдата неустрашимую храбрость», чтобы «никакие страхи и трудности храбрость и верность российских солдат никогда поколебать не могли». Румянцев являлся убежденным и настойчивым проводником в армии гуманных начал. Достоинно внимания, что он вполне самостоятельно требует в подчиненных ему войсках применения таких моральных взглядов, какие в то время и не снились европейским армиям.

Комиссия Салтыкова работала, в особенности первые годы, весьма усердно, и ее постановления действительно вернули русскую армию на пути, указанные Петром Великим. В областях организационных екатерининская армия далеко опередила западную военную практику. Чтобы судить о качественности военных идей того времени, достаточно указать, что они на сто лет опередили европейскую военную мысль. И многое в областях организационных, что было усвоено германской армией после войны 1914–1918 годов и что приписывалось как новшество ее организатору, генералу фон Зеекту, было уже осуществлено у нас во второй половине XVIII века. Подобный факт доказывает, каким провидением обладала русская военная мысль и какие творческие импульсы она являла.

Что касается тактических реформ, то, с точки зрения европейских понятий той эпохи, они были, несомненно, «ересями». Ибо разве не ересью можно было считать совершенствование стрелкового боя (развитие егерских частей) или широкое развитие конницы драгунского типа?..

В противоположность распространенному на Западе учению — «бой есть средство скудоумных генералов» — русская армия не только не избегает боя, но неукоснительно ищет его как единственного верного средства для сокрушения живой силы противника. Одним из наиболее убежденных представителей наступательной доктрины был Румянцев, считавший, что «наступающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх соразмерно сделанному на него стремлению».

В настоящем кратком обзоре состояния русского военного искусства в эпоху Императрицы Екатерины Великой, конечно, невозможно более или менее использовать то обилие фактов, которое дает нам история. Как общий вывод необходимо сно-

ва отметить, что как ни были велики и даже грандиозны в своих областях Румянцев и Потемкин, сколь ни талантливы в сфере военных идей П. Панин, Н. Салтыков, С. Воронцов, а как «практики» Чернышев, Вейсман, Кречетников, Каменский, Завадовский, Кутузов, Багратион, Дерфельден, Милорадович и другие, никто из них так полно, всесторонне и ярко не характеризует состояние тогдашнего русского военного искусства, как Суворов.

Своей системой воспитания Суворов стремился заглушить все темное, что свойственно народной душе, и, наоборот, развить и укрепить в ней ее возвышенные качества. Теперь, когда мы пережили российскую революцию, когда мы были свидетелями молниеносного развала фронта и обладаем, таким образом, весьма обширным и разносторонним опытом, мы познали, что в своей основе русский человек индивидуалист, мечтатель, а часто и буйный фантазер. В зависимости от своих импульсов он может проявить и длительную святость и длительное злодейство. Ни один народ в мире не склонен к столь резким противоречиям духа, как русский. Его индивидуализм, лишенный воздействия моральной дисциплины, твердой и неослабной, часто порождает сильнейшие и вреднейшие «центробежные стремления». Его мечтательность, с примесью мистических настроений и при отсутствии самодисциплины, неизбежно приводит к крайностям «веры».

Силою своего гения Суворов восчувствовал, что в русской народной душе живут в вечной борьбе два идеала — святость и анархия, мечты созидания и разрушения, Бог и дьявол. Он постиг всю важность и необходимость воспитания в русской жизни, но таковую необходимость сознавали и Румянцев, и Потемкин, и многие иные чуткие и просвещенные умы. Бессмертие Суворова в том, что не отвлеченные, пусть и возвышенные принципы, а евангельское учение в его немудрствующем понимании, какое так свойственно русской народной душе, берется им, как мощное воздействие, для воспитания человека-воина.

Суворовский чудо-богатырь не был, конечно, совершенным христианином, да Суворов и не мечтал превратить армию в монастырь, по примеру Кромвеля. Идейная и практическая ценность суворовской военно-воспитательной системы в том, что она облагораживает человека, принимая «человека» как абсолютную христианскую ценность. Подобная христианизация человека-воина и вызывала то торжество, величие духа, какие так характеризуют суворовское военное искусство.

Вера Суворова пронизывает его доктрину и придает тем ей ярко национальный характер, придает ей ту особенность, какую

не имеют другие народы. И не случайно, что эта доктрина, в своей главнейшей — воспитательной части, не увлекает западную мысль, что вполне объяснимо, ибо его учение понятно только православному мировоззрению.

Если вообще гений часто бывает интернационален (Наполеон, Шекспир), то Суворова, конечно, могла создать только «Святая Русь».

Эпоха Суворова эпизодически распространилась и на царствование Императора Павла I. Однако совокупность общих условий того времени уже не могла питать своими живительными соками армию. Русская армия духовно замирает, доказывая тем, в какой тесной, органической связи она находится с нацией. И только когда часть армии была выведена из удушающей ее обстановки, а в условиях Итальянского и Швейцарского походов она снова была предоставлена влияниям Суворова и суворовской воспитательной системы, русское военное искусство опять явило всю глубину своего содержания и все величие своего подвига.

В дальнейшем, на протяжении XIX столетия, идеи Суворова прочно забываются, ибо рационалистическому направлению русской умственной культуры уже чужды, а часто и враждебны те духовные ценности, какими воодушевлялась военная доктрина Суворова. И если в качестве заключения об эпохе Суворова мы припомним, что при штурме Измаила русские войска выдержали 60% потерь, цифру нигде и никем не превзойденную, то таковая моральная упругость убедительнее пространых рассуждений свидетельствует о величии русского духа, поднятого на столь огромную высоту гением Суворова.

Эта эпоха весьма наглядно свидетельствует, что в военном деле первенствующее значение имеет нравственный элемент, проявляемый в том высшем его состоянии, когда общее руководящее направление дает возможность развивать и использовать умственные и моральные способности каждого. В связи с этим эпоха Екатерины больше чем какая-либо другая доказывает, что наиболее производительное использование принципов военного искусства в какой бы то ни было обстановке прежде всего зависит от людей, а еще больше от человека.

* * *

Русское военное искусство, в его современном понимании, развилось и достигло предельного величия в течение XVIII столетия. В этот век российская армия создала такие величественные идеи, равные которым мы находим лишь в лучших образцах классического мира и в творчестве Наполеона. При

перечне таковых идей на первое место необходимо выдвинуть два главнейших достижения русского военного искусства XVIII века: создание Петром Великим регулярной армии, а Суворовым — его военно-воспитательной системы.

В то время когда западноевропейская военная мысль оставалась равнодушной к вопросу национализации армии, когда в прусских войсках насчитывалось до 2/3 иностранцев, а во Франции, ко времени революции, продолжали существовать иностранные части, достигавшие 1/6 общей численности французской армии, Петр создает национальные вооруженные силы. Поэтому, когда прусский наемник оставался равнодушным к идеалам прусской государственности и служил ей только за страх или ради выгоды, русская армия, порожденная нацией, являлась полным духовным отражением своего народа. В результате, на всем протяжении XVIII века наша армия была сознательной участницей в решении Россией ее очередных исторических задач — выхода к морям. Исключением было лишь кратковременное царствование Петра III. Примечательно, что даже в эпоху императрицы Анны Иоанновны, т.е. в эпоху немецкого засилья, русская армия, руководимая фельдмаршалом Минихом, продолжает хранить свой национальный облик.

И если гений Петра постиг всю важность национального начала для армии как военного коллектива, то гений Суворова осознал необходимость индивидуализации этого начала. Таким образом на протяжении XVIII века была начата и завершена эволюция моральной мощи русской армии, что и определило пути русского военного искусства.

Вообще говоря, военное искусство и его главнейший элемент — армию невозможно рассматривать как нечто подчиненное только своим особым, внутренним законам, как бы ни были эти законы значительны и самодовлеющи. Военное искусство во все времена и у всех народов органически связано с государственно-социальными особенностями данной страны и точно отражает национальный характер народа, его идеалы, культуру. Ни одно искусство не реагирует так остро на колебания народного духа и не воспринимает так чутко моральное направление культуры данной эпохи, как военное искусство. Примеры Египта, Персии, Греции и Рима служат тому убедительным подтверждением.

Гениальный ум Петра Великого создал армию ярко национального типа. Столь благоприятная среда, в связи с воздействием тех националистических чувствований, какие характерны для царствований Петра I, Елизаветы и Екатерины II, и придала русскому военному искусству его моральное величие.

В век увлечения муштрой, когда «идеальная армия» представлялась западной военной мысли в виде бездушного механизма, когда в войне видели только исполнителя-автомата, когда главными средствами воспитания были палка и виселица, Петр Великий и Суворов выдвинули на первое место «одухотворенного человека». Петр требует, чтобы офицеры солдатам были, «яко отцы детям». Для европейского военного мировоззрения такая формула была явно еретической... Став на петровский путь, Суворов развил до предела этот завет Царя и в основу своей военно-воспитательной системы кладет уже принцип индивидуализации. И в то время когда западный солдат-автомат понуждался к выполнению своего воинского долга исключительно устрашающими мерами, русское военное искусство XVIII века, имея дело с «человеком», воодушевляет своего воина высшими идеалами русского духа — Бог, Отечество, Царь, семья, слава. В силу этого русское военное искусство, в своей прикладной части, получает такую свободу замысла и действий, о каких не могла и мечтать тогдашняя европейская школа, имевшая дело с моралью вербовочной системы.

Система комплектования русской армии, несмотря на формальные изменения, продолжала сохранять на всем протяжении XVIII столетия основной петровский принцип — всеословность. В результате и русское военное искусство в полной мере отражает моральный лик нации и становится, таким образом, ярко национальным.

Русское военное искусство того века крепко усвоило сознание, что главнейшим элементом войны был и будет «человек». Приведенные раньше примеры убедительно свидетельствуют, с какой вдумчивостью стремился русский военный гений познать и использовать все психические свойства человека, причем именно русского человека. Подобный подход Петра Великого, Суворова и их достойных единомышленников значительно отличает русское военное искусство от искусства Фридриха II и даже Наполеона. В то время как Фридрих Великий, разделяя учение сенсуалистов, тем самым признавал в человеческих побуждениях только эгоистические поступки, а Наполеон видел в солдате лишь воина, наше военное творчество в эпохи своего развития всегда воспринимало в гармоническом сочетании два понятия — «человека» и «воина».

Приведенное заключение и утверждало существенное отличие русской военной философии XVIII века от философии западных школ. Имея дело с русским человеком, имея задачей создать русского воина, и Петр и Суворов в основу своей воспитательной системы кладут религиозное начало.

«Дух укрепляет в вере отеческой, православной», безверное «войско учить — что перегорелое железо точить», — завещает Суворов и этот свой принцип применяет неизменно на протяжении всей своей деятельности. «Воин Христов» — вот его идеал, вот идеал русского воина.

Разность моральных основ военного искусства у различных народов выявляется чрезвычайно ярко в той психологической подготовке, непосредственно предшествовавшей бою, какую всегда вели все одаренные полководцы. Эта разность заслуживает полного внимания и весьма серьезного изучения. Силою своей интуиции полководцы понимали, что в такие моменты необходимо затрагивать самые чувствительные стороны человеческой души и именно те, какие в полной мере созвучны духовным идеалам данного народа.

Поэтому, если перед сражением Наполеон напоминает своим войскам о «сорока веках» или о «солнце Аустерлица», а Нельсон взывает «пусть каждый исполнит свой долг», то Петр Великий и Суворов говорят в такие минуты о Боге и Родине: «Имейте в сражении перед собою правду и Бога, защитника вашего»; «Умирай за дом Богородицы»; «Чудо-богатыри, Бог нас водит. Он нам генерал»; «Кого из нас убьют — Царство Небесное».

И Петр Великий, и Суворов, как и ряд иных просвещенных военных деятелей XVIII столетия, прекрасно понимали национальные свойства своего народа и знали, что если основные принципы военного искусства вечны, то их применение следует соотносить с особенностями народного характера, быта, традиций.

Так, например, в силу различных исторических воздействий, среди которых, несомненно, прежде всего надо отметить татарское иго и крепостную зависимость, русскому характеру свойственна пассивность. В то же время наше неумение сговориться, страсть считаться только со своими взглядами, только со своими личными убеждениями, т.е. резко выраженная анархичность русского мышления, порождены, вероятно, психологией удельного периода. Учитывая эти отрицательные народные свойства, Суворов парализует пассивность неизменным порывом — ничего, кроме наступательного: «Может начальник спросить отступных плутонгов... Лучше о них и не помышлять: влияние их солдату весьма опасно».

Разной мышления и поступков, в связи со склонностью к распушенности духа и тела, уничтожается дисциплиной и именно такой, какая наиболее благотворна русской натуре: «В случае оплошности взыскивать и без наказания не оставлять, понеже ничто так людей к злу не приводит, как слабая команда».

Инициатива, как умение создавать обстановку, тоже не принадлежит к числу национальных добродетелей. Русский народ силен не инициативой, а той сметкой, которая помогает ему практически мудро использовать сложившуюся обстановку. И Петр Великий, и Суворов, учитывая все значение инициативы, всячески стремились привить эту добродетель русскому характеру. Поэтому господствовавшему на западе принципу «не рассуждай», русское военное искусство противопоставляло «поступай с разумением» и «каждый солдат должен понимать свой маневр».

Русский национальный характер Московского периода сформировывался в условиях отгороженности от остального мира. Сознание же растущей мощи российского государства создало и своеобразную нашу особенность: неизменное первоначальное презрение к противнику — шапками, де, закидаем.

Такие сердцеvedы, как Петр и Суворов, понимали пагубность подобного самообольщения, понимали, что самообольщение всегда замедляет прогресс военного дела. Поэтому Петр «за учителей своих заздравный кубок поднимает», а Суворов завещает: «Не презирай никогда неприятеля своего, каков бы он ни был; старайся узнать его оружие и способ, как оным действует и сражается; исследуй силы и слабость его».

В дальнейшем мы надежно забыли это поучение, и в итоге Аустерлиц, Крымская война, Плевна, поражения в Маньчжурии, неудачи Великой и Гражданской войн.

В полном соответствии с национальными особенностями русского характера, развивая при этом добродетели и заглушая воспитанием пороки начала, развивается и русское оперативное творчество в XVIII веке, проникнутое в деяниях не только Петра Великого и Суворова, но и всех других талантливых полководцев того времени чутким пониманием природы русского человека, русской войны и русского боя. После классической эпохи (Греция и Рим) русское военное искусство впервые в мировой истории выдвигает принцип национальности военного искусства. Принцип величайшей идейной и практической важности.

В общем, русская армия XVIII столетия была исторически связанной с прошлым: национальной по духу, клавишей в основу своего воспитания идеалы христианской морали, с твердо усвоенным военным мировоззрением, созданным мудрым пониманием природы войны и боя, с сильно выраженным правовым укладом и с техникой, стоявшей на уровне века.

Если теперь, после сделанных уже выводов, мы постараемся сузить круг основных идей, положенных в основу развития русского военного искусства XVIII века, выключим производные и

сосредоточим внимание на главнейшем, то придем к выводу, что русское военное творчество в эпоху своего величайшего расцвета вдохновлялось русско-православной культурой.

Эта самобытная культура создавала представление об отвлеченной и практической ценности духовных начал и формировала мировоззрение, примирявшее воинов с возможностью смерти. Поэтому и характерными чертами подлинного военного искусства являлось преобладание духа над материей, что в свою очередь оберегало это искусство того времени от рационалистического восприятия природы человека, войны и боя.

Если для сравнения мы углубимся в сущность военного искусства таких великих мастеров, как Фридрих II и Наполеон, то в особенностях их творчества без труда можно обнаружить тоже ярко выраженную индивидуальность их культуры — скептическую философию Фридриха и вселенность Наполеона.

Солдат Фридриха Великого не был прусским солдатом. Он был в массе моральным «бродягой-наемником», т.е. человеком, лишенным чувствования отечества, лишь одетым в прусский мундир и считавшимся собственностью короля. Поэтому в искусстве Фридриха так естественно было развитие линейной системы, ибо, презирая «человека», он мог действовать только механически сплоченными массами.

«Вселенность» Наполеона определяется характером его искусства. В противоположность Суворову, Наполеон понятен любому народу. И примечательно, что его военное искусство как доктрина и как практическая школа было наименее усвоено именно французской армией...

Заканчивая общее заключение о русском военном искусстве XVIII века, необходимо оговорить, что предлагаемое исследование отнюдь не стремится идеализировать моральный облик русского воина той эпохи. Оно далеко от тенденции придать этому воину черты рыцарей первых крестовых походов или «железнобоких» Кромвеля. Такая идеализация не соответствовала бы исторической правде, ибо не соответствует и русскому национальному характеру.

Моральная ценность суворовского «Воина Христова» в том, что он служит показателем, какими духовными идеалами вдохновлялось русское военное искусство в XVIII веке и какие отвлеченные идеи и практические приемы завещаны этим высоким искусством последующим поколениями, следовательно, и нам...

А. Баиов

СУВОРОВ И БУДУЩАЯ ВОЙНА

Тениальные творческие способности Суворова, выявленные им в военном деле вообще, были приложены им преимущественно в двух областях: образовательно-воспитательной, с точки зрения подготовки одиночного бойца и целых войсковых частей для войны вообще и, в частности, для главного ее акта — боя, и полководческой в тесном смысле этого слова, т.е. в использовании

всех средств ведения войны, в особенности живой силы армии, в целях достижения победы над противником в кратчайшее время, с наименьшими усилиями и с минимальными жертвами, иначе говоря, по выражению Великого Петра, «с легким трудом и малой кровью».

Образовательно-воспитательная деятельность Суворова привела его к созданию такой военно-педагогической системы, которая на практике давала совершенные результаты в достижении тех целей, ради которых она устанавливалась.

Чем же достигались такие результаты? Другими словами, чем была сильна эта система, на чем она основывалась?

Прежде всего нужно сказать, что Суворов не отделял образование от воспитания. Он обучал, воспитывая, и в то же время воспитывал, обучая.

Однако основным стержнем его системы являлось воспитание, и уже вокруг этого стержня, тесно сплетаясь с ним, обвивались те или иные части солдатской и офицерской науки вести победоносную войну, науки побеждать.

Своей образовательно-воспитательной системой Суворов не

только примирил часто и в настоящее время противопоставляемые друг другу эти две отрасли педагогики, но и указал их соотношение между собою и ту роль, которую они могут и должны играть в своем стремлении к одной и той же цели.

Какие же основания, какие начала были положены Суворовым в построение того стержня воспитания, которое являлось опорой его педагогической системы?

Таким основанием прежде всего являлась основная цель воспитания. Целью этой было *воспитать воина сильного духом* в самом широком смысле этого слова. Сильного духом не только в ограниченном смысле способности в тяжелые минуты жизни и деятельности проявить твердость характера, с обывательской точки зрения, но в обширном смысле — проявить совокупность тех свойств и качеств, которые составляют нравственный элемент воина и войск и которые требуют как от отдельного человека, так и от коллектива людей не только безропотно подчиняться всем требованиям войны, каковы бы они ни были, с неистощимым терпением физическим и моральным переносить все материальные и духовные испытания на войне, сохраняя всю мощь человеческого интеллекта и духа, но и способность в полной мере отрешиться от себя до жертвы своей жизни ради определенной идеи.

Это, конечно, может быть только тогда, когда человек будет ощущать эту идею как нечто бесконечно ценное, как нечто органически связанное с его духовной природой, когда подобная идея будет отвечать естественной душевной потребности человека вообще и его национальному сознанию и национальным ощущениям в частности.

Заслуга Суворова в этой области и заключается прежде всего в том, что он осознал необходимость в деле воспитания такой идеи и затем сумел найти, указать и внедрить такую идею.

Нет надобности повторять и подробно останавливаться на том, что такой идеей у Суворова являлась совокупность следующих понятий: вера на основах православия, что отвечало религиозности русского народа; монарх как олицетворение единства Отечества и управления им по милости и благословию Божьему, и родина как нечто от идеи материнства, и любовь к ней как чувства сыновности.

Так или иначе, но именно эта идея, проникновенно избранная Суворовым, была основанием его педагогической системы и с успехом послужила для его цели: воспитать воина и войска сильных духом, поднять их нравственный элемент на недостижимую высоту, создать тех суворовских чудо-богаты-

рей, для которых не было ничего невозможного ни на равнинах Польши и Италии, ни в долинах Вислы и Дуная, ни в степях юга России, ни в высях Швейцарии при борьбе с поляками, турками и французами.

Однако выбор правильной идеи, положенной в основу воспитания, хотя и является делом важным, но не составляет еще всего при необходимости практически развить сильный дух в изложенном выше понимании. Для этого нужно еще определенными и надлежащими приемами развить в войне те отдельные качества, совокупность которых составляет общее понятие «нравственного элемента», этого главного движущего начала на войне.

Смелость, решительность, храбрость, порыв вперед, стойкость, настойчивость, находчивость, терпеливость, способность проявить инициативу, пренебрежение опасностью и всякого рода тяготами, воля к борьбе и победе — таковы главнейшие из этих качеств. Эти качества в общем присущи природе человека, но могут с надлежащей силой развиться в нем или самостоятельно, при особо благоприятных обстоятельствах, или при воспитательном воздействии со стороны.

Суворов отлично понимал это и понимал также, что этим воздействием должно явиться постоянное упражнение их, подобно тому как развитие мускулов достигается также постоянными упражнениями по различным приемам. Суворов и упражнял их, создавая необходимую обстановку и применяя соответствующие методы и приемы.

Однако если определенные качества человека способствуют развитию нравственного элемента в войне, то наряду с этим имеются и такие свойства, которые в сильной степени мешают тому, чтобы нравственный элемент стоял на надлежащей высоте. Естественно, что эти свойства при воспитании воина должны быть подавляемы, и Суворов понимал, что это подавление духовных свойств может быть достигнуто таким же путем, как и физических свойств, т.е. они могут быть атрофированы отсутствием упражнения их, созданием такой обстановки, при которой они не могут проявляться. *Суворов так и поступал.*

В конечном результате все элементы воспитательной системы Суворова приводили к тому, что нравственная сторона в его войсках стояла на очень высокой ступени, что они были так сильны духом, как ни одна из других армий, и что в минуты тяжчайших физических и моральных испытаний на войне они выходили с честью. <...>

Суворов, как в теории, так и на практике, в боевых действиях был враг всякого шаблона, всякого трафарета; его кампании,

операции и отдельные бои по способу их ведения были так же разнообразны, как бывает разнообразна обстановка, которая, как известно, по выражению Наполеона, повелевает на войне.

Однако как ни разнообразны способы действий Суворова в различных боевых действиях, как ни отличаются по форме методы ведения их, во всех их видно одно общее руководящее начало и все они, несмотря на их многообразие, носят отпечаток однообразия с точки зрения подчинения определенным законам, определенным одним и тем же постоянным принципам. Это руководящее начало самим Суворовым в простой, немногословной, сжатой, но насыщенной содержанием формуле выражается так: «Единая наступательная тактика. Глазомер, быстрота и натиск».

Трудами многих лиц в течение многих лет были раскрыты скобки этой краткой формулы и разъяснено, что под ней скрывается, и прежде всего в этом отношении необходимо сказать, что под словом «тактика» Суворов подразумевал более широкое понятие, чем мы разумеем его теперь. Под тактикой Суворов понимал все вообще боевые действия, не подразделяя их на стратегические и тактические в современном нашем их толковании.

Таким образом, в основу всех своих действий Суворов ставил активность, наступательный их характер, причем, в частности, преимущественное значение придавал наступательному бою. Это, впрочем, не значит, что он вовсе не признавал оборонительного боя, что он вел наступление даже вопреки обстановке. Мы знаем и оборонительные бои Суворова. Однако он вел их для выигрыша времени, пока силою своего гения он не изменял обстановку так, что она начинала требовать боя наступательного, и, создав такую обстановку, Суворов затем сам подчинялся ей как единой повелительнице на войне и оканчивал бой, разгромив противника в порядке боя наступательного.

В понятии суворовского глазомера заключается требование тщательной и быстрой ориентировки, т.е. оценки обстановки и принятия соответственно этой оценке общего решения, постановки себе общей задачи; затем оценка всех средств, имеющихся в распоряжении начальника; правильное их распределение для решения тех частных задач, которые вытекают из поставленной себе общей цели, и указание подчиненным ему начальникам тех отдельных задач, при решении которых подчиненные должны руководствоваться идеей общей цели, наконец, передача частным начальникам соответствующих средств, другими словами — составление плана операции или боя.

Суворовская быстрота заключает в себе первичную и абсолютную идею внезапности как лучшего и могучего средства подготовки, лишаящего противника возможности своевременно подготовиться самому во всех смыслах и мешающего ему рационально в целях противодействия использовать все свои средства. Кроме того, внезапность действует разрушительно на духовную сторону человека, мгновенно поражая его ум и волю, приводит к нерациональным действиям и вселяет панику, возникновение которой в рядах противника позволяет не только бить его, но и сразу добивать.

Наконец, натиск — это, с духовной стороны, бесповоротная решимость довести дело без каких-либо колебаний до последнего конца, а с материальной стороны — сосредоточение возможно больших сил в направлении решающего удара и нанесение ими сокрушительного удара в решительную минуту, а затем возможно более энергичное преследование для того, чтобы окончательно добить побежденного врага, так как, по выражению Суворова, «недорубленный лес вновь вырастает».

Из этих основных требований Суворова вытекает ряд второстепенных требований, так сказать, требований второго порядка.

Сюда относится прежде всего относительная расценка средств борьбы, прежде всего человека и оружия, затем определение свойств родов войск и способы использования как того или иного оружия, так и того или иного рода войск, способы построения последних для боя и методы действия ими в различных случаях, — другими словами определение, как вести бой в каждом частном случае.

Придавая первенствующее значение на войне духовной стороне над материальной, Суворов, естественно, при определении относительной ценности человека и оружия отдавал предпочтение первому, т.е. человеку.

При относительной расценке свойств оружия Суворов, опираясь, во-первых, на преимущественное значение человека, а не оружия, и, во-вторых, на особенности огнестрельного оружия того времени, отдавал предпочтение холодному оружию, но не пренебрегал, однако, огнестрельным, желая использовать против врага все средства, которые у него имелись для этой цели.

При пользовании всеми родами войск Суворов считал необходимым возможно большую быстроту их действий, что от вечало идее наступления, идее внезапности в самом широком смысле, идее решительности вообще и, наконец, необходимости предохранить свои войска от действия огнестрельного оружия.

Для того чтобы достигнуть всего этого в связи с желанием по возможности использовать свое огнестрельное оружие, Суворов строил пехоту в расчлененном боевом порядке, применяя даже рассыпной строй, кавалерию же, вооруженную только холодным оружием и обладающую большой быстротой движения, — в компактные строи, однако такие, которые не стесняли бы быстроту движения и пользования ее оружием.

Что касается относительного расположения родов войск в совокупном боевом порядке, то Суворов из пехоты делал остов боевого расположения, артиллерия для возможно более продолжительного использования ее свойств «скакала, куда сама хочет», т.е. выбирала наиболее соответствующее ей расположение, а конница располагалась обычно по сторонам и сзади пехоты, чтобы, во-первых, не мешать ей, а во-вторых, чтобы возможно было использовать ее без помехи в наиболее подходящий момент боя, а с другой стороны, чтобы обеспечить наиболее чувствительные места своего боевого порядка, а именно его фланги.

Значение различных родов войск в бою, способы их употребления и взаимодействие огнестрельного и холодного оружия и войск различных родов выразились в следующих словах Суворова: «Пехотные огни открывают победу, штык скальвает буйно проникших в каре, сабля и дротик победу и погоню до конца довершают». Другими словами, открывает бой пехота огнестрельным оружием, она же наносит решительный удар холодным оружием, конница преследует и тем довершает победу. В то же время этими же словами Суворов говорит, что прежде нанесения удара штыком его нужно подготовить огнем.

Что касается ведения боя, то Суворов сосредоточивал сначала все, что мог, в некоторых случаях он даже снимал все войска, охраняющие пути сообщения, считая, что победа — наилучшее средство их обеспечения, затем маневром ставил их в наивыгоднейшее исходное положение против решительного пункта, каковым обычно был один из флангов боевого расположения противника, и затем внезапно наносил решительный удар в решительную минуту, после чего энергично преследовал отступающего противника.

Такова схема боя Суворова, которую он разнообразил в зависимости от обстановки.

Бой Суворовым велся с напряженной энергией, которую он умел перелить в войска; с твердою решимостью добиться победного конца; с громадным упорством, не допускающим мысли об отказе от своей задачи, от своей цели, не достигнув ее.

Поэтому победа всегда сопровождала действия Суворова.

Для того чтобы в боевых действиях выполнить все то, что он разумел в формуле «глазомер, быстрота и натиск», Суворову необходимо было соответствующим образом управлять войсками, т.е. в каждую данную минуту направлять их усилия по своим намерениям для решения тех или иных частных задач, выполнение которых должно привести к достижению общей конечной цели.

Управление войсками Суворов основывал, с одной стороны, на личном воздействии тем или иным путем на войска, начиная со своих ближайших помощников и до последнего солдата, а с другой стороны, на предоставлении частным начальникам широкой инициативы, которую он не только допускал, но даже и требовал. Средствами технического управления войсками у Суворова служили общие диспозиции, заблаговременно рассылаемые в войска, затем, в дополнение к ним, отдельные приказания, рассылаемые конными ординарцами в ответ на полученные таким же способом донесения или в развитие боя, изменения которого чувствовал, наблюдал или даже предвидел Суворов, и, наконец, личное общение с отдельными частными начальниками, происходившее или по инициативе Суворова, или по просьбе надлежащего частного начальника, либо в виде военных советов, собираемых Суворовым в исключительных случаях.

Чтобы судить о том, насколько применимы указанные идеи и взгляды Суворова для сегодняшнего и завтрашнего дня, насколько учение о войне Суворова сохраняет свою жизненность для нас и хотя бы для поколения, следующего за нами, необходимо рассмотреть те условия, с военной точки зрения, при которых жил и действовал Суворов, равно как и ту обстановку, которая существует в этом отношении и будет существовать во время будущей войны.

Нельзя отрицать, что те начала, на которых Суворов основывал свою военно-педагогическую систему, имеют абсолютное значение, т.е. что они имеют силу и значение во все времена и особенно в настоящее. И теперь армия должна быть сильна духом в изложенном выше смысле, так как теперь даже больше, чем во времена Суворова дух на войне имеет господствующее значение над материей. И теперь, естественно, для выработки такого духа нужна идея, которая захватывала бы всего человека, служить которой человек считал бы своим высшим нравственным долгом и ради которой он готов был бы жертвовать собою до конца. И теперь, конечно, требуется военным

воспитанием развить те стороны духовной организации человека, которые способствуют поднятию до крайней степени нравственного элемента и подавлению тех его сторон, которые составляют тормоз на этом пути, причем и методы для достижения указанных частных задач воспитания, применяемые Суворовым, пригодны и в настоящее время, о чем свидетельствуют между прочим современные достижения общей педагогики. И теперь, признавая преимущественное значение воспитания, нужна такая организация во всех смыслах обучения, чтобы оно не только не мешало бы воспитанию, но способствовало бы ему. <...>

Неоспоримая истина, что принципы, законы военного искусства вечны и неизменны, но применение их крайне разнообразно, как разнообразна обстановка на войне. Таким образом, применение принципов военного искусства во времена Суворова и теперь, а тем более в будущем, должны сильно различаться. В чем же эта разница, и насколько в зависимости от нее должно измениться применение основ, выработанных Суворовым и сведенных им в цельную систему, вылившуюся в формулу «Единая наступательная тактика. Глазомер, быстрота натиск», со всем ее богатым содержанием и вытекающими из нее установлениями (правилами второго порядка).

Главными особенностями современной войны, как и войны ближайшего будущего, по сравнению с тем, что было в этом отношении полтора века тому назад, когда в русской армии духовно и интеллектуально господствовал Суворов с его теоретическими взглядами и практическими действиями, являются следующие: громадные по численности армии; армии, собранные по общеобязательной воинской повинности, с короткими сроками службы, смотрящие на свою службу как на нечто временное, крайне тяжелое и потому совершенно нежелательное, — в общем гораздо более низкого качества; сильное развитие техники, достигшее громадных размеров уже теперь и имеющее стремление к дальнейшим усовершенствованиям; как результат этого — возросшее значение оружия, являющегося теперь в виде машины и в зависимости от этого — наличие взглядов, стремящихся заменить человека машиной и, таким образом, свести роль человека на второе место, умалить его значение; обширность полей сражения, что зависит от количественного состава армий и совершенства огнестрельного оружия, действующего на весьма большие расстояния; продолжительность сражения, зависящая также от свойств нового оружия, увеличивающего силу сопротивления даже незначительных

войсковых частей; расширение поля битвы включением в него не только обширных земельных пространств, но и воздуха, что явилось следствием появления новых средств борьбы в виде разного рода летательных аппаратов; трудность поддерживать связь между различными действующими в боевой обстановке частями армии, несмотря на появление довольно совершенных технических средств связи, и, как следствие всего этого, трудность управления войсками, ведущими бой.

Рассматривая все эти особенности современной обстановки, являющиеся, казалось бы, крупными изменениями в этой области далекого прошлого, прежде всего необходимо отметить, что все они касаются материальной стороны, которая играет на войне второстепенную роль по сравнению с господствующей над ней духовной стороной.

Ввиду этого, несмотря на всю кажущуюся громадность происшедших перемен, все они имеют второстепенное значение, а поэтому самому уже а priori нужно признать, что они не могут решающе влиять на те положения, которые являются основными в деле ведения войны вообще и боя в частности.

Тем не менее не считаться с этими изменениями нельзя, и какой-то корректив по отношению к прошлому должен быть введен, однако не в идейной, принципиальной области.

Конечно, увеличение численности армии затрудняет проведение в жизнь требований Суворова относительно «единой наступательной тактики», но это затруднение не пророчит самой идеи предпочтения наступления оборонительному способу действий, а потому как ныне, так и в будущем для достижения не случайного, а постоянного успеха необходимо держаться этого основного суворовского требования и лишь принимать меры к преодолению тех затруднений, которые вызываются слишком разбухшими в числе армиями. Одной из таких мер, и притом наиболее радикальной, является уменьшение в будущем численности армий. Ныне вопрос этот трактуется в военно-научной литературе и теперь нужно считать возможным, а значит и необходимым, перейти от громадных по численности армий, от «полчищ», к армиям меньшей численности, к «малым армиям».

Нельзя спорить, что каковы бы по численности армии ни были, но каждый полководец во все времена желал иметь армию наиболее высокого качества. В прежнее время это достигалось отчасти системой комплектования, а главным образом, продолжительностью срока службы, которая, с одной стороны, давала время для воспитания, а с другой стороны, давала большую боевую практику, особенно возможную вследствие час-

тых войн. Изменение по тем или иным причинам этих условий опять-таки не может опорочить принцип необходимости иметь армию наиболее высокого качества, а значит и способную подчиниться тем основным требованиям Суворова, которые относились непосредственно к войскам, так сказать, к солдатской массе. Раз принцип, идея не опорочены, то нельзя отказываться от них в угоду изменившимся условиям обстановки, а нужно, сохраняя принцип, принять все меры к тому, чтобы создать наиболее выгодные условия для его проведения в жизнь. В данном случае нужно изменить систему комплектования на такую, которая обеспечивала бы пополнение армии лучшим элементом, при которой можно было бы произвести строгий отбор лучших; нужно увеличить срок службы; нужно более интенсивно вести воспитание и обучение как отдельного бойца, так и целых войсковых частей. Раз эти изменения, далеко не невозможные, будут проведены в жизнь, то армия по своему качеству приблизится к армии времени Суворова и тогда станет возможным с армией оперировать во всех отношениях на суворовский образец с теми же положительными результатами.

Как бы ни совершенствовалось оружие, как бы ни возрастало его влияние, но оно никогда не заменит человека, ибо человек есть главное оружие войны и без человека никакое оружие не может приобрести какого-либо значения. С взглядами противоположными нужно бороться, как с опасной и к тому же страшно прилипчивой болезнью, а свойства оружия использовать так, как это делал Суворов, — в помощь человеку, помня, что оно увеличивает силу человека и его порыв при наступлении и дает ему возможность вести более упорную оборону.

Конечно, приемы пользования оружием в тех или других обстоятельствах должны быть иные, чем они были при Суворове, и установление этих приемов есть дело современных талантливых специалистов.

Нет оснований сомневаться, что по изучении свойств современного оружия такие специалисты найдутся, как найдутся и такие, которые установят наилучшие способы, с одной стороны, использовать оружие для действий против неприятеля, а с другой стороны, для того, чтобы оружие противника наносило наименьший вред. Если в свое время для установления таких приемов нужен был гений Суворова, то в настоящее время нам на помощь приходит исторический опыт, большее развитие технических знаний вообще и, наконец, указание Суворовым того пути, по которому нужно идти в этом отношении.

Эти суворовские пути, основываясь на природе вещей и со-

отношениях между собой разных, но подобных явлений, останутся в основе неизменными, а потому, каковы бы ни были достижения в области усовершенствования оружия, они не могут заставить нас отказаться от суворовских основ пользования оружием и идей, определяющих начала для боевых действий вообще.

Неизбежное при изменившихся других условиях обстановки увеличение продолжительности боев не может вызвать каких-либо изменений в тех основах, каковые были в этой области установлены Суворовым. Это косвенно доказывается тем, что и во времена Суворова мы знаем шестидневные бои (напр., Тидоне и Треббия). Но более длительные бои несколько осложняют ведение боя, требуя от войск большого напряжения, как физического, так и морального, большой энергии, большого упорства, большой настойчивости. Все это могут дать только войска, твердо воспитанные по системе и в духе Суворова, ибо эта система и этот дух являются наилучшими с точки зрения достижения положительных результатов.

Таким образом, увеличение продолжительности боев не только не требует отказа от суворовских начал, но, напротив того, требует усиления их воздействия на войска. Усложнение боев, вызываемое увеличением их продолжительности, влечет за собою много неудобств: сильное физическое и моральное утомление войск, большое число жертв, требующих того или иного их призрения, и пр.

Все это приводит к тому, что представляется, несомненно, желательным, чтобы продолжительность боев по возможности была не велика. К этому и должно стремиться, — достигнуть же этого можно искусным ведением боя и энергичным его руководством, т.е., другими словами, ведением его в духе Суворова. Таким образом, и в этом случае суворовские основы не противоречат современным условиям.

Расширение поля сражения вовлечением в его пределы не только большей площади земли, но и воздуха вызывает, с одной стороны, затруднительность личного воздействия полководца на войска, а с другой стороны, требует предоставления большей инициативы частным начальникам.

Как бы ни были велики затруднения в каком-либо деле, они не могут заставить отказаться от этого дела, раз оно приносит пользу, оно в том или ином смысле выгодно, и это тем более тогда, когда выполнение того или иного дела вполне возможно, как в данном случае. Трудно — это еще не значит невозможно, и опыт хотя бы последней Мировой войны это доказал, показав, что эта трудность в значительной степени уменьшается при помощи более совершенных средств транспорта.

Что касается расширения инициативы, то мы знаем, что Суворов сам в широкой мере пользовался ею и допускал ее у других и, таким образом, необходимость расширения в этой области нисколько не противоречит суворовским началам.

То же можно сказать и относительно осложнившегося поддержания связи и управления в бою.

Суворов доказал, что господствовавшее в его время командование в бою он с успехом по мере надобности заменял управлением.

Наличие в настоящее время усовершенствованных средств связи, несомненно, должно облегчить осложнившееся управление, не требуя при этом нарушения суворовских основ.

Таким образом, мы смело можем сказать, что хотя Суворов физически умер 130 лет тому назад, но дух его жив и что, желая иметь в настоящее время наиболее совершенную армию, мы, несмотря на, казалось бы, крупные изменения в различных областях военного дела, должны жить этим духом, мы должны питать армию живительными началами великого русского с мировым значением полководца, «Российских войск Победоносца», Александра Васильевича Суворова.

Баиов А.К. Суворов и будущая война. (Доклад на V-ом съезде русских ученых за границей в Софии [19..]). — Б.м., б.г.

А. Керсновский

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

Сущностью той грани русского национального монолита, что носит название русской национальной военной доктрины, является превосходство духа над материей.

Это превосходство бессмертного над смертным и ощущали русские канониры Цорндорфа, целовавшие свои пушки, прощаясь с ними навсегда «и не отходя от них ни на шаг» в момент,

когда их самих рубили латники Зейдлица, и когда немец на их месте бежал бы или сдался. С этим чувством вышел Румянцев с семнадцатью тысячами на двести тысяч турок в Кагульскую битву. Оно вдохновляло перо Суворова, набрасывавшего бессмертные строки «Науки побеждать», вдохновило и меч его, свята его чудо-богатырям и в серенькое утро Рымника, и в знойные дни Треббии, и в черном мраке альпийских ночей. Мушкетеры Милорадовича, егеря Дохтурова, гренадеры Котляревского, стрелки Юденича, ударники Корнилова — все они были движимы этим превосходством, ярким пламенем горевшим в их душах и в душах их вождей.

Основы русской национальной военной доктрины были, есть и останутся следующие.

Будучи народом православным, мы смотрим на войну как на зло, как на моральную болезнь человечества, моральное наследие греха прародителей, подобно тому как болезнь тела является физическим его наследием. Никакими напыщенными словесами, никакими бумажными договорами, никаким прятаньем головы в песок мы этого зла предотвратить не можем. Пергамент

Парижского договора 1928 года — «пакт Бриана-Келлога» — не избавил человечества от войны, как намалеванный на дверях дракон не избавил китайца от чумы.

А раз это так, то нам надо к этому злу готовиться и закалять организм страны, увеличивать его сопротивляемость. Это дело законодателя и политика.

Военное искусство и военная наука (причем вторая призвана обслуживать первое) имеют строго национальный характер, вытекающая из духовных свойств и особенностей данного народа, данной нации. Русского Мольтке не может быть, как не может быть немецкого Суворова. В «суворовском» отношении немцы не пошли и не пойдут дальше Блюхера. В «мольткенском» мы могли дать самое большое Милютин. Наши учителя: Петр I, Румянцев, Суворов и те немногие русские полководцы и деятели, что вдохновлялись их примерами, а отнюдь не чуждые нам органически иностранцы. *Фох и Мольтке не могут быть нашими учителями, они могут быть, самое большее, лишь репетиторами.*

Насколько «Наука побеждать» чище и выше софистики Клаузевица, схоластики Шлиффена, блестящей метафизики фон Зеекта!

В основу *организации* вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда кладет принцип качества и принцип отбора («не множеством побеждают»). На идее отбора, привлечения в первую очередь дворянства, Петр и построил всю армию. Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Самая организация Российской вооруженной силы как Московского Государства, так и Петровской Империи была следствием *нашей самобытности*. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцев в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей Армии начался с подражания иностранным образцам при Павле.

При *ведении войны* мы должны стараться избегать бесчеловечных ее форм. Отбросив с отвращением «клаузевицко-ленинскую» теорию интегральной войны с ее терроризацией населения неприятельской страны, вспомним слова второго (после Лазарева) нашего главнокомандующего на Кавказе, князя Цицианова:

«Русские воины имеют за правило бить своего неприятеля когда нужно, но не разорять его, ибо россияне не умеют, победивши неприятеля, не присоединить его землю к своему государству и, следовательно, собственность свою каждый обязан сохранять».

Если мы эти золотые слова прочтем не телесными, а духовными очами, то поймем весь их вечный смысл. Присоединять неприятельские земли нам не надо (коль скоро они не являются похищенным нашим достоянием), хватит духовного присоединения иноземцев к нашей культуре. А это возможно лишь при отсутствии взаимного озлобления, незаживших ран.

Не будучи бесчеловечными к чужим странам, можем ли мы быть зверями в отношении нашей родной матери? Мы должны вести войну, стремясь как можно меньше отягчать, истощать организм страны. Это достигается лишь сохранением на своих местах возможно большего количества специалистов своего дела, все равно хлебопашцев или железнодорожников, ремесленников или торговцев. Не станем повторять ошибки гипноза полчищами роковой ошибки 1916 года.

Но для того, чтоб наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять соответственно. И русская национальная военная доктрина дает тому законы. Это прежде всего *«смотрение на дело в целом»*, синтез, которому в иностранных доктринах примерно соответствует *«de quoi s'agit il?»* Верди ди Вернуа, приводимое Фошем. Затем *«глазомер, быстрота, натиск»*. Венец же всему — победа, и притом *«победа, малой кровью одержанная»*. <...>

В воспитательном отношении наша доктрина всегда выдвигала религиозное начало и национальную гордость. «Мы русские, с нами Бог!» — учил Суворов. Поэтому-то его наука и сделалась действительно *«Наукой побеждать»*. Каждое из ее слов дошло до бесхитростного сердца чудо-богатыря, а все суворовское учение — одно из самых чистых творений русского гения — величайший памятник православной русской культуры. Для преподавания *«Науки побеждать»* в военных училищах надлежит учредить особую кафедру. Преподавать, конечно, без изуверского дословного толкования, но и без еретической *«поправки на современные условия»*, чтоб правильно усвоенная офицерами, она могла бы правильно быть передана солдатам.

Затем нашу доктрину характеризует требование сознательного отношения к делу: *«каждый воин понимает свой маневр»*. Проявление частной инициативы на низах, петровское требование: *«не держаться устава, яко слепой — стены»* и суворовское: *«местный лучше судит... я вправо — ты видишь, надо влево — меня не слушать»*. Способствование этой инициативы на верхах, румянцевское: *«не входить в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, и не связывать рук»*.

И в этом отношении, как и во всех других, единственный способ, единственное спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахт-парадным эспонтоном на путь, указанный нам Петром, Румянцевым и Суворовым. <...>

Первая молодость нашей Армии — эпоха со смерти Петра I до Румянцева — проходит под знаком увлечения производством огня и копирования тогдашней прусской огневой тактики.

И тот день девятнадцатого августа 1757 года, когда при Гросс-Егерсдорфе в первом сражении с хваленой прусской армией Румянцев, схватив Апшеронский и Белозерский батальоны, стремительно повел их напролом сквозь чащу на ошеломленных пруссаков, стал знаменательным моментом нашей военной истории. С этого момента у нас стал возможен Суворов, стала возможной *«Наука побеждать»*.

Заслугой Румянцева был вывод Русской Армии из рутины. Проникаясь сквозь егерсдорфские лесные чащи, русские полки румянцевского авангарда были символом всей Армии, выходящей из дебрей рутины на широкий простор национального творчества и великих дел.

А вечной славой Суворова было установление закона равновесия между огнем и ударом, пулей и штыком. <...>

Пуля — выразительница огня. Штык — выразитель удара. Пуля — огонь — характеризует бой. Штык характеризует победу.

На огне зиждется материальное благополучие армии. На штыке — моральное. Штык — ее престиж, более того — престиж государства. Величайшая Империя держалась два столетия на магическом обаянии трех слов. И эти три слова были: граненый русский штык. В этих трех словах ужас Фридриха II, войска которого после Кунерсдорфа отказывались принимать бой с Русской Армией. В них и растерянность Наполеона, услышавшего вечером эйлаусского побоища от лучшей своей дивизии, дивизии Сент-Илера вместо традиционного *«vive l'Empereur!»* совершенно новое, никогда еще неслыханное *«vive la paix!»*.

Если мы под «пулей» будем разуметь огонь, а под «штыком» — удар, то их сочетание даст нам маневр, характерный элемент боя. Маневр представляет сочетание огня и элемента удара (мы имеем в виду наступательный маневр, единственно способный принести решение).

Сочетание в маневре элементов огня и удара, их пропорции, является переменной величиной, изменяясь в зависимости от национальных особенностей данной армии, господствующих в данную эпоху тактических доктрин (критерием чего являются

уставы), а также от настроения данного момента (победитель, как правило, повышает значение ударного элемента, побежденный, боясь удара, все свои упования возлагает на огонь). Короче, пропорция «пули» и «штыка» зависит от данной армии, данной эпохи, данного момента. При этом огонь — достояние рациональности, а «штык» иррационален. <...>

Посмотрим, как осуществил равновесие между огнем и ударом великий Суворов.

Суворовская «Наука побеждать» — катехизис, подобного которому не имеет и не будет никогда иметь ни одна армия в мире, — в своей философской основе изумительно полно отражает дух православной русской культуры. Оттого-то она и сдвигалась «Наукой побеждать», оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения, впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники», они читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных очей. Неизреченная красота «Науки побеждать», ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз скрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но в то же время менее всех его понявший, М.И. Драгомиров пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой: «Пуля дура — штык молодец!»

Фраза эта взята, выхвачена из другой, и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: «Стреляй редко, да метко, штыком коли крепко: пуля обмишуются — штык не обмишуются, пуля дура — штык молодец»...

Суворовское изречение приобретает здесь, на своем месте, совершенно иной смысл, свой настоящий смысл.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активнооборонительные «петровские» начала все более уступают место началам чисто пассивным. Уставы 1755 (Шувалов) и 1763 (Чернышев) годов, пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой исключительно на огне развернутого строя, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов боролся с этим злом. Ему приходилось преодолевать невероятную рутину, инерцию среды. Для преодоления этой рутины, этой инерции были нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. «Пуля дура — штык молодец» и была одним из таких подчеркиваний, подчеркнутым кон-

цом фразы, отнюдь не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова М.И. Драгомиров. <...>

Если характеризовать все суворовское обучение одной фразой, «крылатыми словами», то, конечно, это не будет «пуля-дура», а совершенно иное положение: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря». Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно еще в Суздальском полку. Но при этом он требует «скорости заряда и цельности приклада» и от grenадер с мушкетерами, а «крепкого укола» и от егерей. Каждому свое, а «Наука побеждать» — всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Напомним только его сражения. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва расстраивает огнем необстрелянные войска коронного гетмана. Под Гирсовым его отряд расстреливает из шанцев втрое сильнейшего неприятеля. При Козлудже, опрокинув турецкий авангард и подступив к турецкому лагерю, Суворов начинает четырехчасовую артиллерийскую подготовку (которая по тем временам может считаться исключительно длительной). Артиллерийская подготовка атаки Фокшанского монастыря короче, но она занимает час времени. А батальный огонь рымникских каре?

В то время как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь — стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно и безрезультатно пала оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки каре Салтыкова.

Противники «драгомировской романтики», позитивисты, грешат против памяти Суворова иным образом. «Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля била всего на сто шагов и могла считаться «дурой». Теперь она бьет на три тысячи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части возросли во столько-то десятков раз. Следовательно, в «Науке побеждать» должно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал».

Подобный подход к делу чисто материалистический. Бессмертие гения, будь то Суворов, Шекспир либо Рубенс, и заключается

именно в том, что творчество их остается всегда полноценным. Рубенсовским кавалерам не надо подмалевывать смокингов на том основании, что при «современных обстоятельствах» никто кружевных воротников не носит. Все положения «Науки побеждать» верны и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться последнее солдатское сердце.

«Может случиться против турок, что пятисотенному каре надлежит будет прорвать пяти- или семитысячную толпу — на тот случай бросится он в колонну»... Ученые позитивисты помрут плечами — разве это современно? Кто сейчас воюет «кареями» и «колоннами»? Да и турки давно уж не дерутся толпою... Ясно, что это положение «Науки побеждать» устарело!

Но пусть они потрудятся прочесть это не телесными глазами, а духовными очами, и Бржезинский прорыв германцев из русского мешка под Лодзью сразу станет им ясен и «научно обоснован». И смогут оценить всю преступность куропаткинской формулы: «С превосходными силами в бой отнюдь не вступать».

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился бы так: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики». И это опять-таки не мешало бы ему отпущать на каждого grenадера и мушкетера, как и в те времена, патронов в несколько раз больше принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убойности стрельбы («редко да метко»). И так же внушать им, что «пуля обмишуются, штык не обмишуются»... Ибо горе той пехоте, которая хоть на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет «обмишуются». Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты франфорской баталии.

А эпитафией к «Науке побеждать» должно поставить: «Могий вместити, да вместит». <...>

К бессмертной формулировке Суворова нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. *Глазомер*, *Быстрота* и *Натиск* были, есть и останутся тройным принципом как ведения войны, так и ведения боя.

Эти три элемента всеильны и в Политике, и в Стратегии с Оператикой, и в Тактике.

<...> Первое место Суворов отводит Глазомеру.

Глазомер — замысел. Оценка обстановки. Быстрота и Натиск — выполнение. Использование обстановки.

Первенство Глазомера тем явственнее, чем шире данный элемент войны. Чрезвычайно важный уже в Тактике и Оператике, он царит самодержавно в Стратегии. Что же касается Политики, то вся она — не что иное, как глазомер правителя.

Глазомер без быстроты и натиска — сражение вничью. Это зимняя кампания Беннигсена 1807 года. Это медлительность Потемкина, давшая нам Очаков, но упустившая Царьград. Быстрота и натиск без глазомера — непоправимая катастрофа. Это малороссийский поход Карла XII. Это безрассудный наскок Гитлера в 1939 году.

Следующий после Глазомера элемент — Быстрота — приобретает особую ценность в Оператике.

Наконец Натиск — добродетель по преимуществу тактическая. В Стратегии натиск иногда излишен, ибо может мешать Глазомеру. В Политике же часто гибелен, затмевая Глазомер, как то трагически показывает опыт Гитлера, азартного игрока и мистика, отнюдь не государственного человека.

Глазомер — природная добродетель, развиваемая практикой. Быстрота во многом зависит от технических возможностей (сети дорог и состояние этих последних). Что касается Натиска, то это качество, само по себе природное, находится в прямой зависимости от тактики данной армии и данной эпохи. Французская армия, проявившая исключительный натиск в Крыму и Италии, в кампанию 1870 года держалась пассивно благодаря принятому ею за два года до того уставу.

Гармония между Глазомером, Быстротой и Натиском не всегда удается и военному гению. Бонапарт в Италии, Наполеон в 1805 и 1806 годах дал классические ее образцы. Тот же Наполеон в кампанию 1813 года показал полное отсутствие глазомера, раздробив и разбросав свои силы по крепостям Германии и приняв Лейпцигскую битву в исключительно невыгодной обстановке. Подобного рода промахи можно наблюдать и у других мастеров военного дела (причем всегда страдает Глазомер). Один только Суворов дал нам непревзойденный образец этой гармонии за все время своего орлиного полета от Столбичей до Муттенской долины. <...>

«Субординация, экзерциция, дисциплина — победа, слава, слава, слава»... Бессмертные слова бессмертной «Науки побеждать».

Суворов дает пять понятий в их гениальной простоте и гениальной последовательности. Сперва *субординация*, альфа и омега всего воинского естества. Потом *экзерциция*, упражнение, развитие, закалка. Это дает нам *дисциплину*, слагающуюся из элементов субординации и экзерциции — чинопочитания и совместного учения. Дисциплина дает *победу*. Победа рождает *славу*. <...>

Со смерти Суворова русская военная мысль вдохновлялась исключительно иностранными образцами. Поэтому ее работу и можно уподобить работе машины, поставленной на холостой ход. Семена, дающие урожай в бранденбургских песках, на рус-

ском черноземе дают лишь плевелы. Суворов был поэтому нами понят еще меньше, чем Наполеон французами. «Науку побеждать» мы читали глазами, а не духовными очами, — весь ее неизреченный духовный смысл остался для нас сокровенным. Умами всецело овладел величайший из варваров Клаузевиц, его рационалистические теории совершенно заслонили дух православной русской культуры, создавшей «Науку побеждать».

Увлекаясь иностранщиной, мы недооценили Суворова. «Суздальское учреждение» до нас не дошло, «Наука побеждать» дошла лишь чудом. Мы проглядели величайший синтетический ум Румянцева. Сочинения его — «Примечания военные и политические» и «Мысли об устройстве воинской части» — так и не были никогда изданы. Они, должно быть, уже совершенно истлели (если только вообще не погибли) в киевском архиве, куда их свалили по смерти Задунайского благодарные россияне. И наследие этого наиболее всестороннего военного и государственного русского гения осталось совершенно неиспользованным. В то же время с благоговением переводилась и тщательно изучалась всякая макулатура, коль скоро она имела иностранное клеймо, особенно же штемпель германского «большого генерального штаба».

Рационализм и материализм засорили русскую военную мысль задолго еще до того, как были возведены в степень обязательного догмата большевиками. Духовность, а вслед за духовностью и дух представителей русской военной мысли, были угашены.

Столетие бессмертных побед и полтора столетия лет громкой славы сменились поражением в Восточную войну, трудной победой 1878 года, разгромом в Японскую, Великую, Гражданскую. Угашенный дух мстил за себя, мстил за Румянцева, мстил за Суворова...

Величественное здание Русской Национальной Военной Доктрины стоит с 1800 года незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы Русские и что с нами Бог.

На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия. И, как на памятник в Галлиполи, каждый должен принести на него свой камень.

Философия войны. — М.: Изд. центр «АНКИЛ-ВОИН». — Российский военный сборник, 1995. — С. 11–12, 53, 55–59, 61, 96–98.

ОСНОВЫ ВОЕННОЙ СИСТЕМЫ А.В. СУВОРОВА

Я знаю свою нацию и способы действенные...

Александр Суворов

XVIII век — богатырский век в истории России, век великих подвигов, побед и славы. В многочисленных войнах крепла Российская империя, создавалась непобедимая российская армия, выработывалась лучшая в то время, и до сих пор непревзойденная, школа русского военного искусства, выдвинувшая целую плеяду вождей — воинов-подвижников, подлинных мастеров дела, «аристократов своего звания».

Только в «победоносной стихии» XVIII века могли появиться «птенцы гнезда Петрова» и «екатерининские орлы», колоссы русского духа с чертами античных героев. Благодаря их ратным трудам и «отечеству полезным подвигам» закладывался «богатырский фундамент», шло накопление сил, совершенствовалась военная система. Последняя четверть данного столетия стала ярчайшим выражением «золотого века» русского оружия, подарившего России и миру Великого Суворова.

Это было время расцвета русской военной культуры (православной в своей духовной основе и дворянской по содержанию), культ героев (великих мужей) и воинской доблести античности, подражания лучшим образцам мирового военного искусства. Это был период героического индивидуализма и деятельного государственного патриотизма. В дворянской среде призывание к военной службе передавалось из поколения в поколение; талантам и способностям, как правило, открывалась широкая дорога; благородное честолюбие поощрялось. Была тяга к высшему, к совершенному.

Неповторимость личности, возможность и необходимость самореализации, жажда подвигов и славы ценились, пожалуй, превыше чинов и орденов¹. Выдающиеся личности, считая себя полезными Отечеству и преступая за черту обычных (посредственных) человеческих возможностей, не равняясь духом ни с кем из товари-

щей, искали себе великих дел и первых ролей, хотели «делать» историю и двигать военное дело. Тем, кто привык решать только личные вопросы и выполнять служебные обязанности «по регламенту», а чаще просто имитировать деятельность, такие как Суворов казались странными чудаками, «донкихотами», «натуралистами». На фоне последующего военного декаданса (упадка) благодарные потомки по достоинству назвали их героями и даже полубогами.

М. Меньшиков: «Ничтожные дворяне бледнели перед дружиною бесспорных рыцарей: перед Суворовым, Румянцевым, Кутузовым и им подобным. Дрянные люди прятали свою дрянность, и слабые уступали власть — силе. То же было в духовенстве, в купечестве, в крестьянстве: в присутствии благородных смолкала чернь. В старом органическом порядке сверху донизу, как вера в Бога, жила вера в полубогов, в лучших людей, в героев, подвижников, мудрецов, труженников, и самые разнесчастные даже в душе своей не дерзали отрицать этого рода аристократизм...»

Старое дворянство наше и народ, пройдя через суровую школу войн, вышли облагороженными. Первое поколение победителей проявило героизм свой и в мирной деятельности: недаром вслед за Румянцевым, Суворовым и Кутузовым Россия выдвинула Пушкина, Глинку, Брюллова, недаром из железного века вышел золотой век. Война, идея которой есть победа, сродни религии: обе требуют человеческого совершенства, обе требуют подвига...

Поколения, воспитанные в бесславные годы, не могут быть столь же решительными, как поколения — в века побед. Не будь Полтавы и Гангута, может быть, не было бы петровских реформ. Не будь блистательных суворовских и кутузовских побед, не было бы и золотого века нашей дворянской культуры. Не из пустого тщеславия мы *должны победить*, а ради последующего величия России и расцвета гения народного на всех его путях... Победа не есть роскошь для великой военной державы, а органическая необходимость, составляющая жизненный долг»².

П. Гейсман: «Кутузов как военный человек образовался в славную Екатерининскую эпоху, когда в нашем Отечестве, и особенно в нашей армии, установились условия, благоприятствующие в высшей степени широкому применению *принципа деятельности*, выдвигавшие людей, способных к столь же широкому проявлению частного почина, то есть представителей *героизма деятельного*.

Конечно, первую из звезд первой величины был Великий Суворов, который широко поощрял дух предприимчивости, резко отличал и награждал частный почин, разрешал атаковать в 4–5 раз большие силы, «но с разумом, искусством и под ответом»,

положил в основу своих действий «глазомер, быстроту и натиск», не признавал «ничего, кроме наступательного» и терпеть не мог «немогузнаек». Кутузов был в его школе...»³

В. Золотарев: «История русского военного искусства изобилует яркими образцами самого высокого мирового уровня, военными талантами и гениями, деяния которых делают честь России, составляют сокровищницу самобытной национальной военной культуры... Вторая половина XVIII века была расцветом русского военного искусства, его *подлинным Ренессансом**... Русское общество того времени использовало шанс, предоставленный ему историей, из своей среды оно сумело выдвинуть таланты первой величины, такого гиганта военной мысли и полководческой практики, как А.В. Суворов, которые как никогда в прошлом высоко подняли славу русского оружия»⁴.

«Ему и диктовать правила военного искусства»

Лучший генерал России. Князь Италийский, граф Рымникский, генералиссимус Александр Васильевич Суворов службу свою по петровскому еще обычаю начинал солдатом. В нижних чинах пробыл 11,5 лет («долговременное мое бытие в нижних чинах»), из них — пять дома, усваивая необходимые подготовительные науки самостоятельно и под руководством отца, и 6,5 лет — в Семеновском гвардейском полку (капралом, подпрапорщиком, сержантом). Первый офицерский чин Суворов получил значительно позже своих сверстников, на 25-м году жизни, а генерал-майором стал только в 40 лет. К сравнению: П. Румянцев уже в 22 года произведен был в генерал-майоры, Н. Салтыков — в 25 лет, Н. Репнин — в 28.

Боевое крещение Суворов, будучи подполковником, получил в Семилетней войне 1756–1763 гг., где отличился в знаменитом сражении при Кунерсдорфе (1759 г.) и при налете на Берлин (1760 г.). Проявил себя храбрым, смелым и искусным командиром кавалерийских летучих отрядов.

С 1762 г. по 1769 г. командовал Суздальским пехотным полком, разработав в этот период уникальное «Полковое (Суздальское) учреждение» — наставление по службе, обучению и воспитанию войск.

В войне России с польскими конфедератами 1768–1772 гг. бригадир Суворов руководил войсками Люблинского боевого района, успешно применив в борьбе с мятежниками уникальную систему, которую условно можно назвать «Паутина». Блестящие победы под Ореховом, Ландскроной, Столовичами принесли Суворову заслуженную славу одного из лучших и талантливых генералов.

* Здесь и далее курсив составителя. — А.С.

В 1773 г. Суворов добился перевода в Первую армию генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, что позволило ему принять участие в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. на ее заключительной стадии. Здесь он отличился в двух походах на Туртукай, разбил турецкие войска при Гирсово и Козлуджи. Произведен в генерал-поручики.

Длительное время (1775–1786 гг.) командовал различными дивизиями, Крымским и Кубанским корпусами, готовил в Астрахани экспедицию для похода в Персидские ханства. Созданная Суворовым боевая сила в Крыму и на Кубани, умело применяемая к условиям и характеру местности, надежно обеспечила южную границу России от возможных турецких десантов, набегов горских и татарских племен. Суворов, по мнению В. Алексеева, — «истинный основатель укреплений Кавказской линии»⁵. 22 сентября 1786 г. произведен, по старшинству, в генерал-аншефы.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. одержал «совершенные победы» под Кинбурном, при Фокшанах и Рымнике. 11 декабря 1790 г. искусным штурмом взял неприступную крепость Измаил. Эти события существенным образом повлияли на ход и исход войны.

В 1791–1794 гг. вынужден был заниматься несвойственным и нежелательным для него делом — строить крепостные укрепления на севере и юге России. В 1794 г. добился перевода на польский театр военных действий, где «самопочинно», 42-дневной победоносной кампанией завершил войну, которую «миролюбивые фельдмаршалы» планировали вести целых три года. По пути на Варшаву войска Суворова одержали ряд скорых и поучительных побед при Дивине, Кобрине, Крупчицах, Бресте, Кобылке. Решительный трехчасовой штурм Праги (предместья Варшавы) привел к полной деморализации противника, обеспечил бескровное занятие столицы польского государства и окончание войны. Как и предыдущие, данный боевой поход Суворова по искусству и творчеству сродни военной поэме: «Перейти в сорок дней с лишком тысячу пятьсот верст, с войском, от Днестра до Вислы; совершить быстрые движения без подвижных магазинов; уничтожить тысячные ополчения; пересилить укрепления и окопы, в неприступных местах поделанные; пожинать беспрестанно победы; брать штурмом города без осад; наконец, в два месяца покорить целое королевство — суть такие происшествия, каковым не только в новой, но и в древней истории едва ли пример обретается. Мысль теряется, соображая деятельность, быстроту и подвиги сего Полководца»⁶. За идеальное решение этой задачи Суворов, по общему выражению Екатерины II, «сам себя произвел в генерал-фельдмаршалы».

В последующем командовал русскими войсками в Польше, инспектировал укрепления в Финляндии, находился во главе армии в Новороссии. С начала 1797 г. Суворов — в опале. Уволен Павлом I без права ношения мундира и сослан под надзор полиции в село Кончанское Новгородской губернии (за несогласие с новыми, «пруссскими», военными порядками и за позицию «так как войны нет, мне делать нечего»).

Опала была прервана только два года спустя, по настоятельному желанию австрийского правительства иметь Суворова во главе своих войск в борьбе с «безбожными французами» за освобождение Северной Италии. 69-летним полководцем цель эта была достигнута в очередной раз с блеском в течение всего четырех месяцев! Действуя по своей системе (в духе «Науки побеждать»), он в упорных боях одержал победы над лучшими в то время французскими войсками на реках: Адда, Тидон, Треббия, при Нови, занял крепости Брешиа и Мантуя, планировал идти через Лион на Париж.

Из-за предательства и близорукости австрийского кабинета ему пришлось оставить дело в Италии недоконченным, с боями — вновь победоносными и беспримерными — совершить переход через неприступные Альпы, пробиваться через Сен-Готард и Чертов мост в Швейцарию, спасая честь России, увековечивая славу русского оружия и бессмертное свое имя. За подвиги в Итальянском и Швейцарском походах Суворов был отмечен достоинством князя Российской империи, получил звание генералиссимуса российских войск. Но тут же в очередной раз оказался в немилости у Павла I, что приблизило кончину Полководца.

Суворов уважал противника, побеждая его в честном бою, и презирал смерть. Богатырский дух вплоть до 70 лет успешно боролся с болезнями, которые «донимали» отнюдь не богатырское тело начиная с детского возраста. Свою позицию и по этому вопросу он высказал еще в 1764 г. во время очередного недуга: «Чую приближение смерти. Она меня со свету потихоньку сживает, но я ее презираю, позорно умирать не желаю, а желаю встретить ее только на поле сражения»⁷.

В связи со смертью «Росского Геркулеса» Г.Р. Державин писал: «...Героя нашего не стало... Только бессильна истребить смерть славы дел великих, которые навеки останутся в сердцах истинных россиян... Герой нынешнего, а может быть, и многих веков, князь Италийский с такою же твердостью духа, как во многих сражениях, встречал смерть... Подлинно, хорошо в такой славе вне и в таком неуважении внутрь окончить век! Это истинная картина древнего великого мужа. Вот урок, вот что есть человек»⁸.

Нет, не тиран, не лютый рок,
 Не смерть Суворова сразила:
 Венцедаитель, славы бог
 Архистратига Михаила
 Послал, небесных вождя сил,
 Да приведет к нему вождя земного,
 Приять возмездия венец,
 Как луч от свода голубого...⁹

Уже в первые годы после смерти Полководца было отмечено: «Неутомимый Суворов умер непобежденным... Он вечно будет украшением и славою войск Российских... Имя его еще долго будет воспламенять героев русских к новым победам... Он был самый лучший Генерал, какого только может иметь Россия»¹⁰.

«Величайший воин» и «Герой российский» остался в истории и памяти потомков бессмертным и непобедимым, идеальным типом русского военного человека, «солдатом-генералом». Его жизнь явилась наглядным и поучительным примером ревностного, самоотверженного, деятельного (самопочинного), творческого, максимально полезного и успешного служения Отечеству на военном поприще, невзирая ни на какие преграды и трудности. Для выполнения великих дел в распоряжении Суворова никогда не было достаточного количества войск (как, впрочем, и необходимой самостоятельности). И он число заменил мудростью, воинским искусством, быстротой и натиском. В разных частях света Суворов неизменно побеждал врагов своей силой духа, умением, «заострением морали» (А. Геруа), наступательным образом действий, в полном соответствии с наказом Петра Великого о необходимости побеждать «легким трудом и малой кровью», опираясь на разум и искусство, а не на множество. Екатерина II также полагала, «что мы почти всегда не столько числом, сколько мужеством и храбростью войск наших побеждали и покоряли наших врагов». «...Она думала, — отмечает в этой связи историк С. Соловьев, — что количество — дело последнее, что без него можно легко обойтись, когда есть хорошие качества»¹¹.

Достоинства Суворова-полководца были на столь высоком уровне, что постоянно подчеркивалось: *Суворов один целой армии стоит*; там, где требуется 60 тысяч, с Суворовым достаточно и 30: «Я послала в Польшу две армии: войска и Суворова» (Екатерина II). По этому случаю и П. Румянцев пишет: «...Ваше имя одно, в предварительное обещание о Вашем походе, подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи»¹². Неудивительно, что М. Антоновский в «Науке побеждать по правилам величайшего из монархов российских Петра Первого», указывая на чрезвычайно малый урон российских войск и огромные потери шведов в сражениях 1713 г., делает принципиаль-

но важный вывод: «Вот какие чудеса творят *военное искусство* в Главном Предводителе, *мужество* в генералах и офицерах и *храбрость с быстротою* в рядовых воинах, исполненных *доверия* к Главному Предводителю своему»¹³.

Суворов был настоящим «полевым генералом», жил войной и службой, постоянно находился среди солдат и всегда стремился туда, «где будет построжае и поотличнее война». У своих «чудо-богатырей» он пользовался абсолютным доверием, так как умел водить войска к победам, оберегать солдат от «палок и чудес», изнурения и излишней крови. Недаром в память о кинбурнской эпопее, девятичасовом бое, в котором Суворов трижды «обновлял сражение», пока турецкий десант окончательно не был уничтожен и сброшен в море, солдаты сложили песню о Суворове генерале. В ней есть такие слова: он «не спал, не дремал, свое войско учреждал, турков больше поджидал... С предводителем таким воевать всегда хотим»¹⁴.

Суворов правил счастьем. Постоянно побеждая и тем самым утверждая ореол непобедимости, Суворов владел сердцами своих подчиненных и, следовательно, мог в полной степени эксплуатировать весь запас нравственных и физических сил войск. С. Гершельман, наиболее обстоятельно изучивший нравственный элемент военного искусства Суворова, отмечал по этому поводу: «Боевое доверие людей к своему начальнику, как нам кажется, сложится весьма легко и скоро в том случае, когда люди видят в своем командире пример бесстрашия и доблести в бою и, кроме того, когда он будет обладать *умением вести свои войска к победе*. В этом последнем отношении можно с уверенностью сказать, что если начальнику удастся доставить своим подчиненным чарующее чувство испытать все наслаждения одержанной победы, то он вполне завладеет их доверием и люди с уверенностью пойдут за этим начальником в следующий бой»¹⁵.

Такое истинное счастье своим «чудо-богатырям» Суворов, с его умением и талантами, доставлял не менее двухсот раз в делах против неприятеля на протяжении более чем 50-летней деятельной службы, одержав при этом в сражениях и боях не менее 60 знаменательных побед, почти всегда вырывая их у превосходящего по численности противника. Следует подчеркнуть, что ему пришлось не только «угомонять буйных врагов Отечества», но и побеждать свои болезни, природу, обстоятельства, интриги и козни, действуя постоянно в соответствии со своим кредо: *честно, смело, наступательно!*

Усердием, радением, неутомимыми трудами, предприимчивостью, превосходным искусством и отличным мужеством Суворов, вслед за Петром Великим, продолжал творить российскую армию «счаст-

ливою для боя». «Почитая и любя нелицемерно Бога, а в нем и братьев моих, человеков, никогда не соблазняясь приманчивым пенем сирен роскошной и беспечной жизни, обращался я всегда с драгоценнейшим на земле сокровищем — временем — бережливо и деятельно, в обширном поле и в тихом уединении, которое я везде себе доставлял. Намерения, с великим трудом обдуманые и еще с большим исполненные, с настойчивостью и часто с крайнею скоростью и неупущением непостоянного времени. Все сие, образованное по свойственной мне форме, часто доставляло мне победу над своеюравною Фортуною. Вот, что я могу сказать про себя...»¹⁶

Суворов «*был счастлив*», потому что полагался не на «слепое счастье», а, как и Юлий Цезарь, «*правил счастьем*»: был талантлив, постоянно работал над собой, служил по призванию (занимался любимым делом), непрестанно обучал и воспитывал войска для победы, вел их к славе, творя невозможное. «В противоречии есть изгибы. Сей, ослиная голова, говорил на мое лицо “Правит слепое счастье”. Я говорю: “Юлий Цезарь правил счастьем”... Наука просветила меня в добродетели; я лгу как Эпаминонд (т.е. совсем не лгу. — А.С.), бегая как Цезарь, постоянен, как Тюренн, и праводушен, как Аристид. Не разумея изгибов лести и ласкательств к моим сверстникам, часто неугоден. Не изменил я моего слова ни одному из неприятелей, был счастлив потому, что я повелевал счастьем»¹⁷.

Счастье — это возможность участвовать в настоящем деле, в бою, в сражении, когда решается участь войны и где можно настоящему отличиться, раскрыть свой талант, реализовать свои способности. С «каторги», т.е. театра боевых действий с польскими мятежниками, Суворов 24 августа 1770 г. пишет М.Н. Кречетникову, который уже переведен в армию Румянцева, действующую против турок: «Сколько Вы счастливы, что Вы у графа Петра Александровича! Дела ваши будут видны, лишены невероятных хлопот, способные случаи имеете отлично блистать, я же в моих наитруднейших и едва преодолеваемых обстоятельствах такового освобождения из оных не предвижу»¹⁸. Оказавшись, наконец, в условиях настоящей войны и добившись первых успехов (поиск на Туртукай), рапортует И.П. Салтыкову 10 мая 1773 г. «Счастьем Ее Императорского Величества, победоносным оружием город Туртукай девятого числа ночи на десятое взят и выжжен...»¹⁹

Счастье — это скорая (полная, совершенная) победа, успех и удача, достигаемые малой кровью, малым уроном, быстротой, мужеством, искусством («счастливое разбитие» противника, «счастливое сражение», «счастливое нападение»). Об одном из эпизодов Ландскронского боя (12 мая 1771 г.) с участием Древиц (далеко не лучшим в представлении Суворова офицера — на русской службе «наемника, не прилепленного к России»), когда у российских погибших все

нет, а ранено менее десяти, а у противника 400 убито, Суворов сообщает: на партию Миончинского Древиц «*через камни и буераки с искусством, мужеством и храбростию так сильно ударил, что, опровергая оную, в числе не меньше тысячи человек, с подкреплением их отборных пеших егерей, пятидесяти и одной весьма хорошей пушки, три раза совершенно разбил... Дай Бог и вперед счастья!*»²⁰.

Многие современные Суворову военные авторитеты (как отечественные, так и зарубежные) не признавали в его действиях искусства, считали, что он не разумеет воинских правил, не знает военного дела, действует напролом, невзирая на потери, лишь бы доставить себе славу. Известно, насколько уважительно относился Суворов к талантам Наполеона. Последний же, действуя в принципе по суворовской системе, не любил вспоминать русского полководца, затмившего его славу в Италии (да еще в то время, когда сам Наполеон «прославлял себя» египетской военной авантюрой), и лишь однажды заметил: «Маршал Суворов имел душу великого генерала, но не имел его головы. Он был одарен сильною волей, большою деятельностью и непреложною неустрашимостью, но он не обладал ни гением, ни знанием военного искусства... Действовал без плана и расчета»²¹.

Клевета и непонимание подобного рода сопровождали Суворова и при жизни, и после смерти. Их, как и господствующую военную теорию, опровергал он своими блистательными победами, счастливыми последствиями доказывая правоту своих военных правил и жизненных принципов, утверждая: «Один раз счастлив! Два раза, три раза, шесть, десять раз счастье! Помилуй Бог, надобно несколько и ума (уменья)», — по поводу надписи, выбитой в Вене в честь его побед в 1799 г. «Пусть твое счастье цветет неизменно, как эта неувядающая роза»; «Парады... разводы... большое к себе уважение... обернется — шляпы долой!.. Помилуй, Господи!.. Да, и это нужно, — да вовремя... А нужнее то — *знать вести войну*, знать местность, уметь расцель, не дать себя в обман, уметь бить.... А битому быть не мудрено!.. Погубить столько тысяч!.. И каких!.. В один день!.. Весь план расстроен! Мы на краю гибели», — в связи с разгромом войск Римского-Корсакова в Швейцарии²².

Полководец-Любомудр. Якобы просто удачливый «вояка», «рубака», «натуралист», в действительности воевал не только волей, но прежде всего умом. Всю свою жизнь он занимался «наукой из чтений», учился у великих полководцев, познавал военную историю и трактаты по военному искусству, держал руку на пульсе современной ему военной обстановки, изучал противника, иностранные языки (в совершенстве владел немецким, французским, итальянским, польским, турецким и, в меньшей степени, — арабским, персидским и финским), неустанно упражнялся в формирова-

нии верного взгляда военного, все обдумывал наперед и тем самым не просто побеждал, но «предпобеждал»: предвидя, опережая и упреждая события и противников мыслью, глазомером и быстротой действия. Суворов полагал, что в военном искусстве, как и в целом в жизни, только тот добивается успеха, кто идет «дорогой, проторенной мудростью», опирается на нее в борьбе не только с противником, но и с самолюбием, различного рода случайностями²³.

Суворов — «Величайший Полководец-Любомудр», творец «действенной науки успешно воевать», в которой в краткой, запоминающейся форме отразились «наиважнейшие премудрые правила опыта побеждать врагов Отечества»²⁴. Его отличительная черта — стремление к «мудрому военному искусству», «мудрому военачальству». Владя им и имея «размах Марсов», он мог позволить себе стать выше правил века, в службе и боях полагаясь на свою особую военную систему: решительно-наступательный образ ведения войны, нравственно-боевой метод обучения и воспитания войск, свои принципы управления войсками, «верный взгляд военный» и другие, в том числе и философские элементы. Применяя ее всегда и всюду, он неизменно добивался быстрых и совершенных побед, всех везде бил и потому мог утверждать (в том числе и на будущее): «Вы найдете, что я никогда не последовал общим правилам и всем сего века, даже в начале моего военнослужения в Прусскую войну... Моя система, иначе или 30-летняя война, или Компоформидо, хуже ее с юным Бонапартом»²⁵. Суворов, как он выразился о себе в третьем лице, «опроверг теорию нынешнего века, особливо в недавнее время победами в Польше и Италии; посему ему и диктовать правила военного искусства... Нужно только беречься адских козней разных теорий»²⁶.

Непрестанные победы, одержанные по суворовским правилам, доказывали и продолжают доказывать жизненность военной системы Суворова, ее непреходящее значение и особую, спасительную ценность для России.

«Мы — русские, с нами Бог!»

Именно эта обязывающая и побуждающая формула выражает несущую конструкцию суворовской военной системы, ее духовную сущность и национальный характер. В более развернутом виде ее можно представить в следующем виде: «Я российский... Россиянин до конца своего... Господь дарует мне жизнь для блага государства... Доколе жив — служить, хотя и иногда отдыхать: так долг христианина... Господь Покровитель бдит над Россией... Мы — русские, с нами Бог!.. Молись Богу! От Него победа... Бог нас водит, Он нам генерал»²⁷.

Сила духа. Сам Суворов — полководец с Божьей искрой. Его войска побеждают всегда «с Божьей помощью», что увеличивает духовную мощь безмерно, и потому они — «сооружители побед»²⁸, лучшая часть российского христоролюбивого воинства, «прославившегося храбростью и мужеством на суше и на морях... и на громадах неприступных гор»²⁹. Вверенная Суворову «храбрая и победоносная армия» имеет своим предметом только «побиевание неприятеля» и «одержание над ним поверхности». Она воспитана в традициях славы, уверена в своих силах и побеждает прежде всего силой духа, от успеха к успеху накапливая моральную мощь. Суворов всегда абсолютно уверен, «заранее убежден» (что внушается и подчиненным): неприятельское войско будет, «разумеется, всеконечно разбито», «обращено в бегство», «взято в полон». По определению своему и своей национальной принадлежности российская армия, где бы она ни была и в каких бы тяжелых условиях ни оказалась, должна оставаться победоносной, пребывать в «похвальной славе». Ее удел — непобедимость. «От храброго российского гренадера... никакое войско в свете устоять не может»³⁰.

Самой яркой победой духа явился Швейцарский поход Суворова. А.А. Керсновский в «Истории Русской Армии» писал: «Походы наших чудо-богатырей в Италии и Швейцарии политически бесплодные, имеют громаднейшее военное воспитательное значение. Это, пожалуй, самая блестящая страница нашей военной истории, лучший лавр нашего победного века... Лейтенская кампания Фридриха II красива. Итальянская кампания Бонапарта блестяща. Швейцарский поход Суворова бессмертен. Такой яркой, торжествующей победы духа над материей не выпадало на долю ни одного народа, ни одной армии в мире»³¹. Наглядно и перед всем светом было доказано, что русские способны на невозможное: побеждать превосходящего противника в непривычных для них горах, действуя почти в окружении, без возможности пополнения людьми, снабжения оружием, боеприпасами, одеждой и обувью. Никакого уныния, несмотря на то, что во время перехода Суворова через Альпы французы при Цюрихе нанесли тяжелое поражение войскам Римско-Корсакова, который не пожелал действовать по суворовским указаниям. И сам поход совершается, а тем более оценивается Суворовым психологически исключительно с позиции победителя. Из ордера Римскому-Корсакову: «...Вы мало имели попечения поступать по моим предписанным Вам правилам и потому с Вами неприятное случилось. Я, дабы скорее соединиться с Вами, предпринял прямейший тракт, проходил неприступные места, повсюду поражал неприятелей. Даже и когда Ваш Массена атаковал мою хвост, то был от Розенберга побит, потеряв убитыми на месте свыше 2000 и генерала Легурье...»³² Из письма Ф. Гримму: «...Непри-

атель благодаря перевесу в силах добился блестящих успехов. Я был отрезан и окружен; день и ночь мы били врага и в хвост и в гриву, брали у него пушки и бросали в пропасти за неимением транспортов. Враг потерял в четыре раза больше нас. *Мы везде проходили с победой* и соединились в Куре»³³. Из письма эрцгерцогу Карлу: «...После неудачи под Цюрихом малочисленная армия моя перешла Сен-Готард, после того возвращение назад было бы стыдом, которого не мог я перенести. Из долины Муттен мы должны были уже пробиваться силою. Неприятель напал на нас и днем и ночью, и спереди и с тылу; в мокрую холодную погоду мы должны были подниматься на крутые горы и хребты, покрытые снегом; по узким или болотистым тропинкам и, наконец, от Глариса пробивать себе оружием путь к Куру. В бесчисленных кровопролитных сражениях *были мы победителями*, но потеряли много людей...»³⁴

Бесконфузство. Петр Великий приучил созданные им регулярные войска к «люблению чести», «трудолюбию и искусству», через нарвское поражение и «прутский стыд» привел их к победам, «легким трудом и малой кровью одержанным». При нем они усвоили важную истину: «...Всею мать есть бесконфузство, ибо, кто его не блюдет, тот всегда без прекословия потеряет, ибо сие едино войски возвышает и низвергает»³⁵. Суворов служил уже в Петровской армии, кокард Петра Великого для него был важен, и он гордился этим. Войска его — «бесконфузные», «славные», приучены к успехам; для них существует только «победа или славная смерть!» Все же остальное: поражения, неудачи, оборона, отступление, плен, трусость, малодушие, невежество, праздность, привычка быть битыми, — предосудительно славному российскому воинству. Это — удел других. Сражаться по-русски, а следовательно и по-суворовски, — значит побеждать, не сдаваясь ни при каких обстоятельствах, не заключать позорного мира, с честью выходить из самого труднейшего положения, никогда не падая духом! Примечательна в этом отношении речь Суворова на военном совете 18 сентября 1799 г., произнесенная во время перехода через Альпы в момент получения известия о разгроме русских и австрийских войск в Швейцарии и записанная со слов Багратиона: «Мы окружены горами... Окружены врагом сильным, возгордившимся победою... Со времени дела при Пруте, при Государе Императоре Петре Великом, русские войска никогда не были в таком гибелью грозящем положении... Помощи теперь нам ожидать не от кого, одна надежда на Бога, другая — на величайшую храбрость и на высочайшее самоотвержение войска, вами предводимых... Нам предстоит труды величайшие, небывалые в мире! Мы на краю пропасти! Но мы — русские! С нами Бог! Спасите,

спасите честь и достояние России и ее Самодержца!.. Спасите сына его...»³⁶ Корсакова позже при личной встрече он упрекает, что тот неприятелю отдал честь не по-русски: «Александр Михайлович! Что вы? Треббия, Тидона, Нови — сестры, а Цюрих?.. Как Вы отдали честь Массене? Так, эдак, вот этак? Да Вы отдали ему честь не по-русски, помилуй Бог, не по-русски...»³⁷

Даже незначительные неудачи, происшествия, проявления трусости среди суворовских войск гасились в зародыше, не допускались в помыслах и воображении. Считалось, что они ведут к бесчестию, угрожают репутации, особенно если своевременно и в полной мере не исправить ситуацию. Ведь малые причины, полагал Суворов, могут порождать великие приключения. Поэтому каждый «несчастливый случай», а таких за всю многолетнюю боевую практику Суворова было всего несколько и касались они не его лично, пристально и гласно изучались полководцем, многократно отражались — соответствующими выводами — в приказах; принимались все меры, в том числе и морального плана, чтобы «в будущем предотвратить повторение подобных случаев»³⁸.

Так, «несчастливое приключение» с поручиком С. Веденяпиным, команда которого была побита и пленена конфедератами 4 июня 1770 г., рассматривается как «безрассудное», «невероятное», ибо «можно ли поверить, чтоб Веденяпин с семьюдесятью человеками и пушкою их (300 мятежников. — А.С.) не разбил в мгновение ока?» Этого не произошло только потому, что пребывали «без движения», «беспутно отстреливались», «не предпринимая ни малейшего прорыву насквозь мятежников», дали себя перестрелять и сдались в плен. Нарушены были инструкции, правила военной осторожности и «Науки побеждать» в целом (действовать наступательно, ломать возмутителей штыками, поступать храбро, но с разумением и искусством).³⁹ В том же духе разбирается «позорное происшествие» в войсках Кубанского корпуса генерала В.В. Райзера, когда во время вывода лошадей на водопой черкесская разбойничья шайка захватила в плен 24-х безоружных российских солдат. Поступок «предосудительный», так как вновь были нарушены суворовские инструкции, командиры утратили бдительность, войска впали в обленение, с ними не было ни начальников, ни вооруженной охраны. «Чрез упущение сего и сущую неосторожность дирекционных командиров, войска, пришед в ослабление, претерпевают беспрепятственный урон, а паче *бесславию*, расхищаемы будучи от варваров, об устройстве военном ниже понятия имеющих»⁴⁰.

Русская армия изначально «войска мужественного имя носило» (Екатерина II), для которого геройство, храбрость и смелость были «обычными» явлениями. Естественно, что в этой армии, а тем более в суворовских войсках, бесстрашие ценилось превыше

всего, а случаи трусости, робости клеймились позором и бесчестьем. Возмущению Суворова не было предела, когда он узнал, что подготовленный им на 8 июня 1773 г. второй поиск на Туртукай в отсутствие его по болезни отменен полковником Мецкерским, сомневающимся в успехе, да еще и со ссылкой на решение специально созванного военного совета. 9 июня Суворов пишет своему непосредственному начальнику И.П. Салтыкову: «Благоволите, Ваше Сиятельство, рассудить, могу ль я уже снова над такою подлою трусостью команду принимать и не лучше ли мне где на крыле промаячить, нежели подвергать себя фельдфебельством своим до стыда видеть под собою нарушающих присягу и опровергающих весь долг службы. Господин Батурин причиною всему; все оробели и до Касперова. Может ли быть такой полковник в армии российской, не лучше ли воеводой, хоть сенатором? Я чуть имел движение... Какой это позор... Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся»⁴¹. В ночь с 17 на 18 июня Суворов, все еще больной, сам проводит поиск, разбивая отряд турок в 7000 человек и восстанавливая, таким образом, честь и репутацию не только своего имени, свершенных войск, но и всей российской армии!

Суворов постоянно «заостряет мораль», направляя ее на выработку в войсках победного духа. Ничто не должно «оскорблять славу оружия российского». Никаких ретирад, пустых демонстраций и «сомнительных сражений», а тем более неудач и поражений. Постоянное «направление мужества к победам»⁴². Неустанное повторение, что не только покровительство Божие и честь имени русского (россиянина), но и долг службы требуют от военачальника вести войска к победам. К этому он «обязан самопервейшим долгом службы, предписывающей всевозможное старание о военных успехах»⁴³. Более того, необходимы красивые и необычные победы, чрезвычайные и чудные подвиги, которые действительно влияют на obstoятельства, бьют по воображению, возвышают дух войск до заоблачных вершин, пробуждают национальную гордость, стремление к почти неземному идеалу, к постоянному совершенствованию: умственному, нравственному и физическому. «Солдат, сознающий себя непобедимым, — отмечает Фридрих фон Смитт, — подлинно непобедим: страх и ужас предшествуют ему и предуготовляют ему победу. Но для того, чтобы он сознавал себя непобедимым, он должен прежде совершить чрезвычайные, более нежели обыкновенные подвиги. Только те подвиги, которые возбуждают удивление, изумление, поражают, ослепляют, оглушают воображение, только они имеют волшебное действие на победителей и побежденных и влекут за собою такие последствия, которые переживают роды родов; только они даруют воинам ту уверенность, что никто и ничто не может противостоять им...»⁴⁴

Такие подвиги способны совершать только войско, «воодушевленное Богом». Суворовские воины — прежде всего «воины Христовы». Они борются на стороне добра со злом за правое дело, крепки духом, верой и молитвой, добродетельны, трудолюбивы, человеколюбивы (кровь напрасно не проливают), здоровы, храбры, тверды, решимы, справедливы, благочестивы. Их «храбрые сердца» полны Веры и любви к Отечеству. Они — отбор, лучшие из лучших, надежные защитники Родины. Они принимают меч и идут путем меча во имя Божьего дела. В суворовской системе воспитания предмет особого внимания — формирование возвышенного честолюбия, послушания, благонравия, «без чего нет исправного солдата». Через изучение молитв и постижение веры «догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними, устремлялись к честности...»⁴⁵

Богатырство. В суворовском сознании русские солдат и офицер не могут не быть «чудо-богатырями». У России всегда хватало грозных врагов, которые наваливались на нее целыми полчищами — «силушкой великой». Противостоять им, защитить в минуту опасности народ русский, «постоять за Веру и Отечество и за славный столичный Киев-град», согласно былинному эпосу, эффективно могли только настоящие «россы», богатыри — защитники Родины, «дружинушка хоробрая», малая числом, но могучая силой, духом, неповторимыми индивидуальными качествами каждого богатыря. Таковы Святогор, Вольга, Микула Селянинович, Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Василий Буслаев, Ермак-богатырь, Аника-воин и другие былинные герои. Именно с этим чаянием народным — иметь войско богатырского качества как надежную защиту от угроз, подобных татаро-монгольскому нашествию, — Суворов соразмеряет свои усилия по созданию, обучению и подготовке войск. Предводимые и подготовленные им воины — «ученые» (владеют наукой побеждать), каждый из них может справиться с дюжиной («подюжины ему мало»); всех побьют, повалят, в полон возьмут (нет ни малейшего сомнения). Потому что — «богатыри» и «неприятель от нас дрожит!»⁴⁶ Таким внушением и особой системой подготовки войск великий «волшебник» Суворов воплощал былинные образы во вполне реальных «чудо-богатырей», в свою неустрашимую дружину, которую вел к победам и славе. Память народная сохранила его слова о генерале Денисове, доложившем ему о победе: «Вот Донец: он Русский, он Илья Муромец, он Еруслан Лазаревич, он Добрыня Никитич... Победа, слава, честь Русским!»⁴⁷

Войска Суворова способны были на величайшие подвиги потому, что они обучались и воспитывались на лучших образцах военного искусства, в школе величайших полководцев мира. Суворов считал своими учителями не только Петра Великого, Румянцева,

но и Юлия Цезаря, с которого брал пример и «Записки» которого досконально изучил. Как и любимые его герои — римляне, он строил свою военную систему на свойствах человека и его духа, на духовной сущности боя, на моральной мощи и нравственных силах бойца. Смитт пишет в связи с этим: «И подлинно тогдашние русские войска были истые войска римские, столь же твердые, суровые, неустрашимые и уверенные в победе; Румянцев, Вейсман, Репнин и Суворов вдохнули в них весь воинственный дух свой. Нижние чины, большею частью настоящие, коренные русские, с телом, крепким как железо. Офицеры, между которыми было много уроженцев Остзейских губерний, суровые, как их климат, опытные и образованные многими войнами и тогдашней военной мудростью. Солдаты — усердные, послушные, готовые на все: в лагере — агнцы, в бою — львы, но раз спущенные, такие же свирепые как львы. Что для римского воина был его короткий меч, то для них был их штык; горе было противнику, ожидавшему сильного удара, направленного твердою рукою. Вейсман и Суворов беспрестанно твердили им, что они непобедимы. И они считали себя и были таковыми: вера в непобедимость даровала им победу, ибо кто решился не отступить, тот либо побеждает врага, либо умирает. Но коль скоро противник убедился в этом, то скоро лишается мужества и отступает, если только не может подавить превосходством силы. Так самопожертвование горсти храбрых приносит плоды даже для будущего времени, и неприятель, раз имевший дело с Леонидовыми спартанцами, Цезаревым десятым легионом, Суворовскими “чудо-богатырями” и Наполеоновской старой гвардией, сохраняет глубокое впечатление их непобедимости и в страхе бежит от боевых исполинов этого рода. Непредвиденные неудачи могут на мгновение удручить народ, но если он имеет подобные воспоминания, то всегда сохраняет ту силу напряжения, которая дарует побуждение и стремление к новым подвигам»⁴⁸.

Суворов не просто равнялся на римские войска, он неизменно подчеркивал: необходимо быть лучше их в искусстве и доблестях, ибо «мы — русские, с нами Бог!» В Альпах он говорил Милорадовичу: «Провидение забросило нас в облака... Знаешь ли ты трех сестер, которые перевели нас через горы?.. Они называются Вера, Надежда, Любовь — с ними Бог! Выбери себе героя, догоняй его, обгони его! Мой герой Цезарь. Альпы за нами, и Бог перед нами! Орлы Русские облетели орлов Римских»⁴⁹. Римская и Византийская империи погибли под ударами варваров, ибо дух и нравственный элемент войск пришли в упадок, войска стали пополняться негодными элементами, добродетели и доблесть перестали цениться на вес золота. Римская армия оказалась без души, и ей не могло ни знание военного искусства, ни самая совершенная техни-

ка, ни изощренная мысль, стратегемы и хитрости⁵⁰. Подтвердился закон, суть которого в начале XIX века блестяще выразил прусский военный реформатор Герхард Шарнхорст: «Мы имеем расположение ставить военное искусство выше, чем военные добродетели, что было во все времена причиною гибели народов. Храбрость, самопожертвование, постоянство суть основные устои независимости народа. Если наше сердце перестанет ими вдохновляться и для них биться, тогда мы погибли, хотя бы даже среди самых блистательных побед»⁵¹.

Нравственное превосходство. История наглядно свидетельствует о ценности моральных величин в военном деле. Наполеон прямо утверждал, что на войне победа зависит на три четверти от нравственных сил и лишь на одну четверть — от материальных. Клаузевиц в конечном итоге пришел к выводу, что моральные силы на войне «занимают самое важное место... насквозь пропитывают всю военную стихию», что и воля, руководящая всей массой материальных сил, «есть величина моральная». Только «скудоумием», полагал признанный классик, можно объяснить исключение из теории военного искусства правил и принципов, относящихся к явлениям духа. Сопоставляя материальное и духовное, отмечал он, «можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла»⁵².

В своей победительной системе Суворов воплотил эту истину гораздо раньше, чем Наполеон и Клаузевиц смогли осознать ее. С самого начала боевой деятельности она была для него очевидна и к тому же соответствовала национальной военной традиции, культивирующей воинскую доблесть как безусловно сильное и неизменно спасительное для Отечества качество русской армии. Д.Ф. Масловский отмечает, что и в Киевской Руси, и в Московском царстве нравственный элемент войск «выделяется резко» и сильно влияет на исход войн. «Не подлежит сомнению, — пишет он, — что высокое развитие нравственных начал главным образом способствовало тому, что еще княжеские дружины, “вои” (земское войско) и царские рати в ожесточенной борьбе с врагами успели не только отстоять независимость своего Отечества, но и положить прочное начало к окончательному объединению России в своих исторических границах... Эти нравственные причины, столь могущественно влиявшие на конечную историческую победу русских ратей, заключаются в: 1) самоотверженной преданности ратников своей Родине, главе Отечества и православной вере; 2) упорной выносливости ратников в походах и храбрости в бою; 3) тесной дружинной связи отдельных войск между собой; 4) гордом отношении войска к славе русского оружия за границей»⁵³.

При Петре, Румянцеве и особенно в эпоху Суворова в русскую армию, нравственно и духовно еще более возвышенную, вводятся такие недостающие ее органике элементы, как регулярство и военное искусство, которые развиваются по-прежнему на нравственной основе, под влиянием духовных качеств солдат, офицеров, генералов и вождей. *Моральный дух войск остается первым и определяющим условием победы.* Именно нравственным превосходством над противником объясняются изумительные успехи армии в данный период. Дух армии был опорой вождям, и сила духа вождей, их личный пример вели вновь ее к победам. А. Верховский подтверждает этот тезис следующим размышлением: «В этой обстановке и выросла та школа воспитания и вождения армии, которая сделала ее первой силой современной Европы. Опора на *сильные стороны человеческого духа, сознание целей борьбы, чувства долга, чести, самостоятельности,* не оставляя без внимания честолюбия, — эти факторы создавали нравственную мощь армии, давая возможность вождям с таким совершенным боевым аппаратом создавать блестящие образцы военного искусства... Суворовская школа, развивая идеи, положенные в основу нашей армии еще Петром, выявила, что *главное на войне есть дух человека,* который в окончательном итоге решает победу или поражение. Несмотря на то, что Суворов и его друзья жили в эпоху наивысшего расцвета крепостного права, что уже в то время немецкая школа проводила в нашей армии взгляд на солдата, как на животное, пушечное мясо, наша армия, наоборот, строила силу своих «чудо-богатырей», воспитывая, развивая человека в человеке. Суворов стремился дать солдату ясное понимание высокой цели, во имя которой он шел на смерть, стремился дать ему *идеал,* более дорогой, чем жизнь. Он внушал ему *веру в себя,* он стремился создать ему человеческие условия жизни и сблизить его с офицером *в тесном боевом сотрудничестве,* подавая сам пример *простоты* жизни, братского *гуманного отношения* к подчиненным»⁵⁴.

Формулы победотворчества. Главный секрет суворовской «Науки побеждать» — в организации духа войск, в руководстве им, в развитии и эксплуатации морального элемента (нравственных сил). Его система органически включает в себя, наряду с искусством (умением побеждать), нравственные качества, необходимые российскому воинству. В связи с этим и само военное искусство становится не просто духовным по своей сущности, но и приобретает неповторимый национальный характер. Эта особенность подтверждается различными формулами «победотворчества», синтетически отражающими суть суворовского учения:

• «Субординация — послушание, экзерциция — дисциплина, ордер воинский — порядок воинский, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава»⁵⁵.

• «Вот моя тактика: отвага, мужество, проникательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав, глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение»⁵⁶.

• «Вера, язык, нравы — россияне в союзных влияют: бодрость, храбрость, мужество, терпение, трудолюбие, постоянство, глазомер, быстроту, импульзию»⁵⁷.

• «Я не любитель соперничества, демонстраций, контрмаршей; вместо этих ребячеств — глазомер, быстрота и натиск — вот мои руководители»⁵⁸.

• «Искусство в мгновенных приступах к воспользованию по переменам обстоятельств, недреманность, трудолюбие, исправность в соблюдении повелений, собственное проникание при бодрости, храбрости и мужестве...»⁵⁹

• «...Полагая за единственное правило, что хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать из искусства, которое возрастает от испытаний при внушениях и затверждениях каждому должности его. (Не надлежит мыслить, что слепая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство)»⁶⁰.

• «Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам... не отставать друг от друга»⁶¹.

• «Работать быстро, скоро, храбро, по-русски»⁶².

• «Смелая нападательная тактика... Только смело атаковать... Атакуя, внушаешь страх»⁶³.

Отличительной чертой военной системы Суворова является ее направленность на формирование личности воина-победителя-гражданина, профессионала «с заостренной моралью», высшими духовными качествами. Не масса и не число, а именно высокоразвитые личности с военным призванием, с верой и верностью, чувством чести и достоинства, со знаниями, разумом и умением составляют живой организм и душу армии, ведут ее к победе и славе. Русский военный человек, имеющий в сердце образы Бога и Родины, сознающий себя защитником Отечества, самой главной силой и в то же время обычным солдатом победоносного российского воинства обязан соответствовать наивысшим духовно-нравственным и профессиональным идеалам, неустанно стремиться к высотам военного искусства, непрестанно совершенствоваться в военном деле, беря пример с Суворова, обучаясь в его школе, следуя его наказам и наставлениям. По мнению Суворова, быть безотечественником, безбожником, мерсенером (наемником), неудачником, немогушкой, двуличкой, потакать леноумию, злоглупству, невежеству, праздности, предательству, бесчестности — позорно и оскорбительно, немисливо по отношению к русскому христолюбивому воину.

В автобиографии от 1786 г. Суворов записал: «Потомство мое прошу брать мой пример: всякое дело начинать с благословением Божьим, до издыхания быть верным Государю и Отечеству, убежать роскоши и праздности, корыстолюбия и искать славы чрез истину и добродетель, которые суть моим символом. Не для суеты, но для оного я в сие плодovitое описание вошел...»⁶⁴. Поучительны не только воинские правила, но прежде всего главные принципы (духовно-нравственные символы) жизни полководца:

Отечественность. «И великий Кобург мерсинер (наемник. — А.С.), но ни я, ни русские — они отечественники: различие иностранных правлений с российскими... Господь дарует мне жизнь для блага государства... Только постоянная ревность к службе Отечества, [дабы] слава, польза, благоденствие России паки верховно возросли... Соблюдение моей отечественности в общем благе... Сколь сладостно посвятить жизнь общественному благу... Не пешишься о собственной нашей персоне, презираешь превратности фортуны и жертвовать собою для блага Отечества и человечества... Кровь лить не для славолубия, что мне незнакомо, а для пользы великого Монарха... Россия службою моею питалась, Вашею питаться будет. Слава Богу поборающему!»⁶⁵

Добродетель. «...Всегда благочестие, благонаравие, добродетель... Добро делать — спешить должно... Желал делать только добро или, по крайней мере, всегда о том старался. Сердце мое не знало в сем колебаний, а должность никогда мне не препятствовала. Поступая как честный человек, остерегался я одного нравственного зла, а телесное само собою исчезало. Безукоризненная моя добродетель услаждается одобрением моего поведения... Если вы хотите истинной славы, следуйте по стопам добродетели. Кто за нею бежит — она бежит от того, а истина благосклонна одному достоинству... Добродетель — мать достоинства... Государству величайшему подпорою — люди одной непомраченной добродетели (разумные в зрелой добродетели), но и веры, ибо нет у тебя Бога, — нет Государя»⁶⁶.

Трудолюбие. «Трудолюбивая душа должна всегда заниматься своим ремеслом: частое упражнение также оживотворяет ее, как ежедневное движение укрепляет тело... Строго остерегаться вредного изнурения, но тем паче к трудолюбию приучать, убегая крайние празности... Жертвовать мнимым ленистым успокоением истинному успокоению духа, состоящем в трудолюбивой охоте к военной службе и заслужить тем самым бессмертную славу... Я от трудов истинно насытил на ногах. А чуть опустишь напряженные струны, арфа будет балалайкою... Труды мои посвящены на пользу и верность Ее Императорскому Величеству и Отечеству»⁶⁷.

Честь и честолюбие. «Слава и честь... Я честный человек, честно служил, из чести служу... Я чист душою и сердцем перед

Богом и моей Великой Императрицей, в чем моя совесть никогда не упрекает... Честь моя мне всего дороже, покровитель ей Бог... Доколе жив, — служить, хотя и иногда отдыхать. Так долг христианина!.. Себя не унижить. Вы знаете меня, унижу ли я себя? Лучше голова долой, нежели, что ни есть утратить моей чести: смертями 500-ми научился смерти не бояться. Верность и ревность моя к высочайшей службе основана на моей чести... Без честолюбия, послушания и благонаравия нет исправного солдата... Возбуждать честолюбие... Мое честолюбие одно: отдать скоро ответ пред престолом Всемогущего о моей верности великому монарху... Жадность моя к награждениям, которой нет, разве их благоприятие... Титлы мне не для меня, но для публики потребны»⁶⁸.

Правдолюбие. «Будем всегда служить верою и правдою и сим посраим врагов наших... Рано ли, поздно ли, правда всегда сама собою славна, но прибавленная к ней ложь бесчестит и достоинство производства... Я люблю правду без украшений... Всегдашняя вредная ложь; почитание Бога и Богоматери и Святых состоит в избежании от греха; источник его ложь, сей товарищи лести и обман... Не только мне, но и каждому офицеру терпеть лжи невозможно... Ложь не преобразится в блистательную истину, невежество не будет украшено неуязвимостью... Книгомарателей же разумные не весьма почитают, но справедливых авторов, кои добиваются до правды... Не легче ли полагать законом, что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным... Весьма нужно иметь о неприятеле верные известия... Основательное, справедливое и необлыжное рапортование... Лживая слава — подлая то слава, — потом напрасные труды, бесполезные движения и во вред!.. Не будьте только угодным, но полезным»⁶⁹.

Великодушие и человеколюбие. «Не меньше оружия поражать противника человеколюбием... Не мщением, но великодушием покорена Польша. Так удобно и Францию покорить... Славнее России усмирить беспокойства великодушно... Но и злодеев наших нам надлежит побеждать благодеяниями... Ускромлять их разорениями с российской стороны неприлично, но имперским великодушием... Победителю прилично великодушие... Преуспевайте человеколюбиво... Цезарь заметил после Фарсальской битвы: надобно прощать своим врагам... Пушки твои, люди твои, — вали на месте, гони, коли, остальным давай пощаду, они такие же люди: грех напрасно убить... С покорившимися наблюдать полное человеколюбие... С пленными поступать человеколюбиво, быть милосердну, стыдиться варварства...

Гордость, пекущаяся об одном самолюбии, на общественные приказания снизойти не может, человеколюбия не знает и рождает о нем нерадение... Я лучше сам смерть приму, нежели видеть

страдающее человечество... Мне солдат дороже себя... Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании здоровья солдат, истинного искусства, благонравия; милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством. Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в войсках».⁷⁰

Здоровье, слава, честь, дружба, трудолюбие, мужество, храбрость, искусство успешно воевать и другие добродетели в суворовской системе существовали не сами по себе, и «не для собственных видов», то — для «службы» и «пользы Отечеству», причем в соответствии с высшим критерием: «честный человек на войне должен себя жертвовать Отечеству»⁷¹. Как и о здоровье солдат Суворов заботился не просто из-за человеколюбия, а чтобы «быть постоянно здоровым для блага Отечества»⁷². То же относится к трудолюбию и чести: «Животное, говорю я, нам подобное, привыкает к трудам, пусть даже с заботами сопряженным, и, лишившись их, почитает себя бессмысленной тварью: продолжительный отдых его усыпляет. Как сладостно мне вспоминать прошедшие труды! Служа августейшей моей государыне, я стремился только к благу Отечества моего, не причиняя особенного вреда народу, среди которого я находился. Неудачи других воспаляли меня надеждою. Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека; но я заключал доброе имя мое в славу моего Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию. Никогда самолюбие, часто послушное порывам скоропреходящих страстей, не управляло моими деяниями. Я забывал себя там, где надлежало мыслить о пользе общей. Жизнь моя была суровая школа, но нравы невинные и природное великодушие облегчали мои труды: чувства мои были свободны, а сам я тверд!»⁷³

Деятельность. Жажда общественно-полезной обдуманной деятельности (решительной активности, многотрудности) на военном поприще и жажда знаний (непрестанная «наука из чтений», чтобы «знать вести войну») — еще два духовных качества, отмеченных Суворовым и особенно необходимых военному человеку и прежде всего офицеру для победотворчества. Только «особая деятельность и отличные знания службы заранее дают уверенность в наилучшем успехе»⁷⁴. Сочетание недеятельности, нерешительности, праздности, подражаний, томности, вялости, лени, мечтаний, пассивности (отсутствия энергичности) и невежества вкуче с немогузнайством всегда приводят к поражениям.

По Суворову не храбрость и мужество, не искусство даже, а именно «деятельность есть важнейшее из всех достоинств воинских»⁷⁵.

Подчиненным ему генералом он постоянно напоминает о «деятельном выполнении повелений», о необходимости действовать

«деятельнейшим образом», «со всею деятельностью», с «деятельным усердием», принимать деятельное участие в общих действиях. Подчеркивает, что «присутствие опытного и деятельного полководца стоит более целой армии»⁷⁶. Наконец, настоящим завещанием можно считать слова в одном из последних писем Суворова: «Бога ради, будьте деятельны!»⁷⁷

Быть деятельным — это означает службу по призванию, стремление туда, где «построжае и поотличнее война», горячее желание настоящего военного дела, вплоть до волонтерства в союзных войсках, и абсолютное нежелание быть «захребетником», не в употреблении по своему прямому боевому (полевому) назначению. Суворову не надо наград, лишь бы исторгли его «из праздности» и дали кончить высочайшую службу с оружием в руках, «хоть в бездне океана», а лучше бы оставили его при уже оправдавшей себя «первой военной роли». Следующие размышления полководца, относящиеся к 1792–1793 гг., наглядно раскрывают эту позицию: «Судите, как мне расстаться с активной моей военной первой ролью, в которой я привык почти через столько лет... хотя часто с первого виду я только за кулисом, и степени не препятствуют. В 1774 г. при моем генерал-майорстве привел я в движение всю большую машину. Оттого Козлуджи, оттого Кайнарджи, так прежде и после, даже что в Прусской войне я подполковником и имел ту ж колонну, как мой генерал, но в лучшем успехе. Отниму ли я того человека, как я, у Отечества, чтоб обратить его в спекулятивное? ...Каховский, Ингельштром и Кречетников суть на театре чести и славы. Сухопутная операция вперед моя! Нет ее... Флот идет: мой долг умереть хоть под контр-адмиралом в 4-х элементах или победить десантным войском, какое бы его количество не было. Здесь (в Херсоне. — А.С.) долго чего, кроме гарнизонщины, не ожидать. Я же всех легче, ни за что награждений требовать не буду... Моя оглохлая судьба. Истинно, не мое дело инженерными миллионами править. Какой бы малый корпус ни был, все мне лучше быть в поле, хоть чрез море»⁷⁸.

Суворов берет пример с Юлия Цезаря, основную часть своей сознательной жизни проведенного в непрестанных военных трудах. Ему больше хочется быть Марком Клавдием Марцеллом, прозванным «мечом Рима», чем Луцием Квинкцием Цинциннатом (римский консул, который в дни мира занимался земледелием и только вынужденно, в силу верности гражданскому долгу, брался за оружие во время войны, одерживая победы). Кредо Суворова просто и ясно: военный по призванию и профессии не имеет права следовать «прежней римской морали», «дезертируя к сохе». Настоящая боевая служба требует полной самоотдачи, ее нельзя даже разбавлять «генерал-адъютантством» или «генерал-губернаторством» (эти звания и должность Суворов никогда не имел).

В июле 1799 г. Полководец засомневался в успешном окончании Итальянской кампании из-за интриг, нерешительности, робости и медлительности Венского двора. Только поэтому он вспоминает о Цинциннате: «Даруй, Боже, скорее здоровье Шателеру. Но более того, Боже, даруй (коли не прежде) сию кампанию благополучно кончить. Более служить отнюдь я не в силах и... Цинциннат...»⁷⁹ Позже, в ноябре 1799 г., после того как были разбиты (принесены в жертву австрийским интересам) русские войска Корсакова и сам Суворов оказался почти в безнадежном положении, он просится у императора в отставку, но только из-за чести — союзниками оскорблена Россия! Сам же собирается и предлагает всем открыться уже зимой, и как можно раньше, вторую кампанию против французов: «Боже даруй! Достигнуть до границ, в спокойное время повергнуться лично к освещеннейшим стопам, побыть Цинциннатом с ежечасною готовностью обратиться паки в Маркелла»⁸⁰. То есть докончить дело после заслуженного отдыха изнуренным войскам и поправления собственного здоровья, которое пришло в расстройство после стольких испытаний.

«Наука из чтений» (просвещение). Суворов всю жизнь учился. И не только в практической школе войн, начиная с Семилетней или, как ее называли Прусской, но также у величайших полководцев и выдающихся военных писателей — лучших из лучших. Их дела и труды он рекомендовал изучать постоянно. Ф. Булгарин, ротный командир Суворова в Семеновском полку, спросил его однажды, отчего он не водится ни с одним из своих новых товарищей. Уже в то время тот ответил: «У меня много старых друзей: Цезарь, Аннибал, Вобан, Кегорн, Фолард, Тюренн, Монтекуккули, Роллен...»⁸¹ Как уже было отмечено, Суворов брал пример с Цезаря, вполне обоснованно считая: «Если бы я был Юлий Цезарь, то назвался бы первым полководцем мира»⁸². Всегда держал в памяти имена и дела Александра Македонского и Ганнибала, других полководцев древности. Стремился от каждого из них перенять те или иные положительные черты деятельности и характера, взять для себя что-то поучительное. У римского консула Гая Лусцина Фабриция — скромность, честность и благородство; у спартанского царя и полководца Агесилая — силу воли, доблесть, скромность, подлинно «спартанский» неприязательный образ жизни; у афинского полководца Аристида и Эпаминонда (выдающегося полководца и политического деятеля Фив) — открытость, честность и правдивость. «Часто я был нужен в виде Леонида»⁸³ — спартанского царя, прославившегося защитой Фермопильского ущелья во время вторжения персидского войска Ксеркса в Грецию в V веке до нашей эры.

Законом военного искусства Суворов учился и у более близких по времени к нему полководцев и военных деятелей XVII века:

Карла Лотарингского, Монтекуккули Раймунда, Евгения Савойского, Лаудона Гедеона Эрнеста (Австрия); Тюренна де Ла Тура, Конде Луи Бурбона, Вобана Себастьяна Ле Претра, Николы де Катини, Морица Саксонского, Виллара Клода Луи Виктора (Франция); Кугорна Менно (Голландия), Джона Черчила Мальборо (Англия). Особо привлекали Суворова походы и сражения шведских полководцев Густава-Адольфа и Карла XII, правда у последнего он отмечает склонность к роскоши и авантюрам. «Каролинцы, их победами надменные, надеясь на себя излишне, отдыхают в Дрездене по-капуанскому (то есть роскошно, как Ганнибал в Капуе. — А.С.) и перебежки земли неисчисленные, падают при Полтаве пред Петром Великим», — писал Суворов в 1771 году в заметках о конфедератской войне⁸⁴.

Суворов ценил военное искусство Фридриха Великого, что, однако, не помешало ему при введении в русской армии Павлом I прусских порядков заявить: «Я — лучше Прусского покойного великого короля; я, милостию Божию, батальи не проигрывал... Мою тактику прусские принимают, а старую, протухлую, оставляют: от сего французские их били»⁸⁵. Крепко поколачивая французов в Италии, Суворов в то же время восхищается наступательной тактикой действий французских войск, родственной его системе. Бонапарта он уже тогда считал одним из величайших полководцев мира, предрекая ему бессмертную военную славу, если тот не «бросится в вихрь политический». В октябре 1796 г., во время блистательной Итальянской кампании Наполеона Бонапарта, убежденный сединой и тоскующий по военной практике Суворов пишет: «О, как шагает этот юный Бонапарт! Он герой, он чудобогатырь, он колдун! Он побеждает и природу, и людей; он обошел Альпы, как будто их и не было вовсе; он спрятал в карман грозные их вершины, а войско свое затаил в правом рукаве своего мундира. Казалось, что неприятель тогда только замечал его солдат, когда он их устремлял, словно Юпитер свою молнию, сея повсюду страх и поражая рассеянные толпы австрийцев и пьемонтцев. О, как он шагает! Лишь только вступил на путь военачальства, как уж он разрубил Гордиев узел тактики. Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему ведомая неодолимая сила натиска — более не надобно. Спротивники его будут упорствовать в вялой своей тактике, подчиненной перьям кабинетным; а у него военный совет в голове. В действиях свободен он, как воздух, которым дышат; он движет полки свои, бьется и побеждает по воле своей! Меж тем, покуда мир Европейский и тактика обновляются, я цепенею в постыдном бездействии; я изнемогаю под бременем жизни праздной и бесполезной. Вот мое заключение: пока генерал Бонапарт будет сохранять присутствие духа, он будет победителем; великие таланты военные доста-

лись ему в удел. Но, ежели, на несчастье свое, бросится он в вихрь политический, ежели изменит единству мысли, — он погибнет»⁸⁶.

Наряду с усвоением великополководческого искусства Суворов изучает специальные военные трактаты, труды «мудрого Сократа». С.М. Кузнецова он просит в 1784 г. купить и прислать ему «книжку Фонтенелеву о множестве миров» (в которой излагается система Коперника и сложнейшие вопросы астрономии), а также выпуски парижского журнала «Энциклопедик де Бульон». Следит за военной и политической обстановкой в мире. Знает, что происходит в Европе, Америке, Египте, Персии, Турции и Швеции. В этой связи и чтобы своевременно узреть военные опасности, угрожающие интересам России, его «непреренно интересовать должны» политические газеты, которые он желает получать, находясь даже в такой глуши, как Кюмен-город. В 1791 г. он пишет Ф.В. Остен-Сакену: «Я держал газеты немецко-гамбургские, венские, берлинские, “Эрланген”; французские — “Барей”, “Курье де Лондр”; варшавские-польские, Санкт-Петербургские или Московские-русские; французский малый журнал “Энциклопедик де Бульон”; немецкий гамбургский политический журнал. Как год в исходе и надлежит заказать на будущий новые, то покорно прошу Вашего Высокоблагородия принять сей труд на себя с тем, не изволите ли Вы прибавить “Нувель экстраординар”»⁸⁷.

«Бегайте леноумных», «бойтесь немогузнаек», остерегайтесь «бедных академиков», извращающих действительность своими оторванными от жизни теориями и нередко порождающими «адские козни» и «злоглупство», — не устает повторять Полководец. Не забывайте, что истинная наука расширяет кругозор, формирует «верный взгляд военный» и глазомер, помогает «предвидеть будущее по обстоятельствам», учит искусству побеждать, укрепляет ум, просвещает в добродетели («наука просветила меня в добродетели»)»⁸⁸, возбуждает мужество. Русский офицер, тем более генерал, следуя добродетельным путем, должен непрестанно заниматься «наукой из чтений», чтобы «весьма сведующему быть» в своем деле, все знать и все уметь. Он не имеет права сам быть «немогузнайкой», за что ему — по Суворову — арест. Как патентованный защитник Отечества, он просто обязан вести «войну» с немогузнайством в солдатской среде, к которой предъявляются очень высокие требования, так как суворовскому солдату — «чудо-богатырю» — надлежит быть «здорову, храбру, твердо, решиму, правдиву, благочестиву»; содержать себя «в бодрости, смелости, неленостной службе и непорочных поступках»; при всяком случае быть «на себя надежным», знать правила воинские, выученное подтверждать, повторять и не забывать (что и осуществлялось по отношению к «Науке побеждать»)»⁸⁹. Почему войска Суворова были непобедимы? Фран-

цузский эмигрант Дюбокаж, прослуживший при Суворове довольно продолжительное время, так отвечает на этот вопрос: «Последний солдат, из попавших в сферу его влияния, узнавал и практически, и теоретически боевое дело лучше, чем теперь его знают в любой европейской армии в мирное время, не исключая и самых образованных. Сознав ясно, что для победы нужно укрепить солдата умственно, нравственно и физически, он и свою систему воспитания сообразил строго последовательно с этою целью, не делая никаких уступок. Развитие сметки и особенно упорства, характера, притупление инстинкта самосохранения, насколько это возможно в живом существе, укрепление ума последнего солдата положительным знанием военного дела, — вот суворовская система во всем ее простом и осязаемом величии»⁹⁰.

Качества русского офицера. Суворов предъявляет к русскому офицеру чрезвычайно высокие, поистине полководческие требования. В мирное время и в бою он должен, по примеру Суворова: оказывать «усердие и любовь к благу и славе Отечества», «особливое рвение в делах, ему вверенных»; иметь «превосходное искусство военное, предприимчивость, дальновидность, пронидательность, мужество, храбрость и неустрашимость»; проявлять «мудрость, большой разум, благоразумие, бдительность и предусмотрительность, твердость, решительность, трудолюбие, деятельность, попечительство, честность и военные таланты»; «отлично подавать руководство», чтобы диспозиция его, как и у храброго капитана В.П. Дитмарна в бою при Сандомире 15 ноября 1770 г., равнялась «с диспозициями славнейших полководцев», хотя и людей у него было меньше 200 человек, и чтобы в конечном итоге можно было сказать, что «благонадежен он на войско, а войско благонадежно на него»⁹¹. Офицер — это человек надежный, верный, достойный, дельный, «прочный к службе не рассказами, а делом», не впадающий «ни в малейшую роскошь», знающий «воспитание, честь, храбрость»⁹². В российской офицерской среде должно быть как можно меньше Веденяпиных, Корсаковых и Германовых (неудачных), но больше Арцибашевых, Дитмарнов, Багратионов, Суворовых (владеющих искусством побеждать).

Суворов предлагает образовывать и возвышать офицеров не академической схоластикой и не так называемым «светским воспитанием», а благовидно, сходно с «российскими обычаями», в собственной и достаточно суровой жизненной школе. «Жизнь краткая, наука длинная и последнее, откуда он лучше почерпнет, как от меня, ему привязанного...» — пишет он В.С. Попову о полковнике В.И. Золотухине⁹³. Близким ему по духу, службе или родству и имеющим отношение к офицерской профессии он дает в разное время следующие примечательные наставления.

Одному из ближайших своих друзей (Д.И. Хвостову) и сыну Аркадию, получившему от Павла I в 15 лет звание генерал-адъютанта, Суворов сразу же советует: «Аркадию потребны непорочные нравы, а не визиты, контрвизиты. Не обращения с младоумными, где оные терпят караблекрушение... Будь благонаравен, последуй моим правилам, будь почтителен... употребляй праздное время к просвещению себя в добродетелях. Господь Бог с тобою... Аркадию — благочестие, флагонравие, доблесть. Отвращение к двусмысленности, загадке, фразе, умеренность, терпеливость, постоянство»⁹⁴.

Своему племяннику, А.И. Горчакову, напоминает: «Господин полковник Князь Алексей Иванович, благодарите Бога ревностию к службе Вашей Великой Императрице и в моральном виде будьте моральны... Последуй Аристиду в правоте, Фабрициану в умеренности, Эпаминонду в нежливости, Катону в лаконизме, Цезарю в быстроте, Тюренну в постоянстве, Лаудону в нравах»⁹⁵.

Для сержанта С.Г. Долгово-Сабурова, служившего одно время адъютантом и допустившего непристойные шутки, Суворов составляет следующее «нравоучительное надписание»: «А будь благочестив, добродетелен, тверд, великодушен и праводушен, чистосердечен, терпелив, непоколебим — время все очищает — с вертопрахами не знайся. Наш Спаситель тебя будет миловать»⁹⁶.

Основные достоинства офицера характеризуются следующим образом: «У меня Золотухин. Служба его непорочна, должности с трудами их в его должности замыкались, и храбрость его надлежала быть ограждена не одною смелостью, как часть в частных, но руководствуема искусством и мужеством. Не смежные службе поступки его, сколько знаю, не предосудительны, только не хвалю как излишнее его важное пребывание в Москве по собственностям: *солдату не отходить от солдат*, в тишине готовиться к разрыву»⁹⁷.

Даже правителя канцелярии Г.А. Потемкина П.И. Турчанинова Суворов побуждает действовать в духе своих правил: «Будьте деятельны, тверды и решимы, как начальники, и орудием успехов овлажьте по пограничным фортам... Как прозрачного человека в пользу к Высочайшей службе Вас обнимаю»⁹⁸. При оценке человека для Суворова важно, чтобы им соблюдались главные правила: «Кто бы ни был, был бы 1-й деятелен, 2-й наступателен, 3-й послушен»⁹⁹.

Трехлетнему поручику Александру Карачаю, своему крестнику, зачисленному на русскую службу по просьбе Суворова, знавшего его отца — австрийского кавалерийского начальника, отличившегося при Фокшанах и Рымнике, Полководец составляет целую программу военного становления российского офицера: «Любезный мой крестник Александр! Как военный человек, вникай прилежно в сочинения Вобана, Кагорна, Кюраса, Гюбнера. Будь знающ не-

сколько в богословии, физике и нравственной философии. Читай прилежно Евгения, Тюренна, записки Цезаря, Фридриха II, первые тома истории Роллена и «Мечтания» Графа Сакса. Языки полезны для словесности. Учись понемногу танцам, верховой езде и фехтованию. Достоинства военные суть: отвага для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала, но оные должны быть руководимы порядком и дисциплиной, управляемы неусыпностью и прозорливостью. Будь чистосердечен с друзьями, умерен в своих нуждах и бескорыстен в поведении. Являй искреннюю ревность к службе своему Государю, люби истинную славу, отличай любочестие от надменности и гордости, приучайся сызмальства прощать погрешности других и никогда не прощай их самому себе. Обучай тщательно своих подчиненных и во всем подавай им пример. Упражняй непрестанно глаз свой — только так станешь великим полководцем. Умей пользоваться положением места. Будь терпелив в трудах военных, не унывай от неудач. Умей предупреждать случайные обстоятельства быстротой. Различай предметы истинные, сомнительные и ложные. Остерегайся безвременной запальчивости. Храни в памяти имена великих мужей и подражай им с благодарением в своих военных действиях. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается; знай, в чем он силен и в чем слаб. Приучай себя к деятельности неутомимой, повелевай счастьем: один миг иногда доставляет победу. Счастье покоряй себе быстротою Цезаря, кой и среди бела дня умел своих неприятелей уловлять и окружать и нападал на них, когда и где хотел. Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учись всегда доставлять пропитания вдоволь. Да возвысит тебя Господь до геройских подвигов знаменитого Карачая!»¹⁰⁰

Возлагая орден Святого Георгия 3-й степени на подполковника И.О. Куриса, своего секретаря и начальника канцелярии, Суворов напоминает ему о необходимости приобретения достоинств генеральских:

«...Приобретать достоинства генеральские.

1. Добродетель, замыкающаяся в честности, которая одна тверда. Она — в содержании слова, в безлукавствии и осторожности, в безмщении.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего глазомер, то есть пользование положением места, — трудолюбие, бдение и постижение...

3. Непрестанная та наука из чтений; с начала регулярства — курс Марсов¹⁰¹; а для единственных 6-ти ордеров баталии — старинный Вигедий. По Русской войне мало описания, а прежнюю и последнюю Турецкие войны с великим затвержением эволюци-

ев. Старинные ж, какие случатся. Монтекукули очень древен, и много отмены соображать с нынешними правилами Турецкой войны. Карл Лотарингский, Конде, Тюрен, маршал Де Сакс, Виларс, Катинат, какие есть переводы и також поясняется текущею с французами войною. В ней много хороших правил, особливо к осадам! Стариннейшие ж, возбуждающие к мужеству, суть: Троянская война, комментарии Кесарева и Квинтус Курциус — Александрия. Для возвышения духа старый Роллен...»¹⁰²

Капитан П.Н. Скрипицын, с малолетства бывший любимцем Суворова, получил следующее наставление по жизни и военному искусству: «Дражайший Павел Николаевич! Посылаю тебе копию с наставления, писанного к одному из моих друзей, кой родился в прошлую кампанию среди знаменитых побед, одержанных его отцом, и при крещении моим именем был наречен. Герой, о котором я говорю, весьма смел без запальчивости; быстр без опрометчивости; деятелен без суетности; подчиняется без низости; начальствует без фанфаронства; побеждает без гордыни; ласков без коварства; тверд без упрямства; скромнен без притворства; основателен без педантизма; приятен без легкомыслия; единоравен без пристрастия; расторопен без лукавства; пронизителен без проницательства; искренен без панибратства; приветлив без оличностей; услужлив без корыстолюбия; решителен, убегает неизвестности. Основательное рассуждение предпочитает он остроумию; будучи врагом зависти, ненависти и мщения, низлагает своих недругов великодушием и владычествует над друзьями своею верностью. Он утомляет свое тело, дабы укрепить его; стыдливость и воздержание — закон его; он живет, как велит религия, его добродетели суть добродетели великих мужей. Исполненный чистосердечия, гнушается он ложью; прямой душою, рушит замыслы двуличных; знает он только с добрыми людьми; честь и честность составляют его особенные качества; он любезен командиру своему и всему войску, все ему преданы и исполнены к нему доверенности. В день сражения или похода размеряет он все подлежащее, берет все нужные меры и вручает себя совершенно промыслу Вышнего. Он никогда не отдает себя на волю случая, но, напротив, покоряет себе все обстоятельства по причине прозорливости своей; он во всякий миг неутомим»¹⁰³.

«Победа — враг войны»

Скорая победа. Именно в этой установке отражаются суть военной системы Суворова, его способ ведения войны, понимание, что задачей военного искусства (как и в целом воинских правил) является победа над врагом с наименьшей затратой сил и средств,

«с легким трудом и малой кровью», как не раз подчеркивал Петр Великий. Война — неизбежное зло, которое можно устранить только решительным поражением противника, быстрыми наступательными действиями (прямыми и короткими), максимальным напряжением воли и энергии, боем и кровью. А.В. Суворов: «Избрать правила успеха: решительность есть наилучшее; на что откладывать восторги зла?.. Только решительность и стремительный натиск могут решить дело... Чтобы иметь успех, надо иметь силу воли. Отчего якобинцы торжествуют во Франции? Потому, что их воля тверда и непреклонна, а вы не умеете желать... Никакое препятствие не считать слишком большим, никакое сопротивление — слишком значительным; но ради достижения неукоснительной цели счесть, что великое намерение, ради которого мы здесь соединились, должно быть достигнуто и с самым великим самопожертвованием — ничто не должно устрашать нас. И мы должны быть убеждены в том, что только решительность и стремительный натиск могут решить дело... Бей неприятеля, не щадя ни его, ни себя самого; дерись зло, дерись до смерти; побеждает тот, кто меньше себя жалеет, победа — враг войны»¹⁰⁴. Еще большее зло — неготовность к войне, затягивание войны, нежелание искать скорейшего ее решения, пассивность и медлительность, бесплодное маневрирование, попытки достичь наступательных целей оборонительными средствами, отступление, полумеры, оплачиваемые потоками крови. К устойчивому, выгодному миру может привести только скорая победа, которая завершается полным разгромом неприятеля. Правильное начало, истинное правило военного искусства, «нащупав слабейшую сторону неприятеля, напасть на него объединенными силами и, не усложняя операции робкими усилиями к соединению окольными дорогами, стремительно двинуться вперед... Пусть бог войны нам дарует скорую победу!»¹⁰⁵

Если уж дело дошло до войны, то необходимо вести ее как следует, серьезно все продумав и подготовив, с соблюдением законов военного искусства. На какой бы роли кто ни был, ему «воинские законы руководством, счастье от их правил»¹⁰⁶. При этом условия война с революционной Францией могла бы победоносно завершиться одной-двумя кампаниями уже в 1799—1800 гг. («гулял бы давно во Франции, как гулял в Италии») ¹⁰⁷, а она продлилась еще долгие и кровавые четырнадцать лет. Суворов командовал в это время только союзными войсками в Италии, у него не было достаточных сил и «полной мочи». Австрийский гофкригсрат придерживался оборонительной стратегии и пытался навязать ему нежесткие военные планы. В начале 1800 г. союзники старались убедить Суворова вновь принять участие в военных действиях на второстепенном направлении. Полководец по-фран-

пузски диктует следующую заметку: «Если еще раз начинать войну с Францией, то надобно вести ее хорошо. Если поведут ее худо, то это будет смертельный яд. Тысяча раз лучше ее не предпринимать по-прежнему. Всякий, вникнувший в дух революции, был бы преступником, если бы о сем умолчал. Первая большая война с Францией будет и последнею»¹⁰⁸.

Законы войны. Как гениальный полководец Суворов пользовался своею собственной счастливой формулой военного искусства, выразив ее суть словами «смелая нападательная тактика» и «глазомер, быстрота, натиск — вот мои руководители». Более развернуто она представлена в следующих правилах, изложенных в письме И.И. Прево де Люмиану 5 сентября 1798 г. в связи с возможными действиями австрийских и русских войск против Франции: «1. Только наступление. 2. Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие. 3. Не рассуждать — хороший глазомер. 4. Полная власть командующему. 5. Атаковать и бить противника в поле. 6. Не терять времени в осадах. Всего лучше брать крепости штурмом, силой. Так имеешь меньше потерь. 7. Никогда не распылать силы для охранения разных пунктов. Если неприятель их обошел, тем лучше: он приближается для того, чтобы быть битым. 8. Итак, нужен один наблюдательный корпус на Страсбург, да еще подвижный корпус на Люксембург. Его острие продвинуть с непрерывными боями до самого Парижа, как главного пункта, не останавливаясь в Ландау, разве что оставить там кой-кого для наблюдения, чтоб иметь свободным тыл, но не для отступления, о чем и думать не следует, а для обозов. Никогда не перегружать себя бесплодными маневрами, контрмаршами или так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков»¹⁰⁹.

При всей своей уникальности, привязанности к обстоятельствам и характеру противника представленная формула в целом соответствует общим законам и неизменным принципам военного искусства. П. Басов: «Все великие полководцы: Александр, Аннибал, Цезарь, Густав-Адольф, Тюренн, Карл XII, Фридрих Великий, Петр I и Наполеон, несмотря на разницу веков, народностей, на степень состояния оружия и прочее, руководствовались одними и теми же принципами. В отношении тактики и стратегии они придерживались одного начала — *держат инициативу в своих руках*, являясь перед неприятелем тогда и там, где он меньше всего ожидает и, наметив пункт атаки, разить со всею силою, бесповоротно. Что же касается до употребления ими разных родов оружия, то боевые порядки названных полководцев отличаются в этом отношении самым гармоничным сочетанием; но при этом, направляя все роды оружия к одной общей цели, каждый из них действует для ее достижения сообразно своим коренным свой-

ствам, никогда не изменяющимся при какой бы то ни было системе метательного оружия. Душою всех успехов на войне они признают нравственную энергию и высокое моральное настроение солдата и потому в своих войсках они стремились поддержать чувство личного достоинства и старались в последнем рядовом вселить чувство энтузиазма и преданности какому-либо отвлеченному принципу. Вместе с тем все они с войсками делят лишения походной жизни... Таков и Суворов. Быстрота, сила и натиск его действий одинаковы, как у прочих гениальных полководцев. Но он сверх того подтверждает к руководству глазомер, чтобы напомнить увлекающимся лишь одною внешнею стороною дела о внутреннем содержании, об идее, которую за впечатлениями глаза легко упустить из виду. Избрав пункт атаки, он вызывает всю силу энергии солдата и говорит о таком моменте боя, *что тут только кровь!* И он также видел весь успех войны в моральных силах, а не в численности, и никто более его, может быть, не старался поднять солдата до истинного понимания обязанностей военнослужащего; мало того, он стремился поднять солдата до самого высокого идеала воина, который грозен в бою, для которого самые страшные препятствия кажутся игрушкой и который не знает усталости... Во всяком предприятии Суворов не щадил себя и отдавал все свои силы...»¹¹⁰

Формула Суворова, по мнению Н.П. Михневича, удовлетворяет как основным принципам военного искусства, так и реальной обстановке (обнимает и принцип, и обстановку), а потому является самым полным выражением военного искусства: «...Для победы необходимы: 1) *глазомер*, то есть правильная оценка данной обстановки; 2) *быстрота*, обеспечивающая возможность создания внезапности, и 3) *натиск*, требующий для своего полного выражения возможно большего сосредоточения сил»¹¹¹. Быстрота действий Суворова менее связана со скрытностью и хитростью (как у Наполеона), но более — с «захватом врасплох», с нанесением сопернику быстрых и решительных ударов, изумляющих, устрашающих и не дающих опомниться. Суворовские войска по быстроте и подвижности не знали себе равных. Они появлялись там, где неприятель их не ожидал. «Такая неожиданность, ошеломляя врага, служила лучшей подготовкой войск. “Испуган — наполовину побежден”, — говорил он и, в самом деле, умел посеять трепет и колебание в рядах противника»¹¹². Свои же войска Суворов готовил и учил так, что в бою для них не существовало никаких неожиданностей и ничто не могло поразить или устрашить их. Суворовский натиск — это не только сильный сосредоточенный удар и энергичная эксплуатация победы, но и необычайные стойкость и упорство войск, способность их к чрезвычайным усилиям на грани невоз-

можно, «отчаянный бой» и другие факторы, исключают поражение и гарантирующие победу даже в неблагоприятных условиях. Чтобы одержать принципиально важную победу в сражении под Кинбурном (1 октября 1787 г.) Суворов допускает высадку пятитысячного отборного турецкого десанта, а затем полностью уничтожает его в ожесточенном девятичасовом бою, лично участвуя в нем и «обновляя» его три раза. Овчинка стоила выделки! С неудачами первого периода второй русско-турецкой войны было покончено. Российские войска, как и их главнокомандующий князь Г.П. Потемкин, восприняли духом. Суворов и его храброе войско были достойно награждены.

Не менее классический образец упорного сражения — трехдневный бой у Треббии 6, 7, 8 июня 1799 г. Несмотря на зной, многокилометровые марши, недостаток сил и средств, условия встречного боя принципиально важно было разбить войска Макдональда, не допустить их соединения с армией Моро, в первой серьезной встрече с французами доказать непобедимость и преимущества русских войск. «Встреча их в большой битве приобретала, таким образом, особенный оттенок; поражение не оправдывалось ни случайностью, ни несчастием, а представлялось стыдом, ущербом чести военной», — отмечает Петрушевский¹¹³. Суворов три раза «обновляет» сражение. Готов преподнести Макдональду и «четвертый урок», но тот, не выдержав напряжения боя, «добровольно отступает». Потери не только французов, но и союзников были значительны, но победоносный исход войны в Северной Италии стал очевиден.

Вот что пишет о способе ведения войны и о системе действий Суворова Фридрих фон Смитт, анализируя его действия в периоды командования Суздальским полком и участия в конфедератской польской войне 1768–1772 гг.: «...Он исподволь составил себе свою собственную систему: упражнение и изошрение *взгляда военного, быстрота* в исполнении, *сила и натиск* в бою были главными основаниями ее... Предметом постоянных усилий Суворова было образование вверенных ему войск. Для того чтобы сделать их сколь можно более подвижными и способными к маневрированию, он беспрестанно упражнял их в построениях, движениях и других военных действиях, особенно же в атаке в штыки, потому что только употребление белого оружия внушает войскам мужество и доверие к себе, неустрашающееся никакой опасности, — только им одним образуются герои... Как сокол глядел он из своего центрального пункта (Люблина. — А.С.) на окрест лежавший край: едва появлялась где-нибудь какая-нибудь партия, как он с *быстротою молнии* был уже там и сокрушал ее, летел с такою же быстротою на противоположный пункт, где показывались дру-

гие партии: нападал, разбивал, рассеивал, истреблял. *Никогда не считал он числа неприятелей*; он доверял себе и своим; со своею небольшою дружиною героев он не боялся нападать на противника, вдвое, втрое, впятеро сильнее; его смелость уже доставляла ему половину победы, а решимость и ничем непоколебимая стойкость его войск довершали ее. С другой стороны, кротко и человеколюбиво поступал он с побежденными и обыкновенно отсылал их на родину без дальнейшего вреда, лишь на честное слово и с обещанием сложить оружие. Так, то быстрою и деятельностью, то строгостью, то кротостью, он постоянно содержал в спокойствии вверенную его надзору часть страны... Уже здесь Суворов проявил свою тактику, которую выразил тремя словами: *глазомер, быстрота, натиск*, соответствовавшим знаменитым словам Цезаря: *veni, vidi, vici* (пришел, увидел, победил), и которую позже развил в большем размере. Его *глазомер* (*vidi*) указывал ему важные пункты, стратегические равно как и тактические, как для его движений, так и для его нападений; его *быстрота* (*veni*) приводила принятые им меры в исполнение еще прежде, ежели неприятель мог предполагать их, а *удар* или *натиск* (*vici*) в бою, твердая воля преодолеть все, что ни встретилось бы на пути, сокрушал всякое сопротивление. Так одерживал он успех за успехом и этим внушал своим войскам такое доверие, одушевление и самосознание, что они никогда не спрашивали, как силен неприятель, но где он находится, и предводимые им были уверены в победе, коль скоро только могли настичь противника. Суворов знал их, а они — его; он жил среди них и так, как они, ничем не лучше, не удобнее. В каждой опасности, в каждом труде был он первым и подавал пример, — а где солдат видит, что начальник его не останется назади, там он готов совершить невозможное. Впрочем, войска его не долго занимались пальбой, но решительно бросались в штыки на неприятеля, и последний почти никогда не выдерживал натиска, которого страшился; затем конница довершала поражение бегущих»¹¹⁴.

Упреждающая («предпобедительная») стратегия. Среди основ суворовского военного искусства — не только культ духовного начала, забота о развитии нравственных качеств войск, «глазомер, быстрота и натиск», но и чрезвычайно важная установка на то, чтобы не просто побеждать, но «предпобедать»: предварять, упреждать и предупреждать противника в планах, действиях, нападениях; работать на опережение; быть в постоянной готовности к любым столкновениям и войнам, заранее готовиться к ним; смело идти на встречу опасностям и неприятельским силам; проявлять искусство, благоразумие, расчет и предосторожность; действовать не только по обстоятельствам, но и по заранее обдуман-

ным принципам и воинским правилам, планам; имея в виду настоящее, предвидеть и воздействовать на будущее предусмотрительными мерами. Суворов стремится все делать «наперед»; по его мнению, будущее и особенно «предбудущее» управляют настоящим. Он подчеркивает: «Теперь приступим к делу и первое о настоящем, вникая в будущее... Я ясно вижу, как обстоят дела. *Будущее управляет настоящим...* Бдительность, быстрота, предусмотрительность... Генерал должен предвидеть будущее по течению обстоятельств, хозяином которых должен быть он... Не обольщайтесь от *Præsens*. Помните *Futurum* и его все части, их мне надобно чрез вас знать...»¹¹⁵ И сама деятельность должна служить тому, чтобы извлекать из нее уроки и правила для будущего. Пересылая Д.И. Хвостову свою переписку с австрийским правительством и эрцгерцогом Карлом, отмечает: «Се пиесы достопамятны, правила их для *переднего* нужны»¹¹⁶.

Суворов умел использовать обстоятельства, стремился в любой ситуации «действовать, смотря по обстоятельствам» («все подвержено обстоятельствам»)¹¹⁷. И при этом все обдумывал наперед. Глазомер в его понимании — не только «верный взгляд военный», «пользование положением места, — трудолюбие, бдение, постижение»¹¹⁸, «упражнение в обозрении положения своего места»¹¹⁹. Но также — «ясновидение», «остромыслие», «побеждающая нечаянность» прозорливость, «дальнейшее проницание», «воинская дальновидность», предвидение, учет последствий, преодоление «интересов часомыслия» и т.д. Даже о противнике следует доносить не только конкретные сведения, но и свои предположения-догадки: «Нужно к сведениям прикладывать свое мнение или свои соображения с тем, чтобы получить не только ясное представление обо всем, но и быть в состоянии делать *дальнейшие* выводы»¹²⁰. Более того: «...Начальникам, при сообщении известиев, осведомлений, описывать в них возможное предвидение и по последствиям настоящего, в будущем приличную прозрачность с военными, с политическими краткими рассуждениями, для предпобеждения оных...»¹²¹

Суворов полагал, что военные обстоятельства мгновенно переменяются, а посему для них нет никогда верного плана. Не делая планов частных, глядел на предмет в целом, отражая это видение в общих чертах в предположительном замысле действий, который в зависимости от обстановки превращался затем в план «спасительный и точный», быстро воплощался в жизнь. В августе 1799 — феврале 1800 гг. такие *планы-предположения* (намерения, замыслы) отрабатываются ежемесячно в противовес основным установкам венской политики, не позволяющей Суворову докончить дела в Италии, затвердить в ней завоевания и действовать наступательно во Францию: «Францию во Франции исправить,

так Высочайшее намерение... Докончить с Италией начисто... Филлипсбург, Мангейм, Майнц ими овладеть прежде должно. О, ежели б король прусский в то вступился... Ушел бы эрцгерцог из Швейцарии, Корсаков остается с 30 000 и хотя в свете ничего не боюсь, скажу, в опасности от перевеса Массены мало пособят мои 12 000 отсюда (из Италии. — А.С.) и поздно... Хорошо было бы иметь российских от 60 до 70 тысяч верных героев, а всего хоть с баварцами ко 100 тысячам. Для толь мудрой и Европе полезной экспедиции на Франш-Конте рано с первых шагов полагаться на контрреволюцию... План Тугутов — операции приметьте, отвес на эрцгерцога, его невольника (не на Суворова как главнокомандующего и командующего силами центра при австрийских крыльях. — А.С.), подкрепление мое для наследственных земель, как будто земля только и есть. Уже и тут оборонительное, а великий государь повелевает наступательное внутрь. Эрцгерцог Карл мне бесстыдно относился, что ему только велено пещися о закрытии наследственных земель... Стоит с лишком три месяца праздно; уходит, вместо того, чтоб освободить Швейцарию и коснуться Мангейма, Филлипсбурга и Майнца, чтоб не было за спиною крепостей... Тогут гонит, эрцгерцог бежит, не бьет Массену, будучи с российскими чуть не полтора сильнее его... Мой учитель Юлий Цезарь говорит, что *тот не сделал ничего, кто не закончил дела полностью*. Италия — это прелюдия. Идти до геркулесовых столбов, подобно англичанам, только что покончившим с Типу-Саибом. Вечность принадлежит только Господу Богу. По желанию нужно дать проект; проект требует плана. Уже из Турина я намеревался идти чрез Гренобль в Лион, а оттуда — до Парижа, но прежде только покончив с Италией... Во французском королевстве мы сильны для двух операций: 1) восстановив базу в Турине, идем через Дофине, Лион и т.д., воссоздав пьемонтскую армию, возвращаем короля в Турин; 2) через Франш-Конте... Начать со Швейцарии по первому же снегу, чтобы приготовиться к весне начать главную операцию... Швейцария вооружиться для собственной обороны и для создания своей милиции, из которой будет взято сколько можно для содействия главной операции, которая начнется весной после отдыха войск на главных квартирах... Операция через Рейн нехороша и натянута. А лучше операция первойшая: русским всем в Италию к Меласу, и чем она сильнее, тем вернее... Русские скорее следуют в Италию, в обход через Верону, дабы оттуда с австро-императорскими войсками проникнуть через Дофине и Лион до столицы королевства...»¹²²

Нельзя иметь «вид в одном настоящем», необходимо определять главные угрозы будущего, стремиться устранить их своевременно, на ранней стадии зарождения, до того, как они станут серь-

езной военной опасностью. Еще в 1796 году Суворов предлагал «приняться за корень, бить французов... от них война родится»¹²³. 12 августа он пишет Екатерине II: «Карманиольцы по знатным их успехам могут простирать свой шаг и на Вислу. Союзный король прусский, примирившийся с ними против трактата 1792 г., для выгод своих им туда особливо через Саксонию, может быть, препятствовать не будет. Всемилостивейшая Государыня! Я готов с победоносными войсками Вашего Императорского Величества их *предварить*; турки еще частью спят и прежде полного лета нечего от них ожидать»¹²⁴. В обстоятельном плане войны с Турцией от 1793 г. Суворов предлагает придерживаться того же принципа, дабы упредить турок, которые могут произвести внезапное нападение: желательно «предупредить их; надо начинать кампанию своевременно, до того, как они, собрав свои войска, двинутся к Дунаю...» При этом и вторую кампанию начинать «как можно раньше, в первые дни весенних подножных кормов»¹²⁵.

Петровский завет — «неприятеля во всех делах упреждать и всячески стараться опровергнуть» — постоянно проводится Суворовым в жизнь. Он всегда и везде стремится «*предуспеть*», предупредая покушения разных варварских армий быстротою маршей, стремительностью и внезапностью нападений; избирает «предварительные способы к охранениям... земель и к предпобедениям на оные зломысленных набегов»¹²⁶. Предупредительный, и прежде всего потому гарантированно победительный, способ действий требует «нападательно поступать», смело смотреть в глаза опасности, не выжидать ее, а идти ей навстречу, несмотря ни на что. Последнего принципа Суворов придерживался всю жизнь, отступив от него только однажды, после Швейцарского похода, когда войскам, крайне изнуренным и брошенным на произвол судьбы, нельзя было не дать хотя бы передышки перед очередной наступательной кампанией «вовнутрь Франции». 15 октября 1799 г. он пишет эрцгерцогу Карлу: «Никогда не выпускал я из виду общего блага и далек был от того, чтобы отдавать на жертву врагу жителей края, во всякую пору и во всякое время года считал я обязанностью *идти навстречу неприятелю*, бить его и поддерживать решительно наступательные предприятия Вашего Высочества, как следует союзнику... что единственно только физическая невозможность вынуждает меня принять меру, противную желанию Вашего Королевского Высочества»¹²⁷. Идти вперед, против даже превосходящего в силах неприятеля принципиально важно не только с точки зрения упреждения его в действиях и захвата инициативы. Этого требуют честь, слава и польза государства-русского! Данная мысль прекрасно выражена в ордере генерал-аншефа графа П.И. Панина Суворову от 11 декабря 1774 г. в предположении возможных вол-

нений в башкирских степях после подавления пугачевского восстания: «...Чтоб все всяким необходимым себе заготовлением, к беспрепятственному выступлению на поражение государственных злодеев и неприятелей были в ежечасной готовности. Отнюдь не относясь на то, что надлежащие снабжения к срокам еще не подоспели, но пребывая в той своей похвальной славе, что гораздо полезнее для государства и славнее для себя собственно и с переносными за сроки вещами идти вперед на злодеев и неприятелей, нежели, ожидая своих украшений, допускать оных приобрести над собою повержность и причинить государственный вред»¹²⁸.

Заблаговременная подготовка. В рамках предпобедительной системы особое внимание Суворовым уделялось предварительной подготовке, обучению и воспитанию войск, их готовности к предстоящим военным действиям, к бою. «Наука побеждать» изучалась и усваивалась суворовскими чудо-богатырями в мирное время. Победа готовилась заранее. Вполне обоснованно считалось, что поздно и преступно учиться военному делу, «рассуждать и умничать» непосредственно на войне, в ходе боевых действий. Это ведет к постыдным поражениям, потере времени и большой крови. На поле боя надо наносить поражение противнику, действуя быстро и профессионально, без права на ошибки, исключая случайности и неожиданности: «В военных действиях следует быстро сообразить — и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться... Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность!»¹²⁹ «На удачу будущего времени расточать не надлежит»: настоящая, надежная армия — та, которая владеет «искусством ведения войны и установления мира», подготовлена к предстоящей войне. Раз она подготовлена, в высшей степени регулярна, то способна к быстрому наступательному образу действий¹³⁰. В связи с этим и смысл деятельности каждого начальника и, прежде всего, ротного командира определяется следующим образом: «Суетно бы то было, ежели ротному командиру роту свою только к лагерю на экзерцирование готовить, но чрез сие не токмо готова всякий час на смотр, кто бы не спросил, но и на сражение со всяким неприятелем. Всякий при всяком случае будет бодр, смел, мужественен и на себя надежен»¹³¹.

Важнейшее правило: «*в мире готовься к войне, а в войне — к миру*» («солдату не отходить от солдат, в тишине готовиться к разрыву»)¹³², ничего не забывать, постоянно упражняться, быть во всегдашней исправности. 18 июня 1795 г. Суворов пишет из Варшавы И.М. Рибасу: «...Войски Ее Императорского Величества начальства моего здоровы и упражняются в экзерциции... хотя и к войне (с Францией. — А.С.) ничего не предвидится»¹³³. Он посто-

янно подчеркивает, что *предусмотрительность требует* «заблаговременно принять нужные меры», избрать предварительные способы для достижения успеха, так как «при войне будет поздно»¹³⁴. В войну необходимо вступать с «добрыми солдатами», а не с необученными и плохо вооруженными рекрутами, с «хорошими офицерами», «опытными и деятельными полководцами с дальним военным искусством». «Войско же, в войну употребленное, — отмечала в одном из указов Суворову Екатерина II, — успешно будет самым скорым образом уже обмундированным, выученным, обыкшим к разным переменам вод и воздуха и в огне бывшими воинами»¹³⁵.

Заблаговременная подготовка на случай вынужденной войны по принципу «предупредить — значит заранее победить» страховала от многих случайностей, позволяла «преобороть нечаянность готовностью»¹³⁶, предотвратить внезапное нападение противника, отразить его вторжение меньшими силами и, не допуская вражеские войска на собственную территорию, «загасить» вооруженный конфликт в начальный период. Неприятель, упрежденный и пораженный в начале действий, когда он по-настоящему еще не готов, «уже полупобежден». Екатерина полагала, что при такой системе «не только враги России не коснутся нигде пределов ее», но «в самой скорости почувствуют они всю тяжесть победоносного нашего оружия». В январе 1794 г., ожидая по весне внезапного нападения со стороны подстрекаемой Францией Турцией, императрица требует от Суворова использовать все способы, «дабы восстать противу столь сильного ополчения и преткнуть оное при самом начале... В отвращение и охранение от нечаянного нападения на пределы империи нашей, заблаговременно принять все нужные меры не токмо к отражению врагов и к защите своей, но и по внесению всегда торжественного оружия нашего в сердце областей турецких и так все изготовить, чтобы победоносные силы наши, на случай разрыва торжественных обязательств со стороны вероломной Порты, могли бы быть с помощью Всевышнего всегда России покровителя, в самой скорости устремлены наступательно до самых берегов Дуная... Предупредя таким образом турков, приобрести можно с меньшими силами, с меньшими издержками и с малою потерю выгоды несравненные, посредством коих и прочного мира скорее достигнем»¹³⁷.

Суворов со своими войсками — всегда в готовности. Причем не для оборонительной войны, но для наступательных действий, решительного поражения противника. И такая «наступательная готовность» ценна сама по себе как способ предотвращения (сдерживания) не только турецких, но и любых иных вторжений на территорию России. В плане войны против Турции, продиктованному инженер-полковнику де Волану 10 ноября 1793 года для

Екатерины, он подчеркивает: «Эти приготовления необходимы не столько против этих неверных, сколько для того, чтобы обуздать и подавить зависть и ненависть, которые славные деяния Вашего Величества могли возбудить у наших соседей, коим есть над чем призадуматься, глядя на многочисленные армии и обширные магазины на наших границах. Будучи хорошо снабженными и хорошо приготовленными не только для обороны, но и для наступательных действий, нам нечего опасаться их проектов. Но предусмотрительность требует от нас этих мероприятий»¹³⁸.

В августе 1796 года командующий русской армии в Новороссии имел честь с гордостью доложить своей Государыне: «Вашего Императорского Величества победительные войска искусством, прилежностью и трудолюбием генералов... весьма исправны к денным, как ночным баталиям и штурмам, и готовы к увенчанию себя новыми лаврами»¹³⁹. Перед этим он объявляет благодарность Г.С. Волконскому за отличную боевую подготовку войск 2-й дивизии, которые «в полном воинском искусстве готовы к поражению и победам неприятеля весьма превосходнейшего»¹⁴⁰.

Культ воинского обучения. Победительная готовность к войне достигается прежде всего воспитывающим обучением, напряженной учебой, постоянной экзерцицией, трудолюбивым изучением и усвоением правил воинского искусства. В своей системе обучения (боевой подготовке войск) Суворов, для которого «солдат и в мирное время на войне», последовательно проводит в жизнь установку Петра Великого: армия сочиняется (учреждается) для войны; она обучается не парадным хитростям, а искусству побеждать, пригодным для реального боя действиям, причем в обстановке, приближенной к боевой («надлежит непрестанно тому обучать, как в бою поступать...»). В «Науке побеждать» Суворов возводит воинское обучение в культ, слагает настоящий гимн профессионализму: «Ученье — свет, а неученье — тьма! Дело мастера боится. И крестьянин не умеет сохою владеть — хлеб не родится. За одного ученого трех неученых дают. Нам мало трех: давай нам шесть, давай нам десять на одного; всех побьем, повалим, в полон возьмем! В последнюю кампанию неприятель потерял счетных семьдесят пять тысяч, только что не сто. Он искусно и отчаянно дрался, а мы и одной полной тысячи не потеряли. Вот, братцы, воинское обучение! Господа офицеры! Какой восторг!»¹⁴¹ Он неустанно клеймит «немогузнаек», требует «неизнурительного выэкзерцирования войск» днем и ночью, до «тонкости» и «отличности», чтобы сделать армию истинно регулярной и обрести тем самым «поверхность» над всяким противником. Суворов постоянно напоминает о необходимости «упражняться в экзерциции»: «Легко в учении — тяжело в походе, тяжело в учении — легко в походе...

Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят... *Войскам потребны постоянные экзерциции... а без того риск неминуем.* Экзерциция во всякое время, также и зимой. Кавалерия в грязи, болотах, оврагах, рвах, на возвышенностях, в низинах и даже в окопах, наспех вырытых. Против неверных пехота должна иметь 100 патронов, молодой Репнин оттого растерялся. А надобно — в штыки»¹⁴².

Русские войска должны действовать с «великим регулярством», максимально использовать «преимущества регулярного строя», поддерживать «регулярство с присутствием духа», соблюдать «субординацию и дисциплину», «наблюдать весьма воинское обучение», а не драться «по-кулашному» и не бегать «из края в край по-партизанскому», не «уподобляться стаду овец». Необходимо неизменно «предупевать» в обучении. Только в этом случае они станут «бойкими», будут способны на невозможное и с ними можно будет «победить весь свет», как высказался однажды Суворов о своих Суздальцах¹⁴³. «Бунтарство иррегулярное», тем более беспорядочный крик («экзерцировать, а то только кричат, как в трактире»), предсудительно: «В сражении регулярным войскам крик весьма неприличен, и варвары того не чинят; он знак не храбрости, но больше робости, происходящей от недовольного в экзерцировании солдат и от того ненадежность их на самих себя. Хотя в свете храбрее россиянина нигде нет, крик только опасен, что он один приносит военную расстройку, лишает послушания и уже не внемлют команды»¹⁴⁴.

У Суворова — учение повсюду и всегда. Войска находятся «во всегдальнем упражнении экзерциции», постоянно подтверждают и затверждают все то, что положено им по должности в соответствии с «Суздальским учреждением» и «Наукой побеждать». Тем самым они становятся надежными и победоносными, «навсегда привыкают убежать лени и праздности», многочисленных бед, происходящих от необученности: «...Знайте, что я экзерцирую: 1. Сим неприятелей бью. 2. Я выэкзерцирую войски — их могут от меня отбирать иным, ими они будут бить... 3. Коли вдруг мне самому надлежит драться, не поспею выэкзерцировать, будет беда, как под Кинбурном... Например, Юлий Цезарь в Африке с сборным его новым войском не дрался вправду с Юбою и Сципионом, еще давая им волю бродить, доколе он одного основательно не выэкзерцировал»¹⁴⁵. Систематическое обучение искусным действиям в бою — лучшее средство увеличить число войск. Уделяя основное время в 1778 г. исправлению крепостей, Суворов тем не менее отмечает, что и в этих «рабочих» условиях он не оставит «неизгладительного выэкзерцирования войск при наступлении лучшей погоды, дабы число их способностью сею увеличить к прославлению оружия Ее Императорского Величества»¹⁴⁶.

Суворов требовал обучать войска по-настоящему (как в бою), зимой и летом, днем и ночью, «атакам с жестоким и поспешным нападением», «скорым и сильным ударам», наступательным действиям («от ретирад отучите!») с максимальным использованием преимуществ холодного оружия и «цельной» стрельбы. Из приказа Суворова в Казанский пехотный полк 9 декабря 1771 г.: «Оному полку весьма экзерцироваться: сколько в поворотах, приемах, скором заряде и примерной стрельбе с исправным прикладыванием, сколько паче маршированию тихо, скоро и поспешно, наступательным эволюциям с захождением, разнообразным движениям и обращением фронтов, взирая на разные местоположения, и атакам на штыках, а по окончании всего экзерцировать стрельбю в мишень, хотя бы то было в холодное время»¹⁴⁷.

Самоличная работа и «всеместность» начальника. В представлении Суворова — самоличное обучение подчиненных является святой обязанностью офицера (командира): «Военное обучение должно служить упражнением вышним начальникам над их нижними. Надлежит сие правило строго наблюдать направлением не достигшего тонкости оного, холодным духом. Производить его во всякое способное время»¹⁴⁸. Офицер не должен стыдиться наблюдать и приучать солдат к чистоте и опрятности, следить за тем, чтобы все было «в существеннейшем порядке», в исправности («ничего не запускай!»), «обучать солдат всему, до них принадлежащему» (не только военному искусству и экзерциции). Суворов гордился тем, что знал солдатское дело («того служба требует, чтобы всякий воинский чин твердо познал, что солдату принадлежит») ¹⁴⁹, занимался нижними чинами, заботился об их здоровье, сам обучал подчиненных, пропускал почти каждого из них через свои руки: «По правде Суворов был, по правде здоров — и майор, адъютант, до ефрейтора. Сам везде видел, каждого выучить мог... По данному в полк моему учреждению, экзерцирование мое было не на караул, на плечо, но прежде повороты, потом различное марширование, а потом уже приемы, скорый заряд и конец — удар штыком. Каждый шел через мои руки, и сказано ему было, что более знать ему ничего не осталось, только бы выученное не забывал. Так был он на себя и надежен, основание храбрости!»¹⁵⁰ Всякому офицеру и нижнему начальнику он прививал понимание, что содержит команду свою в обученном состоянии, строго, исправно, порядочно, без ослабления и запущения, «какую честь и славу особливо себе и вообще полку заслуживает»¹⁵¹. В 1788 г. в звании генерал-аншефа Суворов, столкнувшись с плохой боевой работой войск, тут же напоминает себе: «...Больше надобно самому экзерцировать»¹⁵².

Вообще командир имеет обо всем «самоличное попечение», не оставляет «своим персональным надзиранием» ни одной из сторон

жизнедеятельности вверенных ему войск, пребывает «всеместным», лично участвует во всех делах, сам все видит и делает самостоятельные выводы, воспитывает эти качества у своих подчиненных и, будучи «в отличности», «дает им самим собою пример»: «Примером своего благородного поведения, полным знанием службы и попечительным исполнением оных ободряет и поощряет всякого из своих подчиненных к наблюдению своей должности, содержанию себя в непорочных поступках и делает вообще всех на себя надежными»¹⁵³.

При назначении и вступлении в командование Кубанским корпусом в 1778 г. Суворов «за первый долг себе поставил самолично обозреть положение сей земли»¹⁵⁴. Вернулся с Кубани в Крым — «хотя мне здесь в горах и околичностях от прошлого года знакомо, но без проверки быть не может, приступить мне к тому при первой удобности»¹⁵⁵. Десять лет спустя Суворову пришлось оборонять от возможных турецких десантов значительный по территории Херсоно-Кинбурнский район: «...День и ночь я был всеместен, доколе вправду там, под Кинбурном не подрались»¹⁵⁶. Командующему войсками на Кубанской линии генерал-майору В.В. Райзеру, как и сменившему затем его К.Х. Гинцелю, он рекомендует (приказывает): «...Старшему от генералитета бдеть, когда все спит; в роскошное обленение не впадать уваженной его особе, пост всеместно и сам он всюду своими очами обозреть должен; поместно учреждает, поправляет и предопределяет. Тогда покоен, когда цели его исправны и прочее... Соблюдать целостность исполнения моих предписаний... Капиталь Вам быть должен в Марьинской крепости! Куда порядочно поспешно, осмотря весь кордон вправо к Черному морю и утверждая тамо дела к лучшему, немедленно отправиться изволите, однако и всеместное пребывание Вашему Высочородию помнить надлежит»¹⁵⁷.

Бдительность и предосторожность. В конечном итоге не только обучение и попечение, но и пронизательное бдение начальника (которому нельзя быть в «невежественной нерешимости и плавать в роскошах», а надлежит «соблюдать непрестанное бдение»), его осмотрительность и предосторожность становятся важнейшими слагаемыми готовности ко всяким неожиданностям, случайностям и опасностям, залогом предпобедительного успеха: «Соединить с искусством неусыпность, расторопность и всегдашнюю готовность на всякое стремительное нападение... Бдительною расторопностью испровергнуть все их злые умыслы и предупредить кровопролитные последствия... Бдение начальника — лучшее спокойствие подчиненных. Прозорливость оного побеждает нечаянности... Бдит с непрестанным присутствием духа пронизательного. О проведении, предостережении, отвращении, а

паче и о мудром, решительном, мужественном опровержении всяких случайных на оные беспокойств, какого бы те роду ни были, *предопасаясь*, чтоб ему не быть нечаянностью какою нимало обременену... Взирает на ключения в переменах обстоятельств, *бдительно оные предвидит* и по них свои меры предполагает... Дело будет лишь за бдительностью да за быстротою и предусмотрительностью... Не пренебрегать никакими мерами на всякий неожиданный случай... Надлежит бдеть всегда... не выдавая себя в опасность... Господам бригадным командирам о пунктах окружающей расположения их бригад бдеть непрестанно. Часто посещать их... По беспокойным обстоятельствам в движениях, на месте бдит четвертая часть войск; в сумнительных обстоятельствах — половина; в сумнительнейших — отдыхает только четвертая доля по очереди. Как бы малолюднен отряд когда ни был, но всегда в нем двум начальникам, старшему и младшему быть»¹⁵⁸.

С самого начала своей боевой деятельности при всем его страсти к дерзким действиям, риску и смелой наступательной тактике Суворов предостерегает подчиненных командиров от «слепой храбрости», «бесплодного геройства», «неосторожности», ведущих к «вредным приключениям», «беспрестанному урону» и «бесславию». Он призывает их руководствоваться не только глазомером, быстротою и натиском, но и мудростью, искусством, благоразумием, расчетом, которые упреждают всякие опасности; производить свои действия с максимально возможной, а в особых случаях и с величайшей воинской осторожностью: «Господам детаментным командирам, как и прочим господам офицерам, быть в партиях и на постах, в надлежащей воинской осторожности, ибо по должности моей я, как за храбрые совокупленные воинским искусством дела похвалять и вышнему генералитету рекомендовать непримину, так и за неосторожности, от коих бывает неудачливый конец, впредь взыскивать буду, но не закрывать ниже за них ответственность... Главному на посту командиру быть весьма в большой осторожности и неоплошности, наблюдая строго военную дисциплину»¹⁵⁹.

Попечительный командир обязан принимать меры предосторожности («иметь крайнюю предосторожность») и тем самым предусмотрительно, загодя предварительной заботой отвращать, упреждая, вред или опасности, когда они грозят, но в действительности еще не наступили. В этой связи Суворов, например, считает нужным напомнить 25 августа 1799 г. Линкену, Ф. Готце и А.М. Римскому-Корсакову, действующим в Швейцарии, «о необходимой во всех случаях предосторожности держать по возможности силы свои в совокупности, дабы бесполезным раздроблением их и добровольным ослаблением не сделать саму атаку безуспешною. Затем дол-

жно разузнать вернее стоящего перед собою неприятеля и настоящую силу его»¹⁶⁰. Следуя принципу предосторожности, начальник войска должен избегать крайностей осторожности: хитрости и коварства, робости и нерешительности, склонности к оборонительным действиям, страха перед противником, трусости, упования на «сикурс», преувеличения опасности т. д. Эрцгерцог Карл, действующий, а точнее бездействующий в рамках этой парадигмы в 1799 г. в Швейцарии, заслуживает у Суворова следующей безжалостной оценки: «Эрцгерцог должен был до своего отхода использовать свой явный перевес сил, чтоб наголову разбить Массену. То, что он этого не сделал — больше, чем осторожность, это — трусость!»¹⁶¹ Особенно вредно «впасть в робкие предосторожности»; мелочными мерами, излишним вниманием к противнику «возгордить его нравы».

Мудрый, осмотрительный полководец времени не теряет, зря не рискует, но шансов своих на разгром противника (главная задача) никогда не упускает, второстепенными вопросами не увлекается, действия свои рассчитывает наперед с учетом последствий, в авантюрах войска не губит. Суворову не раз делались упреки, что он действует напролом, готов уничтожить всю армию до последнего солдата ради достижения амбициозных целей. Г.А. Потемкин, уезжая в Петербург в феврале 1791 г., намеревался оставить вместо себя на турецком театре Суворова. Н.В. Репнин по этому поводу заметил: «...Оставляете Суворова: поведет армию в Царьград или сгубит! Вы увидите»¹⁶². Но Суворов никогда не действовал без основательной подготовки и серьезного осмысления ситуации. В плане на случай войны с Турцией он прямо указывает: «Строго соблюдайте правила нанесения мощных ударов по турецким войскам, чтобы ослабить их насколько возможно, и не бросайтесь на столицу с риском, как это сделал Юлий Цезарь при Алезии; различные бои могут у вас отнять много времени, но оно не будет потеряно даром»¹⁶³. Именно этому правилу Суворов следует в Польской войне 1794 года. Он не бросается, сломя голову, на Варшаву, а последовательно, на ходу сосредотачивает силы, ослабляет противника целым рядом успешных боев, выжидает в Бресте почти целый месяц (пока не были обеспечены фланги и не присоединился корпус Дерфельдена) и только после этого решительно устремляется к столице польского государства, заканчивая войну сокрушительным штурмом Праги. В 1799 г. Суворов планирует сначала «докончить дело» в Италии, освободить Швейцарию и, обеспечив таким образом свободу действий, сообщения и тыл, в следующей ранней кампании с войском не менее 100 тысяч ударить на Париж.

У Суворова «осторожность» заменяет такие «слова ненадежной слабости» (от него заказанные и неупотребляемые), как «сикурс», «опасность» и «подлая оборона». Однако командирам, «силь-

ным быть себя почитающим по размеру его искусства и храбрости», он рекомендует, учитывая присутствие в осторожности негативно-го содержания, «предосторожность» (мудрость в предосторожности) как элемент прозорливого военного искусства, указывающего верные правила и действенные меры в том числе и от разных покушений неприятельских: «Идите дорогой, проторенной мудростью, сие лучше осторожности... Мудрому военачальнику предосторожность легка... А кто в воинском искусстве мудр, то над сим "предосторожность", а не торопливость... Поровну мудрости и осторожности ни у кого нет: Нестор — мудр, Улисс — осторожен; подчиненный. Даже патриот, всегда найдет в чем упрекнуть и мудрого, и осторожного... Что ж осторожность! За нею — хитрость и коварство, и всяческие уловки на лад идут. Рассудок мой о сем знает, мысль же сего бежит, душою клонюсь я к Нестору... Мудростью побеждайте гордыню и скупость»¹⁶⁴. (Нестор — герой «Илиады», царь Пилоса, олицетворение мудрости и житейского опыта, один из любимейших образов Суворова; Улисс — другой герой «Илиады», царь Итаки Одиссей, отличающийся изворотливостью ума, хитрой изобретательностью, отвагой. — А.С.)

Серьезное отношение к противнику. Петр I учился трудолюбию и искусству, науке побеждать у шведов, «уже давно во всем обученных и славных в Европе». После Полтавской победы провозглашает за них, как учителей, тост. В «Воинском уставе 1716 года» он формулирует правило: «...Нужно есть сочинять армию свою, смотря неприятельской силы и одного намерения, дабы его во всех делах упреждать и всячески искать неприятеля опровергнуть»¹⁶⁵. Способ действий П.А. Румянцева, этого, по выражению Н.М. Карамзина, «Тюренна России», все еще в значительной степени определялся свойствами неприятеля. Суворов действует по завету Петра, врагов упреждает и ниспровергает, но систему свою создает уже вне зависимости от характера и действий противника, не придавая принципиального значения даже его числу. Ему незачем учиться у неприятелей, наоборот, они, в частности пруссаки, его «тактику принимают, а старую, протухлую, оставляют». Австрийцы обучают свои войска на суворовскую ногу. По стопам Суворова следует Наполеон Бонапарт. Суворов владеет испытанной передовой наукой побеждать, позволяющей одолевать превосходящего противника, навязывать ему свою волю и «совсем готовый на дело» уже после первой польской войны. «Решительность операций, настойчивость в атаке, неутомимость в преследовании, неослабевающая бдительность, умение брать неприятеля со слабой его стороны, отсутствие педантского методизма — вот та военная теория, которую привез с собой из Польши Суворов», — пишет А.Ф. Петрушевский¹⁶⁶.

Предосторожность и военная необходимость требуют, тем не менее, серьезного, уважительного отношения к противнику, как бы презрителен он ни был, «честного воевания» с ним, но прежде всего — его решительного поражения (победы), наиболее эффективно устраняющего военную опасность и создающего условия для прочного мира (умиротворения). Это главное правило по отношению к противнику. Его суть выражена следующими суворовскими мыслями, взятыми из автобиографии 1786 г. и рапорта П.И. Панину от 22 июня 1775 г.: «Неприятелю время давать не должно, пользоваться сколько можно его наималейшею ошибкою и брать его всегда смело с слабейшей стороны; но надлежит, чтобы войски предводителя своего разумели... На непредвидимый случай, не только к предосторожностям для охранения селений, но и к решительному поражению, всем предводительству Вашего Сиятельства войскам дал я повеление, дабы оные, не упуская ни мало удобного времени, а напротив по подручности сами собой, намеряющуюся воровскую киргизскую толпу с Сарым-батырем, где бы онъ в зломышленном виде ни проявился, самого его весьма искоренить, схватить или на месте умертвить, какую бы ни дальнюю погоню за ним чинить ни досталось, под строжайшим воинским взысканием; равномерно то ж чинить и с его главными сообщниками, не щадя нисколько себя, ни сил своих, по долгу присяги. Сие правило и с подобными всегда наблюдать. Неприятеля не презирай, каков бы он ни был. Старайся знать его оружие и способ, как оным действует и сражается, знай в чем он силен и в чем слаб»¹⁶⁷.

Как отметил в своей работе «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» Н.Н. Головин, суворовская доктрина провозглашала культ «регулярства», ориентировала русские войска на борьбу с наиболее сильным противником. Таким образом исключались его недооценка, шапкозакидательское к нему отношение, случайные поражения, неудачи и т.д. Суворов внушал, что противник — будь то мятежники, французские республиканские войска или «варвары»-турки — постоянно качественно совершенствуется, «просвещается» особенно в ходе длительных войн, учится на поражениях, стремится использовать самые передовые достижения военного дела и потому представляет серьезную угрозу. В 1793 г. он несколько раз напоминает: не следует больше пренебрегать сухопутными и, в особенности, морскими силами Турции, которые «уже больше не те, что были при Чесме»; воевать придется почти с европейской армией, причем война может начаться вероломно, «внезапным нападением», т.е. совсем не по европейскому обычаю, требующему объявлять о разрыве. «В просвещении турки не те в прошлой войне, что были в предтеческой, в которой при прочем я бил их 50 тысяч семью батальонами. В про-

шедшей, особливо при Рымнике, был я в опасности, если б немалые, следственно, полные кареи, а паче ордр-экер не пособили. Так впредь ручаться не можно (они загнали графа Войновича в Севастополь), чтоб они, прорвавшись в Тавриде, где не сделали десанта и не повредили неоцененного морского депоа при Севастополе, как генерал и когда выручкою или по диверсии опоздает». И вообще они пытаются дать «основательное устройство своей армии, приняв европейские образцы, как они это сделали и, хотя у них нет Петра Великого, они не будут испытывать недостатка в иностранных офицерах-авантюристах»¹⁶⁸.

В случае же взаимного мира следует: поддерживать с неприятелем «соответствие дружбы», «искреннюю откровенность», «миролюбивые предметы», но в то же время быть в готовности отразить внезапное нападение, дать достойный отпор любым неприятельным действиям, наказать противника; не давать ему повода для начала военных действий, продемонстрировать силу и миролюбие, внушая тем самым мысли об опасных (для противника) последствиях развязывания войны. В 1779 г. Суворов докладывает о данном им предписании войскам: «...Чтоб до явного с их стороны неприятельного действия и малейших видов неприятельности не подавать, но паче всякую ласковость и в потребном случае и пособие им оказывать, как и во внушении им, что все войски Ее Императорского величества имеют общественное повеление о ласковом и дружелюбном с ними обхождении... Предписал тож, кому следовало, о внушении под рукою в виде крайней сокровенности татарам, а через сих и туркам, что по новому войск распоряжению, на случай от турок покушений, генерал с большим числом пехоты и конницы на вступление в Крым наряжен»¹⁶⁹.

В боевых условиях принципиально важно в интересах предположения «вести особо тщательное наблюдение» за противником, «узнавать обо всех его действиях», добывать и подавать надежные, точные, достоверные известия о нем, чтобы иметь ясное представление, правильно оценивать возможности и слабые места неприятельских войск и «потому вернее можно меры брать», «всякую пользу отнимать, упреждая их предприятия и замыслы»: «Удаление от познания наводит важную неизвестность... О числе неприятеля доносить, сколько можно наивернее, как о его движениях, с постижением его намерений и предприятий... При всех случаях необходимо возможно точнее знать численность неприятеля... Должно стараться получать достоверные сведения о движениях противника; узнавать точнее о направлениях и силе наступающих или отступающих колонн неприятельских и особенностях об именах их начальников... Вести регистр мятежническим партиям... О возмутителях иметь верные известия, при поражении их пока-

зывать верное число убитых и показывать о силах мятежничьих, называя имянно их начальников и у кого сколько, не полагаясь нимало на шпионов, а *по собственному своему благоразумию и по силе рассуждения...* Сюда и куда? Кто сказывал? Верно или намекой! Какой человек? Как ему верить? Письменно бывает и шпионство, от кого ж письмо? Сколько вероятно? Нельзя инде, как бы ни трудился, без загадки, то употребил бы уже наилучшую отгадку... По верному знанию, ведая подлиннее и число верное, можете их и сильнее поражать»¹⁷⁰.

Подача неясных, двусмысленных сведений о противнике, особенно его лживое увеличение и усиление свидетельствуют о неряшливости, разгильдяйстве, «невежестве тупозрачном». Такое отношение к противнику особенно вредоносно, ведет «к постыдной оборонительности», «вообразительным победам», «напрасным трудам», утомлению войск «бесполезными движениями», замешательствам и беспокойствам. Все должно быть названо четко, «без какой-либо возможности толковать двояко, ничего не умалчивать, ни частично, ни полностью». Если точных сведений нет, положение не совсем ясно, известия сбивчивы и противоречивы, не смущаться своей невольной неосведомленностью, не гадать: «Лучше для того объяснить всякое известие, вообразительно назначая его справедливым, сомнительным, ложным, невзирая на то, что *дальнейшим проницанием* кажущееся ложным превратится в истинное, а справедливое — в ложное и сомнительное... Если бы известия эти были одни только догадки, то и тогда *для собственных соображений моих* прошу сообщить мне ваши замечания или опровержения и впредь, чтобы я мог делать подробное заключение о положении дел»¹⁷¹. И вообще на войне сведения меняются ежеминутно, ежевременные известия разногласны, поэтому надо «пользоваться вероятнейшими с рассмотрением» и «действовать, следуя здравому смыслу, если не хотят быть лунатиками»¹⁷².

Меч и милосердие. Суворов-победитель никогда не питал мщения и ненависти к противнику, который все равно будет разгромлен, а «победителю прилично великодушие»: «Сильный бес сильного возводит; но и злодеев наших нам надлежит побеждать благодеяниями... Славнее России усмирить беспокойства великодушно... Не меньше оружия поражать противника человеколюбием»¹⁷³. Его идеал — человеколюбивый, трудолюбивый, но и миролюбивый, справедливый начальник. Великодушием умиротворена Польша в 1794 г. Также собирался он покорить и Францию. Будучи в Италии докладывал Павлу: «Барбеты... поднявшие оружие против нас по научению французов, покорены манифестами от правительства и прислали сюда (в Турин. — А.С.) своих депутатов»¹⁷⁴. В Крыму и на Кубани Суворов в основном «преуспе-

вал человеколюбиво»: «ускормляя» закубанских разбойников, татарские и ногайские орды не «разорениями с российской стороны, что неприлично», не выжиганием «драгополезных лесов», но «увещеваниями, ласковостью и деньгами», бдительностью и готовностью войск. При таком доброжелательном отношении Суворов и от них ожидал, в их же интересах, «дружеского общения». В противном случае, если увещевания не помогали, за дерзости и злодейства следовало неотвратимое наказание «огнем и мечом» (например, подавление восстания ногайских татар 30–31 июля 1783 года). А. Кизилеттер отмечает: «Его правило было: в бою разить врага беспощадно, но в мирное время держаться той истины, что благомудрое великодушие полезнее для умиротворения подданных, нежели стремглавый военный меч. И страстный служитель военного меча на поле битвы умел быть мудрогуманным в качестве администратора в мирное время»¹⁷⁵. Это правило наглядно подтверждается действиями Суворова на заключительной стадии и непосредственно после пугачевского восстания. Двигаясь с малой командой на поимку Пугачева «с опасностью бесчеловечной и бесчестной смерти», «сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал, ни малейшей казни, разве гражданскую, и то одним безнравственным зачинщиком, но усмирив человеколюбивой ласковостью, обещанием Высочайшего Императорского милосердия... В следующее время моими политическими распоряжениями и военными маневрами буйства башкирцев и иных без кровопролития сокращены, но паче императорским милосердием»¹⁷⁶.

Именно милосердие, мягкость и кротость, обусловленные светом мудрости, умом, дипломатическим и военным искусством, являлись основным лозунгом политики умиротворения Юлия Цезаря, особенно во время гражданской войны, когда он однажды предпочел даже отказаться от верной победы: «Зачем проливать кровь своих заслуженных солдат? Зачем, наконец, испытывать счастье? Ведь задача полководца — *побеждать столько же умом, сколько мечом*. Жалел он и своих сограждан, которых пришлось убивать; а он предпочитал одержать победу так, чтобы они остались невредимыми»¹⁷⁷. В 48 году до нашей эры при Фарсале Цезарь нанес решительное поражение армии Помпея. Победенные были помилованы победителем. Из усмирённой Варшавы Суворов пишет: «Цезарь заметил после Фарсальской битвы: надобно прощать своим врагам»¹⁷⁸.

В то же время ни Цезарь, ни тем более Суворов никогда не злоупотребляли своей мягкостью и милосердием. В случае необходимости кротость заменялась справедливым возмездием и беспоходностью, имеющими, впрочем, свои пределы. С начала и до конца своей боевой практики Суворов придерживается чрезвы-

чайно эффективного принципа побуждения и принуждения неприятеля к сдаче в плен на милость победителя: доколе противник сопротивляется и упорствует, «бить его крепко военною рукою»: никогда не упускать, атаковать, преследовать, уничтожать и истреблять. Если же он покорился, проявляет склонность к отказу от борьбы, добровольно сдается, не доводя дела до большого кровопролития, — то ему «давать пощаду», а в определенных случаях и — «вольность», поступать с ним «дружелюбно и ласково»: «С покорившимися наблюдать полное человеколюбие... Какие части капитулируют, с ними извольте поступать весьма ласково и дружелюбно... Противящегося неприятеля истреблять до последнего, но отдающемуся в полон весьма давать пощаду... Дирекция Ваша на них; прикажите их крепко бить. Сдающимся: згода! — пардон! А коли не то, до атаки, то и вольность!.. Будьте с ними милосердны; однако, затем упорных бейте до конца наипоспешнейше!.. Кои положат ружья, тех отделить: вольность! — паспорта! Кои же нет, с теми по первому поступать — бить!.. Генералу Циммерману объявите мою дружбу, а его команде — вольность, по силе которой и вы моим именем им можете дать на месте беспечные паспорта, но по мере их добровольной сдачи, а не обороны... Жителям Константинополя (в случае войны с Турцией. — А.С.) будет построен золотой мост... Но если они будут продолжать отчаянно обороняться, город будет обращен в пепел... Как посему бунтовников подлыми не почитайте, но никакого злодея уничтожать не должно, а оружие низложивши, оказывать всякое благоволение»¹⁷⁹.

Наиболее наглядный принцип деятельности А.В. Суворова проявился в Польской войне 1794 г. Сокрушительные победы при Крупчицах, Бресте Литовском, Кобылке, замке Мушковском, кровопролитный штурм Праги, указание Суворова подчиненным командирам принуждать мятежников «к низложению оружия или при упорстве сокрушать» и обещание именем Ее Императорского Величества гарантировать всем покорившимся «безопасность имущества и личности», «вольность и забвение всего происшедшего», «пощадить войска, которые готовы сдаться» (в ответ на просьбу короля Станислава Августа), привели к капитуляции Варшавы, массовой сдаче «без кровопролития» целых бригад и батальонов, которые, «слагая оружие, отпускаемы были с паспортами в дома»: «Дав единый раз мое слово, что покорявшиеся найдут безопасность лиц и целость им принадлежащего имения, подтвердил им оное. Снисходя на состояние их, обещал я чиновникам и дворянам оставить при них оружие»¹⁸⁰. После окончания кампании Польша уже рассматривалась не иначе, как «несчастный друг», отмечалось «милосердие победителя» и «великодушие россиян». 16–17 ноября 1794 г. Суворов пишет П.А. Румянцеву следующие строки об отношении победителей и побежденных: «Все предано забвению. В беседах обраца-

емся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают... Начальники оставшиеся инсургентов сколько ж меня просили о дозволении продолжать им войну с пруссаками. Я шутил: “Это неприлично”»¹⁸¹. Основная часть пленных получила свободу, о тех же, которые были отправлены в Киев и Петербург, Суворов не забывал и шесть месяцев спустя ходатайствовал как за «людей честных»: «...Забывание прежнего — и они вольны. Стыдно России их бояться, ниже остерегаться. Польша обезоружена! Пора им домой...»¹⁸²

С пленными поступать человеколюбиво. Суворов поощряет непротивление, приучает противника «охотно сдаваться в плен». Так меньше крови и больше славы победителю. Его кодекс чести безусловно требует поступать с пленными «човеколюбиво», «милосердно», «весьма ласково и дружелюбно», наблюдать «порядок и человечество», «стыдиться варварства»¹⁸³. Осаждая Краковский замок во время Конфедератской войны, передает для французского предводителя мятежников Шуази, «чтоб он раненых своих офицеров присылал ко мне на излечение и что я их содержать буду человеколюбиво, а по выздоровлении их увольнять с паспортами, с подписками от них, что они впредь не будут служить против России, Польши и их союзников»¹⁸⁴. В предписаниях и наставлениях для боя Суворов неизменно напоминает своим войскам о необходимости проявления великодушия при преследовании разбитого противника: «Победителю прилично великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает пардон... В поражениях сдающимся в полон давать пощаду... Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие... Пушки твои, люди твои, — ваи на месте, гони, коли, остальным давай пощаду, они такие ж люди: *грех напрасно убить*... В дома не забегать; неприятеля, просящего пощады, щадить; безоружных не убивать; с бабами не воевать; малолетков не трогать... При атаке кричать, чтоб неприятель сдавался... Казаки колоть будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричать будут пардон или бить шамад...»¹⁸⁵

Такой подход — важная предпосылка победы. Для самих российских войск «смерть или плен — все одно»¹⁸⁶. Они — победители и потому (за редким исключением) не могут оказаться в плену. А вот неприятельские войска, как бы они ни были хороши, в системе Суворова предназначены только для того, чтобы быть битыми, а потому обязательно попадут в плен. Во время упорнейших боев при Треббии 6–8 июня 1799 г. численность армии Макдональда (с подкреплениями) составляла 38 500 человек. Несмотря на это, уже в первый день сражения Суворов требует от казачьих войск: «Взять армию в полон»¹⁸⁷. И 12 000 французов в конечном итоге действительно оказываются в плену. Потери убитыми со стороны неприятеля составили 6000 человек. Урон союзников — менее 1000.

Не только «человечность», но и военная необходимость, в том числе и дисциплина, требуют проявлять милосердие к пленным. После победы над турецким десантом на Кинбурнской косе в 1787 г. Суворов разъясняет командирам частей: «При победе 1 октября пленным едва только был соблюден один неверный, и хотя многие сдавались, но немилосердно убиваемы были; неминуемы они для ежеминутного в продолжение действия о неприятеле распроса и тем к *предпобедению* вящего успеха; коль паче чиновники для политической пользы и после сражения, когда сдающиеся или просящие аман немилосердно убиваемы. Зрящие то басурманы разъяряются, впадают в отчаяние и наносят явный вред нашим войскам»¹⁸⁸.

Обывателя не обижать. Особенно гуманно и благородно, дружелюбно и миролюбиво, почти «союзнически» Суворов относился к местному населению (населению занятого края), мирным жителям — «обывателям». В наставлениях и приказах он неизменно требовал: «Стремиться только поражать неприятеля... Весьма щадить жен, детей и обывателей, хотя бы то и турки были, но не вооруженные... Обывателям извольте объявить на будущее время полную мою дружбу... С обывателями обходиться весьма ласково, безденежно ничего не брать... Нечинение обывателям никаких обид и озлоблений... Обывателям ни малейшей обиды, налоги и озлобления не чинить; *война не на них, а на вооруженного неприятеля*... Обывателя не обижай: он нас поит и кормит; солдат — *не разбойник*... Соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россияни и разных званий обывателей, внушая последним, чтоб они, в случае на первоначальных какого малейшего неудовольствия, прежде отзывались эскадронному и ротному начальникам... Соблюдать в квартирах с обывателями спокойствие, тишину и дружелюбие. Безденежно и насильно ничего не брать... Строения отнюдь не ломать и имевшие сады и при квартирах деревья не только не рубить, но и ни в малейшую порчу не приводить. Подчиненных во всем содержать в строжайшей воинской дисциплине и со здешними народами обходиться ласково, не подавая ни малейшего виду склонности к предосудительным поступкам... На постах и в проходах через деревни и местечки обывателям ни малейших обид не чинить и безденежно ничего не брать... Когда командуются команды, то на продовольствие их деньгами снабждать, чтоб ни малейшей обиды и претензии ни от кого быть не могло и для того в справедливой заплате велеть брать надлежащие квитанции»¹⁸⁹.

Российский солдат — не убийца, не разбойник, не грабитель и не вор. Он — «чудо-богатырь». Случаи убийства мирных жителей (исключительно редкое явление в суворовской практике) и жес-

токие действия по отношению к ним, грабеж и мародерство, «буйственные обиды обывателям» рассматривались как тяжелые воинские преступления; виновные наказывались сурово, за ослабление дисциплины с командиров взыскивалось строго. Им постоянно напоминалось: «В стоянках и на походах мародеров не терпеть и наказывать оных жестоко, тотчас на месте... За деланные же беспорядки войсками российскими в приеме фуража, кошение самовольно травы и за невнимание представлений, деланных веронскими жителями, делает его Сиятельству майору Нагелю выговор и рекомендует впредь быть ему исправнее... Сделать строгое исследование (случаям грабежа на молдавской границе. — А.С.) и, удовольствовав обиженных, с виновными поступить по закону, строго наблюдая, дабы впредь сего происходить не могло»¹⁹⁰. Внутренне, что в бою «старание и успех» российского солдата должны состоять в том, «чтоб единственно неприятеля разбить и истребить, а не о партикулярной добыче помышлять», а также «крайне остерегаться и от малейшего грабежа, который в операции есть наивреднейший; иное дело штурм крепостей: там, по овладении, с повеления, несколько времени законная добыча». Но и при том главнейшее, чтоб «не заслужить порочного названия грабителей»¹⁹¹.

Суворов не допускал «враждолюбия», требовал «содружества» и «союзничества» даже с не всегда верными России кубанскими, а тем более закубанскими народами, веря в то, что благодаря дружелюбной политике они освободятся «от дикостей азиатских», «непостоянства» и тем самым можно будет упрочить не только границы, но и «благосостояние немалого числа сограждан России в сих народах замыкающагося, человеколюбивым и снисходительным о них призрением и великодушным прощением в случае какого более безрассудного, нежели умышленного злобного со стороны их преступления»¹⁹². Поэтому он считал возможным «трактовать с ними о миролюбии и дружбе к России», жестко различая «народы» и незначительное число «разбойников» в их среде: «не есть то народы, но воры». Вражда — только на них, а с населением — дружба и согласие¹⁹³. Но и при этом «по военным обстоятельствам» проявлять осторожность, воздерживаться от слишком близких контактов с населением, дабы и от обывателей не могло «произойти какое-либо злоупотребление»¹⁹⁴.

Благодаря такой мудрой политике суворовские войска, где бы они ни были, никогда не находились в безусловно враждебной среде, не возбуждали против себя народного сопротивления, а имели дело только с конкретным, как правило, изолированным от поддержки со стороны населения вооруженным противником, что экономико-силы и время, приводило к быстрой и полной победе. Суворов всегда рассчитывал на дружелюбие и ресурс местного населения, был спо-

коен в этой связи за безопасность своего тыла и коммуникаций. Планируя военные действия на случай войны с Турцией, он полагает: «Задунайская Болгария представляет собой страну, изобилующую хлебами и кормами; если в войсках будет поддерживаться хорошая дисциплина, то эта плодородная страна сможет обеспечить их существование на все время»¹⁹⁵.

Но «обыватель» может не только накормить и напоить. Из местного населения, если его «приласкивать», можно рекрутировать вспомогательную силу, способную подкрепить регулярные войска («вооруженные обыватели»). Таким образом поступала Екатерина II, присоединяя к России новые южные земли. 2 декабря 1792 г. она сообщает Суворову: «В губернии Екатеринославской и области Таврической заведены разные войска, которые, как Вам известно, с пользою для службы заменю и облегчением регулярным войскам нашим употреблены были»¹⁹⁶. В войне с Турцией Суворов предполагает создавать целые «отборные корпуса» из восставших христиан в Греции, Болгарии и Румелии, «которые могли бы быть очень полезны»¹⁹⁷. Действуя в Италии, он настаивает на использовании «для подкрепления», «для работ», «для охранения мене важных пунктов» то «вооружившихся в нашу пользу крестьян», то мантуанское земское войско, то пьемонтскую армию, которую Суворов предлагал принять на русскую службу. По поводу последней он неоднократно замечает: «О, если бы здесь можно было иметь мне пьемонтскую армию от 10 до 15 тысяч и на земском содержании: она бы делала Великому Императору Римскому превеликие услуги... Спешим мы здесь к осаде Туринского замка, сооружаем на то здешние пушки... О, Боже! Колико бы нам пьемонтская армия полезна была. Ее после можно было бы распустить, ежели не нужна... Много бы у меня здесь набралось добровольных пьемонтских войск и было бы чем их вооружить так и содержать без малейшего Римскому Императору убытка. Ныне же они мне паче, по многим причинам нужны. Лучшие люди для гарнизонов; с нашими, ради их замены, могут действовать иногда и в поле; при наших — для внутренней службы. Не первое ли это правило было у французов в быстрых их завоеваниях»¹⁹⁸. Планируя операцию «на Париж», Суворов предполагает оставить в тылу и на границе «прекрасные вспомогательные армии» — корпуса милиции в Италии и Швейцарии.

Главнокомандующий — не без политических правил. Политика вообще имеет решающее значение на войне. Будучи в Италии, Суворов обратился однажды к своим гостям со следующими словами: «Господа, будьте уверены, что ни английские деньги, ни русские штыки, ни кавалерия и тактика австрийцев, ни Суворов не восстаноят порядка и не одержат таких побед, которые бы привели к желаемому результату. Этого в состоянии достиг-

нуть лишь *политика* справедливая, бескорыстная, прямодушная и честная. Только таким путем можно всего добиться»¹⁹⁹. Поэтому правители и их кабинеты должны «ведать военное и мирное искусство» («искусство ведения войны и установления мира»), поступать по справедливости, без лукавства и коварства, тогда общий успех обеспечен. Когда все это отсутствует, становится, например, «не до Франции», антифранцузская коалиция распадается, дело бросается и войска отправляются по домам. 18 октября 1799 г. Суворов упрекает эрцгерцога Карла: «Наследственные владения должно защищать бескорыстно, должно завоевать любовь народов, поступая по справедливости, а не оставляя Нидерланды и не теряя с Италией две превосходные армии. Это говорит Вам старый солдат, который почти шестьдесят лет провел в строю, вел войска Иосифа II и Франца II к победе и закрепил Галицию за славным австрийским домом»²⁰⁰.

В своей практике Суворов часто сталкивался с политическим невежеством, опасным «подъячеством», интригами, некомпетентным вмешательством политиков в военные дела, попытками управлять армиями издалека, ничего не смысля в военном искусстве и не учитывая конкретной обстановки. В 1799 г. Венский гофкригсрат под руководством барона Тугута — символа самонадеянного невежества — не раз губил замыслы и начинания Суворова, связывал его по рукам и ногам в принятии решений («яд венской политики»). В связи с этим Полководец с горечью (и новыми надеждами!) писал близким ему людям: «Я не любитель Демосфеновой болтовни, не люблю ни академиков, кои только вносят путаницу в здравые суждения, ни сената Ганнибалова... (Карфагенский совет не разрешил Ганнибалу после разбития римлян идти на Рим. — А.С.) Честнее и прибыльнее воевать против французов, нежели против меня и общего блага... Вена в воинских операциях не может никогда, как я, сведуща быть. Не заводите другой гофкригсрат, и один всю мою веру и верность крушит... Все мне не мило. Присылаемые ежеминутно из гофкригсрата повеления ослабевают мое здоровье, и я здесь не могу продолжать службу. Хотят операциями править за 1000 верст; не знают, что всякая минута на месте заставляет оную переменять... Гиганту Тугуту, своею оборонительностью потерявши Нидерланды, Швейцарию с крепостями на Рейне и Италию, оставался отрадою один Компоформидо, где уклонил колено юному Бонапарту. Одною помощию Божию чуть я начал дела исправлять, как он своею *глупою* военною системою давит меня Франциею, чрез канал эрцгерцога Карла... Ежели подъячего, совы Тугута законы будут цвести, нигде *не предусеть*. Следуя им, слабый и больной эрцгерцог Карл все снова пере-

портит к гибели Европы... Невежество руководствовало в делах Швейцарии. Приводят в недоразумение высокого союзника, поставив Корсакова и Готце, по глухому двумыслию, по недостатку искусства, как бы от одного полюса до другого, как пасущих стада, чтобы потом дать разбить их по частям, и армию итальянскую, прогнанную из Италии глупым предрассудком, подвергнуть опасному перелому. Вместо того: утвердить бы короля на престоле там, где со вступления в Турин приобрели любовь народа до Лиона и сделали влияние на Париж; некоторые из цитаделей обеспечивали бы верность; тотчас имели бы прекрасную вспомогательную армию — корпус милиции для границы. Тут правило суждения простое: с бесчисленным туринским запасом в ноябре были бы в Лионе — новый год в Париже...»²⁰¹

Полновластие командующего. Кабинетные «идеальные политические выметки» никогда в точности исполнены быть не могут, «обстоятельства прежде ими вертят как буря»; подчинение перьям кабинетным порождает вялую тактику; оттого непрерывные военные неудачи, которые должны бы были научить хотя бы одной «неоспоримой истине, что от единого иногда мгновения разрешается жребий сражения»²⁰². Суворов по-хорошему завидует Бонапарту, который в действиях своих «свободен как воздух», «бьется и побеждает по воле своей». Сам же желает хотя бы того, чтобы ему не мешали: «Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский мне ни в чем не мешал (во время польской кампании 1794 г. — А.С.). Происходило и кончилось *благополучно*. Это всего лучше: в кабинете врут, а в поле бьют»²⁰³. В поле «мгновенно переменяющиеся обстоятельства правят делами, а сии правимы начальником». Их нельзя правильно определить, учесть и использовать из «совиного гнезда». «Править в поле мгновенно переменяющимися обстоятельствами» (быть «хозяином обстоятельств»), успешно «водить армии» может только Генерал (полководец-«защитатель»), находящийся при войсках и обладающий «независимостью» («непорабощенный глупо-робким кабинетом»), имеющий «главность» («первую роль»), владеющий искусством побеждать²⁰⁴. «На что мое достоинство поручать зависимости? *Искусство не может терпеть порабощения*... Невежды петербургские не могут давать правил Российскому Нестору (П.А. Румянцеву. — А.С.), одни его повеления для меня святы», — отмечал Суворов в 1792, 1794 г.²⁰⁵ Планируя новую кампанию против Франции, в ноябре — декабре 1799 г. он развивает эту мысль более подробно и в связи с изменившейся ситуацией: «Мне всюду, где бы ни случился, в союзных войсках быть главным начальником... Кроме политических, Тугуту с гофкригсратом в военные дела не мешаться. Разверстание частей армии принадлежит Главнокомандующему... Тугут не име-

ет права делать военный план, так как я не смыслю министерального... Разумно, что они знают, например, министры Великобритании, какие из завоеванных островов должны ей принадлежать, но *искусство завоевания* других принадлежит лишь Генералу выше квартирмейстера... Последний план совиного гнезда... увял не успевши расцвести. Произошла потеря могущественного союзника и почти разгром Генерала в разгаре его порыва, лишь бы не обратиться к его совету... Примерные планы кабинетов существуют лишь для проформы, поскольку они никогда не были выполнены... Итак, Марс, руководимый своим рассудком, а не кабинетом, погруженным в свое невежество, ответит за Генерала, которому провидение поможет в его устремлении совершить все и даже в одну единственную кампанию»²⁰⁶.

Отвечать за успех можно только в том случае, если соблюден принцип: «*Полная власть командующему*». Безвластия, разноразличия, «двугосподства» в военном деле допускать нельзя: «Два хозяина в одном доме быть не могут... Одного предводителя армии — два впадают в болезненный бред... Ежели не начальник без малейших препон при войне, кем бы то ни было, иду прочь...»²⁰⁷ Главнокомандующим должен назначаться генерал, испытанный в своих достоинствах, талантливый, искусный, авторитетный. Подобный принцу Евгению Савойскому, бывшему французские войска в Италии еще в 90-х годах XVII века (если уж Суворов таковым не признается). Тогда и вопрос с подчиненностью будет решаться сам собою и разногласий между командующими не будет: «*Единоначалие*: хорошо, когда Принц Евгений, а не то — лишь меня одного (и какого-то товарища) перед смертью под помочи (т.е. пытаются подчинить в борьбе с восставшими поляками Н.В. Репнину, старшинство которого приобретено «павлиньими перьями». — А.С.) место награждения невинности. Пропала подчиненность... Достоинство обращено в мечту»²⁰⁸. Особенно важно иметь «общего главного начальника» («лишь одного главнокомандующего») в случае действий союзных армий, чтобы обеспечить «общее благо», согласованность, единство, а также независимость действий: «...*Лучше все завоеванное потерять, нежели быть послушным правилам чужой державы*. Чин мой австрийский, влияние в обоюдные связи, чем я в настоящем по мере властвую, но надлежит мне цело получить армию эрцгерцога Карла. Через месяц вы увидите Швейцарию, как Италию, а Францию изволением Божиим, как обоим помощью Его провидения! Общим империям должно действовать совокупно... Слова с себя чин, я буду в виде наемника...»²⁰⁹

Политический глазомер. Полновластный полководец-«завоеватель», управляя армиями и ведя войну по собственному замыслу (методу, системе), должен обладать не только военной мудростью

и компетентностью, но «не может быть и командующим без своих политических правил, а Тугуту (как и вообще любому политику. — А.С.) принадлежит после деталь»²¹⁰. Какую бы должность ни занимал Суворов, в каком бы звании ни был, он предметно размышлял о войне и мире, перманентно оценивал военно-политическую обстановку, периодически составлял планы войны с изложением политических соображений, вникал «в политические причины», примечал «политические последствия» и «политические материи», использовал политические средства (искусство дипломатии, манифесты, прокламации и т.д.) в интересах успешного (победоносного) ведения и окончания войны, избегая при этом прямого вмешательства в политические дела.

Политический глазомер Суворова позволял ему правильно определять перспективные военные угрозы России, ориентироваться на «дальновидные проекты», находить действенные способы борьбы. К примеру, на Кубани, где ему пришлось управлять и политико-административными делами, были созданы уникальная система сдерживания турецкого вторжения, новая Кубанско-Моздокская линия, значительно расширившая и укрепившая южные границы российского государства. По поводу последней Суворов докладывал П.А. Румянцеву 19 марта 1778 г.: «Крепости и фельдшанцы столько неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становились им совершенною *уздой*, были б они доведены в смычку Моздокской линии к Ташле к половине апреля. Коммуникационные ж полегче редуты внутрь земли кончились бы около половины мая и послужили б к содержанию ногайцев в приличности. Укрепления сии по Кубани, сильнее почти обыкновенных линейных, могли бы со временем переименоваться в линию и для содержания оной с бережными частями морей и внутренностью в обыкновенное время, по нравом здешних народов довольно б было на самый первый случай батальонов десяти, немного более того эскадронов, казаков тысяч до двух и сих последних число уменьшилось бы со временем вполнину вмещением в них ногайцев на образ башкирцев, как и прочее войско почти уполовиниться могло. Воздух здешний довольно умерен. Политическая граница России знатно бы распрострилась. Те суть, Сиятельнейший граф мой, усмотрения на месте; будучи удален познаниев дальновидных политических, принимаю смелость оное Вашему Сиятельству представить на высокое рассмотрение»²¹¹.

Полководец не имеет права, как это сделал Наполеон, «бросаться в вихрь политический». Так он только загубит свои военные таланты и дело, подорвет профессиональную репутацию. Суворов только однажды, в 1791 г., изменил этой позиции, косвенно поучаствовав в борьбе придворных группировок. Но быстро признал, что совершил

ошибку, оступись, не нарушив долга службы: «Это все к поступкам, не к службе»²¹². «Революционный» образ мыслей, характерный в то время для определенной части русского офицерства, никогда не привлекал его. Не характер правления важен, считал он, а глава государства, вождь с его нравственными и профессиональными качествами: «При споре о том, какой образ правления лучше, надобно помнить, что руль нужен, а важнее рука, которая им управляет»²¹³. Суворов оценил правление и военную систему Павла I как «зло для России», но и при этом предпочел отставку и унижительную опалу политическому заговору, цареубийству и гражданской войне. Со слов Ермолова, в начале 1797 года полковник А.М. Каховский (герой Измаила и Праги) убеждал Суворова взбунтовать подчиненные ему войска, которых было немало, под тем предлогом, что «Государь хочет все по-прусски учредить и даже переменить закон... и, восстав против Государя, идти далее... на Петербург». Суворов, естественно, не пошел по этому пути из принципа и предвидя авантюризм, неуспех и более вредоносные последствия данного предприятия: «Молчи, молчи, не могу. Кровь сограждан!»²¹⁴

Союзничество. В противовес этому политические качества и дипломатическое искусство в полной мере требовались на войне, в частности, в принципиально важных отношениях между союзными армиями, которые (отношения) должны быть прежде всего «прозрачными» и характеризоваться верным исполнением союзнического долга, неустанной работой на «общее благо». Этому политическому правилу Суворов следовал неизменно. Он, как никто другой, понимал выгоды и необходимость действий против серьезного противника объединенными силами, особенно в тех случаях, когда приходилось вести войну на окраинах государства или за границей: «Как с норда на вест россиянам далеко и *одним успешно воевать ненадежно*... Россиян ныне (начало 1800 г. в Швейцарии. — А.С.) с казаками и принцем Конде до 28 000... Положим будет их за 30 000 и хотя к 40 000. Это очень мало... А надобно под ружьем не меньше 100 000, как французы в их земле, по малой мере, иметь могут вдвое»²¹⁵. В интересах «спасения Европы», возможно предчувствуя будущую угрозу России, он предпочитал бороться против «атеяев» («безбожных французов») не только за русский счет: находясь «на английском сольде», в австрийском фельдмаршальском мундире и в основном с австрийскими войсками, которые компенсировали недостаток русских войск в численности, делили с ними, в той или иной степени, «бремя кровопролития», Суворов в этом случае стремился объединить союзные войска не только общим главнокомандованием, но и единой идеологией «содействия общему делу», требовал «сблизиться в системах», соединить сильные стороны обеих армий. В то время (1799 — начало

1800 гг.) он пишет: «Союз между двумя высочайшими дворами должен быть сохранен 1000 лет, хотя 100 лет, говорит Темистокл... мы обязаны всеми подвигами соединению двух первых армий в Европе в непобедимую Российско-Австрийскую армию. И если снова начинать кампанию, то необходимо *сблизиться в системах*. Иначе не может быть ни спасения для человечества, ни восстановления угнетенных государей и религий... Вот в коротких словах ключ к загадке... Нет ничего совершенного: что в одних недостает, наполняется от других. В здешних землях и способах цесарцы сведущее российских в продовольствиях по неспособности россиян, изобильны в военной амуниции... Вера, язык, нравы — россияне в союзных влияют: бодрость, храбрость, мужество, терпение, трудолюбие, постоянство, глазомер, быстроту, импульзию»²¹⁶.

В отношениях с союзниками Суворов требовал «всякую *вежливость и вспоможение* иметь... стараясь от всяких холодностей или каких-либо несогласий и раздору уклоняться»²¹⁷, поддерживать единство действий, согласие, дружбу и любовь. «Господь Бог да благословит Вас, — пишет он 18 августа 1799 г. А.М. Римскому-Корсакову, — *обоюдное согласие*, которого здесь (в Италии. — А.С.) цветущее состояние толико безбожных поразило... Разногласие в соединенной армии быть не может, доколе я не ослабею духом...»²¹⁸ При этом союзные войска просто обязаны были «*дейтельно соревноваться в успехах*». В знаменитых победах и великих завоеваниях в Европе «российское войско вливало в упавший дух австрийцев соревнование», которое «подавало взаимно рука руке помощь и пополняло недостающее»²¹⁹. «...На австрийские войска не имею я причины жаловаться, — отмечает Суворов в одном из писем С.Р. Воронцову, — потому что, быв побуждаемы соревнованием, способствовали они многим успехам и, невзирая на порабощение всех и каждого генерала к начальствующему или министру, с должным согласием исполнял каждый свою обязанность. И все они имели ко мне привязанность». А.К. Разумовскому он пишет: «Различием веры, нравов и обычаев Союзных армиев — правило со многими я сделал давно ложным, доказавши то и в сию кампанию. Все начальники мерсонеры и для хлеба Тугутовы шпионы, были долгом службы и дружбою мне толь нелицемерно привержены, что от *того родилось сии и мне невероятные победы и завоевания*»²²⁰. Одной из основ своих побед при Фокшанах и Рымнике в 1789 г. Суворов считал чистосердечную дружбу, воинское братство и взаимную доблесть русских и австрийских войск: «Могу Вас уверить, любезный друг (И.М. Рибас. — А.С.), что успехами нашими обязаны мы искренней и чистосердечной дружбе, связывающей нас с Принцем Кобургом. Коя пребыла нерушима до конца. Не могу забыть сего спокойного великодушия, столь редкостного и едва ли не беспримерного, коим наслаж-

дался я непрестанно и коего не омрачала и тень недоверия. *Наша маленькая армия жила по-братски и соревновалась в доблести*. Двоедушие, лукавство, недомолвка строго возбранялись. Всякий был бы властен наказать нас, если б он нас в сем уличил»²²¹.

«**Чужая война**». Россия всегда была и стремилась быть «искренним и верным союзником». При всем этом и несмотря на отношения братства в среде союзных войск, «честь и слава знаменитейшего оружия» исключают участие в чуждых ее интересам войнах — таково одно из главных политических правил Суворова-главнокомандующего. Как только война коалиции против революционной Франции приобрела оттенок корыстолюбивой игры и стало очевидно, что союзники стремятся использовать русскую армию «ко вреду общей пользы», для видов и интересов венского двора, перелагают на нее тяжесть войны, приносят в жертву, «гонят на гибель», русский генералиссимус в австрийском фельдмаршальском мундире громко заявил: «От скуки играют Россиям... Союзники ездят на российской шее... Жертвуют россиянам... Воюют для корыстей... Вот система Лондона и Вены... Властно раздробляют оставшихся бедных россиян, утружденных, или во всех недостатках... Так гнали нас из Италии в Швейцарию на предательство и гибель; так ныне — на Рейн, где бремя кровопролития на одних россиян пасть может... пора им из Египта (по примеру французов. — А.С.), или стремглав принудить неверных союзников их полною работою всюду соответствовать. Но и тут они обманут, ежели я не буду их командир... Великий Император Норда — правитель судьбы...»²²² Суворов предупреждает Павла I, что русская армия в складывающейся ситуации неизбежно («самой судьбою») «обращена будет к услугам Тугута»; война, которая «могла уже верно кончиться», затягивается, грозит обернуться «изнурением воюющих держав», становится для России «чужой войной», большим даже злом, чем борьба с Францией. В связи с этими политическими изменениями он рекомендует императору временно вернуть войска на Родину, дабы не участвовать в чужих играх и обмане, напрасно не проливать кровь русских солдат.

Петр Великий и Суворов показали блестящие образцы действий в соответствии с этой важной для России стратегемой, забытой впоследствии почти на два столетия. Накануне Второй мировой войны в эмиграции русский историк и публицист А.А. Керсновский вновь напомнил: *русская кровь только за русские интересы*; основным правилом и Политика, и Стратега в коалиционной войне должна стать *полная свобода действий*: «Государство должно вести войну, поскольку этого требуют его интересы. Оно обязано прекратить военные действия и выйти из состава коалиции, лишь только продолжение войны окажется невыгодным и его интересы не соблюдаются союзниками»²²³.

«Управляемый» военный совет. Самостоятельный главнокомандующий — опытный, искусный и со своими политическими правилами — не может не тяготиться опекой и вмешательством различного рода конференций и гофкригсратов, управляющих его действиями из кабинетов. Кроме того, при принятии важных решений он обязан был (по Воинскому уставу) собирать военный совет: «Главные и великие дела и великие начинания, без консили генералов, собственным своим изволением никогда чинити надлежит, но всегда с совету... разве когда от неприятеля такое незапное нападение будет... Генерал своею собственною волею ничего важного не начинает без имевшего наперед военного совета всего генералитетства, в котором прочие генералы паче других советы подавать имеют»²²⁴. Такой принцип лишал высших командиров значительной доли самостоятельности, но в то же время, по замыслу Петра Великого, «страховал» от крупных ошибок, которые могли совершить в боевых условиях наиболее невежественные из них. Суворов более придерживался мнения Евгения Савойского: «Лучшее средство ни на что не решиться — это спросить мнение у военного совета». И действительно, во времена Суворова военные советы сплошь и рядом собирались нерешительными начальниками, чтобы принятыми постановлениями снять с себя ответственность, например, приостановить наступление (после сражения при Козлуджи), оправдать малодушие и даже трусость (решение совета о переносе сроков второго поиска на Туртукай).

У Суворова, как у Цезаря и Наполеона, «военный совет в голове». Он использует эту инстанцию исключительно для того, чтобы легитимизировать собственные решения, донести свои мысли о предстоящих действиях до подчиненных ему начальников и войск, «направить их мужество к победам», воодушевить их. Именно так поступает он перед штурмами Праги и Измаила, в Муттенской долине на вершинах Альпийских гор. Под Измаилом один и тот же военный совет без Суворова принимает решение снять осаду (заменить ее блокадой) и выдвигаться на зимние квартиры, а несколько дней спустя, после назначения Суворова главнокомандующим, соглашается с его диспозицией на штурм. Среди его участников обнаруживается чувство стыда, внедряется суворовское понимание, что «отступление предосудительно победоносным российским войскам». Суворов в этом случае, естественно, «не искал совета, а хотел сам его дать, хотел перелить в других принятое им самим решение, сделать свой взгляд их взглядом, свою уверенность их уверенностью»²²⁵. После успешного штурма он упоминает в рапорте Г.А. Потемкину: «9-го числа утром... созданы были господа генералитет на военный совет. Когда предложено было им намерение и обстоятельства и требовал от каждого из

них мнения. Все единогласно, видя невозможности по позднему годовому времени продолжать осаду и *почитая постыдным* победоносному Ее Императорского Величества оружию отойти от крепости, положили быть приступу»²²⁶.

«Военные люди, понимающие, как дела делаются, — отмечает П.А. Гейсман, — собирают советы не затем, чтобы получить от них решение, а напротив — затем, чтобы вдохнуть в них свою собственную решимость. Таков был совет Кутузова в Филях, Наполеона после Аспернской неудачи, Фридриха перед Лейтенским сражением... В собрании сколько голов, столько и умов: нечего, следовательно, и ожидать от собрания постановки какой-нибудь одной мысли или цели: это принадлежность *единичной* головы»²²⁷. Этой же цели военные советы служили у любимого героя Суворова Юлия Цезаря. В начале Галльской войны на одном из них он гневно упрекал трибунов и центурионов в трусости, потере чувства чести и долга, нежелании покинуть лагерь для разбития войск противника, а также в том, что они усомнились в правильности принимаемых им — полководцем — решений: «И зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и в осмотрительности своего полководца?.. А те, которые прикрывают свой страх лицемерной тревогой за продовольствие или ссылками на трудные перевалы, те позволяют себе большую дерзость, отчаиваясь в верности полководца своему долгу и осмеливаясь давать ему предписание. Это его дело»²²⁸.

Самостоятельность и частный почин. Зная все тайны войны, владея обстановкой и имея великополководческие качества, Суворов желал действовать полновластно и самостоятельно. Даже Павел в конце концов вынужден был уступить, предоставив ему полную свободу действий: «Веди войну (в Италии. — А.С.), как умеешь». П.А. Румянцев предпочитал руководить действиями Суворова, который оказывался нередко в его непосредственном подчинении, посредством предельно общих «генеральных повелений» (так же поступали Екатерина и Г.А. Потемкин). В августе 1773 г. он поручает Суворову оборону Гирсова поста и как генералу, «ко всякому делу свою готовность и способность подтверждающему», указывает только: «...Я же, ведав образ ваших мыслей и сведений, предоставляю собственному Вашему искусству все, что Вы по усмотрению своему пристройке нужным найдете прибавить там на вящую пользу. Делами Вы себя довольно в том прославили, сколько побудительное усердие к пользе службы открывает Вам путь к успехам. На сие, как и на искусство Ваше, весьма мне известное, довольствуюсь я возложить сохранение и оборону сего нужного поста и придать делу собственного ж Вашего предусмотрения воспользоваться иногда случаем к поиску ка-

ковому-либо над неприятелем... Сим я оканчиваю предписание, указав только Вам генеральные пункты, и остаюсь в надежде и в том уважении, что вам, яко генералу, отличающемуся достоинствами военными, *собственное благоразумие будет во всяком разе лучшим руководителем*²²⁹. Суворов оправдывает доверие. 3 сентября он наносит противнику «великое поражение», наголову разбивает одиннадцатитысячное турецкое войско, заманив его в огневую западню и преследуя затем на протяжении 30 верст. Во время второй русско-турецкой войны Суворов, руководствуясь указанием «нашего главного фельдмаршала, скопищев неприятеля не терпеть», «обращаться, куда неприятель скопляется»²³⁰, самопочинно выдвигается навстречу четверо сильнейшему противнику, побуждает к совместным действиям австрийские войска и в результате одерживает «совершенные» победы при Фокшанах и Рымнике. (Руководящим и оправдательным мотивом «самовольного» движения Суворова из Люблина «на Литву» против пятикратно превосходящих числом войск гетмана Огинского, успешно разбитого при Столовичах 11 сентября 1771 г., были «усердие к службе Ее Императорского Величества и к отечеству ревность» — никаких указаний, ордеров или приказов со стороны вышестоящего начальства не поступало.) Во время польской кампании в 1794 г. фельдмаршалом Румянцевым ему поручается всего лишь произвести военную демонстрацию к Бресту. «Но стоило Суворову взяться за дело, — пишет А. Кизиветтор, — и это частичное поручение превратилось в главную операцию, приведшую в дальнейшем своем развитии к выигрышу всей кампании»²³¹.

«Поручительный» метод управления, предполагающий самостоятельность действий и частную инициативу подчиненных начальников (в последующем немцы удачно выразили его суть в понятии *Auftragstaktik*)²³² являлся одним из ключевых элементов военной системы Суворова. Он неизменно требовал от генералитета как «находящегося ближе к неприятелю» «руководствоваться предписаниями моими», но с учетом «обстоятельств и положения дел», «благоразумно» избирая и употребляя «лучшие и выгоднейшие» способы для поражения и истребления противника: «Общий приказ они должны иметь, но ни в какие подробные указания я не могу входить. Так как пока дойдут до них мои указания, обстановка может не раз измениться. Эти господа генералы и сами на месте должны лучше знать, что делать; гораздо лучше, чем если им давать указания на расстоянии»²³³. При этом Суворов оставляет за собой безусловное право держать бразды правления в своих руках: наставлять, советовать, напоминать, воодушевлять, ободрять, контролировать, а в случае необходимости подробно инструктировать частных командиров. Передавая А.М. Римскому-Корса-

кову и Ф. Готце диспозицию и план предполагаемых совместных действий в Швейцарии, он замечает: «Само собой разумеется, что Вам предоставляется *полная самостоятельность* в подготовке всех мероприятий по преодолению надлежащим образом трудностей данной местности и в подавлении неприятеля. В зависимости от обстоятельств на Вас возлагается также составление на месте собственных частных диспозиций, *сообразуясь с целесообразностью* в достижении поставленной цели. Я обязан лишь порекомендовать Вам никакое препятствие не считать слишком большим, никакое сопротивление — слишком значительным; но ради достижения неукоснительной цели счесть, что великое намерение, ради которого мы соединились, должно быть достигнуто и с самым великим самопожертвованием — *ничто не должно устрашать нас*, и мы должны быть убеждены в том, что *только решительность и стремительный натиск* могут решить дело, — а то и другое сейчас тем более необходимо, что малейшее промедление дает противнику средства оказать сопротивление, а нам создает новые препятствия, которые будут ежедневно увеличиваться в связи с трудностями доставки провианта в этой стране без дорог. Я надеюсь, кроме того, что каждый корпус с решительностью, достойной славы, в назначенное для него согласно диспозиции время в точности выполнит поставленную перед ним задачу»²³⁴. Генерал-фельдмаршал-лейтенанту австрийских войск К. Отту Суворов предписывает 11 мая 1799 г. сосредоточиться с целью недопущения объединения французских войск, отмечая при этом: «Главной целью вверенного Вам корпуса по-прежнему остается воспрепятствование соединению войск генерала Макдональда с войсками генерала Моро. Могу Вам только указать *цель*, но, исходя из нее, Вы, господин фельдмаршал-лейтенант, действуйте *наилучшим образом* по Вашему усмотрению *в зависимости от местных условий*... На этот раз Вам нужно воздерживаться от действия против Больнии и, стянув свои войска в одно место, вести неослабное наблюдение за дорогами... Атакуйте ближайšie к Вам войска неприятеля с тем, чтобы следующие за ними разбивать по частям... Рекомендую Вам приложить все усилия к тому, чтобы полностью осуществить мои намерения. Всецело полагаюсь в этом отношении на Вас... Кроме того, я хочу, чтобы войска, не вступая в бесполезную перестрелку с неприятелем, всегда без промедления действовали штыком, ибо многократный опыт показал, что противник никогда не выдерживает такого нападения. Точно так же кавалерия должна, опустив поводья, врубаться саблями в ряды неприятеля»²³⁵.

Самостоятельность нужна «для скорейшей во всем решимости», чтобы не подвергать «нужные предприятия медлительности». Вполне понятно, что Суворов возмущается пассивными действиями тех командиров, которые ожидают повелений и своими «неса-

мовластными» решениями допускают в связи с этим неудачи. Он требует от них решительности: «Рекомендую Вашему Превосходительству (И.Е. Ферзену, 5 ноября 1794 г. — А.С.) *полную решимость*. Вы Генерал! Я издали и Вам ничего приказать не могу. Иначе стыдно бы было: Вы локальный! Блудите быстроту, импульсию, холодное ружье; верить счет мятежников»²³⁶. Принуждает командиров, действующих на своем «локальном» участке, будь то корпус или отдельно взятый пост, самим думать, «рассмотрение и благоразумие» иметь: «Спрашиваться старших накрепко запрещаю; но каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар, *под взысканием за малую деятельность*»²³⁷. Находящийся на месте «ближе зрит обстоятельства», «гораздо лучше может рассудить о мерах», чем дальний: «*Местный в его близости, по обстоятельствам, лучше судит, нежели отдаленный*. Он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам»²³⁸. В этом контексте в исключительных случаях допускалось даже крайнее проявление частного почина. «Генерал-Вперед» — так называли австрийцы Суворова еще с Фокшан и Рымника — разрешал себя не слушать, даже не ходить «вперед», если местное положение дел того не дозволяло: «Я вправо, должно влево — меня не слушать. Я велел вперед, но ты видишь — не иди вперед»²³⁹. Наконец, и в бою, в ходе атаки, и во время преследования «командиры частей колонны или разделений ни о чем не докладывают, но действуют сами собою с поспешностью и благоразумием... Всякий частный начальник толико расторопен и в полном присутствии духа, что при начале боя не ожидает никакого повеления от высшего командира...»²⁴⁰

Суворов развивал предприимчивость и сметку как в командном составе, так и среди солдат. Однако право на действия «по обстоятельствам и по собственному усмотрению» он предоставлял тем, кто мог пользоваться им сознательно, «с разумом, искусством и под ответом», соблюдая «субординацию и дисциплину», следуя воинским правилам и плану старшего начальника: «Не довольно, чтоб одни главные начальники были извещены о плане действий. Необходимо и младшим начальникам постоянно иметь его в мыслях, чтоб вести войска согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той же причине — даже унтер-офицеры и рядовые. *Каждый воин должен понимать свой маневр*. Тайна есть только предлог, больше вредный, чем полезный. Болтун и без того будет наказан»²⁴¹.

Субординация и дисциплина. Суворов требовал от своих подчиненных не только инициативных действий, но послушания и исполнительности, содержания себя в непорочных поступках, «дол-

жного попечения» о субординации и дисциплине: «Вся твердость воинского правления основана на послушании, которое должно быть содержано *свято*. Того ради никакой подчиненный перед своим вышним на отдаваемый какой приказ да не дерзает не токмо спорить или прекословить, но и рассуждать, а паче оный опорачивать после в каком бы то месте ни было, но токмо повеленное неукоснительно исполнять... От послушания родится попечительное и непринужденное наблюдение каждого своей должности из его честолюбия... *Строгость требует величайшего наблюдения воинских правил*... Неослабное наблюдение нужных военных правил, яко душа оное матерое тело просвещает... Артикулы воинские с их строгостию, воинский устав и строевой устав содержать в твердой памяти... Осмотры чинить точно всегда в повеленном порядке, хотя бы выведет по наряду один человек. Правило сие строго наблюдать, дабы чрез послабление того из добрых солдат не сделать ленивых, нечестолюбивых к их должности, нерадетельных... Небережливый здоровья, субординации, дисциплины и воинского порядка будет лишен команды... Крайне соблюдать целостность исполнения моих предписаний»²⁴².

«Накрепко наблюдать» воинские правила, соблюдать субординацию обязывают долг службы и присяга, честь и слава российского оружия. Необходимо помнить, что регулярные войска, отличающиеся не только обученностью, но и дисциплинированностью, «пред нерегулярными, числом несравненно превосходными, решительную поверхность всегда получали» (Екатерина Великая)²⁴³, что от соблюдения «правил успеха» («Науки побеждать», «Суздальского учреждения» и других суворовских наставлений и заповедей) зависит достижение победы. Поэтому субординация или послушание есть «основание нашей службы», «мать дисциплины, или военному искусству»: «*Господь да дарует нам субординацию, мать дисциплины, она же мать победы!* 1-е. Чины должны почитаться. 2-е. Подчиненные могут жаловаться на начальников, но только письменно... 3-е. Долой французское умствование, тогда и офицеры сбегать с поля сражения не станут... Разумеется, начальник более великодушен, ежели имеет меньше претензий... Ежели преступит он преграду законов, тогда нет более субординации; если же он низкий лстец, без достоинств и добродетели, то медленно изжарит своего начальника на вертеле, и чем старше сей, тем легче»²⁴⁴. Суворов строг «в удержании здоровья, истинного искусства, благонравия; милая солдатская строгость, а за сим *общее братство*», где господствует принцип: «*Товарищ товарища обороняй!*»²⁴⁵.

В своих «самовольствах» (за исключением, быть может, сомнительного очаковского дела 27 июля 1788 г.) Суворов никогда не переступал грани, за которой начиналось нарушение долга и при-

сяги, субординации. Даже давая дельные советы вышестоящим начальникам, он «покорно просил» их «простить мою вольность». Не доволен действиями И.И. Веймарна, командующего русскими войсками в Польше, не согласен с его планом борьбы с конфедератами, предлагает свой, но тем не менее замечает: «Однако я все то готов усердно исполнить, что изволите приказать... Буду служить Вам как честный человек, в точности выполняя Ваши предписания»²⁴⁶. Для объяснения такой позиции Суворов позже приводит дополнительный (кроме субординации) аргумент: «...Неудовольствие прилично начальнику, а никак не капризу подчиненного, иначе впадем мы в анархию». Вообще он часто критикует действия современных ему военачальников, но делает это, как правило, в частных письмах и таким образом, «чтобы не опрокинуть вовсе субординацию, с нею и дисциплину»²⁴⁷.

Поощрение победителей — долг начальника. Суворовская система основана на поощрительном (одобрительном и ободрительном) начале. Он направляет войска к победам, «устремляет их к чести и честности» поощрением, а не страхом наказания, «коим девяносто девять против сотого правятся ныне, то тяжело и излишне»²⁴⁸. «Взыскивать и наказывать» он требует «без послаблений», но и «без суровости» и только за действительно опасные для дела проступки и непорядки: безрассудные действия, неоправданные потери, неблюдение солдатского здоровья, нерадение в службе, несоблюдение военных правил, немогузнайство, мародерство и т.д. При этом пороки устранять рекомендует умеренными наказаниями: «Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко-то: склонен к пьянству или иному злему обращению, неприличному честному солдату, то стараться оного увещеваниями, потом умеренными наказаниями от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая оного в отчаяние»²⁴⁹. Из практики Суворова видно, что наказывал он редко, а поощрял всегда, придерживаясь правила: победивший («отличившийся в деле») получает «честь и славу», заслуживает достойную награду по справедливости; долг начальника — поощрить победителей, донести о похвальных поступках своих подчиненных в вышестоящую инстанцию, рекомендовать героев (отличившихся особыми подвигами) для поощрения высшими наградами и почестями. Награждение орденами, медалями, титулами, «следующими чинами», «по неимуществу», подарками (украшенными алмазами и золотом оружием, портретами Е.И.В., табакерками и т. д.) за «мужество, храбрость и неустрашимость», «усердие и ревность», «мудрые диспозиции и искусство», «разумное предводительство», «за все те чрезвычайные подвиги, которые

давали «знатный отвес победе», развивали в солдатах и офицерах национальную гордость, честолюбие и славолюбие, ободряли, окрыляли и воодушевляли их на новые геройские дела.

Именно «поощрительная» система создавала уникальные личности, «чудо-богатырей», выдвигала во все звенья военной иерархии лучших из лучших, развивала состязательность, самодеятельность и инициативу. В определенной степени «продуктом» такой системы явился и сам Александр Васильевич Суворов, получивший за свою героическую жизнь почти все мыслимые и немисливаемые, отечественные и иностранные, официальные и неофициальные награды. «Мой генерал», — говорила о нем Екатерина Великая. Императрица умела ценить оказанные «Нам и Отечеству услуги», «веру и верность», «особливое усердие, радение и точность в исполнении предположений главного начальства», «неутомимость в трудах и нанесении неприятелю всяческого вреда», «рвение в делах, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае» своего Полководца. Она регулярно награждала его орденами, званиями и титулами, не забывая и о материальной стороне дела. Так, за труды и блокаду Краковского замка в 1772 г. генерал-майору Суворову пожаловано 1000 рублей, прочим — 10 000. Стремительное выдвижение Суворова с театра турецкой войны на Волгу для скорейшего поражения нового противника — Пугачева также не осталось без благосклонного Высочайшего внимания. 3 сентября 1774 г. Екатерина собственноручно пишет генерал-поручику Суворову: «Увидев из письма Генерала Графа Панина от 25-го числа августа, что Вы накануне того дня приехали к нему так скоро и налегке, что, кроме испытанного Вашего усердия к службе, иного экипажа при себе не имеете и что Вы тот же час отправились паки на поражение врагов Империи; за таковую, хвалы достойную, проворную езду *весьма вас благодарю*, зная, что ревность Ваша Вам проводником служила, и не малейшее сумнение не полагаю, что, призвав Бога в помощь, *предуспеете* истребить сих злодеев славы Отечества Вашего и общего покоя, судя по природной Вашей храбрости; дабы же скорее Вы нужным экипажем снабдиться могли, посылаю к Вам *две тысячи червонных* и остаюсь к Вам доброжелательна. Екатерина»²⁵⁰. Разбив отборное войско турок на Кинбурнской косе 1 октября 1787 г., Суворов удостоен был не только ордена Андрея Первозванного, но и очередного персонального внимания императрицы: «Мы в сем случае принимаем сами перо, дабы Вам и всем вышним, средним и нижним чинам, в сем подвиге участие имеющим, объявить наше справедливое удовольствие и признательную благодарность. *Чувствительны Нам раны Ваши*. Бога молим, да излечит наискорее сии уязвления, претерпенные при защите Веры Православной и

пределов Империи и восстановит тем болящих к обретению вящих успехов...»²⁵¹ За истребление главных сил турецкой армии в фокшанском и рымникском сражениях Суворов получает орден Святого Георгия первого класса, шпагу золотую, богато украшенную бриллиантами, перстень и эполет бриллиантовые, крест и звезду бриллиантовые к ордену Святого апостола Андрея, возвышается в графское достоинство. По этому случаю Екатерина пишет Потемкину: «К графу Суворову хотя целая телега с бриллиантами уже наложена, однако кавалерия Егория большого креста посылаю по вашей просьбе: он того достоин. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет»²⁵². За взятие Варшавы и «мятежа низложение» Суворову Екатериной в 1795 г. пожалованы «в вечное и потомственное владение... ключ Кобринский с прочими ключами, фольварками и селениями, в коих показано *шесть тысяч девятьсот двадцать две души* мужского пола, с принадлежащими к ним землями, угодиями и всею хозяйственною в оных наличностию»²⁵³.

Суворов не раз подчеркивал, что лучшая награда для него — настоящее дело (где «построжае и поотличнее война»), что титулы ему для публики нужны (опять-таки для авторитета), конечно же и для славы, но не для самолюбия. В то же время считал себя «из чести служащим» и «делами прославляющим», потому *не стеснялся напоминать своим начальникам* об их долге, что за победы (как и за тяжелые труды в сложных условиях) положены награды как ему лично, так и подчиненным. И.И. Веймарну, 21 марта 1770 г., Польша: «По нынешнему ж Вашего Высокопревосходительства расписанию известную мною к службе ревность наблюдать буду; и как скоро сто казаков к команде моей придут, то в состоянии буду твердо содержать Сендомир, но и Опатов, и с помощью Божью по возможности частью очищать и горы, и сей пост в истинной надежности иметь: токмо едино то, чтоб за мои, хотя, может быть, не блистательные, но общему делу споспешествующие труды и ежвременные беспокойствия без награждения протекцию Вашего Высокопревосходительства оставлены не были»²⁵⁴. И.П. Салтыкову, 10 и 13 мая 1773 г., после первого успешного поиска на Туртукай: «Мы победили... Подлинно мы были вчера *veni, vidi, vici*, а мне как первоучинка. Вашему Сиятельству и впредь послужу, я человек бесхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорее второй класс... Не оставьте, батюшка Ваше Сиятельство, моих любезных товарищей, да и меня, Бога ради, не забудьте, кажется, что я *вправду заслужил* Георгиевский второй класс, сколько я к себе ни холоден...»²⁵⁵ И.П. Салтыкову, 9 июля 1773 г., после двух успешных поисков на Туртукай: «Будет ли по малой мере мне желаемое вознаграждение? Не оставьте того, Милостивый государь! Бегать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь, по Вейсманову (один

из лучших генералов, погибший в бою. — А.С.), да еще хорошо, коли с честью и пользой»²⁵⁶. Имея в конечном итоге столько наград, Суворов тем не менее до конца своей жизни испытывал «измаильский стыд», переживал, что за самый знаменитый свой подвиг — штурм Измаила получил только медаль и звание подполковника гвардии: «...Чувствую непрестанно, что я за Измаил худо награжден, сколько ни философствую»²⁵⁷.

В памяти потомков остались подвиги князей Мещерских, первыми бросившихся на штурм Чертова моста — неприступной альпийской твердыни. Один из братьев, князь Мещерский 3-й, был смертельно ранен выстрелом и только успел крикнуть: «*Друзья, не забудьте меня в реляции!*» Суворов не забыл, как никогда и не забывал отмечать отличившихся. И не только своих главнокомандующих, но и простых офицеров, а иногда сержантов и солдат. 3 февраля 1800 г., будучи уже тяжело больным (в горячке), он все же в очередной раз напоминает графу Ф.В. Ростопчину (начальнику военного департамента!) о Мещерских: «Не могу не просить Вас о майоре князе Мещерском 1-м, который служил под моим начальством в прошедшую польскую кампанию с отличною ревностью, да и ныне при Муттентале, а особливо при переходе через Тойфельсбрюк оказал опыты храбрости, был первым, который начал связывать шарфом доски через сей мост. По неизвестным мне причинам остановилось его производство. Ваше Сиятельство исходатайствованием ему при удобном случае повышения чином наравне с сверстниками его чувствительно меня обяжете. Брат его, князь Мещерский 3-й, ранен был перед его глазами на поле сражения и вскоре потом умер»²⁵⁸.

В Кинбурнском однодневном упорном сражении, когда войска Суворова с одной галерой смело выступили против турецкого десанта и флота из двух эскадр, отличились все участники. Последовательно, по нескольким рапортам Суворова были награждены не только герои: гренадер Степан Новиков, лейтенант Ломбард (командир галеры «Десна»), храбрый генерал Рек, «бывшийся в первых рядах Шлиссельбургского полку» Суворов, — но и все остальные офицеры и нижние чины (5242 человека, в том числе и 662 прибывших из резерва уже по окончании сражения драгун). Об отличившихся в сражениях при Фокшанах и Рымнике Суворов подавал Г.А. Потемкину списки с просьбой о награждении несколько раз, в том числе и с такой припиской: «Дерзаю приступить к позволенному мне Вашею Светлостью. Действительно боюсь, чтоб не раздражить... Другой список также не мал, но, Милостивый государь, где меньше войска, там больше храбрых. Последуйте Вашему блистательному великодушью»²⁵⁹. Посланный Суворовым список проявивших себя в упорном трехдневном бою

при Треббии Государь утвердил целиком: все генералы и офицеры, даже русский посол в Вене, получили награды. Полкам корпуса Розенберга пожалован был Гренадерский марш; нижние чины получили по рублю на человека. Сверх того 1000 знаков отличия послано Суворову для раздачи по его усмотрению. Фельдъегерям дали 100 рублей. Суворову был пожалован портрет Государя, оправленный в бриллианты.

Так создавалось войско славное и «на себя надежное». С этой обученной, испытанной, храброй и воодушевленной армией можно было решаться на самые невозможные, и прежде всего наступательные, предприятия.

«Смелая наступательная тактика»

Только наступление. Суворов предпочитал «решать войну (сражение, бой) наступлением»: «бить решительно вперед», не выжидать нападения противника, стоя на месте, а искать победу среди неприятельских батальонов. Он полагал, что действия «на образ наступательный» — самый прямой и надежный путь к победе, так как все выгоды оказываются на стороне нападающего (наступающего), который упреждает противника, навязывает ему свои законы и волю: «Не заботясь о числе, он везде нападает на неприятеля и разбивает его начисто. Ему (Бонапарту. — А.С.) введомая *неодолимая сила натиска* — более не надобно»²⁶⁰. В этой связи принципиальная позиция Суворова, имевшего в своем распоряжении такое мощное оружие, как регулярное войско, выражена следующим образом: «Идти навстречу неприятелю... Храбро поражать, бить его... Стремительно двигаться вперед! Никто не смеет пятиться назад ни четверти шага... Преодолевать все препятствия и сражаться везде, где представится возможность... *Ничего, кроме наступательного...* Нападательно поступать...»²⁶¹ «Я того мнения всегда был и буду, — отмечал и П.А. Румянцев, — что нападающий до самого конца дела все думает выиграть, а обороняющийся оставляет в себе всегда страх, соразмерно деланному на него стремлению...»²⁶²

«*Нападение с неустрашимым духом*» заставляет неприятеля в буквальном смысле дрожать от страха и терять голову, обращает его в паническое бегство, во всех местах «успех делает», приводит к совершенной победе. Атакующий уже имеет на своей стороне половину победы. Кто бьет, тот сохраняет за собой и свободу действий. Выжидатель же нападения — уже полуразбит. Особенно ошеломляюще нападение действует на противника, который сам намеревается наступать, изготовился к удару в надежде на победу. В этом случае особенно важно «*предускорить атаку*». В июле 1789 г. выдвинутые вперед войска Суворова оказались пря-

мо перед главными турецкими силами. Нападение противника было неминуемо. В этой ситуации Суворов предлагает своему непосредственному начальнику Н.В. Репнину бесстрашно наступать, на ходу усиливаясь и соединяясь: «Вот мое мнение, милостивый государь! И отвечаю за успех, ежели меры будут наступательные. Оборонительные же? Визирь придет! *На что колоть тупым концом вместо острого?* Правый бок (берег Прута. — А.С.) чист: очистим левый и снимем плоды»²⁶³. При Нови он пытается выманить французов из гор и укрепленных пунктов в открытое поле, специально провоцируя атаку со стороны противника: «Под Нови он надеялся разбить ее (нашу армию. — А.С.) в лоб. Но мы, однако, имели счастье *предупредить его лобовую атаку* и нанести ему чувствительный урон: потерю полководца (доверенность войск имевшего и храбростью славившегося Жуберта), значительное число людей, орудий и боеприпасов, отбросить его армию назад к Ривьере, где она и прежде терпела голод»²⁶⁴.

Суворов неизменно ратовал за «наступательные войны», наступательные действия, «жесткие и поспешные нападения», за действия «движущими редутами» (батальонными каре): «Каре действует наступательно, как бы трудно местоположение ни было, хотя бы был почти и самый ретраншамент; а оборонительно — по нетвердости и неприсутствию духа начальствующего... На сухом пути против басурман потребно непрестанное движение! *Оборонительного нет, коль паче отступательного...* Боже, помоги нашим друзьям цесарцам. Лишь бы они в поле с басурманами дрались движимыми редутами: *оборонительное* имеет один покойный вид, но против неверных нескладно и *предопасно, ежели не будет обращено в наступающие действия*. Лучшим был бы на это мастер и их Евгений»²⁶⁵. Крайнее напряжение сил с самого начала действий, подвижность и сокрушающий удар позволяли захватывать инициативу (пользоваться успехом), способствовали скорейшему решению войны (сражения), которая в ином случае («за рогатками») затягивалась на долгие годы, приводила к большой трате людей, материальных ресурсов, времени.

«Военная история, — замечает Н.П. Михневич, — показывает, что лучшие мастера военного дела почти всегда наступали, даже уступая противнику в силах. Главная причина этому психологическая. Движение навстречу врагу воспринимается людьми как ощущение силы и желание деятельности, что само по себе повышает силу, поднимает уверенность в успехе. Поэтому не только надо быть сильнее, чтобы наступать, но также надо наступать (добиваться успеха. — А.С.), чтобы быть сильнее. Наступающий захватывает почин действий (инициативу) в свои руки и в некотором роде подчиняет противника своей воле (выгоды моральные). Наступа-

ющий выполняет свой план действий и потому направляет и сосредотачивает свои силы в избранное им время и место. Но для наступления необходимы хорошие войска, способные быстро двигаться и маневрировать, снабженные всеми необходимыми для войны техническими средствами»²⁶⁶. И войск этих, по мнению Суворова, должно быть «прилично»: «Наступательная война! Потребно для нее прибавить, против оборонительной...»²⁶⁷

Суворов положил идею наступления в основу своей системы образования и воспитания. Он непрестанно приучал войска к быстрому движению и удару в штыки, максимально использовал моральные выгоды наступательных действий для развития максимальной энергии, преодоления трусости, нерешительности, пассивности, чувства самосохранения. А.К. Байов: «Чтобы быть смелым и решительным, необходимо не бояться опасности, а самый верный и прямой путь для этого — не выжидать ее, а идти ей навстречу. Суворов этого строго и держался. Отсюда и его наступательные тенденции не только с точки зрения наивыгоднейшего образа действий, но и с точки зрения воспитания»²⁶⁸. То, что Суворову было ясно с самого начала его боевой деятельности, осознали затем, и не раз, после неудачных Крымской 1853—1856 гг. и Японской 1904—1905 гг. войн: «Каждый успех маневра, как под Ландясанем, каждый встречный удар, как под Ендониулу, должен быть особенно дорог нам, так как именно на этих активных действиях должно покоиться воспитание армии»²⁶⁹. Нельзя забывать, что «моральная сила, а не численность, решает победу» (Наполеон). Но следует также помнить и другое: только наступательный образ действий представляет благоприятные условия для расцвета военного искусства, появления великих полководцев. Наполеон так и считал: «Делайте войну наступательной. Это единственное средство стать великим полководцем и познать тайны искусства»²⁷⁰.

Наступательность и бой без атак немислимы. Только атаки победоносны: «Итальянская (русско-австрийская. — А.С.) армия обязана большею частию побед своих быстрому наступлению и сомкнутым атакам в штыки», которые приводили неприятеля «в робость». Суворовская наступательность предполагала «величайшую стремительность и горячность в атаках»: «Быстрота в походе, горячность в атаках, холодное оружие... Неприятеля атаковать быстро и мужественно... искусно гнать его, не давая времени опомниться, раздавить его... Идти на прорыв... нимало не останавливаясь, голова хвоста не ожидает, онный всегда в свое время поспеет... Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных. Лучше атаковать и застать врасплох; атакуя внушаешь страх... Да здравствует сабля и штык. Никакого мерзкого отступления. Первую линию прорвать штыком. Других опрокинуть. Резерв не выдерживает... Наступление, ярость, ужас. Изгнать слово ретирада»²⁷¹.

Суворовские принципы атаки: противник, особенно численно превосходящий, атакуется, как правило, ночью или на рассвете, «с слабой его стороны» (в этом случае может добиться успеха даже не очень искусный начальник); в атаке никогда не останавливаться, команды «стой» не давать, пока противник не будет разгромлен; каждый элемент боевого порядка (в котором обязательно предусматривается резерв) «работает» в соответствии со своим предназначением, возможностями и с предельным искусством; перестрелкой долго не заниматься — бросаться в штыки; быть в готовности действовать противника в любой точке поля боя, а также при его появлениях на флангах, в карейных промежутках и интервалах, в тылу и т.д. (действует правило «везде фронт»): «Целим атаку, захватывая ночь... На неприятеля начинать атаку с слабой его стороны... Пехота будет действовать в два карея с резервом и натурально инде колонною... Большое замешательство неприятеля, когда его казаки с тылу завернут... Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять, бить и гнать врага штыком; работать быстро, скоро, храбро, по-русски! Держаться своих в середину; от начальников не отставать! Везде фронт... Чрезвычайно, чтоб случилось предопасности быть при нападении между двух огней и она бы прежде предусмотрена и опровержена быть могла, то авангардной пехоте, всей или части, быть и сражаться постоянно и мужественно в арьергарде, пока неприятельский ретраншамент одержан будет. Сие иногда для разделения неприятельских сил по хитрости воинской и с нашей стороны допущено быть может»²⁷².

«Двусмертное» наступательное оружие. Суворов полагал, что успех достигается не только при помощи моральных усилий и воинского искусства, но и при использовании самого совершенного и надежного наступательного оружия, какое имеется в распоряжении в данный момент. Поэтому в центр суворовской ударной системы был поставлен не только «чудо-богатырь», способный и подготовленный к активным действиям, но и в то время самое подходящее для боевого успеха и «страшное неприятелю» «чудо-оружие» под названием «русский штык». «Таинство побивения неприятеля холодным ружьем» Суворов постиг значительно раньше Наполеона. Он предостерег от увлечения тогдашней малодейственной, яркой, но почти безвредной (более «пугательной») залповой и неприцельной стрельбой, предложив для успеха простой и в то же время гениальный рецепт — действовать штыком и целно стрелять: «Поддержите, прошу вас, мой штык; только холодное оружие решает победу, ибо оно наступательно, тогда как пуля — только для обороны. Всякий шаржирный огонь — есть метеор... Береги пулю на три дня, а иногда — и на целую кампанию, как негде взять. Стреляй редко, да метко. Штыком коли

крепко. Пуля обмишурится, штык не обмишурится: пуля — дура, штык молодец... Штыком может один человек заколоть троих, где и четверых; а сотня пуль летит на воздух... Богатырь заколет полдюжины, больше... Мы стреляем цельно; у нас пропадает 30-я пуля, а по полевой и полковой артиллерии разве меньше десятого заряда... При всяком случае навреднее неприятелю страшный ему наш штык, которым наши солдаты исправнее всех в свете работают... Стрельбой не заниматься; без нужды не стрелять; бить и гнать врага штыком... Я хочу, чтобы войска, не вступая в бесполезную перестрелку с неприятелем, всегда без промедления действовали штыком, ибо многократный опыт показал, что противник никогда не выдерживает такого нападения»²⁷³.

Суворов знал толк в «белом оружии», в его руках оно действительно блистало (как, например, при Крупчице и Бресте в 1794 г.). Не без основания полагал, что способу действий холодным оружием в три линии «мы исключительно обязаны столь многими и притом мало стоившими нам победами»²⁷⁴. Кроме всех прочих преимуществ, он позволял действовать активно, максимально используя и развивая моральные качества офицера и солдата: храбрость, смелость, мужество, неустрашимость, настойчивость и многие другие. Уделяя основное внимание приучению войск к быстроте и сильному удару, упражнениям и действиям с холодным оружием, Суворов требовал от них («внушал строжайше») серьезно относиться к огню и стрельбе — важному вспомогательному (при несовершенстве ружья и черте верного из него выстрела в 60–80 шагов) и потенциально сильному (на перспективу) средству поражения противника. Стремился уже тогда «выжать» из них максимально возможную надежность. Каждый должен был при этом помнить:

1. Огонь подготавливает штыковой удар: «Всякая стрельба заканчивается штыками... *Пехотные огни открывают победу*, штык скальвает буйно пролезших в кареи, сабля и дротик победу и погоню до конца совершают»²⁷⁵.

2. «*Не терять огня по-пустому*», «пустых перестрелок не заводить, которые ни к чему не послужат», напрасно пули не тратить, «чтоб для случая имел бы две смерти: штык и пуля в дуле»²⁷⁶.

3. В действии батальный (залповый) огонь «против неприятеля не годится: оный может сколоть и порубить, пока опять заряжают». «Он самим опасен больше неприятеля: множество пуль пропадает напрасно, и неприятель, получая мало ран, меньше от того пугается, нежели ободряется, чего ради пехоте стрелять реже, но весьма цельно, каждому своего противника»; «пальба должна быть кратка, ибо тут дело больше картечь»; «выстрелять от одного до двух патронов и меньше»²⁷⁷.

4. Беречь заряды и патроны с расчетом на длительное время, чтобы «не расстреляться и не привести себя в опасность»: «Кроме необходимостей, я стрелять запретил... По операции передовой случиться могут ежевременные сражения и стычки, то *крайне беречь заряды и патроны*, дабы в них наконец не случилось вредного недостатка. При всяком случае сражаться холодным ружьем... На неприятеля пальбу производить весьма цельно, реже и не напрасно, дабы зарядов весьма много оставалось... Исправный приклад правит пальбою... Для сбережения пули тут на каждом выстреле всякий своего противника должен целить, чтоб его убить... *Каждый целит одиночку; напрасно пули не тратить*, соблюдая по возможности патроны на три дня... В моей пехоте каждый имеет при себе по 100 патронов в кожаных мешках, и им запрещено стрелять торопливо, наугад: то не для частой стрельбы, ибо для того назначены стрелки, но для выдерживания каких осадностей...»²⁷⁸

5. Стрелять не скорострельно, по подлой присказке, что «пуля виноватого найдет», «но цельно весьма»: «Артиллерии отнюдь не палить скорострельно, под жестоким наказанием, особливо дабы не расстреляться, но *делать выстрелы весьма цельно*. Сие самое весьма строго затвердить рядовым, и, ежели в котором взводе стрелять будут издалека и по-пустому, офицера того начальнику вмиг арестовать и за фронт... Хотя на сражение я определил 100 патронов каждому солдату, однако кто из них много расстреляет, тот достоин будет шпицрутеннова наказания; но весьма больше вина, кто стреляет сзади вверх... Постыдно нам, что варвары стреляют цельно и пули своих напрасно не тратят... Рассудить можно, что какой неприятель бы то ни был, усмотри хотя самый по виду жестокий, но малодействительный огонь, не чувствуя себе вреда, тем паче ободряется — из робкого становится смелым и в мгновение ока в опасность ввергает»²⁷⁹.

6. Стрельбой как «тонкой практикой военной» «по должности» и специализированно занимаются егеря («стрелять есть егерское дело») и особо выделенные стрелки, которые действуют на флангах, в стыках и перед фронтом («застрельщики»): «В каждом взводе свои 4 стрелка, они вольны стрелять, когда хотят, даже выбегать вперед, если то позволено; они не помешают фронту атаки, а службу сослужат лучше фрайшюцев... В кавалерии... сим конным стрелкам стрелять неверных во всякое время весьма цельно, избирать сколько можно чиновников и пули напрасно не тратить»²⁸⁰.

7. В интересах «цельного огневого боя» принципиально важно «мишенной стрельбе обучать»: «При употребляемых обучении пехоте стрелять в мишень довольно числом патронов... *Исправная стрельба в мишень — великой важности*: умножает гибель неприятеля и отвращает в действии лишнюю трату патро-

нов... Слышал я, что Ваши егеря не стреляли боевыми патронами в цель. Не могу сему поверить. Должны ж они были сделать хоть несколько выстрелов. Ради Бога, примите меры. Выдайте им скорее на олово за мой счет 50 рублей или больше. Покорно прошу Ваше Высочество (принц К.Г. Нассау-Зиген. — А.С.), чтоб каждый человек выстрелил в цель до 20 раз. Если на капсулы денег не хватает, возьмите еще, да поторопитесь...»²⁸¹

Таким образом, и пуля, и штык были подчинены единому активно-наступательному началу, при вполне объяснимой приверженности к холодному оружию (но не абсолютизации его!) как наиболее эффективному и победительному для тех времен. В последующем ясная и четкая позиция Суворова не раз софистически извращалась, приспособлялась к потребности дня — вместо трудного поиска и культивирования наступательного оружия и систем вооружения, соответствующих новым условиям. Но и в этом важном процессе думающие офицеры предпочитали и сто лет спустя опираться на суворовскую методологию: «...Готовясь к новому испытанию, к будущей войне, — писал Генерального штаба полковник А. Шеманский в 1907 г., — постараемся заботливо устранить из учебной практики все, что питало нашу пассивность, наше пристрастие к обороне, к излишней вере в силу огня с сильной позиции. «Быстрота, глазомер и натиск» никогда не перестанут быть *царями боевых успехов*. А всякий натиск нуждается в известной доле внезапности, последняя же является результатом скрытности и быстроты действий наступления и понимания окружающей обстановки»²⁸².

Быстрота и внезапность заменяют число. Наступательность включает в себя правильную оценку обстановки, решительность, стремительность и подвижность действий: «*Глазомер, быстрота, стремительность*... Время драгоценнее всего. Юлий Цезарь побеждал поспешностью»²⁸³. Суворов был постоянно готов к бою, к тому, чтобы «поспешно выступить на побиение» любого противника, появиться перед ним неожиданно быстро, обрушиться на него внезапно, удивить, утратить и тем самым победить. Как и его учитель Цезарь, он действительно стремился «побеждать поспешностью», подвижностью войск, которые были у него в высшей степени мобильны. Суворов считал, что лучшее войско: а) всегда в движении и б) времени даром не теряет. Требуя экзерциций «во всякое время», он формулирует и другое правило: «Никогда не отступать, *лучшее войско времени не теряет*»²⁸⁴. Оно удивительно созвучно мысли Петра Великого, что «потеряние времени на войне смерти безвозвратной подобно».

В военных предприятях Суворов придавал времени огромное значение. Он требовал действовать «дейтельно», «без малейшего потеряния драгоценного времени»; обязывал командиров «не бро-

дить по-куриному и не ползать по-черепашьему, а бегать по-оленьему», не только двигаться, но и думать «поспешно», «точно рассчитывать время, чтобы предвидеть» и без этого операций не предпринимать: «...Всегда драгоценное время... Время сейчас дорого, как никогда... Спешите, Ваше Сиятельство! Деньги дороги; жизнь человеческая еще дороже, а *время дороже всего*... В случае возникновения препятствий нельзя много отвлекаться ими, время дороже всего, нужно уметь беречь его... *Расчет времени есть главное правило ведения войны*: если не хватит времени для выполнения плана, нужно его отложить на последующее»²⁸⁵. Потерянное время можно компенсировать только поспешностью. Быстрота движения все исправит. Поспешность и скорый удар приведут к победе.

Быстрота — условие внезапности и первейший залог успеха. Она умножает собственные силы и не дает умножиться противнику, а потому: «*Быстрота и натиск — душа настоящей войны*... Быстрота — величайшее достоинство, медлительность — грех, непростительный за вредные последствия... В военных действиях следует *быстро сообразить и немедленно же исполнить*, чтоб неприятелю не дать времени опомниться... Быстрота равнения есть душа армии на местности пересеченной; надобно упражнять в этом войска как можно чаще»²⁸⁶. Суворов искусно сочетает время и пространство, при этом зачастую «сражаясь» по ходу движения. Для «решительных выходов» почти все его марши носят форсированный характер. «...*Быстрота марша — первое искусство*», — отметил он после того, как догнал «разбойника» (Пугачева) у Большого Узенья²⁸⁷. Быстрота движений и стремительность позволяли ему нападать на противника издалека и «как снег на голову», «атаковать, с чем пришли, с чем Бог послал», разбивать его по частям. «...Посредством быстрых маршей, — отмечает Клаузевиц, — решительный и деятельный полководец одной и той же армией побил несколько противников (Фридрих Великий, Бонапарт)... Верная оценка своих врагов (Даун, Шварценберг), риск — оставить временно перед ними лишь незначительные силы, энергия форсированных маршей, дерзость молниеносных атак, повышенная активность, которую великие люди проявляли в момент опасности, — вот истинные причины таких побед»²⁸⁸.

Суворовские переходы рассчитаны были таким образом, чтобы и при всей быстроте люди не устали, хотя им и приходилось двигаться в любое время суток и в любую погоду. Уже первый серьезный поход Суздальского полка на польский театр войны (по осенним дорогам!) из Новой Ладоги в Смоленск потряс современников своей скоростью. «Превознесен я до небес, — иронически, но и с гордостью пишет Суворов А.И. Набокову из Смоленска 15 декабря 1768 г. — Итак, любезный друг, я с полком

здесь, пришел сюда ровно в месяц 869 верст на колесах, дорога большею частью была худа, так как и переправы через реки дурны и опасны. Убытку в людях мне стоит: трое оставленных на пути по госпиталям, один умер, один сбежал. Ныне всего по полку больных и слабых одиннадцать человек... *Полк готов сей час выступить в дальнейший и поспешный поход*²⁸⁹. Славные войска, находящиеся на государственной службе, а тем более выполняющие важную задачу, не имеют права оправдываться непогодой. В апреле 1799 г., когда австрийцы возроптали из-за форсированного марша к реке Адде он насмешливо-серьезно замечает одному из их начальников: «До сведения моего доходят жалобы на то, что пехота промочила ноги. Виною тому погода. Переход был сделан на службе могущественному монарху. За хорошею погодою гоняются женщины, щеголи да ленивцы. Большой говорун, который жалуется на службу, будет, как эгоист, отрешен от должности... У кого здоровье плохо, тот пусть остается назади. Италия должна быть освобождена от ига безбожников: всякий честный офицер должен жертвовать собою для этой цели»²⁹⁰. В конечном итоге войска «привыкли и с успехом делают ночные переходы так же хорошо, как и днем. У меня ходит поговорка, — замечает Суворов 12 апреля 1799 г., — у Бога все часы одинаково хороши, и если моя повозка могла в совершенной темноте ехать по плохим дорогам, то почему пушки не могут делать то же самое»²⁹¹.

Знаменитый приказ подпоручику квартирмейстерской части Ф.Т. Матушинскому от 1–2 сентября 1794 г. о сборах в дорогу на Польскую войну был отдан поистине в суворовском духе: «Приказ. В час собираться, в два отправляться, в семь-восемь — на месте. Крепок лагерь местом. *Смотреть в оба*. Сарматы близко»²⁹². «Смотреть в оба», быть в готовности к встречному бою обязаны были войска и на походе. Суть этой установки, как всегда, была выражена лаконично: «...*Быть непрестанно подвижным*... Походный порядок против порядка боевого, дабы тотчас на походе драться... На походе, встретясь с басурманами, их бить! Построясь ордером баталии, *вмиг* перешед Рымну, идти храбро, атаковать при Тырго-Кукули, или всех встречающихся варваров лагеря. Один за другим... До конца... Боже, пособи... Пехотное построение — движимый редут, т.е. кареями, линиею очень редко; глубокие колонны только для деплояда»²⁹³. В этом смысле одним из классических образцов упорного встречного боя стало сражение при реках Тидоне и Треббии 6, 7, 8 июня 1799 г. Суворов неожиданно появился на первой из них, пройдя форсированным маршем от Александрии 85 верст в 36 часов, и без отдыха передовыми частями вступил в бой. Союзники при его главнокомандовании смогли выиграть благодаря: а) решимости Суворова, не теряя времени и

незвизая на малочисленность, идти навстречу армии Макдональда, совершающего марш для соединения с войсками Моро, и разбить ее («неприятельскую армию взять в полон»); б) упорству и наращиванию наступательных усилий, принудивших французов перейти к обороне, а затем и отступить (покинуть поле боя); в) форсированным движениям и смелым контрударам конницы и пехоты в бою у реки Тидоне (6 гренадерских батальонов русского авангарда в жару *бегом* прибыли для подкрепления и с ходу вступили в бой); г) глубокой тактике, фактически тройному эшелонированию частей (от авангарда до общего резерва); д) управлению боем и личному участию Суворова в непосредственных боевых действиях; е) колоссальному подъему моральных сил²⁹⁴.

Быстрота передвижений и стремительность действий позволяли внезапно нападать на противника, ошеломлять его нечаянностью. Суворов был уверен в сильнейшем воздействии на неприятеля внезапных ударов и серьезно обучал свои войска этому роду деятельности, одновременно воспитывая у них готовность ко всяким неожиданностям, крайнюю находчивость и хладнокровие перед лицом всевозможных случайностей и опасностей: «...Но *нечаянностью* никакой *военачальник*, даже до корпорала, по преподанным каждому от высшего его правилам, *не должен быть удивлен*»²⁹⁵. А.Г. Елчанинов подчеркивает: «В итоге внезапность появления и стремительные удары давали даже с ничтожными силами победы над многочисленным, но уже озадаченным врагом. “Удивить — победить”, — говорил Суворов. “Быстрота и внезапность заменяют число” — было его правилом. Далее, все свои бои Суворов начинает головными частями, не ожидая подхода хвоста. “Голова хвоста не ждет” и “Атакуй с чем Бог послал”, — говорил он, держась правила, что лучше бить врага хотя бы и малыми силами, но неожиданно, чем идти на него со всеми силами, но дать возможность обнаружить себя»²⁹⁶.

Успех и удача зависят не только от храбрости и искусства, но и «от неожиданности неприятелем нашего нападения», причем «*полная внезапность*, которая нами применяется всюду, будет заключаться в скорости оценок значения времени, натиске»²⁹⁷. При всяком случае Суворов предпочитал иметь в запасе «нечто нечаянности», поэтому чаще всего и, как правило, предпочитал наносить удары противнику ночью, перед рассветом (нередко после скрытого быстрого ночного марша), чтобы: уменьшить потери от огня; скрыть свои намерения и меньшую численность войск, преподнести спящему противнику «штывки с сюрпризом» (устроить его): «*Сюрприз* — нечаянное нападение — под утро, до рассвета, в ночь, а у искусного начальника бывает и днем... Неприятеля схватите и *поразите нечаянным нападением*, особливо ночью... Быс-

тро ударить на него... Самое то чинить, ежели неприятель многочисленнее, но уже сюрпризом, на рассвете или ночью... Особливо атакуйте сильно холодным ружьем и, как сломите, не давая им отнюдь время справиться; ежели они покажутся вам сильнее, атакуйте их ночью»²⁹⁸. Главное, ночью и внезапно можно разбивать многочисленного неприятеля незначительной («половинной», а при Столовичах даже впятеро меньшей!) силой, не дожидаясь присоединения других отрядов. Поэтому войска должны быть готовы «к денным, как ночным баталиям и штурмам». Действия ночью — высшая степень военного искусства, обычное дело: «Бить стремительно вперед, маршируя без ночлегов. *Ночное поражение противника доказывает искусство вождя пользоваться победою не для блистания, но постоянства...* Штурм нам знаком... В денной операции мы искусны. Достигли мы ныне до ночной атаки. Сие принадлежит одним полковым и подчиненным им начальникам, хотя сюрприз, или нечаянное нападение, у нас по быстроте нашей и в день, но ночью и с половиною силы оно еще полезнее. Тут неприятель вернее лишается своих обозов, артиллерии и лагеря, спасение его легче, но наступающий день далее победы довершит»²⁹⁹. Для Суворова ночной бой предпочтительнее (вернее) других вариантов, даже когда войска не подготовлены к действиям «на суворовскую ногу» и только что внезапно атакованы турками (накануне первого поиска на Туртукай). Не задумываясь, он переносит операцию с рассвета на ночь того же дня, когда турецкая атака была отбита, чтобы хотя бы этим, а также скорым реваншем (на который турки не рассчитывали) вызвать у противника замешательство и скрыть большое неравенство сил: «Атака будет ночью с храбростию и фуриею российских солдат»³⁰⁰.

Особое внимание фактору внезапности Суворов придавал, например, при составлении наброска плана польской кампании 1794 г. Он даже учитывает возможность потрясающего влияния своего имени и своей победоносной личности, исключаящей для противника шансы на успех. Будучи назначенным с турецкого «фронта действий» для прикрытия Бреста, отмечает: «Мне погодить о себе публиковать, чтоб осталось в запасе нечто нечаянности до первого побиения, ежели благословит Бог»³⁰¹. В целом же внезапность основывалась на быстроте развития боя, на его неожиданности для неприятеля, а также скрытности проведения подготовительных мероприятий. На первой фазе боя даже производство пальбы применялось в исключительно редких случаях. Войска выдвигались и шли скрытно, в стычки с мелкими партиями неприятеля не вступали. Зачастую последний, «кроме казаков, никого не видел» и до разгрома своего «не думал, что будет все войско» и что придет оно не «через город, а через брод», скрытно обойдет его и

«ударит перед рассветом» во фланги или тыл: «Пастуший час! Атаковать, смести все, что встретится, не дожидаясь остальных... Атака должна начинаться за час до рассвета... Монтекукули говорит, что атаковал за 1—1½ часа до рассвета. И прекрасно, это еще удобнее для марша, для исполнения естественных потребностей, даже успеют сварить суп. Забавлять и веселить солдата всячески. Никаких сигналов, ни труб, ни барабанов. Говорить вполголоса. Не надо патрулей, берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам... Да будет проклято педанство, прочь мелочность и копанье... Когда пойдем, воинам идти в тишине, не говорить ни слова, не стрелять. Подошел к укреплению, кинуться вперед быстро, по приказу кричать: “Ура!”...»³⁰²

«Стремление поразить врага внезапностью» Клаузевиц считал основой всех военных предприятий, предпосылкой огромного и потрясающего успеха, который становится возможным благодаря искусству, общему моральному перевесу нападающего, большой энергии полководца, серьезному отношению к службе: «В тех случаях, когда внезапность достигается в высокой степени, последствием ее является сматение и упадок духа противника... Скрытность и быстрота являются двумя образующими внезапность факторами, и оба они предполагают и в правительстве, и в полководце большую энергию, а в армии — *чрезвычайно серьезное отношение к службе*. При изнеженности и халатности было бы напрасно рассчитывать на внезапность»³⁰³.

Пользоваться победой. Принцип настойчивого преследования разгромленного противника, приносящего настоящую — «совершенную» — победу, возведен Суворовым в абсолют. Его применение в боевой системе полководца — это особое искусство и целая философия. Отличительная черта Суворова-победителя в жизни и на полях сражений — стремление к решению «больших дел», к достижению важных экстраординарных целей, непрестанному наращиванию усилий, безостановочному развитию успеха, закреплению победы и максимально полному разгрому противника. Только таким образом можно быстро окончить войну и установить прочный мир. Суть позиции в самом обобщенном виде выражает следующая установка: «Самым ложным правилом является убеждение, что после поражения врага все закончено, в то время как нужно стремиться к более крупным успехам»³⁰⁴.

«Для истинно великих военных людей, — делает вывод П. Басов, — остановиться там, где большинство смело, по совести ставит точку и успокаивается на лаврах, все равно что остановиться на полдороге, и лучше *перестать жить*, чем жить с сознанием, что

не сделано всего, что можно было сделать. Таков Фридрих Великий под Росбахом, Лейтеном, Кунерсдорфом. Таков Наполеон, с первой своей кампании 1796 года и до последнего дня. Таков и герой нашей русской армии: славу победителя конфедератов он ставит ни во что перед Туртукаем и славу победителя Римникского — перед Измаилом; затем он, не колеблясь, рискует своим громким именем, когда пришлось быть в виду укреплений Праги, и наконец, на склоне дней, когда пришлось еще раз помериться с неприятелем, ставит ни во что всю свою боевую жизнь в сражениях на Треббии, под Нови и на снежных вершинах Швейцарии!»³⁰⁵

Добиваться полноты результата, завершать порученные дела, доводить их до окончания, а не бросать на полпути — главное условие победы. В 1799 г. Суворов критикует венскую политику за разбросанность усилий и недоделанность начинаний. Он не согласен с желанием эрцгерцога Карла отвести австрийские войска из Швейцарии на Рейн, так и не освободив эту страну от французов, бросив на произвол судьбы русские войска. В этой связи он пишет одному из австрийских военачальников Ф. Готце: «Надеюсь, что по Вашей преданности к пользе общего дела и Вашим воинским знаниям Вы согласны со мною, и до освобождения Швейцарии по реку Аар не захотите остановиться на половине дороги»³⁰⁶. Суворов при этом считает преждевременным, крайне неудачным также и решение о перемещении его войск в Швейцарию, настаивает на полном завоевании Италии, чтобы через Лион двинуться на Париж, разъясняет различным лицам: «Рано было не конча здесь, инде начинать. Ежели подъячего, совы Тугута законы будут цвести, нигде не предупеть... Не ручаюсь, как пройду чрез горло сильного неприятеля только с 12 000... Францию во Франции исправить... [Для этого] докончить с Италиєю начисто. Закреть ее границы диверсиею, но и целою операциєю на Лион... Иначе здешняя австрийская армия с бештимзагарей пойдет под унтеркунфт, откуда будут ее гнать до Компофумидо... Обстоятельства не позволяли мне ничего ранее предпринять для блага Швейцарии, ибо я всегда был убежден, что приобретением одного пункта с потерю другого, столь же важного, нельзя выиграть, и что даже после удачных действий в Швейцарии должно деятельнейшим образом заботиться о безопасности Италии и немецкой земли... На службе общего блага, как единственное неоспоримое средство, мы должны завоевать остальную Италию и обеспечить полную безопасность завоеванного, прежде чем нам можно будет думать о чем-либо другом... Выгадать в одном и потерять в другом было бы совершенно противно великой цели...»³⁰⁷

С 1796 г. Суворов в готовности «кончить с французами, но полно, а не на живую нитку». И в 1799 г., несмотря на возник-

шие преграды, он не собирается бросать это дело. Еще в мае он размышляет о будущей «парижской» кампании: «Мантуя сначала главная моя цель... Теперь от нордовой черты приступим тверже к ней, наполнив в герои Края. Пора помышлять о зюйдовой черте. Недорубленный лес опять вырастает».³⁰⁸ В октябре-декабре этого же года, «временно» отводя войска на отдых, мысленно начинает уже готовиться к завершению дела в следующем году: «На зимних квартирах мы укомплектуемся, снабдимся, оживем и на будущую кампанию будем новые герои для прославления Великого Монарха»³⁰⁹. По пути в Россию с горечью думает о «продолжении войны, могшей уже верно кончиться», и, по свидетельству Фукса, восклицает с негодованием: «Я бил французов, но не добил. Париж — мой пункт. Беда Европе!»³¹⁰. Не сдался, не отступил от цели даже перед лицом болезни и приближающейся смерти.

Уменью пользоваться обстоятельствами, энергичному преследованию противника, оценке значения данной минуты в интересах выбора «большой цели» в суворовской философии отведено место важнейшего принципа военного искусства. Он просто не признавал неполных побед (противника надо добивать!), призывал делом и словом, учил неутомимо преследовать разбитого врага, до полного его поражения и уничтожения (если не сдается): «Сбить неприятеля с места и томное преследование важного не значат. Это надобно оставить неискусным, но сильная погоня, не давая времени одуматься неприятелю, пользоваться победою, его искоренить, пресекать путь его бега... Мы здесь (Фокшаны. — А.С.) одержали победу!.. Пользоваться победою! Идти на Табак! — время есть учредиться... И отвечаю за успех, ежели меры будут наступательные...»³¹¹ Этому же принципу следовал П.А. Румянцев: «Следы неприятеля никогда терять не должно... К совершенству полководца столько относится знать побеждать неприятеля, как уметь своими победами пользоваться»³¹².

В конце ноября 1790 г., перед предстоящим штурмом Измаила, окончанием кампании и наступлением зимы Суворов даже мысли не допускает завершить ее (кампанию) бездействием и беззаботной нерешительностью. Сам он в это время активно готовит штурм Измаила, остальным же и, прежде всего, командующему гребной флотилии И.М. Рибасу внушает: «Горопитесь, покоряйте, штурмуйте, жгите, крушите... Продолжать войну непрерывно. Будем же свято этого держаться... Действуем... После сдачи Измаила осада Браилова по всем правилам... Затрепещет Силистрия... Осадите ее и кончайте дело, с тем чтобы возвратиться в Мачин в середине мая, когда истечет срок перемирия»³¹³. В Италии Суворов также требует от подчиненных ему австрийских генералов не останавливаться в сражениях, делать поспешные движения к Ницце и Генуе, создавать там плацдарм для будущего

вторжения, чтобы, «не давая ни малейшего отдохновения неприятелю, угрожать самой Франции»³¹⁴. Разбить неприятеля и не преследовать его есть смертный грех, опасный по своим последствиям и потому наказуемый. Победитель не имеет права останавливаться! Оправдания малочисленностью или усталостью войск в этом случае не могут приниматься во внимание. Генерал К. Гадик, не выполнивший предписания о нападении на французов при Сен-Готарде и посчитавший свои 10 000 недостаточными для решения этой задачи, получает от Суворова выговор: «Неприятеля можно отрезать только с превосходным числом войска, иначе сам будешь отрезан им. Но дело другое атаковать его с тылу: тогда и с малым отрядом можно отрезать его и принудить к сдаче. Будучи победителем, Вы остановились, засели в унтеркунфт, в унбештимт-гезагт. Вы должны были, разбив неприятеля, преследовать его; в подобном случае можно и с малым отрядом отрезать противника. Вместо того полковник С.-Жульен предан на жертву, атакован и постиг ту самую участь, которой должен был подвергнуться неприятель»³¹⁵. По объективным причинам оказавшись «недвижимым» под Брестом во время польской кампании 1794 г. («не будучи в довольных силах и опасаясь малейшего раздробления»), Суворов тем не менее счел нужным сделать по этому поводу замечание и самому себе. 27 сентября он пишет своему учителю и непосредственному начальнику П.А. Румянцеву: «Тако, Сиятельнейший Граф! Близ трех недель я недвижим, и можно здесь сказать, что Магарбал Ганнибалу: “Ты умеешь побеждать, но не пользоваться победою”. Канна и Бржесць подобие имеют. Время упущено. Приближаются винтер-квартиры...»³¹⁶

В наставлениях и приказах для боя Суворов неизменно подчеркивает: «Поспешность, терпение, строй, сильная дальняя погоня... Бегущего неприятеля истребляет одно преследование... Преследовать без малейшего промедления... В атаке не задерживать. Когда неприятель сколон, срублен, то тотчас его преследовать и не давать ему время ни собраться, ни строиться. Если неприятель будет сдаваться, то его щадить; только приказывать бросать оружие. При атаке кричать, чтоб неприятель сдавался... Ничего не щадить, невзирать на труды; преследовать неприятеля денно и ночно до тех пор, пока истреблен не будет...»³¹⁷ При «совершенных» победах, как например при Гирсове, «гоним был неприятель 30 верст, пехоту свою оставляя за собою острию меча... Главное правило: неприятельская кавалерия сбита, пехота его пропала»³¹⁸.

Важная роль при преследовании отводилась казакам и кавалерии: «Кавалерия все рубит, а казаки в преследовании колят, что попадется... Казаки держатся позади кавалерии; но при атаке берут неприятеля во фланг и в тыл и когда он опрокинут, то преследуют

его безостановочно и всего истребляют... Большое замешательство неприятеля, когда его казаки с тылу завернут... Их быстрота довершает победу... Ура! — конец! Бог милостив... Не упускать ни одного; на то казаки!»³¹⁹ Иногда победа «довершалась» два-три дня, когда резервы, егерские батальоны и казаки «очищали леса», «стреляли и кололи несдающихся». Но и при преследовании необходимо соблюдать осторожность: не увлекаться погоней в угрожаемых ситуациях; «не отваживаться ни на что, превышающее собственные силы»; в сложной обстановке «ограничиваться осторожным наблюдением»; в любом случае, следуя за неприятелем, «вредить ему при отступлении». Специальное предоставление противнику возможности отступить — правило «золотого моста», весьма распространенное в то время, — в суворовской системе исключалось («не будем давать золотого моста неверным»), хотя в связи с этим он и отметил в своей автобиографии: «Я напоминаю молодым вождям, что только один глубокий в практике военачальник может строить редко неприятелю золотой мост, как и чинить хитрые маневры»³²⁰.

Преследование сокрушенного противника определяется в первую очередь необходимостью не просто поражения, но быстрого, и полного его разгрома (достижение решительной победы), памятуя также о том, что «неприятелю время давать не должно» и «недорубленный лес опять вырастает». Согласно суворовской системе, противник должен «быть низложен», разбит «до корня», «до полного его уничтожения», «наголову»³²¹. И важно при этом то, чтобы в результате боя он не мог иметь возможности «оправиться» и вновь оказать сопротивление, тем более перейти в контратаку. Продолжительное и настойчивое преследование особенно требовалось в сражениях с турками и мятежниками, так как их слабодисциплинированные банды с одинаковой легкостью разбежались и вновь соединились. К тому же турецкие войска, как более многочисленные, часто вводили в бой свежие силы. Таким образом: «От единого иногда мгновения разрешается жребий сражения... На неприятеля начинать атаку с слабой его стороны... Быстрое, ослабленное и безостановочное нанесение неприятелю удара за ударом, приводя его в замешательство, лишает его всех способов оправляться... Не довольно только сбить неприятельскую линию. Но надлежит кончить сильною погонею... По военной пословице, сбитого неприятеля гони плетью, но при жестокой погоне нимало не давать времени ему оправляться и паки выстроиться, тогда был бы опять равный бой»³²².

Шаг назад — смерть... Такие понятия, как «сикурс», «отступление» и «оборона» от Суворова были «заказаны» как слова «ненадежной слабости», служащие «бабам, кои боятся с печи слезть, чтоб ноги не переломить», а также «ленивым, роскошным и тупоз-

рячим». Он считал их постыдными и опасными, формирующими робость и трусость, «привычку быть битыми», что не должно быть свойственно победоносному российскому воинству. Отсюда полное непризнание «подлой обороны» и «мерзкого отступления», «отступных плутогов»: «лучше об оных и не помышлять, инфлюенция их солдату весьма опасна. *Ниже о каких ретирадах в пехоте и кавалерии не мыслить!*»³²³ Отступать «дозволялось» только противнику, чтобы было кого преследовать и истреблять. Свои же, в том числе и союзнические, войска Суворов «отучал от ретирад», приучал их к наступательным действиям, воспитывал в них психологию впередирующих (победителей), а не назадняющихся (отстающих и отступающих перед трудностями, проигрывающих): «...*Вперед! Никто не смеет пятиться назад ни четверти шага... Шаг назад — смерть, всякая стрельба кончается штыками*»³²⁴. Суворов предпочитал «бить смертельно вперед», чем с великой опасностью и риском отступить назад.

Отступление — участь слабых, к нему легко привыкаешь, но вслед за этим смиряешься с неудачами и поражениями. Поэтому ретирада «предосудительна» победоносным войскам. Она отождествляется с позором и несчастьем, унижительными для порядочного солдата. Именно так, как «предосудительное и позорное дело», оценено было Суворовым отступление команды (60 человек) капитана Ивана Лихарева во время осады Краковского замка: «Он, увидя вышедших не весьма большое число возмутителей, приступающих только к тому дому, не имея еще от возмутителей ни сам, ни команда его вреда, пришел в позорную и предосудительную робость, не только на них нападения не сделал, но ниже регулярно поступал, не чиня отпору и не выстреляя пяти раз, сказав команде своей, чтоб только всякий спасал жизнь; сам, оставя пост, от них уехал, почему вся команда его рассеялась и в бегство обратилась; и того посту не удержал, но при том случае убито у него мушкетер два, ранено четыре человека... За что он, Лихарев, содержится под арестом...»³²⁵

После Швейцарского похода в одном из писем (от 19 октября) эрцгерцог Карл употребил по отношению к русским войскам выражение «отступить на зимние квартиры». Суворов с негодованием поясняет ему: «В Вашем письме от 19-го употреблено на мой счет слово отступление. Отвечаю, что не знал его во всю мою жизнь, как не знал и оборонительной войны, стоившей в начале нынешней кампании только в Тироле жизни свыше 10 000 человек, чего мы за всю итальянскую кампанию не потеряли. *Я выступаю на зимние квартиры, дабы дать отдых русским войскам, обоим союзным императорам служащим, и возможно скорее приготовить их содействовать Вашему Королевскому Высочеству в освобождении Швейцарии, а затем, ежели*

Провидению будет угодно, собраться с силами для освобождения французского королевства от ярма притеснителей»³²⁶.

Третий день боя на Треббии... Русские войска напрягаются из последних сил, сдерживая натиск противника... Генерал Розенберг подвезжает к Суворову и докладывает, что далее держаться нет возможности, необходимо отступить. Фельдмаршал: «Попробуйте сдвинуть этот камень? Не можете? Ну так и *русские не могут отступить... Извольте держаться крепко и ни шагу назад*». Попытки к отступающим солдатам одного из батальонов: «Заманивайте, ребята, заманивайте... Шибче... Бегом...» Остановились, выстроились и повернули навстречу неприятелю³²⁷.

Переход через Альпы... Кровавые и по-прежнему победные бои... Русский аррьергард — численно слабый отряд князя Багратиона, несмотря ни на что, нападетельно прикрывает отход главных сил. «Русские, не имея привычки к отступлениям, — пишет Д.А. Милютин, — казалось забывали, что идут назад, и вместо того, чтобы только удерживать преследование противника, сами по временам бросались дерзко вперед, врезывались в ряды французов и не раз принуждали их останавливаться или даже пятиться назад»³²⁸.

Суворов не признавал отступления даже как вынужденную меру, но допускал его как преднамеренный маневр в рамках военного искусства (естественно, все это — в масштабах поля боя, не территории государства). Именно таким образом наступающий противник был завлечен в огневую ловушку в близости Гирсова: «Турки оказались рано днем, около одиннадцати тысяч; велел я делать различные *притворные виды* нашей слабости... Приказал я всем своим очистить поле... Наша стрельба открылась вблизи; ретраншамент был очень крепок... Недолго тут дело продолжалось... ударились они в бегство, претерпели великий урон»³²⁹. В сражении при Нови Суворов стремится выманить французов из гор и укрепленных пунктов в поле «для побиения». В диспозиции он указывает: «Неприятель наступает... Держаться лишь против слабых отрядов, но стараться захватывать пленных, а *перед превосходными силами отступить*; ибо никакого от армии подкрепления ожидать не должны, так как цель наша — *выманить неприятеля на равнину*»³³⁰.

При неизбежности общего успеха «подаваться назад» и «ретироваться» (тем не менее «делая довольно порядочный отпор») «в рассуждении превосходства неприятельских сил» и при угрозе неоправданных собственных потерь в частных случаях не возбранялось: «Ни одного поста не должно считать крепостью, *нет стыда отступить пост превосходному в числе неприятелю*; напротив того, в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери; упорное же сопротивление для удержания

инного поста стоило бы сильной потери, между тем как в последствии пришлось бы все-таки уступить пост превосходному неприятелю, как и случилось с храбрым полковником. Уступленный пост можно снова занять, а *потеря людей невозвратима, нередко один человек дороже самого поста*»³³¹. Суворов восхищается храбростью и стойкостью австрийского генерала Клейнау, но не считает его действия оправданными: «Клейнау угрожал уже Генуе и взял последний при Специи замок С.-Марино с пушками 60-ю, как вновь прибывший Иордан (генерал Журдан. — А.С.), желая в сем титле себя прославить, оживил там своих французов, кои вдруг сильно напали на Клейнау, имевшего в остатке 1400... У меня правило *атаковать, а не обороняться*, но методику я вывести не мог. Мужественный Клейнау места не потерял и отступил на другой день, но погибло бетрехтлих (значительно. — А.С.)...»³³²

Впрочем, лично сам Суворов не равнял подчиненных с собой, предпочитал придерживаться более жестких правил. Он и при малосилии готов был не отступать, а добиваться успехов. Отправляясь из Италии в швейцарский поход, заверяет австрийского императора: «Я приложу все усилия к тому, чтобы при встрече с превосходящими силами противника, ободренного своими последними победами, *обеспечить наибольший успех*, какой можно только ожидать от 11 000 корпусов»³³³.

Проклятая оборонительность («каторга»). Суворов, как никто иной, понимал: «оборонительность» в принципе позорна, постыдна и губельна для России; она приводит к потере территорий и народов, ресурсов и людей, времени и престижа; оборонительный образ войны — *«больше к пользе неприятельской»*. Попытки одолевать неприятеля бездействием (кордонами и крепостями, раздроблением сил, непредприимчивостью), тщательном соблюдением обороной и оборонительными боями, стремлением достичь наступательных целей, укрываясь за вагенбургам и рогатками, жертвовать в связи с этим всем войском и страной, — все это не только опасная, но и *«глупая военная система»*, с которой Суворов боролся всю свою жизнь³³⁴. Даже в Италии и Швейцарии само развитие событий вынуждало его размышлять на эту тему: *«Мне ж лучше смерть, нежели дефензив... И поздно семидесятилетнему педантической методике учиться... Дефензив, офензив. По первому славен Ласснев кордон от Триеста до Хотина. Сей прорывали варвары по их воле. В нем много хранительных пунктов, слабейшие больше к пользе неприятельской, чего ради меньшие его силы, ударя в один, препобеждают. Так делал здесь Бонапарте, так погибли Болье, Альвинцы и Ворумзер. Мне повороту нет, или также погибнуть... Французы в офензиве проворнее многих народов; через дефензив эрцгерцога Карла, они центрально моих недосугов, на Лаго-ди-Комо чуть было мою печенку не*

проглотили, ныне лучше. Дефензив терял Италию до предградиев Вены, офензивом эрцгерцог Карл выгнал из Германии две армии: Журдана и Моро... Надлежало ему давно завоевать Швейцарию и с помощью тамошних храбрых народов, даровав им вольность, учинить себя господином Рейна — тако сею вернейшею чертою оградить цесарские владения... *Унтеркунфт вреден... Оттого только оборона австрийских земель, что при открытии сей кампании стоило для одного Тироля больше, нежели для всей Италии. Не пером победить Париж! И двусмысленный военный министр, чтоб бить в главный пункт, постигнет разве в лето антихриста... Разбудите унтеркунфтшиков и кончайте Швейцарию: проложите путь к следующим от того важнейшим операциям...*»³³⁵

Для Суворова уже одно звание обороны «доказывает слабость», следовательно, «наводит робость». Дефензив (оборона) теряет, офензив (наступление) приобретает. Только действия «на образ наступательный» «солидны и блистательны», ведут к победе и движению вперед. Особенно вредна пассивная оборона. От нее, как и от «немогузнайки», действительно, «много, много беды!» Об этом наглядно свидетельствуют не только досуворова русская история, но и даже сама «присуворова» действительность. Известно, что перед введением регулярства русские войска охотнее прибегали к выжиданию и обороне, чем к нападению и атаке, двигались в готовности принять оборонительный бой, окружить себя повозками, стать в обоз. Весь XVII век они, как правило, в боях действовали оборонительно, усиливаясь или прикрываясь местностью, гуляй-городом: «Вообще наши войска конца XVII столетия охотнее прибегали к бою за укреплениями и в крепостях и удачнее выдерживали осады, чем полевые сражения. За окопами они выказывали чрезвычайную стойкость; в поле же для наступательного боя не обладали достаточным порывом»³³⁶. Борьбу с татарами и турками Московское государство вело также пассивно (за редкими исключениями), в основном выстраивая защитные линии на южной границе. Результат подобной системы очевиден: набеги на Русь и грабеж ее ресурсов продолжались несколько веков; только в первой половине XVII века было уведено в плен от 150 000 до 200 000 человек. «Причина такого положения вещей, — замечает А.Б. Широкопад, — заключалась в неверной стратегии русских царей. Оборона хороша только тогда, когда она непроницаема для противника или, по крайней мере, наносит ему неприемлемый уровень потерь. Причем последнее справедливо лишь для цивилизованного противника. Для войны с татарами эффективной могла быть только наступательная тактика»³³⁷.

В это же время закономерно появляются и при Петре Великом во время Северной войны 1700–1721 гг. утверждаются идеи регу-

лярной армии и активной обороны с их уклоном к наступлению, к полевым боям, действиям на территории противника. Подобная тенденция особенно замечается в царствования Иоанна Грозного и Алексея Михайловича. Д.Ф. Масловский пишет: «Победы русских войск в первую польскую войну за Малороссию (1654–1655) прочно устанавливают взгляд царя Алексея на наступательный образ ведения войны: “не дать недругу войти в свои города, чтобы его встретить в его земле; до тех мест и огонь тушить, доколе не разгорелся, а как разгорится неколи тушить”»³³⁸. И в самом первом бою молодой регулярной армии под Нарвой (1700 г.) расположение русских войск по старинке было обнесено высоким валом, окружено глубоким рвом и ограждено рогатками и палисадом; наиболее стойкие Преображенский и Семеновский гвардейские полки героически сражались в окружении повозок — старинным вагенбургом. В наступательном по своей сути Полтавском бою (1709 г.) все еще активно применялись редуты и другие полевые укрепления. От прикрытия пехоты рогатками, которые «служили тросу заградою, а храбрецу — помехою» и которых возилось при каждом полку 3500 шт., окончательно отказались только в конце первой русско-турецкой войны.

Суворов с его наступательным духом был в буквальном смысле истомлен и унижен тем затяжным оборонительным (к тому же бессистемным) способом ведения войны, который практиковало русское командование в борьбе против польских конфедератов в 1768–1772 гг. Он называл его «каторгой» и стремился перевести на театр военных действий с турками. Все 16-ти тысячное войско было раздроблено, разбросано по гарнизонам и постам; на активную борьбу с конфедератами употреблялась только его четвертая часть в виде летучих отрядов. Войска «портились» от пребывания в гарнизонах, дурно вели себя, даже воевать начинали «по-гайдамакски». В патрули русских солдат «бросали черепицами и камнями, и даже стреляли». Вновь назначенный русский посланник в Польше Сальдерн в 1771 г. писал: «Образ ведения войны в Польше мне не нравится. Первая наша забота должна состоять в том, чтобы овладеть большими реками. Недостаток в офицерах, способных командовать отрядами или маленькими легкими корпусами, невероятен. Есть храбрые воины, но неспособные управлять ни другими, ни самими собою. Другие думают только о том, как бы нажиться. На способность и благоразумие офицеров Генерального штаба положиться нельзя. Все, что делается здесь хорошего, делается только благодаря доблести и неустрашимости солдат. *Исключая генерал-майора Суворова и полковника Лопухина*, деятельность других начальников ограничивается тем, чтобы давать от времени до времени щелчки конфедератским шайкам. Давши один, другой щелчок, наши командиры ретируются

с добычею, собранною по дороге в имениях мелкой шляхты, и, расположившись на квартирах, едят и пьют до тех пор, пока конфедераты не начнут снова собираться. Бывали примеры, что наши начальники отрядов съезжались с конфедератскими и вместе пировали». При такой войне «от усталости и унижения всякое честолюбие исчезает в офицере; он оставляет службу и замещается таким, который принужден служить и все сносить по неимению других средств к существованию»³³⁹.

Благодаря своей собственной системе Суворов и в этих условиях сохранял предприимчивость, действовал наступательно, сокращал мятежнические партии с быстротою молнии (в том числе и за пределами своего боевого района). После его знаменитых побед над войсками Дюмурье и Огинского в Варшаве стали относиться к русским уважительно, а в Петербурге перестали бояться угроз Австрии и даже войны с ней. За несколько месяцев до этих событий (в марте 1771 г.) он составил две записки («мои мечтания») с рассуждениями о ведении войны с конфедератами, где предложил прекратить хвастовство и ложь, переменить все «на образ наступательный», создать мощную разноместную подвижную группировку и в один момент задавить мятежников: «Но не легче ли *полагать законом, что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным* и так еще гораздо лучше сплотиться с бунтовниками, вдруг, во всех местах, и почти в одни сутки»³⁴⁰.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. для неподготовленной к ней России началась в очередной раз оборонительно. Турки захватили Очаков, осадили Кинбурн. Отвечающий за ведение войны Г.А. Потемкин впал в уныние, ипохондрию. Екатерина с железной мужской логикой успокаивает его: «*Проклятое оборонительное состояние!* И я его не люблю. Старайся его скорее *оборотить в наступательное*: тогда тебе, да и всем, легче будет... Возьми Очаков... Кинбурн?... Дай Боже, его не потерять, ибо всякая потеря неприятна; но положим так, то для того *не унывать, а стараться как ни на есть отмстить и брать реванж*; империя останется империей и без Кинбурна, то ли мы брали и потеряли...»³⁴¹ Далее, уже, видимо, в соответствии с женской логикой, она просит его «беречь свои силы» и не обращать внимания на подобные «мелочи», урегулирование которых есть дело генералов, а не главнокомандующего. Ей известно «усердие Александра Васильевича Суворова». Она пришлет его Потемкину... Суворов как всегда блестяще выполняет возложенную на него задачу. Сокрушительный разгром турецкого десанта на Кинбурнской косе резко изменил ситуацию в пользу «наступательного образа действий».

27 февраля 1914 г. с подачи военного министра генерала Сухолинова (по иронии судьбы в конечном итоге оказавшегося в

эмиграции, да еще в Германии — в стане бывшего противника — и занимавшегося там изготовлением и продажей матерчатых кукол) в «Биржевых ведомостях» была опубликована статья «Россия хочет мира, но готова к войне». В ней легкомысленно давалось обещание: «Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно *забудет понятие «оборона»*, которое так упорно прививали ей в течение предпоследнего периода нашей государственной жизни»³⁴². В действительности, этого вновь не случилось. Вместо победы получилась кровавая гражданская война.

Несмотря на все усилия Суворова и уроки истории, оплаченные большой кровью, оборонительность, как злой рок и проклятье, по-прежнему тяготеет над Россией, столетиями не давая ей прочно стать на «наступательную ногу». Перед каждым военным испытанием произносятся соответствующие заклятья; в идеале и «по теории» дается установка воевать быстро, наступательно, малой кровью и победоносно, а получается все наоборот: из-за неподготовленности и нарушения всех суворовских заповедей попадаем в очередную затяжную, кровавую, а нередко и бессмысленную, оборонительную войну.

Отражение неприязненных покушений. Суворову пришлось, и не раз, укреплять и защищать северные и южные границы Российской империи от предполагаемых, а нередко и реальных покушений со стороны противника. Его максима для этого случая формулировалась очень просто — «*быть в благоразумной обороне*», что подразумевало несколько иное и большее содержание, чем даже такие понятия, как активная, преднамеренная или выжидательная оборона. В суворовском смысле это означало: 1) следить за противником, его намерениями, поддерживать постоянную готовность к отражению вражеских покушений «*большим ударом*» (ударом возмездия); 2) планировать, предполагать и рассчитывать характер предстоящих действий в том числе и в различных вариантах; 3) рассматривать пограничные крепости и укрепления не как линию обороны, но как «предмет офензивный» — «*плацдармы*» для наступательных действий; 4) набеги и нападения «*отбивать по-обыкновенному наступательно*»; 5) избегать «дробности» сил, иметь мощные подвижные резервы для активных и решительных действий; 6) при обеспечении защиты берега неприятельский десант, «никогда не знатный, всюду бьют и топят сухопутные войска» (свой флот поможет — тем лучше, но полагаться следует только на собственные сухопутные прибрежные силы)³⁴³.

В основе всей этой парадигмы действий лежит удивительная психологическая установка. Как уже было отмечено, Суворов предпочитал идти навстречу опасности, не выжидать нападения неприятеля, а самому искать, внезапно нападать и сокращать его силы. В

данном же — «оборонительном» — случае, полагал он, ситуация упрощается. Не надо тратить времени и усилий на поиски противника, тот сам приходит «для побиения». Следует только «достоинно» («большим ударом») встретить его, отбив на длительное время охоту вторгаться на чужую территорию, а тем более — еще раз встречаться с российскими войсками. В планах на случай войн с Швецией (1792 г.) и Францией (1798 г.) прямо отмечено: «Внедрился бы где неприятель в нашу землю, это ложный стыд: он отдаляет свою субсистенцию и сам пришел к побиению соединением на него корпусов... Никогда не распылать силы для сохранения различных пунктов. В случае, если противник их минует, это тем лучше, ибо он приближается для того, чтобы быть битым»³⁴⁴. При таком подходе события развиваются по воле и сценарию Суворова, а не диктуются ему противником.

Именно эту схему Суворов использует на Гирсовском посту: *позволяет* туркам наступать, завлекает их в смертельную западню и в завершение наносит им сокрушительный удар огнем, обходным маневром, натиском и сильной погоней своих войск. Под Кинбурном он действует еще оригинальней. Это уже не классическая оборона с последующим (после истощения атакующих усилий противника) переходом в наступление и не просто «выжидательный бой с решительной целью», а настоящее действие — кровавый, но красивый военный спектакль, от начала и до конца отрежиссированный великим мастером войны.

Никаких неожиданностей... Десант ожидается, все подготовлено для встречи противника, довольно точно рассчитывается его численность — не более 10 тысяч человек. (Реально же в высадке на Кинбурнскую косу участвовало 5 тысяч отборной турецкой пехоты, которой противостояло 1500 человек русского войска с значительными резервами из легкоконных драгунских и казачьих полков). Начальникам и нижним чинам заранее внушается, что это нормальное соотношение сил для достижения победы: «...Знаете, что мы дрались часто с варварами один против десяти... Где бы высадке турецкой на сухой путь не быть, верьте, что обыкновенная не превзойдет 5000, но ежели от трех частей света их флот на то соберется, то на один раз никогда она 10 000 полных не достигнет»³⁴⁵. Высадившимся и продвигающимся без помех к Кинбурну туркам кажется, что счастье и успех на их стороне. На самом деле все в руках Суворова: «Пусть все вылезут, не мешайте им» (так вернее разгромить и не упустить победу). Только после этого следует: «...Видя многочисленного неприятеля, подступившего к Кинбурну, решил я дать баталию»³⁴⁶.

Проблема возникла только с флотом. Турецкая эскадра поддерживала своих «морских солдат» пушечным огнем. Нашего же (Сева-

стопольского) флота не было и в помине; он попал в жесточайший шторм и не смог прийти на выручку, которая Суворову в принципе и не была нужна (но потерь было бы меньше!). Не о себе думал, переживал и за сам флот (линейный и гребной, — прячущийся поблизости), что тот лишает себя славной победы, так как «...в сих водах турецких линейных кораблей превосходное число против остающейся части, прославил бы себя Севастопольский флот! О нем слуху нет...»³⁴⁷ Суворов блестяще «отработал» сухопутным войском за весь отсутствующий флот. В его распоряжении оказалось только одна галера «Десна» (17 различных орудий и 120 человек доблестного экипажа сухопутного) под предводительством бесстрашного и предприимчивого лейтенанта Ломбарда — «редкого героя». «Десна» в одиночку «дерзко атаковала весь турецкий флот до линейных кораблей», непрерывными действиями «содержала в респекте» канонерские суда противника, наносила «варварскому флоту знатный вред».

«Одиннадцатимесячной героической обороны Севастополя» (как впоследствии в Крымскую войну 1853–1856 гг.) при таком серьезном подходе просто не могло случиться. Упорный бой длился 9 часов. Суворову три раза пришлось обновлять сражение, закончившееся потрясающей победой! Вот как об этом он пишет Потемкину в донесениях от 2 и 3 октября 1787 г.: «Турки на Кинбурнской косе, приближаясь от крепости на версту, мы им дали баталию! (Не они нам, а мы им. — А.С.) Она была кровопролитная, дрались мы через пятнадцать сделанных ими перекопов, рукопашный бой обновлялся три раза, действие началось в 3 часа пополудни и продолжалось почти до полуночи беспрестанно, доколе мы их потоптали за их эстакад на черте косы самого мыса в воду и потом возвратились к Кинбурну с *полною победою*... Флот наш, Светлейший Князь, из Глубокой вдалеке уже здесь виден. О! Коли б он, как баталия была, в ту же ночь показался, дешева б была разделка. Кроме малого числа, все их морские солдаты были на косе против нас, только и тут им мало выигрышу... Нас особливо жестоко и почти на полувывстреле бомбами, ядрами, а паче картечами били; мне лицо все засыпало песком и под сердцем рана картечная ж. Хорошо, что их две шебеки скоро пропали, а как уж турки убрались на узкий язык мыса, то их заехавшие суда стреляли вдоль на нас по косе еще больше. У нас урон по пропорции мал, лишь для нас велик, много умирает от тяжелых ран, то ж у них, и пули были двойные... Но, Милостивый Государь! Ежели бы не ударили на ад, клянусь Богом, ад бы нас здесь поглотил. Адмиралу теперь лучше разделяваться с оробевшими людьми»³⁴⁸.

Не только в 1787 г., но и в 1778–1779, 1782–1783 гг. Суворову приходилось вплотную заниматься прикрытием Кубани, «предсбережением» берегов Крыма и Тамани от возможного турецкого де-

санта. «Войска набережные» с их внутренними мобильными резервами были организованы и размещены по боевым участкам (во всей «обширности») образцово, в высшей степени целесообразно, могли эффективно «реагировать» на любую угрозу. Сущность мер в этой области на примере действий Суворова в 1778 г., когда в его распоряжении имелись всего лишь 12 пехотных, 2 драгунских и 3 гусарских полка с 28 орудиями, А.К. Баиов сводит к следующему:

«1. Все прибрежное пространство, в зависимости от значения различных его частей, было разделено на 4 главных отдела, которые, в свою очередь, делились на участки.

2. Оборона каждого отдела и каждого участка была поручена числу войск в зависимости от значения отдела, но при неизменном условии: не нарушать строевой их организации. (После Суворова укоренилась порочная практика: для решения подобных и более серьезных боевых задач стали создавать «временные группировки» и «сборные отряды» — и с победами было покончено! — А.С.)

3. В важных прибрежных пунктах были возведены укрепления. Суворов сам намечал места и сам определял тип укрепления (план и профиль их); подробности же устройства предоставлял начальникам отделов, но при неизменном условии строить только то, что действительно необходимо.

4. Как общее основание действий Суворов требовал для обороны укрепленных пунктов назначать самое незначительное число войск, а остальные должны были выводиться в поле в качестве подвижного резерва, для маневра. Но подробности действий Суворов всецело возлагал на частных начальников.

5. Между войсками, расположенными на побережье, была установлена самая тесная связь посредством непрерывной посылки между ними дозоров, патрулей и целых небольших отрядов.

6. Для поддержания в крае внутреннего порядка Суворов требовал доброжелательного и справедливого отношения к местным жителям и немедленного разрешения всех недоразумений между ними и войсковыми начальниками участков»³⁴⁹.

Естественно, что в результате принятия таких мер противник не пытался высадиться, а тем более внедриться в глубь русской земли; под неусыпным воздействием суворовской «вооруженной руки» он не имел возможности ни под каким предлогом (отсутствие продовольствия, воды) даже просто сойти на берег. «Стамбульцам не могло понравиться такое профессиональное отношение (при недостатке даже минимальных средств) к защите берегов и границ России, а потому в глазах их и у местных ханов «Суворов агрессор!»³⁵⁰.

В 1793 г., руководя строительством укреплений на Тамани и в Крыму, по Днестру и берегу Черного моря, Суворов провид-

чески обращает внимание (и безрезультатно убеждает военную коллегию) на необходимость укрепления Севастополя и Севастопольской гавани: «Но как важность сего места требует твердо основанной себе защиты, так чтоб навсегда оставалось в собственной своей крепостной обороне»³⁵¹. Он указывает также на слабое участие линейного флота в защите берегов и отражении десантов, что недопустимо в будущем: «Мы должны противопоставить им (туркам. — А.С.) парусный флот, который мог бы померяться с ними силами и добиваться перевеса, чтобы сохранить наш гребной флот и обеспечить безопасность наших берегов от десантов. Это дело господ адмиралов»³⁵². Суворов, который в 1787 г. (и затем не раз) «служил флоту всем сухопутным войском», но по-прежнему скромно называвший себя «человеком сухопутным, без парусов» и даже «никудышним моряком», в «плане войны против Турции» обращает внимание на потребность действовать в море — по примеру адмирала Ушакова — наступательно, с захватом инициативы: вражеские эскадры «по возможности разбивать и преследовать до Константинопольского пролива». И вообще «необходимо, чтобы наши флоты имели в море решительный перевес над флотом врага, действуя согласованно с нашими сухопутными войсками». Наряду с этим подчеркивает важность «согласованных действий» Черноморского и Балтийского флотов на Архипелаге, настоятельно требует готовиться к совместным операциям парусного и гребного флотов, десантов и наземных войск³⁵³.

Законы усмирителя мятежей. Суворову приходилось сражаться не только с первоклассным противником («безбожными французами») или с «варварами» (турками), но и с различного рода мятежниками («возмутителями», «бунтовниками», «разбойниками») в Польше, в Крыму и на Кубани, в ногайских и башкирских степях. Против сих последних приходилось нередко вести самые настоящие войны, опираясь при этом на общие и специфические правила политического и военного искусства, а также на особую систему, которую условно можно назвать «военной уздой». Ее важнейшими элементами были: постоянно присутствующая и действующая, быстро реагирующая (не праздная и не сонная) сила — «военный меч»; укрепленные линии, неподвижные посты, подвижные резервы и летучие отряды; «ласкательные» и репрессивные меры военачальников. Например, в кубанской среде совершенно нельзя было полагаться на миролюбие окружающих племен, постоянно существовала угроза разбойничьих набегов, а также сохранялось подстрекающее к мятежам турецкое влияние. Суворов, обращаясь к П.А. Румянцеву, неизменно свидетельствовал: «Ногайские и крымские поколения силою укреплениев в узде... Крепости и

фельдшанцы по Кубани... столь неодолимы черкесским поколениям по их вооружению, что становились им *совершенною уздою*, были б они доведены в смычку Моздокской линии к Ташле... Тамо ключ тишины с заречными — *ежечасный военный меч*: по человеколюбию ж притом лучшие меры — *трактаты на слово*... Предвзятие всех мер к воспреещению горских черкесских набегов и на удержании в страхе тамошних беспокойных народов... Затем смею и я, Ваше Сиятельство, уверять о всегдашнем непостоянстве ногайцев, коих нравы... легкомысленны, лакомы, лживы, неверны и пьяны. Притом и о ежечасном беспокойстве абазинцев и черкес, ежели и повременно на сих не наложить какую-либо *военную узду*... Судя непостоянность нравов сих народов, когда чрез отбытие российских войск *узды* с них сложена будет, неуповательно, чтоб не впали они по обыкновенному в превратность и в соединение с закубанскими варварами»³⁵⁴.

Укрепленные Астраханская, Кизляр-Моздокская, Кубанская и другие линии, сами крепости, как и боевые участки, и посты, обеспечивали, в основном, пассивную оборону, безопасность от набегов и иных покушений. Для Суворова же такого «обуздания» было недостаточно. Поэтому еще по опыту действий против конфедератов он формулирует исходное правило борьбы с возмутителями и мятежниками: прежде всего необходимо «*быть сильным*» и не просто «*держат в узде, но еще и действовать*»³⁵⁵. Только «приличное», то есть «знатное, сильное, совокупленное войско», состоящее из «лучших людей», «привязанных к России» и активно действующих под руководством «хороших командующих, но не собственничков», с «мудрыми, миролюбивыми, справедливыми, искусными, а не сонными командирами», способно быстро и великодушно «усмирить беспокойства», кончать все без «варварства». Пользоваться же им необходимо «благоразумно», «с праведным желанием окончания беспокойств». Но такое войско, действуя мощно и солидно, мятежников должно даже «*не поражать, но их топтать и раздавливать*»: «...*Какая такая важная диспозиция с бунтовниками? Только поспешность, устремление и обретение их*»³⁵⁶.

Из этого основополагающего метода действия против мятежников вытекают некоторые более частные законы (правила):

1. Следует «блюсти цель», быть «в неполашной бдительности», надзирать за обстановкой, знать текущие и «остроумно предвидеть» будущие «непокойствы», «упреждать предприятия и замыслы» мятежников, точно выполнять предписания и данные в войска наставления, не допускать «обленения системы», пассивности, «невежества, роскоши, своеволия и жестокости», — и все это, прежде всего, с целью предотвращения или быстрого уничтожения в зародыше вооруженных мятежей: «В Польше (1793 г. — первая по-

ловина 1794 г. — А.С.) начальникам нашим, вместо того чтобы быть в невежественной нерешимости и плавать в роскошах, *надлежало соблюдать непрестанное бдение, перу их сотовариществовать, их мечу, и искру, рождающую пожар, последним вмиг затушить*. Варшавский наш департамент, при довольном войске усыпленный, ожидал множайшего. Возросли мятежи всюду, распростились даже до сей стороны, так что сутки позже реформа открылась бы, а впятеро совершились. Был бы я не празден, но в Польше турецкой войны не было, кроме что до стражи границ. Стыдился бы я себе просить двадцати тысяч солдат *для обуздания оной и потушения всех мятежей в их первоначалии или последовавшем возвращении*³⁵⁷. П. Басов отмечает, что в подобных ситуациях, действительно, следует «не считать врага, так как наиболее опасным... противником было, собственно говоря, время: малейшая выказанная робость или упущение благоприятной минуты — и опасность, вначале ничтожная, быстро разрослась бы, и тогда бы потребовались уже совершенно иные усилия со стороны войск, что, в свою очередь, не могло бы, конечно, обойтись без лишних жертв»³⁵⁸.

2. При этом не забывать «основательное правило», «что мы не столько к поражению просто мятежников, что есть только пустое партизанство (хвастовство и ветреность), но *для успокоения земли*»³⁵⁹. Меры по недопущению и усмирению мятежей, вводу российских войск, строительству укреплений предпринимаются «не для иного чего, как *для истинного соблюдения в сем краю спокойствия и собственной их безопасности*». 17 апреля 1778 г. Суворов докладывает П.А. Румянцеву о результатах своего 90-дневного командования Кубанским корпусом: «...Имею на сих днях отправиться в Крым, а притом честь приемлю Вашему Сиятельству донести, что сии страны оставляю я в полной тишине и в удовольственном упражнении ногайцев хлебопашеством и иной домашней экономии, так как и вышедшие вновь из-за Кубани, между коими всеми теперь и малейшей колебленности не токмо нет, но и не предусматривается. Что ж касается до закубанских горских черкес, то вся превратность оных состоит в одном только некоторых *разбойничестве с собственным их уроном*, как-то и недавно таковых человек пять российскими убито...»³⁶⁰

3. С народами и племенами необходимо поддерживать «союзничество»; с обывателями «дружбу и ласковость» «прозрачно соблюдать», но мятежникам и возмутителям «своей благосклонностью похлебства не чинить», «никаких приманок от них не принимать»; «*разбойники везде наказываемы*», с ними не может быть содружества, хотя предварительно им можно посылать «увещательные письма», «чтоб престали от хищнических на войски российские набегов, а жили б в покое, который от стороны России

соблюдаем будет, иначе же понуждены к тому будут силою оружия». Во время конфедератской войны Суворов по своему обыкновению с плененных и сдавшихся мятежников, после их обезоруживания, брал подписки (реверсы), что они впредь против российских войск воевать не будут и, как правило, отпускал их по домам. Для местных жителей от него же «публиковано было», «*чтоб нигде мятежникам пристанища не давать, ничем им не вспомоществовать, но о них объявлять*»³⁶¹.

4. Имея дело с мятежами и мятежниками, особенно важно «*нападательно поступать, а не быть на оборонительной ноге*», «упреждать скорейшим на них нападением»; «злодейство не прощать», «наказывать за дерзость огнем и мечом», «употреблять все меры к скорейшему истреблению возмутителей... не дожидаясь возмутительских приближений, а действовать самим». В своем ордере от 15 декабря 1778 г. Румянцев рекомендовал Суворову, как имевшему опыт партизанской войны (действий легкими отрядами в отрыве от главных сил), дать указания командирам постов не оставлять безнаказанным нападающего противника, ловить его и, в свою очередь, производить на него внезапные нападения. Суворову все это было ясно еще с 1768–1771 гг., когда он, устав от оборонительности и малосилия, сам, в конце концов, предложил начальству подробно разработанный план наступательных действий против конфедератов: «Сей план весь положен *на образ наступательный*, в рассуждении, что *нигде оборонительный против бунтовников, яко пресмыкающихся и насекомых, невозможен*. Нигде от них не токмо укрыться, но и оным дорогу пресечь не можно, а между тем порода их умножается как лернейская гидра. Посты только должны отбивать их набег»³⁶².

5. Как бы мятежный противник ни был «неуважителен», действовать против него необходимо с достаточными силами, с выделением резерва, при соблюдении воинских правил и предосторожности и при этом стремиться уничтожить его сильным и скорым ударом («*скоропостижение их в разброде надлежит предварить*»): «...Мятежничьи набег не отбивать, но оных самих встречать и поражать, для того вовсе *малосильны быть не могут*... Чинить скорую и смелую против их операцию с надлежащим числом пехоты и кавалерии... Обыкновенное же правило... *деташаментным командирам весьма наблюдать, чтоб показавшуюся в какой стороне возмутительскую знатную партию, тотчас о ее движении сведавши, выступая целым или же знатною частью деташамента, скорым и сильным ударом поражать, а по поражении, ежели оные частями разбежатся, то и за теми частями посылать благоразумно в погоню сильные партии с искусными начальниками, назначивая им время по рассмотрению и довольно короткое, но и в той погоне оных надлежит атаковать, имея хорошие резервы*»³⁶³.

6. Стремиться «к *крайнейшему* поражению» мятежников, «не давать им покоя». При достижении этих целей «не презирать» и малых партий, но «не бегать за ними беспрестанно», «перенимая их своеволие и отпадая от субординации», «понапрасну излишне утруждая войска, особливо пустыми походами»: *«Лучше усыплять, нежели тревожить, и делать большой удар. Малая война обоюдно равна и бесполезна, изнуряет войско»*³⁶⁴. На уровне «мятежеской войны»³⁶⁵ Суворов предлагает «работать» по-крупному, стратегически: «Всякое продолжение войны, особливо победы, просвещают побежденных... Начинать надлежит везде вдруг, например, со дня Благовещенья, 25 марта, чтобы бунтовников предварить в их собственных иных движениях, или попозже... [Нападать, гоняться за ними день и ночь, не давать им покоя...] *Бить прежде сильнейших...* Надлежит начинать солидным, а кончить блистательным и так еще гораздо лучше сплотиться с бунтовниками, вдруг, во всех местах и почти в одни сутки... *Сильный удар вперед, из всех мест и с помощью Бога победа»*³⁶⁶.

7. Важнейшее условие победы над мятежниками — лишение их источников и средств существования: оружия, денег, баз, поддержки со стороны различных внешних и внутренних сил и т.д. («чтоб мятежникам не было привады»). Принципиально важным для Суворова всегда было «выголодить» противника, подрубить питательные корни мятежа и тем самым подорвать волю к сопротивлению: «Нет прибыли: уже гиберные и поголовные их не прокормят, им надобно чрезвычайно для сбора их дробиться, чем больше у них людей, тем будет голоднее, причина конца мятежей! ...Возмутители между тем воспользовались довольно грабежом соли, а первое искусство военачальника состоит в том, чтоб у сопротивных отнимать субсистенцию... Нет соляных денег, из чего возмутители (имеются в виду польские конфедераты. — А.С.) будут вербовать чужестранных? И гуляев нечем будет кормить; прибавлять французов, но и генеральности в Венгрии нечего будет есть. Как бы начальники наших прочих и иных войск в операциях невежественны ни были»³⁶⁷.

8. Следует также всегда помнить: об опасности раздробления войск по постам и населенным пунктам, о взаимной выручке и надежной связи между войсками, о необходимости хорошо поставленной разведки, о доскональном знании («верном щете») противника, о недопущении преувеличения его сил, о своевременных и точных донесениях, а также о «невежестве тупозрачном». Главнейшее же — никогда не забывать об «отвесе важностей», именно о том вреде, который приносят ложь и «ложная слава», хвастовство, неверные сведения и «вообразительные победы»: «...Не токмо мне, но и каждому офицеру терпеть лжи невозможно... *Правда всегда сама собою славна, но прибавленная к ней ложь бесчестит*

и достоинство производства... Как делишки наши счесть с поражениями нынешними Зарембы: у него пущено на другой свет столько людей, сколько он, может быть, вовсе не имел. Благо у него было три тысячи. А я говорю правду безхарьную. Пропущен Савва, а не прогнан... А Литва угрожаема огнем и мечом, да от кого, от тысячной толпы бунтовников, коих Эпшелвиц не верил, чтоб не примечали (а Суворов издали «приметил» войско гетмана Огинского как серьезную угрозу уже за шесть месяцев до победы над ним под Столовичами. — А.С.)... Тут постовой командир, между прочим, обманываться не должен, чтоб справедливо писал: бунтовников было числом около того-то, столько-то пропало, столько-то осталось, ибо становится бездна темнее, чем таковые (вообразительные. — А.С.) победы блистательнее, но уже и во вред... Шайка разрастается и родится Заремба... Подлая то слава доносить пред Вашим Высокопревосходительством (И.И. Веймарн, главнокомандующий русскими войсками в Польше. — А.С.) ложь о числе их убитых, повелите мне и прочим строго того не чинить, так будет и *верный щет*. Неужели их больше реченного в Великой Польше? Иначе, ежели не будем следовать нашим роскошам, тонким и гордым о себе хвастовствам, то сия война, стыдно сказать, горше турецкой... Умножительное число убитых разбойников (черкесов. — А.С.), поелику их столько собратся никогда не может, кроме важнейшего, затмением истины затмевает отличность происшествия и достоинство начальника; солдатство привыкает мыслить, что довольно сей утратою воображительной победы, паче опасно от несправедливых в действии, что оные по толиким убитым будут уважать число оставших вживе и в быстроте своих поражений, несравненно уже себя малосильнее почитая, ослабевать или обращаться в постыдную оборонительность, впали для собственного вреда. Зло все сей неосторожности явствует от архангельской партии, которая втрое или вчетверо бывшего числа разбойников низринуть была в состоянии... Партия закубанских разбойников, учинившая набег на Архангельский фельдшанц, в том великом количестве Вами (В.В. Райзер, командующий Кубанским корпусом. — А.С.) описанная, состояла не более как в числе трехсот человек. *Коль вредно такое увеличивание колеблющимся в храбрости, по могущим быть иногда недостаткам в военном искусстве начальников, Ваше Превосходительство сами рассудить можете...*»³⁶⁸

«Войск должно быть прилично» (достаточно). Численное превосходство над противником является важнейшей предпосылкой успеха. Но само превосходство сил зависит уже и от других факторов. Исход всякого сражения решается в первую очередь не численностью войск, а их моральным духом, степенью боевой подготовки, умелым руководством и т.д. Бить превосхо-

дящего противника «не числом, а умением», меньшим, но более качественным составом войск за счет храбрости и искусства действий с «великим регулярством» — основа основ суворовской военной системы. Искусному начальнику больше войск (как правило, всегда потребных) никогда не помешает. Но у Суворова дополнительных (к минимуму наличных) войск никогда не было; для решения крупных задач их чаще всего не хватало. Поэтому он приучал себя и своих чудо-богатырей действовать успешно даже против вдесятеро сильнейшего (по числу) противника: под Столовичами, к примеру, 822 человека русских разбили почти четырехтысячное войско Казимира Огинского, потеряв при этом сами 8 человек убитыми и 78 ранеными. А суворовский «ученый» солдат обязан был (по «Науке побеждать») сражаться и один против десяти, имея в виду, что все равно «всех побьем, повалим, в полон возьмем».

Ученье, умение и искусство (при мудром и волевом военачальнике) достойно заменяют превосходное число. Пусть не всегда по прямой, иногда и «в обход», но они неизменно ведут к победе. Наглядным доказательством тому служит одно из суворовских наставлений: «Неприятеля можно отрезать только с превосходным числом войска, иначе сам будешь отрезан им. Но другое дело атаковать его с тылу: тогда и с малым отрядом можно отрезать его и принудить к сдаче»³⁶⁹.

Суворов постоянно повторяет, особенно когда попадает на крепостное строительство, что он — полевой, «не закулисный солдат». Стремится на поле боя, хочет участвовать в «дальновидных предопределениях». Несмотря на то что «поход моих войск под предводительством фельдмаршала Суворова» для борьбы с революционной Францией Екатерина планирует только в 1794–1796 гг., томящийся в Финляндии «захребетный инженер» заранее предвидит эту ситуацию и 27 сентября 1792 г. в письме графу Безбородко высказывает готовность возглавить это дело даже с небольшим корпусом: «Вы Министр! Настойт дело с Франциею, число войск влажный (пустой, не важный. — А.С.) предлог, *победительным оружием я сражался с 500, с 5000 против десятичисленных, и галлы — не пруссаки*»³⁷⁰.

В дело Суворов готов вступить и «малосильно», и при этом смело драться, не ожидая в праздности, когда войск у него будет довольно. Во время конфедератской войны в Польше, где первоначально ему не хватало для развития серьезного успеха всего лишь «ста казаков», он, тем не менее, успешно решал боевые задачи, сожалея лишь о том, что приходится заниматься этим не «со светлостью славы»: «Как бы мои силы малы ни были, но я по возможности моей *всякое воинское действие смело на себя приму*, паче будучи беспрестанно одобряем милостивым Вашим благоприятием влас-

ти моей и малой службы... Мне тяжело, хотя и поспею, *буду драться*, да мой так называемый корволант есть слаб и нерешителен... Все мое малосилие известно...»³⁷¹ В Италии и Швейцарии ни болезни, ни недостаток войск не меняют эту позицию: «Я когда с Тортоной кончу, буду хотя против всего сего неприятеля числом меньше 4-й доли, а у неприятеля верно за 3-ю долю реквизиционером, но с помощью Божией, буду по обстоятельствам мои операции производить, колико от теперешней лихорадки не слаб, и спешить, управясь здесь, к Швейцарии... Так на цесарцов никакой надежды нет. Долг наш соединиться с Корсаковым и даже чтоб его иногда выручать... Упор или преследование от неприятеля продолжится... *По числу войск надежды мало, разве делать отчаянные бои*»³⁷².

Именно эта потрясающая жизненная установка является источником подлинного победоносного духа. Даже при «малосилии» можно и нужно не падать духом, не забираться в «унтеркунфт», как это любили делать австрийцы, не томиться в бездействии, а действовать активно, презирать противостоящую многочисленность и, по крайней мере, оставаться непобедимым. Разбить же противника малыми силами, как отмечал П.А. Румянцев, есть вообще «дело искусства и великой славы». Клаузевиц по этому поводу полагает: «Разбить множество малыми силами — это дает не только *двойной выигрыш*, но и является свидетельством большого и, что самое важное, общего превосходства, встречи с которым побежденный и в будущем всегда должен опасаться»³⁷³.

В то же время «малочислие» («малолюдство») — такое же слово «ненадежной слабости», как и «подлая оборона», так как действовать по-настоящему «надежды нет», приходится «в жестокости войны себя ограничивать», «избегать сражения». Войско впадает в «бедственное оборонительное положение», нельзя предпринимать никаких «важных наступательных операций». 3 октября 1799 г. Суворов докладывает Павлу I: «Корпус Римского-Корсакова низшел на 10 000 пехоты, как конница здесь малодействующая... По несчетным кровавым сражениям победительные войски Вашего Императорского Величества у меня здесь, кроме казаков, не свыше сего числа... Ежели Бог благоволит соединиться с Корсаковым, то уже о наступательных операциях мыслить не должно. Неприятель втрое сильнее (французы все-таки, не поляки и не турки! — А.С.)... Единственный спасительный способ при вышеписанных обстоятельствах остается нам тот, чтобы, оставя Швейцарию... идти на винтер-квартиры, куда удобнее будет. Там, на квартирах, можем мы укомплектоваться людьми, лошадьми и военной амунициею, одеться, обуться и поправить наши изнуренные силы для открытия новой кампании»³⁷⁴.

«Для пользы от победы», «для стремления к более крупным успехам», «для достижения мер к успехам», для исключения неправ-

мыслите отсюда прорывать россиян в Голландию на образ Швейцарии и тяжелее, пройдите века: и слабый неприятель, атакованный в разных пунктах, бросаясь на части, всегда побеждал; чрез Брест на Прагу, Варшаву — все отовсюду стекаются на защищенное капитала... Кордонная линия всегда может быть опрокинута: неприятель по своему произволу устремляет силы на один пункт, между тем как обороняющийся, оставаясь еще в неизвестности, имеет свои силы рассеянными... *Никогда не распылять силы для охранения разных пунктов.* Если неприятель их обошел, то лучше: он приближается для того, чтобы быть битым»³⁸⁰.

В сражениях и боях Суворов никогда не упускал из виду «важность цели», двигался «по прямой, а не параллельно», бил «в главные пункты», рассчитывал исключительно на «сильные», «большие», «мощные», по возможности «массированные» удары, которые только и ведут к поражению противника: *«Надо уметь бить, а не царапать... Не развлекаться мелкими стычками, наносить сильные удары, проходить массажи чрез дефиле, атаковать стремительно, бить с быстротою»*³⁸¹. При этом он признавал: «...Все кампании различны меж собой. Польша требовала массированного удара, в Италии потребно было, чтобы повсюду гремел гром»³⁸². Но и в последнем случае принцип сосредоточения усилий не должен нарушаться, войскам следует действовать максимально концентрированно, не допуская «гигантических» и «распашных» операций, разбросанных оборонительных позиций: «Бонапарте концентрируется. Гофкригсрат его мудро охватывает от полюса до экватора. Славное делает раздробление, ослабевая массу... От цесарской стороны дошло мне без смысла крушительное известие: “эрцгерцог Карл выступил из Швейцарии, оставил у генерал-лейтенанта Корсакова 21 000 при генерале Готце, который расположил все войски оборонительно”, хотя он должен был ведать, что такая позиция их делит (а неприятель силою бьет в слабые пункты) и принадлежит только крепостям, место того, что цесарцы с российскими близ 50 000 должны были почти им равного Массену атаковать»³⁸³.

В 1799 г. сложилась ситуация, когда разбросанность союзных (в том числе и самих русских) войск оказалась неразумной: от Голландии до Южной Италии. Суворов как может постоянно принуждает, требует, напоминает всем и вся не только об общем содействии союзных войск, но и о необходимости «стягиваться», «соединяться», «поспешать на соединение», чтобы «объединенными силами» и/или общим нападением (в любом случае — «общими усилиями») ударить на неприятеля и нанести ему поражение. Из циркулярного предписания Суворова Линкену, Ф. Готце и А.М. Римскому-Корсакову перед движением его войск в Швейцарию: «...Нужно, чтобы союзная армия обоих императорских дворов, находящаяся

в Швейцарии, произвела в то же время стремительно и решительно *общее нападение* на всем протяжении неприятельской позиции. Особенно же левое крыло под начальством фельдмаршал-лейтенанта Линкена, употребит все силы свои, а, быть может, и получит еще подкрепления, дабы российский корпус генерала от кавалерии Дерфельдена, состоящий всего из 11 000 или 12 000 человек, мог успешно совершить переход через Сен-Готард, спуститься по долинам верхней Рейссы и верховий Линты, атаковать неприятеля в тыл и, соединившись как можно скорее с левым крылом австрийских войск в Швейцарии, продолжал вместе наступление, так чтобы неприятель не мог устремиться на русский корпус, идущий из Италии, и нанести ему отдельное поражение»³⁸⁴.

Суворов требовал «быстро и разумно использовать» все силы, средства и способы, которые приближают поражение противника, ведут к успеху: «Употребим все способы, ведущие к цели: те, которые содействуют скорейшему ее достижению, — лучшие; постарайтесь привести их в исполнение, не принимая никаких отговорок; важность цели (захват Ривьеры. — А.С.) слишком велика — следствия вознаградят со сторицею»³⁸⁵. «...*Не должно упускать ни одного из имеющихся средств для быстрого успеха предприятия*», — отмечает он в плане на случай войны с Турцией в ноябре 1793 г. Предлагает готовить и использовать: три корпуса для действий на территории европейской Турции (до 100 000 человек); Кавказский и Кубанский корпуса для действий на Анапу и Геленджик; Черноморский и Балтийский, а также гребные флоты (в том числе и для проведения комбинированных с сухопутными войсками операций); австрийскую армию «с нашим вспомогательным корпусом»; вспомогательные отряды из восставшего славянского населения; «вооруженных обывателей». Особенно следует «приложить все усилия, чтобы поднять на борьбу как можно больше греков в различных частях их страны, где немало честолюбцев и недовольных, — у них имеется свое собственное оружие»³⁸⁶.

В боевой обстановке каждый командир обязан был также *«действовать всеми силами»*³⁸⁷, имеющимися в его распоряжении. У Суворова в бездействии («мертвом капитале») просто не могло оставаться ни одного подразделения или элемента боевого порядка. Всем имела работа: артиллерии, пехоте, коннице, казакам, резерву. Ни один противник не мог устоять против ударной мощи, которая создавалась совокупными усилиями всех.

Истинный в необходимости резерв. Важнейший суворовский принцип — *«все чинить с резервами»* («все предваряется достаточными резервами»); резерв играет у него весьма важную роль. В наступлении везде: за головной частью, в кареях, колоннах, составляя третью или даже вторую линию, — следуют силь-

ные резервы, в которые «по обстоятельствам» выделяется от 8-й до 4-й части войск: «...Старший в голове по укреплению ли то, или просто в поле, *пристойные резервы* требует и получает с тылу от сущих за ним... Поменьше линий, дабы охватить неприятеля; самое лучшее — одна хорошая линия с ее небольшими резервами, не более, впрочем, $\frac{1}{8}$ части армии. Дивизионы имеют вместо второй линии сильный резерв, примерно в $\frac{1}{2}$ численности второй линии»³⁸⁸. На укрепленных линиях в боевых участках кроме частных (постовых) резервов обязательно создавались общие «*подвижные резервы*» — своего рода силы быстрого реагирования, в которые нередко назначалась до половины наличных войск. Суворов с гордостью указывал «на силу российских укреплений с их резервами», особо отмечая: «Сильные укрепления выдержат долговременную осаду, но как то быть может, *всюду резервы в первых сутках или днях, бьют они противных в тыл*, те, между двух огней стесненные, бегут стремглав, и конница их дорубает и колет живо»³⁸⁹.

В боевой системе Суворова, когда «*везде фронт*», «истинный в необходимости резерв» чаще всего действует и используется «по способностям и переменяющимся обстоятельствам», «по обычаю», «сам собою», но всегда «находится в готовности к усилению в случае надобности»: «*Резерв без нужды не подкрепляет, а действует сам собою*, как и оба кареи... Все сии атаки чинить с резервами, а резервы — целые роты; сии резервы и место занимают, и ходят сами атаковать вправо или лево... [При штурме Праги] резерв под командой бригадира Владычина, всегда равняясь с колонною и очищая в интервалах, поражал сбравшегося неприятеля и, войдя в первый ретраншамент, тотчас разрыл вал и очистил путь для конницы... Вторая линия, ежели будет, подкрепляет первую; резерв — обе и больше»³⁹⁰.

Суворовское «и больше» подразумевает очень многое. *Резерв* не только действует «сам собою» в атаке наряду с кареями, подкрепляет и усиливает головные части, укрепления или посты. Он же обеспечивает сосредоточение войск: «Когда же обнаружится настоящая атака, тогда и решится, которого из них должен будет подкреплять генерал Край, и всеми ли силами, своими или только частью их... Бельгард стоит у Риторто первоначально для наблюдения за дорогою по р. Орбе, а потом, смотря по обстоятельствам, или примкнет к армии, или сам получит подкрепление для атаки неприятельской колонны. Для поддержания его находится вблизи генерал Край, который может считаться резервом»³⁹¹. Он же (резерв) выполняет задачу по отражению противника с тылу: «Служить бы, что неприятель среди атак или в погоне оказался с тылу: часть резерва, весь, или усилением от частей второй линии, обращается на него, быстро атакует и побеждает, потом паки следует за

первою линиею; здесь весьма наблюдать сообразие числа силы неприятельской»³⁹². Он же активно используется для организации засад, «крестных огней», для того чтобы внезапно взять противника «в клещи», поставить его между «молотом и наковальней»: «Ордер Вашего полевого сражения лучше на два карея, коли можете с третьим резервным за двумя в интервале, для крестных огней от артиллерии... Вашу полевую пехоту поставьте в паду, в приличном местоположении, скрытно. Как их в поле резать сказано; ежели они на крепость покусятся — будут они в клещах, между Ваших двух огней... Пехоте из ближайших укреплений и казакам бить варваров жестоко в тыл, доколе так сокрушаться, как 1 октября»³⁹³.

Петр Великий даже в Полтавском бою, обладая почти двойным численным превосходством над шведами, имел тем не менее резерв — для предосторожности. Наполеон практиковал «употребление сильных резервов и сохранение тем всегдашней возможности, помощью их управлять боем и давать решительный оборот»³⁹⁴. Главный смысл суворовского резерва несколько иной: он «*создает усилие*», настраивает на «мужественное нападение», потому что каждый знает, что как бы силы ни были малы есть еще ресурс в запасе, можно храбро драться, полагаясь только на себя, не оглядываясь назад и не ожидая сикурса (поддержки). В Кинбурнском сражении 1 октября 1787 г. Суворов имел возможность «три раза обновить сражение». «Усилие» обеспечивалось волей Полководца, храбростью войск и тем, что атаку генерала Река «подкрепляли» по флангам резервные эскадроны и казачьи полки, а к Кинбурну с желанием сразиться поспешным маршем двигались Павлоградский и Мариупольский легкоконные полки, а также Санкт-Петербургский драгунский полк, находившийся от крепости в 36 верстах и прибывший только по окончании сражения. Победа ковалась общими усилиями. Против 5-тысячного отборного десанта противника, поддерживаемого убийственным огнем турецкой эскадры, непосредственно имели возможность сразиться 1500 человек. Основной же вклад в победу внесли 2299 нижних чинов — они действовали в бою до четырех часов и в самом пекле; 2281 человек «сражались легко»; но самые признательные слова в реляции Суворова Потемкину заслужили санкт-петербуржцы, примчавшиеся, к их сожалению, только к концу сражения: «В сие время прибыл под Кинбурн генерал-майор Исленьев с Санкт-Петербургскими драгунами *как знатный мне резерв*, коего поспешностию я довольно Вашей Светлости нахвалиться не могу»³⁹⁵.

С учетом вышеизложенного становятся понятны следующие слова Суворова: ««Сикурс» есть слово ненадежной слабости, а «резерв» — *склонности к мужественному нападению*; «опасность» есть слово робкое и никогда, как и «сикурс», слово чужестранное, да

на русском языке сверстание неких здешних злоумышленных бунтовников, никогда не употребляемое и от меня заказанное... *Свыше же резерва называется "усилие", то есть что и без сего начальник войска по его размеру искусства и храбрости сильным быть себя почитает...* Каре действует наступательно, как бы трудно местоположение ни было, а оборонительно, — по нетвердости и неприсутствию духа начальствующего... Начальник карея, вступая с неприятелем в дело, соблюдая главные правила и цель данной диспозиции в переменных, но для единые победы, обстоятельствах, *должен только быть вспомогаем своею твердостью, храбростью и расторопностью... своим пронизательным оком благомудро всюду учреждает и способляет*³⁹⁶. Так создается «на себя надежность». Среди суворовских командиров и чудо-богатырей такого рода духовный резерв и Божья помощь всегда имелись в неограниченном количестве, что умножало силы безмерно.

«Детские игры». Суворов использовал только надежные, действительно успешные способы и средства. Предпочитал действовать просто, «не усложнять операций», «двигаться по прямой, а не параллельно», сильно бить противника, а не угрожать ему. Не допускал никаких действий, которые могут быть расценены только как угрожающие и тем самым как проявление слабости. На того, кто поступает таким образом (только угрожает и беспокоит, «чинит хитрые маневры») можно и нужно смело нападать: «...Под Ландскороном (12 мая 1771 г. — А.С.) победа произошла не от чего иного, как от оных французскою запутанностию, которою Российское войско пользовалось; они наклоняют пустые марши больше к изнурению войска, к обленению оною и роскоши; хороши для красоты в реляциях»³⁹⁷. Суворов категорически выступал против запутанных «теорий» и «хитростей», педантизма и методизма (действий по плохим правилам): «Лучше бы было без тактики и практики... Не надо методизма, посредничества, демонстраций, соперничества, — все это лишь *детские забавы*. Не надо десантов, если только не в прославленной Вандее, когда та или иная армия на пути к Парижу... Никогда не перегружать себя бесплодными маневрами, контрмаршами или так называемыми военными хитростями, кои годятся лишь для бедных академиков... Да не будет зависти, отступлений, отвлекающих атак, что все принадлежит к детским играм... Диверсии, контрмарши, демонстрации, особливо мне последняя жалюзия эрцгерцога Карла суть ребячьи игрушки — мне постыдны... Не надо патрулей, *берегись рекогносцировок, которые раскрывают намерения*. Твердость, предусмотрительность, глазомер, время, смелость, натиск, поменьше деталей и подробностей в речах к солдатам, не отставать друг от друга... *Я не любитель соперничества, демонстраций, контрмаршей; вместо этих*

*ребячеств — глазомер, быстрота, натиск — вот мои руководители*³⁹⁸. Занятие именно этими «играми» порождает чрезмерный риск, ведет к неоправданным жертвам, грозит поражениями. А «смелая наступательная тактика», «глазомер, быстрота и натиск» — всегда в выигрыше. В сражении на реке Адде дивизия французского генерала Серюрье была отрезана от главных сил и капитулировала. При встрече с Суворовым Серюрье упрекнул его в том, что атака линии Адды была слишком рискованной. Возвращая ему шпагу, Суворов иронически заметил: «Что делать. Мы, русские, без правил и без тактики. Я еще из лучших»³⁹⁹.

Суворов не был против разведки боем, сам участвовал во многих «поисках», придавал большое значение получению сведений о противнике, требовал наблюдать за ним. В необходимых случаях специально «тревожил неприятеля», сковывал его силы, отвлекал от намеченного главного удара, вводил в заблуждение. К примеру, 5 мая 1799 г. он приказал генерал-майору Чубарову, командующему авангардом корпуса А.Г. Розенберга, демонстрировать переправу: «Пробуйте переправляться через реку Танаро, стоя на месте, но отнюдь не переправляйтесь. Пикеты же французские сейчас доносят о попытке Вашей. Это приведет неприятеля в замешательство»⁴⁰⁰. Однако принципиальная его позиция была очень жесткой: демонстрация как общий метод и преднамеренная операция часто бесплодна, малоуспешна, ведет к необоснованному риску и неоправданным потерям: «Фальшивые же операции эти всегда опасны... Имперско-королевский корпус, стоявший против Казале для демонстраций, переправил на противный берег в близости неприятеля несколько пехотных рот, *яко на жертву*. По крайней неосторожности суда расплылись, ту пехоту неприятель окружил большими силами, и едва треть оной спаслось. *Демонстрация игра юно-военных. Обыкновенно они или пустые, утруждающие войска, или наносящие им вред...* [Генерал-лейтенант Дурасов], по моему мнению, причиною происшедшего (разгрома войск Римско-Корсакова 14 сентября 1799 г. — А.С.), поелику занят будучи одною лишь канонадою и угрожением переправы, не поспешил соединиться с прочими войсками, в бою бывшими... Столь же малого успеха предвещаю я пользе общего дела от упоминаемых в том плане демонстраций, когда эрцгерцог сими бесплодными, чрез три месяца продолжавшимися демонстрациями, обратил всю неприятельскую силу на нас»⁴⁰¹.

На фальшивые атаки противника Суворов требовал реагировать сдержанно: сначала наблюдать, но затем неизменно — «ударить и разбить», чтобы воспользоваться благоприятной возможностью («противник сам идет к победению») и не дать ему ни малейшего успеха даже в мнимых его атаках: «...*Командующий не должен*

никогда поддаваться обману известных демонстраций, хотя они почти незнакомы туркам, не знаящим также и последствий наших демонстраций, когда, забавляясь, мы только бесцельно утомляем войска... Неприятель намеревается 13 числа совершить покушение к снятию блокады Александрийской цитадели, для чего он намерен произвести фальшивую атаку тремя колоннами и двинуться из Генуэзских гор сюда и на Турин, Большой Бернар, Симплон и Сен-Готард. Я, со своей стороны, уверен, что разобью наступающего на меня неприятеля; для того, однако, чтоб он не имел успеха даже в своих мнимых атаках, я должен Вас всепокорнейше просить вести тщательное наблюдение за передвижением неприятеля...»⁴⁰²

Не следует увлекаться диверсиями (вторжениями на большую глубину в тыл противника) и десантами, которые рискованны и должны быть очень верными; если уж они предпринимаются, то не на «авось», а продуманно и подготовленно, как необходимое вспомогательное средство развития уже наметившегося успеха — не как «волшебная палочка» для покорения всего мира. Эту мысль он повторяет снова и снова: «...Герои на океанах, невежды на сухом пути, великодушные англичане думают, что и я, взъехав на дек, на Буцефале, могу свет завоевать. Иное варварский Коромандель (восточный берег Индии. — А.С.), иное малодиаметрные острова. Они помнят Филадельфию (свое поражение в борьбе с американцами за независимость. — А.С.). Один десант вернее, когда пойдем к Парижу, для Лавандеи, ежели сии верноподданные пожелают следовать туда ж, хотя в них тогда мало нужды... Десантов отнюдь нет... Есть один десант: против Лаванде — ежели она вооружена будет... Когда которая из двух армиев — Итальянская или Рейнская — на пути будет к Парижу, тогда и десанту с лавандейцами туда ж. Но, чтоб это было весьма верно, и тут надобно очень хорошему генералу быть, а отнюдь не такому, как Йорк или прежние российские. Тут французы вдруг заворот сделают и вдруг разобьют. Довольно что лавандейцы их будут занимать, а российские все лучше в Италии... Десанты очень рискованны, тем не менее англо-русские войска, если найдут нужным, высадят один на берегах Нормандии, чтобы пройти к Вандее и потом совместно на Париж. Тогда, если можно будет отвечать за успех... Он наступит в момент, когда эта армия будет на полпути к Парижу... Нострадамус, встретясь со мною: “Что ты не любишь десантов?” ...Один верный десант с осторожностью, разумом будет потребен против Лаванде, когда какая армия уже будет сближаться Парижу»⁴⁰³.

В борьбе с французами Суворов не рассчитывал сильно на десанты: сложно, мудрено. Как снабжать? Где будут магазины? «Как враг десантов, — вспоминает Фукс, — князь Александр Васильевич рассказывал, что еще в деревне Кончанское смеялся он над предпо-

лагаемую Бонапартом высадкою в Англию. “Я, — говорил он, — называл ее тогда же второю после Гибралтара репетициею трагико-комической военной драмы, которая никогда не будет разыграна”»⁴⁰⁴. Суворов имел и другие основания быть «врагом десантов». О неудаче многих из них свидетельствовала военная история, которую он хорошо знал. В авантюру обратилась египетская экспедиция Бонапарта. Был разгромлен и англо-русский десант, высаженный в августе 1799 г. в Голландии, причем русские потеряли 3000 человек, командующий русскими войсками генерал Герман был пленен вместе со штабом... Суворов также не мог допустить реализации очередных «корыстолюбивых» замыслов венского двора — ослабить и «употребить войски наши на столь гибельные и славу оружия Его Императорского Величества помрачить могущие десанты, или по венскому слуху отсюда в Нидерланды, когда Париж легче и одного Люксембурга»⁴⁰⁵.

Бить противника в открытом поле. Уже Петр I предпочтительно выбирает неприятельскую армию, а не крепости и сообщения как главный предмет своих действий. Суворов же всегда подчеркивает, что он «полевой генерал», постоянно просится в «поле», туда, где происходят боевые действия. Это тяготение к «полевой действительности» определялось его системой, образом ведения войны. Как и Петр, главной своей целью, средоточием всех усилий он считал разбитие живой силы противника в полевом сражении (бою), не отвлекаясь на крепости, захватывая их в случае необходимости штурмом, не теряя на осады «драгоценного времени кампании»: *«Моей целью было разбить неприятеля в сражении, отрезать его от крепостей, а сии лишить помощи.* Я отделил от моих войск достаточное число для занятия крепостей и оставил себе для поражения неприятеля меньше сил, чем у него. Так, под Вапριο, когда крылья армии были заняты переходом через Адду, правее Коссано, 8000 австрийцев разбили от 16 до 18 тысяч неприятелей; один миг — и мы в Милане... Не терять времени в осадах... Иногда действовать обсервационным корпусом, а всего лучше брать крепости штурмом. Так имешь меньше потерь»⁴⁰⁶. Эффективность этого образа действий наглядно была доказана громом суворовских побед в Европе. Это в конечном итоге признали австрийцы, не раз пытавшиеся склонить Суворова к бесконечной осаде крепостей, столь многочисленных в Италии. От посла в Лондоне графа С.Р. Воронцова уже 1 июля 1799 г. как отклик на победу при Треббии пришло примечательное известие: «Король, говоря мне с восхищением о храбрости войск Российских и о великих подвигах Вашего Сиятельства и называя Вас назидателем тишины и безопасности и согласия Европы, сказал мне, что ничто столько не доказывает здравый рассудок Вашего Сиятельства, глу-

бокое знание и великую опытность в воинском знании, как то, что невзирая на негодование и крики многих, кои желали бы, чтобы Ваше Сиятельство занимались осадой Мантуи и других крепостей, Вы безостановочно продвигаетесь вперед и везде ослабляете неприятельские силы; и счастливые последствия оправдывают справедливость Ваших правил, ибо, *уничтожая везде вражьи силы, крепости сдаются Вам одна за другою*⁴⁰⁷.

Вопреки «кордонно-крепостной» системе, господствовавшей в то время, Суворов действовал наступательно, атаковал «движущими редутами», штурмовал колоннами; осадами больше месяца или даже «нескольких дней», необходимых для подготовки штурма, предпочитал не заниматься. В «плане войны против Турции» (10 ноября 1793 г.) он неизменно напоминает потенциальным командующим корпусами: «Измаил, совершенно не разрушенный нами в конце последней войны, сейчас стал значительно более грозным, чем был ранее, и, хотя наши эмиссары доносят, что там немного пушек, не приходится сомневаться, что они там имеются в большом количестве; *отважиться на приступ — было бы грандиозно...* Браилов, как главная квартира, остается хорошо укрепленным с достаточным гарнизоном, смотря по обстоятельствам, хотя командующий корпусом № 3 должен *предупреждать всякую попытку врага, уничтожая его в открытом поле*. Поэтому необходимо, чтобы он имел от 36 000 до 40 000 человек, не считая арнаутов, которых он мог бы набрать.... Он выделит гарнизоны в Килию, мыс Чатал и Браилов, и, кроме небольших пикетов и необходимых мелких отрядов, *три четверти его корпуса должны оставаться всегда сосредоточенными, чтобы бить в поле неверных*, которые, чтобы произвести диверсию против корпуса, действующего на Балканах, или обойти его, попытались бы переправиться через Дунай выше Браилова или через Банат, так как это не удалось бы им ниже, поскольку наш гребной флот господствует там до самого устья... Но возвратимся к истинной цели турок: заставить нас снять осаду или оказать поддержку Браилову. Их армия переправится через Дунай скорее всего под Силистрией, а не в другом месте. Будучи осведомленными о направлении их движения, надо подтянуть к себе корволант и, оставив нужные силы для продолжения осады, *идти навстречу туркам, атаковать их и, разбив, преследовать по возможности, чтобы затем возвратиться и спокойно закончить осаду*. В случае, если их армия предпримет то же самое в районе Рени, поступать таким же образом. Такой способ действий должен быть всегда соблюдаем нашими войсками, и, *насколько возможно, они должны следовать правилу разбить врага в поле, прежде чем предпринимать осаду*»⁴⁰⁸.

Необходимо соблюдать и другое правило. Предприятия по оса-

де крепостей обязательно должны осуществляться под прикрытием специально выделенных для этого войск, чтобы исключить неприятную ситуацию сражения на два фронта: против прибывших на выручку и гарнизонных войск. В любом случае за противником, если он не разбит, необходимо организовать сильное охранение (сдерживание) и постоянное наблюдение. Именно «охранение от внешних нападений» позволило Суворову в 1772 г. успешно завершить осаду Краковского замка; без артиллерии, а, следовательно, и возможности штурма, вырвать его из «рук возмутительских». Двадцать семь лет спустя, действуя в Италии, он вновь вынужден разъяснять «подьячим-политикам» азы военного искусства: «Знает ли глупо-робкий кабинет, что *поважная осада без закрытия обсервационным корпусом не производится*, разве по привычке “в контрвалации битым быть, как Ла-Фейляд”». (Во время войны за испанское наследство в 1706 г. французский генерал Луи де Фейад осадил Турин, окружил крепость линией непрерывных укреплений (контрвалацией), но был атакован извне принцем Евгением Савойским и разбит.) Кабинетные стратеги не могли понять, что корпус Ребиндера нужен для прикрытия осаждаемой Мантуи, вместо этого они отправляли его в Швейцарию⁴⁰⁹.

При всем этом не следует забывать, что лучшеекрытие — «наступательное движение вперед», разгром противника, нанесение ему мощных ударов: «Тортона и Гави тогда при себе должны иметь такую армию, которая бы могла своим присутствием удерживать неприятеля, находящегося еще в Ривьере ди Генуа и могущего придти на помощь к сим двум крепостям. Осаду крепости Тортоны обеспечить очень легко, армия становится лагерем при Поцоло Формигаро, *ожидает неприятеля там в чистом поле и всеконечно его разобьет...* Чтоб фельдмаршал-лейтенант Гадик расположил свой корпус для прикрытия Милана и Ломбардии и в то же время *для действия против неприятеля наступательно...* Строго соблюдайте правила нанесения мощных ударов по турецким войскам, чтобы ослабить их насколько возможно, и не бросайтесь на столицу с риском, как это сделал Юлий Цезарь при Алезии; различные бои могут у вас отнять много времени, но оно не будет потеряно даром»⁴¹⁰.

Исходя из парадигмы наступательных полевых действий, захваченные крепости и укрепления в большинстве своем должны разрушаться, чтобы противник не мог ими больше воспользоваться и не приходилось распылять свои войска: «Торгонская цитадель не может принести нам никакой пользы, почему и нужно, не приступая к ее восстановлению, тотчас ее подорвать... Если не в первую кампанию, то в следующую он с частью этого корпуса, *не теряя времени*, овладеет Слестией, Гирсовым, Туртукаем и ос-

тальными новыми укреплениями турок, которые должны быть также полностью уничтожены, как и другие, чтобы не держать там постоянных постов и не разбрасывать войска». «Полезные нам» захваченные крепости «тотчас приводятся в оборонительное состояние», в них ставятся «надежные гарнизоны» и «опытные храбрые командиры». Они должны выдерживать длительные осады и более — быть «плацдармом» наступательных операций⁴¹¹.

Не для магазин-вахтерства. Главное назначение суворовской армии — бой и сражение, нападение и сокрушение противника. Она вся воюющая, действующая, от генерала до последнего солдата, — настоящий боевой организм, каждый элемент которого, в том числе и обоз (вагенбург), нацелен на победу и стремится к славе. Процент штыков (боевых единиц) в этом войске приближается к абсолютному значению. В нем как бы не существует тыла и отсутствуют различного рода бесполезные нестроевые части и учреждения, раздутые управленческие структуры. Эта армия с крепкими ногами и руками, работающей головой (хорошими мозгами — полководцем), почти без живота и совершенно без жира⁴¹². Суворов на тыл и на обеспечение коммуникаций во время кампании 1799 г. в Италии почти не обращал внимания и тем не менее блистательно завершил ее. Рассказывают, что когда ему заметили, что тыл его совсем не обеспечен, что он совершенно не оставляет войск для осад крепостей и охраны коммуникаций, то тот со всеградской своей иронией ответил: «У нас, Русских, нет тыла»⁴¹³.

Суворов вполне обоснованно считал, что сама победа есть лучшее и вернейшее средство для обеспечения тыла и сообщений, ради нее всем этим можно, а часто и нужно, жертвовать: «Идешь бить неприятеля, умножай войска, опорожняй посты, снимай коммуникации. Победивши, обновляй по обстоятельствам, но гони его до сокрушения. Преследуй денно и ночью, пока истреблен не будет. Коли быть перипатетиком, то лучше не быть солдатом»⁴¹⁴. Оборонительное расположение войск по линии, пассивная защита коммуникаций и тыла, — все это «магазин-вахтерство», поощряющее наглость противника, опасное по своим последствиям и отдаляющее от позитивной цели войны. Получив в августе 1799 г. указание П.А. Румянцева «сделать сильный отворот сему дерзкому неприятелю (польско-литовским мятежникам. — А.С.) и так скоро как возможно от стороны Бржестя и Подляского и Трощко-го воеводств», чтобы «возможно облегчить» действия прусских и российских войск, Суворов, внутренне недовольный этой всего лишь частной оборонительной задачей, принимает несколько иное решение: «Время драгоценнее всего. Юлий Цезарь побеждал поспешностью. Я терплю до двух суток для провианта, запасаясь им знатно на всякий случай. Поспешать мне надлежит к стороне Бреста,

ежели между тем мятежники уже не разбиты, но не для магазин-вахтерства (пассивного расположения вдоль Буга. — А.С.); есть младшие... или оставить все. Там мне прибавить войска, идти к Праге...»⁴¹⁵ Так он и поступил, принеся России еще одну знаменательную победу.

И все же, будучи «малочисленен», Суворов не кинулся безрассудно на Варшаву без обеспечения тыла. Три недели ему пришлось «бездвижно» простоять в Бресте: «...Я с корпусом моим до прибытия господина бригадира Дивова или господина генерал-поручика и кавалера Ферзена, который, по слухам, будто находится в Пулаве, к какому важному и нечаянному движению более неспособен, поелику в Бржесте должно иметь всегда знатную часть войска для твердого поста и учреждения магазинов, к чему уже приступлено, а потому и останусь бессилен... Сообщил я господину генерал-аншефу и кавалеру князю Николаю Васильевичу Репнину, дабы от корпуса генерал-поручика Дерфельдена приказал знатной части немедленно сближаться к Бржестю, как на случай выступления моего мятежники всемерно покусятся могут паки усилиться здесь, отправляя отсюда главные транспорты пропитания в Варшаву, и распространить стремления к границам Пинской губернии. Без того же выступить мне нельзя или же в рассуждении отдаленности моей от границ наших обратиться к оным, что учинить без особого повеления Вашего Сиятельства постыдно...»⁴¹⁶ Так и не получив от Н.В. Репнина «обеспечивающего» войска, Суворов двинулся вперед «не по прямой, а параллельно», чтобы «не обнажать» Брест и не подвергать себя удару во фланг и тыл со стороны все еще не разбитого Репниным противника: «Но, к сожалению моему, вместо прямой дороги на Венгров до Станиславова, я должен взять окружной марш на Бельск для бою с Мокрановским, чтоб не дать ему моего крыла, обеспечить Брест и очистить Литву, да еще, коли они не уйдут, посетит Воврежско-го в Плеске, что мне делает знатную утрату времени»⁴¹⁷.

Таким образом, в серьезных наступательных предприятиях: реальных (на Прагу и Варшаву) или планируемых (на Константинополь, Париж), — Суворов брал за правило обеспечивать коммуникации, то есть «иметь свободным тыл» с «хранительной армией»: «Итак, нужен один обсервационный корпус на Страсбург, да еще подвижный корпус на Люксембург. Его острие продвинуть с непрерывными боями до самого Парижа как главного пункта, не останавливаясь в Ландау, разве что оставить там кой-кого для наблюдения, чтоб иметь свободным тыл, но не для отступления, о чем и думать не следует, а для обозов (которые всегда следует прикрывать. — А.С.)»⁴¹⁸. И в этом случае, и в войне против Турции Суворов предполагал для данной цели активно ис-

пользовать вспомогательные войска (ополчения и милиции) из местного населения, а в турецком, более обширном варианте, даже специальный тыловой корпус, доведенный до 40 тысяч, «чтобы он мог господствовать на всем пространстве и избежать всякого риска вследствие его слабости; а кроме того иметь возможность охранять и прикрывать обоз; он будет содержать гарнизоны, как было сказано, в Браилове и Килии»⁴¹⁹.

Ганнибал 15 лет выдерживал борьбу в Италии без баз и сообщений, потому что побеждал римлян и имел возможность использовать местные ресурсы. Но в конечном итоге чрезмерная удаленность от «капитала» (Карфагена) и отсутствие коммуникаций сказались все же губительно. Мудрый Суворов делает вывод: «Впрочем, мы должны следовать великому принципу, которому следовали все полководцы от Александра до наших дней: *никогда не надо слишком удаляться от своих ресурсов*»⁴²⁰.

Субсистенция. Суворовское «великое регулярство» предполагало и не менее «великую» заботу о снабжении войск всеми необходимым припасами и запасами: орудиями, ружьями, зарядами, патронами, транспортом, обмундированием, продовольствием. Общей его принцип в этой связи формулируется следующим образом: «*Быть хорошо снабженным и хорошо подготовленным не только для обороны, но и для наступательных действий... Не упускай пресекать неприятелям жизненные припасы, а своему войску учись всегда доставлять пропитания вдоволь... Пещись, чтоб в субсистенции нужды не было*»⁴²¹. Проблема важна не только сама по себе. Еще Петр Великий заметил, что «деньги суть артерия войны». От наличия материальных ресурсов, даже от своевременной выплаты денежного довольствия, зависят качество и количество, победы и поражения, быстрота и полнота решения военных задач. Зависимость российских корпусов в Италии и Швейцарии от снабжения со стороны Австрии сдерживала, например, Суворова в его действиях и замыслах, вынуждала его думать: «Весьма было бы прискорбно, если бы недостаток в средствах, при всем моем усердии, остановил меня на пути к высокой цели»⁴²². Можно, конечно, атаковать, с чем Бог послал, но любая операция по-настоящему не состоится, пока не будут в наличии материальные средства. В июле 1799 г. Суворов не может форсировать наступление на Генуэзскую Ривьеру, так как требуется время для покупки мулов и учреждения магазинов в Ливорне: «*Главная операция тогда только может быть приведена в действие, когда окончатся все приготовления к продовольствию армии, так как нужно закупить для этого около 5000 мулов, и так как эту покупку надлежит произвести в областях Милана и Модены, то легко может случиться, что еще нужно будет отложить операцию на 14 дней*»⁴²³.

И таким образом размышляет человек, который при планировании очередной кампании против республиканцев предлагает двигаться прямо на Париж: «О недостатке в немецкой земле пропитания грезит Тугут; *найдем его во Франции*»⁴²⁴.

У противника же, наоборот, необходимо всячески «отрезать субсистенцию», лишать его баз, источников снабжения и тем самым возможности и воли к сопротивлению. Во время конфедератской войны Суворов стремился выгонять мятежников из замков («замки отобрать и разорить»), различного рода укреплений и населенных пунктов в поле, чтобы их там «выголотить» и разбить. Он очень беспокоился о том, чтоб возмутители не довольствовались деньгами, получаемыми за счет грабежа и продажи соли, «не оживлялись» в связи с этим, а лучше уж сдавались и дезертировали из-за отсутствия жалованья: «...Тако сим наиглавнейшим их вправду искоренить можно... Занятие Велички (где находилось 1500 бочек соли. — А.С.) тронуло их пуще всех наших побоищ...»⁴²⁵ Отсюда Суворов делает важный вывод: «...*Главное [первое] правило всякого мудрого военачальника состоит в том, чтоб у своих противников отнимать паче субсистенцию... Нет соляных денег, из чего возмутители будут вербовать чужестранных? И гуляев нечем будет кормить; прибавлять французам? Но и генеральности в Венгрии нечего будет есть*»⁴²⁶.

Планируя на заключительной стадии итальянской кампании захват Генуэзской Ривьеры, Суворов принимает необходимые меры по обеспечению продовольствием своей собственной армии. Пока решается эта проблема, он стремится организовать блокаду неприятельской территории с суши и моря, не допустить каботажной и контрабандной торговли Южной Италии с Францией. Разные лица в июле 1799 г. получают от него в связи с этим разъяснения, предписания и просьбы следующего характера. Английскому адмиралу Г. Нельсону: «Пока я буду заниматься подготовкой обеспечения провиантом, совершенно необходимо блокировать неприятеля и помешать доставке для него всякого вида припасов. На суше все возможности ему отрезаны, есть только со стороны моря, где ему нужно пресечь всякий подвоз провианта... Убедительно прошу Ваше Высокопревосходительство поддержать также с Вашей стороны этот спасительный и точный план, способствующий действительно общему интересу»⁴²⁷. Адмиралу Ф.Ф. Ушакову: «Обратя теперь виды свои на Геную, выступил я в поход; мне надлежит осилить некоторыми крепостями; трудности, препоны отнимают у меня довольно времени, как и изготовление к горному походу... Главные силы неприятельские около Генуи; субсистенцию они получили водою из Романии. Ныне ж почти того лишены и должны ее иметь из одной Франции. От Поненты к Леванте, а паче от

берегов Франции Ваше Превосходительство покорнейше прошу принять попечительные, благоразумные, свойственные Вам меры к пресечению ее, дабы оголодить сию распутно-зловредную армию»⁴²⁸. К сенаторам Флоренции и Лукки: «Почтенные сенаторы, благоволите приложить все меры, чтобы воспретить под строжайшей ответственностью всем провинциям Тосканы, республики Лукки и порту Ливорно доставку провианта и военных припасов нашему общему врагу до полного оставления им территории Генуи»⁴²⁹. Австрийскому генерал-майору И. Кленау: «...Для пресечения же торговли запрещенными товарами, которая облегчает доставку неприятелю съестных припасов, убедить правительство [Тоскании], чтобы все крепости, находящиеся на берегах тосканских владений, заняты были аретинским народным ополчением и чтобы это ополчение, подкрепляемое своей конницей, а также казаками и гусарами, производило беспрестанные разъезды»⁴³⁰.

Не лучше ли одна кампания вместо десяти. Суворов стремился «решать» войну (сражение, бой) наступлением, сильным ударом, чтобы окончить ее как можно быстрее. Все его кампании (как и кампании Наполеона) были быстры, энергичны, победоносны, никогда не превращались в стратегию «измора». Так формировался относительно гуманный и достаточно предсказуемый (менее рискованный по своим последствиям) тип войны. «Ложное человеколюбие» — поступать нерешительно, совершать бесплодные маневры, придерживаться оборонительных действий, которые Суворов назвал «каторгой». В борьбе с польскими конфедератами в 1768–1772 гг. кровь лилась небольшими ручейками, но этих ручейков за пять лет образовалось слишком много. Суворов стал уже опасаться за ситуацию, приводить «римские» примеры, побуждать к одномоментному разбитию «бунтовников»: «Все сие не стоило бы ничего, ежели бы из году в год не предусматриваны были явщие неудобности окончания. Всякое продолжение войны, особливо победы, просвещают побежденных. (Консулы старались окончить войну в их год, а было худо, то древние римляне оружия не слагали.) По падении бунтовников не может ли войско оставаться для робушей? Закон усмирителя мятежей с силою соединенной не заставит ли и кур возить на Дунай... Но не легче ли полагать законом, что надлежит начинать солидным, а кончить блистательным и так еще гораздо лучше сплотиться с бунтовниками, вдруг, во всех местах и почти в одни сутки»⁴³¹.

В Польше 1794 г. ситуация была несколько иной. В результате быстрой сорокадвухдневной кампании война была надежно и в интересах России окончена. Результат был поистине блистательный. Правда, пролилась кровь, но при этом устранилось, по словам А.Ф. Петрушевского, «хроническое кровопролитие затягивающейся

войны». После штурма Праги с мятежом было быстро покончено; столица и оставшиеся войска капитулировали (сдались). 10 ноября 1794 г. Суворов пишет Рибасу: «Кампания кончена, Польша обезоружена, инсургентов нет. Их оставалось более 20 000 и около 80 пушек. Частью они рассеялись, но превосходно положили ружье и сдались с их генералами без кровопролития». В журнале военных действий об этой «щасливой кампании» самим же Суворовым отмечено: «Огромное ополчение польских войск и всего народа возмущившегося силы низложены до конца. Сия дерзновенная рать, противоборствовавшая чрез целое лето с шумом важности, ныне победоносными Ее Императорского Величества войсками, мне вверенными, разрушена, обезоружена, обращена в ничто. Блистательное взятие Праги и истребление тут при штурме и на баталии знатнейших мятежников армии потрясло до основания все их силы. Покорение Варшавы привело их в несостояние противиться победителям. Неутомимая погоня вслед за ними отправленных войск довершила последнее их уничтожение»⁴³². Кровопролитие не было бессмысленным. По свидетельству Е.Б. Фукса, близко знавшего Суворова, тот говорил: «Миролюбивые фельдмаршалы при начале польской кампании провели все время в заготовлении магазинов. Их план был сражаться три года с возмущившимся народом. Какое кровопролитие! И кто мог поручиться за будущее! Я пришел и победил. Одним ударом приобрел я мир и положил конец кровопролитию»⁴³³. Суворов, отмечает А.К. Баиов, «не заражен вредным и неуместным сентиментализмом, так как понимает что жертвы — неизбежное следствие войны. Самая высокая осмысленная гуманность и заключается в решительности всепотрясающих ударов, ведущих к скорейшему окончанию войны»⁴³⁴.

Уже после первых победоносных боев в Италии Суворов вполне обоснованно предположил закончить войну с Францией одной-двумя кампаниями, но при условии приверженности великой цели («Францию во Франции исправить»), быстроты действий и объединения всех сил союзников. В письме эрцгерцогу Карлу от 24 мая 1799 г. он замечает: «Я горячо желаю самого быстрого и тесного соединения с армией Вашего Королевского Высочества, к чему с моей стороны, конечно, будут предприняты все шаги. Объединенными силами мы наверняка побьем врага, стоящего перед нами, а с помощью Вашего победоносного оружия очистим от неприятеля всю Швейцарию. Освободить эту храбрую нацию от гнета французов можно быстрым продвижением вперед Ваших войск. Тогда эта нация будет рука об руку с нами драться на общее благо. Затем, как и в 1796 году, вся Германия будет занята Вашим Высочеством и этим завершится овеянная славой европейская кампания»⁴³⁵. Все, однако, закончилось не Парижем, а кознями венского

двора и полупредательством эрцгерцога Карла, бросившего русские войска в Швейцарии на произвол судьбы и «ввергнувшего Европу и себя в опасность»: «Из его меланхолического гнезда выгнал он (Тугут. — А.С.) меня из Италии, где сердца мои были до Лиона и к Парижу. Он их остудил хищничеством Пьемонта, где у меня была бы хранительная армия в спине для моих спокойных винтер-квартир, ежели не лучше, во Франции... Но уже здесь я его вижу злодеем. Эрцгерцог из Швейцарии ушел, жертвуя Корсаковым в угодность злодеям, жертва мною и великодушным Великим Союзником, жертва всеми частями общего блага... Неистовствы сии легко поправить можно, спросясь с Богом и совестью! На вышеуказанном основании верно будет войти во Францию чрез Дофине — эрцгерцог Карл с швейцарцами и баварцами, освобождая Швейцарию от ига безбожных сумасбродов, войдет во Францию чрез Франш-Конте. *Можно одною кампанией отвечать...* Иначе мне быть здесь главным командиром обоих Императорских Союзных войск, как был в Италии. Но Итальянская настоящая армия, по мере тлетворных тугутовых замыслов, остается мертвый капитал, как я сам здесь ныне, и целый эрцгерцог Карл... для новых компоформидо и рехенбахов». Суворов пророчит, что при такой близорукой тугутовой политике и стремлении к собственной выгоде (приобретению новых земель) все окончится французским господством: «Чрез краткое летоисчисление поглотит то с ним и Веною новый Рим»⁴³⁶.

Размышляя о скоротечности войны, Суворов еще в 1793 году приходит к выводу: требуется все рассчитывать; одна кампания, конечно же, лучше десяти; стремиться, однако, следует к окончанию войны в одну-две, максимум две-три кампании, но готовиться (на всякий случай — резерв) можно, а иногда и нужно, к пяти-шести! В набросках к плану войны против Турции отмечается: «Хотя здесь исходят из расчета 2—3 кампаний, но Тамерлан в своих походах делал приготовления к 5—6 кампаниям. *Только провидение может дать точный расчет* (нужно это или, скорее, нет)»⁴³⁷. В уже более подробном плане войны против Турции выбор делается в пользу двух (при неисклучении и третьей) кампаний: «Если позволит время года и все препятствия будут преодолены, *нужно покончить с самим Константинополем во время этой второй кампании, стараясь ничего не откладывать на третью*. Отсрочка породит трудности, но будучи вынужденными в силу обстоятельств отложить решающий удар до третьей кампании, войска расположатся на зимние квартиры вдоль западного побережья Балкан между берегом Черного моря и Адрианоуполем как можно более сосредоточенно; наши флоты завладеют Бургасом и Сизополисом и зазимуют там»⁴³⁸.

При всем этом следует подчиняться *закону обеспечения успеха*: военные действия лучше отложить на вторую кампанию, если не хватает времени для реализации плана и/или если плоды побед (уже свершившиеся завоевания) еще не упрочены, не приведены в порядок и тем самым «подвергаются явной опасности». В Италии и Швейцарии Суворов очень близко соприкоснулся с этой объективной данностью. Он понимает, что бессмысленно идти на Лион или в Швейцарию, не довершив завоевание Италии — риск неминуем! Старается ускоренно действовать, а заодно и втолковать данный закон политикам, далеким от «военных познаний». Английскому представителю при союзных войсках В.Викгаму: «...Почел безусловно необходимым отложить выполнение полученного мною приказа отправиться с моей армией в Швейцарию еще на два месяца и в первую очередь овладеть крепостями Тортона и Кунео — единственное мероприятие, могущее *обеспечить успех*, сопутствующий нам до сих пор в Италии». Австрийскому императору: «Я никогда не считал возможным в эту кампанию проникнуть в Савою и Францию, я только имел в виду *упрочить свои завоевания* и доставить армии спокойные квартиры на зиму в западных горах и в пределах Пьемонта... Впрочем, весьма неудобно ослаблять армию несколькими тысячами войска в настоящих обстоятельствах, когда нам предстоит *еще упрочить за собою плоды вчерашней победы*, т.е. овладеть Ривьерою Генуэзскою и прикрыть границы Пьемонта покорением Ниццы, Кони и Фенестреллы. Для подобного мероприятия потребны немалые силы, по обширности берега морского и по свойству горной страны... Думаю, что безошибочно могу почитать это (прочное занятие западных пределов Пьемонта. — А.С.) важнейшею целью; даже и на новое свое назначение смотрю я не иначе, как на средство к достижению той же цели, только другим путем, что едва ли удастся, если успехи, уже приобретенные здесь, не будут упрочены. Я имею глубокое убеждение, что с потерей Италии нет возможности завоевать Швейцарию, а потому из этой страны можно тогда только отделить часть сил в пользу Швейцарии, когда они сделаются для Италии ненужными, или по крайней мере, когда удаление их не будет уже представлять никаких опасений»⁴³⁹.

Мы умеем себя беречь! Эти слова из «Науки побеждать» удивительно точно передают беспрецедентную системную заботу Суворова, которому «солдат себя дороже», о «храбрых воинах», «верных героях» и «чудо-богатырях». Евангелие, человеколюбие, долг военачальника, конечно же и обычная в то время высокая смертность в войсках, — все это побуждало его обратить особое внимание на сохранение людей, без которых нет победы и славы: «Преданность моя к Вашему Императорскому

Величеству, честь и слава победоносного оружия Вашего есть для меня *священнейшие обязанности*, и никогда не похощу я, чтобы для гибельных каких-либо прихотей или злых видов принести сие знаменитое оружие на жертву...»⁴⁴⁰ Суворов «лил кровь ручьями», но во имя интересов Отечества (не напрасно) и при этом «любил своего ближнего» и никого «не сделал несчастным». Его системная забота о воинах была прежде всего направлена на: 1) достижение побед «малой кровью» и 2) попечение о здоровье солдат.

1. Люди — самое ценное, что может быть в руках полководца. Они защищают Отечество; в их сердцах и их руками куется победа. Армия — живой организм. Она создается веками, ценится на вес золота и — при серьезном к ней отношении — постоянно совершенствуется. Подготовленную для боя и побед живую силу — источник духа и творчества (искусства) необходимо беречь, не тратьте ее легкомысленно, не рисковать ею бессмысленно, не посылать ее на гибельные мероприятия. При решении любой боевой задачи главнейший критерий — количество и качество пролитой крови. После «кровопролитного боя» при Нови (урон с российской стороны: убитых 300, раненых около 1000; у противника убитыми до 5000 и пленено до 4000) Суворов сообщает императору Францу: «Я сам, как верный слуга, конечно же, желаю приобрести Ривьеру Генуэзскую с крайним, по возможности, сбережением людей. Важнейшею выгодою вчерашней победы считаю именно то, что она облегчит трудности предстоящего нам предприятия и *сохранит много крови*. Равно и все одержанные мною доселе победы и завоевание столь обширной страны тем в особенности меня радуют, что *не стоили армии значительных потерь*»⁴⁴¹.

Девизы Суворова: «Глазомер, Быстрота и Натиск»; «Победа, Честь и Слава»; «Добро делать спешить должно» и многие другие. Но среди них нет убойного постулата «Победа или Смерть!», так любимого впоследствии многими военачальниками времен плац-парадов, революций и коммунистических экспериментов. В сражении при Констанце войска принца Конде, будучи окруженными, дрались 7 часов, затем они сумели прорваться, потеряв в общей сложности 250 человек убитыми, ранеными и пленными. Подобное поведение войск Суворов в целом приветствует, но с одним существенным замечанием: «Позволю себе только сказать Вашему Высочеству, что я *слишком ценю храбрых воинов* под командованием Вашим, чтобы *рисковать ими нецелесообразно*; всегда лучше покинуть атакованный превосходными силами пост, чем *терять войска, кои не так легко заменить*». Несмотря на отвращение к отходу,

отступлению, он так и считает: «Ни одного поста не должно считать крепостью, нет стыда уступить пост превосходному в числе неприятелю; напротив того, *в том и состоит военное искусство, чтобы вовремя отступить без потери*; упорное же сопротивление для удержания иного поста стоило бы сильной потери, между тем как впоследствии пришлось бы все-таки уступить пост превосходному неприятелю... Уступленный пост можно снова занять, а *потеря людей невозвратима, нередко один человек дороже самого поста*»⁴⁴².

Суворов почти обо всех своих боях и сражениях говорит и пишет как о «кровавых», подразумевая что кровь в них льется в основном со стороны противника, и «мы готовы *удвоить* пролитие басурманской крови», а «у нас» потери чаще всего малые, «урон мал» или «очень мал». Победа при деревне Наволице 8 апреля 1770 г.: «Сражение продолжалось только часа два-три. Их погибло наполовину. Сие кровавое сражение стоило мне с ранеными человек меньше десяти». Образцовая победа 12 сентября 1771 г. при Столовичах над почти пятитысячным войском гетмана Огинского: «Помощию Бога войски Ее Императорского Величества командой моей разбили гетмана Огинского впятеро сильнее нас... Мы атаковали с 500-ми, ста-два были в резерве... *Наш урон очень мал* (8 убиты и 78 ранены. — А.С.)... Сражение продолжалось от трех до четырех часов, и *вся Литва успокоилась...*» «Великое поражение» турок при Гирсове 3 сентября 1773 г. «стоило нам»: убитыми — 10 человек, ранеными — 200; турок же побито более 2000. У реки Путны 20 июля 1789 г. Суворов пришел на помощь австрийским войскам. Трехтысячный отряд турок потерял триста человек. «Мы потеряли против того сотую долю». При Фокшанах, 21 июля 1789 г.: турецкое войско, численностью 30 тысяч, разбито, «наш урон мал» («незначительный урон»). При реке Рымнике, 11 сентября 1789 г.: у четверо сильнейшего противника побито до 10 тысяч, у нас убито 45 человек, при 133 раненых⁴⁴³.

Сражение под Кинбурном 1 октября 1787 г. — «адская баталия», «купались в крови», «победа совершенная»: погибло все пятитысячное «неприятельское корабельное войско»; наш урон, правда, уже не мал, но «*посредственен*»: «У нас урон по пропорции мал, *лишь для нас велик*» — 137 убитых, 290 раненых, из них 40 тяжело... Суворов переживает за значительные потери, хотя большая часть из них «обоснована» исключительно важным значением данной победы, но меньшая часть произошла все же от недостаточной выучки и от необстрелянности войск. Г.А. Потемкин так и пишет, что успеху войска обязаны «единственно великому духу» своего предводителя: «...Из полто-

ры тысячи один только человек порядочным образом удовлетворил своей должности»⁴⁴⁴. Но... победителя не судят, и все — «герои». Во время осады Очакова 27 июля 1788 г. Суворов «в своей манере» — используя удачный момент — попытался провести импровизированную атаку, рассчитывая взять крепость с ходу неподготовленным штурмом (даже без артиллерии). В результате — неудачный бой, отступление, ранение, задевавший самолюбие выговор от Светлейшего за небережение людей (погибли 150 человек): «Весьма кровопролитное сражение... Ни за что потеряно бесценных людей столько, что их бы довольно было и для всего Очакова»⁴⁴⁵.

Знаменитая «победа над Измаилом» 11 декабря 1790 г., существенно приблизившая окончание второй русско-турецкой войны, стоила русским войскам (нижним чинам) 1815 человек убитыми и 2445 ранеными. Почти все офицеры были ранены, немало погибло. Противник потерял 35 тысяч (из них 9000 пленными) и один человек спасся: «Сие исполнить свойственно лишь храброму и непобедимому российскому воину». Г.А. Потемкину: «Виват, князь Григорий Александрович, на 7000 лет!»⁴⁴⁶. Блистательный штурм Праги 24 октября 1794 г.: из 26 тысяч регулярного войска противника, находящегося в пражских укреплениях, в плену оказались «с лишком 10 000» и спаслись только «до 2000 кавалерии»; «наш урон в убитых ниже 300, раненых до 500». «Потеряли мы здесь вчетверо меньше, нежели под Измаилом», — счел нужным подчеркнуть Суворов, имея «в уме» и общее правило: «Самый кровопролитный штурм стоит меньше, чем осада»⁴⁴⁷.

В итальянских «кровавых баталиях» с обеих сторон гибло много людей, но французы, по довольно точным расчетам Суворова, теряли намного больше, чем австро-русские войска: «Благодарение Всевышнему! При непрестанном столь великих сражениях, при взятии толико важных крепостей, число нашей соединенной потери не может поставлено быть в сравнение с многочисленным неприятельским уроном, что списки наши доказывают». Он указывает на наглую ложь европейской печати, преувеличивающей потери союзников в Итальянскую кампанию: «...Мы в минувшую кампанию приобрели около 3 т. огнестрельных орудий, не потеряв ни одного; 200 т. ружей, 80 т. пленных, и что у нас не было исторгнуто ни одно слабейшее даже укрепление. Потеря наша в сию достопамятную кампанию составляет 8 т. убитыми и ранеными»⁴⁴⁸. К этому следует добавить, что три недели Швейцарского похода (9 сентября — 1 октября 1799 г.) — этой беспримерной и непрерывной борьбы с превосходящим противником и самой природой в гор-

ных условиях закончились не только посрамлением неприятеля, гордого своими победами над войсками Корсакова и Готце, но и славной гибелью 100 офицеров и около 3700 нижних чинов суворовской армии (одна шестая часть ее), что, конечно же, не могло не омрачить чело и непоколебимый дух Великого Полководца⁴⁴⁹.

Имея в виду изложенные принципы и факты, отметим самое важное в жизненной позиции Суворова-полководца: «Мне полно, но кровь *лить не для славолубия*, что мне незнакомо, а для пользы Великого Монарха. Воля Божия определения и его... Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании *здоровья* [солдат], *истинного искусства* (чем больше уменья, тем меньше крови. — А.С.), *благонаравия*...»⁴⁵⁰

2. Здоровье солдата и офицера — истинный капитал нации, главная ценность хорошей армии. Священная обязанность воина — побеждать, «долго жить и постоянно быть здоровым для блага Отечества (иногда и «человечества», но, в любом случае, не для себя лично. — А.С.)». Воинские труды, сопряженные с опасностью, тягостями и лишениями, требуют «железного» здоровья и духовной крепости. «Солдат дорог, береги *здоровье!* — настоятельно требует Суворов в «Науке побеждать». — *Кто не бережет людей — офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору — палочки, да и самому себе палочки, кто себя не бережет*»⁴⁵¹.

В представлении Суворова высокая смертность от болезней (в некоторых войсках в то время она доходила до четверти штатного состава и даже больше того!) для победоносной и славной русской армии — позор и абсолютное зло. Не раз сталкиваясь с этим явлением, Суворов так и не научился относиться к нему хладнокровно. 25 августа 1783 г. он рапортует Г.А. Потемкину о смертности солдат в Кубанском корпусе: «...Здесь при Копыле нездорово... Воронежский полк вымирает, полковник оногo, г. Рахманов, от полученных в турецкой войне честных ран часто болезнен, прочие штаб- и обер-офицеры более прилежат к наружностям, чего ради этот полк не субординирован, смертельность в нем я останавливаю наивозможнейшим образом... Гордость, пекущаяся об одном самолюбии, на общественные призрения низойти не может, человеколюбия не знает и рождает о нем нерадение. Не таков есть г. Перхуров, но следовал общему примеру, как все здесь правление на той ноге стояло, обленение в нем обитало, праздность и недвижимость... Для меня нет гнуснее сего порока, и я лучше сам смерть приму, нежели видеть страждущее человечество...»⁴⁵²

Из «человечности» и, «оскорбляясь душевным сожалением», Суворов борется с пороком этим бескомпромиссно, даже «педантически» (при всей его нелюбви к педантству как к врагу «истинного искусства»). Будучи в Астрахани или Финляндии, Варшаве или Тульчине, везде это его первейшая забота: «Здесьние увеселения мои — экзерциции да *попечение о здоровье*, я изгнал смерть из Денисовских лазаретов, благодаря чему за восемь недель умерло всего сто четыре человека, что не составляет и половины обычного... У Осипа Михайловича ныне еще все умирают, 4-я доля против прежнего, а должно быть меньше 8-й. Уповаю на Бога, что будет скоро и ниже, как то в некоторых полках у меня есть... Я в горести о умерших, увидите из приложений, какое в здешних полках происходило. Все возможности приняты о пресечении того... Вследствие моего *педантизма* здоровье здешних войск хорошо, и они в порядке... *Мне солдат дороже себя*, лучше его я имею способы к самоблюдению. Пролитое полно не бывает, возьмите только меры к предохранению от зла»⁴⁵³. О «здоровье солдатства» Суворов действительно заботился гораздо в большей степени, чем о собственном своем. Вся жизнь его целиком отдается Отечеству, общему благу — о себе не помышляет, из собственных интересов и корысти не служит. Швейцарский поход он уже проводит в болезненном состоянии, здоровье неизменно ухудшается. Едва выкарабкавшись (ненадолго) почти с того света, российский генералиссимус — гордость страны и Европы — через управляющего своими имениями в марте 1800 г. попросил, наконец, и для себя на остаток дней штаб-лекаря: «Я буду жить в деревне, и, где бы то ни было, надлежит мне Высочайшая милость, чтоб для соблюдения моей жизни и крепости присвоены мне были навсегда штаб-лекарь хороший с его помощником, к ним фельдшер и аптечка. И ныне бы я не умирал, если б прежде и всегда из них кто при мне находился, но *все были при их должностях*»⁴⁵⁴.

Суворов не только создал уникальную военно-гигиеническую систему. Он владел особым человеколюбивым искусством (знанием) «блюдения здоровья солдат». Его попечение об их здоровье осуществлялось по следующим основаниям. Прежде всего, через непрестанные успехи, «чудо-богатырскую» идеологию и психологию поддерживался высокий дух войск — основа не только физического здоровья, но и предпосылка для свершения «невозможного». Как всегда лаконично и красиво Суворов выразил и суть этой установки: «...*Для здоровья (главное) содержание, направление мужества к победам*»⁴⁵⁵. Затем, особое внимание уделялось тому, чтобы обучение войск,

их полевые марши и ученья, строительные работы и прочие «упражнения» не были бы изнурительными («неизнурительное выэкзерцирование»), служили укреплению здоровья солдат, а не подрывали его. При обучении, вновь и вновь подчеркивает Суворов, следует «ребят беречь», особенно «от палок и чудес», «исподволь их к службе приучать», «по прихотям своим не изнурять», «своевременно предоставлять им отдых, неусыпно заботиться «о хорошем содержании солдат», дабы вследствие этого они всегда были «здоровы и готовы к новым подвигам» на благо Отечества: «Войски, стоящие здесь, сколько можно берегаются, и дальнейшего изнурения и излишнего бдения, как и больных, кроме прежних, ныне нет... Подкомандующих всякому командиру содержать в дисциплине, однако, чтоб положенным всем, так и лошади фуражом, довольствованы были, *без крайней нужды не изнурять и не отягощать*... Строго остерегаться вредного изнурения, но тем паче к трудолюбию приучать, убегая крайне праздностей... У меня в полку было правило от 8 до 20 больных и когда к последним сблизается, то — свидетельство. Умирало редко в год до полудюжины... По уральской степи вперед и зад ни мертвых, ни больных. От Копыла с корпусом быстрым маршем на Кубань и Лабу, умер один. Хоть сим Вам мое человеколюбие! *Обучение нужно, лишь бы с толком и кратко; солдаты его любят*»⁴⁵⁶. Наконец, самым важным считалось соблюдение профилактических мер, предупреждающих зло, сохранение здоровых, в том числе и от «смертного духа» лазаретов и госпиталей, которые в то время были в ужасно плохом состоянии: «Госпитали [в Финляндии] давно в злоупотреблении, я их не терпел. Полковые и ротные командиры, не радеющие о здоровье солдат, часто в них отправляют издалека и еще с незнатными припадками, и часто чрез тот транспорт они вступают полумертвыми в смертоносный воздух от умирающих... *Строгим блюдением солдатского здоровья, эгоизм мне неприятен!* Посредством кислой капусты, табаку и хрена нет скорбута, а паче при чистоте... Не имел я в госпиталях нужды... Под словом отменения разумею я опорожнение [госпиталей] *оздоровлением человеколюбивым*. У меня из больных в слабые. Из сих в хворые, а из сих в прохладные, оттуда уже в роты... Я прослужил долго унтер-офицером; в бытность свою полковником, за пару лет ни единого человека не потерял. *Я знаю свою нацию и способы действенные*. Лентяев на смех гнать из госпиталя палкой. С офицеров взыскать по уставу, унтер-офицеров наказывать... Полковым лекарям и подлекарям *наблюдать прежде здоровье над здоровыми*, то есть качество воды и пищи, трезвость и непожирание сырых ово-

шей; достаточное, но не облененное отдохновение, к чему служит, чтоб в жаркое время голова всегда была накрыта, и как кто из солдатства спит в палатке, чтоб она была накрыта плащом... Лекарям и фельдшерам быть в их должностях исправнейшими и обученными»⁴⁵⁷.

Суворов требовал «соблюдать здоровье солдатское» «чрез исправное в том самоличное попечение господ полковых, батальонных, прочих частных и бригадных командиров», а также посредством «соблюдения благополезных (естественных) правил»: делить здоровых и больных, слабых, хворых и льготных; сквозняка и сырости в местах расположения (казармах) не допускать, поддерживать в них «крайнюю чистоту»; «для чистоты ж — баня, купанье, умыванье, ногти стричь, волосы чесать»; нужники по утрам и вечерам ежедневно засыпать; нездоровую воду, незрелые фрукты, остылую пищу не употреблять; в осеннее сырое и холодное зимнее время работы на воздухе не производить; котлы лудить; «ленивого лежачку гнать»; «предосторожности по климату: капуста, хрен, табак, летние травы; ягоды ж в свое время, спелые, в умеренности, кому здоровы» и т.д.⁴⁵⁸.

Суворовская философия «сбережения людей» не ограничивалась стремлением к «малому урону» в боях и соблюдением здоровья. «Уметь себя беречь» следовало и от многих других напастей, как то: «проклятой обороны» и «мерзкого отступления», «немогузнайства», «праздности и роскоши», «леноумия и недоумия», «педантизма и методизма», нравственного и духовного разложения, и, что самое важное, от порабощения со стороны ложных, глупых и особенно — «злоглупых» — военных систем.

«Естественность ищите в Отечестве»

«Злоглупая» и «тираническая» военная система. Именно эта губительная для Отечества и военного дела система стала господствовать в России с конца XVIII века, то есть еще при жизни Суворова. Павел I, «павловичи» (Александр I и Николай I), другие российские правители, поистине «ни военного, ни мирного искусства не ведая», возомнили себя «Марсами» и тиранически стали насаждать в русской армии прусскую военную систему, вахтпарадный режим в самом его уродливом виде. Политико-военное невежество австрийского гофкригсрата, с которым Суворов столкнулся в 1799 г., оказалось ничтожным в сравнении со злой дуростью «великих» российских монархов, их фаворитов и приверженцев, беспредельно бюрократизировавших военное дело и придавших его развитию ложное (фальшивое) направление. Как в страшном сне воплотилось в жизнь, да еще и в родном Оте-

стве, одно из пророчеств Суворова: «Ежели Тугут будет Марсом, то избавь, Господи... Ничуть не выступать... *Будет постыдность, вред и бесчестие...* Барон Тугут, как не марсов сын, может ли постигнуть, что по его намерению армии будут мертвый капитал и только подвержены опасностям...»⁴⁵⁹

От античеловеческих и искусственных гатчинских порядков, которые глухо (и к тому же не на один век) заблокировали естественное военное развитие России, берет начало *антисистема*: сознательно отрицающая принципы и правила победительного суворовского военного искусства (все наоборот и со знаком минус) и/или удерживающая их в состоянии «мертвого капитала»; возводящая в культ «нерусские преобразования» по худшим, как говорил Суворов, «вшивым» иностранным образцам, проектам «временщиков», «книжников, фарисеев и лицемеров», для которых «Россия — хоть не расти трава»; неизменно поддерживающая состояние «военной расстройки» и ведущая к бесконечным и, как правило, разрушительным военным реформам; принципиально выдвигающая на первые роли в военной иерархии не талантливых и способных, а угодливых, исполнительных и невежественных; превратившая в опасную норму затыжные и оборонительные (и в этом смысле чрезвычайно разорительные) войны, которые все чаще велись по стратегии «измора». Своей глупостью, мнимостью (квазисущностью) и слабостью она не раз провоцировала нападения — невысказанные в суворовскую эпоху — на Россию, породила Аустерлицкий и Севастопольский погромы, истощала и продолжает истощать материальные, духовные и людские ресурсы, «плодоносила» военными неудачами и государственными катастрофами, все более превращалась в вампира, потребляющего постоянно увеличивающиеся объемы драгоценной русской крови. Со временем именно эта чудовищно-уродливая антисуворовская система стала представлять собой подлинную военную опасность для России. (Заметим в связи с этим, что угрозы миру рождаются из различных источников, причем как внешних, так и внутренних. Порой военная опасность исходит и от собственного правительства. Об этом прекрасно сказано в речи Мольтке старшего на заседании рейхстага 14 мая 1890 г.: «Господа, именно правительство, недостаточно сильное, чтобы бороться с народными страстями и партийными домогательствами — такое *слабое правительство представляет постоянную военную опасность*. Только сильное правительство может проводить здоровые реформы. Только сильное правительство может являться порукой мира»⁴⁶⁰).

Вопреки естественному закону («искусство не может терпеть порабощения»)⁴⁶¹, жестокими гонениями на екатерининскую армию Павел I постарался уничтожить всю (и плохую, и хорошую)

приекатерининскую военную самодеятельность, выгоняя, или вынуждая, уходить из армии (вместе с духом предприимчивости) и все ее лучшие элементы. За годы правления этого императора уволено со службы, помимо собственного желания, 7 фельдмаршалов, 333 генерала, 2221 офицер. Естественно, что среди первых из них оказался Суворов, на долгие два года высланный в село Кончанское под надзор полиции, где первый генерал России пел на клиросе, звонил в колокола и мечтал об окончании жизни в монастыре. Уничтожены были лучшие в то время егерские войска (правда, при этом развитию артиллерии дана «зеленая улица»). Мелочной регламентацией военной жизни, педантизмом и губительным бюрократизмом «чудо-император» постарался превратить живой одухотворенный организм русской армии в бездушную машину, а ее подлинных чудо-богатырей — в автоматы, красиво одетые манекены и «оловянных солдатиков», стройно марширующих на поле боя под высочайшим руководством... навстречу поражению. Заслуженной и необходимой власти, а вместе с ней и доверия, лишились главнокомандующие (и вообще командиры), все поставленные под жесткий контроль как со стороны самого императора, так и его «опричников» — инспекторов, и назначенные к тому же «шефами». Фельдмаршал Суворов стал шефом Суздальского пехотного полка, но в силу этот приказ из-за наступившей отставки так и не вступил. Жестокое обращение с солдатами (при всей к ним «любви» со стороны Павла, его сыновей) и офицерами стало нормой. До этого оно процветало только в «гатчинской гвардии» Цесаревича, в связи с чем Екатерине II пришлось сделать выговор графу Н.И. Салтыкову, что молодых людей — ее внуков Александра и Константина — «приучать играть корпоральством отнюдь не годится... Не прилично, чтоб отправляли капральскую должность и в забаву ставили бить и мучить людей»⁴⁶². Удобная и в военном отношении целесообразная форма одежды русских войск, введенная Г.А. Потемкиным, была заменена на тесные и «вшивые» прусские образцы: кафтаны и лосины, «букли и пудру». Место суворовской «Науки побеждать» нагло заняли «танцевальная наука», «фронтные» упражнения («экзерцирмейстерство»), бессмысленная и оупляющая шагистика и как их олицетворение — плац-парад («вахтпарад»), ставший наиболее ярким выражением и вечным символом антисистемы: «Над всем господствовал этот несчастный идол, этот вредный плац-парад — неуклюжая и грубая подделка под военное дело, вредная и ядовитая фальсификация военного ремесла. Над всем главенствовал экзерциргауз, далекий от бранных полей и искусства побеждать»⁴⁶³. Лучшая петровско-екатерининская армия с ее суворовским духом и искусством побеждать была принесена в жертву даже не молоху войны, но фор-

ме (формализму и бюрократизму), «новому порядку», при котором почему-то уже не наблюдалось настоящего развития армии и флота, но явно просматривалось их периодическое разложение, превращение в «кажущуюся», «мнимую» военную силу.

В первой половине XIX века, при Александре I и Николае I, армия уже не рассматривается как «боевой организм». Ведь бой «подрывал» иерархию, возбуждал творчество, предприимчивость, гражданское самосознание, что с точки зрения военных идеологов «нового» типа было просто недопустимо. Поэтому армия однозначно ориентировалась на механическую дисциплинированность, бездумную исполнительность, зрелищность и парад, а не на сражение. Аракчеев, приближенный и к Павлу I, и к Александру I, как-то заметил Ермолову в Париже в 1814 г.: «А в наше время мы были убеждены, что чем ближе мы своим уставом подойдем к прусскому, чем ровнее шаг и чем правильнее плутоножная пальба, тем и надежды больше на победу»⁴⁶⁴. Несмотря на постоянное российское участие во многих войнах этого времени, был выдвинут чудовищный по своему смыслу лозунг: «*Война портит войско*». В частности, так и полагали, что особенно Отечественная война 1812 г. и последующие за ней заграничные походы «распустили» (в строевом и фронтовом отношениях) войска. Вместо суворовских «больших ударов» и «скорох побед» стала практиковаться многократно заклеянная Суворовым *демонстрация* военной мощи маневрами и смотрами, дополненная ежегодными «блистательными» отчетами о готовности к войне. На все это «торжество имперского ничтожества», как метко заметил впоследствии Ю.М. Лотман, противники России вскоре просто перестали обращать внимание. При этом «*плац-парадная тиранья*» достигла апофеоза, проявляясь в самых бесчеловечных формах. Весь смысл службы, как будто специально, выбивался оупляющей и изнуряющей муштрой, жестокой дисциплиной, доходящей до изощренных издевательств по принципу «трех забей, одного выучи». Все держалось на страхе и наказаниях. «Муштровка войск, — отмечает Н. Дубровин, — доводилась до поэтического восторга». По 6–7 часов ежедневно солдат обучали церемониальному маршу, остальное время отводилось отработке ружейных и иных приемов. «В ружейных приемах, равнении и маршировке видели не средство сплотить часть и подготовить ее к боевым действиям, а цель всех трудов, всю суть военного искусства», — пишет А.М. Зайончковский в своем замечательном труде «Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой». Он же отмечает далее, что обучение и «мучение» было доведено до такого изощрения, что в образцовом полку — «рассаднике для армии всех тонкостей фронтовой службы» (были при Николае I и такие) в одно

время из-за непосильно тяжелых занятий среди рекрут насчитывалось 500 больных, 40 человек в течение лета сбежали, а 10 повесились или застрелились⁴⁶⁵.

Все было сделано для того, чтобы сузить до последней степени умственный и служебный кругозор офицеров и солдат, лишить их морального духа, нравственного облика и оставшихся сил, окончательно убить в них охоту к военному делу. Заурядные командиры, низведенные до уровня фельдфебелей и вахмистров, после такой мертвой рутины не способны были обучиться даже во время войны. Многие из них, во главе с Аракчеевым, вызвали ненависть в войсках. Жестокость приводила к бунтам и мятежам (восстание Семеновского гвардейского полка 16 октября 1820 г.). Грубое обращение с офицерами и жестокое обращение с нижними чинами стали в конце концов системой, при которой военная служба, по словам графа Витгенштейна, почиталась «ужаснейшим несчастьем».

Вот что считали и писали в связи с этим другие известные лица того времени. Командир 6-го корпуса генерал *Сабансеев*: «В течение службы моей я видел таких командиров, которые дрались потому только, что их самих драли... В полку от ефрейтора до командира все бьют и убивают людей, и как сказал некто: в русской службе убийца тот, кто сразу умертвит, но кто в два-три года забил человека, тот не в ответе... Какое мученье несчастному солдату, и все для того только, чтобы изготовить его к смотру! Вот где тиранство! Вот в чем достоинство Шварца, Клейнмихеля, Желтухина и им подобных... Чему учат? Учебному шагу!» *Цесаревич Константин Павлович*: «Да я теперь таких мыслей о гвардии, что ее столько учат и даже за десять дней приготавливают приказами, как проходить колоннами, что вели гвардии стать на руки ногами вверх, а головою вниз и маршировать, так промаршируют; и немудрено: как не научиться всему — есть у вас в числе главнокомандующих танцмейстеры, фехтмейстеры, пожалуй, и Франкони завелся». *Генерал Паскевич*, впоследствии фельдмаршал: «После 1815 года фельдмаршал Барклай де Толли, который знал войну, подчиняясь требованиям Аракчеева, стал требовать красоту фронта, доходящую до акробатства, преследовал старых солдат и офицеров, которые к сему способны не были, забыв что они еще недавно оказывали чудеса храбрости, спасли и возвеличили Россию... Армия не выиграла от того, что потеряв офицеров, осталась с одними экзерцирмейстерами... И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора? Но кто же знал и помышлял, что Фридрих делал? А Барклай де Толли был у всех тут на глазах. В год времени войну забыли, как будто ее и никогда не было, и военные качества заменились экзерцирмейстерскою ловкостью». *Д.В. Давыдов*: «Для лиц, не одаренных возвышенным взглядом, любовью к просвещению, ис-

тинным пониманием дела, военное ремесло заключается лишь в несколько педантическом, убивающую всякую умственную деятельность парадировании... Поэтому и ряды армии постепенно наполняются лишь грубыми невеждами, с радостью посвящающими всю свою жизнь на изучение мелочей военного устава... Я полагаю, что надлежит весьма остерегаться того, чтобы начертанием общих правил стеснять частных начальников, от большего или меньшего умственного развития коих должно вполне зависеть приложение к делу изложенных в уставе правил. *Налагать оковы на даровитые личности и тем затруднять им возможность выдвинуться из среды невежественной посредственности — это верх бессмыслия.* Таким образом можно достигнуть лишь следующего: бездарные невежды, отличающиеся самым узким пониманием дела, окончательно изгонят отовсюду способных людей, которые убитые бессмысленными требованиями, не будут иметь возможности развиваться для самостоятельного действия и безусловно подчиняться большинству. Грустно думать, что к этому стремится правительство, не понимающее истинных требований века, а какие заботы и огромные материальные средства посвящены им на *гибельное развитие системы*, которая, если продлится на деле, лишит Россию полезных и способных слуг. Не дай, Боже, убедиться на опыте, что не в одной механической формалистике заключается залог всякого успеха. *Это страшное зло не уступает, конечно, по своим последствиям татарскому игу!* Мне, уже состарившемуся в старых, но несравненно более светлых понятиях, не удастся видеть эпоху возрождения России. Горе ей, если к тому времени, когда деятельность умных и светлейших людей будет ей наиболее необходима, наше правительство будет окружено лишь толпою неспособных и упорных в своем невежестве людей! Усилия этих лиц не допускать до него справедливых требований века могут ввергнуть государство в ряд страшных зол»⁴⁶⁶.

В 1828 г. во время первой (неудачной) кампании против Турции вдруг обнаружилось, что мы умеем героически умирать, а «водить войска не умеем». Генерал-адъютант И.В. Васильчиков, прошедший через все российские войны против Наполеона, участвовавший в подавлении мятежа 14 декабря 1825 г., обратился к государю с предложением во время подготовки следующей кампании собрать «людей с дарованиями и опытностью», посоветоваться с ними, так как много очень вокруг людей «ничтожных», которым опасно доверять войска: «Ничего не может быть справедливее, как поставить генерала во главе войск, которыми он командовал в мирное время, если только его считают способным; но если этот генерал достиг высших чинов только благодаря старшинству и слишком частым производствам, если он без образова-

ния и способностей, если, наконец, он годен только обучать войска, но не водить их в бой, то руководство подобным началом может послужить источником многих бедствий. Очередные производства, не принимая в соображение способностей производимого, убивают истинные заслуги, внушают равнодушие и портят войско». ⁴⁶⁷ Однако, удачный переход через Балканы и «триумфальное движение к Константинополю» в 1829 г. укрепили мнение государя в том, что он и без того окружен «талантливыми» военачальниками (по Давыдову — «вождями, достойными времен Николая»), поэтому прислушиваться к Васильчикову, как и другим, «воображающим себя способными», нет никаких оснований.

Особенно печальным по своим последствиям было стремление Александра I и Аракчеева (а затем и Николая I) «облагодетельствовать» Россию потрясающей по своему невежеству и ужасной по последствиям военной реформой, в результате которой значительная часть боевой армии, закаленной в войнах с Наполеоном, была насильственно превращена в *военные поселения*. Первоисточником стали как всегда плохо усвоенные иностранные образцы (ландвер Шарнгорста и книга французского генерала Сервана «О пограничных силах государства»), а также желание увеличить резерв и уменьшить расходы на армию, в том числе и за счет ее «самопродовольствования». Численность военных поселян, которые вынуждены были, хуже чем в рабстве, одновременно заниматься сельским хозяйством и шагстикой, была доведена к 1825 году до значительных величин. Они составляли 138 пехотных батальонов, 240 кавалерийских эскадронов, 28 кавалерийских рот. Но вся система была уродливой и извращенной. В прусской ландвере призывали служить только на два месяца в году, а остальное время можно было заниматься свободным крестьянским трудом. У нас же служба длилась долгие 25 лет. Настоящая эта каторга закончилась военными бунтами (1831 г.) и последовавшей затем отменой этого бессмысленного «начинания», изуродовавшего судьбы сотен тысяч человек.

Тратя усилия на плохое, игнорировали свое, естественное, хорошее. В России уже до этого безумного эксперимента воплощено было в жизнь великолепное, соответствующее исторической традиции и очень жизнестойкое «содружество меча и орала», самобытное поселенное войско — казачество с его станицами, вклад которого в расширение и защиту границ России был огромен, а главное, государственной казне все это войско почти ничего не стоило. В русле данной естественной традиции действовал в свое время Потемкин, создавая поселенную милицию на юге России и обращая ее затем постепенно в регулярно-казачье войско. (В начале XX века в русской армии вновь появились «благодетели»,

которые вместо внедрения суворовских оснований добились проведения в ней занятий по картофелеводству, чтобы через армию внести сельскохозяйственную культуру в деревню. Была издана брошюра генерал-лейтенанта А.А. Цурикова «На радость батюшке Царю, на пользу матушке России. Напутственная памятка запасному», и «процесс пошел»! Как будто генералам и армии, только что проигравшей одну войну (Русско-японскую) и которой в ближайшем будущем предстояла гибель в Великой войне 1914—1918 гг., нечем было заниматься. Об этом и многим другом — прекрасная работа М.О. Меншикова «*Маниловщина в армии*», опубликованная в «Письмах к ближним» за 1910 г.)

«Идеальная», в смысле антисистемы, армия насчитывала к началу Крымской войны 1853—1856 гг. 1365 786 нижних чинов и 31 392 генералов и офицеров. «Доморощенными Марсами» она вполне серьезно считалась самой совершенной в мире и готовой к войне... которую тут же сокрушительно проиграла 200-тысячному англо-французскому десанту, даже самому противнику казавшемуся «грандиозной авантюрой», допустив его к высадке на российские берега (разве Суворов с тысячно меньшим войском позволил бы такое безобразие, такой немыслимый позор!). Героические защитники Севастополя — «идеальные войски наши», «эти *гладитаторы* храбростию» (барон Д.Е. Остен-Сакен) — как на свой спасительный «резерв» надеялись почему-то не на миллионную постоянную армию, а все ожидали подхода из глубины России народных сил (питались слухами и надеждами о идущих на помощь 70-тысячных ополчениях), пытались опереться на «подспудно хранящиеся» и почти раздавленные антисистемой боевые традиции Румянцева, Суворова и Кутузова. В такой подлой ситуации честные адмиралы затопленного Черноморского флота, организаторы обороны Севастополя П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.А. Истомин предпочли смерть позору. (Не берегли свою жизнь, все время находились на бастионах под пулями и снарядами, все трое погибли на Малаховом кургане.)

Милютинская «система вооруженного народа», как и сопутствующая ей «всеобщая воинская повинность», с 1874 г. утвердившаяся в уродливой форме в России по германским и французским образцам, принесли ей немало бед и несчастия. Из нее (системы) исчезло «старое» профессиональное отборное ядро, а вслед за этим окончательно произошло, говоря словами А.А. Керсновского, «угашение воинского духа» (при «расцвете» военной литературы и определенном развитии военной мысли). Административное начало окончательно стало преобладать над боевым. В конечном итоге получился непонятный гибрид: не то милиция, не то постоянная армия, «штатская» (без воинского духа, призвания и истинного воен-

ного искусства, но со множеством книжных теорий и либеральной мыслью) военная организация, своеобразное «полчище», более опасное — по своей слабости и способности к разложению — для Отечества, чем для вероятных противников. Даже на фоне «убийственного» николаевского военного развития, бюрократические и бездушные военные реформы Д.А. Милютин, окончательно упразднившие «солдатскую» («строевую») армию, такими наиболее авторитетными его современниками, как А.И. Барятинский, Р.А. Фадеев, М.Д. Скобелев, М.Г. Черняев, считались опасным злом. Уже не предчувствием, а мрачным предсказанием кажутся сейчас слова Черняева: «...Реформы Милютин сгубили армию... Война неудачная может повести далеко». М.О. Меншиков, уже в начале следующего века, указал на грозящую опасность при данной системе «иметь худшую армию» и еще раз отметил: «Милютинская либерально-чиновничья, книжно-канцелярская система развела Россию и угрожает погубить ее». Именно так считали почти все представители русской военной классики, неизменно протестовавшие против этого варианта военного развития⁴⁶⁸.

Именно в период наибольшего «расцвета» этой системы великая российская держава проиграла войну «маленькой и незначительной» Японии, «сдала» (во время войны!) почти тысячелетнюю власть кучке революционеров (мятежникам, для усмирения которых Суворову потребовалось бы мизерное войско). При этой системе и ее техническом великолепии, за один век бесславно погибла Российская империя, а еще бесславней распался Советский Союз. При ней, если посмотреть правде в глаза, армия и флот перестали оказывать серьезные услуги своему Отечеству, обеспечивать длительный мир, надежно защищать мирное население (народ). Постоянная армия (даже трудно назвать ее регулярной), в мирное время существовавшая на народные деньги, не могла предотвратить бесславные для себя и разорительные для народа войны. В условиях войны она более рассчитывала не на собственные силы, а на народ, призывая его безмерно (прежде всего в отечественных, в том числе и гражданских войнах) в свои ряды в качестве «пушечного мяса». Что бы сказал на это Суворов?

Совсем невиданным зрелищем показались бы ему сначала тысячная (Крымская война), затем стотысячная (Японская война), а потом и миллионные (первая и вторая мировые войны) толпы русских пленных (чего в его системе никогда не было), создающие славу ничтожным противникам России, которые им при его системе «всёконечно же», всегда были бы биты. А ведь до чего ж первоначально, пока не стали морить в фашистских лагерях, перерезать как баранам горло и отрезать головы в чеченских горах, наши офицеры и солдаты были довольны условиями жизни в

плени. В изданной по этому поводу книге «Война и плен» генерал-майор Колчак Василий Иванович (отец адмирала Колчака) вспоминает о том, какими французы были вежливыми, учтивыми, почти друзьями, подавали обеды, предлагали коньяк и галеты, приглашали на военные праздники, позволяли чуть ли не каждый день ездить в Константинополь (предел вековых мечтаний офицеров русской армии! Пожалуйте, получите из неприятельских рук!): «Французы нам очень понравились. Они обходились с нами самым учтивым образом, были любезны и предупредительны... После обеда французские офицеры, бывшие в карауле, пригласили некоторых из нас к себе в палатку. Явился пунш. Французы сняли шпаги. И мы незаметно с ними познакомились, разговорились, пили, смеялись и шутили. Сношения со вчерашними врагами начались общим весельем, сочувствием и полным взаимным уважением»⁴⁶⁹. Именно так формировалась установка: хорошо живется в плену, можно и не воевать! А каким великодушным оказалось, 50 лет спустя, японское правительство, предоставляя нашим порт-артуровским пленным офицерам, среди которых закономерно оказался уже и Колчак младший, возможность на выбор: без всяких условий вернуться на Родину или же для поправления здоровья и лечения ран воспользоваться водами и лечебными учреждениями Японии! Именно так («ласкательно») и с такой же целью (чтоб поменьше сопротивлялись и быстрее сдавались — так ему славнее) обращался со своими пленными и Суворов. Но чтобы вот так, не по-русски, массовым пленением «отдавать честь» противнику, этого он даже с его пронциательностью вряд ли мог себе представить.

В книге В.И. Колчака вскользь приводятся и другие потрясающие факты, огорчившие бы Суворова безмерно: «Дорого обошелся нам этот день (троекратно неудачное сражение на р. Черной. — А.С.): 11 генералов, 249 офицеров и 8000 нижних чинов были выведены из строя, а сражение было проиграно. *Неприятель потерял лишь 1800 человек*. И далее: «Прибыли на остров еще русские пленные, *взятые под Кинбурном!*»⁴⁷⁰ Совсем невероятными, невозможными по определению — мы же русские! — Суворову показались бы многомиллионные, просто невообразимые потери русских войск в войнах XX века. «Малого урона» и суворовского «мы умеем себя беречь» обнаружить в них уже совсем было невозможно. А сплошное засилье «проклятой оборонительности»: «героические обороны» Севастополя, Порт-Артура, Брестской крепости, Ленинграда, Сталинграда, Москвы, — все это разве нормально? Что это за род действий, оборонительный? Кто решил, что к наступательной борьбе не надо готовиться, что не следует отстаивать свое право на жизнь «нападательно», что следует малодушно прятаться за наши географические доспехи и за мирный народ, в

серьезном военном деле полагаться на «авось» и «небось», учиться во время войны (дополнительная кровь и упущенное время), отдавать каждый раз полстраны на опустошение и разорение противнику? Почему все не по-русски, все по-глупому, и все наоборот?

Суворов, предчувствовавший и предвидевший многое из этой негативной эволюции, со всею решительностью выступил против зародившейся при Павле I «злоглупой» военной системы, бездумного и вредоносного опруссачивания армии. За всеми нововведениями, укреплением дисциплины и порядка по прусскому образцу и далеко в не лучшем исполнении, он увидел отрицание естественных основ развития русской военной силы. С присущей ему интуицией сразу же почувствовал наступление «длительного зла» и прежде всего попытался отвлечь его молитвой: «*Всемогущий Боже, даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно*»⁴⁷¹. Как честный человек и «отечественник» Суворов занимает жесткую нравственную позицию. Он не желает потакать этому злу, а тем более служить ему: «*Я, Боже избавь, никогда против Отечества*»⁴⁷². В этой установке три очень важных смысла: 1) неучастие в заговорах, нежелание братоубийственной гражданской войны, в которой прольется русская кровь — даже ради благой цели; 2) невозможность личной службы (не имеет права) в военной системе, вредоносной для России; 3) неприятие службы другому государству, даже союзному (несмотря на то, что без войны и армии жить не может); это не соответствует кодексу чести российского офицера, позиции истинного «отечественника» (которая по-настоящему проявляется в беде): «*Совесть мне воспрещает надеть военный пояс против герба России, которой я столько служил. Разве без головы или прусский в прусской службе. Здесь Александру Дмитриевичу кокард Петра Великого, который я носил и не оставляю до кончины моей*»⁴⁷³.

Как не жаль расставаться с военной деятельностью, отказываться от далеко не последней военной роли — единственный выход, добровольная отставка, деревня, служба Богу: «Хотя бы я остался при всех моих прежних преимуществах, но «Опыт воинского искусства» (прусский устав, приводящий армию, по мнению Суворова, в «военную расстройку». — А.С.), недовольствие солдат и чиновников... нерусские преобразования... гонят меня немедленно в Кобрин, где на сей год буду ждать лучшего». Просит у Павла I о «всемиловитейшем увольнении меня в мои здешние кобринские деревни». Из Кончанского уже (ссылка, опала, полицейский надзор) посылает еще одну просьбу: «...Прошу позволить мне отбыть в Нилову Новгородскую пустынь, где я намерен окончить мои краткие дни в службе Богу. Спаситель наш один безгрешен. Не-

умышленности моей прости, милосердный Государь»⁴⁷⁴. Тем самым он по сути дела напоминает императору (дает ему шанс исправиться), что лучший его генерал, «способный на важнейшее» (так считал и Потемкин), находится не в рядах армии, а бездействует, собирается к тому же удалиться в монастырь. Надеется, что Павел I одумается, прекратит свои разрушительные военные реформы, вернет все на прежние испытанные, надежные основания. Но и в немилости Суворов неизменно подчеркивает: «Я тот же, дух не потерял... по-прежнему не мал». На Суворова, мужественно переносящего опалу и ссылку, как на пример, указывает Державин:

Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазури
Еще горит его звезда.⁴⁷⁵

Накануне увольнения, а затем и в изгнании, Суворов мужественно, публично (в допустимых рамках) и системно обличает зло:

1. Необходимо жить по «естественному закону»: мы — русские, мы — отечественники, не наемники; у нас принято сознательно и инициативно выполнять долг; мы сами понимаем, что следует радовать о пользе Отечества. Нам не нужна система безгласия и контроля со стороны инспекторов, которая отменяет единоначалие, упраздняет права, лишает доверия, превращает российскую вооруженную силу в наемную армию, чего допустить ни в коем случае нельзя: «...Довольно с него быть, как прежде, всегда главнокомандующим, до которого звания я служил больше полувека и честно его заслужил, больше всех иных ранами, увечьями и многими победами, и на краткую уже мою жизнь — грех его у меня отнимать... Сколь же строго, Государь, ты меня наказал за мою 55-летнюю прослужу! Казнен я тобою штабом, властью производства, властью увольнения от службы, властью отпуска, знаменем с музыкою при приличном карауле, властью переводов. Оставил ты мне, Государь, только власть Высочайшего указа 1762 года (вольность дворянства)... Инспектором я уже был в генерал-майорском чине, а теперь уж мне поздно опять в инспекторы идти. Пусть меня сделают главнокомандующим, дадут мне прежний мой штаб. Развяжут мне руки, чтоб я мог производить в чины, не спрашиваясь. Тогда, пожалуй, пойду на службу. А нет — лучше назад в деревню. Пойду в монахи... И великий Кобург мерсинер (наемник. — А.С.), но ни я, ни русские — они отечественники — различие иностранных правлений с российскими. Мерсинеров больше усмотрите в войне Александрии. Прием мерсинеров лучше, нежели мне был в последний раз в Санкт-Петербурге... Не Ваш, но и естественный закон, токмо с ними, а не мерсинером!»⁴⁷⁶

2. Россия не нуждается не только в прусских (палочных), но и вообще ни в каких военных реформах; достаточно сохранять дос-

тигнутое, следовать «Науке побеждать», нет нужды в других образцах, да и «топография» у нас совсем иная; русские войска в отличном состоянии, у нас лучшие боевые офицеры и солдаты; французы, тем более пруссаки, перенимают нашу победительную военную систему; разрушать и терять ее по своему почину не просто глупо, но «злоглупо», преступно: чужестранные «от скуки» нас же затем бить будут: «...Естественность ищите в Отечестве... Россия цела... Реформ не важен, то ж русские войска... Обширность России (далеко зрения Государя) сего дозволить не может. От белых медведей и Ненаситецких порогов имеет она дело с тремя прочими сферами. Французы заняли лучшее от нас, мы теряем: карманиольцы бьют немцев, от скуки будут бить русских, как немцев. Я далеко зашел, но подозрение — мать премудрости. Мою тактику прусские принимают, а старую, протухлую, оставляют: от сего французские их били... Король прусский: что наше с моей тактикою, то видится только в одном намерении, но что формировал десятиэскадронный драгунский полк в наших мундирах и убранстве, — это правда... Я — лучше Прусского покойного великого короля; я, милостию Божию, батальи не проигрывал»⁴⁷⁷. (Немцы сумели сделать выводы из уроков истории. Во второй половине XIX века они основательно переняли суворовскую «смелую наступательную тактику», мы же ее к этому времени окончательно забыли.)

3. Уничтожая свою победительную систему, взяли «на вооружение» от чужестранцев самое худшее и для боя ненужное, заимствовали «у прусских» педантизм, палочную дисциплину, искусство шагистики (все это не годится даже для мирного времени), а также их «вшивые» и для боя неудобные образцы одежды. От самого важного отказались ради внешнего, второстепенного, ненужного: «Пудра не порох, булки не пушки. Коса не тесак. Я не немец, а природный русак... Нет вшивее пруссаков. Лаузер, или вшивень, назывался их плащ; в шильдгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их вонью вам подарят обморок. Мы от гадины были чисты, и первая добука ныне солдат — штиблеты: гной ногам... Карейные казармы, где ночью запираются будут, — тюрьма. Прежде делили провиант с обывателями, их питомцами. В слезах мы немцы». В записке «Об одежде и вооружении сил» Г.А. Потемкин писал: «Завиваться, пудриться, плесть косы — солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдатский должен быть таков, что встал, то и готов... Красота одежды военной состоит в равенстве и в соответствии вещей с их употреблением. Платье, чтоб было солдату одеждою, а не в

тягость...»⁴⁷⁸ Румянцев, Потемкин, Суворов — отечественники и государственники — творили армию для войны и победоносного боя, им она была хороша и в «мужицком» обмундировании (суконная куртка и шаровары, сапоги и каска при короткой стрижке — вот облик русского солдата в потемкинской форме). Для показной стороны павловского военного дела, для парадомании, бессмысленной муштры требовались, напротив, совсем другие образцы: угнетающие дух, инициативу и свободные действия.

4. Возродили педантизм («глупую военную систему»), причем не только в сфере обороны, но и в строевых мелочах, ввели муштру и палочную дисциплину. Совсем забыли: а) что воевать придется не в кабинетах, а в поле, где действовать надо быстро, без замешательства, без особой точности, мелочности и копанья («...неприятель близок, линия формируется в мгновение ока, без педантизма, скорым шагом; если разорвана — не беда»); б) что одна механическая дисциплина ничего не решает, а жестокость вообще ни к чему хорошему не приводит: «Милосердие покрывает строгость, при строгости надобна милость, иначе строгость — тиранство. Я строг в удержании здоровья солдат, истинного искусства, благонравия; милая солдатская строгость, а за сим общее братство. И во мне строгость по прихотям была бы тиранством. Гражданские доблести не заменят бесполезную жестокость в войсках»⁴⁷⁹.

5. Лучших и талантливых, полезных, но не угодных, известных своей «отечественностью в общем благе» («Отечеству нужных, требующих только дела») и военными заслугами, способнейших из способных изгоняют из военной системы, отодвигают на задний план, лишают возможности заниматься настоящим делом в своем Отечестве, в родной армии, всячески унижают, подвергают опале, отправляют в ссылку или отставку, подталкивают их (они не могут жить без дела) к «волонтерству и деньгам» (то есть фактически к службе для другого государства, так как собственному их таланты и дела не нужны). Их место занимают «безотечественники-вредоносцы» («пресмыкающиеся вредители» — работают на личный интерес, уничтожая окружающую отечественную культурную среду, общее благо), худшие элементы, агрессивная и равнодушная посредственность. От того происходит не только вред, но может быть и погибель государству, армии.

Само отношение к Великому Суворову, принесшему столько пользы и славы России, во времена павловских реформ чрезвычайно показательно. Два ценнейших года (с 6 февраля 1797 по 9 февраля 1799) самый мудрый, деятельный и результативный полководец России проводит без пользы для российской армии, живет в деревне, куда он уволен под надзор полиции и без права ношения мундира русского фельдмаршала. С 14 марта 1799 г. по 3 февраля

1800 г. — служба за границей, участие в настоящем боевом деле (Италия и Швейцария) во главе австро-русских войск. Совершает небывалые подвиги для славы России и блага Европы, но и в интересах Австрии и Англии. А по сути дела это почти то же самое «волонтерство». Именно австрийское правительство (!) не допустило, чтобы такой полезный (в Австрии подобных не нашлось) человек пропал в русской деревне. Оно попросило у Павла (как бы в аренду — позор!) все равно бесполезно томящегося в своих владениях и находящегося уже на склоне лет Суворова, но тем самым и вернув его к настоящей жизни и славе. «Тиран» (в кавычках, так как головы не рубил) согласился: «Сейчас получил я, граф Александр Васильевич, известие о настоящем желании венского двора, чтоб Вы предводительствовали армиями его в Италии, куда и мой корпус Розенберга и Германа идут. И так посему и при теперешних европейских обстоятельствах долгом почитаю не от своего только лица, но от лица и других предложить вам взять дело и команду на себя и прибыть сюда для отъезда в Вену»⁴⁸⁰. За беспримерные подвиги свои Суворов возведен был в княжеское достоинство, получил чин Генералиссимуса российских сухопутных и морских войск... и — по мере приближения к родным пенатам — снова опала, мелкие пакости: «титула светлости не давать», выговоры, требование сложить с себя звание австрийского фельдмаршала, а вместе с ним и *белый с золотым шитьем австрийский фельдмаршальский мундир*, который Суворов — при подобном отношении — весьма ценил (как и синий мундир великого фельдмаршала Сардинских войск). Суворов сильно болен, почти в гробу, но на это не согласен. Упорно настаивает: «Я бы законно желал быть иногда в публике в иностранном мундире: Великому Императору это слава, что его подданный их достойно заслужил»⁴⁸¹. Недостойно вел себя император и после смерти полководца, приказав похоронить его не как Генералиссимуса, а по фельдмаршальскому разряду (потом не знали, как же его в связи со смертью исключить из списков армии, да так и оставили неисклученным, что глубоко символично). Проблему с австрийским же фельдмаршальским мундиром впоследствии решили очень просто: стараниями «придворных» живописцев на прижизненном портрете Суворова вместо белого австрийского появился темный российский мундир.

Вообще следует отметить, что не любили у нас при их жизни выдающихся (умных, талантливых и успешных, делом радеющих о благе Отечества) военных людей. М. Воротынский — один из лучших русских воевод, — оставшийся в памяти народной как неутомимый защитник России от угроз с юга и разработавший первый устав пограничных войск («Приговор о станичной и сторожевой службе»), был подвергнут по указанию Ивана Грозного

жестоким пыткам и умер по дороге в ссылку. Перспективный молодой полководец М. Скопин-Шуйский загадочно погиб, в расцвете сил, только приступив к созданию регулярного войска и к освобождению Московской Руси от польских оккупантов и разбойничьих банд времен Смуты. Полководца суворовской школы М.И. Голенищева-Кутузова привлекали к настоящему делу чаще всего вынужденно (например, для быстрого и победоносного завершения Русско-турецкой войны 1806—1811 гг. и Отечественной войны 1812 г.). Александр его не любил, с 1802 по 1805 гг. даже отправлял в отставку. Д.В. Давыдов, человек с безусловно выдающимися военными талантами, участвовал в шести войнах, но в мирные периоды оставлял службу, чтобы не заниматься шагистикой и прочими «дуростями». Героя всех войн с Наполеоном и Кавказской войны А.П. Ермолова отстранили от серьезных военных дел в 50 лет, так и не дав довершить покорение Кавказа. Преждевременно, не получив даже серьезной военной должности, умер легендарный и нелюбимый царем М.Д. Скобелев. «Главный» военный реформатор Д.А. Милютин последние 30 лет своей жизни провел бесплодно в Крыму, посвящая это время в основном написанию воспоминаний. Один из лучших царских и советских генералов А.А. Свечин был признан военным классиком и одним из лучших российских патриотов, но только после того, как был дважды арестован, расстрелян и затем реабилитирован. Советский полководец Г.К. Жуков был также не очень любим правителями. После победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. был сослан командовать третьеразрядными военными округами, на короткое время стал министром обороны СССР, с 1957 г. (в 61 год при богатырском здоровье) полностью отстранен от дел.

Суворов, нередко страдавший от «списочного старшинства», «инженерства», «гарнизонщины», никогда не желавший быть бесполезным «захребетником», всегда стремившийся к настоящему делу, и готовый служить «хоть в бездне океана», не раз объяснял *над ним стоящим*, что для военного дела следует отбирать лучших людей, что нельзя таких подвижников, как он, оставлять в бездействии, лишать первой роли, «обращать в спекулятивное» и тем самым отнимать их у Отечества. Он пытается внушить своим начальникам, что им также и лично выгодно поддерживать людей, успех создающих, так как и для них честь и слава. В 1792 году он напоминает «военному министру» Н.И. Панину, военному секретарю П.И. Турчанинову, что готов в интересах общего дела поддержать их «своей тяжелой военной первой ролью»: «Буду ль я барон, когда министр первой роли? Судите, как мне расстаться с активной моей военной первой роли, к которой я привык почти через столько лет, как вы на здешнем свете... хотя часто с первого

виду я только за кулисом, и степени не препятствуют. В 1774 году при моем генерал-майорстве привел я в движение всю большую машину. От того Козлуджи, от того Кайнарджи, так прежде и после, даже что в Прусской войне я подполковником и имел ту ж колонну, как мой Генерал, но в лучшем успехе. *Отниму ли я того человека, как я, у Отечества, чтоб обратить его в спекулятивное?*.. Нет им подозрения ни малейшего на меня. Такого военного министра я готов мою кровию подкреплять и оставаясь при моей обычной военной толь тяжелой роли... И поелику оно вышло, то более от меня услуг!»⁴⁸². В астраханской «ссылке», томясь от бездействия и неопределенности, он в письме к П.И. Турчанинову подводит под эту позицию своего рода философское обоснование: «Нет правила без изъятия, нет вещества без недостатка. Редкая целость часто пренебрежена, яко излишество; спроситься мудрости — та клонит к умеренности... Самоблюдение и самолюбие суть различны: первое повелено Богом, второе — в начале испорчено гордостью... Великодушные связало нас с обществом теснее: мы его члены, должны ему себя жертвовать, устраивать к тому наши способности, но — почитать самоблюдение, дабы ему долее полезным быть... Всякая вещь никогда на одной степени: возрастает или упадает; будет последнее — и с умеренностью, постепенно, так что, однажды целость поколебавши нечувствительно, и ревность Ваша станет метеором, ежели за время не подкрепится особою или особами, от коих мы зависим. Большая часть сих, неосторожно употребляя нас в одну их пользу, приметя в нас сию оспалость, с негодованием обыкновенно нас меняют на противострашающегося приятного, хотя не полезного, и часто сей выбор бывает обществу вреден, и от того часто великие намерения терпят крушение или к желаемому концу совершенно не достигают...»⁴⁸³

В то время Суворову так и не удалось стать пророком в своем Отечестве, победить чужеродную военную систему, принесшую столько крови и горя российскому народу. Но он верил, что «Господь Покровитель бдит над Россией»⁴⁸⁴. Под его покровительством «твердому дубу» (суворовской естественной системе) не страшны будут ни ветер, ни бури, ни даже секира «злоглупства»; а антисистема, как ее ни прикрывай лавровыми листьями и даже именем Суворова, все равно рухнет: «трухлый корень — дерево валится»⁴⁸⁵.

«Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые: не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь» (7 Матф. 15–19).

«Переход через Альпы» — реформа по суворовским принципам. Сегодня, как и вчера, основополагающей целью военной реформы может быть только переход от «злоглупой» военной системы с ее вредоносным содержанием к позитивной системе, основанной на суворовских принципах. Решение этой исторической задачи требует поистине титанических усилий: мужества, героизма и побед, в том числе и над укоренившейся привычкой быть периодически битыми (пусть это вновь станет уделом наших врагов), жить в укоренившейся «тиранической» («произвольной»), для немногих только удобной и чрезвычайно опасной для России старой системе. Негативному развитию российской армии необходимо положить наконец предел. Следует вернуть былую честь и славу, дух и доблесть, «великое регулярство», истинное искусство побеждать (быстро и с «малым уроном»), «чудо-богатырей» и офицеров-вождей с полководческими качествами, а также военную культуру, смытую поражениями, плац-парадами, гонениями и разрушительными реформами последних двух столетий. Грандиозный проект этот можно уподобить переходу Суворова через Альпы в 1799 г. Немолодой годами, но сильный духом, умением и доверием войск полководец, бросив вызов неприступности гор, в борьбе с первоклассным противником продемонстрировал всему миру боевые и нравственные качества никем и ничем непобедимых русских войск, с честью и славой вышел из сложнейшей ситуации. Но и мы — все еще русские, и с нами Бог, а еще и духовный вождь наш Суворов, с его заветами. У нас уникальное «усиление» — русская военная классика, от первой и до последней мысли проникнутая суворовским духом. Наши великие умы, представленные прежде всего офицерами русского Генерального штаба, давно уже проторили для будущих поколений все необходимые пути и дорожки на этом судьбоносном для Вооруженных Сил России переходе из одной системы в другую, своим богатым опытом и советами застраховали нас от грубых ошибок, обезопасили от глупостей и легкомыслия. Нам же остается только, говоря словами Достоевского, «прямо приступить к делу», действуя по-суворовски и не теряя драгоценного времени: «...Будем же каждый с упорством Суворова отстаивать свои позиции, памятуя, что и врагам нашим несладко живется. Не будем терять дорогого времени. Вместо праздного уныния будем наполнять жизнь трудом и мужеством. Накопление этих прекрасных качеств непременно сложится в тот же внушительный результат, который дает всюду в природе накопление малых сил»⁴⁸⁶.

Для того чтобы эта великая, исторически уже вынуждаемая реформа имела гарантированный успех, требуется действовать в соответствии с длительными и устойчивыми законами, освещен-

ными опытом столетий, по непоколебимым, почти божественным принципами, которые должны быть общепризнанными и исключать всякую «лихорадку реформ». Спасительным в этом отношении может оказаться только один метод: возвращение к заветам предков, возрождение и восстановление «хорошего прошлого», его качества, красоты, мудрости, — только так создается Ренессанс. Михаил Осипович Менъшиков (1859–1918), штабс-капитан, а затем и лучший публицист дореволюционной России, так и пишет: «Все остается, все портится и все отмирает, но бессмертие состоит в *возвращении к источнику*. Когда падает церковь, государственность и народность, — спасение в одном и том же: верните их к первоначальным заветам, и этим вы воскресите их. И революционеры, и реформаторы правы в том, что падающая жизнь должна быть изменена. Они только не правы в путях этого изменения. Революционеры пытаются совсем отменить и церковь, и государственность, и народность. Реформаторы довольствуются лишь легким ремонтом развалин. Между тем необходимо, как писал перед смертью своей Достоевский, *возвращаться к корням*. Это единственный консервативный способ прогресса. Поглядите на живую природу. Одряхлевшее растение и одряхлевшее животное восстанавливаются через новое зачатие, новое рождение и новое младенчество. Необходимо чтобы и у нас в России, беспрепятственно действовал тот же закон, что освежает всякую здоровую цивилизацию — *закон возвращения к заветам предков*»⁴⁸⁷.

Опираясь на суворовское наследие, на «трехбожие» Полковника (глазомер, быстрота и натиск), М.О. Менъшикову удалось разработать целую идеологию военного возрождения России. В основу ее положена идея возвращения от «штатской военной системы» к боевой армии суворовского типа — «дружине храбрых», которая есть истинный «государственный меч» и «центральная цитадель нации». Чтобы стать непобедимой, «она должна быть приспособлена к требованиям героических натур». Подбираться в ее ряды должны лучшие из лучших, «люди военного призвания и таланта» с учетом их природного характера («естественное войско»). «Отбору храбрых» — приоритет. Офицеры — артисты своей профессии. Они — «рыцари и богатыри с высокими качествами», «набираются из наиболее благородных элементов нации». Необходимо также помнить, что армию и флот составляет «не материя, а дух»: «Штыки, пушки, броненосцы, солдаты — это лишь призрак, за которым должна таиться духовная сила, строй предстанный и чувств, что крепче стали. Если для флота необходима известная глубина воды, то еще необходима *глубина духа*, позволяющая служить, работать и как на праздник идти на смерть»⁴⁸⁸.

В суворовском же духе излагаются им «законы войны»: 1) «Война

обязывает прежде всего быть готовым к ней... *Готовность к войне* не только дает руке необходимый меч, но более того — она окрыляет дух. Силы удваиваются, является гений всякого успеха — уверенность, и очень трудная задача выполняется шутя...» 2) «Второй закон войны... чтоб не выпускать из своих рук инициативу борьбы... *Нападение всегда неизмеримо выгоднее обороны*... Как племя миролюбивое, русские искони любят оборонительную войну. Но именно эти же войны были наименее удачные. Геройская оборона не спасала нас от окончательных поражений...» 3) «Третья заповедь войны — бить до конца, не уставать, *доканчивать победу*. Нет ничего нелепее дела, только начатого, отложенного под сукно. То, что мы щадили побежденных соседей... подготавливало нам новые изнурительные войны. Решительный же удар, вроде финляндской войны 1809 г., навсегда примирил с врагом». 4) «*Должны победить!*.. Суворов уверен в одном, что победа всегда хороша, всегда улучшает ваши дела... России, для души ее, непременно нужна победоносная война, и нам необходимо готовиться к ней *день и ночь*. Войну не нужно искать. Она будет, хотим мы ее или не хотим, и будет, может быть, гораздо скорее, чем мы думаем. Весь вопрос, чтобы к *неизбежной* первой же войне подготовиться превосходно и непременно во что бы то ни стало ее выиграть. Философствовать о войне будем потом, теперь же единственной, если хотите, маниакальной целью нашего поколения должна стать *победоносная война*». 5) «Япония доказала еще раз всю волшебную выгоду «глазомера», т.е. хорошего предвидения, основанного на хорошем изучении. Не столько сильным, сколько *зорким* принадлежит право жизни... *Побольше предусмотрительности*. Будущее, по крайней мере ближайшее, нужно отчетливо видеть, как дорогу под ногами. *Хотя это и хлопотно для облепившихся людей, необходимо в точности знать настоящее со всеми его тяготениями в будущее*... Силуэт возможной войны, хотя бы в общих чертах, следует ясно видеть»⁴⁸⁹.

Суворовское учение стало основой оригинального «стратегемного» мышления генерал-лейтенанта Вячеслава Евстафьевича Борисова (1861–1941). По его мнению, для предотвращения гибели русского народа настоятельно требуется обратить внимание «на армию с ее мозгом». При решении этой жизненно важной задачи следует в первую очередь выработать «формулу духа» для воссоздания превосходной армии. Эта системообразующая формула нашлась в конечном итоге в суворовской «смелой наступательной тактике». Следуя ее духу, В.Е. Борисов предложил прежде всего сконцентрировать усилия на создании «боевого организма» армии, а также «передовых бригад», во главе которых должны быть поставлены предводители особого типа — «генералы-воеводы»,

специально подготовленные для смелых «баталий». Все это нашло отражение в следующих выводах: «Да засияют снова знамена русских полков лучами Суворовских: “бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава”... В будущей войне мы должны победить, если на ней путеводной звездой станет образец из недавнего прошлого: “Смелая наступательная тактика”, “Наука побеждать”, “Русский бой”... Победу дают оружие, натиск, маневрирование заранее подготовленных к войне бригад и генералов... Следует поднять в нашей армии искусство маневрирования на ту высоту, на которой оно было в армиях Суворова... Все более необходимо, чтобы мелкие части (по прежним понятиям) выступали на поле сражения уже готовыми боевыми организациями. Та армия, которая будет в состоянии развертывать молниеносно бригады первой линии, передовые бригады, приобретет в своем тактическом боевом порядке ту требуемую Наполеоном “победоносность в нем самом по себе”... *Надо учить армию.* Каждый высший начальник должен не только управлять (это дело второстепенное), но учить подчиненных; не “контролировать”, не “проверять”, не “смотреть”, а “учить” в полном объеме этого слова: показывать, объяснять, исправлять по несколько раз, чтобы действие превратилось в навык... Военный министр должен создать свою систему, “науку побеждать”, чтобы знать чему и как учить, и учить ей командующих войсками округа. И так каждый начальник... Вот этим настойчивым учением, учением и учением, Суворовским непрерывным экзерцированием, а не одним лишь “управлением” создается боевой организм. А смотры, разводы, парады с молебнами и без них можно сократить, ибо они лишь трата времени; даже на дух воинский по своей шаблонности не влияют»⁴⁹⁰.

Этот же суворовский дух представлен в идеях и основных положениях военной мысли русского зарубежья — подлинного шедевра русской военной культуры. Оказавшись вне России, в изгнании, лучшие представители русского офицерства выдвинули, всесторонне обосновав, несколько ключевых истин, принципиально важных для строительства будущей российской вооруженной силы. По их мнению, армия должна развиваться на национальной основе, с использованием духовного капитала, завещанного Петром Великим, Румянцевым и Суворовым, при последовательном воплощении в жизнь принципов регулярства, гармонического сочетания качества и количества, преобладания духа над материей, — и все это при непереносимом условии возрождения национального военного искусства. Главная их мысль вполне созвучна словам другого изгнанника, русского философа И.А. Ильина: «*Спасение в качестве, в возвращении к качеству и его культуре.*». Решить эту задачу можно будет только отказавшись от «системы полчищ» и

всеобщей воинской повинности — «лучшей школы для воспитания элементов, нужных гражданской войне» (А.В. Геруа), перейдя к системе «малых армий» (относительно малых). Генерал Флуг Василий Егорович (1860–1955) отметил в связи с этим: «“Числом побольше, качеством поуже” — этот исповедывавшийся у нас лозунг был одной из причин гибели Русской армии. По-моему, лучше иметь мало офицеров, но зато превосходного качества, и вообще, — небольшую, проникнутую патриотическим духом, подвижную, активную, полную самоуверенности и дерзости армию, чем огромные равнодушные, пассивные, лишенные веры в себя и успех полчища». Выдвинув тезис: России грозят не ядерные конфликты, а прежде всего мировые и внутренние «мятежевойны», в которых «расщепление духа» становится важнейшим, четвертым измерением войны (Е.Э. Месснер), — лучшие умы военной эмиграции в буквальном смысле потребовали никогда больше не пренебрегать «стратегией духа» — этим главнейшим и все более решающим фактором победы. Николай Владимирович Колесников (1882–1937), чей вклад в духовное возрождение армии огромен, подвел итог: «Люди ассигнуют миллионы фунтов стерлингов, долларов, франков: строят пушки, подводные крейсера, армии воздушного флота, танки, представляющие собою крепости. Но они забывают ассигновать на *самое главное*, — на воспитание души тех, кто стоит у этих пушек, кто водит подводные лодки, кто скрыт за броневыми плитами танков и кто без этого воспитание повернет против них, и танки, и пушки, и всю силу оружия»⁴⁹¹.

Важно заметить, что русская военная классика, вслед за Суворовым, всегда словом-делом и словом отстаивала право России на самостоятельный и относительно самобытный путь военного развития, на сохранение и возрождение (по заветам русских полководцев) национального военного искусства, к лучшим чертам которого генерал-лейтенант Алексей Константинович Баиов (1871–1935) относил: 1) наличие национальной (невербованной) армии; 2) настойчивое требование обучать войска только тому, что необходимо для войны; 3) единение между массой армии и ее вождями на основе взаимного доверия; 4) способность русских воинов всех рангов к самостоятельности, к проявлению частного почина; 5) свободное отношение к форме, отсутствие преклонения перед ней, отсутствие приверженности к шаблону; 6) сильно развитое чувство взаимной выручки; 7) признание человека главным орудием войны; 8) доблесть русских войск, непревзойденная никакой другой армией; 9) стремление вынести борьбу из пределов своего Отечества, наступательная стратегия; 10) активные действия в наступательных и оборонительных боях; 11) придание в бою решающего значения схватке, удару в штыки и другие. Отсюда вы-

вод: «...Отмеченные национальные черты нашего военного искусства показывают, что русский народ таит в себе громадный запас творчества в области военного искусства, что наша армия обладает богатством и силой мысли и духа, и что она вовсе не нуждается в этом отношении в опеке, откуда бы она не исходила. На нашей национальной почве выросли такие военные гении, как Петр Великий, Румянцев и Суворов, такие выдающиеся полководцы, как Кутузов и Скобелев, такие талантливые генералы, как А.Д. Меншиков, Вейсман, Репнин, Багратион, Гурко, Радецкий, Кондратенко и многие другие, и такие военные мыслители, как Леер и Драгомиров. Эта плеяда русских деятелей оставила нам громадное богатство в области военного искусства, и их деяния представляют неисчерпаемый источник для уразумения истины и приобретения знаний в военном искусстве. Не нужно только этот чистый и могучий источник засорять чуждыми нам насаждениями, способными лишь, вопреки природе русского человека, водворить у нас господство формы и шаблона»⁴⁹².

Сегодня начинает наконец признаваться важнейшая, спасительная, по сути дела, роль всего этого национального богатства, и прежде всего суворовского наследия, в деле возрождения Российской армии, в успешном проведении военных реформ. Крепнет понимание: России, чтобы выжить, требуется хорошая, суворовского типа, армия, предназначенная не для парадов и демонстраций, но для боя; быстро реагирующая на любые актуальные военные угрозы и еще быстрее устраняющая их «до корня»; сильная своей выучкой и способностью побеждать. Суворовское «не числом, а умением» по праву становится ключевым девизом Вооруженных Сил Российской Федерации. В этом отношении позиция Президента России, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации В.В. Путина по-суворовски деловая, четкая и определенная:

1. В интересах устойчивого и безошибочного развития Вооруженных Сил необходимо постоянно сохранять и неизменно соблюдать историческую преемственность, особенно «преемственность легендарных воинских традиций, в первую очередь традиции побеждать»: «...У нас нет права быть “иванами, не помнящими родства”. Мы не должны забывать ничего. Мы должны знать свою историю, знать ее такой, какая она есть. Извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создавал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен»⁴⁹³.

2. Победы возвышают страну и прославляют наш народ, сплачивают его в единое целое, укрепляют моральный дух Вооруженных Сил: «Победные традиции стали духовным стержнем Россий-

ской армии. Армии, которая развивается, строится по-новому, обретает современные черты». Необходимо также иметь в виду, что «наш солдат добывает победы не только оружием, но и духом, и волей своей. Они тверже металла, они помогают выходить из любых испытаний, сохраняя совесть и честь, сохраняя гордость за наше прошлое и настоящее, за национальное достоинство державы. Так было, так есть и так будет»⁴⁹⁴.

3. «...Позитивное развитие Вооруженных Сил является приоритетом для страны... Мы должны иметь не огромную, расплывчатую, а небольшую, но мобильную высокопрофессиональную и хорошо подготовленную, обученную и, разумеется, в техническом плане хорошо оснащенную армию... Движение в направлении полностью профессиональной армии, на мой взгляд, является правильным»⁴⁹⁵.

Четкую и продуманную концепцию военной реформы представил министр обороны России С.Б. Иванов. Суть ее заключается в следующих словах: «...Взят курс на рост технической оснащенности, профессионализма, других качественных параметров... Что касается Вооруженных Сил, то в перспективе они должны стать рациональными по составу, структуре и численности, обладать мощной материально-технической и социальной базой... По самым оптимистическим сценариям первые отчетливые, видимые плоды военной реформы появятся в 2004–2005 годах»⁴⁹⁶.

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации А.В. Квашнин еще несколько лет назад в статье «Перестройка по суворовским принципам» отметил: «Возможности обеспечения обороны и безопасности страны прежней численностью, составом и структурой Вооруженных Сил оказались исчерпанными. Значит надо было решать эту задачу не количественным, а качественным путем. То есть, говоря по-суворовски, “не числом, а умением”. Эта исходная позиция и составила концептуальную базу военной реформы...»⁴⁹⁷

Проводя военную реформу, необходимо каждый ее шаг сверять с бессмертным суворовским учением, строго соблюдая суворовский же принцип: не наносить вреда самим себе; побольше человеколюбия, пользы и труда для Отечества и родной армии. Сегодня также необходимо, как и 130 лет назад, напомнить: «В то время, когда военное могущество наших соседей развивается до колоссальных размеров, воздвигаясь на силе нравственной энергии и на идее наступления, будет, полагаем, не лишним освежить в своей памяти личность военачальника, который, более чем кто-либо, всю свою жизнь был предводителем этих начал»⁴⁹⁸. Россию, ее границы и в третьем тысячелетии придется защищать по-суворовски: действуя наступательно, по большому счету полагаясь только на бесстраш-

ные сердца русских солдат и офицеров. Чтобы «быть победительными сами по себе» и «на себя надежными», стать «центральной цитаделью нации» и «государственным мечом», Вооруженные Силы России должны создаваться на неколебимых основаниях: по суворовскому завету и почти заново, и не на песке, но на камне:

«И никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленной ткани; ибо вновь пришитое отдерет от старого, и дыра будет еще хуже. Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают; но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается то и другое». (9 Матф. 16–17).

«Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (7 Матф. 24–27).

«Суворов, этот Пушкин военной культуры...» За многие десятилетия существования подражательных военных систем, вымывавших традиционную русскую военную культуру и многие имена ее деятелей, у нас сформировались не только традиция неудач и поражений, нездоровая способность жить чужим (бездумно подражать) и/или своим «задним умом» (сколько смыслов!), не думая при этом по-суворовски «наперед», но и скверная привычка представлять своих классиков через иностранных: А.А. Свечин — «русский Клаузевиц»; Н.Н. Обручев — «русский Мольтке»; А.Е. Снесарев — «русский Сунь-цзы» и т.д. Даже П.А. Румянцев к концу жизни оказался «русским Тюренном». Слава Богу, Суворов остался Суворовым — именем и образом, которые известны каждому русскому. Сопоставить его, еще больше возвысив, оказалось возможным только с таким же национальным героем — Пушкиным, который родился в знаменательном для Суворова 1799 году и, возможно, не без этого смысла был назван Александром. Родство душ и великий вклад обоих классиков в общую сокровищницу русской культуры позволили М.О. Меньшикову (еще одному уникальному «отечественнику») по-русски и для русских подчеркнуть: «Суворов, этот Пушкин военной культуры...»⁴⁹⁹

Суворов — не только первоисточник и вдохновляющий пример для возрождения Российской армии. В уникальной личности Александра Васильевича очень ярко и полно воплотились национальный дух России и русская военная культура. В своей замеча-

тельной книге «Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре» Арсений Александрович Замостьянов отмечает: «Феномен Суворова в России является культурообразующим. Суворовская легенда не только впитала в себя народные представления об идеальном герое, но и открыла для наших соотечественников новый тип поведения, новый и очень важный для нас стиль отношения к своему труду, к Родине, к власти. Российский герой сотрудничает с властью, служит ей, но не присваивает себе ее функции, таким образом остается в стороне от всего наносного и нечистоплотного...»⁵⁰⁰

Вся жизнь твоя — разверста книга,
Могуща подавать пример,
Как в мире чтить себя заставить,
Не предками, — собой блистать,
Отечество, себя прославить
И в род и род не умирать.⁵⁰¹

Жизнь, учение и наследие Великого Суворова представляют собой полезную и абсолютно необходимую школу («академию»), курс обучения и воспитания в которой обязан пройти каждый защитник Отечества и прежде всего военачальники. Не у «пруссиков и французских», не у «книжников и фарисеев», а у «власть имеющих» и «дело знающих», у самого Великого Суворова они могли бы научиться деятельной (полезной) любви к Отечеству и ратному делу, уважению к предкам и военной истории, мудрому и истинному военному искусству, образцовой стратегии и смелой тактике, искусству командования⁵⁰², науке побеждать, офицерской культуре и служению, законам усмирения мятежей, честному воеванию и кодексу чести, способности предвидеть события и пользоваться обстоятельствами, узнали бы имена, дела и мысли великих подвижников и ратателей Военного Дела.

О свершении этой великой цели мечтали (и содействовали ее реализации) не одно поколение русских офицеров. В 1932 г. в Шанхае Н.В. Колесников написал следующие пророческие слова: «Суворов умер, но школа Суворова, несмотря на всю бессмыслицу многочисленных подражателей Фридриховской эпохи в лице Аракчеева, Пфуля и других, дала нам в период «отечественной войны» целый ряд полководцев, среди которых мы называем Кутузова, Багратиона, Милорадовича и других всех тех же учеников великого учителя. Даже знаменитая Кавказская эпопея во главе с бессмертным генералом Ермоловым и героическая защита Севастополя все еще дышат той школой Суворова, которую он начал закладывать во времена императрицы Екатерины Великой и Павла Первого. Пройдут много веков, отпадут ненужные наслоения, Русская армия отряхнет с себя наносной мусор иностранщины, всю чужь ком-

мунистических исканий, затасканность мертвой рутины и схоластики последних царствований и снова встанет во весь рост скажочный гений Суворова и та школа духа, к которой должны вернуться русские войска»⁵⁰³.

Нельзя и далее жить по позорной для нас, русских, «Науке убивать время», однажды уже высмеянной И.А. Крыловым. Суворовская «школа духа» учит деятельно проводить каждую минуту, требует не падать духом ни при каких обстоятельствах, постоянно учиться и трудиться, в решении проблем неизменно прилагать то самое знаменитое и почти волшебное суворовское «усилие», которое приводит к великим свершениям, к победам и делает каждого воина и армию в целом «на себя надежными». Дав нам в руки Суворовский завет⁵⁰⁴, история — эта самый естественный и верный наставник России, предоставляет, возможно, последний шанс для возрождения армии на верных, то есть суворовских основаниях. Вооружившись суворовскими истинами, приступим к работе (учебе, службе, делу), не теряя драгоценного времени, ибо «жатвы много, а делателей мало».

«Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало. Итак молитте Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою» (9 Матф. 37–38).

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и просторен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь и немногие находят их» (7 Матф. 13–14).

Примечания

1. См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. — С. 254–286.
2. Меньшиков М.О. Выше свободы: Статьи о России. — М.: Современный писатель, 1998. — С. 94–95, 360; Меньшиков М. О. Письма к ближним. — СПб., 1910. — С. 136.
3. Гейсман П.А. Граф Л. Н. Толстой и М. И. Драгомиров. — СПб., 1897. — С. 77.
4. Золотарев В.А. Генералиссимус А.В. Суворов: вершины славы. К 200-летию швейцарского похода А.В. Суворова. — М.: Церера, 1999. — С. 5, 373.
5. Письма и бумаги Суворова. Т. 1. Письма 1764–1781 гг. Объяснил и примечаниями снабдил В. Алексеев. — Петроград, 1916. — С. 256.
6. Жизнь и военные деяния Генералиссимуса Князя Итальянского, Графа Александра Васильевича Суворова-Рымникого. Издал В. Сопиков. — М., 1801. — С. 69.
7. Суворов А.В. Письма. Издание подготовил В.С. Лопатин. — М.: Наука, 1986. — С. 7.
8. Суворов А.В. Документы. Сост. Э. М. Новикова /Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 4. — М.: Воениздат, 1953. — С. 456; Суворов А.В. Письма. — С. 477.
9. Там же. — С. 478.
10. Подвиги Суворова в Италии и Швейцарии. Пер. с фр. Часть первая. — М., 1806. — С. 166, 169.

11. Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. XVI. Работы разных лет. — М.: Мысль, 1995. — С. 607.
12. Суворов А.В. Документы. Сост. Э. М. Новикова /Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 3. — М.: Воениздат, 1952. — С. 344.
13. Наука побеждать по правилам величайшего из монархов всероссийских Петра Первого, собственноручно написанным и подписанным от сего самодержца. Изданная Михаилом Антоновским. — СПб., 1808. — С. 12.
14. Письма и бумаги Суворова. — С. 268.
15. Гершельман С. Нравственный элемент в руках Суворова. Издание второе. — Гродна, 1900. — С. 98–99.
16. Суворов А.В. Письма. — С. 290.
17. Там же. — С. 73, 100.
18. Суворов А.В. Документы. Сост. Э. М. Новикова /Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 1. — М.: Воениздат, 1949. — С. 293.
19. Там же. — С. 615.
20. Там же. — С. 390.
21. Цит. по: Тактика в трудах военных классиков. Т. 2. — М.-Л.: Госвоениздат, 1926. — С. 37–38.
22. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 543; Драгунов Г.П. Чертов мост: По следам Суворова в Швейцарии. — М.: Мысль, 1995. — С. 133.
23. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 154, 131.
24. Эти оценки Суворова и его правил принадлежат М.А. Антоновскому — первому публикатору суворовского наследия. См.: Наука побеждать. Творение препрославившегося в свете всегдашними победами Генералиссимуса Российских армий, Князя Итальянского, Графа Суворова-Рымникого, с письмами, открывающими наиболее в нем величайшие свойства его души и таковые же знания военного искусства. — СПб., 1806. — С. IV–V.
25. Суворов А.В. Письма. — С. 375, 337. Пророчества оправдались. После смерти Суворова наполеоновские войны длились еще 15 лет и стоили народам Европы 5 миллионов жертв, значительная часть из которых выпала на Россию. В деревне Кампо-Формидо 6 октября 1797 года потрясенные поражениями австрийцы подписали мирный договор с Францией, пойдя на значительные территориальные уступки. Оборонительная тактика и политические интриги дорого им обошлись. В последующем Наполеон дважды (1805 и 1809 г.) оккупировал столицу Австрии; в ходе этих войн она потеряла большую часть своих владений.
26. Там же. — С. 370.
27. Там же. — С. 381, 316, 270, 400.
28. Суворов А.В. Документы. Сост. Э.М. Новикова /Под ред. Г.П. Мещерякова. Т. 4. — М.: Воениздат, 1953. — С. 185.
29. Там же. — С. 348–349.
30. Суворов А.В. Письма. — С. 144.
31. Керсновский А.А. История Русской Армии. — М.: Воениздат, 1999. — С. 135.
32. Суворов А.В. Документы. Т. 4 — С. 343–344.
33. Суворов А.В. Письма. — С. 387.
34. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 378.
35. См.: Бескровный Л.Г. Хрестоматия по русской военной истории. — М.: Воениздат, 1947. — С. 152.
36. Суворов А.В. Письма. — С. 732–733.
37. Там же. — С. 750.
38. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 130.
39. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 258–259, 262, 270–272.
40. Суворов А.В. Документы. Сост. Э. М. Новикова /Под ред. Г. П. Мещерякова. Т. 2. — М.: Воениздат, 1951. — С. 149.
41. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 645–646.
42. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 567.

43. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 653.
44. Суворов и падение Польши. Сочинение Фридриха фон Смитта. Пер. с нем. Под ред. Генерального штаба генерал-лейтенанта князя Голицина. Часть первая. Суворов. — СПб., 1866. — С. 354.
45. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 365.
46. Суворов А.В. Письма. — С. 399.
47. Русские анекдоты: военные, гражданские и исторические. Изданные Сергеем Глинкою. Часть 2. — М., 1811. — С. 159.
48. Суворов и падение Польши. Сочинение Фридриха фон Смитта. Пер. с нем. Издано при совещательном комитете Главного штаба. Под ред. Генерального штаба генерал-лейтенанта Голицина. Часть вторая. Последние смуты Польши. — СПб., 1867. — С. 23–24.
49. См.: История Князя Итальянского, Графа Суворова-Рымникского, Генералиссимуса Российских войск. Сочинение Н.А. Полевого. Издание третье. — М., 1890. — С. 281.
50. См.: Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия. Второе доп. издание. — СПб., 1896. — С. 93–118.
51. См.: Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. — М.: Русский путь, 2000. — С. 134.
52. Клаузевиц К. О войне. Пер. с нем. А.К. Рачинского. — М.: Госвоениздат, 1934. — С. 126–127.
53. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск первый. 1683–1762. — СПб., 1891. — С. 2.
54. Верховский А. Очерки по истории военного искусства в России XVIII и XIX веков. — М., 1922. — С. 177–179.
55. Суворов А.В. Письма. — С. 400.
56. Там же. — С. 386.
57. Там же. — С. 372.
58. Там же. — С. 364.
59. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 157–158.
60. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 270, 151.
61. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 13.
62. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 398.
63. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 212, 646; Т. 4. — С. 13. Смелость как синтетическое выражение воли, решимости, духа отваги, храбрости, мужества, неустрашимости, дерзновенности как антипод трусости, робости и боязливой осторожности Суворов считал основным условием военного успеха. Он приучал свои войска смело смотреть в глаза опасности, не выжидать ее, а идти ей навстречу. — См.: Петрушевский А.Ф. Суворов — полковой командир. Из нашей военной истории XVIII века // Вестник Европы. — 1880. — Кн. 12. — С. 696–698. Подлинно суворовское понимание смелости и ее значения на войне находим у Клаузевица: «Это благородная сила порыва, с которым человеческая душа подымается над самой грозной опасностью, должна на войне рассматриваться как своеобразный действенный принцип... Она является благороднейшей добродетелью, той настоящей сталью, от которой зависят вся острота и блеск оружия... Смелость, таким образом, является творческой силой... Всякий раз, как смелость сталкивается с робостью, она имеет значительные шансы на успех, ибо робость является уже потерей равновесия... Смелость, руководимая выдающимся умом, является печатью героя; эта смелость заключается не в том, чтобы дерзять против природы вещей, грубо нарушая законы вероятности, но в энергичной поддержке того высшего расчета, который производится с молниеносной быстротой и лишь наполювину сознательно (суворовский глазомер! — А.С.) гением и интуицией, когда они делают свой выбор. Чем больше смелость окрыляет ум и пронзительность, тем дальше реют они в своем полете, тем всеобъемлюще становится взгляд и тем вернее будет результат... Поэтому мы полагаем, что без смелости выдающийся

- полководец немислим». — Клаузевиц К. О войне. — С. 132–135.
64. Автобиография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 году. Сообщенная Д.П. Голохвастовым. — М., 1848. — С. 19.
65. Суворов А.В. Письма. — С. 316–317, 197, 294, 258, 314, 142; Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 350; Т. 3. — С. 34.
66. Суворов А.В. Письма. — С. 189, 23, 76, 78; Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 438–439.
67. Суворов А.В. Письма. — С. 25; Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 58; Т. 1. — С. 152; Т. 3. — С. 45.
68. Суворов А.В. Письма. — С. 394, 226, 170, 82, 232, 304; Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 435, 429; Т. 1. — С. 426; Т. 3. — С. 261.
69. Суворов А.В. Письма. — С. 376, 109, 754, 258, 218; Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 468, 470, 351, 362; Т. 3. — С. 305; Т. 4. С. — 248, 146, 184.
70. Суворов А.В. Письма. — С. 344, 198, 47, 299, 320; Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 245, 576; Т. 2. — С. 65, 176, 49, 186, 61, 278; Т. 3. — С. 505, 212; Т. 4. — С. 18, 153.
71. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 135–136.
72. Там же. — С. 10.
73. Там же. — С. 25.
74. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 183.
75. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 115.
76. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 116.
77. Суворов А.В. Письма. — С. 391.
78. Суворов А.В. Письма. — С. 239, 247.
79. Там же. — С. 349.
80. Там же. — С. 371.
81. Суворов А.В. 1730–1800. Очерки из его жизни. Издание князя С.М. Голицина. Т. 1. Сост. Полковник С. В. Козлов. — СПб, 1913. — С. 6.
82. Суворов А.В. Письма. — С. 394.
83. Там же. — С. 233.
84. Там же. — С. 576.
85. Там же. — С. 318–319.
86. Там же. — С. 312.
87. Там же. — С. 226.
88. Там же. — С. 100.
89. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 508; Т. 1. — С. 365, 151 и др.
90. См.: Военная библиотека. Т. 2. — СПб., 1871. — С. 442.
91. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 318; Т. 2. — С. 65
92. Суворов А.В. Письма. — С. 180; Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 399.
93. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 506.
94. Суворов А.В. Письма. — С. 328.
95. Там же. — С. 212, 217.
96. Там же. — С. 33.
97. Там же. — С. 198.
98. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 63.
99. Суворов А.В. Письма. — С. 303.
100. Там же. — С. 254.
101. Книга Марсова или Воинских дел от войск царского Величества российских о взятии преславных фортификаций, на разных местах храбрых баталий чиненных над войска его королевского величества свейского. Второе издание. — СПб., 1766.
102. Там же. — С. 257–258.
103. Там же. — С. 260.
104. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 47; Суворов А.В. Письма. — С. 674, 357; Суворовский сборник. — М., 1951. — С. 12.
105. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 327; Т. 2. — С. 403.

106. Суворов А.В. Письма. — С. 170.
 107. Там же. — С. 376.
 108. Там же. — С. 746–747.
 109. Суворов А.В. Письма. — С. 326.
 110. Басов П. Суворов и его образ действий // Военный сборник. — 1874. — Кн. 8. — С. 228–229.
 111. Михневич Н.П. Стратегия. Кн. I. Второе доп. издание. — СПб., 1906. — С. 61.
 112. Русская военная сила. Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Издание И.Н. Кушнера. Выпуск VIII. Период царствования Павла I и Александра I. — М., 1889. — С. 129.
 113. Петрушевский А.Ф. Генералиссимус Князь Суворов. В 3-х томах. Т. 3. — СПб., 1884. — С. 131.
 114. Суворов и падение Польши. Сочинение Фридриха фон Смитта. Пер. с нем. Часть первая. Суворов. — СПб., 1866. — С. 15, 35–36.
 115. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 358; Т. 2. — С. 312; Т. 3. — С. 132; Суворов А.В. Письма. — С. 261.
 116. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 297.
 117. Там же. — Т. 4. — С. 108; Т. 2. — С. 393.
 118. Суворов А.В. Письма. — С. 257.
 119. Там же. — 656.
 120. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 193.
 121. Там же. Т. 2. — С. 63.
 122. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 293, 295, 411–413, 419.
 123. Суворов А.В. Письма. — С. 308.
 124. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 550.
 125. Там же. — С. 255, 257.
 126. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 49.
 127. Там же. Т. 4. — С. 382.
 128. Пугачевщина. Том третий. Из архива Пугачева. Подготовлен к печати С.А. Голубцовым. — М.-Л.: Госсозэкиздат, 1931. — С. 339.
 129. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 27–28.
 130. Там же. Т. 1. — С. 427; Т. 4. — С. 454.
 131. Там же. Т. 1. — С. 151.
 132. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 529; Т. 2. — С. 506.
 133. Суворов А.В. Письма. — С. 295.
 134. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 266; Т. 4. — С. 93; Суворов А.В. Письма. — С. 295.
 135. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 276.
 136. Там же. — С. 174.
 137. Там же. — С. 272–273.
 138. Там же. — С. 266.
 139. Там же. — С. 549.
 140. Там же. — С. 548.
 141. Там же. — С. 508.
 142. Там же. — С. 351; Суворов А.В. Письма. — С. 244, 118.
 143. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 346, 427, 688; Т. 4. — С. 211.
 144. Там же. Т. 2. — 374.
 145. Там же. Т. 3. — С. 137; Т. 1. — С. 367.
 146. Там же. Т. 2. — С. 26.
 147. Там же. Т. 1. — С. 474.
 148. Там же. Т. 2. — С. 59.
 149. Там же. Т. 3. — С. 458.
 150. Там же. Т. 1. — С. 364.
 151. Там же. — С. 128.
 152. Суворов А.В. Письма. — С. 135.
 153. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 105, 107.

154. Там же. Т. 2. — С. 20.
 155. Там же. — С. 41.
 156. Суворов А.В. Письма. — С. 245.
 157. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 186–187.
 158. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 326, 413; Т. 4. — 331; Т. 2. — С. 355, 54; Т. 4. — С. 119; Т. 2. — С. 49; Т. 1. — С. 63; Суворов А.В. Письма. — С. 112; 423.
 159. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 215, 274.
 160. Там же. Т. 4. — С. 304.
 161. Суворов А.В. Письма. — С. 728–729.
 162. См.: Там же. — С. 395, 762.
 163. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 263. Когда в Македонии Цезарь осадил Алезию, враги зашли ему в тыл. Пришлось делать из лагеря крепость и самому защищаться со всех сторон.
 164. Там же. — С. 154, 56, 18, 130–131.
 165. См.: Российский военный сборник. Выпуск 10. Военное законодательство Российской империи. Кодекс Русского военного права. — М.: Военный университет. 1996. — С. 29.
 166. Петрушевский А.Ф. Суворов в первую турецкую войну 1773–1774 гг. // Вестник Европы. — 1881. — Кн. 12. — С. 554.
 167. Автобиография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 году. — С. 9–10; Пугачевщина. Т. 3. — С. 411–412; Суворов А.В. Письма. — С. 254.
 168. Суворов А.В. Письма. — С. 250; Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 252.
 169. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 190.
 170. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 465, 469; Т. 3. — С. 350; Т. 4. — С. 127–128, 165 и др.
 171. Тактика в трудах военных классиков. Т. 2. — М.-Л.: Госвоениздат, 1926. — С. 71; Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 192.
 172. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 371; Т. 4. — С. 141.
 173. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 18; Т. 1. — С. 274; Т. 2. — С. 65; Суворов А.В. Письма. — С. 198.
 174. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 135.
 175. Кизиветтер А. «Генерал-Вперед» // Время. — 1930. — № 430. — 28 декабря.
 176. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 44, 45. В первые годы советской власти человеколюбивый Суворов был объявлен «реакционным генералом». В почете оказались «новые полководцы», которые действительно лили кровь трудового народа не ручьями, но целыми реками, не стеснялись использовать против восставших крестьян, как, например, на Тамбовщине в 1921 году, самые варварские способы: беспощадные расстрелы заложников из состава мирного населения, а также применение удушающих газов. Из приказа Командующего войсками Тамбовской губернии Тухачевского: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». См.: Каратели // Российская газета. — 1994. — 29 июня.
 177. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. Перевод и комментарии академика М.М. Покровского. — М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1948. — С. 258.
 178. Суворов А.В. Письма. — С. 298.
 179. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 405; Т. 2. — С. 49; Т. 3. — С. 353, 403, 406, 265; Т. 4. — С. 121; Суворов А.В. Письма. — С. 19.
 180. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 429, 430.
 181. Суворов А.В. Письма. — С. 284, 285.
 182. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 460.
 183. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 193, 576–577; Т. 2. — С. 186; Т. 4. — С. 153.

184. Там же. Т. 1. – С. 534.
 185. См.: Там же. Т. 3. – С. 305, 350, 505; Т. 4. – С. 18, 145, 154.
 186. Там же. Т. 4. – С. 18.
 187. Там же. – С. 153.
 188. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 374.
 189. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 274, 466, 599, 614; Т. 2. – С. 48, 122, 190; Т. 3. – С. 350, 441, 505; Т. 4. – С. 258.
 190. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 65; Т. 4. – С. 71; Т. 3. – С. 185.
 191. Там же. Т. 1. – С. 460; Т. 3. – С. 350; 348. Последняя мысль принадлежит П.С. Потемкину.
 192. Там же. Т. 2. – С. 207.
 193. См.: Там же. – С. 161.
 194. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 633.
 195. Там же. Т. 3. – С. 263.
 196. См.: Там же. Т. 3. – С. 136.
 197. См.: Там же. – С. 261, 264.
 198. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 104, 107; Суворов А.В. Письма. – С. 339.
 199. Цит. по: Головин Н. Н. Суворов и его «Наука побеждать»; Наука о войне. О социологическом изучении войны // Антология отечественной военной мысли. Выпуск первый. – М.: ВАГШ ВС РФ, 1995. – С. 54–55.
 200. Суворов А.В. Письма. – С. 364.
 201. Суворов А.В. Письма. – С. 364, 343, 349–350, 354; Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 417–418.
 202. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 310–311.
 203. Суворов А.В. Письма. – С. 313.
 204. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 294, 412; Суворов А.В. Письма. – С. 354, 396.
 205. Суворов А.В. Письма. – С. 395, 396.
 206. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 410, 412 и др.
 207. Суворов А.В. Письма. – С. 326, 256; Суворов А.В. Документы. – Т. 1. – С. 352; Т. 4. – С. 418.
 208. Суворов А.В. Письма. – С. 273.
 209. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 399.
 210. Суворов А.В. Письма. – С. 354.
 211. Суворов А.В. Документы. – Т. 2. – С. 33–34.
 212. Суворов А.В. Письма. – С. 394.
 213. Там же. – С. 738–739.
 214. Там же. – С. 690–691.
 215. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 438–439 и др.
 216. Суворов А.В. Письма. – С. 373, 371–372.
 217. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 592.
 218. Суворов А.В. Письма. – С. 351, 347.
 219. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 299, 373.
 220. Там же. – С. 383; Суворов А.В. Письма. – С. 361.
 221. Суворов А.В. Письма. – С. 187.
 222. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 381, 396, 437, 439; Суворов А.В. Письма. – С. 380.
 223. Философия войны. – М.: Издательский центр «АНКИЛ-ВОИН»; Российский военный сборник, 1995. – С. 59.
 224. Цит. по: Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 538; Военное законодательство Российской империи // Российский военный сборник. Выпуск 10. – С. 30.
 225. См.: Орлов Н. Штурм Измаила Суворовым в 1790 году. – СПб., 1890. – С. 47–48.
 226. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 544.
 227. Гейсман П.А. Граф Л.Н. Толстой и М.И. Драгомиров. – С. 18–19.
 228. См.: Записки Юлия Цезаря. – С. 28–29.

229. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 678.
 230. Там же. Т. 2. – С. 464.
 231. Кизиветтер А. Суворов в опале // Время. – 1931. – 6 января.
 232. См.: Oetting, Dirk W. Auftragstaktik. Geschichte und Gegenwart einer Führungskonzeption. – Frankfurt am Main; Bonn: Report Verlag GmbH, 1993.
 233. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 97.
 234. Суворов А.В. Письма. – С. 357.
 235. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 90–91.
 236. Суворов А.В. Письма. – С. 283.
 237. Цит. по: Стратегия духа. – С. 28.
 238. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 69.
 239. Цит. по: Тактика в трудах военных классиков. Т. 2. – С. 64.
 240. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 649; Т. 3. – С. 350.
 241. Там же. Т. 4. – С. 20.
 242. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 98 – 99, 667, 151, 109; Т. 2. – С. 187; Т. 3. – С. 350, 523.
 243. Цит. по: Там же. Т. 3. – С. 134.
 244. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 355; Суворов А.В. Письма. – С. 130.
 245. Суворов А.В. Письма. – С. 320; Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 397.
 246. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 185; Суворов А.В. Письма. – С. 17.
 247. Суворов А.В. Письма. – С. 222.
 248. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 365.
 249. Там же. – С. 99.
 250. Биография Александра Васильевича Суворова, самим им написанная в 1786 году. – С. 25. См. также: Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 589.
 251. См.: Суворов. 1730–1800. Очерки из его жизни. Издание князя С. М. Голицина. Том второй. Составлен М. Н. Картыковым. – СПб., 1913. – С. 19.
 252. Там же. – С. 42.
 253. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 480–481.
 254. Там же. Т. 1. – С. 224.
 255. Суворов А.В. Письма. – С. 27.
 256. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 674.
 257. Суворов А.В. Письма. – С. 229.
 258. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 448.
 259. Там же. Т. 2. – С. 497.
 260. Суворов А.В. Письма. – С. 312.
 261. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 587; Т. 3. – С. 262; Т. 4. – С. 327, 382; Суворов А.В. Письма. – С. 312.
 262. См.: Суворов А.В. Письма. – С. 483.
 263. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 463.
 264. См.: Там же. Т. 4. – С. 265–266, 271–272.
 265. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 685; Суворов А.В. Письма. – С. 144, 137.
 266. Михневич Н.П. Основы стратегии. Курс Интендантской академии. – СПб., 1913. – Приложение 1. – С. 1.
 267. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 133.
 268. Баиов А. История Русской Армии. Курс военных училищ. Выпуск первый. Эпоха Петра Великого. Эпоха Румянцева и Суворова. Эпоха войн с Наполеоном. – СПб., 1912. – С. 99.
 269. Свечин А. Воспоминания Е. И. Мартынова // Русский Инвалид. – 1910. – 4 апреля.
 270. Чандлер Дэвид. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. Монография. Пер. с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 105, 112.
 271. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 649 – 650; Т. 2. – С. 460; Т. 4. – С. 12–13, 20; Суворов А.В. Письма. – С. 326, 370, 349.
 272. Суворов А.В. Письма. – С. 27; Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 690;

- Т. 3. – С. 351, 398.
 273. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 222, 18, 91; Т. 3. – С. 504–505, 398; Т. 2. – С. 354.
 274. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 304.
 275. Там же. Т. 3. – С. 351; Т. 2. – С. 59.
 276. Там же. Т. 2. – С. 314; Т. 4. – С. 68; Т. 3. – С. 351.
 277. Там же. Т. 2. – С. 354; Т. 3. – С. 502 - 504.
 278. Там же. Т. 2. – С. 185, 337, 350; Т. 3. – С. 348, 352, 504.
 279. Там же. Т. 2. – С. 354; Т. 1. – С. 271.
 280. Там же. Т. 4. – С. 13; Т. 2. – С. 374.
 281. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 525, 352; Суворов А.В. Письма. – С. 139.
 282. Шеманский А. Холодные патроны и их влияние на тактическую подготовку войск // Русский Инвалид. – 1907. – № 178.
 283. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 28; Суворов А.В. Письма. – С. 396.
 284. Суворов А.В. Письма. – С. 118.
 285. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 252, 256; Т. 4. – С. 82, 116, 257.
 286. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 18, 234, 21; Суворов А.В. Письма. – С. 334.
 287. Там же. Т. 1. – С. 45.
 288. Клаузевиц К. О войне. – С. 140.
 289. Суворов А.В. Письма. – С. 8.
 290. Там же. – С. 334.
 291. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 30.
 292. Суворов А.В. Письма. – С. – С. 277.
 293. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 362; Т. 2. – С. 59, 475, 354.
 294. См.: Андогский А.И. Встречный бой. – Петроград, 1918. – С. 39–114.
 295. Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 185.
 296. История Русской Армии и Флота. Выпуск 2. – М., 1911. – С. 92.
 297. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 637; Т. 4. – С. 65.
 298. Там же. Т. 3. – С. 350 – 351; Т. 4. – С. 113, 118.
 299. Там же. Т. 2. – С. 64; Т. 3. – С. 574.
 300. Там же. Т. 1. – С. 613.
 301. Суворов А.В. Письма. – С. 396.
 302. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 12 – 13; Т. 3. – С. 397.
 303. Клаузевиц К. О войне. – С. 141.
 304. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 256.
 305. Военный Сборник. – 1874. – Кн. 8. – С. 197.
 306. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 337.
 307. Суворов А.В. Письма. – С. 354; Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 293, 316, 324–325.
 308. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 106.
 309. Там же. – С. 349.
 310. Суворов А.В. Письма. – С. 380, 750.
 311. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 547; Т. 2. – С. 463.
 312. Цит. по: Суворовский сборник. – С. 74.
 313. Суворов А.В. Письма. – С. 205–206.
 314. Там же. – С. 373.
 315. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 132–133.
 316. Там же. Т. 3. – С. 377.
 317. Там же. Т. 2. – С. 475; Т. 4. – С. 18, 119, 145.
 318. Там же. Т. 1. – С. 683; Т. 3. – 350.
 319. Там же. Т. 4. – С. 156, 18; Т. 3. – С. 351, 424.
 320. Автобиография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 году. – С. 9.
 321. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 140, 188.
 322. Суворов А.В. Там же. Т. 4. – С. 311; Т. 3. – С. 348, 351.

323. См.: Суворов А.В. Письма. – С. 18; 349; Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 504.
 324. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 502, 351.
 325. Там же. Т. 1. – С. 508–509.
 326. Суворов А.В. Письма. – С. 366.
 327. Русская военная сила. Очерк развития выдающихся военных событий от начала Руси до наших дней. Выпуск восьмой. Период царствования Павла I и Александра I. – С. 18, 130.
 328. Милютин Д. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Императора Павла I. Издание 2-е. Т. II. – СПб., 1857. – С. 304.
 329. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 42–43.
 330. Там же. Т. 4. – С. 255.
 331. Там же. – С. 269.
 332. Там же. – С. 291.
 333. Там же. – С. 297.
 334. Суворов А.В. Письма. – С. 354.
 335. Суворов А.В. Документы. Т. 4. – С. 427, 106, 90; Суворов А.В. Письма. – С. 375–376.
 336. Баиов А. История Русской Армии. Курс военных училищ. Выпуск первый. – С. 8.
 337. Широкоград А.Б. Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. / Под общей редакцией А.Е. Тараса. – М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2000. – С. 41, 42–43.
 338. Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Выпуск первый. 1683 – 1762. – СПб., 1891. – С. 28.
 339. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XIV. История России с древнейших времен. Т. 27–28. – М.: Мысль, 1994. – С. 480.
 340. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 372; см. также: С. 361–362; 368–371.
 341. Соловьев С.М. Сочинения. В 18-ти кн. Кн. XVI. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1995. – С. 513–514.
 342. Цит. по: Военное Дело. – 1920. – № 15. – С. 454.
 343. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 613; Т. 3. – С. 131–132.
 344. Суворов А.В. Там же. Т. 3. – С. 132, 588.
 345. Суворов А.В. Там же. Т. 2. – С. 314.
 346. Там же. – С. 338.
 347. Там же. – С. 331.
 348. Там же. – С. 342–343.
 349. Баиов А.К. История Русской Армии. Курс военных училищ. Выпуск I. – С. 105
 350. Суворов А.В. Письма. – С. 41.
 351. Суворов А.В. Документы. Т. 3. – С. 181; см. также: С. 215–216.
 352. Там же. – С. 253.
 353. Там же. – С. 133, 250, 253, 257, 262.
 354. Суворов А.В. Письма. – С. 57; Суворов А.В. Документы. Т. 2. – С. 33, 148, 152, 22, 146.
 355. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 350.
 356. Там же. – С. 245.
 357. Там же. Т. 3. – С. 326.
 358. Военный Сборник. – 1874. – Кн. 8. – С. 189.
 359. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 429.
 360. Там же. Т. 2. – С. 38.
 361. Суворов А.В. Документы. Т. 1. – С. 46, 263, 204; Т. 2. – С. 142.
 362. Там же. Т. 1. – С. 184–185, 464, 189–190, 361; Т. 2. – С. 180–181.
 363. Там же. Т. 1. – С. 367, 425, 484, 469.
 364. Там же. Т. 1. – С. 469, 351; Т. 3. – С. 131.
 365. Понятие «мятежевойны» введено и подробно раскрыто Генерального штаба полковником профессором Евгением Эдуардовичем Месснером значительно

- позже — после второй мировой войны. См. подробно: Месснер Е. Всемирная мятежевойна. — Буэнос-Айрес, 1971; Месснер Е. Мятежевойна // Независимое военное обозрение. — 1999. — № 43; Российский военный сборник. Выпуск 16. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. — М.: Военный университет, «Русский путь», 1999. — С. 370–410.
366. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 360 - 361, 372; Т. 2. — С. 377.
367. Там же. Т. 1. — С. 410, 230, 411, 416.
368. Там же. Т. 1. — С. 362, 370–371, 351; Т. 2. — С. 157–158.
369. Там же. Т. 4. — С. 132.
370. Суворов А.В. Письма. — С. 237.
371. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 185, 351, 353.
372. Там же. Т. 4. — С. 296, 341.
373. Клаузевиц К. О войне. — С. 174.
374. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 362.
375. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 256; Суворов А.В. Письма. — С. 386.
376. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 293–294, 297–298, 427, 438–439.
377. Меньшиков М.О. Суворов и Потемкин // Письма к ближним. 1915. — Петроград, 1916. — С. 173.
378. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 304, 268.
379. Там же. — С. 91.
380. Там же. — С. 427, 430, 267–268; Суворов А.В. Письма. — С. 326. Видимо, только мы сами у истории, как и у Суворова, ничему не учимся. В XIX веке, почти сразу после его смерти, «мятежевойны» стали затягиваться до 60 лет (Кавказская война), вестись без системы, реактивно, дробными силами и «сводными» отрядами. Предпочли: не действовать по суворовским правилам и принципам, а залить русской кровью (и не только русской, но потери «сопротивных» не считаны) весь Кавказ, пожертвовав драгоценной жизнью почти 100 тысяч солдат и офицеров (с какой бы пользой для блага Отечества распорядился бы ими Суворов); убрать оттуда, с полпути, единственного сторонника «системной войны» А.П. Ермолова, отправив его в 1827 г. в отставку и вновь призвав только во время Крымской войны 1853–1856 гг. командовать государственным ополчением (Кавказская война к этому времени все еще не закончилась!); попустительствовать созданию на территориях Чечни и Дагестана мюрдистского государства, на службе у которого за это время даже появился целый батальон из беглых русских солдат численностью в 500 человек, прилагать затем многолетние титанические усилия, чтобы разгромить это «укоренившееся гнездо разбойников» и пленить самого Шамиля. Почти то же наблюдается и в конце XX века. Чтобы добиться разгрома мятежников (не полной пока победы в суворовском смысле), войну («контртеррористическую операцию») начинали и проводили, с небольшим перерывом, дважды, затянув ее, по крайней мере на семь лет (а с предшествующим «умиротворением» сепаратистов она продлилась еще дольше). Вновь в нарушение суворовского правила нераздробления войск в борьбе с мятежниками делается все наоборот: значительная по численности российская группировка размещается по многочисленным населенным пунктам Чечни и тем самым фактически как бы «подается» для боевиков в «мелкой расфасовке». Анализируя эту ошибку, М. Ходаренок отмечает: «10 февраля начнется размещение федеральных войск в 162 населенных пунктах Чеченской Республики. Цель, казалось бы, самая благая — защита населения, вставшего на путь сотрудничества с федеральными властями, от бандитов. Предполагается также, что подразделения внутренних войск будут осуществлять охрану местных отделений милиции. Трудно отделаться от впечатления, что кто-то сильно заинтересован в том, чтобы боевые действия в Чечне продолжались как можно дольше. В «НГ» уже отмечалось, что решение о размещении войск в населенных пунктах Чечни ведет к раздроблению находящихся там сил и фактически является переходом к «стратегической» обороне в республике. Мировой опыт

- ведения контрпартизанской борьбы (на суворовский опыт обуздания мятежей никто по-прежнему не обращает внимания. — А.С.) говорит о том, что подобное дробление группировки на территории, охваченной вооруженным мятежом, — путь практически тупиковый. Таким способом вторую чеченскую кампанию не закончить никогда... Приходится признать, что лучшего способа разложить организованную вооруженную силу, раздробив ее и «прописав» по населенным пунктам, и придумать невозможно. Одно утешает: окончательно разложиться мелкие подразделения федеральных войск в чеченских селах, пожалуй, не успеют. Просто очень дорогостоящие последствия предпринимаемого шага заставят, будем надеяться, быстро опомниться его инициаторов и отменить свое непродуманное решение. Если в сводках потерь в Чечне за сутки сейчас фигурируют один-два убитых и двое-трое раненых, то не начнем ли мы вскоре терять людей подразделениями». См.: Ходаренок М. Крупная сила в «мелкой расфасовке» // Независимая газета. — 2001. — 8 февраля.
381. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 461.
382. Суворов А.В. Письма. — С. 386.
383. Там же. — С. 320, 353.
384. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 303.
385. Там же. — С. 234.
386. Там же. Т. 3. — С. 252–260.
387. Суворов А.В. Письма. — С. 370.
388. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 49; Т. 4. — С. 14.
389. Там же. Т. 2. — С. 183, 185.
390. Там же. Т. 2. — С. 140–141; Т. 1. — С. 613, 686; Т. 3. — С. 411, 350.
391. Там же. Т. 4. — С. 255.
392. Там же. Т. 3. — С. 352.
393. Там же. Т. 2. — С. 314, 355.
394. Цит. по: О современном военном искусстве. Сочинение Генерального штаба полковника Астафьева. Ч. 1. — СПб., 1856. — С. 33.
395. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 340.
396. Суворов А.В. Письма. — С. 18; Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 687.
397. Автобиография Александра Васильевича Суворова, им самим написанная в 1786 г. — С. 9.
398. Суворов А.В. Письма. — С. 350, 326, 370, 376, 364; Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 13.
399. Суворов А.В. Письма. — С. 708.
400. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — 74.
401. Там же. Т. 1. — С. 624; Т. 4. — С. 69–70, 403, 311.
402. Там же. Т. 3. — С. 259; Т. 4. — С. 204.
403. Там же. Т. 4. — С. 429–430, 412, 428; Суворов А.В. Письма. — С. 375.
404. Суворов А.В. Письма. — С. 743–744.
405. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 425.
406. Суворов А.В. Письма. — С. 386–387, 326.
407. Там же. — С. 722.
408. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 256–259.
409. Суворов А.В. Письма. — С. 343, 718.
410. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 215, 267; Т. 3. — С. 263.
411. См.: Там же. Т. 4. — С. 167; Т. 3. — С. 256, 132.
412. Уже к началу XX века собственно боевой (строевой) армии почти не видно было за различного рода нестроевыми, тыловыми и управленческими «наслоениями». В 1916 году, во время судьбоносной для России войны (!) из восьмимиллионной вооруженной массы непосредственно в боевых действиях участвовало менее трети ее состава. Выдающийся русский военный мыслитель Александр Андреевич Свечин отмечает в связи с этим, что произошло «жировое» перерождение русской армии в тыловые части и команды: «Только за шесть летних месяцев 1916 года процент штыков упал с 40%

- до 28%. Тыл в русской армии бесстыдно разрастался, а число штыков падало даже абсолютно, что указывает, что многие полки на фронте оставались некомплектованными... В организме русской армии, вследствие благодушия Ставки, замечалось старческое перерождение — руки и ноги худели, живот отрастал». (Свечин А.А. Русская, французская и английские армии в 1916 году // Военное дело. — 1919. — № 32–33. — С. 985.)
413. См.: Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. Т. 3. — СПб., 1884. — С. 224.
414. См.: Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А.В. Суворова и М.И. Драгомирова. — С. 22.
415. Суворов А.В. Письма. — С. 396.
416. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 364, 369.
417. Там же. — С. 386.
418. Суворов А.В. Письма. — С. 326.
419. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 260.
420. Там же. — С. 266.
421. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 536; Т. 3. — 266; Суворов А.В. Письма. — С. 254.
422. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 283.
423. Там же. — С. 223.
424. Там же. — С. 429.
425. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 410, 412.
426. Там же. — С. 466, 416.
427. Там же. Т. 4. — С. 220.
428. Там же. — С. 221.
429. Там же. — С. 228.
430. Там же. — С. 230.
431. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 371–372.
432. Суворов А.В. Письма. — С. 283; Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 428.
433. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 667; Стратегия духа. — С. 19.
434. Баиов А.К. История Русской Армии. Курс военных училищ. Выпуск первый. — С. 137.
435. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 125–126.
436. Суворов А.В. Письма. — С. 361–362.
437. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 251.
438. Там же. — С. 263.
439. Там же. Т. 4. — С. 286, 261, 282.
440. Там же. — С. 384.
441. Там же. — С. 261.
442. Суворов А.В. Письма. — С. 360; Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 269.
443. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 21, 177, 488; Суворов А.В. Т. 1. — С. 39 и др.
444. См.: Суворов А.В. Письма. — С. 115, 551.
445. Там же. — С. 582.
446. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 577, 541.
447. Суворов А.В. Письма. — С. 282; Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 30.
448. См.: Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 311; Суворов А.В. Письма. — С. 737.
449. См.: Баиов А.К. История Русской Армии. Курс военных училищ. Выпуск первый. — С. 147. Сведения о потерях русских войск во время Швейцарского похода существенно разнятся и, как правило, противоречивы. Суворов в реляции о походе не приводит их, но список отличившихся, как всегда, представить Императору не забывает!
450. Суворов А.В. Письма. — С. 314, 320.
451. Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 507; Суворов А.В. Письма. — С. 10.
452. Суворов А.В. Документы. Т. 2. — С. 278.
453. Суворов А.В. Письма. — С. 298, 305, 302, 263; Суворов А.В. Документы. Т. 3. — С. 212.
454. Суворов А.В. Письма. — С. 388.

455. Там же. — С. 317.
456. Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 547, 274; Т. 2. — С. 58; Т. 3. — С. 136–137.
457. Суворов А.В. Письма. — С. 242–243, 139; Суворов А.В. Документы. Т. 1. — С. 685.
458. О мерах по сохранению здоровья солдат см.: Суворов А. В. Документы. Т. 2. — С. 58–59; Т. 3. — С. 74–75, 222–224.
459. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 427.
460. Стратегия в трудах военных классиков. Т. 2. Под ред. А. Свечина. — М.: Госвоениздат, 1926. — С. 179–180. Сказано будто не для германского, а для тогдашнего русского правительства, своей слабостью спровоцировавшего войны и революции.
461. Суворов А.В. Письма. — С. 395.
462. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение издания 1907 г. — М.: «Орбита», 1989. — С. 707.
463. Соколовский Михаил. Павел I и русская армия (к истории вахтпарадного режима в русской армии) // Война и Мир. — 1907. — № 7. — С. 83. О военной реформе Павла см. также: Русская военная сила. Издание И.Н. Кушнерева. Выпуск VIII. Период царствования Павла I и Александра I. — М., 1889; Лебедев П.С. Преобразователи русской армии в царствование императора Павла Петровича. — Б/г., б/м.
464. Русская военная сила. Издание И.Н. Кушнерева. Выпуск VIII. Период царствования Павла I и Александра I. — М., 1889. — С. 120.
465. См.: Зайончковский А.М. Восточная война 1853 — 1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Том первый. — СПб., 1908. — С. 556–574.
466. См.: Епанчин Н. Тактическая подготовка русской армии перед походом 1828–1829 гг. (Глава из Очерка похода 1828 — 1829 гг.). — СПб., 1904. — С. 2 — 7. 16–17, 47.
467. См.: Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции. Часть вторая. До перехода через Балканы. — СПб., 1906. — С. 21.
468. См., например: Российский военный сборник. Выпуск 9. Какая армия нужна России. Взгляд из истории. — М.: Военный университет, Ассоциация «Армия и общество», 1995; Российский военный сборник. Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999; Фадеев Р. Вооруженные Силы России. — М., 1868; Он же. Наш военный вопрос: Военные и политические статьи. — СПб., 1873; Меньшиков М.О. Из писем к ближним. — М.: Воениздат, 1991; Керсновский А.А. История Русской Армии. — М.: Воениздат, 1999; Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). — СПб.: Изд-во «АЛЕТЕИЯ», 1998 и др.
469. Колчак В. Война и плен. 1853 — 1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. С приложением посмертных записок последнего начальника Малахова кургана контр-адмирала П.А. Карпова. — СПб., 1904. — С. 107.
470. Там же. — С. 78.
471. Суворов А.В. Письма. — С. 319.
472. Там же. — С. 318.
473. Там же.
474. Там же. — С. 320, 319, 324.
475. Там же. — С. 322, 696.
476. Там же. — С. 696–697, 318, 316–317.
477. Там же. — С. 317–319.
478. Там же. — С. 689, 319.
479. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С.13; Суворов А.В. Письма. — С. 320.
480. Суворов А.В. Документы. Т. 4. — С. 3.
481. Суворов А.В. Письма. — С. 388.
482. Там же. — С. 239.
483. Там же. — С. 72.
484. Там же. — С.316.

485. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1908. — 724.
486. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1913. — С. 128–129.
487. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1913. — С. 128–129.
488. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1906. — С. 789–790; *Он же.* Письма к ближним. — СПб., 1910. — С. 561 и др.
489. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1904. — С. 149–151; *Он же.* Письма к ближним. — СПб., 1913. — С. 14–19.
490. *Борисов В.* «Смелая наступательная тактика» (русская военная доктрина). Обучение маневренной (из всех видов оружия) бригады в течение летнего сбора. Часть первая. — СПб., 1913. — (Школа маневрирования. Лекция 31-я). — С. 2, 6–7 и др.
491. Об этом и многом другом можно прочесть в бесценных книгах, подготовленных полковником И. В. Домнинным. См.: *Философия войны.* — М.: Изд. Центр «АНКИЛ-ВОИН», «Российский военный сборник», 1995; *Российский военный сборник.* Выпуск 6. Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. — М.: ГА ВС, 1994; *Российский военный сборник.* Выпуск 13. Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. — М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр «Отечество и воин», Русский путь, 1997; *Российский военный сборник.* Выпуск 16. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999 и др.
492. *Баюв А.* Национальные черты русского военного искусства в романовский период нашей истории. — СПб., 1913.
493. Из речи на торжественной церемонии вступления в должность Президента Российской Федерации, 7 мая 2000 г. // *Российская газета.* — 2000. — 11 мая; см. также: *Красная звезда.* — 2001. — 11 мая.
494. Из выступлений президента РФ на военных парадах 9 мая 2000 и 2001 гг. в ознаменование 55-й и 56-й годовщин Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.
495. *Российская газета.* — 2001. — 29 марта; Из интервью ОРТ, РТР и «Независимой газете» 24 декабря 2000 года // *Независимая газета.* — 2000. — 24 декабря; *Новая газета.* — 2001. — № 17.
496. *Известия.* — 2001. — 25 июня.
497. *Квашнин А.* Перестройка по суворовским принципам. Российские ВС готовятся к достижению победы не числом, а умением // *Независимое военное обозрение.* — 1998. — № 26.
498. *Басов П.* Суворов и его образ действий // *Военный сборник.* — 1874. — Кн. 8. — С. 183.
499. *Меньшиков М. О.* Письма к ближним. — СПб., 1905. — С. 330.
500. *Замостьянов А. А.* Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. — М.: Некоммерческая издательская группа «ЭРА», 2000. — С. 63.
501. Строки из стихотворения И. И. Дмитриева «Графу Суворову-Рымникскому на случай покорения Варшавы (1794)».
502. До сих пор совсем не знали или же изучали ранее по переводным источникам. См., например: *Алехтин.* Командный состав армии // *Общество ревнителей военных знаний.* — 1907. — Книга третья; *Измествев П. И.* Искусство командования. Извлечение из труда А. Гавэ. — Варшава, 1908.
503. *Колесников Н. В.* Суворов. Военно-исторический очерк. — Шанхай, 1932. — 134.
504. Следует заметить, что литература о Суворове и суворовском наследии весьма обширна. См.: *Кавтарадзе А. Г.* Суворов в отечественной историографии // *А. В. Суворов. К 250-летию со дня рождения.* — М.: Наука, 1980. — С. 6–71.

Подготовил А. Савинкин

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ РАБОТ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СБОРНИКЕ

Баюв Алексей Константинович (1871–1935). Генерал-лейтенант. Окончил 2-е Константиновское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. В 1904–1914 гг. — руководитель дел этой академии, профессор. Также редактировал «Известия Императорской Николаевской Военной Академии». Участник Первой мировой войны. В 1919 г. эмигрировал в Эстонию, где преподавал в военно-учебных заведениях, занимался научной деятельностью, вел большую общественную работу в среде русской диаспоры. «Душой общества, хранителем духа и идеалов русской армии» называли его коллеги, подчеркивая, что жизнь свою в эмиграции он «превратил в самозабвенное служение русской национальной идее» (Штейфон).

Основной мотив творчества — история и самобытность отечественного военного искусства. Создал значительные труды: «Курс истории русского военного искусства» (1909–1913), «История русской армии. Курс военных училищ» (1913). В изгнании также активно выступал на военно-научном поприще, написал работы по проблемам Великой войны, военного искусства, строительства «будущей русской армии»; много внимания уделял вопросам воспитания воинства. Утверждал, что военное искусство не есть нечто самодовлеющее, а является отражением общей культуры, и что в нем преобладают духовные начала. Публиковался как в военных, так и в общих изданиях эмиграции.

Баскаков Вениамин Иванович (1861–1941). Генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил в основном на штабных должностях. С 1898 г. — профессор академии Генштаба. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, Белого движения на юге России... После 1920 г. находился в эмиграции. В 30-е годы возглавлял работу военной секции Русского научного института в Белграде.

Военный ученый и писатель. Автор таких работ, как «Северная война 1700–21 гг.», «1809. Генеральный штаб», «Походы 1796–97 гг. Бонапарта в Италию», «Эпохальное в историографии значение описания великой мировой войны» и др.

Геруа Александр Владимирович (1870 — после 1940). Генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-японской войны. На фронт Первой мировой вышел командиром лейб-гвардии Волынского полка, окончил ее начальником штаба Румынского фронта. В Гражданскую войну — военный представитель Добровольческой армии (позже Русской Армии) в Румынии. Там же провел годы изгнания. Вероятно, умер (погиб) в период Второй мировой войны или в 1944 г. депортирован в СССР.

Как талантливый исследователь и писатель зарекомендовал себя работой «Суворов-солдат» (1900); всеармейскую известность получил с изданием своих книг «После войны о нашей Армии» и «К познанию Армии» (обе — 1907 г.). Участвовал в редактировании (в 1911–1913 гг.) Военной энциклопедии издания И.Д. Сытина. Главное внимание в творчестве уделял оптимизации военных систем, что ярко отразилось в его знаменитом эмигрантском труде «Полчища». Выступал сторонником «малых», профессиональных армий. Являлся «философом гражданской войны», акцентировал внимание на огромной роли, которую в военно-политических процессах XX века играют социальные массы и движения (по терминологии автора — «социал»).

Гершельман Сергей Константинович (1853–1910). Генерал от инфантерии. Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Служил в гвардейских кавалерийских частях, был командиром пехотного полка, начальником штаба корпуса, военного округа. Отличился в ходе Русско-японской войны, командуя пехотной дивизией. Позже командовал корпусом, войсками Московского военного округа и занимал ответственный пост Московского генерал-губернатора. С 1909 г. был командующим Виленского военного округа.

Военный писатель. Особое внимание уделял духовной стороне военного дела. Автор знаменитых трудов «Нравственный элемент под Севастополем», «Нравственный элемент в руках Суворова», «Нравственный элемент в руках Скобелева».

Головин Николай Николаевич (1875–1944). Генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Служил на командных и штабных должностях. Преподавал во Владимирском военном училище. Редактировал «Вестник Общества Ревнителей Военных Знаний» (1905–1907). С 1908 г. — профессор, преподаватель Академии Генштаба. В 1909–

1912 гг. — в своих работах выдвигал идеи реформирования высшей военной школы. Участник Первой мировой войны, Белого движения. В 1919 г. по просьбе А.В. Колчака временно руководил обороной Омска. Основной же его деятельностью в годы Гражданской войны была военно-дипломатическая миссия в Европе (во Франции и Англии). В эмиграции жил и работал в Париже.

Один из крупнейших представителей отечественной военной науки. Организатор и руководитель Высших Военно-Научных Курсов в Париже и Белграде, носивших его имя (по распоряжению Великого Князя Николая Николаевича). Преподавал на своих Курсах, читал лекции в военных академиях Франции, США, Югославии, Чехословакии, состоял профессором Русского историко-филологического факультета в Парижском университете, редактировал белградские «Военный Сборник», «Осведомитель», парижский «Русский Инвалид», сотрудничал со многими эмигрантскими и заграничными изданиями. Автор более ста значительных трудов. Среди них первая в России диссертация по военной психологии, «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы» (1925); «Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» (1937); «Военные усилия России в Мировой войне» (1939); «Наука о войне. О социологическом изучении войны» (1938) и др.

Давыдов Денис Васильевич (1784–1839). Генерал-лейтенант. Образование получил, будучи эст-юнкером Кавалергардского полка. Службу проходил в основном в гусарских полках. Участник наполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Инициатор партизанской борьбы с французскими войсками в 1812 г., командир первого партизанского формирования. Впоследствии командовал полком, бригадой, был начальником штаба корпуса. В 1826 г. участвовал в войне с Персией, в 1831 г. отличился, командуя отрядом при подавлении Польского восстания.

Поэт и военный писатель. Широко известны его стихи о гусарской службе и удали. Автор целого ряда трудов: «Опыт теории партизанских действий», «Дневник партизанских действий 1812 г.», «Взятие Дрездена», «Воспоминания о Прейсиш-Эйлауском сражении» и др. Мальчиком он видел А.В. Суворова, и этот эпизод нашел отражение в его сочинении «Встреча с великим Суворовым».

Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905). Генерал от инфантерии. Образование получил в Конотопском городском училище и Дворянском полку (впоследствии Константиновское военное училище). Окончил Императорскую военную академию с золотой медалью (был одним из двух выпускников, награжденных ею за более чем восьмидесятилетнюю историю академии). С 1860 г. — адъютант-профессор академии, позже — начальник штаба дивизии,

преподаватель академии. В 1869 г. назначается начальником штаба Киевского военного округа. В качестве командира дивизии участвует в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. По ее окончании более десяти лет был начальником Николаевской академии Генерального штаба. С 1889 по 1903 г. командовал войсками Киевского военного округа, с 1897 г. являясь одновременно генерал-губернатором Юго-Западного края. С именем Драгомирова связана целая эпоха в деле обучения и воспитания войск.

Выдающийся военный писатель, педагог. По характеристике из военной энциклопедии изд. И.Д. Сытина, «один из оригинальнейших крупнейших людей своего времени, популярный во всех слоях общества». Автор классических работ: «Учебник тактики» (выдержал шесть изданий), «Опыт руководства для подготовки частей к бою», «Подготовка войск в мирное время», «Офицерская памятка», «Солдатская памятка», сборников оригинальных и переводных статей «14 лет. 1881–1894», «Одиннадцать лет. 1895–1905 гг.» и многих других. Впервые перевел на русский язык основные положения труда К. Клаузевица «О войне». Творчество Драгомирова оказало существенное влияние на многих русских военных писателей.

Крупнейший популяризатор суворовской «Науки побеждать», возродивший в армии интерес к идеям и наследию Суворова и страстно их проводивший в жизнь подчиненных войск. Обосновывал ключевую роль офицера как учителя и вождя подчиненных. В подготовке солдата приоритет отдавал воспитанию, «ведущему областю воли», — решающему фактору в военном деле.

Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955). Генерал от кавалерии. Окончил Пажеский корпус, Николаевскую академию Генерального штаба. Службу проходил на командных и штабных должностях в лейб-гвардии Семеновском полку, в частях и соединениях на Кавказе. Командовал 9-м Гусарским Киевским полком. В начале Первой мировой войны принял командование кавалерийской дивизией. Отличился в боях во время Галицийской битвы. Затем занимал должности командира корпуса, командующего армией; окончил войну главнокомандующим армиями Северного фронта.

С 1918 г. — активный участник Белого движения на юге России. Был помощником Верховного руководителя Добровольческой армии генерала М.В. Алексева. Позже — председатель Особого совещания при Главнокомандующем, командующий войсками Киевской военной области; в 1920 г. — в числе ближайших сподвижников генерала П.Н. Врангеля.

После Гражданской войны до 1931 г. проживал в Сербии, где возглавлял Общество русских офицеров Генерального штаба. Затем переехал во Францию. Один из лидеров Русского Общевоинского Союза.

Периодически публиковался в дореволюционной русской военной печати, а также в эмиграции. Специалист в вопросах подготовки и применения кавалерии. Выступал популяризатором идей А.В. Суворова, а также своего отца М.И. Драгомирова.

Елчанинов Андрей Георгиевич (1868–1918). Генерал-лейтенант. Окончил Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Служил в артиллерии, по окончании академии занимал должности по Генштабу. С 1908 г. — профессор академии Генштаба по кафедре стратегии. Участник Первой мировой войны, в ходе которой командовал стрелковой дивизией.

Военный ученый и писатель. Автор работ «Ведение современной войны и боя», «Современные взгляды на боевую подготовку и деятельность конницы», «Суворов. Краткий очерк боевой деятельности», «Наш устав полевой службы» и др. Также активно сотрудничал в военной периодике. В своих сочинениях выступал сторонником наступательного начала и самобытного развития русского военного дела.

Керсновский Антон Антонович (1905–1944). На военной службе в Российской армии не состоял. В эмиграцию попал совсем юным. Окончил дипломатическую академию в Вене, университет в Дижоне (Франция). Свободно владел французским, английским, немецким языками. Со второй половины 20-х годов жил в Париже. С детских лет испытывал страсть к военному делу и в результате самостоятельного освоения его теории и истории стал выдающимся военным публицистом, историком. В 1940 г. призван в армию Франции и отправлен на фронт. Тяжело ранен, демобилизован. Скончался в Париже от болезни легких, усугублявшейся многолетней нуждой, духовным и физическим перенапряжением.

Обладал самобытным, динамичным литературным стилем. Признание специалистов Русского Зарубежья и Европы приобрел с первых же публикаций в 1927 г. на страницах «Русского Военного Вестника» (впоследствии «Царского вестника»), ставшего для него главной «кафедрой» почти на пятнадцать лет. Его материалы (сотни военно-политических статей, аналитические обзоры, переводы, книги) всегда вызывали живой интерес читателей и неоднократно — полемику на страницах военных журналов. Им написано около десяти книг, но при его жизни удалось издать лишь четырехтомную «Историю Русской Армии» и «Философию войны». Начертал основы военного возрождения России: самобытность, приоритет духа и качества, религиозность и национальная гордость, сознательное отношение к делу, инициатива «снизу» и поддержка ее «сверху» и др. В этом «ренессансе» видел необходимейшее условие воссоздания нашей государственной мощи. К нему, по убеждению его издателя П.Н. Рклицкого, приложимы слова, сказанные когда-

то о Пушкине: «...Явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа и пророческое».

Колубакин Борис Михайлович (1853–1921). Генерал-лейтенант. Окончил 1-е военное Павловское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказском фронте. С 1897 г. — профессор академии Генштаба.

Военный ученый и писатель. Автор многочисленных сочинений, среди которых «Воспоминания офицера Кобулетского отряда в кампании 1877–1878 гг.», «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. Обзор театра войны, силы и средства сторон, подготовки кампании», «Кавказская экспедиция в 1845 г.» и др. Его перу принадлежит масса статей в военных периодических изданиях.

Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912). Генерал-фельдмаршал. Окончил московский университетский благородный пансион, Императорскую военную академию (Генштаба). Службу проходил в гвардейской артиллерии. С 1839 по 1845 г. участвовал в боевых действиях на Кавказе. После этого состоял профессором Императорской военной академии. В 1856–1860 гг. был начальником главного штаба войск Кавказской армии. Около года являлся товарищем военного министра, и в конце 1861 г. состоялось его назначение на высший военный пост. Будучи министром, он провел широкие военные преобразования, идеи которых выносил и разработал самостоятельно. В отставку ушел по личному прошению в 1881 г., после гибели Александра II.

Военный ученый и писатель, один из основоположников русской военной науки. Труды «Критические исследования значения военной географии и статистики», «Первые опыты военной статистики» и др. заложили основы развития этой отрасли знаний в России. Ему принадлежит пятитомный труд «История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 г.», после выхода которого в 50-х годах XIX века была воскрешена память о Суворове как полководце-психологе, воспитателе подчиненных. Уже после смерти выдающегося ученого, военного и государственного деятеля были опубликованы его «Старческие размышления о современном положении военного дела в России», где содержится критический и поучительный анализ военного развития страны в период после царствования Александра II до Русско-японской войны включительно.

Михневич Николай Петрович (1849–1927). Генерал от инфантерии. Окончил 1-ю московскую гражданскую гимназию, Константиновский межевой институт, Александровское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 1892 г. — профессор

Академии Генштаба, также читал лекции в Михайловской артиллерийской, Николаевской инженерной и Николаевской морской академиях. С 1904 по 1907 г. был начальником Николаевской академии Генерального штаба. Позже командовал дивизией, корпусом. В 1911 г. занял пост начальника Главного штаба, на котором находился до 1917 г. С 1918 г. — на преподавательской работе в учебных заведениях РККА.

Крупный военный ученый, писатель. Автор капитальных трудов «Стратегия», «Основы русского военного искусства», «История военного искусства от древнейших времен до XIX столетия», «Влияние новейших технических изобретений на тактику» и других, а также многочисленных публикаций в военной периодике.

Орлов Николай Александрович (1855–1915). Генерал от инфантерии. Окончил 2-ю московскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Молодым офицером службу проходил в артиллерийских частях. По окончании академии — в основном на преподавательской работе, впоследствии — один из ведущих профессоров Академии Генштаба. В период Русско-японской войны командовал Забайкальской казачьей бригадой, пехотной дивизией, в Первую мировую войну — корпусом.

Крупный военный писатель. Известный исследователь военного искусства Суворова. Автор трудов: «Суворов. Разбор военных действий Суворова в Италии в 1799 г.», «Штурм Измаила Суворовым», «Штурм Праги Суворовым в 1794 г.», «Тактика Суворова», «Суворов как представитель славянства» и др. Среди его многочисленных работ — такие, как: «Совместные действия сухопутной армии и флота», «Война за освобождение Германии в 1813 г. и низложение Наполеона в 1814 г.», «Забайкальцы в Маньчжурии — очерк похода Хайларского отряда» и др. Активно публиковался в периодических военных и гражданских изданиях.

Петрушевский Александр Фомич (1826–1902). Генерал-лейтенант. Образование получил в Дворянском полку. Служил в частях полевой артиллерии, главном артиллерийском управлении. После выхода по болезни в отставку (1886) был деятельным членом Санкт-петербургского комитета грамотности.

Известный военный писатель, биограф А.В. Суворова автор капитального труда «Генералиссимус князь Суворов», и ряда других книг, среди которых «Рассказы про старое время на Руси», «Рассказы про Петра Великого». Публиковался также в военной периодике. Почетный член Николаевской академии Генерального штаба.

Штейфон Борис Александрович (1881–1945). Генерал-лейтенант. Окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище, академию Генштаба. Участник Русско-японской (в ходе кампании на-

гражден пятью орденами), Первой мировой войн, Белого движения. После исхода из Крыма Русской Армии Врангеля — начальник штаба 1-го Армейского Корпуса генерала А.П. Кутепова в Галлиполи. В дальнейшем — в Югославии. С 1941 по 1945 г. командовал Русским Охранным Корпусом, сформированным немцами для борьбы с югославскими партизанами.

Известный в эмиграции военный писатель. Состоял военным обозревателем в газете «Новое Время» (Белград), публиковался в других изданиях. Автор книги «Кризис добровольчества», очерков о Русско-японской войне, операциях на Кавказском фронте в 1915—1916 гг., о ген. Н.Н. Юдениче и др. Будучи учеником А.К. Байова (посвятил ему книгу «Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Байов и его творчество»), отстаивал идеи национального характера военного искусства, «преобладания духа над материей» в военном деле. Страстно ратовал за сохранение и развитие русской военной мысли в условиях беженства.

Составил И. Домнин